

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1979**

Очерки русской культуры XVII века

часть вторая

Д 79

454

N 2

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР «ОЧЕРКОВ РУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ» — ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АН СССР
ПРОФЕССОР А. В. АРЦИХОВСКИЙ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ПРОФЕССОР А. М. САХАРОВ (ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР), ПРОФЕССОР А. Д. ГОРСКИЙ, КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК Л. В. КОШМАН, ДОЦЕНТ А. К. ЛЕОНТЬЕВ, ДОЦЕНТ А. И. РОГОВ, КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК В. С. ШУЛЬГИН (ЗАМ. ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА).

Сверено
1989 г.

85167-79
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ
Учен. Либр. Науч.-техн.
Библиотека

Очерки русской культуры XVII века. Ч. 2. Духовная культура./Под ред. А. В. Арциховского. — М.: Изд-во МГУ, 1979 г. 344 с. 96 ил.

Монография, подготовленная специалистами различных областей науки и искусствоведения, раскрывает одну из самых значительных страниц истории отечественной культуры. Авторы освещают духовную жизнь русского общества XVII в. в канун петровских преобразований: научные знания, просвещение, феодальное право, религию, быт, литературу, зодчество, живопись, музыку и т. п.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на читателей, интересующихся историей и культурой нашей страны.

О 10601—126 45—79
077(02)—79

СВ
А. В. Арциховский

© Издательство Московского университета, 1979 г.

В XVII в. русская культура сохраняла все характерные черты феодальной культуры позднего средневековья, но в ряде ее областей появляются новые элементы, которые или не знал предшествующий период, или они тогда только намечались в качестве тенденций. С XVII столетия начался новый период русской истории, но вместе с тем и последний для России век средневековья, когда история еще продолжала «ползти... с ужасающей медленностью»¹. Первые ростки новой культуры свидетельствовали с намечавшихся новых путей поступательного культурного развития и кризисе средневековой культуры, который, однако, четко обозначился лишь к концу века.

Присущие средневековой культуре черты застойности наиболее явно проявлялись в сфере быта, т. е. в той области образа жизни людей, в которой они вне рамок и времени производственной деятельности удовлетворяют свои материальные и духовные потребности, проводят свой досуг. Основные черты быта определяются в конечном счете уровнем развития материального и духовного производства, классовой структурой общества и господствующими общественно-производственными отношениями. Вместе с тем многие его элементы не могут быть связываемы (в смысле их существования и, типичности) только с каким-либо одним историческим периодом, они служат разным социальным группам и классам, этническим общностям, переходят из одной общественно-экономической формации в другую, полностью сохраняя или частично видоизменяя свои формы и содержание.

Появление, накопление и утверждение новых элементов и черт в быту происходит более медленно и бессистемно, нежели в ряде других отраслей культуры. Сменявшиеся поколения людей в наследовании основных бытовых устоев опирались на консервативный традиционализм, на убеждение, что эти устои завещаны предками в качестве неизменяемых отличительных основ этнической, государственной и духовной общности народа. Новшества, входившие в быт под влиянием изменяв-

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 36, с. 81.

шихся конкретно-исторических условий жизни, воспринимались или отвергались в сравнении с исконными бытовыми традициями².

В сравнении с XVI в. количество вошедших в быт новых элементов значительно возросло. Более зримо они проявлялись и накапливались в материальной (опредмеченной) сфере народного быта. Практическая целесообразность бытовых предметно-обиходных новшеств быстрее получала признание даже у «ревнителей» бытовой старины. Сравнительно меньшее сопротивление материальным новшествам со стороны консервативного традиционализма объясняется тем, что многие из них были лишены какой-либо идейно-смысловой нагрузки, которая могла бы быть противопоставлена традициям патриархальной старины.

Что-либо качественно новое в предметный ассортимент бытового обихода XVII в. не внес. Наметившиеся со вступлением России в новый период сдвиги в экономике и общественных отношениях еще не приобрели такой степени развития, чтобы уже в то время стать побудительными факторами для качественных изменений в материальной сфере быта³. Однако известное воздействие на рост определенных тенденций в этой сфере они уже оказывали.

Начавшееся формирование всероссийского рынка создавало более благоприятные условия и возможности для проявления присущей развитию материальной культуры тенденции к ее унификации, к интеграционным процессам. Ведущая роль в этом принадлежала городскому ремеслу, продукция которого (в том числе предметы бытового обихода) отличалась от продукции крестьянского и вотчинного ремесленного промысла большим разнообразием в ассортименте и качестве изделий и пользовалась поэтому большим спросом на рынке. С другой стороны, территориальное разделение труда и расширение межобластных рыночных связей стимулировали развитие местных крестьянских промыслов, продукция которых отличалась большей традиционностью и приверженностью к местной специфике, верностью древним традициям народного художественного творчества⁴.

Расширение и активизация международных связей России сопровождалась возрастанием количества наиболее зримых для современников заимствований из предметного и этикетно-бытового укладов жизни других народов, привлекавших к себе внимание непривычными для русских людей чертами иноземной этнической специфики. Многие из них ранее были совершенно «неизвестными», не имели каких-либо аналогов в быту русского народа, отражали в себе более высокий уровень развития на Западе технических знаний и производственных приемов. Внимание и интерес в русском народе к иноземным новшествам в немалой степени акцентировались и резкими «обличениями» их со стороны духовных и светских «ревнителей старины», официальными запретами и угрозами суровых наказаний в адрес сторонников этих новшеств.

² О традиционализме в культуре см.: Баллер Э. А. Преемственность в развитии культуры. М., 1969; Суханов И. В. Обычай, традиции и преемственность поколений. М., 1976; Бромлей Ю. В. Этнические аспекты современных национальных процессов.— «История СССР», 1977, № 3.

³ О жилище, утвари, одежде, пище и других элементах материальной сферы быта см.: Очерки русской культуры XVII века, ч. 1. М., Изд-во Моск. ун-та, 1979.

⁴ О художественно-эстетических традициях городского ремесла и народных промыслов в Древней Руси и эволюции ряда крестьянских промыслов в художественные промыслы, сближавшиеся с профессиональным искусством, см.: Ильин М. А. Исследования и очерки. Избранные работы об искусстве народных промыслов и архитектурном наследии XVI—XX вв. М., 1976, с. 14—95.

В XVII в. в русской общественной мысли впервые ставятся и рассматриваются в ожесточенных спорах вопросы о допустимых пределах, характере и объеме культурных связей с другими странами. Эти вопросы были тесно связаны с актуальным для того времени вопросом о путях преодоления все более осознававшейся отсталости России от передовых западноевропейских стран. Проводимая в этом вопросе политика правительства и руководителей церкви была полна компромиссов, отражавших остроту и перипетии внутривластной борьбы в стране. Наиболее последовательные [«ревнители старины» были непримиримы к любым «переменам обычаев», особенно ко всему, что проникало в Россию с Запада]. Однако дальновидные лица в правительственных кругах и руководстве церковью были вынуждены считаться с объективной необходимостью для России заимствования тех элементов материальной и духовной культуры западноевропейских стран, которые могли служить укреплению феодального государства, его экономики, военного потенциала, системы управления, повышения авторитета царской власти, все более приобретающей черты абсолютистской монархии. Однако необходимость в отдельных переменах и нововведениях царское правительство и церковь решали на основе и в рамках консервативного традиционализма, поддерживавшего вековую незыблемость общественного и домашнего бытового уклада жизни народа, которым придавалось значение устоев и символов верности народа православию.]

Небрежение к бытовым символам православия и тем более отказ от них расценивались церковью как «ересь». Так, с «папистской ересью» церковь связывала все более распространяющуюся в придворной среде короткую стрижку и бритье бороды и усов. Русским людям внушалось, что борода и усы являлись внешними признаками, отличавшими «православных» от «папистов» и «люторов». В помещенном при патриархе Филарета в «Требник» «Проклятии брадобритию» подчеркивалось «еретическое» происхождение этого «душегубительного», «богопротивного» бытового обычая, начало которому положил «еретик-иконоборец» византийский император Константин Комнин и в котором впоследствии погрязли все римские папы. Один из наиболее непримиримых рутинеров XVII в. протопоп Аввакум в своих обличениях порчи нравов при царском и патриаршем дворах особо обрушивался на бритье бороды и усов: «...людие, чудитесь безобразству нашему, плачете... все погубившие в себе образа господню красоту...»⁵.

Активизация борьбы против проникавших с Запада этикетно-обиходных привычек, обычаев и традиций началась еще в XVI в. Но ни грозные запрещения и проклятия церковных властей, ни поддержка их царскими указами — ничто уже не могло воздвигнуть непреодолимых препятствий на объективно обусловленном пути расширения и углубления культурных связей с другими странами, заимствования бытовых и иных культурных ценностей и традиций. Всего за два десятилетия до того, как Петр I начал решительно «открывать окно в Европу», его отец именным указом строго напоминал своим придворным, чтобы они «иноземских немецких и иных извычаев не перенимали, волосов у себя на голове не подстригали, тако ж и платья, кафтанов и шапок с иноземских образцов не носили и людем своим потому ж носить не велели»⁶. Нарушители наказывались понижением в придворных чинах. Но

⁵ Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974, с. 286—287.

⁶ ПСЗ, т. I, № 607.

уже при царе Федоре Алексеевiche многие придворные носили вместо длинных московских однорядок короткие польские кафтаны-кунтуши, подстригали или подбрасывали усы и бороду по западноевропейской моде⁷.

В XVII столетии происходит перелом в оценочном отношении к материальным и духовным элементам и традициям быта других народов. Количество иноземных предметных обиходно-бытовых новшеств, осуждавшихся церковью как «еретические», было сравнительно невелико. Их перечень определился в основном уже в XVI в. и в дальнейшем почти не претерпевал изменений. Между тем ассортимент предметных заимствований непрерывно, расширялся. Критерий утилитарной целесообразности одерживал в конечном счете верх над консервативным традиционализмом. Англичанин С. Коллинс, получивший в качестве личного врача Алексея Михайловича редкую для иностранцев возможность близко наблюдать на протяжении девяти лет жизнь царского двора, писал впоследствии, что царь после того, как лично ознакомился с образом жизни в занятых его войсками польских городах, смог значительно «расширить круг своих понятий», «он начинает преобразовывать двор, строить здания красивее прежнего, украшать обоями покои...»⁸.

В XVII в. сложились более благоприятные условия для общения русских людей с иностранцами, число которых в России с каждым годом неуклонно увеличивалось. Русские люди получили возможность ближе присмотреться к домашнему укладу жизни других народов на примере жизни иноземных слобод в Москве, дворов иноземных купцов и ремесленников в отдельных русских городах, а также к домашней жизни обрусевших и принявших русское подданство иностранцев⁹. Ознакомление с домашним бытом иностранцев позволяло преодолевать внушаемое к нему церковью предубеждение, оценить по достоинству отдельные элементы, создававшие бытовые удобства и комфорт, а вместе с тем и видеть практическую целесообразность их заимствования. Не случайно своеобразных «западников» того времени было более всего среди тех придворных и приказных лиц, которые по роду их «службы государю» более других общались с иностранцами. У таких бояр-«западников» XVII в. (как, например, И. А. Хворостинин, Н. А. Романов, А. С. Матвеев, В. В. Голицын и др.) уже не находили должного отзвука уверения церковников, что отдельные детали западноевропейского быта материализованно олицетворяют «еретические» «латинство» и «люторство».

Заимствование иноземных бытовых элементов и традиций отличалось стихийностью, подчас эклектичным соединением их с отличными по форме или характеру традициями русского быта. Отсюда и поразившие иностранцев контрасты в укладе жизни разных социальных групп русского народа. Так, на званных обедах в царском дворце или в боярских домах полный столовый прибор (ложка, вилка, нож) подавался наиболее чтимым гостям, а лицам низшей степени «чести» дава-

⁷ См.: Нечаев В. Малорусско-польское влияние в Москве и русская школа XVII века.— В кн.: Три века, т. 2. М., 1912.

⁸ Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне.— ЧОИДР, 1846, кн. I, отд. III, с. 20.

⁹ См.: Мулюкин А. С. Приезд иностранцев в Московское государство. Спб., 1909; Звягинцев Е. Слободы иностранцев в Москве XVII в.— «Исторический журнал», 1944, № 2—3; Богоявленский С. К. Московская Немецкая слобода.— «Изв. АН СССР, сер. истории и философии», 1947; Цветаев Д. В. Положение протестантов в России до Петра Великого.— ЖМНП, 1883, № 9; Он же. Обрусение иностранцев в Московском государстве. М., 1886.

лась ложка и редко нож или вилка¹⁰. Олеарий писал, что в Москве по примеру западноевропейских гостиниц «повыстроены удобные дворы и дома, в которых помешаются приезжие посольства, только в них нет кроватей, и если кто не хочет спать на соломе или голой лавке, тот должен привозить собственную кровать»¹¹. Наслышанные об этом «московитском» порядке, иностранные послы так обычно и поступали: везли в посольском обозе всю необходимую бытовую утварь и принадлежностей.

Основным каналом проникновения в Россию предметно-бытовых новшеств были внешнеторговые связи. В середине и второй половине века в торговых рядах Китай-города в Москве можно было увидеть почти все виды товаров, имевших обращение на рынках западноевропейских и восточных городов, среди которых немалую долю составляли вещи и продукты, представляющие материально-обиходную сторону заморского быта¹². Несмотря на высокую товарную цену привозимых с Запада вещей, последние из Архангельска и других центров иноземной торговли «заносились по торговым путям и артериям в разнообразных слоях московского общества; их можно было встретить в культурном боярском доме, в имуществе посадского человека, в избе зажиточного торгового крестьянина. Особенно сильное влияние испытывало население вблизи бойких центров торговли; отсюда иноземный товар растекался по сельским торжкам и разносился по деревням коробейниками». В домашнем быту посадских людей и крестьян (в основном северных районов страны) можно было встретить одежды, сшитые из привозных материй и сукон, отдельные предметы из «немецкой» кухонной и столовой утвари (оловянные блюда, тарелки, стаканы, медные ковши, котлы, сковороды, стеклянную посуду и т. д.)¹³. Предметы и продукты бытовой роскоши в эти слои населения проникали в самых ограниченных количествах, в основном из-за их дороговизны.

Распространению иноземных бытовых вещей способствовала и организация их производства в России приезжими ремесленниками-иностранцами, которых обязывали обучать своему ремеслу русских мастеров¹⁴. Олеарий считал необходимым отметить присущие русским людям тягу к знаниям, их способность в книжном обучении и в овладении сложными техническими и художественными приемами западноевропейского ремесла.

Основными потребителями привозных и отечественных предметов и продуктов, придававших домашнему быту комфорт и роскошь, были царь и его окружение, патриарший двор, верхушка приказной администрации и привилегированные купеческие корпорации. Тяга отдель-

¹⁰ Сб. РИО, т. 71, 633.

¹¹ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Спб., 1906, с. 224—225.

¹² См.: Бакланова Н. А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в.— Труды ГИМ, вып. 4. М., 1928. См. также гл. «Торговля и средства передвижения» в «Очерках русской культуры XVII века», ч. 1; Забелин И. Материалы для истории, археологии и статистики Москвы, ч. 2. М., 1891; Довнар-Запольский М. В. Торговля и промышленность Москвы в XVI—XVII вв.— В кн.: Москва в ее прошлом и настоящем, вып. VI Б. м., б. г.; История Москвы, т. I. М., 1952.

¹³ См.: Базилевич К. В. Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII в.— «Изв. АН СССР, отд. обществ. наук», 1932, № 9, с. 93; Богословский М. М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в., т. I. М., 1909, с. 148—152.

¹⁴ См.: Мулюкин А. С. Иностранцы свободных профессий в Московском государстве.— ЖМНП, 1908, № 10; Любименко И. Труд иноземцев в Московском государстве.— «Архив истории труда в России», 1923, кн. VII—VIII.

БОЯРЫНЯ С ДЕТЬМИ И ГУСЛЯРОМ В ТЕРЕМЕ.
Миниатюра «Лекарства душевного», XVII в.

в домашний быт горожан, крестьян и основной массы служилого дворянства не могут быть свидетельством каких-либо качественных изменений в основных бытовых устоях жизни русского народа в XVII в. по сравнению с предшествующим периодом. Однако в самом факте быстрого увеличения бытовых новшеств и их характере находило отражение начало формирования элементов новой, светской культуры. Все эти бытовые предметно-обиходные новшества способствовали созданию необходимых условий и материальных средств для организации светского домашнего досуга, далекого от навязываемого церковью домостроевского идеала «богоугодного» времяпрепровождения, лишённого светских развлечений и даже родительских игр с детьми и заполненного молитвами, «благочестивыми» беседами и размышлениями, чтением церковных книг.

Руководители церкви хорошо сознавали таившуюся для них угрозу в усилении светского «живства» и «узорожья» в домашнем быту народа и связывали «перемену обычаев» в быту с «чужебесием», с западными «еретическими» влияниями. Церковные писатели не жалели

ных лиц из этих сословных кругов к привнесению в свой домашний быт элементов западного бытового комфорта и роскоши отчетливо проявилась вскоре после окончания «Смутного времени» и наибольший размах приобрела к концу XVII в. Ближайшим примером европейского бытового комфорта являлся для них уклад жизни польского королевского двора и особенно той части украинской и белорусской шляхты, которая, сохраняя верность православию, усваивала вместе с тем **многое из** того, что было привнесено в быт западноевропейского дворянства и бюргерства итальянским Возрождением, Реформацией и Просвещением¹⁵.

Отдельные, несистематические (в смысле устойчивости и очагов распространения) и неравномерные (по социально-сословному распределению), вкрапления предметно-бытовых новшеств (в том числе и заимствуемых из-за руб.ежа)

¹⁵ О проникновении в русский быт элементов западноевропейского искусства см. в гл. «Живопись» и «Декоративно-прикладное искусство» настоящего издания, а также: Нечаев В. Малорусско-польское влияние в Москве и русская школа в XVII веке; Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1895; Он же. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1896; Писарев Н. И. Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904; Громов Г. Г. Русская материальная культура XVII в.— ВИ, 1975, № 4.

красок в «обличении» лиц, стремившихся к бытовым удобствам, перенимавшим европейские бытовые обычаи, привычки, моды.

Для церкви борьба с отдельными обиходно-бытовыми новшествами (главным образом иноземного происхождения) хотя и была важной, но все же не главной и не решающей сферой борьбы за сохранение влияния в жизни народа и государства. Основную и реальную угрозу своей монополии на производство господствующих в общественном сознании идей церковники вполне обоснованно усматривали в неодолимо пробивавшихся ростках светского «живства», свидетельствовавших о начавшемся процессе «обмирщения» духовной культуры, в том числе и в сфере домашнего и общественного быта¹⁶.

Новые явления в духовной сфере быта не могли быть столь же заметными, как в его материальной сфере, так как они представляли формирующиеся новые морально-этические взгляды, нравственные понятия, из которых лишь немногие получали зримое опосредованное воплощение (например, отражение этикетных представлений в ритуалах дворцового церемониала) или же получали отражение в официальных и частных письменных документах, в произведениях общественной мысли, литературы, изобразительного искусства, в устном народном творчестве (поговорах, поговорках, сказках), в народном театре. XVII век стал временем, когда тема быта стала занимать все большее место в произведениях духовной культуры в качестве «сценической площадки» описываемых действий литературного или живописного героя или же для оттенения индивидуальных черт последнего¹⁷.

В XVII в. в общественном сознании начинают складываться новые ценностные оценки природы человека, отличные от церковного идеального штампа «божьих праведников» и «угодников»¹⁸.

В противоположность церковной негативной оценке человека и его земной жизни в литературе и в церковной живописи начинает складываться новый взгляд на него как на творчески деятельную натуру, отвергающую провиденциалистскую пассивность и страдательность, активно утверждающую себя в обществе, способную к восприятию «чувственной» красоты окружающего мира и к ее приумножению в результате собственной деятельности.

Характерной чертой начавшегося в это время «обмирщения» культуры было повышение интереса не только к духовному миру человека, но и к его нравственному долгу и личным обязанностям в рамках семьи и общества, к поведению его в быту. Особо важное значение имели складывающиеся демократические и гуманистические по своему существу представления внесловной ценности человека, взгляд на

¹⁶ См.: Сахаров А. М. Россия и ее культура в XVII в.— Очерки русской культуры XVII века, ч. 1. М., Изд-во Моск. ун-та, 1979; Он же. Русская духовная культура XVII в.— ВИ, 1975, № 7; Краснобаев В. И. Основные черты новой культуры.— ВИ, 1976, № 9.

¹⁷ См.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 152—153; Демин А. С. Русская литература второй половины XVII—г начала XVIII века. М., 1977.

¹⁸ В средневековом мировоззрении христианские доктрины были господствующими, но не единственными. В нем сохранялись остатки языческих представлений, в него входили и иные осуждаемые церковью взгляды на мирскую жизнь, природу, на «чувственную» красоту, на труд и отношения людей в процессе труда, в домашней и общественной жизни. Эти элементы народного мировоззрения обуславливали развитие и преемственность многих бытовых нравов и обычаев, с которыми церковь вела длительную борьбу, или же, учитывая их особую устойчивость в народе, стремилась трансформировать их в своих интересах.

НАРОДНЫЕ ГУЛЯНИЯ. КАЧЕЛИ.

Из книги А. Олгария.

против своей красоты и не посрами ее злыми делами. Аще ли злообразен еси, толикое оскудение свое украси добродеем»²¹.

В эпоху средневековья этическая теория и соответствовавшие ей бытовые нравы составляли одну из важнейших частей религиозного мировоззрения и определяемых им черт в бытовом укладе жизни народа. Христианскими богословами с особой тщательностью разрабатывались негативная и карающая части этики, т. е. определение понятия «безнравственных» с точки зрения интересов церкви и класса феодалов помыслов и поступков и соответствующих мер борьбы с ними²². В постоянно расширявшемся перечне осуждаемых церковью «безнравственных» и «греховных» поступков основное место занимали пережитки дохристианских родоплеменных и языческих представлений, обычаев и обрядов, «еретичество», «небрежение» к специфическим культовым обязанностям, налагаемым на верующих церковными уставами (посещение церковных богослужений, соблюдение постов, предвступление начинаемых дел крестными знамениями и молитвами, почитание икон, мощей и других культовых святынь и т. д.).

Обратив особое внимание на определение и осуждение «греховного», христианские богословы ограничились самым общим перечислением «идеальных» морально-нравственных качеств человека как «богоугодных». Суть их сводилась к служению богу благочестием, смирением, кротостью и страданием перед жизненными невзгодами, ниспосылаемыми богом за земные прегрешения людей. Абстрактность «позитивной» части церковно-феодальной морали²³ предоставляла церкви возможность произвольно истолковывать ее в своих и более общих интересах всего класса феодалов, нарушать свои же морально-нравственные заповеди в случае возникавшей для этого необходимости. «Гибкость» своей морали руководители русской церкви и правящая верхушка феодалов демонстрировали народу неоднократно. Так, на протяжении всего лишь

¹⁹ См.: Пеунова М. Н., Шкорин В. П. Актуальные проблемы истории русской этики и принципы ее исследования.— В кн.: Очерки истории русской этической мысли. М., 1976, с. 9.

²⁰ Полочкий С. С. Избр. соч. М.—Л., 1953, с. 256.

²¹ Описание рукописей Синодального собрания, не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева, ч. I, № 577—819. Сост. Т. Н. Протасьева. М., 1970, с. 90.

²² См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 95—96.

²³ Подробнее о феодальной морали см.: Титаренко А. И. Структуры нравственного сознания. Опыт этико-философского исследования. М., 1974.

нескольких лет в начале XVII в. церковные иереи и придворная знать трижды меняли свою оценку факта смерти царевича Дмитрия в Угличе. При Борисе Годунове церковный собор во главе с патриархом Иовом клятвенно удостоверил факт смерти царевича от несчастного случая. При Самозванце тот же собор клятвенно заверил, что царевич «чудесно» спасся от рук подосланных убийц и законно занял отчий престол в Москве. Но созданный вскоре царем Василием Шуйским церковный собор опять-таки клятвенно удостоверил, что истинный царевич Дмитрий умер в Угличе, а свергнутый с престола и убитый в Москве «Дмитрий» был самозванцем. При этом церковные соборы каждый раз предавали проклятию тех, кто утверждал бы иное мнение, чем высказанное и подкрепленное крестным целованием в соборных постановлениях. Участники церковных соборов отнюдь не заботились, что они сами дважды преступали свое крестное целование и, в сущности, дважды предавали проклятию самих себя. Подобное личное отношение церковных иереев к исповедуемому ими же принципу нерушимой «святости» крестного целования вряд ли служило «учительным» примером «благочестивой» нравственности. Между тем англичанин С. Коллинс при всем его недружелюбии к России и всему русскому счел все же необходимым отметить ответственное отношение в массе простого русского народа к крестному целованию, нарушение которого считалось наибольшим грехом, ведущим к погублению души. Другим примером практической «гибкости» церковной феодальной морали может служить двойственность политики церковных и светских властей к завезенной еще в конце XVI в. в Россию английскими купцами привычке курения («пития») табака. В начале XVII в. московский патриарх осудил курение табака как «богомерзкое» деяние, подобное «блуду», игре в карты, скоморошью «позорам». Церковное осуждение курильщиков табака подкреплялось грозными статьями Соборного Уложения 1649 г. и царскими указами о запрещении торговли табаком, о наказании курильщиков штрафами, ссылкой в Сибирь²⁴. Однако само же правительство закупало у иностранных купцов крупные партии табака, который потом казна перепродавала в отдаленные районы страны. Так, в 1646 г. из приказа Большой Казны в Сибирь было послано 130 пудов табака для продажи «всяким людям»²⁵, но какого-либо осуждения со стороны церковных властей такие действия царской администрации не вызывали.

Элементы новых этических воззрений, находившие отражение в ростках светской культуры, свидетельствовали, однако, более о поисках новых критериев нравственности (преимущественно в духе просветительских и гуманистических идей), нежели о существенных изменениях в этом направлении в бытовых нравах того времени²⁶. В русской действительности XVII в. враждебная прогрессу консервативная «старина» была еще несоизмеримо сильнее «новшеств», опиралась на соединенную мощь еще непоколебленного духовного авторитета церкви и карательных органов феодального государства. Поэтому в духовной культуре и быту быстрее утверждались такие новшества, которые облекались (или

²⁴ О борьбе с курением табака в России XVII в. см.: Чулков М. История законодательства о табачной промышленности в России до Екатерины II. — Юридический сборник, изданный Дм. Мейером. Казань, 1855; Соборное Уложение 1649 г., гл. XXV, ст. 11—19.

²⁵ ДАИ, т. III, № 10.

²⁶ См.: Пеунова М. Н. Формирование и развитие этических идей X—XVII вв. — В кн.: Очерки истории русской этической мысли, с. 39—48; Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970; Демин С. Русская литература второй половины XVII — начала XVIII в.

могли быть облечены) в привычные для средневекового мировоззрения представления и формы. Но и сама «старина» не была некоей навечно застывшей категорией, неспособной применяться к новым историческим условиям. На всем протяжении существования феодального строя «старина» хотя и крайне медленно, но непрерывно «обновлялась», укрепляя мировоззренческие основы средневековой культуры новыми средствами и формами воздействия, служила удовлетворению возраставших материальных и духовных запросов не только господствующего класса, но и других социальных слоев общества. «Старина» не могла быть абсолютно враждебной развивавшимся элементам новой культуры, а была вынуждена подходить к ним избирательно, включая их в трансформированном виде в свой арсенал.

Противоречивость социально-экономического и государственно-политического развития России в XVII в. накладывала специфический отпечаток и на изменения в области семейных и общественных нравов, представлений о морально-нравственных ценностях, предопределяла некоторую двойственность в личных морально-нравственных воззрениях и поступках отдельных лиц.

Сами по себе факты восприятия московской придворной средой отдельных этикетных представлений и обычаев западноевропейского дворянства, пристрастия части придворных, купцов, приказных и посадских людей к иноземным покроям в одежде, к бритью (или стрижке) бороды, к отдельным элементам западноевропейского комфорта в домашнем быту еще не могут служить основанием для выводов о степени распространенности и качества воздействия ростков новой культуры на русское общество в целом и на отдельные его слои, тем более что в каждой социальной и сословной группе имелись как противники, так и сторонники «новизны». При царском дворе были уже и такие «западники», которые, восприняв отдельные элементы западноевропейского просвещения и получив общее представление о бытовом укладе жизни дворянства и богатого бюргерства в Польше и других европейских странах, начинали открыто выражать свое предпочтение западной культуре. Один из таких ранних московских «западников», князь И. А. Хворостинин, признавался, что он чувствует себя в Москве, как в пустыне: «На Москве людей нет — все люд глупый, жить не с кем»²⁷. Как известную дань моде на «иноземное» можно расценивать использование некоторыми служилыми феодалами, приказными, посадскими и торговыми людьми букв латинского и греческого алфавитов для показного щегольства своей «образованностью» (написание своей подписи или какого-либо русского текста буквами иноземного шрифта), хотя знанием шрифта нередко и ограничивалось их владение иностранным языком²⁸. Вместе с тем один московский приказный, изучивший латинский язык по служебной необходимости, пришел к твердому убеждению, что знать этот язык русским людям не следует, так как все, кто им владеет, «с правого пути совращались»²⁹. Этот нигилистический вывод подъячего отражал политику церкви в области просвещения.

Церковные препоны затрудняли проникновение в Россию идей западноевропейского просветительства, нашедших отражение в общественной мысли лишь в последней трети XVII в. (во взглядах С. Полоц-

²⁷ Уланов В. Западное влияние в Московском государстве.— В кн.: Три века, т. 2, с. 33.

²⁸ См.: Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII в. Л., 1968.

²⁹ Уланов В. Указ. соч., с. 34.

•кого, Ю. Крижанича, С. Медведева и других)³⁰. Средневековые основы, на которых покоились моральные воззрения и бытовые нравы в России этого столетия, оставались незабываемыми. Господство мелкого натурального хозяйства определяло сугубый индивидуализм домашнего уклада жизни и бытовую мораль, сужало личные и общественные интересы, связи людей, углубляло соперничество и борьбу на всех ступенях и во всех звеньях структуры феодального общества: «... Везде социальная война, дом каждого в осадном положении, везде взаимный грабеж под охраной закона»³¹. Эти слова Энгельса о разобщенности и обособленности семейного уклада жизни в эпоху капитализма могут быть отнесены и к феодальной эпохе с оговоркой, что в период феодализма грабеж осуществлялся более открыто, грубой силой, с нарушением действовавших законов. При феодализме люди вступали «друг с другом в общение только как индивиды в той или иной [социальной] определенности, как феодал и вассал, помещик и крепостной и т. д., или как члены касты и т. д., или как члены какого-либо сословия и т. д.»³². "Формы и степень личной зависимости человека определяли не только его классовый или сословный статус, но и его личную (в глазах других), ценность, в том числе и нравственную, а также присущие ему (как члену какой-либо сословной или иной общественной группы) взгляды на морально-нравственные ценности, придание им определенной, имевшей для него важное значение, символики элементам бытового этикета, бытовой обрядности и т. д.»³³.

Созданный церковью и обращенный прежде всего к сознанию народных масс идеал нравственно «благочестивого» общества был далек от действительности. Некоторое смягчение нравов в России в XVII столетии ограничилось преимущественно рамками частичной «европеизации» формального этикетного «вежества» в придворном быту.

В прямой связи с дальнейшим развитием крепостнических отношений вширь и вглубь наблюдается ужесточение и огрубление бытовых нравов в среде феодалов, наиболее отрицательно сказавшееся на положении крестьянства. Развитие самых тяжелых форм феодальной зависимости лишало крестьян остатков личной свободы, прав на защиту своего имущества, неприкосновенности домашнего очага, человеческого достоинства и самой жизни, которая в глазах крепостников все более отождествлялась со значением и ценностью рабочего скота и хозяйственного инвентаря. Во второй половине века феодалы присваивают себе неписаное право на санкционирование браков, заключаемых в крестьянской среде. По своему произволу они избирали пары для брака, женили «неволею», расторгали браки, заключенные без их ведома. Деревенский приказчик, например, доносил своему господину, что крестьянин Моска Афанасьев «женился... воровски, без вашего указа, и мы молодицу посадили на чепь»³⁴. Отдельные факты завуалированной продажи зависимых крестьян встречаются уже с конца XVI в. После принятия Соборного Уложения 1649 г. продажа крестьян вошла в практику крепостнического быта и стала (как и «брачное право» крепостников) одной из самых отрицательных и безнравственнейших черт последнего.

³⁰ См.: Пеунова М. Н. Указ. соч., с. 42.

³¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 264.

³² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с/ 106—107.

³³ См.: Титаренко А. И. Указ. соч., с. 38—59; Гуревич А. Я. Категория средневековой культуры. М., 1972.

³⁴ Ново сельский й А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М., 1929, с. 76.

В соответствии с таким «ценностным» воззрением на крепостных феодалы основывали свои отношения с ними. Грубая, оскорбляющая человеческое достоинство брань и жестокие наказания рассматривались феодалами как наиболее действенное средство «покоения» крестьян, принуждения их к «рвению» в приумножении господского богатства. Брань была одной из распространенных привычек, используемых в домашнем и общественном быту, в мирных беседах и ссорах лиц, равных по положению, или же в обращении вышестоящего лица к нижестоящему по общественному положению, но отнюдь не в обратном порядке. Брань в равной мере раздавалась и в царском дворце, и в боярских хоромах, в патриарших покоях и в монастырских кельях, в посадских и крестьянских дворах, она проникала в официальную документацию приказного делопроизводства, в церковную и светскую литературу. «Позорною лаею» (бранью) могли быть расценены и просто обидные для «чести» слова. Так, объясняя в челобитной на имя царя причины ссоры и драки с князем И. Черкасским, князь И. Лыков писал, что Черкасский «лаял» «...отца моево и мат мою и меня, холопа твоево, и женишку мою матерны и всякою неподобною лаею и называл он, государь, князь Иван отца моево и меня, холопа твоево, недорогими князьками...»³⁵. Ссоры между придворными нередко велись в рамках «неподобного лая», после которого стороны обычно мирно расходились до следующей перебранки.

Феодальное законодательство предусматривало наказание за брань, если ею наносилось «бесчестье» и потерпевший подавал исковую челобитную³⁶. Соборное Уложение предусматривало возмещение за нанесенное «бесчестье» и крестьянам, однако историки не располагают фактами использования крестьянами этого права. Так, стольник А. И. Безобразов в одном из писем к приказчику использовал едва ли не весь тогдашний лексикон самой «непотребной брани» для подкрепления даваемых указаний по хозяйственным и иным делам³⁷. А. Безобразов обращался со своими крестьянами и слугами столь жестоко, что вызвал осуждение даже у своих «доброхотов» из среды высшей приказной администрации. Влиятельный думный разрядный дьяк В. Г. Семенов выговаривал Безобразову, что тот показывает «немилосердие», подвергая людей жестоким наказаниям за «малые безхитростные вины», и предупреждал, что если стольник не будет воздерживаться от неразумной «жесточи» в наказаниях, то он, дьяк, перестанет оказывать ему услуги в приказах («вперед ни за ково докучник не буду»). Несмотря на подобные укоризны в «немилосердии» и от других «сильных на Москве», Безобразов не изменил своего поведения. В одном из писем к жене он наказывал ей «обдирать» с нерадивых слуг и приказчиков одежду и стегать их кнутом так, чтобы только «чуть чуть душу оставить». Столь же жестоко обращался Безобразов с людьми, лично от него независимыми, но временно подчиненными ему по службе³⁸. Высокомерие, грубость, жестокость и самодурство Безобразова были типичны для нравственного облика членов господствующего класса феодалов в обращении с зависимыми людьми или же с людьми стоящими на более низкой ступени со-

³⁵ Московская деловая и бытовая письменность XVII в. М., 1968, с. 60—61 (далее — МДИБП).

³⁶ Соборное Уложение 1649 г., гл. X («О суде»). По словам А. Олеария, в бытность его в Москве была предпринята попытка бороться со сквернословием и бранью денежными штрафами и наказанием кнутом или батогами, но эта попытка не увенчалась успехом.

³⁷ Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. М., 1965, № 39, с. 29 (далее — ПРНРЯ).

³⁸ См.: Новосельский А. А. Указ. соч., с. 64, 16.

циально-сословной лестницы. Жестокие и грубые в обращении с крепостными крестьянами и «меньшими» людьми феодалы высказывали перед вышестоящими по службе лицами подчеркиваемую лесть, подоби- страстие, переходящие в холопскую угодливость и самоуничужение не- лестными эпитетами в свой адрес («холопишка твой», «малоумной», «ху- дой» и т. д.). В отношении с равными по родовой и служебной «чести» феодалы соблюдали «вежество» и «приятельство», за которыми иногда маскировалась зависть, двоедушие, интриганское соперничество в слу- жебной карьере. Холопская самоуничужительность в обращении млад- шего по положению к вышестоящему возродится в XVII в. в этикетно- стилистический прием в челобитных грамотах в личной и приказной переписке, причем он используется (из «вежества» или из корысти) уже и во взаимоотношениях равных по положению лиц и даже (когда это было нужно) в обращении к нижестоящему по службе. Так, принадле- жавший к правящей элите придворной знати боярин князь В. В. Голи- цын в письме к «худородному», но влиятельнейшему в кругах приказ- ной администрации думному разрядному дьяку В. Г. Семенову бил ему «челом» за то, что дьяк «жаловал» его, сообщая ему «о своем здоровье» и о московских приказных и придворных новостях. Свое письмо дьяку высокородный боярин подписал уничижительно: «Васка Голицын». В письмах же к подчиненному ему по службе думному посольскому дьяку Е. Украинцеву В. В. Голицын подписывался в обычной «вежествен- ной» форме: «Князь Василий Голицын челом бьет»³⁹.

Пренебрежение к церковным идеалам «благочестивой» нравствен- ности, «порчу нравов», царивших в быту феодалов, духовенства и зажи- точной верхушки городов, отмечали уже современники. Церковные пи- сатели связывали «порчу нравов» исключительно с проникновением ино- земных обычаев. Так, протопоп Аввакум с горечью восклицал: «Ох, ох, бедныя! Русь, чего-то тебе захотелось немецких поступов и обычаев!»⁴⁰. С проникновением в Россию «сарданапальских» нравов «немцев» свя- зывал «порчу нравов» и Ю. Крижанич, который предлагал проявлять в культурных контактах с Западом разборчивость, брать оттуда лучшие достижения в науках и технических знаниях. Явно имея в виду прокля- тия патриарха Иоасафа в адрес изучающих философию и другие науки, Крижанич писал: «...не знаю, кто первый разнес по Руси этот глупый предрассудок или мудроборческую ересь, говорящую о том, будто бого- словие, философия и знание языков есть не что иное как ересь». Вме- сте с тем Ю. Крижанич выступил и против очернения иностранцами нрав- ственных качеств русского народа, указав на заведомый, подчас откры- то клеветнический характер их «сочинений» о России: «...пишут... не историю, а язвительную и шутейную песнь. Наши пороки, несовершенства и природные недостатки преувеличивают и говорят в десять раз больше, чем есть на самом деле, а где и нет греха, там его придумывают и лгут»⁴¹. Действительно, почти ни один иностранец в своих «записках» о России не обходился без обрисовки «дикости» и «варварства» образа жизни и нравственности русского народа. Так, если один автор видел церковь, полную народа (во время праздничного богослужения), то он писал о глубокой набожности русских людей. Но другой мог видеть поч- ти пустые церкви в будничные дни, когда все были заняты работой, и

³⁹ МДИБП, с. 33—35. Об эволюции этикетного формуляра челобитных грамот см.: Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII в. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1974.

⁴⁰ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения. М., 1960, с. 136.

⁴¹ Крижанич Юрий. Политика. М., 1965, с. 489.

сделать отсюда заключение о безразличии в народе к службам в церк-вах. Вид кабака с упившимися пьяницами служил иностранцу основани-ем для «вывода» о пристрастии «москвитов к пьянству» как отли-чительной черте их нравственности⁴². Павел Алеппский писал, напри-мер, что «все москвиты, от больших до малых, имеют пятый темпера-мент: а именно коварство». А. Мейерберг утверждал что русские высоко-мерны по природе, ставят себя во всех отношениях «выше всех народов». Если С. Коллинс отметил серьезное отношение русских к даваемым клятвам, то И. Корб, наоборот, писал о русских как людях, всегда гото-вых к лжесвидетельствованию: «...искусство обманывать считается у них признаком высоких умственных способностей»⁴³. Но все, чему иностран-цы «удивлялись» и «ужасались» в России,— все это они могли видеть и в своих странах, как в быту королевских дворов, и дворянства, так и в модах и хитинах горожан и крестьян, так как степень проникнове-ния просвещения и просветительских идей в разные социальные и сос-ловные группы в западноевропейских странах была далеко не однозначной. Проводниками западноевропейского культурного влияния в России являлись не только воспитанные на идеях Просвещения люди, как Адам Олеарий, но и те, на кого эти идеи оказали лишь внешнее, поверхностное влияние (купцы, ремесленники), представлявшие в основ-ном формировавшуюся буржуазно-мещанскую культуру. Основную массу приезжавших в Россию иностранцев составляли всевозмож-ные искатели приключений, главным образом военные наемники. Почти все иностранцы писали о «благотворном» влиянии на смягчение нравов русских западноевропейской культуры, умалчивая при этом, что привносимые в Россию иностранцами «плоды просвещения» не от-личались равной доброкачественностью. Маржерет, например, писал о присущей русским простоте и непосредственности в общении друг с другом, что ранее они, если слышали «что-либо сомнительное или не-справедливое», то прямо говорили об этом лжецу или обидчику. «Но теперь, — констатировал с удовлетворением Маржерет, — они уже, по-знакомясь с иноземцами, отвыкают от прежней дерзости в разговоре»⁴⁴, т. е. действуют в духе иноземного светского «политеса»: не говорят лгуну, что он лгун, а вежливо скрывают свое отношение к его лжи.

Одну из причин «худых» нравов Ю. Крижанич видел в отсутствии должной просвещенности народа. Вместе с тем он сумел заметить и подчеркнуть прямую зависимость «порчи» бытовых нравов от разви-тия крепостнических отношений, от утверждавшегося в стране «людо-дерского» (тиранического) образа правления, неограниченного личного произвола в действиях самодержца и бесконтрольного всесияния его администрации. «Обычай плохи не от природы, не из-за веры, а из-за дурных законов». «Людодерство» — причина всех «грехов», обесценива-ет трудовые и нравственные добродетели народа (умеренность в жизни, скромность в поведении, терпеливость и настойчивость в трудах) и, на-оборот, прививая рабскую психологию, морально калечит людей, ли-

⁴² См.: Олеарий А. Указ. соч., с. 182; Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга.— ЧОИДР, 1873, кн. III, с. 79; Таннер Б. описа-ние путешествия польского посольства в Москву в 1678 г.— ЧОИДР, 1891, кн. III, отд. III, с. 70—71.

⁴³ Алеппский П. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в по-ловине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским, вып. 2.— ЧОИДР, 1897, кн. IV, отд. III, с. 199; Мейерберг А. Указ. соч., Коллинс С. Указ. соч., Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) Спб., 1906, с. 77—78.

⁴⁴ Сказания современников о Димитрии Самозванце. Изд. 3, ч. 1. Спб., 1859, с. 296—297.

шает их нравственных достоинств⁴⁵. А. Мейерберг, посетивший Москву в 1661 г. в качестве австрийского посла, писал, что в «Московии» противниками «просвещения» были три силы: царь, боявшийся «просвещенных подданных»; церковь, опасавшаяся рационализма и западного влияния, и «старые бояре», боявшиеся того, что образованные люди лишат их «исключительного обладания мудростью, которое не по праву отвели себе сами»⁴⁶.

Важным актом, способствовавшим классовой консолидации феодалов в рамках единого сословия, стала отмена местничества в 1682 г.⁴⁷. Местничество, «зело жестокий и вредительный обычай», как оценил его Петр I, было наиболее характерной отрицательной чертой средневекового быта, определявшей многие нравы и обычаи, присущие укладу жизни господствующего класса, влиявшей на бытовые нравы и других сословных групп феодального общества. Петровская «Табель о рангах» ввела принцип «неоспариваемой чести» — оказание уважения и подчинения лицу в соответствии с его табельным рангом. По мере продвижения вверх по «Табели» повышалась и «честь», которой, однако, отказывалось в каком-либо самостоятельном значении, в праве на какие-либо «табельные» претензии к государству.

В XVI—XVII вв. эволюция средневековой феодальной монархии в России в монархию абсолютистскую сопровождалась дальнейшей разработкой церковного учения о «божественной» природе царского «самодержавства», формированием соответствовавших доктрине абсолютизма взглядов на общественную мораль, на критерии нравственности. Совместно с церковью царское правительство стремится поставить под неусыпный контроль частную и общественную жизнь, создает систему многочисленных служебных, нравственных и иных запретов и ограничений и обязательных для исполнения распоряжений и рекомендаций, касающихся быта горожан, крестьян и других сословных групп. В мелочную опеку над бытом народа вовлекаются (вместе с духовенством) также и все звенья правительственной администрации — от уездных воевод (получавших в наказах соответствующие инструкции) до московских приказов и Боярской думы включительно⁴⁸. Правительство по представлению духовных властей наказывало тех, кто отвлекался в часы досуга (особенно в воскресные дни и в дни больших церковных празднеств) от молитв и посещения церковных служб (или отвлекался бы от этого других)⁴⁹. В 1669 г. стольника Г. В. Оболенского посадили в тюрьму за то, что у него «в Воскресенье недели всех Святых на дворе его люди и крестьяне работали черную работу, да он же князь Григорий говорил скверные слова»⁵⁰.

Мелочная регламентация и контроль над всеми сторонами частной и общественной жизни людей неразрывно соединялись в политике правительства с первыми серьезными мерами по организации городского благоустройства и полицейско-административного надзора, многие из которых нашли отражение в статьях Соборного Уложения 1649 г., в царских указах и в деятельности приказов.

⁴⁵ См.: Крижанич Юрий. Политика, с. 491, 583—587.

⁴⁶ Мейерберг А. Указ. соч., с. 111—112.

⁴⁷ О местничестве и его отмене в 1682 г. см.: Леонтьев А. К. Государственный строй. — Очерки русской культуры XVII века, ч. 1. М., Изд-во Моск. ун-та, 1979; Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. М., 1973; Волков М. Я. Об отмене местничества в России. — «История СССР», 1977, № 2.

⁴⁸ ПСЗ, т. 1, с. 246, 699, 776; АИ, т. IV, № 35; т. V, № 263, 623; ААЭ, т. IV, № 115.

⁴⁹ ПРП, вып. V, с. 384.

⁵⁰ ПСЗ, т. I, № 543.

РУССКАЯ БАНЯ.

Миниатюра «Лекарствудшевного» XVII в.

В XVII в. ставится под контроль частное строительство в пределах Китай-города, Белого и Земляного городков. Земский приказ осуществлял отвод участков под строения и усадьбы, наблюдал за соблюдением застройщиками сложившейся планировки улиц и кварталов, за шириной проезжей части улиц и т. д. В это же время закладываются основы государственной организации противопожарной службы и наблюдения за санитарным состоянием городских улиц. Противопожарная служба основывалась, как и ранее, на выполнении горожанами соответствующих повинностей, но вместе с тем, предпринимались и первые шаги по организации «дежурных» команд при Земском приказе для борьбы с пожарами в ночные часы (использование для этой цели выделяемых черными сотнями «яржжных» и дежурных московских извозчиков). В 1629 г. жителям московских слобод было указано о сооружеНИИ на улицах больших колодцев «для пожарного времени с десяти дворов колодезь»⁵¹.

На них же была возложена и обязанность поддерживать чистоту на улицах, своевременно извещать власти о нарушении санитарных требо

Баня оставалась одним из важнейших элементов быта народа, которую особенно ценили за ее лечебные свойства. По свидетельству Рейтенфельса, каждый москвитянин посещал баню не реже двух-трех раз в неделю⁵².

Особое внимание власти уделяли организации карантинной службы во время вспышек эпидемии холеры или чумы: проводился (помимо других карантинных мероприятий) тщательный опрос об умерших о при жестокое смерти, и обо всех обшившихся с ними во время болезней⁵³. Например, показания («сказки») об умерших во время морового поветрия в 1654 г. в Москве см.: Котков (в С. И. Московская начальниый период становления русского национального языка, М., 1974. Тет 293—294.

⁵¹ ПРП, вып. V, с. 344, 345, 346.

⁵² МДИБП, отд. IV, с. 151-152.

⁵³ См.: Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Голштинскому Козьме Третьему о Московии.— ЧОИДР. 1905, кн. III, с. 109.

⁵⁴ Например, показания («сказки») об умерших во время морового поветрия в 1654 г. в Москве см.: Котков (в С. И. Московская начальниый период становления русского национального языка, М., 1974. Тет 293—294.

печей), вызывали много бытовых неудобств для населения, особенно той его части, которая занималась изготовлением пищевых продуктов для продажи (пироги, калачи, квасы, сбитни и др.), результатом чего были частые столкновения с «объезжими головами»⁵⁵.

К XVII в. относятся и первые шаги по созданию в Москве органов полицейско-административного надзора за общественным порядком, соблюдением противопожарных мероприятий и санитарным состоянием улиц. О значительных сдвигах в этом отношении писал уже А. Олеарий, трижды посетивший Россию в 30—40-е гг. и упрекавший иностранных авторов за то, что они в своих записках о России не пишут об этих и многих других новшествах, но упорно продолжают выискивать в «Московии» и описывать только «ужасное»: «Вообще о русских пишут весьма многое, что в настоящее время не подходит без сомнения, вследствие общих перемен во временах, управлении и людях» (подчеркнуто мной.— Л. II). Олеарий, в частности, отметил успехи, достигнутые в борьбе с уличной преступностью, особенно в ночное время⁵⁶.

В уездных городах полицейскими функциями наделялись воеводы. Наибольшее внимание было уделено организации полицейско-административной службы в столице государства — Москве. Полицейско-административный надзор возлагался (в разной мере) на ряд московских приказов: Разрядный, Стрелецкий, Поместный, Разбойный и Земский. Последний ведал полностью черными посадскими слободами, Стрелецкий приказ — стрелецкими слободами, а Иноземный приказ — Немецкой слободой. Непосредственное осуществление полицейско-административного надзора происходило в рамках «объездов» — четкого разграниченных участков в пределах Земляного города, во главе которых стояли назначаемые Разрядом «объезжие головы», имевшие свою «съезжую избу» в качестве канцелярии и подьячего, осуществлявшего письменное делопроизводство. Объезжим головам давались в распоряжение наряды стрельцов. Об основном круге обязанностей объезжих голов может дать представление «сказка», поданная в 1676 г. объезжим головой Михайлом Колдычевским: «...Ежжу я в объезде за Пречистенскими вороты в Земляном городе от Москвы реки по Смоленскую улицу, и в моем объезде печи перепечатаны в ызбах, и в мыльнях, и вода на кровлех есть, и караулы есть, а надолби во многих местах построены, а достальные строят, а которые будут послушни великого государя указу и на тех подам роспис, а книги подам апреля в тридесятю ден, а стрелшы со мной Михайловѣ приказу Уварова, а скаску писал я Михайло Колдычевски своею рукою»⁵⁷. Иногда упомянутые выше приказы сами производили проверку состояния противопожарных средств, сторожевых решеток, надолб, несение караульной службы стрельцами и слобожанами, расследование причин больших пожаров (особенно при подозрении в совершенном поджоге), опрашивая в этих случаях массу лиц, собирали у них письменные показания («сказки» и «явки») ⁵⁸. Объезжие головы также рассматривали всевозможные дела, касавшиеся различных сторон быта горожан, живших в пределах их объездов: об ограблении, драках и ссорах, о нанесении «бесчестья», о взимании долгов, о жилищных, соседских и внутрисемейных конфликтах. Ежедневно в съезжей

⁵⁵ МДИБП, с. 207—210.

⁵⁶ См.: Олеарий А. Указ. соч., с. 225, 198—199.

⁵⁷ Котков С. И. Указ. соч., с. 314 (там же приведены «сказки» других объезжих голов).

⁵⁸ МДИБП, с. 234—235 и др.; МДИБП, отд. III, № 1—3; Котков С. И. Указ. соч., с. 289—291, 339—340.

избе разбирались по несколько крупных и мелких дел⁵⁹. Все это придавало съезжей избе значение важного центра общественной жизни московских слобод.

Служба предоставляла объезжему голове большие возможности для «прибыточного корыствования». Челобитные «жалобницы» слобожан на имя царя об актах произвола и неумном корыстолюбии объезжих голов затопляли приказные канцелярии. Так, например, жители Семеновской слободы жаловались в 1659 г., что объезжий голова Ф. Бессонов их «бьет и мучит и берет посулы болшие не против твоево государеву указу делает для своей безделной корысти, и женишек наших бранит, и приезжаючи в полноч к нашей братье многих нашу братью бьет и просит денег, и по твоему государеву указу нам данных дней не укажет и емлет нашу братью на сезжеи дворе и бьет батоги и сажает на погреб, мучит для взятку»⁶⁰. Случаи неповиновения объезжим головам, ответного насилия по отношению к ним вплоть до избиения их и «боя» с ними были нередкими⁶¹.

Организация и деятельность центральных и местных органов власти в XVII в. выдвинули на первое место приказную канцелярию как основу бюрократизации государственного аппарата управления во всех его звеньях. Специфика бумажного делопроизводства и прохождения дел в приказах и воеводских приказных избах порождала и определяла во многом пресловутые черты «приказного быта» — небывалого ранее размаха коррупции, продажности и взяточничества приказных и иных должностных лиц, «волочения» ими из «корысти» проходивших через их руки дел. Все это не могло не оказывать отрицательного воздействия на личную и общественную нравственность в других слоях общества, на переоценку ряда морально-нравственных понятий и норм. В жизни столичной знати, служилого дворянства, торгово-промышленных людей все большее значение приобретают такие факторы «успеха» в служебной карьере и свершении разного рода дел, как использование родственных и приятельских связей в приказной и придворной среде, моральная нечистоплотность в выборе средств для достижения поставленных целей (вероломство и двуличность, обман, вымогательство и взяточничество, угодничество и прямое насилие). Типичный для того времени образ среднепоместного крепостника-дворянина, неразборчивого в средствах и жестокого стяжателя, представляет упоминавшийся уже выше стольник А. И. Безобразов. Для него в «прибыточном корыстовании» не существовало каких-либо ограничительных морально-нравственных норм и «страха» перед нарушением элементарных заповедей христианской морали. За время службы при царском дворе А. И. Безобразов приобрел себе массу «доброхотов» в среде наиболее влиятельных московских дьяков и подьячих, которые помогали ему успешно «вершить» дела в приказах. В свою очередь, Безобразов использовал обширные связи с московскими приказными людьми для докучливых просьб о содействии своим знакомым и близким, взимая за это с последних материализованную в какой-либо форме «дань признательности». Надменный, грубый, жестокий по натуре Безобразов, однако, забывал о своей сословной спесивости и вспоминал о «вежестве» в

⁵⁹ Например, материалы о деятельности Китайгородского объезжего головы В. А. Лопухина в 1686 г. см.: Котков С. И. Указ. соч., с. 343—355.

⁶⁰ МДИБП, № 57; Котков С. И. Указ. соч., с. 312—313.

⁶¹ Грамотки XVII — начала XVIII в. М., 1969, № 454 (далее — Грамотки...); Котков С. И. Указ. соч., с. 320—321.

сношениях с мелкопоместными дворянами, с дьяками и подьячими, когда у него возникала нужда в их услугах⁶².

Примером полного пренебрежения элементарными моральными нормами во имя личной «корысти» может служить и деятельность воеводы Голохвастова, отдававшего на откуп официально запрещенные азартные игры, подучавшего опекаемых им «блудниц» обвинять в различных преступлениях зажиточных горожан, «корытуясь» затем на расследовании этих обвинений⁶³. Г. Котошихин писал, что страх богатых горожан перед произволом со стороны царской администрации вынуждал их прятать деньги, жить в грязных лачугах, спать на голых скамьях и носить ветхую одежду, чтобы не показывать свое богатство и не подвергнуться разорению⁶⁴.

Наиболее тяжело отражались «лихоимные» приказные нравы на крестьянах и трудовых слоях городского населения, которые, в сущности, были беззащитными перед произволом царской администрации. Так, например, власти монастырей, находившихся в Кашинском уезде, жаловались в Москву на произвол, чинимый в отношении монастырских крестьян подьячими кашинской воеводской избы, которые подговаривали «разных чинов людей» подавать на крестьян «поклепные иски», после чего «давали» крестьян «в суды»: «...и что де крестьяне в роспро-сах и в судах говорят, и кашинские де приказные избы подьячьи тех речей не записывают, а записывают как им исцом годно, и в застенки водят и устраивают и велят им руки прикладывати по неволе и дер-жат их в тюрьме скованные по многое время...»⁶⁵.

Отрицательным чертам морали и нравов в среде феодалов противопоставлялись морально-нравственные взгляды и нормы, выработанные в народе на долгом пути его исторического развития. Среди них были как непреходящего общечеловеческого значения воззрения на нравственные достоинства человека и его обязанности перед обществом, так и элементы антифеодальной идеологии трудящихся масс. Многие черты морали и бытовых нравов господствующего класса подвергались язвительному осмеянию и осуждению в устном народном творчестве (в сказках, легендах, поговорках, пословицах), в народном театральном искусстве и особенно ярко с подчас обнаженной социальной направленностью и заостренностью, в получивших во второй половине века развитие жанрах бытовой повести и литературной сатиры⁶⁶.

Начало складывания новых этических представлений и нравственных норм, отвергавших, объективно, провиденциалистскую основу церковных канонов морали, было наиболее существенным, качественно новым явлением в духовной сфере быта XVII в. Что же касается бытовых обычаев, привычек, обрядов, основ «домового строения», отдыха и развлечений в часы досуга, то они еще не претерпели каких-либо существен-

⁶² См.: Новосельский А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке; Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А. И. Безобразова). М., 1965 (далее — ПРНРЯ); там же, № 3, с. 10.

⁶³ АИ, т. IV, № 182..

⁶⁴ См.: Котошихин Г. Указ. соч., с. 155.

⁶⁵ Шумаков С. А. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. 3. М., 1912, с. 80.

⁶⁶ Об этом см. в гл. «Литература» настоящего издания, а также: Адрианова-Перетц В. П. У истоков русской сатиры. — В кн.: Русская демократическая сатира XVII в. М., 1977; Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976; Пушкирев Л. Н. Русские народные пословицы в записях XVII в. — ВИ, 1974, № 1; Белкин А. А. Русские скоморохи. М., 1975; Шептаев Л. С. Русский рашник XVII в. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та, т. 87, Л., 1949.

ных изменений в сравнении с предшествующим периодом⁶⁷. Но в течение XVII в. расширился перечень бытовых «мирских неисправлений», борьбе с которыми были посвящены постановления церковного «Стоглавого» собора (1551 г.). В «учительных» посланиях церковных иереев к духовенству и народу и в царских грамотах воеводам приводились многочисленные примеры небрежения в народе к церковным службам, указывалось, что многие крестьяне и горожане «живут без отцов духовных», вступают в брак и отмечают рождение детей без свершения церковных обрядов, умирают некрещеными и без церковного покаяния («а о том ни мало не радеют»), что некоторые прихожане вообще безразличны к загробной жизни⁶⁸. В посланиях же указывалось, что многие прихожане посещают церковь не для молитвы, а для деловых встреч, праздного времяпрепровождения, во время службы болтают, смеются, ссорятся и даже дерутся. С. Коллинс писал, что даже сам царь Алексей Михайлович во время церковной службы нередко занимался делами по управлению, беседовал с боярами. Наряду с городским торгом, воеводской (или объезжей) избой, кружечными дворами, общественными банями и харчевнями приходские церкви были центрами, вокруг которых протекала общественная жизнь в городском посаде, в слободах, в сельских общинах⁶⁹.

Ополчаясь на пережитки языческих суеверий и обрядов, церковь сама прививала в народе не менее невежественные и жестокие суеверные и мистические представления о превосходстве над «нечистой и неведомой силой» молитв, постов, крестных ходов, каления ладаном, осенения крестом, «чудотворных» икон, мошей и т. д. Распушенность нравов в среде духовенства служила одной из излюбленных тем народной устной и литературной сатиры. Наибольшее нареkanie в народе вызывали распространенные в среде духовенства пьянство и «блуд», участие в осуждаемых самой же церковью азартных играх, в разгульных мирских развлечениях⁷⁰. В посланиях церковных иереев и в царских грамотах приводились примеры пропивания попами и дяконами не только своих риз и крестов, но даже и церковей как своих вотчин, неисполнения попами и дяконами церковных служб и обрядов по причине пьянства, ссор и драк в алтаре и во время службы и т. д.⁷¹ Жители Шуи, например, жаловались на соборного дякона, который пьянствовал в кабаках, а приходя оттуда в церковь, бил во все колокола и бранил людей всякими «неистовыми» и «непотребными» словами. Другой поп пропускал из-за пьянства службы, шатался целыми днями по улицам и задирал встречных прохожих бранью «скверной»⁷².

Распространению пьянства как бытового порока в немалой степени способствовала царская монополия на изготовление и продажу вина, покрывшая страну сетью царских кабаков; царские указы грозили суровым наказанием за отвращение людей от кабака.

⁶⁷ См. их общий обзор и характеристику: Очерки русской культуры XVI века, ч. 2, гл. «Быт и нравы». М., Изд-во Моск. ун-та, 1977.

⁶⁸ См.: Тихонравов Н. С. Слова и поучения, направленные против языческих верований и обрядов. М., 1862; Носова Г. А. Язычество в православии. М., 1975; ААЭ, т. IV, № 115; ПСЗ, т. I, с. 246.

⁶⁹ См.: Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977, с. 258.

⁷⁰ АИ, т. III, № 92; ААЭ, т. III, № 234, 264; т. IV, № 98; ПРП, вып. V, с. 342, 359—360 и др.

⁷¹ ААЭ, т. IV, 188; т. III, № 264.

⁷² См.: Борисов В. Акты, относящиеся до обычаев, нравов, обрядов и поверьев шуян в XVII в.— ЧОИДР, 1860, кн. III.

Следует подчеркнуть, что порок пьянства в XVII в. менее всего коснулся быта крестьян. Я. Рейтенфельс счел необходимым подчеркнуть, что русские «крестьяне, будучи обречены на тяжкую работу и прикреплены к земле, безнаказанно оскверняют праздничные дни, благодаря снисхождению законов, работою на себя, дабы не пропасть, так как в течение всей недели они обязаны в поте лица трудиться на своих господ»⁷³.

Борьба церкви и царской власти с «мирскими неисправлениями» в быту не могла быть успешной, так как, во-первых, она не затрагивала базисных и надстроечных устоев феодально-крепостнической действительности, порождавших отрицательные черты в бытовых нравах, и, во-вторых, потому, что церковь причисляла к отрицательным чертам народного быта все те его элементы, светский характер которых был ей глубоко враждебен. Носителем и хранителем основных традиций и обычаев, присущих бытовому укладу жизни народа в целом, была семья как основополагающая общественная и трудовая ячейка в структуре феодального производства и общества. В семейно-домашнем быту крестьян и ремесленников упорно сохранялись и передавались из поколения в поколение обычаи и традиции, в которых находили отражение языческие представления-пережитки о силах природы и взаимоотношениях с ними человека. Основная масса народных обычаев и традиций исторически шла по пути донесения до новых поколений их лучших образцов как эталонов действия, мысли и чувства⁷⁴.

Уважительное отношение крестьян и ремесленников к своему и чужому труду служило для них основным оценочным критерием в представлениях о «трудовой чести» человека, о моральных и нравственных качествах людей и отношениях между ними. В пословицах, поговорках и сказках всегда подчеркивалось превосходство морально-нравственных и деловых качеств простых людей из народа перед феодалами. В этом отношении представляет интерес письмо крестьян Никифора и Родиона Григорьевых (дер. Оксеново Ярополчской волости) брату их Борису, в котором они осуждают последнего за то, что он «себя поклепал», назвал себя «боярской» и их также называет, хотя ему хорошо известно, что их родители и «род наш вес подлинно из деревни». Братья выговаривают Борису, что тот «плутает» и «напрасно отпирается» от своего крестьянского происхождения⁷⁵.

Древнейшей формой территориально-хозяйственной организации крестьян и их коллективной защиты от феодального нажима являлась сельская община, в которой воля мирского схода была обязательной для всех членов⁷⁶.

Тщательно соблюдаемые в общине трудовые и бытовые традиции и обычаи сохраняли и передавали новым поколениям сложившиеся «изстари» отношения в семье и обществе, уклад их повседневной жизни.

Учитывая регламентирующую роль земледельческого календаря во всех сферах жизни крестьянства, церковь вынуждена была пойти на включение ряда важнейших аграрных праздников в трансформиро-

⁷³ Рейтенфельс Я. Указ. соч.

⁷⁴ См.: Суханов И. В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М., 1976, с. 5.

⁷⁵ Грамотки..., № 50, с. 39.

⁷⁶ См.: Александров В. А. Сельская община в России (XVII—начало XX в.). М., 1976; Громько М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII—первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975; Миненко Н. А. К изучению семейной этики сибирского крестьянства второй половины XVIII в.— В кн.: Крестьянство Сибири XVIII—начала XX в. Классовая борьба, общественное сознание и культура. Новосибирск, 1975.

ОТДЫХ КУПЦОВ в ГОСТИНИЦЕ-КОРЧМЕ.
Миниатюра «Лекарства душевного», XVII в.

ной культуры и, наоборот, еще более укреплявших их невежественные полуязыческие и христианские мистические представления и суеверия.

Почвой, на которой взрастали ростки новой культуры, были лрежде всего города. В сравнении с застойным, узким мирком и местными мелочными бытовыми интересами жизни сельского населения и небольших глубинных городков жизнь в крупных русских городах была более импульсивной, более «живственной», содержательной⁷⁸. Большой город с многотысячным населением (в котором, к тому же, всегда было много «пришлых» по разным делам и просто «незнаемых» людей) служил для горожанина неисчерпаемым источником всякого рода слухов и новостей, которые он мог почерпнуть в шумном многолюдстве городского торгова, возле административных и судебных приказных изб, у царских кабаков, общественных бань и харчевен, во время церковных служб и т. п. В крупном городе было легче познакомиться с иноземными обычаями и привычками, вступить в личный контакт с «немцами». В городском торгу можно было услышать о новых царских указах, полюбоваться изобилием выставленных товаров, увидеть диковинные заморские вещи и яства. Там же, в торгу, можно было насмотреться на жестокие наказания «ведомых лихих людей», осужденных по «слову и делу государеву». Подслушанные и почерпнутые в разговорах новости и лично увиденное содержали подчас столь невероятное перепле-

⁷⁷ Подробнее см.: Носова Г. А. Язычество в православии.

⁷⁸ См.: Нечаев В. В. Уличная жизнь в Москве XVI—XVII вв.— В кн.: Москва в ее прошлом и настоящем, вып. 3. М., б/г, с. 56—80; Снегирев В. Московские слободы. М., 1956; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978.

тение истинных фактов со слухами и вымыслами, что приводило иногда к «помрачению» и «колебанию» в народе. Так, в 1657 г. в правительстве и церковном руководстве большую тревогу вызвал массовый вынос жителями черных и стрелецких слобод домой своих личных икон из приходских церквей. Произведенный по этому делу Разбойным приказом розыск установил лишь, что этот вынос был вызван неизвестно кем пущенным слухом, что со всех личных икон будут сняты оклады. Многие из опрошенных стрельцов и посадских людей показывали: «... от слуху де мирскова образы свои моления из церквей выносили, а от ково то дело почалось, того не ведаем...», «... наши женишки... без нас ис церкви образы вынесли на то смятение смотря, что, в бных приходех ис церквей образы несут, а для чево несли, тово они не ведают жа...»⁷⁹.

В столице можно было наблюдать ослепляющую пышность дворцовых празднеств, торжественных выходов из дворца «земного бога» — царя и собиравшие многотысячные толпы зевак столь же торжественные церемонии доставления в сан высших церковных иереев. Многочисленных зрителей собирали и торжественные въезды в столицу, и шествия на аудиенцию в царский дворец европейских и восточных посольств, свита которых демонстрировала многообразные иноземные моды в одежде, и всегда возбуждающие любопытство у москвичей тонкости «посольского дела». Не отличавшиеся особой «богобоязненностью» горожане проводили свой досуг в «греховных» играх в зернь, в кости, в иноземные игральные карты — «лики», ходили смотреть кулачные бои, «медвежью потеху», «позоры» скоморохов и рашников, забавлялись ссорами между пьяными, среди которых было немало попов и монахов, калек, странников, юродивых и т. д.

Как у крестьян в деревне, домашняя жизнь каждого горожанина была замкнутым миром, в котором господствовали пережитки патриархально-родовых отношений и дух церковно-домостроевских рекомендаций (деспотическая власть главы семьи над домочадцами, родителей над детьми); жизнь его определялась прежде всего материальными и чувственными интересами⁸⁰. Вместе с тем жизнь в густонаселенных городах под влиянием роста контактных экономических общественных связей ослабляла характерную для средневековья замкнутость составных частей города: посада-квартала — улицы — дома. Хотя еще и сохранялось, но уже ослабевало «теремное затворничество» жен и дочерей в домах феодальной знати и зажиточной торговой верхушки горожан. Новые веяния в этом отношении коснулись даже царского двора. Царские дочери уже не обрекались с юных лет на монашеское затворничество, их образование уже не ограничивалось обучением рукоделию и элементарным начаткам грамотности. Да и сам «терем», в любом его виде, не являлся непреодолимым препятствием для встреч влюбленных. Сохранились, например, любовные письма тотемского приказного подьячего Арефы Малевинского к Аннице, сестре соборного дьякона, из которых видно, что, несмотря на все старания дьякона изолировать Анницу от Арефы, последний все же находил пути для доставки ей любовных писем и устройства тайных встреч с ней⁸¹.

В домах посадских людей (как и в крестьянских домах) женского «терема» вообще не существовало. Посадские, стрелецкие, солдатские

⁷⁹ Котков С. И. Указ. соч., с. 294—312.

⁸⁰ О «домовом строении» см.: Очерки русской культуры XVI века, ч. 2, гл. «Быт и нравы».

⁸¹ См.: Панкратова Н. П. Любовные письма подьячего Арефы Малевинского. — ТОДРЛ, т. VIII.

СВИДАНИЕ ВЛЮБЛЕННЫХ В ТЕРЕМЕ.
Миниатюра «Лекарства душевного», XVII в.

и иные «женки» пользовались в домашнем быту большей свободой и играли заметную роль в жизни своих улиц и слобод. Не меньшую активность (но уже в своей сословной среде) проявляли матери и жены служилых дворян и придворной знати. Благодаря обширным родственным, «приятельским» и клиентурным связям они не только подробно извещали своих мужей, находившихся по службе вне Москвы или вотчин, о всех придворных новостях, но и активно защищали и устраивали их служебные и местные интересы, проявляя при этом значительную самостоятельность в устройении таких дел и давая, в свою очередь, соответствующие полезные советы мужьям и сыновьям. Так, княгиня Т. И. Голицына писала едва ли не ежедневно письма своему сыну князю В. В. Голицыну (находившемуся на службе в войсках в Севске), в которых извещала его о домашних делах, о придворных ново-

стях, о ставших ей известными враждебных делах, щемлявших «честь» Голицыных намерениях недоброжелателей сына и об ответных предпринимаемых ею мерах, просит сына оказать «милость» своим служилым дворянам, направленным к нему в полк и за которых ходатайствуют «нужные» и «приятелные» князю лица из думцев и верхушки приказной администрации⁸². Высоко ценил свою жену за деловые качества из Севска о своих делах и успехах по службам полк князя В. В. Голицына⁸³.

Жизнь в городе исключала абсолютную замкнутость домашнего быта. В обычные бытовые споры между отдельными соседями нередко вовлекались стороны (самими же спорящими сторонами) в качестве заинтересованных лиц. Скрываемое за высокими заборами дворов становилось явственным для соседей. Московские приказы засыпались подаваемыми от горожан «деловитными просьбами о поимке и наказании воров, о наказании «бесчестья», о возмещении урона, понесенного от нанесения «бесчестья», о наказании пьяницы-соседа или родственника, о защите дочери от избиений со стороны пьяницы-мужа отправкой последнего для исправления в монастырь, об оказании помощи в возвращении «беглой», «загулявшей с пьяницами» жены и т. д. и т. п. Споры нередко

⁸² МДИБП, № 2, с. 16—21; с также № 4, 511; Грамотки..., № 44, 247, 249, 252, 255, 258, 268, 269—271, 277—278, 280, 281, 284.

⁸³ МДИБП, № 17, с. 38—41.

возникали по пустяковым поводам, которым, однако придавался смысл наносимого «бесчестья»: синяк, полученный в легкой потасовке, превращался в исковой челобитной в увече, от которого челобитчик ходит все время «при смерти». Один, например, жалуется, что сосед обозвал его «огуречным и морковным татем», другой — что его не пустили в чужом дому «за стол» и «в беседу». Торговый человек из Суконной сотни просит снять с него позорное обвинение соседом в том, что он «вор и зерщик», в кабаке «шутлом ездил на корове и на медведе»⁸⁴. Житель Кадашевской слободы Н. Леонтьев подал в приказ Царицыной Мастерской палаты явочную челобитную в том, что ночью безвестные шутники связали ворота его двора пеньковой веревочкой и подложили под ворота «голики веничные». Потерпевший просил записать его явку, чтобы ему «от таких плутов дурна какова не учинилос и над домишком моим какова худа не учинили»⁸⁵. Другой кадашевец, А. Федоров, подал явочную челобитную на своего тестя, который уходит со двора «часа за два до дни, а домой приходит часу в пятом ноши пьян, а где ходит он Федор (тесть. — А. Л.), того я, холоп твой, не ведаю ...»⁸⁶.

В жизни больших городов сталкивались интересы разных социальных и сословных групп, более ярко и обнаженно проступали контрасты, порождаемые сословными противоречиями феодального строя, крепостнических отношений, оказывавшие в разной степени свое влияние на идеологические взгляды, морально-этические устои и нравы горожан, на более быстрое вызревание в их среде ростков новой, светской и демократической по своему характеру, культуры.

Развитию в XVII в. ростков новой культуры противостояла патриархальная консервативная «старина». «Ревнители старины» из самых различных социальных кругов опирались на принцип незыблемости порядков и обычаев, которые были завещаны поколениями их предков. Однако сама же церковь преподавала в XVII в. наглядный пример нарушения отстаиваемого ею принципа «Все старое — свято!» Церковная реформа патриарха Никона и царя Алексея Михайловича свидетельствовала о вынужденном признании церковью возможности некоторых перемен, но только таких, которые проводились бы в рамках канонизированной ортодоксальной «старины», во имя и ради укрепления ее. Материалом же для новшеств служили не результаты дальнейшего прогресса человеческой культуры, выходящей за рамки культуры средневековья, а те же трансформируемые элементы средневековой «старины».

Новое могло утвердиться только в результате отказа от насаждавшейся церковью нетерпимости к «перемене обычаев», к новшествам, особенно к заимствованию культурных ценностей, созданных другими народами.

Но такое отношение к новому, к расширению культурных связей с другими народами утвердится в России и войдет в официальную правительственную политику лишь с самого конца XVII — в начале XVIII в. в результате преобразований, проводимых Петром I во всех областях государственной, общественной и культурной жизни страны. И проводить в жизнь эту политику было призвано новое поколение.

⁸⁴ МДИБП, № 26, 28, 32, 49, 52, 53, 58, 60, 61, 76, 83, 114, 115, 126, 130 и др.

⁸⁵ МДИБП, № 84.

⁸⁶ МДИБП, № 106.

В. С. ШУЛЬГИН

Бурные события начала XVII в., названные современниками «Смутой», вызвали к активному участию в политической борьбе массы народа, различные социальные слои, путем широкой политической агитации. Публицистика того времени не только была оружием в острой классовой и внутриклассовой борьбе, но и сама являлась частью, одной из сторон этой борьбы. Многочисленные публицистические произведения, выразившие взгляды и стремления тех или иных социальных слоев и политических группировок, не только отражали события и были порождены ими, но и стремились воздействовать на них, направить их развитие в определенном направлении. Поэтому публицистика имеет конкретный характер, ставит и решает текущие, злободневные задачи. Она редко поднимается до осмысления всех событий в целом, до постановки кардинальных социальных и политических проблем. Однако сдвиги, происходившие в общественном сознании под влиянием классовой и внутриклассовой борьбы и подъема национально-освободительного движения, выражались в появлении новых мыслей и идей, которые получают более глубокую теоретическую разработку в последующее время.

Сразу же после восшествия на престол В. Шуйского, летом 1606 г., появилась «Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов», именуемая обычно «Повестью 1606 г.» Это анти-годуновский памфлет, имеющий конкретную цель — обоснование прав Василия Шуйского на престол — и выражающий политическую идеологию удельно-княжеской знати. С точки зрения этой знати даже представитель старого боярского рода Борис Годунов — «лукавый раб», «зломысленный проныр», который «восхоте преобрести славу выше своея меры», а князья Шуйские именуются его «господней». Одним из важнейших преступлений Годунова, за которые бог и покарал русскую землю самозванцем, автор считает то, что он «воздвиже многу вражду на свою господию, на князей и на бояр», «злыми разными смертми их умершвляя и род царский искореняя». Аристократические претензии и пренебрежение к царской власти сквозят в рассказе о том, как после смерти царя Федора «велиццы бояре, иже от корени скипетродержавных» «не изволиша ... между себе избрати» нового царя, хотя и были

«достойни на се»: «они бо быша и тако при царех велики и честни и славни, не токмо в великой Руси, но и во иных дальних странах»¹.

В обоснование прав В. Шуйского на престол принимается традиционный принцип наследственности царской власти: он от «прежних благодверных царей корене, от великаго князя Владимира ... и от благодвернаго князя Александра Ярославича Иевскаго». И в своих грамотах-манифестах В. Шуйский неизменно подчеркивает свое происхождение от Рюрика, «иже бе от Римскаго кесаря», называет московский престол «отчиной прародителей наших»². Так же традиционно и указание на «божий промысел». Характерно и для автора повести и для самого В. Шуйского стремление подкрепить права нового царя на престол ссылкой на всенародное волеизъявление, на всенародное признание. Вопреки исторической правде В. Шуйский оказывается избранным на престол всеми «православными христианами, всею Росийскою областью», он «учинился» царем «за прошением и за челобитием ... всяких людей Московского государства»³. Вообще для «Повести 1606 г.» характерна тенденция подчеркнуть популярность Шуйских в народе, особенно в посадской среде, их готовность положиться во всем «на волю народа», действовать в союзе с ним. Это, конечно, демагогия, но весьма симптоматично, что даже в реакционной боярской публицистике звучит невольное признание возрастающей роли народных масс в ходе развернувшейся социальной и политической борьбы.

Одним из самых важных моментов в развитии общественного сознания явился бурный рост национального самосознания в годы национально-освободительной борьбы против польско-шведской интервенции. Этот процесс отразился в многочисленных произведениях патриотического содержания и в самом ярком из них — «Новой повести о преславном Росийском царстве и великом государстве Московском», появившейся в конце 1610 или в начале 1611 г.

Автор написанной в форме «подметного» письма-воззвания и предназначенной для тайного распространения повести руководствовался одной определенной целью — поднять «преименитого великого государства, матери городов Росийского царства православных христиан, всякого чина людей» на борьбу с польскими интервентами, захватившими Москву и угрожавшими национальной самостоятельности всего Русского государства. Здесь нет общих рассуждений о причинах постигших Россию невзгод. По удачному замечанию А. И. Яковлева, «Новая Повесть смотрит не столько назад, отыскивая причины, сколько вперед, ставя цели; она ищет не столько причин смуты, сколько средств от нее»⁴. Адресуя свое послание «всякого чина людям», автор намеренно акцентирует внимание на тех вопросах, которые могли бы послужить объединению, а не разъединению разнородных социальных сил,

¹ РИБ, т. XIII, стб. 3—7, 12—13, 16.

² Там же, стб. 60, 69, 71; см. также: СГГД, т. II, № 141, 144; ААЭ, т. II, № 44.

³ РИБ, т. XIII, стб. 60, 69, 71; ААЭ, т. 2, № 44. Послы Шуйского в Польше «хотение» народа ставили даже выше принципа наследственности. Оправдывая убийство самозванца, они говорили: «Хотя бы был и прямой прирожденный государь царевич Димитрий, но если его на государстве не похотели, то ему силою нельзя быти на государстве» (цит. по: Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник». — В кн.: Временник Ивана Тимофеева. М. — Л., 1951, с. 370). Вполне понятно, что в такой формулировке этот тезис для распространения внутри страны, конечно, не годился.

⁴ Яковлев А. И. «Безумное молчание» (Причины Смуты по взглядам современников ее). — В Сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909, с. 658.

составлявших формирующийся патриотический лагерь. Он выступает не с узкословных, а с общенациональных, патриотических позиций⁵.

Разоблачая захватнические замыслы польского короля Сигизмунда, автор стремится донести до своих читателей осознание грозящей опасности — полной потери национальной независимости. Он пишет, что король хочет «всеми бы нами обовладети, и нам бы под рукою его быти и его слыти», а враги «хотят нас конечно погубити, и под меч подклонити, и подружил наши и отроды в работу и в холопы поработити, и прижитие наше пограбити, горше же всего и жалостнее,— святую нашу непорочную веру вконец искоренити, и свою отпадшую учинити, и сами в нашем достоянии жити». Гневно разоблачает он и предательскую роль боярского правительства: «А сами наши земледержцы и правители, ныне же... землесьеды и кривители» «от бога отпали, и от православныя веры отстали, и к нему, сопостату нашему, королю, вседушно пристали». Эти «доброхоты» короля, «а наши злодеи, вси об нем радят, и во всем ему добра хотят, и великое Российское царство до конца хотят ему отдати для своєю мимотекушия славы»⁶.

Патриотизмом, чувством гражданской ответственности за судьбы страны проникнута вся повесть. Сам народ, считает автор, должен взять дело освобождения страны в свои руки. Сравнивая народ с «великим безводным морем», подчеркивая его силу, он говорит, что даже сами интервенты боятся «взмутити» это «великое наше море», чтобы «им бы самем, врагом, в нем не потонути». Именно к широким народным массам обращен неоднократно повторяемый призыв автора к восстанию: «Вооружимся на общих сопостат наших и врагов и постоим вкупе крепостне за православную веру, и за святыя божии церкви, и за свои души, и за свое отечество, и за достояние... Мужайтесь и вооружайтесь и тшитесь на враги своя, како бы их победити и царство свободити!»⁷.

Легко заметить, что в «Новой повести», как и в других агитационных произведениях этого времени, формой выражения национального сознания является религиозный мотив — призыв к борьбе за православную веру. Но это не свидетельствует о клерикализме автора. Наоборот, он крайне враждебно относится к духовенству. Всячески превознося мужество и стойкость патриарха Гермогена, называя его «великим и крепким непоколебимым столпом», он подчеркивает его, одиночество в среде церковной иерархии: «А ныне един уединен стоит... способников себе не имеет никакоже. Которые его были сынове и богомолцы, той же сан на себе имеют, и те славою мира сего прелестнаго прельстилися, просто реши, подавилися, и к тем врагом преклонилися, и творят их волю»⁸. Да и относительно самого Гермогена он сомневается, что тот может возглавить борьбу с интервентами и выступить с призывом к восстанию.

Церковь стремилась использовать подъем национального сознания в своих интересах. В 1612 г. в самый критический момент национально-освободительной борьбы, после взятия Смоленска и сожжения Москвы, был написан «Плач о пленении и конечном разорении превысоког© и

⁵ Именно поэтому многие вопросы — социальное положение автора, его отношение к боярству вообще, к «смердам и рабам», к кандидатуре Владислава, к августовскому договору 1610 г. — продолжают оставаться спорными.

⁶ Дробленкова Н. Ф. Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.—Л., 1960, с. 198—199, 194, 207.

⁷ Там же, с. 189—190, 197, 209.

⁸ Там же, с. 202—203.

пресветлейшего Московского государства»⁹. Взывая к национальным чувствам, автор глубоко скорбит о «конечном разорении» Русского государства, осуждает интервентов и их русских пособников. В «Плаче», как и в примыкающих к нему «видениях», получивших широкое распространение в это время, вопрос о причинах бедствий, постигших Россию, решается с клерикальных позиций. Причиной «гнева божия» объявляются «грехи наши», под которыми имеются в виду нарушение «заповедей божиих», несоблюдение постов, склонность к «волшебству и чарованию», падение общественной морали и т. д. Впрочем, в «Плаче» выражен, хотя и недостаточно четко сформулированный, намек на социальные причины событий, упрек господствующему классу: «Правда в человецех оскуде, и воцарися неправда, и всяка злоба и ненависть и безмерное пьянство и блуд и несытное мздоимание и братоненавидение умножися, яко оскуде доброта, и обнажися злоба, и покряхомся лжею»¹⁰.

Ни «Плач», ни «видения» не содержат призыва к активной борьбе. Они зовут к покаянию и молитве как к единственному средству спасения. Автор «Плача» предлагает «просити милости у всещедрого бога с неутешными слезами и воздыханием и стенанием», чтобы он «отвратил праведный гнев свой», «потребил от нас врагов наших», а города и села «миром оградил и всякия благодати исполнил»¹¹.

Значительно определеннее ставится и решается вопрос о причинах «смуты» в «Сказании, киих ради грех попусти господь бог наш праведное свое наказание. . .»¹². Это произведение привлекает к себе внимание прежде всего тем, что его автор видит в основе событий начала XVII в. социальную борьбу угнетенных масс против феодалов. Враждебно относясь к народному антифеодальному движению, называя его участников «ворами», «злодеями», «грабителями», подчеркивая жестокость расправы восставших крестьян и холопов со своими господами, автор одновременно резко обличает жадность феодалов, произвол помещиков по отношению к крестьянам, возлагая таким образом на господствующий класс ответственность за сложившееся положение. Пафос смелых и резких обличений «грехов» господствующего класса направлен на то, чтобы предупредить его об опасности чрезмерной эксплуатации, которая может привести к социальным потрясениям. Лишь определенные уступки крестьянам и холопам могут обеспечить, по мысли автора, социальный мир, стабилизацию феодального строя. Этим призывом он и заканчивает свое произведение: «О, ненасытимиим иимением! Помните сия и престаните от злых, иаучитесь, добро творите. Видите общую погибель смертную? Гонзните сих, да же и вас самех — величавых — тая же не постигнет лютая смерть!»¹³.

Такая позиция автора «Сказания, киих ради грех...» сближает его с теми публицистами XVI в. (Ермолай-Еразм, Максим Грек и др.), которые, рисуя тяжелое положение крестьян, стремились предупредить об опасности народного мятежа. Но, объективно вскрывая уязвимые стороны феодального строя, столь резкая критика становилась опасной

⁹ РИБ, т. XIII, с. 219—234.

¹⁰ Там же, с. 223—224.

¹¹ Там же, с. 233—234; см. также: Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII в. Киев, 1958, с. 89—103, 128—145.

¹² Автором этого сочинения О. А. Державина считает архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия. В переработанном виде оно вошло в состав «Сказания» Авраамия Палицына (см.: Державина О. А. Сказание Авраамия Палицына и его автор. — В кн.: Сказание Авраамия Палицына. М.—Л., 1955, с. 30—43. Текст опубликован там же, с. 250—282).

¹³ Сказание Авраамия Палицына, с. 279.

для самого господствующего класса, и именно поэтому она не получила развития в последующей литературе "о смуте". Уже Авраамий Палицын, включая это сочинение в свое «Сказание», подверг его существенной переработке, смягчив критику, затушевывая социальные моменты¹⁴. Официальный «Новый летописец» вообще возвращается к трактовке «наших грехов» в абстрактно-моральном плане, сводя первичные причины «смуты» к насильственному пресечению Борисом Годуновым «благочестивого корени» и выводя социальный кризис из кризиса династического¹⁵.

События начала XVII в. поколебали сложившиеся ранее политические и социальные теории. Осмысление событий в целом, сопоставление теории и политической практики, приведение их в соответствие со сложившейся политической реальностью и богатым политическим опытом — все это определило развитие русской общественной мысли в первой половине века. Постоянное обращение к событиям начала XVII в. для доказательства определенных политических идей — характерная черта публицистики этого времени. Поэтому те или иные взгляды находят выражение именно в форме исторических сочинений о «смуте» и проявляются в отборе фактов и их интерпретации, в оценке тех или иных событий и объяснении их причин, в оценке позиций различных социальных и политических групп и деятелей и т. д.

К подобным сочинениям кроме «Сказания, киих ради грех...» принадлежит «Временник» дьяка Ивана Тимофеева, «Сказание» («История в память предыдущим родом») келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына, «Иное сказание», «Повесть книги сея от прежних лет», приписываемая князю И. М. Катыреву-Ростовскому, сочинение князя Ивана Хворостинина и, наконец, «Новый летописец», отразивший официальную политическую идеологию самодержавия.

Одним из важнейших политических уроков, усвоенных господствующим классом, было признание необходимости сильной власти в стране. В связи с этим возникал вопрос о ее характере (неограниченная или ограниченная монархия), о роли и месте в политической системе государства различных слоев господствующего класса.

Эти проблемы находятся в центре внимания Ивана Тимофеева.. Для укрепления престижа царской власти он обращается к ставшей традиционной идее о ее божественной сущности: «Аще и человек царь бе по естеству, властью достоинства привлечен есть богу, иже над всеми, не имать бо на земли высочайши себе». Царская власть — оплот порядка в стране. Царство, потерявшее главу, уподобляется им вдове, потерявшей мужа и «своеземными рабы разорительно обладаемой»¹⁶. Но это не значит, что И. Тимофеев — сторонник неограниченной монархии. Наоборот, первичные причины всеобщего «смятения» и «разорения» он видит в том, что «наши предрержатели» начиная с Ивана III превысили власть, данную им богом, уклонились к «Адамову греху», к «самовластию», «начата древняя благоустановления законная и отцы преданая превращати и добрая обычая на новоспротивная изменяти». «Превращение» старых обычаев выразилось в том, что цари стали выдвигать на первые места в государстве «худородных», «нововельмож», нарушив тем самым принцип «места». В результате «начаша вся во всех бывати: малая великих одолевати, юнныя же старых и бесчестныя честных, рабы своих им владык». Разрушение иерархиче-

¹⁴ См.: Державина О. А. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор, с. 40—41.

¹⁵ ПСРЛ, т. 14, с. 40, 53, 59, 71, 89; см. также: Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII в. — ИЗ, т. 14, с. 83—84.

¹⁶ Временник Ивана Тимофеева, с. 107, 155.

ской структуры господствующего класса привело к острой борьбе в его среде, «начинаше большее безместие в нашей израстати земли». «Самовластие» охватило всю страну, распространилось и на низшие слои населения: «и в повинующихся рабах естественный страх к покорению владык оскудеваше исчезая» и «нача много в земли ражатися зло, еже по всей нашей земли непослушное самовластие рабов з затворением градов»¹⁷.

Иван Тимофеев отстаивает идею незыблемости феодальной иерархической лестницы. Каждый должен занимать то место, которого он достоин по рождению, никто не должен стремиться подняться выше. «Истинные цари» должны знать, «коему роду кую и какову честь и чесо ради даровати, худородным же ни». Тем самым он отстаивал притязания княжеско-боярской аристократии на особое положение в государстве, на соправительство с царем. Бояре — «благородные по царех сущие столпы великие, ими же земля наша вся утвержашася»¹⁸.

В отстаивании своего политического идеала, близкого к идеалу кн. А. М. Курбского, И. Тимофеев был не одинок. И автор «Сказания, киих ради грех...» с возмущением писал о том, что «всяк же от своего чину, внеже зван бысть, выше начаша восходити: ...воинственный же чин боярствовати начинаху, сильнии же разумом от тех в прах вмняеми бываху и ничто же не по них не смеюще рещи»¹⁹.

В этой связи следует рассматривать и его упрек в «бессловесном молчании», в попущении «грехам» и преступлениям правителей²⁰. Конечно, этот упрек нельзя считать обращенным ко «всему обществу в целом, которое допустило беззакония, не хотело противоборствовать им», и вовсе он не «стремится обосновать идею необходимости и законности отпора злодеяниям правительства со стороны общества»²¹. Верно, что он всех обвиняет в грехах: «Согрешили все от головы и до ног, от великих и до малых». Но у каждой общественной группы свои грехи. Народ («чадь», «страдники», «мельчайшие и безыменные люди»), по его мнению, должен беспрекословно повиноваться царю и поставленным от него властям. Голос народа — это «безумный шум» «безглавной чади», его основной грех — «непослушное самовластие». Свои грехи есть также у «лжеименных воинов» (дворян) и у «торжников» (купцов). В «бессловесном молчании» И. Тимофеев упрекает именно знать, стоящую у трона, «благородных», «столпов великих, ими же земля наша вся утвержашася»²². Этот упрек, таким образом, означает признание за феодальной аристократией права на сопротивление посягательству царской власти на ее положение, указание на необходимость такого сопротивления. Именно поэтому эта мысль не получила развития в публицистике официального направления. Уже Авраамий Палицын, перерабатывая сочинение своего предшественника, заменил слова о «всего мира безумном молчании» ничего незначащей фразой — «за премногия и тмочисленя грехи наша и беззаконна и неправды»²³. Так же абстрактно толкуются «грехи наши» и в «Новом летописце».

Политическая практика «смутного времени» поставила перед общественной мыслью вопрос о «законных» и «незаконных» царях, об

¹⁷ Там же, с. 110—111, 114.

¹⁸ Временник Ивана Тимофеева, с. 104, 94.

¹⁹ Сказание Авраамия Палицына, с. 269.

²⁰ Временник Ивана Тимофеева, с. 94. Автор «Сказания, киих ради грех...» также писал о «всего мира безумном молчании» (с. 253).

²¹ Пеунова М. Н. Формирование и развитие этических идей X—XVII вв. — В кн.: Очерки истории русской этической мысли. М., 1976, с. 41.

²² Временник Ивана Тимофеева, с. 153, 127, 114, 104, 94, 112—113.

²³ Сказание Авраамия Палицына, с. 105. Ср.: там же, с. 253.

отношении к избранию царей «всей землей», т. е. земским собором. Рассуждая на эти темы, И. Тимофеев во многом сходится с автором «Сказания, к их ради грех...». По его мнению, безусловно законными являются «природные» (получившие власть по наследству) цари. После пресечения законной династии на престоле появились «лжецари», «самовенчники», т. е. незаконные правители. Оба автора таковыми считают не только Лжедмитрия, но и В. Шуйского и Бориса Годунова. В. Шуйский не был избран на престол земским собором, он «внезапно и самодвижно воздвигся кроме воли всеа земля и сам царь поставися». Но и избрание царя Земским собором само по себе не делает его власть законной. Борис Годунов хотя и был избран на царство «людьми всей земли», но этот акт людского избрания не сопровождался божественной санкцией. Лишь власть Михаила Романова является законной, так как он не только избран, но и «вознесен» к престолу самим богом²⁴.

Однако дело было не только в признании роли «всея земли» в избрании царя, но и в том, чтобы примирить принципы наследственной и избирательной монархии, начала божественного предопределения и народного волеизъявления. Лучше всего это удалось сделать А. Палицыну: царь Михаил Романов — «прежде рождения его от бога избранный и из чрева материя помазанный», его единодушное избрание является следствием того, что людям эта мысль внушена богом, воля народа явилась лишь выражением воли божией, так что «не от человек, но воистину от бога избран великий сей царь и государь»²⁵. Именно эта религиозно-политическая формула и была воспринята официальной политической идеологией²⁶.

Теоретическое обоснование публицистикой этого времени принципов сословно-представительной монархии является следствием той активной роли, которую играли в общественно-политической жизни страны земские соборы в первые десятилетия после «смуты»²⁷.

И еще мимо одной важной проблемы, выдвинутой временем, не могла пройти общественная мысль. Это проблема соотношения классовых и общенациональных интересов, тема патриотизма и национально-освободительной борьбы. И здесь уроки «смуты» не прошли даром.

Размышляя над вопросом, какая опасность страшнее для феодального государства — восстание «рабов» или чужеземная интервенция, И. Тимофеев приходит к следующим выводам. Если «рабы» в тяжелое время («в безгодия время») нападут на дом своего господина и будут ему досаждают, то он, конечно, имеет право на жестокую расправу с ними («лютою смертию умучить»). Но это возможно только при одном условии: если ему не угрожает внешняя опасность: «егда никоего же от внешних враг на ся нашествием бояся навета, ли слово с ними некое крепце о мире положит». В противном случае, как бы ни был он «от горести утеснен и тернием одолен», он должен забыть на время «предбывшую рабов досаду», иначе внешние враги («варвари того окрестных») могут воспользоваться этим: «ошутивше оног умаление людей паче перваго, пришедше, всю его в конец поплелят землю и господина самого восхитят вседомно, и заплелят, и соотведут во своя всеродно». «Корысть бо свою паче веры почтоша», — так гворит И. Тимофеев о тех

²⁴ Временник Ивана Тимофеева, с. 67, 113, 153, 165. Ср.: Сказание Авраамия Палицына, с. 251, 266.

²⁵ Сказание Авраамия Палицына, с. 238, 231—233.

²⁶ ПСРЛ, т. 14, с. 129.

²⁷ См.: Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978, с. 212—243.

представителях своего класса, которые в страхе перед народным движением пошли на сговор с интервентами²⁸.

Авраамий Палицын также обвиняет в измене тех представителей господствующего класса, которые, «заступления чааху поляков на воров», рассуждали так: «Лучши убо государичю (т. е. королевичу Владиславу.— В. Ш.) служити, нежели от холопей своих побитым быти и в вечной работе у них мучитися»²⁹. А. Палицын рассматривает национально-освободительную борьбу в религиозном аспекте, стремясь возвеличить в ней роль церкви и ее деятелей, а победы над интервентами считая результатом покровительства и заступничества бога и святых. Несмотря на эту клерикальную тенденцию, независимо от того, какую позицию занимал сам автор в описываемое им время, его «Сказание» является произведением высокого патриотического звучания, отразившим подъем национального сознания и огромную роль народных масс в борьбе с интервентами, отрицать которую не могли даже публицисты феодального лагеря.

«Явлением новым и в высокой степени показательным для истории России этого времени»³⁰ были две псковские повести, написанные представителями посадского населения, проникнутые антифеодальными настроениями и выражающие мысли и взгляды угнетенных масс на события начала века. В первой из них, названной М. Н. Тихомировым «Повестью о псковском разорении», рассказывается о событиях в Пскове в 1608—1611 гг. В ней дается четкое деление всего населения псковской земли на два классовых лагеря: с одной стороны, «игумени и священники, и большие люди, дети боярские», а с другой — «ратные люди, стрельцы, и казаки, и мелкие люди и поселяне», которые «чающе истинны и от всех злых избавления и от властельских всяких насильств»³¹. «Повесть о бедах и скорбех»³², написанная после 1625 г., шире по содержанию: в ней описываются события во всей России с 1584 г. Она проникнута антибоярской тенденцией, все бедствия, пережитые Россией, автор считает результатом боярских насилий, козней, измен. Крестьянскую войну начала XVII в. он объясняет социальными причинами. Говоря о новом наступлении феодалов на народ, он замечает, что они «забыша свое прежнее безвремение и наказание, что над ними господь за их насильство сотвори, от своих раб разорени быша». Эти «посадские» повести, лишённые церковно-религиозных рассуждений, носят чисто светский характер.

Документы, вышедшие из среды восставших крестьян во время крестьянских войн XVII в., и конкретные действия восставших позволяют поставить вопрос о характере общественного сознания крестьян этого времени. В прокламациях («листах»), распространявшихся в Москве и других городах, И. И. Болотников призывал «побивати своих бояр.., гостей и всех торговых людей» и «животы их грабити»³³. Аналогичные призывы к уничтожению представителей господствующего класса и царской администрации содержатся и в «прелестных письмах» Степана Разина. В них ярко выразилась антифеодальная направленность этих движений, стихийный протест крестьян против феодального гнета. Но крестьянство не имело сколько-нибудь четкой программы

²⁸ Временник Ивана Тимофеева, с. 112—113.

²⁹ Сказание Авраамия Палицына, с. 208.

³⁰ Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М, 1969, с. 21.

³¹ Псковские летописи, вып. 2. М., 1955, с. 269, 271.

³² Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941, с. 132—134; см. также: Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 16—20.

³³ ААЭ, т. II, № 57.

социального переустройства, какого-либо ясно выраженного позитивного идеала. Поэтому существенной чертой крестьянского сознания, проявившейся в период крестьянских войн XVII в., была «достаточная четкость (по крайней мере в практических действиях, пока они развиваются успешно) отрицания, уничтожения существующих порядков и полная аморфность в позитивных целях движения, которые если и формулируются как-то, то по преимуществу в виде антитезы реальному положению»³⁴. Поэтому мы можем «в большей мере судить о том, что отвергалось крестьянством, нежели о том, что им утверждалось»³⁵. Осознание крестьянами своих экономических и политических интересов не поднималось до уровня идеологии, оставаясь на уровне «обыденного сознания». Поэтому оно оказывается подчиненным господствующей феодальной идеологии.

Особенно ярко эта зависимость проявляется в наивном монархизме крестьян, в представлении о надклассовой сущности царской власти. Крестьяне боролись против существующих порядков, против феодалов и царской администрации, «но против царя — никогда»³⁶. Первая крестьянская война в России прошла под лозунгом «царя Димитрия» (называя себя его воеводой, И. И. Болотников приводил население городов и сел «ко кресту... царю Димитрию»). И Степан Разин призывал «послужить государю», «ити в Русь против государевых неприятелей и изменников», «побить» бояр, дворян и торговых людей «за измену». Разинцы распространяли слух, что в их войске находится царевич Алексей Алексеевич, который якобы по указу своего отца идет на Москву, чтобы освободить его от изменников-бояр, лишивших его возможности справедливо управлять государством³⁷.

Поддержанию и укреплению этих царистских настроений крестьян способствовала довольно гибкая политика верховной власти, создававшая иллюзию своеобразного «патриархального демократизма» самодержавия. При столкновениях населения с местными властями царская власть иногда карала наиболее ретивых лихоимцев и притеснителей; проводились сыски по челобитьям о притеснениях со стороны должностных лиц; по челобитьям, посланным в Москву, иногда принимались положительные решения, касавшиеся, впрочем, небольших уступок. Такие факты запоминались надолго и создавали представление о «справедливости» царской власти, о ее нелицеприятном отношении ко всем слоям общества³⁸. Поддерживались эти иллюзии и официальной идеологией, выдвигавшей и обосновывавшей тезис о надклассовой сущности самодержавия. В общественной мысли первой половины XVII в. эта тенденция выразилась в идее всенародного признания царской власти, а во второй половине столетия проявилась в идее «общего блага», легшей в основу теоретического обоснования абсолютизма.

Назаров"

В. Д. О некоторых вопросах ленинской теории классовой борьбы русского крестьянства в эпоху позднего феодализма.— В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970, с. 364.

³⁵ Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. М., 1977, с. 84; см. также: Рахматуллин М. А. Проблема общественного сознания крестьянства в трудах В. И. Ленина.— В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма, с. 398—441.

³⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 547.

³⁷ См.: Индова Е. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Лозунги и требования участников крестьянских войн в России XVII—XVIII вв.— В кн.: Крестьянские войны в России. М., 1974, с. 241—250.

³⁸ См.: Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972, с. 350—352 и др.; см. также: Плеханов Г. В. История русской общественной мысли, т. I. М., 1914, с. 233—243.

В политическом строе России второй половины XVII в. ясно обозначилась тенденция к абсолютизму, обоснование принципов которого связано с именами Симеона Полоцкого и Юрия Крижанича.

Юрий Крижанич (ок. 1617—1683), хорват по происхождению, приехал в Москву в 1659 г. Через два года по подозрению в деятельности в пользу католической церкви он был сослан в Тобольск, где прожил 15 лет и написал свое основное сочинение — «Думы политичны» («Политика»), в котором выдвинул широкую и подробно разработанную программу внутренних преобразований в России как необходимого условия ее дальнейшего развития и процветания.

Белорусский ученый Симеон Полоцкий (С. Е. Петровский-Ситнианович, 1629—1680) приехал в Москву в 1664 г. Здесь он занимал видное место при дворе, став учителем царских детей. Его общественно-политические взгляды нашли выражение главным образом в многочисленных стихотворных произведениях.

С. Полоцкий вполне определенно высказывался за необходимость сосредоточения всей полноты государственной власти в руках одного правителя — царя: «Солнце едино весь мир озаряет..., тако во царстве един имать быти — царь: вся ему же достоин правити». Свой тезис С. Полоцкий обосновывает тем, что, во-первых, только такая власть может обеспечить решение важнейших задач внешней политики, стоящих перед Россией (воссоединение украинских и белорусских земель и завоевание выхода к Балтийскому морю), а во-вторых, только такая власть может навести порядок внутри страны, «утолить» в царстве всякие «мятежи» и установить в нем «вечный мир»: «Мятежи в царстве тщится утоляти, мир во державе твоей утверждати»³⁹.

Сравнивая различные формы правления, Ю. Крижанич также высказывается за «самовладство» (неограниченную монархию) как «наилучшую из них». В пользу этого он приводит следующие доводы: «Во-первых, при самовладстве лучше... соблюдается всеобщая справедливость. Во-вторых, потому, что при нем легче и лучше сохраняется покой и согласие в народе. В-третьих, потому, что этот способ (правления) лучше оберегает от опасностей. А четвертое и самое главное: потому, что самовладство подобно власти божией. Ведь бог — первый и подлинный самовладец всего света. А всякий истинный (или полновластный) король является в своем королевстве вторым после бога самовладцем и божьим наместником». Немаловажным является также и то, что только при абсолютной монархии возможно проведение в стране всех необходимых преобразований: «При самовладстве легко можно исправить ошибки и изъяны правления, ибо все, что вправе приказать самовладец, исполняется без проволочки»⁴⁰.

Доводы религиозного порядка, ссылки на Священное писание и сочинения отцов церкви продолжают оставаться в системе доказательств, но на первый план начинает выдвигаться идея «общего блага», «всеобщей справедливости». Абсолютизм — такая форма политического строя, при которой государство достигает наивысшей степени относительной самостоятельности даже по отношению к господствующему классу. Появляется больше возможности для маскировки классовой сущности государства, для того чтобы представить его интерес как интерес всего общества. Поэтому в идеологии абсолютизма идея «общего блага» становится определяющей, хотя само по себе представле-

³⁹ Цит. по: Пузиков В. М. Общественно-политические взгляды Симеона Полоцкого. — Науч. труды по филос. Белорус. гос. ун-та, вып. 2., ч. 2. Минск, 1958, с. 37, 40.

⁴⁰ Крижанич Юрий. Политика. М., 1965, с. 548.

ние о государстве как надклассовой силе не является новым. Эта идея будет позже официально провозглашена и закреплена в законах Петра I.

Мысль о благе всех подданных как основной цели самодержавного правления пронизывает сочинения Ю. Крижанича и С. Полоцкого. Призвание монарха, считает Крижанич, состоит в том, чтобы «сделать людей счастливыми», чтобы «править народом... на пользу, на общее благо и на счастье всего народа»; идеальным правлением он считает такое, когда «все подданные довольны и не хотят перемен»⁴¹. Конкретное выражение эта идея получила в призыве к установлению правосудия, «равного суда» монарха над всеми подданными. Как солнце «равно всем светя, лиц не приемствует», так и монарх должен творить справедливый, нелицеприятный суд: «Ты солнце наше лица не воззриши, правосудством ти мир возвеселиши... На лице не зри, равен суд твой буди всем, иже в твоей власти живут люди»⁴², — пишет С. Полоцкий. Это, конечно, не буржуазная идея всеобщего равенства перед законом, а, как справедливо считает А. Н. Робинсон, «абсолютистская идея равенства людей перед монархом». Он видит в этом требовании «равного суда» для подданных одну из стадий в развитии принципа «равенства», выдвинутого еще Иваном Грозным: «А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же есмя...»⁴³. В связи с этим А. Н. Робинсон приводит суждение Ф. Энгельса о том, что власть монархов, угнетающая народы, по мере своего усиления приводит к тому, что государи «доводят этот гнет до той точки, где неравенство, достигшее крайней степени, вновь превращается в свою противоположность, становясь причиной равенства: перед деспотом все равны, а именно — равны нулю»⁴⁴.

Эта мысль «о равном суде» связана с борьбой абсолютизма за полноту власти против аристократических притязаний княжеско-боярской знати, осуществлявшейся при опоре на широкие слои дворянства. В этом же плане следует рассматривать и отрицание С. Полоцким значения принципа знатности, родовитости. Ценность человека, по его мнению, определяется не происхождением, а его моральными качествами, знаниями, заслугами в труде на «общее благо»: «Родителей на сына честь не прехождает, аще добродетелей их не подражает. Лучше честь собою комуждо стяжати, нежели предков си честью сияти». «Аще и в худе доме кто родится., — утверждает он, — может бо чести набыти и славы» полезными для всех делами⁴⁵. Поэтому он призывает царя приближать к себе «разумных мужей», отличающихся своими способностями, а не знатностью происхождения, раздавать чины не по родовитости, а по заслугам: «Разумей убо, кто нрава коего, тогда даждь чины царствия твоего... Верным в службе тшися воздаяти и по заслугам в чины возвышати»⁴⁶. Ту же мысль высказывал и ученик С. Полоцкого А. Медведев: «Честь же наипаче же даемы бывают и правление по разуму и по заслугам во всех государственных делах бывшим и людем, знающим и потребным»⁴⁷. С критикой старых представлений о знатности и родовитости выступал и Ю. Крижанич, зло высмеивавший

⁴¹ Крижанич Юрий. Политика, с. 572—573, 591.

⁴² Цит. по: Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974, с. 67—68; см. также: Крижанич Юрий. Политика, с. 572.

⁴³ Робинсон А. Н. Указ. соч., с. 69, 71.

⁴⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 143—144.

⁴⁵ Полоцкий С. Избр. соч. М.—Л., 1953, с. 67; Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Избр. произв. XVI — нач. XIX в. Минск, 1962, с. 265.

⁴⁶ Цит. по: Пузыков В. М. Указ. соч., с. 45.

⁴⁷ Медведев С. Созерцание краткое... — ЧОИДР, 1894, кн. IV, с. 19.

спесь и высокомерие феодальной знати и выдвигавший на первый план личные заслуги и способности человека. Вряд ли можно видеть здесь «антифеодальную направленность подобных рассуждений Крижанича»⁴⁸. Во-первых, этот принцип выдвижения по способностям и заслугам не так уж и нов, его выдвигал еще И. Пересветов. Во-вторых, на протяжении XVII в. этот принцип применялся в политической практике, а во внутренней политике Петра I он проявился достаточно ясно («Табель о рангах»). В-третьих, являясь одним из принципов формирования чиновничьей бюрократии, он не только не подрывал господствующего положения класса феодалов, но и способствовал укреплению существующего строя: «Чем более способен господствующий класс принимать в свою среду самых выдающихся людей из угнетенных классов, тем прочнее и опаснее его господство»⁴⁹.

Ничего нет антифеодального в выдвинутом Ю. Крижаничем требовании необходимости участия всех сословий в труде «для общего блага». Занятость людей всех сословий и запрещение праздности и безделья он считает одной из «твердынь» государства⁵⁰. Это требование обращено к людям всех сословий, но особенно часто он обвиняет в паразитизме, в «сарданапальстве», в лени «бездельных племян» (праздную знать), называя их «лежаками» и противопоставляя им «племян правых и корыстных» (т. е. полезных). М. Н. Пеунова считает, что критика Ю. Крижаничем гедонизма «переходит в критику общественных отношений феодального строя» и что «Крижанич здесь выступает представителем прогрессивной тогда буржуазной идеологии»⁵¹. О том же говорит и Л. М. Мордухович, полагая, что, критикуя праздную знать, Ю. Крижанич «имеет в виду не только бояр, а феодалов вообще»⁵². По-видимому, прав А. Л. Гольдберг, который, отметив, что со времен И. Пересветова «обличение праздности боярства стало... «общим местом» в трудах идеологов дворянства», считает, что «враждебное отношение Крижанича к «праздным племянам» связано с его абсолютистскими устремлениями» и что эти обвинения говорят «о явной его враждебности к одной из двух борющихся в то время групп феодального класса, а именно — к старому боярству»⁵³. К этому следует добавить, что Ю. Крижанич не только не обвиняет в паразитизме все «благородное сословие», но и считает его гражданскую и военную службу делом куда более трудным, почетным и опасным, чем занятия «черных людей» и особенно торговцев, которых он называет «бездельниками»⁵⁴.

Классовая сущность взглядов Ю. Крижанича проявилась в его проектах оформления и укрепления сословного строя. Он предлагает четко разграничить права и обязанности различных групп населения; наибольшее внимание уделяет «благородному сословию», т. е. господствующему классу феодалов. Именно этому сословию предлагается дать особо значительные привилегии, которые закрепили бы за ним господствующую роль в общественной, политической и экономической жизни России: исключительное право владения землей, ос-

⁴⁸ Пеунова М. Н. Этика Юрия Крижанича. — В кн.: Очерки истории русской этической мысли, с. 65.

⁴⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 150.

⁵⁰ См.: Крижанич Юрий. Политика, с. 617.

⁵¹ Пеунова М. Н. Указ. соч., с. 63.

⁵² Мордухович Л. М. Антифеодальная концепция Ю. Крижанича. — Краткие сообщения Ин-та славяноведения, 1958, № 26, с. 33.

⁵³ Гольдберг А. Л. Юрий Крижанич о русском обществе середины XVII века. — «История СССР», 1960, № 6, с. 76—77.

⁵⁴ Крижанич Юрий. Политика, с. 559—561.

вобождение от даней и налогов, «от всяких холопских тягот и работ», от позорных наказаний и т. д. Крижанич всячески старается подчеркнуть превосходство общественных заслуг «благородного сословия», чтобы доказать его право на подчинение себе всех остальных сословий: «Черные люди... по справедливости и по праву обязаны кормить на свои средства короля, властелей, бояр и воинов и служить им», так как «властели, бояре и воины испытывают постоянные заботы, и подвергаются смертельным опасностям, и несут более тяжелое государственное бремя, а черные люди спокойно пользуются земными благами». Он был убежден в естественной закономерности несвободного состояния крестьян, считая, что в России «крестьяне устроены гораздо лучше, чем в некоторых соседних странах»⁵⁵. Признавал он и холопство: «Такой обычай, как продажа самого себя в рабство, одобряется божественным законом, а поэтому он не может быть жестоким, нечестивым и бесчеловечным»⁵⁶.

Законность и «справедливость» отношений эксплуатации признавал и С. Полоцкий: «Поддании же долг свой да воздают, господа своя хлебом да питают; и ины нужды должны исполнять, не ропчуще же, но во благодати»⁵⁷.

Но исходя из идеи «общего блага», проповедуя социальный мир и всеобщее благодеяние, Ю. Крижанич и С. Полоцкий призывали к смягчению эксплуатации. Здесь сказалось влияние «бунташного» времени, обострение социальных противоречий, страх господствующего класса перед «глуподерзием черных людей» (народными восстаниями). Ю. Крижанич предупреждает, что «нешадные поборы, жестокие порядки... и всякое чрезмерное и немилосердное отягощение подданных» могут привести к восстаниям и разорению страны. «Я твердо уверен,— пишет он,— что если мир и человеческая природа не изменятся, и в этом царстве придет время, когда весь народ восстанет... и при том не (обойдется) без волнений и стычек и больших убытков для всего народа, как показывают явные предвестники этого — три смуты нашего времени, Псковская и две Московских...»⁵⁸ (имеются в виду Псковское восстание 1650 г. и восстания в Москве в 1648 и 1662 гг.).

Необходимость смягчения эксплуатации обосновывается и экономической целесообразностью. Ю. Крижанич доказывает, что чрезмерная эксплуатация невыгодна экономически для самого господствующего класса, его заботят прежде всего материальные интересы феодалов и фискальные интересы абсолютистского государства. «Король, властели и бояре,— пишет он,— должны так обходиться с черными людьми, чтобы могли всегда с них что-нибудь взять. Они не должны настолько увеличивать обычные подати и повинности черных людей, чтобы из-за этого прекращалось земледелие, ремесло и торговля»⁵⁹. По этому поводу Г. В. Плеханов удачно заметил, что для Ю. Крижанича «дело не столько в «черняхках», сколько в возможности «взять»⁶⁰. Это замечание можно отнести и к С. Полоцкому. Сравнивая «господ» с пастырями, а их подданных с овцами, он порицает тех из них, которые «режут днесь волну, и кожу, и тело», а далее пишет: «Егда же

⁵⁵ Крижанич Юрий. Политика, с. 555—561, 602—606, 613.

⁵⁶ Цит. по: Гольдберг А. Л. Указ. соч., с. 79.

⁵⁷ Полоцкий С. Избр. соч., с. 12.

⁵⁸ Крижанич Юрий. Политика, с. 379, 581, 583.

⁵⁹ Там же, с. 560.

⁶⁰ Плеханов Г. В. Указ. соч., с. 289.

стрижет волну, а не тело живое режет, то бо хранит цело и кожу блюдет, да не повредится, да паки стрищи волну прилучится ... долг свой да возьмут, а не искажают,— да и впред мощно будет постригати, дань, яко волну, праведно взимати»⁶¹.

Сама по себе мысль об опасности для господствующего класса чрезмерной эксплуатации, могущей привести к серьезным социальным потрясениям, не нова. Но теперь она увязывается с концепцией абсолютизма, с идеей «общего блага». Призыв к смягчению эксплуатации, к необходимой заботе о благе всех подданных теперь обращен не ко всему господствующему классу, а к монарху. С. Полоцкий и Ю. Крижанич понимали, что сама по себе неограниченная власть монарха не гарантирует порядка в государстве, его процветания и всеобщего благоденствия. Она легко может перерасти в «тиранию» (или «людодерство», по терминологии Ю. Крижанича). Все зависит от личности государя, его моральных качеств, его «мудрости». Поэтому так много внимания уделяется вопросу об обязанностях и призвании монарха. Только «мудрый» монарх может обеспечить порядок и гармонию в обществе, установить социальный мир, сделать всех подданных счастливыми. Идеальный образ такого «просвещенного» монарха рисует в своих стихотворных поучениях, предназначенных в первую очередь для царя и его семьи, С. Полоцкий, закладывая основы учения о «просвещенном абсолютизме» — одном из важнейших направлений в общественно-политической мысли XVIII столетия⁶².

Одной из важнейших черт идеального монарха С. Полоцкий считал любовь к просвещению, к мудрости. При этом не только сам царь должен быть мудрым, но он также должен заботиться о распространении просвещения среди своих подданных: «Мало есть правды царю мудру быти, а подчиненных мудрости лишити. Речки малая реку расширяют, мудрыя рабы царя прославляют. Вели и рабам мудрости искати..»⁶³. Предвосхищая идеи «просветителей», С. Полоцкий считал распространение просвещения важнейшим средством исправления нравов, устранения пороков в обществе, ликвидации всех национальных бед и внутренних неурядиц.

Вопрос о просвещении, о светском образовании стал весьма актуальным в русской общественной мысли во второй половине XVII в. Передовым ее представителям приходилось преодолевать упорное сопротивление церкви, традиционная позиция которой состояла в крайне враждебном отношении к светскому знанию, просвещению и образованию, объявленным греховными и несовместимыми с христианским верованием. Именно эту позицию русской церкви имел в виду Ю. Крижанич, когда опровергал «глупый предрассудок, или мудроборческую ересь, говорящую о том, будто богословие, философия и знание языков есть не что иное, как ересь»⁶⁴.

Стремясь преодолеть религиозный барьер, сторонники светского образования выдвинули схоластический тезис о том, что/наука не только не противоречит истинной вере, но и необходима для усвоения верования. В борьбе за сохранение монополии на образование церковь вынуждена была в конце концов согласиться с этим тезисом, чтобы не упустить из-под своего влияния процесс распространения светских знаний, приостановить который она была не в силах. При этом она стре-

⁶¹ Полоцкий С. Избр. соч., с. 12—13.

⁶² См.: Еремин И. П. Симеон Полоцкий — поэт и драматург. — В кн.: Полоцкий С. Избр. соч., с. 234; Робинсон А. Н. Указ. соч., с. 64.

⁶³ Цит. по: Пузиков В. М. Указ. соч., с. 42.

⁶⁴ Крижанич Юрий. Политика, с. 455.

милась придать образованию почти исключительно богословский характер при возможно минимальном допущении светских его элементов. В связи с этим развернулась борьба между двумя направлениями по вопросу о характере, целях и содержании образования.

Но эти споры были лишь одним из конкретных выражений более глубоких и принципиальных разногласий, касавшихся путей дальнейшего развития России.

Церковь стремилась подчинить своему влиянию рост национального самосознания, а начавшийся процесс формирования русской нации облечь в традиционные религиозные формы, что выражалось в отождествлении национального единства с религиозным единством православного народа, борьбы за национальную независимость — с защитой православия от иноверцев и всего, что с ними связано. Логическим следствием этого стала проповедь национальной исключительности и самоизоляции, ненависть ко всему иноземному, ко всему новому. Такая позиция церкви противоречила национальным интересам, требовавшим преодоления отсталости страны путем проведения целого комплекса преобразований, усвоения достижений западноевропейской культуры, а значит, и разрушения тех идеологических преград, которые препятствовали этому. Рост национального самосознания, получивший отражение в передовой общественной мысли, вступил в противоречие с теми религиозно-идеологическими формами, в какие его облекала церковь. Это противоречие и лежало в основе острой идейно-политической борьбы сторонников поворота к государственным преобразованиям и ревнителей старины, развернувшейся в последней трети XVII в.

Рост городов, развитие товарно/денежных отношений и торговли, возрастание роли купечества выдвигали перед русской общественной мыслью целый ряд новых проблем, связанных с экономической жизнью страны. Волновали они и таких государственных деятелей, как Б. И. Морозов, Ф. М. Ртищев, А. Л. Ордин-Нащокин, А. С. Матвеев, В. В. Голицын. Многие из них приходили к убеждению о важности развития торговли и промышленности для усиления государства и обеспечения национальной независимости. Из их среды выходили проекты преобразований, затрагивавших и сферу экономики. Изучение общественно-политических взглядов этих людей затруднено тем, что они не были теоретиками, не писали трактатов, подобных «Политике» Ю. Крижанича, а их взгляды получали выражение в практической деятельности, в попытках проведения тех или иных преобразований.

Большое внимание вопросам экономики уделял Ю. Крижанич. Им он посвятил один из трех разделов (а именно, первый—«О богатстве») своего обширного труда. Считая земледелие, ремесло и торговлю основой благосостояния и могущества государства, он выдвинул широкую программу мероприятий, направленных на поощрение развития этих отраслей хозяйства. Основные ее моменты совпадают с программой одного из видных политических деятелей этого времени А. Л. Ордина-Нащокина, чьи взгляды выразились в проводившейся в 1665 г. по его инициативе Псковской городской реформе и в Новоторговом уставе 1667 г., составленном под руководством и при его непосредственном участии.

Одним из самых острых был вопрос о засилье иностранных купцов на русском рынке. В первой половине XVII в. русские торговые люди неоднократно обращались с челобитными к царю, в которых требовали отмены огромных привилегий иностранным купцам, ущемлявших их интересы. Но дело было не только в экономических интересах русского купечества. Возникала опасность потери национальной незави-

симости страны путем подчинения ее иностранному торговому капиталу. Эту опасность сознавали и Ю. Крижанич и А. Л. Ордин-Нащокин. «Никто так не высасывает богатства этой земли,— писал Ю. Крижанич,— и не разоряет так народ, как те немцы, которые живут меж нами... и скупают наши товары по самой дешевой цене... Немцы, хотя и не подчинили своей власти Русскую землю, однако они разными хитростями берут с нее ясак... и все богатство этой земли пожирают». Он предлагал «никому из чужеземных торговцев не дозволять держать в королевстве ни домов, ни лавок, ни складов, ни своих приказчиков либо наместников... и не разрешать им приходить для торговли во внутрь государства, а только в назначенные торжища на рубежах»⁶⁵. В то же время он предлагал всячески развивать внешнюю торговлю, монополизировав ее в руках царя, и содействовать развитию внутренней торговли.

Мероприятия, проведенные по инициативе А. Л. Ордина-Нащокина, в значительно большей мере учитывали интересы русского купечества, чем программа Ю. Крижанича. Новоторговый устав вытеснил западноевропейских купцов с внутреннего рынка, разрешив им торговать только в пограничных пунктах и запретив розничную торговлю иностранных купцов; был введен ряд других ограничений.. Система покровительственных пошлин регулировала ввоз товаров и имела целью достижение активного баланса во внешней торговле⁶⁶. Это была политика меркантилизма.

С заботами о развитии внешней торговли связаны и внешнеполитические взгляды А. Л. Ордина-Нащокина. Являясь руководителем Посольского приказа, он в качестве основной задачи выдвигал борьбу со Швецией за балтийское побережье, предлагая для этого заключить мир с Польшей на любых условиях, даже отказавшись от Украины⁶⁷.

А. Л. Ордин-Нащокин стремился провести ряд мероприятий, направленных на поддержку купечества и содействовавших развитию торговли. Будучи воеводой в Пскове, он пытался провести там реформу городского управления, смысл которой состоял в ограничении власти воевод и передаче части их административных и судебных функций в руки органа самоуправления, избранного из числа «лучших» посадских людей. Чтобы содействовать частному предпринимательству, он считал необходимым устройство кредитных учреждений⁶⁸. Аналогичные проекты выдвигал и Ю. Крижанич⁶⁹.

О классовом характере взглядов А. Л. Ордина-Нащокина говорят те цели, которыми он руководствовался при проведении Псковской городской реформы. Одной из причин необходимости проведения реформы он считал «великое нестроение меж людьми во многих делах» из-за «разорения великого над посадскими людьми». «Крепкое устройство грацкое» необходимо, по его мнению, для того, чтобы «внутренние обиды минулися», «меж людьми во Пскове ко многуму сдержанию»⁷⁰. Он предлагал ценой некоторых уступок предотвратить «смуты», подобные тем, что были «не в давних летах», намекая на Псковское восстание 1650 г. В одной из «памятей» псковским земским старостам в качестве одного из средств устранения «несогласия между посадскими людьми» предлагалось, чтобы богатые купцы давали ссуды «маломощным» тор-

⁶⁵ Крижанич Юрий. Политика, с. 383, 387, 395, 394.

⁶⁶ ПСЗ, т. I, № 408.

⁶⁷ См.: Чистякова Е. В. Социально-экономические взгляды А. Л. Ордина-Нащокина.— Труды Воронеж. гос. ун-та, т. XX. Воронеж, 1950, с. 52—54.

⁶⁸ ДАИ, т. V, № 1.

⁶⁹ См.: Крижанич Юрий. Политика, с. 397.

⁷⁰ ДАИ, т. V, № I (XVII).

говцам: «тогда и маломощные торговые люди добрым устройением у лутчих людей в послушании испоможены будут»⁷¹. Ордин-Нащокин также был обеспокоен тем, что от всяких «нестроений» в торговых делах «великого государя казна год от году в сборах малитца», и при проведении любых мероприятий никогда не забывал, чтобы «прибыль великого государя казне учинить», чтобы «казне сбор был прибылен»⁷². На первом плане для него всегда интересы феодально-абсолютистского государства: развитие торговли и промышленности — одно из важнейших средств укрепления этого государства и всего феодально-крепостнического строя. Но объективно программа Ордина-Нащокина была направлена на преодоление отсталости страны и отвечала национальным интересам России.

Русская общественная мысль XVII в., особенно второй его половины, выдвинула целый ряд важных идей, получивших дальнейшую разработку в следующем столетии. Были заложены основы политической идеологии абсолютизма, осознана необходимость проведения широких преобразований, намечена программа этих преобразований и разведаны пути их осуществления.

---

⁷¹ ДАИ, т. V, № I (II).

⁷² Там же.

ЕСТЕСТВЕННО- НАУЧНЫЕ ЗНАНИЯ *

Р. А. СИМОНОВ,
В. К. КУЗАКОВ,
М. К. КУЗЬМИН

Начавшееся ослабление позиций церкви, развитие ремесленного производства и торговли, рост связей с зарубежными странами создали предпосылки для дальнейшего накопления научных знаний. Наряду с богословско-мистической литературой о природе появляется интерес к научной литературе западноевропейского Возрождения с ее рационалистическим подходом к явлениям природы. При этом развивается чисто практическая сторона научных знаний, в то время как развитие теоретической мысли тормозилось враждебным отношением церкви.

МАТЕМАТИКА

В XVII в. произошли значительные изменения в русской математике. Типичными становятся рукописи типа «Цифирной счетной мудрости». Они известны в науке и под более полными названиями, например: «Сия книга, глаголемая по-гречески арифметика, по-немецки алгоризма, а по-русски цифирная счетная мудрость». Своеобразное название книги нуждается в пояснении. Термин «арифметика» понятен, он обозначает дисциплину, которая теперь известна под тем же наименованием. Слово «алгоризма» ведет к алгорифмической арифметике. Так в истории науки называют арифметику современного типа с записью чисел в индоарабской позиционной нумерации (часто эту цифровую систему именуют не совсем точно «арабскими цифрами»). Такой облик арифметика приобрела в печатных западноевропейских учебниках конца XV в.¹ Эта «письменная» арифметика в то время соседствовала и успешно соперничала с другой арифметикой более раннего типа — инструментальной (абаком). «Цифирью» в русских источниках назывались индоарабские цифры². Выражение «счетная мудрость» служило эквивалентом греческого слова «арифметика». Целиком же название

* Автор раздела «Математика» — Р. А. Симонов, раздела «Медицина» — М. К. Кузьмин, остальные разделы главы написаны В. К. Кузаковым.

¹ См.: Юшкевич А. П. История математики в средние века. М., 1961, с. 346—347.

² См.: Куткина Л. Л. Формирование языка русской науки. М.—Л., 1964, с. 19. Старая «буквенная» нумерация именовалась словами «число», «число русское», «число церковное».

«цифирная счетная мудрость» обозначало арифметику современного типа. Таким образом, сложное название книги отражает процесс складывания новой на русской почве дисциплины — «цифирной» арифметики. Наряду с названием «цифирная счетная мудрость» стало применяться выражение «цифирная арифметика», а затем (и по настоящее время) — просто «арифметика».

В русском быту в XVII в. почти повсеместно употреблялась не «цифирь», а средневековая «буквенная» нумерация. В ней записывались даты на документах, велись торговые и хозяйственные записи; она применялась в церковной литературе, летописании и т. д.; в ней чеканились даты на монетах. Исключение представляет надчеканка в индоарабской нумерации даты «1655» на западноевропейских талерах, которую стали делать при царе Алексее Михайловиче («ефимки с признаки»). В рукописях типа «Цифирной счетной мудрости», где основной арифметический текст написан с использованием индоарабских цифр, «буквенная» нумерация используется для второстепенных целей: при нумеровании глав и разделов, в таблицах перевода прежних цифр на новые и т. д.

Каково же содержание русских списков «Цифирной счетной мудрости»? Сохранившиеся рукописные тексты не являются тождественными. Все они содержат изложение арифметики общеевропейского облика в той или иной редакции. Кроме этого неперменного материала в них входят в различных соотношениях разделы о древнерусской системе больших чисел («Великое число»), о различных типах и системах наглядно-инструментального счета, о сошном письме, некоторые сведения по геометрии и др. Тексты русских арифметических рукописей неоднократно изучались³. В результате историки математики пришли к выводу, что особая символика и вся схема вычислений «цифирной» арифметики в списках «Цифирной счетной мудрости» примыкает, прежде всего, к немецкой учебной литературе. Соответствующий текст русских арифметических рукописей XVII в. является переложением общего для европейских учебников материала применительно к условиям русской жизни. Русские авторы со знанием дела перерабатывали текст, стремясь не только к лучшему изложению арифметических сведений, но и к практическому их применению, в основном в торговле. Книги типа «Цифирной счетной мудрости» следует считать своеобразным вариантом общеевропейского учебного пособия, отличным от аналогичных западноевропейских учебников. В частности, «Цифирные счетные мудрости» содержат данные о типах расчетов, которые использовались в русской торговой практике. Их, например, отражает следующая задача: «Купил полторыжда полтора аршина, а дал полтретижда полтретьи гривны. Ино что дати за польдевятажда полдевята аршина?». Из условия задачи видно, что было куплено $3\frac{1}{2} \cdot 3\frac{1}{2} = 9\frac{1}{4} = 2,25$ аршина какой-то ткани за $5\frac{1}{2} \cdot 5\frac{1}{2} = 25\frac{1}{4} = 6,25$ гривны. Требуется узнать, сколько будет стоить $17\frac{1}{2} \cdot 17\frac{1}{2} = 289\frac{1}{4} = 72,25$ аршина той же ткани. Решение по тройному правилу дает следующий результат — 200 гривен и $25/36$ гривны, что равно 20 руб., 2 алтынам, 1,5 денгам и $7/9$ полуденги. Это полностью согласуется с ответом, приводимым в источнике.

³ «Счетная мудрость». Изд. Общества любителей древней письменности. Спб., 1879; Бобынин В. В. Очерки истории развития физико-математических знаний в России, вып. I. П. М., 1886—1893; Гнеденко Б. В. Очерки по истории математики в России. М.—Л., 1946; Юшкевич А. П. История математики в России до 1917 года. М., 1968.

⁴ Арифметика конца XVII века.— Отдел рукописей ГБЛ, ф. 178, № 938, л. 104.

Назначение задачи заключалось в выработке навыка в вычислениях определенного типа. Система числительных «полтора», «полтретья», «полдевять» и т. д. была распространена в русском языке до XVIII в., к концу этого столетия указанные числовые образования остались только в загадках⁵. Денежные единицы «рубль», «гривна», «алтын», «денга», «полуденга» типичны для XVI—XVII вв. Следовательно, в тексте задачи используются понятия, распространенные в быту и торговой практике. В ней получил отражение элемент тех вычислительных навыков, которыми должен был владеть русский торговец XVII в.

Вот еще один довольно занятный пример торговых расчетов из «Цифирной счетной мудрости»: «Два гостя сложились торговати. Первый положил 1 рублев на 3 месяцев, а другой положил В1 рублев на 5 месяцев. И приторговали вместе Н рублев. Ино поскольку которому прибýtка досталось?»⁶. Задача моделирует следующую торговую ситуацию. Для реализации закупленной партии товара требуется семь месяцев. Необходимых денег у торговца нет, ему не хватает примерно половины суммы. Он мог обратиться к ростовщику или пригласить кого-то из торговцев войти в пай. Нашелся человек, который мог торговать совместно шесть месяцев. Оба торговца объединили капитал, купили товар, а через полгода произвели расчет. Выходящий из торговли человек получил свой первоначальный взнос и причитавшуюся ему долю прибыли. Эта доля была пропорциональна не только величине первоначального денежного вклада, но и времени участия в совместной торговле. Оставшийся торговец продолжал торговать еще месяц.

Паевое участие в торговле нескольких лиц было типичным для России XVII — начала XVIII в. В это время для коллективной торговли существовали названия «складной торг», «складка»⁷. Сходная терминология применяется в названии раздела «Статья торговая складная» в «Цифирной счетной мудрости»⁸. В «складном торге» пай были примерно равные, но встречались и неравные. Так, Е. И. Заозерская указывает следующий случай различных паев: «...гостиной сотни г. Владимира Иван Денисов имел две доли, а его компаньон — одну»⁹. Этот пример неравенства паев интересен их кратностью. Трудно представить, что указанная кратность была обусловлена количеством наличных денег у обоих складчиков; скорее всего, здесь проявляется результат какого-то соглашения между ними. Представляет интерес, что в «Цифирной счетной мудрости» кратность неравных паев в «складной» торговле обуславливается участием в ней лиц различного социального положения. Такой вывод получается в результате анализа следующей задачи: «Восьмеро гостей, да пять прикащиков, да три человека их сложились торговати»¹⁰. Из условия задачи, которое здесь опускается, следует, что доход между пайщиками делится пропорционально вкладам, которые были неравны и кратны: «человеки» имели по две доли, «прикащики» — по три, «гости» — по шесть.

Таким образом, внимание русских математиков XVII в. было сосредоточено на учебном изложении материала применительно к вопросам торговой практики, способным заинтересовать широкий круг торговых людей. Многие задачи в «Цифирных счетных мудростях» сходны с теми,

⁵ См.: Супрун А. Е. Славянские числительные. Минск, 1969, с. 75.

⁶ Арифметика конца XVII в., л. 163.

⁷ Заозерская Е. И. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953, с. 386.

⁸ Арифметика конца XVII в., л. 157.

⁹ Заозерская Е. И. Указ. соч., с. 387.

¹⁰ Арифметика конца XVII в., л. 190 об.

которые встречаются в западноевропейских учебниках. Но русские авторы учитывали запросы своего читателя и уже сложившиеся в стране торговые традиции. Огромной предварительной расчетной работы требовала переделка условий задач применительно к русским мерам и денежным единицам, а также к ситуациям местной торговой практики, без чего нельзя было достичь понимания соответствующих приемов читателями. В отличие от западноевропейских в русских арифметиках содержалось обилие подробно решенных задач, что необходимо было при использовании «Цифирных счетных мудростей» в качестве самоучителя. Любопытно, что работа русских математиков по созданию местного варианта учебника арифметики общеевропейского типа не попадала в поле зрения иностранцев, посещавших Россию в XVII в., хотя наблюдения о русской математике, например, содержатся в записях А. Олеария, Ю. Крижанича, И. Корба, Дж. Перри¹¹ (первый из них был придворным математиком герцога Гольштейнского). Следует иметь в виду, что эти высказывания иностранцев лаконичны и делались попутно с изложением особенностей русской государственной политики, экономики, культуры, быта и т. д. Тем не менее они являются важным источником, отражающим такие черты русской математики, которые сразу бросались в глаза свежему человеку.

Изданные на русском языке переводы иностранных наблюдений в математической части имеют различную степень точности. Интерпретация этих текстов, предложенная И. Г. Спасским и Б. В. Гнеденко, позволяет более правильно использовать их как источники по истории русской математики в XVII в.¹²

Судя по наблюдениям А. Олеария, в первой половине XVII в. в московских приказах применялся особый способ счета с помощью сливовых косточек, которые писцы носили при себе в маленьком мешочке. При этом он подчеркивал профессиональное умение русских вычислителей. К концу века Дж. Перри отмечает употребление в присутственных местах механического прибора с костяшками и бусами, нанизанными на прутья, закрепленные в раме. Следовательно, со времени наблюдений А. Олеария в приказах от употребления косточек в россыпи перешли к прибору — счетам. И. Корб говорит о русских вычислителях в разделе «Нравы МОСКОВИТОВ» вне связи с приказной деятельностью, отмечая «удивительную» скорость, с которой они получают очень высокий и верный результат. О самом вычислительном средстве у И. Корба написано неясно. Отмечая этот факт, И. Г. Спасский, однако, считает что иноземец имел в виду прибор.

Таким образом, иностранцы выделяют в качестве распространенного в русской приказной системе и быту инструментальный счет, который отличался от употреблявшихся в западноевропейских странах вычислительных способов. Это согласуется с другими данными русских письменных и материальных источников. Из них следует, что на Руси XI—XII вв. производились вычисления с помощью простейшего абак («счет костью») ¹³. Последний, возможно, в преобразованном виде употреблялся еще в первой половине XVII в., о чем свидетельствует

¹¹ См.: О л е а р и й А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Спб. 1906, с. 284; [К р и ж а н и ч Юрий]. Русское государство в половине XVII века. М., 1859, с. 8 и 13; К о р б И. Дневник путешествия в Московию (1689 и 1699 гг.). Спб., 1906, с. 239; [П е р р и Дж]. Другое и более подробное повествование о России.— ЧОИДР, 1871, кн. II, с. 136.

¹² См.: С п а с с к и й И. Г. Происхождение и история русских счетов.— В кн.: Историко-математические исследования, вып. V. М., 1952, с. 200—201, 356; Гнеденко Б. В. Указ. соч., с. 49.

¹³ См.: С и м о н о в Р. А. Математическая мысль Древней Руси. М., 1977, с. 44—74.

А. Олеарий. И. Г. Спасский установил, что в это время в России совершенствовался механический счетный прибор («дощанный счет»), возникший не ранее второй половины XVI в. и впоследствии приобретший вид современного вычислительного прибора — счетов.

Высоко ставя русский инструментальный счет, А. Олеарий и И. Корб ничего не говорят об арифметике общеевропейского облика в России. Дж. Перри касается этого вопроса, отмечая, что весьма немногие люди в России знакомы с «цифирной» арифметикой. К этому мнению близко стоял Ю. Крижанич. Ему не было известно о распространении среди русских людей тех знаний, каковые он считал нужными и для торговых операций¹⁴. Чем объяснить недостаточную информированность иностранцев о действительном процессе складывания русского учебника арифметики общеевропейского облика, который (процесс) характеризует различные «Цифирные счетные мудрости»? Причина указанной «слепоты», по-видимому, связана с тем, что процесс происходил достаточно скрытно от постороннего взгляда в связи с неодобрением и даже запрещением русской церковью определенных книг, в том числе и естественнонаучного характера, включая математические произведения. Хранение книги западноевропейского происхождения, в которой использовалась «цифирь», приводило к обвинению владельца в чернокнижии и репрессиям. Так, в 1676 г. боярину Артамону Матвееву было предъявлено обвинение в колдовстве: у него искали «черную» книгу — учебник, «...что писаны многие статьи цифирью»¹⁵.

Ничего не говорят иностранцы также и о распространении в России XVII в. геометрических знаний.

Практические приемы геометрического характера складывались в процессе строительства зданий, при сооружении укреплений, измерении земельных площадей и т. д. Эти приемы были как бы запрограммированы в системе зодческих и землемерных операций. Соответствующие знания передавались в устной форме, а также фиксировались текстуально. Известны в списках XVII в. «Книги сошного письма», в которых излагались правила для расчета податей по системе обложения, введенной в XVI в. и действовавшей на протяжении почти всего XVII в. В зависимости от качества земли и социального положения владельца реальные земельные площади переводились в условные — «сохи». Если бы по этой системе в каждом конкретном случае отдельно высчитывалась величина налога, то проведение в жизнь нового обложения крайне затруднилось или вообще оказалось бы невозможным из-за сложности соответствующей аналитико-геометрической работы. Однако было найдено удобное для практики сбора налога решение, связанное с использованием готовых, однажды выполненных подсчетов. Их арифметические комбинации исчерпывали все случаи расчетов по налогу обложению. Соответствующие исходные данные должны были быть достаточно точными, а их использование — удобным.

«Книги сошного письма» свидетельствуют о том, что эти вопросы решались на основе приемов формализации поиска нужной информации путем употребления различных диаграмм («ярлыков») и таблиц. Указанный процесс завершился в 1685 г. попыткой создания полностью формализованной системы поиска информации по сошному письму: от тетрадей — к обширной таблице на одном листе. В историографии сразу высоко оценили это решение. В. Крестинин в конце XVIII в. охарактеризовал его как «точное и достоверное изображение»¹⁶.

¹⁴ См.: [Крижанич Юрий]. Указ. соч., с. 8, 13.

¹⁵ Гнеленко Б. В. Указ. соч., с. 23.

¹⁶ Крестинин В. Начертание истории города Холмогор. Слб., 1790, с. IV.

Автор плаката («листа») Логин Урусской основные сведения по сошному письму привел в обширной таблице с двумя входами, где по вертикали указывались соха и ее доли (всех показателей — 11), а по горизонтали — данные о качестве земли, социальном положении владельца и др. Кроме того, плакат содержал более мелкие таблицы со словесными пояснениями: «Указ, по скольку четвертей сеется в выть», «О земляной мере», «О денежной клади» и др. Завершался он стихотворением в 24 строки, разъясняющим значение подобного формализованного изложения знаний:

«Все подробну на листу исписано порознь не так,
что в тетраде,

А мочно зреть и читать,
 И скорость разума от того взять»¹⁷.

Новая форма подачи данных по земельному обложению конца XVII в. оказалась перспективной, впоследствии — в начале XVIII в. — она была развита применительно к изложению математических знаний. В 1705 г. В. Киприанов издал плакат «Новый способ арифметики феорики или зрительныя». Здесь давались в форме вопросов и ответов основы арифметики с примерами вычислений и со стихами¹⁸.

Сведения по геометрии, которые приводятся в «Книгах сошного письма», содержатся в рукописях типа «Цифирной счетной мудрости». Это в основном данные об измерении площадей посредством разделения земельных участков на треугольники и четырехугольники. Правила, которые здесь излагались, давали расхождение с истинным результатом примерно на 20%. В указанных рукописях также встречаются задачи на определение расстояний до недоступного места или высоты предмета. Подобные задачи разобраны в рукописи по военному делу, составленной в первой четверти XVII в. на основе переводных источников, главным образом «Воинской книги» Л. Фроншпергера.

В русских математических рукописях XVII в. сообщаются некоторые сведения по стереометрии: о нахождении объемов куба, прямоугольного параллелепипеда, прямого цилиндра, бочки. Результаты подсчета объема бочки получаются меньше истинного. В целом уровень знаний по геометрии XVII в. уступает арифметическим. Однако встречаются русские геометрические рукописи намного выше среднего уровня. Одной из них является книга, написанная князем Иваном Альбертусом в 30-х гг. Это руководство поражает богатством содержания как в теоретическом, так и в практическом отношении. Оно превосходит по уровню геометрическую часть известной «Арифметики» Л. Магницкого (1703 г.). И. Альбертус готовил книгу к печати, но она так и не была опубликована¹⁹. Равноценные ей сочинения по геометрии появились в русской печати лишь в XVIII в., после основания Академии наук.

История первых печатных математических книг может служить иллюстрацией взаимосвязи двух факторов в развитии культуры: интенсификации торговли и роста городов. Крупнейшим русским городом и центром торговли в XVII в. была Москва. Здесь в 1682 г. была напечатана первая русская математическая книга «Считание удобное, кото-

¹⁷ Там же, табл. № 1, 2.

¹⁸ См.: Де п м а н И, Я. История арифметики. М., 1965, с. 344.

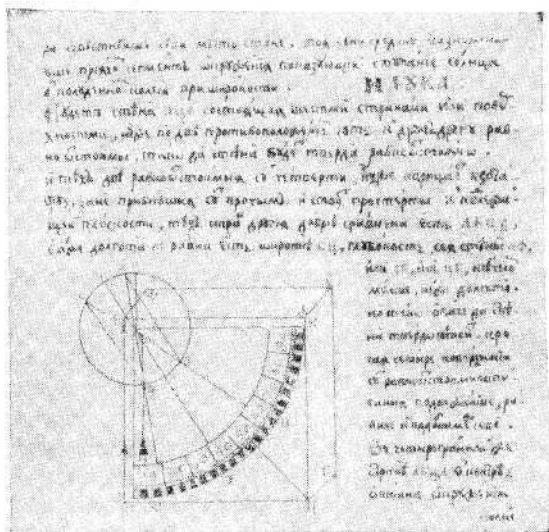
¹⁹ В ряде исследований автор перевода «Геометрии» князь Иван Альбертус Далматский неверно отождествляется с Иваном Обраслановым Елизарьевым. См.: Бельт й Ю. А., Швецов К. И. Об одной русской геометрической рукописи первой четверти XVII века. — В кн.: Историко-математические исследования, вып. XII. М., 1959, с. 185—244.

рым всякий человек, купующий или продающий, зело удобно изыскати может число всякия вещи», предназначенная для облегчения расчета торговых сделок. В ней содержалось 50 страниц таблиц умножения. Таблицы обеспечивали торговые расчеты на суммы до 10 тыс. рублей. Спрос на такого рода литературу привел к ее переизданию через 32 года. Числа в 1-м издании записывались в древнерусской «буквенной» нумерации, а во 2-м — в индоарабской. Это соответствовало требованиям времени, так как в начале XVIII в. вместе с переходом на ГРАЖДАНСКИЙ Шрифт была введена и новая нумерация.

По заказу архангельских купцов в 1699 г. в Амстердаме была напечатана на русском языке книга «Краткое и полезное руковедение во арифметыку, или во обучение и познание всякому счету в сочтении всяких вещей», составленная проживавшим там И. Ф. Копиевским (выходцем из Белоруссии или Украины). Купцов книга не удовлетворила, и они отказались ее принять. И. Ф. Копиевский несколько раз обращался к Петру I с жалобой на них, но безрезультатно²⁰. Не совсем ясны причины, по которым учебник был забракован. Существует мнение, что книга не удовлетворила купцов из-за своей элементарности. Действительно, из 48 страниц в ней арифметике отведено лишь 16 страниц, где даны краткие сведения об индоарабских цифрах и четырех арифметических действиях с целыми числами. Остальные 32 страницы отведены нравоучительным сентенциям.

Русское купечество было заинтересовано в математических книгах двух категорий. К первой относились учебники, приближенные к торговой практике; в таком направлении развивались «Цифирные счетные мудрости». Ко второй — таблицы, имевшие вспомогательные назначения при проведении торговых расчетов. Купцы, по-видимому, хотели получить книгу, принадлежащую к одной из этих категорий. Ни к одной из них произведение И. Ф. Копиевского не подходило; по сравнению с существовавшей в конце XVII в. русской литературой по арифметике она выглядела просто жалкой. Сбыть русским купцам учебник, который им казался элементарной поделкой, было непросто; в этом, очевидно, состоял основной просчет И. Ф. Копиевского, издавшего свой опус большим по тому времени тиражом — 3 350 экземпляров²¹.

Таким образом, новые условия, в которые вступила русская торговля в XVII в., вызвали возрастание потребностей в математическом знании, главным образом в области арифметики. В этой связи происходит мобилизация средневековых математических представлений по инстру-

лист РУКОПИСНОЙ «КНИГИ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ»,
вторая половина XVII в.

²⁰ См.: Д е п м а н И. Я. Указ. соч., с. 97—98.

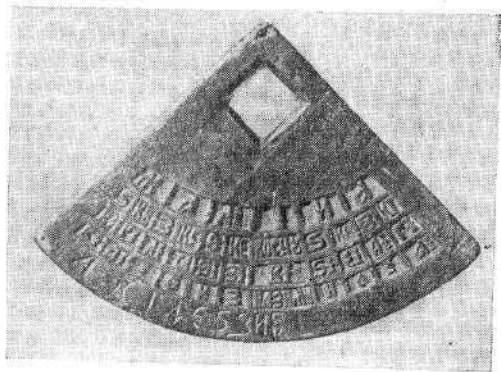
²¹ История отечественной математики, т. 1. Киев, 1966, с. 150.

ментальному счету. Вычислительный прибор («дошанный счет»), возникший в XVI в., в новом столетии был так усовершенствован, что его облик в дальнейшем почти не претерпел изменений. «Счеты» до сих пор служат вспомогательным средством в торговой и финансовой практике. Одновременно шел процесс переработки западноевропейского учебника «практической» арифметики, возникшего как средство решения задач, встречающихся в практической деятельности. Однако создание русского варианта такого учебника по своему значению далеко выходит за пределы обслуживания нужд торговли. Учебниками типа «Цифирной счетной мудрости» была заложена база современного арифметического знания. Сведения о начертании и значении индоарабских цифр, об арифметических действиях на их основе, которые сообщаются в современной школе, по существу остаются неизменными и теперь.

Повышение уровня русской математической культуры к концу XVII в. связано с определенным преодолением негативного отношения церкви к математической науке. В результате реформ Петра I церкви пришлось изменить и модернизировать старые догмы, в пользу утверждающейся науки и культуры. Петровские нововведения, способствовавшие развитию в России научного знания, как бы «сверху» направляли распространение «цифирной» арифметики. Этот процесс сомкнулся с модернизацией средневекового инструментального счета и с проходившим до этого в достаточной степени негласно и скрытно распространением «снизу» арифметической литературы общеевропейского типа. Слияние обоих направлений дало дополнительный толчок развитию математического знания, в результате которого в кратчайший срок по ряду направлений математики Россия догнала западные страны уже, в XVIII в., а в 1-й половине XIX в. смогла выйти (Н. И. Лобачевский) на передовые рубежи мировой математической науки.

АСТРОНОМИЯ

В истории становления русской астрономии XVII столетие отличается от предыдущего большей детализацией описываемых явлений, более точной их фиксацией, применением оптических инструментов, появлением ряда переводных астрономических трактатов, в которых были зафиксированы успехи западноевропейской астрономии. Однако это не означало, что тезис священного писания о сотворении всего сущего «на небеси» творцом потерял значение господствующей догмы. Любое отклонение от этого тезиса сразу же становилось объектом пристального

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ,
XVII в.

внимания представителей русской церковью и нападок с ее стороны. Весьма характерный пример — назидание одного неизвестного русского проповедника. Указывая, что «во всех дохматах» божественного писания «праведным солнцем» именуется Христос, автор укоряет тех, кто «от неразсуждения и неведения» называет праведным солнцем* «сущее на крузе» небесном, т. е. считает его материальным предметом. И лишь на том основании, возмущается далее автор назидания, «понеже бо чювствен-

ными вещами», считает он, можно назвать лишь те, которые **производят** сами люди.

Подобным же образом подвергался нападкам справщиков и составитель «Катихизиса» Лаврентий Зизаний Тустановский. Он брал статьи об астрономических явлениях из «Астрологии», «а та книга астрология взята от волхов елленских», и «к нашему правоверию несходна»²².

Гонение на науку со стороны русской церкви постоянно и весьма характерно. Так, когда в конце XVII в. была переведена на русский язык знаменитая «Селенография» Яна Гевелия, в которой подробно описываются карты Луны, многочисленные приборы наблюдения за небом, представители русской церкви немедленно усмотрели в этом особую опасность для своего вероучения и гневно обрушились на книгу.

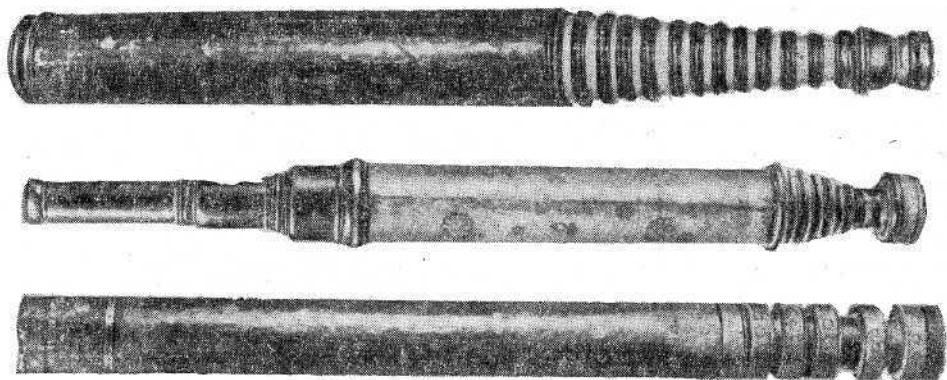
Епифаний Славинецкий, переведя «Космографию» Иоганна Блеу, тем самым познакомил русского читателя с гелиоцентризмом Коперника. А. И. Рогов считает, что Епифаний на этом не остановился. Кружок просветителей в Крутицком подворье, членом которого был Славинецкий, вполне

вероятно, пропагандировал учение Коперника не только теоретически, но и проводя астрономические наблюдения. Недавние изыскания историков архитектуры позволили установить интересный факт: в Крутицком подворье обнаружено сооружение, аналогичное тем, на которых устанавливал для астрономических наблюдений триквестр (специальный прибор) Коперник. Стремление познакомиться с небесными светилами поближе, узнать все об астрономических явлениях жило в сознании человека всегда. К тому же с появлением различного рода астрономических оптических инструментов возможности наблюде-

СЕРЕБРЯНЫЙ НЕБЕСНЫЙ ГЛОБУС,
ПРИВЕЗЕННЫЙ ИЗ ГЕРМАНИИ
ДЛЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА В 1651 г.

²² Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. С. Тихонравовым. Спб., 1859, т. И, с. 94.

ЗРИТЕЛЬНЫЕ ТРУБЫ,
XVII в.

ний за небом значительно расширились. В 1658 г. в Москву «из немец» была привезена подзорная труба, через которую «мочно видеть в тридцать верстах блиска». Еще ранее, в 1614 г., для царя Михаила Федоровича у гостя московского Михаила Смывалова была куплена «трубочка, что дальнее, а в нее смотря, близко»²³. Подзорные трубы были у князя В. В. Голицына и архиепископа холмогорского Афанасия, который имел также книги по астрономии, компасы, глобусы, часы. Увлечение его астрономией нашло отражение в факте изображения в Холмогорах знаков Зодиака и земного шара.

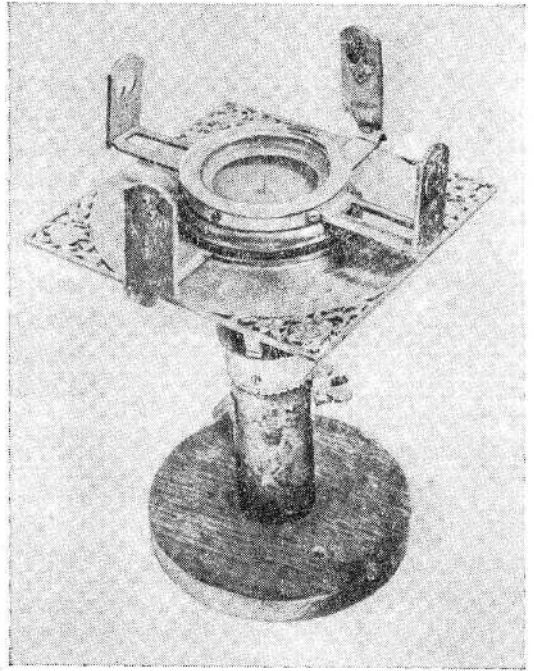
Только проявлением интереса к астрономической тематике можно объяснить появление многочисленных изображений небесных сфер, земного шара, созвездий в настенных росписях и иконах этого времени. Так, в росписи 1681 г. в церкви Ильи Пророка в Ярославле можно видеть земной глобус, меридиан, экватор. На иконе «Отче наш» (работы Симона Ушакова) были изображены знаки Зодиака. Сферы с Луной, Солнцем и 8-е звездное небо со знаками Зодиака нарисованы на иконе «Всех скорбящих радость»²⁴. Схема вселенной дана здесь по Птолемею и по Аристотелю. В 1679 г. Карп Золотарев копировал «12 месяцев и беги небесные» для Петра I. В 1680 г. Иван Безмин изобразил «лунное течение, солнце, месяц и звезды», а в 1684 и 1688 гг. «беги небесные» были нарисованы для царевен Софьи и Татьяны Михайловны. Над зданием Посольского приказа во второй половине столетия находилось изображение земного глобуса — в виде шара. Вряд ли можно объяснить все это одной только модой и подражанием Западу. Достаточно вспомнить, что еще в Киевской Руси великокняжеские и боярские хоромы расписывались звездами, Луной и Солнцем.

Разумеется, учение Коперника, представления о шарообразности Земли и т. п. могли быть достоянием определенного узкого круга русского общества, представители которого имели возможность знакомиться с передовыми идеями западноевропейской науки благодаря контактам с иностранцами и через соответствующую литературу. Подавляющее же большинство населения Руси с вышеперечисленными идеями было незнакомо, или считало их не заслуживающими внимания, или относи-

²³ Соболев С. А. Оптические инструменты и сведения о них в допетровской Руси.— Труды Ин-та истории естествознания и техники, т. III. М., 1949, с. 137—138.

²⁴ См.: Ретковская Л. С. Вселенная в искусстве Древней Руси.— Труды ГИМ, вып. 33. М., 1961.

лось явно враждебно и недоброжелательно. Именно к тем слоям русского общества, которые не понимали и не принимали новые идеи, относится замечание Адама Олеария: «...русские Астрономию и Астрологию ... считают волшебными науками» и «никак не думают, что было естественно знать наперед и предсказывать затмения Солнца и Луны»²⁵. Известно, что подобные высказывания иностранных путешественников и послов весьма часто оказывались субъективными. Уместно вспомнить, что еще в XV столетии русские отлично умели предсказывать солнечные и лунные затмения, пользуясь таблицами «Шестокрыла». Искусство это, разумеется, исчезнуть вовсе не могло. Тем более что в XVII столетии появляются карманные часы, а башенные — становятся принадлежностью многих русских городов. Регулировали их (как и карманные) по восходу и заходу Солнца, вычисленным заранее. Счет часов от полуночи ведет свою биографию именно с XVII в. Появление астрономических приборов, распространение часов способствовали развитию русской картографии и навигации. В этом отношении XVII столетие дает неизмеримо больше, нежели все предыдущие.

АСТРОЛЯБИЯ КРУГЛАЯ,
вторая половина XVII в.

МЕТЕОРОЛОГИЯ

Наблюдения за явлениями природы, происходящими в атмосфере, не менее значимы, нежели астрономические наблюдения, а комплекс представлений о них, отраженный в народном творчестве, даже обширнее. Действительно, ведь именно от состояния погоды сплошь и рядом зависит урожай, благосостояние и сама жизнь крестьянина. С ростом городов и увеличением городского населения происходил объективный процесс отъединения человека от земли и тем самым в известной мере и от природы, а это сокращало число лиц, умевших по малейшим признакам давать и кратковременные и долгосрочные прогнозы. Не случайно пословицы, поговорки и приметы, относящиеся к метеорологическим явлениям, сохранились в первую очередь в среде крестьянства, в русской деревне.

Большинство народных примет связано с дождями. Они встречаются в разнообразных «Астрологиях» — сборниках XVII столетия. Так, в сборнике «О небеси и планетах небесных» упоминается звезда «Заря», которая если «румяна явиться», то «знаменует дождь». Снегопад 2 фев-

²⁵ О л е а р и й А. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию... в 1633, 1636 и 1639 гг. М., 1870, с. 165.

раля (Сретение) предвещает обильные весенние дожди. Известна народная примета: «Вознесение с дождем — Илья с грозой» и множество других²⁶.

В литературе (как переводной, так и оригинальной) в отличие от пословиц и поговорок причины выпадения дождей и снега, наводнений и засух детализированы. Рациональные разъяснения в то же время сплошь и рядом перемежаются традиционными богословскими формулами: все в мире происходит вследствие желания творца и его слуг — ангелов божьих. Эти «служебные» ангелы «воздух правят, ведро, облака, громы». Они же «испущают град и дождь на землю»²⁷. На этих же «ангелей дождя», например, указывали Лаврентию Зизанию его справщики 18 февраля 1627 г., назначенные привести его труд в соответствие с Библией.

Представления об образовании дождей из морской воды, весьма распространенные ранее, характерны и для XVII столетия. Так, «Азбуковник» сообщает, что «смерч небесный — облак дождевный; им воду яко в губу взимает и взошед на высоту, паки проливает ю на землю». То же говорит и Павла Берында в своем «Лексиконе»: «смерчь — пи* авица, облак дождевный»²⁸.

Справщики «Катихизиса», составленного Лаврентием Зизанием, возмущались тем, что механизм образования грома и молнии он видел в столкновении облаков: «облака, надувшиеся, сходятся и ударяются, и от того бывает, яко от камня и железа, гром и огонь»²⁹. Это была одна из самых распространенных теорий того времени, существенная деталь которой — утверждение, что «гром бывает во облаце, а не на небеси, где туча, ту и гром есть»³⁰.

Имела хождение и другая теория образования грозы — реакция от столкновения воды и огня. Соединение воды и огня («невещественного»), из которого «созданы» светила, приводит к возникновению грома: «вода же возшумит и побежит, и облаци дроти учнет, и облаци с водою сразятся и гремит». Причем автор сборника, где говорится об этом, ссылается на всем хорошо известный факт: бросание раскаленного камня или железа в воду приводит к тому, что «клокотание и шум имать бысть» («и на аере тем же подобием шум и гром») ³¹. Считая, что молния и гром — производные от столкновения облаков (как камень о камень — искра и звук), он думал, что сначала следует гром и лишь затем — молния. То, что на самом деле все наоборот, пытались объяснить несовершенством человеческого слуха («косно»), тогда как зрение «скорее есть». В качестве примера приводили человека, колющего дрова: «видиши и на секущих дрова, аще он далече нас секит, сечиво оубо видим оударяюще древо, грохот же не в тот час слышим, но мимошедшу николико часу, тогда и грохот слышим, тем же образом и молнию оуб не косно зрим, грохот же после» ³².

В XVII столетии, как никогда ранее, появляется большое количество всевозможного рода сборников и статей «О гrome и молнии», «О

²⁶ СОРЯС, т. XXIV, 1903, с. 71; Максимов С. В. Соч., т. 17. Спб., 1912, с. 53; Ермолов А. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, т. I. Спб., 1902, с. 289.

²⁷ Пыпин А. Н. Московская старина. — «Вестник Европы», 1885, № 1—6, январь, кн. 1—12, с. 303—304.

²⁸ Сахаров И. П. Сказания русского народа, т. II (кн. 5—8). Спб., 1849, с. 184, 95.

²⁹ Летописи русской литературы и древности... т. II, с. 94.

³⁰ Библиографические материалы, собранные П. Поповым. — ЧОИДР, 1881, кн. II, с. 58.

³¹ Перетц В. Н. Материалы..., вып. 1. Спб., 1899, с. 8.

³² Перетц В. Н. Материалы к истории апокрифа и легенды, вып. 2. Спб., 1901, с. 26.

шибании громнем», «О грозе» и др. В них естественные причины образования явления природы стоят на переднем плане, отодвигая библейское толкование. Эти идеи в XVII столетии находят все большее число читателей и сторонников среди наиболее образованных людей России. Однако основная масса населения продолжала видеть в грозе результат деятельности Ильи Пророка, заменившего языческого Перуна в небесной иерархии.

МЕХАНИКА

Практически все знания в области механики, накопленные в предшествующих столетиях, использовались в XVII в. во всевозрастающих масштабах. Гончарный круг, всевозможного рода станки, подъемные механизмы, ветряные и водяные мельницы, часы, огнестрельное оружие, замки и т. п. находили применение повсеместно. Особенно много во второй половине столетия появляется водяных мельниц, в том числе «для ростирки тесу и досок». Образец такой мельницы для хозяйства подмосковного села Измайлово в 1667 г. создал Моисей Терентьев. Пильные мельницы работали в Архангельске, Нижнем Новгороде (1692 г.). Связано это было с ростом строительства вообще и деревянного в частности. Деревянные конструкции этого времени были чрезвычайно сложны и разнообразны: подвесные деревянные своды, чердаки каркасной конструкции, стропильная система крыш. Значительное место в каменном строительстве этого времени занимает такой строительный материал, как кирпич; деревянные контурные связи (для более равномерного распределения давления на грунт) заменяются металлическими. Весьма сложной была конструкция шатровых перекрытий (венчающих башни, храмы, колокольни), сооружаемых на восьмериках, стоявших, в свою очередь, на четвериках. Большое количество окон и переменная толщина стен по высоте облегчали эти здания. Соотношение высоты и толщины конструкций русские строители выбирали опытным путем. При всех строительных работах применяли различные механизмы: водолейные колеса, ворота, блоки, полиспасты, винтовые деревянные домкраты, противовесы.

Механические приспособления были распространены на первых русских доменных заводах, называвшихся «мельнишными заводами», ибо основным источником энергии была вода. Один из таких заводов, заложный А. Д. Винусом, стоял на реке Тулице. Здесь в 1647 г. было сооружено 3 плотины: мельничные водяные колеса приводили в действие меха, молоты, сверлильные станки («круги») для внешней и внутренней отделки готовых стволов пушек, циркульную механическую пилу, подъемные механизмы для поднятия стволов пушек. Подобное же оборудование находилось и на других пушечных заводах. Так, Каширский завод, построенный уже во второй половине века, был оснащен «многими вододействующими станками для сверления, отбелки и отделки ружейных стволов»³³. Таким образом, русские заводы того времени были оснащены весьма передовой техникой. Тем не менее небольшие размеры плотин (а отсюда дефицит энергетики) не позволяли расширять доменное производство.

Специальных трактатов по практической механике, ни оригинальных, ни переводных, на Руси не знали. Лишь в «Космографии» Иоганна Блеу, да и то со ссылками «на греков», сообщалось о движении всего, «яже на небеси видима есть», о «движении телес небесных», о

³³ Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР, т. 1. М., 1954, с. 121.

том, что «число различных небес познавается от разнства движений яже в них зрима суть»³⁴. Говоря о «механике звездной», Блеу ссылается на Аристотеля, Аристарха Самосского, Гиппарха, Птолемея, Николая Коперника (о движении Земли «окрест своей оси»). Литература подобного рода, по существу, ничего не могла дать практику-механику. В XVII столетии положение несколько меняется. Усложняются задачи: растут масштабы строительства, сооружаются всевозможные мельницы, заводы. Все больший контингент населения вовлекается в эту работу. Именно поэтому появляются разного рода наставления, своеобразные «рецепты». Рукописный «Устав ратных, пушечных и других дел» (1620 г.) был первой попыткой соединения теории и практики. В основе его лежала «Воинская книга» Фроншпергера. В ней содержались сведения по химии, физике, механике, много места отводилось теории стрельбы, прослеживалась прямая зависимость дальности полета ядра от длины и наклона орудийных стволов («чем направление выше бывает, тем черты на воздух в крузах меньше бывают, а ядра ближе падают»), описывались разнообразные подъемные приспособления, применяемые при штурмах крепостей. Однако наставлениями, содержащимися в «Уставе», основная масса русских ремесленников не могла воспользоваться из-за своей неграмотности. Не случайно «Устав» был издан только в 1771 и 1777 гг. Одновременно на Руси были переведены «Воинская книга о всякой стрельбе и огненной хитрости», «Огненные художества» Бойлита Лангрини и «Военное искусство» Вальгаузена³⁵. В них рассматривались вопросы баллистики, описывались измерительные приборы. Но и эта литература, существовавшая в незначительном количестве списков, не была широко известна русским специалистам.

ХИМИЯ

В XVII столетии возрастает количество рецептурных сборников («Иконописные подлинники» и др.), в которых помещались сведения о способах приготовления красок и красителей, лекарств, настоев, чернил, всевозможных напитков, мазей. Рост строительства, расширение промыслов, торговли вели к увеличению спроса на те вещества, применение которых позволяет говорить о развитии химии.

Возрастает производство селитры, пороха, соли, красок, чернил; при ювелирной пайке используются золото, серебро, мышьяк. Широко развивается стекольное производство: посуда, оконное стекло, украшения. Стекломассой покрывают печные изразцы.

При приготовлении керамической (лощенной) посуды для придания сосудам красивого серебристо-черного и черного оттенков их после обжига «томили» в горнах при недостаточном доступе кислорода. Смолистое топливо поглощало кислород из глины; окись железа, придающая глине красноватый оттенок, восстанавливалась на стенках сосуда в виде графитовой пленки.

Для русской артиллерии изготавливаются всевозможные пороха и зажигательные смеси. Образцы их, вероятно, хранились потом в архиве Пушкарского приказа³⁶. Необходимая для приготовления пороха селит-

³⁴ Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. Изд. 2-е. М.—Л., 1947, с. 124, 128.

³⁵ См.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Спб., 1903, с. 107.

³⁶ См.: Богоявленский С. К. О Пушкарском приказе.— Сборник статей в честь Любавского. Пг., 1917, с. 375—376.

ра в XVII столетии производилась на Руси повсеместно, а поиски ее охватывали теперь и Сибирь. Так, в 1684 г. в письме к иркутскому воеводе Леонтию Кисленскому из Москвы требовалось «приискивать и расспрашивать всяких чинов людей... про селитряную землю»³⁷.

Добыча соли, как и ранее, производилась на соляных варницах, где теперь начинают заводить своеобразные промысловые «журналы» и наставления, в которых фиксируются правила бурения скважин, их сроки³⁸.

Непосредственно с химией было связано приготовление моющих средств и косметики. В XVII столетии мыловарением занимались практически везде: в Москве, Твери, Можайске, Коломне, Костроме, Галиче, Шуге, Владимире, Поволжье, на Севере, в Сибири, на юге России, на Украине. Мыло выпускалось нескольких сортов: белое, серое, бурое, простое, «доброе», портное, «слабое», тугое, «красное», туалетное, лечебное³⁹. Готовили его из сала, ворвани, коровьего масла, золы, зольного щелока, поташа, соли. Сохранился рецепт конца XVII столетия «О варении мыла», в котором сообщалось, какими предметами пользовались при его варении: котел, кади, буки, коробки, лопатки и пр. В косметическое мыло шли нашатырь, вино, мастика.

Попутно на этих же промыслах готовили и сальные свечи, сырьем для которых служило сало, волокно. С конца века стали употреблять трубки для литья восковых свечей. Последние в большом количестве изготовляли и в многочисленных русских монастырях.

С учреждением в XVII столетии Аптекарского приказа упорядочивается производство всевозможного рода лекарств: водок, настоек, тинктур. Использовали при этом перегонку, сублимацию, фильтрацию, прокалывание; в дело шли коричневая, гвоздичная, анисовая, лимонная, померанцевая водка и спирт. Столь распространенные именно в это время «Лечебники» сообщали, что аптекарю надо «знать и ведать всякие травы, и цветы, и коренья», «составы составлять про здоровье всяких людей», «порошки всякие делать». В состав всевозможных лекарств входили уксус, спирт, камфара, нефть, олифа, сахар, смола, черный уголь, белила, ярь, купорос, мышьяк и т. д.⁴⁰.

В упоминавшихся «Уставах» и «Воинских книгах» много места отводилось химии приготовления взрывчатых веществ: упоминаются сера, янтарь, смола, купорос, мышьяк, бура, водка, сурьма, сулема, нефть, камфара, воск (всего около 50 наименований); говорится о припрыскивании, процеживании.

БИОЛОГИЯ

В области биологии на Руси в XVII столетии намечается значительный сдвиг: рост городов и увеличение числа городского населения требовали производства во все больших масштабах сельскохозяйственной продукции. Наряду с обычной мерой (расширением площади запашки) известны попытки интенсифицировать сельскохозяйственное производство за счет внедрения передовой практики. То, на что еще совсем недавно смотрели с недоверием и даже враждебностью, начинает прививаться на русской почве.

³⁷ ДАИ, т. X, с. 324—333.

³⁸ См.: Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность в Соли Камской в XVII в. М., 1957, с. 34.

³⁹ См.: Ключевич А. С. Из истории материальной культуры и народного хозяйства России. Казань, 1971, с. 83—89.

⁴⁰ См.: Флоринский В. М. Русские простонародные травники и лечебники. Казань, 1880, с. 202; Фигуровский Н. А. Химия в Древней Руси.— В кн.: Вопросы истории отечественной науки. М.— Л., 1949, с. 247.

В этом отношении наиболее характерно хозяйство подмосковного села Измайлово, где во второй половине века проводились опыты по выращиванию астраханского винограда, шелковицы, хлопчатника (семена везли из Астрахани и с Терека). Не случайно в 1672 г. «государю челом ударил персидския земли армянин Григорий Лусиков шкатулкою с червями, от которых шелк родится»⁴¹. Больше всего шелковиц (около 5000) находилось в другом подмосковном селе — Пахрине. В нем был заложен питомник тутовых деревьев. Удивление иностранцев вызывали подмосковные дыни (весом до пуда) и сам трудоемкий процесс их выращивания — на специально закрываемых на ночь рогожами грядках. Эти опыты по садоводству и огородничеству были не прихотью царственных владельцев Измайлово, а скорее одной из первых попыток обобщения сельскохозяйственного опыта, стремлением внедрить в России то, что с таким трудом выторговывалось из-за границы. Известно, например, что в 1651 г., увидев у одного из иностранцев некое растение «рейнзат», один из русских вельмож распорядился своим приказчиком внимательно изучить, на каких землях будет произведена посадка, когда и как трава будет сжата, дабы им «перенять».

К подобного рода опытам, не изученным еще основательно ни историками, ни специалистами по сельскому хозяйству, относится и Розовый остров (Пудожское устье Двинской дельты), на территории которого площадью в 20—30 га разводили розы. Английский натуралист Традескант-старший в 1618 г. вывез их в Англию, назвав «московскими розами». Вполне может быть, что это один из сортов шиповника.

С освоением гигантских просторов Сибири появляются сведения и о ее флоре. В связи с необходимостью снабжения русских переселенцев своим зерном проводились своеобразные опыты по выращиванию в местных условиях (на разных почвах) ярового ячменя, овса, капусты, репы, огурцов. О том, что зерновые и овощи дают хорошие урожаи на Амуре, сообщали в своих «скасках» в 1645 г. в Якутск участники похода Пояркова⁴².

Знания о животном мире, как и ранее, концентрировались вокруг домашних и диких животных. Проводились опыты по акклиматизации и разведению необычных для России животных. В том же селе Измайлово находились американские олени, русские кабаны, львы, тигры, барсы, рыси, соболи, белые медведи, дикобразы, ослы. Подобным же образом в другом подмосковном селе Семеновское держали белых медведей, рысей, ланей, оленей, лосей, которых начиная с 1671 г. содержали в специально для них сооруженных сараях. На 37 прудах в Измайлово проводились первые в России опыты по прудовому разведению рыбы: карпа, стерляди, линя, окуня, карасей, плотвы и даже ручных щук. Здесь же разводили птицу: цапель, лебедей, китайских гусей.

С развитием сельского хозяйства, военного дела, охоты проявляется повышенный интерес к коннозаводству; при этом используются переводные руководства: «Школа верховой езды» (перевод с французского), «Руководство по коннозаводству» (с польского) и др.

В XVII столетии проводились попытки искусственного разведения жемчужницы. До сих пор в Сольвычегодске один из небольших прудов носит название «Жемчужное». Зачинатели дела — Строгановы.

Охота по-прежнему оставалась основным подспорьем к земледелию и скотоводству. Происходит интенсивное освоение богатств сибирской

⁴¹ История естествознания в России. т. I, ч. I. М., 1957, с. 174.

⁴² См.: Копылов А. Н., Полевой Б. П. Землепроходцы XVII в. и изучение Сибири.— В кн.: Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). Новосибирск, 1968, с. 26.

фауны. Так, через Мангазею в течение только одного октября 1633 г. в Устюг прошло 15 судов, везших 6 тыс. соболей, 7,5 тыс. «пупков собольих» (часть шкурки), а также шкуры бобров, росомох, песцов⁴³.

Предметом охоты в Сибири стали и моржи, тюлени, киты. Поиски высоко ценимого на мировом рынке «рыбьего зуба» (бивни моржей, бивни ископаемого мамонта) привели русских промышленников к богатейшим морским лежбищам на Анадырском лимане.

Это обилие животного мира ошеломляло и привлекало внимание не только профессиональных промышленников и путешественников, но каждого, кто бывал в Сибири. Так, протопоп Аввакум (участник экспедиции в Забайкалье в 1656—1662 гг.) подробно описывает птиц (гуси, вороны, галки, орлы, соколы, кречеты, лебеди, глухари), диких зверей (коз, оленей, изюбров, кабанов, лосей, волков)⁴⁴. А Николай Спафарий, путешествовавший по Сибири, впервые раскрыл разнообразие сибирского соболя — ленского, даурского, «собачьего», места его обитания, его биологию. Описание животного мира Сибири, сделанное Спафарием, — практически одно из первых научных описаний животного мира и географии Сибири.

Уникальны и «отписки» В. Д. Пояркова (Амур, 1645 г.) о миграции семги и осетра, стерлядки, севрюги. Атласов описал миграцию и икротетание проходных рыб.

Литература о животном мире этого времени разнообразна: статьи «Хронографа» «О естестве скотьи», «О всех скотах и зверях и птицах и их нравах»; переводятся на русский язык (для узкого круга придворных) «Описание четвероногих животных» У. Альдрованди, «Книга о строении человеческого тела» А. Везалия и др. В многочисленных сборниках наряду с описаниями реально существовавших животных по-прежнему часто встречаются и вымыслы.

МЕДИЦИНА

В XVII столетии в развитии русской медицины произошел ряд качественных и количественных изменений. Продолжает развиваться народная медицина, накапливаются медицинские знания.

В крупных центрах Российского государства насчитывалось значительное число «лечцов» (народных врачей — недипломированных врачей), которые оказывали медицинскую помощь не только горожанам, но и сельским жителям. Народный врачеватель из г. Кашина «рудомет» (умеющий делать кровопускание) «Федька Григорьев (1654)... ходил во время чумы в село Постниково... для рудометного промыслу через заставу». Об этом стало известно. Сразу же последовал приказ Кашинскому воеводе Непейцину публично наказать нарушителя карантина: «бити багоги нещадно». О деятельности народных врачевателей в Московском государстве свидетельствуют и другие материалы. В г. Полоцке сын И. М. Таборовского Матвей «у отца выучился лекарской науке, раны лечить колотые и рубленья, и стреляныя и пульки вырезать, суставы ломаные справливать, и жильную руду пускать»⁴⁵. Народные врачи обладали рациональными медицинскими навыками, которые применяли на практике. Все более широкой популярностью пользова-

⁴³ Таможенные книги Московского государства XVII в. М., 1950, с. 71—74.

⁴⁴ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960, с. 70.

⁴⁵ Высокский Н. Ф. Чума при Алексее Михайловиче. 1654—1655. Казань, 1879, с. 16; Грицкевич В. П. Медицинское дело в феодальном Полоцке.— «Здравоохранение Белоруссии», 1964, № 2, с. 77—80.

лись среди народа рукописные «Лечебники», «Травники», где был обобщен опыт народной медицины.

В XVII в. все настойчивее встает вопрос об обеспечении постоянной медицинской помощью войска и гражданского населения. С этой целью и был создан в 1620 г. Аптекарский приказ — высший орган управления медицинской службой в стране. Необходимость создания нового медицинского государственного учреждения диктовалась еще и тем обстоятельством, что в 1581 г. была открыта первая аптека и для работы в ней прибыло большое число иноземных, а затем и русских врачей. Аптекарский приказ был выделен из состава Приказа Большого дворца. На первом этапе своей деятельности он являлся придворным медицинским учреждением. Его возглавляли приближенные царя (не врачи). Из документов известно, что руководили Аптекарским приказом князь И. Б. Черкасский (1629—1633), думные дьяки Иван Гавринев и Иван Балкановский (1633—1642), боярин Ф. И. Шереметьев (1642), боярин Ф. В. Бутурлин (1643—1646), Б. И. Морозов (с 1646), князь Я. Черкасский, И. Д. Милославский (1654—1663), боярин А. С. Матвеев (1672—1676), князь Я. И. Одоевский (1689) и др.

В обязанности персонала Аптекарского приказа входило обеспечение медицинской помощью царя, его семьи и приближенных. При этом изготовленные для царя «отборочные врачебные средства» хранились в аптеке в особой комнате («казенке») за печатью дьяка Аптекарского приказа. Выписывание лекарства и его приготовление было обусловлено большими строгостями. «Приготовленное для дворца лекарство отведывалось докторами, его прописавшими, аптекарями, его приготовившими, и, наконец, лицом, которому оно сдавалось для передачи на «верх»⁴⁶. В 1631 г. штат Аптекарского приказа был небольшой: два доктора, пять лекарей, один аптекарь, один окулист, два переводчика и подъячий.

В середине века Аптекарский приказ из придворного учреждения превращается в общегосударственное. Значительно расширяются и его функции: он ведал приглашениями на службу иноземных врачей и подготовкой национальных кадров, распределением их по должностям, проверкой «докторских сказок» (историй болезней) и выплатой жалованья. Из Аптекарского приказа исходило руководство аптеками, аптекарскими огородами и организацией сбора лекарственных растений в масштабе страны.

Военные события выдвинули еще одну проблему перед Аптекарским приказом — создание медицинской службы в русской армии. Отсюда возникли дополнительные функции: назначения в войска лекарей и подлекарей, снабжение лекарствами полковых аптек, организация временных военных госпиталей, освидетельствование солдат о пригодности их к несению военной службы. По распоряжению Аптекарского приказа в 1654 г. в русскую армию под Смоленск впервые был направлен значительный отряд русских лекарей. Вот их имена: Савелий и Моисей Гавриловы, Федор и Матвей Ивановы, Роман Лохавин, Максим и Артемий Прокофьевы, Артемий Азаров, Сергей Афанасьев и аптекарь Иван Михайлов. В Белгород в полк Соловьева посланы лекари: Наум Осипов, Сидор Григорьев, Федор Захаров, Иван Минин⁴⁷.

К 1681 г. штаты Аптекарского приказа значительно увеличиваются. Среди сотрудников (а их более 100) 6 докторов, 4 аптекаря, 10 лекарей-иноземцев, 21 русский лекарь, 38 учеников лекарского и костоправ-

⁴⁶ Загоскин Н. П. Врачи и врачебное дело в старинной Руси. Казань, 1891, с. 37.

⁴⁷ Материалы для истории медицины в России, вып. II. Спб., 1883, с. 145.

ного дела. Кроме того, в штат входило 12 подьячих, толмачи, огородники и хозяйственные работники⁴⁸.

Место размещения Аптекарского приказа не было постоянным. Первоначально он находился на территории Кремля в каменном здании напротив Чудова монастыря. Во второй половине века основные службы Приказа были перемещены на новое место. В книге расходной за 1657 г. есть такая запись: «... Царь и Великий князь Алексей Михайлович... указал свой Государев Аптекарский двор и огород перенести... от Кремля города за Мясницкие ворота и устроить в огородной слободе на пустых местах»⁴⁹. На строительство нового здания были отпущены средства, указаны его размеры. Из документов известно, что существовали помещения Аптекарского приказа и у Каменного моста.

Для улучшения постановки аптечного и медицинского дела в Аптекарском приказе в 1690 г. был издан соответствующий указ царей Ивана и Петра Алексеевичей. В нем отмечалось, что доктора и аптекари не имеют между собой доброго согласия, «без всякой причины» между ними наблюдается частая «вражда, ссора, клевета и нелюбовь». Отсюда у младших чинов к докторам и аптекарям «непослушание», в делах — «нерадение». В указе сказано, что при таком положении изготовленные лекарства «вместо пользы могут причинить людям страдание. Для наведения должного порядка в медицинском деле и в аптеках указ предписывал каждому доктору принимать присягу и клятву.

В 1654 г. при Аптекарском приказе была открыта «Школа русских лекарей», первый набор состоял из 30 учеников. Срок обучения в школе был установлен 5—7 лет. Учеба первого набора слушателей продолжалась четыре года. Ввиду большой нужды в полковых лекарях в 1658 г. состоялся досрочный выпуск. Назовем имена первых русских лекарей: Авдеев Кирилл, Алексеев Степан, Антонов Иван, Афанасьев Никита, Васильев Григорий, Васильев Федор, Васильев Федот, Григорьев Алексей, Григорьев Андрей, Губарев Любим, Дементьев Яков, Иванов Никифор, Иванов Фирс, Марков Иван, Минин Иван, Миронов Иван, Миронов Яков, Никитин Иван, Осипов Наум, Подуруев Василий, Прокофьев Сергей, Раев Иван, Семенов Иван, Тимофеев Демид, Федоров Василий, Федоров Иван, Федоров Лука, Федоров Андрей, Мешуков Афанасий, Яковлев Наум, Яковлев Федот. Два ученика прибавились к первому набору в процессе учебы. Из числа окончивших 17 лекарей направлены были в действующую армию, остальные — в Стрелецкий приказ для прохождения службы⁵⁰. Эта школа готовила врачебные кадры на протяжении всей второй половины XVII в. Вместе с тем для обучения лекарскому искусству продолжала существовать и система ученичества. Ученики лекарского и аптекарского дела направлялись к опытным докторам и аптекарям для получения медицинских знаний и врачебных навыков.

Лекари и их ученики пользовались книгами по медицине, в том числе популярным в России в XVII в. научным сочинением «Аристотелевы врата» или «Тайная тайных» (XV—XVI вв.) в изложении русского автора. В нем имелись сведения по общей гигиене, хирургии, терапии и фармации. Особый интерес в этой книге вызывают сведения об этике врача: «... Во враче одинаково должны быть хороши как мысли, так и дела и даже одежда... Украшение врача — строгость во всем, умеренность, выраженная способность к самовоспитанию»⁵¹. А в 1658 г. Епи-

⁴⁸ Аптекарский приказ. — БМЭ, изд. 2-е, т. 2, с. 538.

⁴⁹ Материалы для истории медицины в России, вып. II, с. 207.

⁵⁰ Фонд Военно-медицинского музея МО СССР, шифр 30 787; ЦГАДА, ф. 143, оп. 143/2, № 640.

⁵¹ Богоявленский Н. А. Древнерусское врачевание в XI—XVII вв. М., 1960, с. 38.

фанием Славинецким была переведена на русский язык книга А. Везалия «О строении человеческого тела».

Русским лекарям были известны такие болезни, как жабная (стенокардия), цинга, лихорадка, золотуха, «каменная», «чечуйная» (геморрой), «кильная болезнь», падучая, «проносная», рожа и др. Основными проблемами медицины того времени были распознавание болезней, лечение, исход (прогностика).

Об уровне постановки диагноза свидетельствуют многие примеры из врачебной практики. В 1677 г. доктор Петр Пантанус и лекарь Яган Тирик Шартлинг после осмотра больного Самсона Емельянова в «докторской сказке» записали весьма характерные признаки почечно-каменной болезни: «Болезнь у него внутренняя каменная в почках и моче выходят крупные и мелкие камни; а как у него те камни выходят, и вот время он бывает при смерти; да от той же болезни в голове великий лом, и от того лому и от болезни глаза попортило с великой натуги и теми глазами мало видит; и если ему, от такой великой болезни куды на ветер выходить — и ему окромя смерти себе ожидать нечего. И за тою болезнью ныне и впредь ему Самсону государя службу служить не мочно»⁵².

В порядке уточнения диагноза созывались консилиумы с участием докторов. В 1674 г. доктора Л. Блюментрост и М. Граман, лекари В. Ульф, С. Ларионов при осмотре стрельца Митрошки Кочурова записали: «На всем на нем по телу чирьи и в коросте, и те де чирьи и коросту лечить его мочно и лекарства надобно много, а хотя де и излечится, и ему . . . служить нельзя, потому что от тех болезней одряхлел». Диагностика других болезней также не лишена интереса. Укажем на заключение доктора Лаврентия Ринбугера и лекаря Николая Шнеда, сделанное ими 4 сентября 1676 г. после осмотра стрельца Севостьяна Артемова: «...болезнь де у него в луне на левой стороне кила (грыжа) прогрызла, луна и чрева выходят вон... ему Севостьяну стрелецкой службы служить не мочно». Весьма любопытное обоснование диагноза заболевания глаза дал врач-окулист Иван Молгар. При осмотре больного Темниковского в истории болезни он записал: «У него в глаза пошла темная вода и от лому правый глаз треснул и на обоих глазах бельма, не видит, а лечить его не мочно, потому что та болезнь у него застарелая»⁵³. Наряду с вышеупомянутыми заболеваниями в документах встречаются описания признаков «жабной болезни», рожи, «тяжелой грудной болезни» (астмы), кровавого поноса (дизентерии).

Изучение различных документов показывает, что врачи неплохо диагностировали целый ряд заболеваний, назначали соответствующее лечение и даже предсказывали исход болезни. Однако способы лечения были далеко не на высоте. В ряде случаев врач был бессилен справиться с болезнью. Среди методов лечения больных широкое распространение получили кровопускания. В отдельных архивных документах излагаются правила, которыми врачам следовало руководствоваться при кровопускании (так, кровь можно было пускать при известном положении небесных светил, состоянию же больного придавалось второстепенное значение). Кровопускание больным производилось, например, при таких заболеваниях, как рожа.

Не лишен интереса рациональный способ лечения ожогов. В одной из историй болезни врачом сделана следующая запись: «А коли человек

⁵² Материалы для истории медицины в России, вып. III. Спб., 1885, с. 916.

⁵³ Материалы для истории медицины в России, вып. III, с. 504; вып. IV. Спб., 1885, с. 874; Лахтин М. Ю. Как распознавались и лечились болезни в Московском государстве. — «Хирургия», 1904, т. 15, с. 357.

изгорит огнем или обварится, возми масла конопляного и смочи бумаги хлопчатые и клади на место горелое». Такой метод лечения ожогов имел самое широкое распространение.

Особое беспокойство вызывало массовое распространение цинги в стрелцком войске. В специальной царской грамоте, направленной в 1672 г. князю А. А. Голицыну в Казань, было предложено «... изготовить двести ведер сосновых вершин намоча в вине, да в Нижнем Новгороде изготовить сто ведер, и послать то вино в Астрахань и давать то вино в Астрахани служилым людям от цинги»⁵⁴. Выполнение этого распоряжения имело большое значение для предохранения воинов от тяжелой болезни.

В России врачами была сделана также попытка найти способ борьбы с алкоголизмом. С этой целью рекомендовался весьма простой, но результативный способ лечения. Чтоб человек не пил ни пива, ни вина, «возми губу осиноую и березовую кору... истолкти да смешай дай ему пить 2-ж или 3-ж, не станет пяти и до смерти».

Методы борьбы с эпидемиями в России носили государственный характер. Чтобы не допустить распространения чумы, создавались «засеки», устраивались «крепкие заставы» при въезде в город, организовано производилось захоронение трупов. Для защиты войска от эпидемий в XVII в. Аптекарским приказом были приняты простейшие карантинные меры, в частности для борьбы с «моровой язвой» во время войны с Польшей, о чем свидетельствует донесение воеводы Е. Бутурлина в Разрядный приказ в 1652 г.: «...у поляков де и за Белою Церковью в казачьих городах во многих местах мор большой, в казачьих де в украинских городах поставлены заставы крепкие... пропускать никого не велено. А сказывали де, государь, им, что мрут люди от голоду, а иные, сказывали, мрут моровым поветрием. . .»⁵⁵.

Грандиозным по масштабам бедствием была эпидемия чумы в Москве, разразившаяся в 1654 г. Она сопровождалась высокой смертностью: «...люди умирали на улице внезапно». За полгода Москва потеряла от этой страшной болезни около 150 тыс. человек. О тяжелой эпидемической обстановке в Москве сообщал царю в Смоленск князь М. Пронский: «...в Москве и слободках помирают многие люди скорою смертью и в домишках наших тоже учинилось и мы холопы твои, покинув домишки свои, живем в огородах. И в нынешнем... (1655) году после Симеонова дня моровое поветрие умножилось... В Москве и слободках православных христиан малая часть остается; а стрельцов из шести приказов не один приказ не остался; ..многие лежат больные, а иные разбежались, и на караулах... от них быть некому... А приказы, государь, все заперты; дьяки и подьячие все померли; .. а мы холопы то же ожидаем себе смертного посещения с часу на час, и без твоего ... указа по переменкам с Москвы в подмосковные дворишки ради тяжелого духа, чтоб всем не помереть съезжать не смеем... веди нам, холопам своим, свой, государь, указ учинить»⁵⁶. В Москве трупы лежали на улицах: «возить мертвых и ямы копать было некому». Население бежало из города, разнося заразу в другие местности. Активными распространителями чумы оказались стрельцы, бежавшие в Тверскую и Рязанскую губернии.

Правительство срочно принимает охранительные меры: под угрозой смертной казни запрещается всякое сообщение с Москвой.

⁵⁴ Материалы для истории медицины в России, вып. II, с. 457.

⁵⁵ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. М., 1953, с. 229.

⁵⁶ Рихтер В. История медицины в России, ч. I. М., 1814, с. 66–68.

На пути к городу учреждены заставы, создаются карантинные пункты. Письма из Москвы на заставах переписывались, передавались через огонь, а подлинники сжигались. Все жилые дома были очищены от умерших, окуривались и вымораживались.

Медицина этого времени практически не располагала средствами борьбы и с такой менее опасной болезнью, как дизентерия. В 1604 г. 80-тысячная русская армия вела бои против войск Лжедмитрия I под Кромами. Как свидетельствуют современники, почти вся армия была поражена дизентерией, но не имела помощи от врачей. Вскоре Борис Годунов «..прислал всякого питья и всякого зелия, кои пригодны к болезням и от того же учинити им помощь великую»⁵⁷. В настоящее время трудно судить, насколько эффективна была эта помощь.

В XVII в. помещения для больных — «больничные палаты» — строились при монастырях (например, в 1635 г. при Троице-Сергиевом монастыре). А в 1656 г. в Москве на средства боярина Ртищева была сооружена одна из первых небольших гражданских больниц, состоявшая из двух палат.

Первый же временный «военный госпиталь» был создан на территории Троице-Сергиева монастыря в 1609—1610 гг., во время осады монастыря польско-литовскими войсками. В госпитале оказывалась медицинская помощь не только раненым, но и заболевшим цингой, дизентерией гражданским лицам, укrywшимся от врагов за стенами монастыря. Второй временный госпиталь был открыт в Смоленске в 1656 г., во время войны России с Польшей. В этом госпитале работала большая группа русских лекарей и лекарских учеников. В архивных документах сохранились списки лекарей, которых снабжали лекарствами и посылали для работы в Смоленский госпиталь. Третий временный госпиталь был открыт в 1678 г. в Москве на Рязанском подворье. В период войны с Турцией в этом госпитале находилось 746 раненых. Здесь же была открыта «Дохтурская палатка». Имелось распоряжение, чтобы раненых, «..которые бездомовые и учнут приходить в Рязанское подворье для лечения, и лекарей, на Рязанском подворье поить и кормить из Приказу Большого двorca покаместа вылечатца и лекарей — покаместа они их вылечат»⁵⁸. Содержание раненых, так же как и медицинское обслуживание, во временных госпиталях осуществлялось за счет государственных средств.

В 1682 г. царь Федор Алексеевич предписал Аптекарскому приказу устроить две постоянные «шпитальни» (больницы) в Знаменском монастыре и на Гранатном дворе за Никитскими воротами для лечения на готовом пансионе «бедных, ученых и старых людей.., служилых чинов, которые тяжелыми ранами на государственных службах изувечены»⁵⁹. И хотя это распоряжение не было выполнено, сам факт постановки вопроса о создании в XVII в. государственных стационарных лечебных учреждений заслуживает внимания.

В 1581 г. была открыта первая государственная аптека в Кремле для обслуживания царского двора. Для работы в ней были приглашены английские специалисты: доктор Роберт Якоби и аптекарь Якоби Френч. Они же доставили в Россию и первую партию заморских ле-

⁵⁷ Краткая повесть о самозванцах, бывших в России. Спб., 1774, с. 38.

⁵⁸ Материалы для истории медицины в России, вып. IV, с. 1007.

⁵⁹ Хмырев М. Д. Русская военно-медицинская старина.— ВМЖ, 1869, январь, отдел VII, с. 31.

карств (опий, камфару, александрийский лист и др.). Ввиду возросших потребностей в лекарственных средствах было решено указом 1672 г. открыть вторую государственную аптеку: «На Новом гостином дворе, где приказ Большого приходу, очистить палаты, а в тех палатах указал Великий государь построить аптеку для продажи всяких лекарств всяких чинов людям». Для работы в этой аптеке 11 марта 1673 г. из Аптекарского приказа посланы: подьячий Данило Годовиков, алхимист Тихон Ананьин, сторожа Ларка Иванов и Ивашка Михайлов. 18 февраля 1673 г. издан царский указ, согласно которому «...в Новой аптеке на гостином дворе продавать водки и спирты и всякие лекарства всяких чинов людям и записывать в книги, а деньги по цене иметь против указанной книги и объявить в Аптекарском приказе»⁶⁰. В соответствии с новым указом от 28 февраля 1673 г. за аптеками была признана монополия торговля лекарствами. Указ предписывал: «.. чтобы в рядах москательном, овощном, зелейном... торговые лица аптекарских лекарств не держали и не продавали». За нарушение указа предусматривалось жестокое наказание.

Аптеки, первая и вторая, в административном отношении подчинялись Аптекарскому приказу, который взял на себя функции не только управления и подбора кадров, но и снабжения аптек лекарствами.

В отличие от других стран, в России сформировалась оригинальная система сбора и заготовки лекарственных трав. При этом Аптекарский приказ подбирал заготовителей лекарств, так называемых травников, инструктировал их, где и когда собирать лечебные травы и каким способом доставлять их в Москву. Травы поступали в Аптекарский приказ из разных мест в порядке выполнения государственной «ягодной повинности». В 1672 г. из села Чашниково присланы: «очная помочь, инбирик, жабная молодина, чернобыльник». Из других сел поступили: валериана, змеев корень, медвежье ухо, земляной дым, сало воронье, греча дикая, можжевеловые ягоды, земляника, солотковый корень и др.

В Аптекарском приказе было известно, в какой местности преимущественно произрастает та или другая лекарственная трава, например: зверобой — в Сибири, солодовый (лякричный) корень — в Воронеже, чемерица — в Коломне, чечуйная трава — в Казани, можжевеловые ягоды — в Костроме.

Важнейшим источником для получения лечебных трав были и Москве аптекарские сады и огороды. Еще по распоряжению Ивана Грозного часть территории у Кремля была отведена под «Аптекарский сад» — «между Боровицкими и Троицкими воротами и слободкой стрелецкого... полка»⁶¹. Позднее были созданы аптекарские огороды у Каменного моста, за Мясницкими воротами, в Немецкой слободе, близ деревни Измайлово.

В отдельных случаях специалисты направлялись для закупки лекарств в другие города. По указу от 13 июня 1663 г. лекарь Андриюшка Федоров выехал в Архангельск «...для запасов: корейки хины и дерева сасафрасу и кары святого дерева»⁶². В том же году Ф. Я. Милославскому было поручено купить 20 пудов хинной коры «в Кизильбашской земле» (Персия).

Научные медицинские знания в России возникли значительно ранее XVII в. Первыми докторами медицины из числа «природных россиян» в конце XV в. были Юрий Дрогобычский и Георгий Скорина, положившие начало написанию первых научных работ. Оба они получили ме-

⁶⁰ Материалы для истории медицины в России, вып. II, с. 450, 482.

⁶¹ Труды музея истории и реконструкции Москвы. М., 1950, вып. 1, с. 57.

⁶² Материалы для истории медицины в России, вып. II, с. 256.

дицинское образование в Краковском университете, а степень доктора философии и медицины — в Болонском (Юрий Дрогобычский) и Падуанском университетах (Георгий Скорина), где преподавали, читали лекции и писали труды по медицине⁶³.

На основе изучения новых архивных и литературных источников стали известны еще имена русских докторов наук, получивших также ученую степень в области медицины. Иван Алманзенов (Иоанн Эльмстон) — сын Ивана Фомича Эльмстона, переводчика Посольского приказа, уроженец России — в 1629 г. был послан в Англию для изучения медицины в Кембриджском университете, затем совершенствовался в медицинских науках во Франции и Италии. В Россию вернулся в 1645 г., имея ученую степень доктора медицины.

В XVII столетии успешно были защищены диссертации медицинского содержания Степаном Кирилловым — «О природном и простейшем средстве при подагрических болях» (Галле, 1627); Иваном Козаком — «О полезных и вредных солевых растворах и человеческом организме» (Франкфурт, 1663); Михаилом Граманом — «О чахотке» (Иена, 1667); Василием Юрским — «О шишковидной железе» (Бремен, 1665).

Значительный интерес в истории русской культуры XVII в. представляет деятельность доктора медицины П. В. Постникова. Петр Васильевич Постников родился в семье дьяка Посольского приказа Василия Тимофеевича Постникова. В 1692 г. он был послан в Падуанский университет изучать медицинские науки. В архиве этого университета сохранилась запись: «Синьор Петр Постников из Московии зачислен на первый курс». Годы учебы завершились выдачей Постникову диплома врача. После успешной защиты докторской диссертации «Лихорадки указывают на причины появления гнилостного процесса» (Падуа, 1696) П. В. Постникову была выдана «Привилегированная грамота», в которой сказано: «Господин Петр Постников . . . зрелость остроумия толикуюше краснословия показал силу памяти, поучения словестности и прочих вещей, яже совершеннейшим философе и враче . . .». Падуанская академия, следуя древнейшему обычаю, присудила звание «доктора философии и врачества, книги первозатворения . . ., перстень золотый на перст его возложен и бирету учительскую . . . на главу положи»⁶⁴.

Последующая деятельность П. В. Постникова связана с дипломатической службой. Вместе с тем он неоднократно выполнял поручения медицинского характера. По заданию Петра I он закупал хирургические инструменты в Англии, Франции и Голландии; в 1697 г. он посетил кабинет знаменитого голландского доктора Рюйша, коллекция которого была вскоре приобретена для первого русского музея — Кунсткамеры.

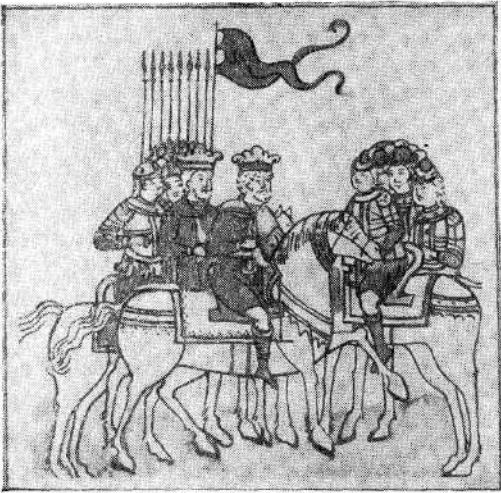
В 1698 г. под наблюдением П. В. Постникова в Венецию для изучения медицины был послан Григорий Волков. В 1701 г., по возвращении на родину, он был зачислен в Аптекарский приказ на должность доктора медицины и одновременно продолжал до 1711 г. выполнять различные поручения Посольского приказа.

Таким образом, в России в XVII в. зарождаются основы государственной медицины, открываются первые аптеки, больницы, лекарские школы, появляются доктора, которые не только распознают и лечат болезни, но и создают первые научные труды.

⁶³ См.: Подражанский А. С. Русский доктор медицины XV века профессор Юрий Дрогобычский. — «Врачебное дело», 1951, № 10, с. 937—938; Верхрадский С. А. Жизнь и деятельность доктора медицины Франциска Георгия Скорины. — В кн.: Из истории медицины. Рига, 1957, с. 33—43.

⁶⁴ Рихтер В. История медицины в России, ч. 2. М., 1820, с. 150.

Л. М. САХАРОВ

В состоянии исторических знаний в XVII в. наметился очевидный перелом. М. Н. Тихомиров отметил, что «сильно расширяется круг источников, которыми пользуются авторы исторических сочинений. В XVII в. мы встречаемся с попытками лингвистического объяснения отдельных имен и названий. Усиливается и критическое отношение к материалу. Таким образом, новый период в русской истории, отмеченный В. И. Лениным, является и новым периодом в русской историографии, качественно отличным от более раннего времени, подготовляющим решительные изменения в русском историческом знании, которые происходят в XVIII в. и связаны с именами Татищева и Ломоносова»¹.

Накопление качественных перемен в русском историческом знании проявилось уже в историко-публицистических произведениях, появившихся в первые десятилетия XVII в. и посвященных событиям самого недавнего прошлого — так называемого «Смутного времени». Развивая жанр сюжетных повестей XVI в., эти произведения имели как бы смешанный характер: написанные свидетелями и участниками событий, они были отчасти мемуарами, отчасти были основаны на документах; впрочем, и в более позднее время так выглядели аналогичные произведения, относимые к разряду исторических трудов, когда они писались участниками и очевидцами. Поскольку их авторы не принадлежали к профессиональным историкам (а о таковых уже можно говорить применительно к тому времени), то и широкой исторической задачи они перед собой не ставили. Бурные события недавнего времени заставили задуматься над непосредственными, конкретными причинами постигших Россию потрясений, не позволили ограничиться повторением общих формул о воле провидения, хотя и без этих рассуждений обойтись тоже еще было невозможно. Хронологические рамки повествований указывают на то, что их авторы стихийно ощущали наличие какой-то внутренней связи между событиями именно данного времени, выделяющегося из общего хода истории. Перед нами, таким образом, тематические повести, которые знаменовали новый шаг в развитии исторического познания, ибо конкретность сюжета направляла авторов к раздумью над конкретными причинами и свойствами описываемых явлений.

¹ Очерки истории исторической науки в СССР, т. I. М., 1955, с. 139.

При сохранении в целом провиденциалистского мировоззрения авторы повестей начала века особенно вглядывались в характеры исторических деятелей и размышляли над их ролью в ходе событий. Князь И. М. Катырев-Ростовский в «Повести книги сея от прежних лет» (1626) впервые дал словесные портреты и психологические характеристики сменявших друг друга в конце XVI—начале XVII в. правителей России. Он указал, в частности, на глубоко противоречивый характер деятельности Ивана Грозного². Сложность характеров Ивана Грозного и Бориса Годунова была отмечена также дьяком Иваном Тимофеевым в его «Временнике» (1619). Это уже не одноплановая, статичная характеристика персонажей, свойственная раннефеодальной исторической литературе. Историческая мысль России начала путь к реальному человеческому образу, и сильный толчок этому был дан бурными событиями конца XVI—начала XVII в. Вся русская духовная культура XVII столетия совершала это движение к «живству» во всех видах и жанрах.

Авторы начала века ясно осознавали общественное назначение исторического знания — быть поучением потомкам. «Историей в память предыдущим родом» назвал свое сочинение келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын (1620 г.). Складывался более усложненный критерий отбора материала, нежели у летописца.

У Авраамия Палицына и Ивана Тимофеева более определенно прозвучали политические идеи. Они сформулировали мысль о том, что именно ослабление и «похищение» затем царской власти при «безумном всего мира молчании» привели к выступлениям «рабов», поставившим, в свою очередь, государство на край гибели от «неверных», «латинян». Дьяк И. Тимофеев очень коротко напоминает своим читателям о происхождении московских правителей: «...не бо точию от Рюрика начало имяху... но от самого Августа, цесаря Римскаго и обладателя вселенною, влечахуся во своя роды ...»³. Тем самым еще более подчеркивалась незаконность восшествия на престол Бориса Годунова, не имевшего столь высокого происхождения. Авраамий Палицын осуждал Годунова за поощрение доносов холопов на преследуемых им бояр. Классово-политический смысл этой трактовки бурных событий века очевиден — это типично феодальная идеология. Вместе с тем перед нами одна из ранних попыток найти реальные причинно-следственные связи между событиями, правда, еще под очень густым слоем религиозно-провиденциалистских рассуждений и поучений о божем наказании за грехи. Однако «грех» представляется здесь вполне реально — как бездействие господствующего класса в момент кризиса власти, как «безумное молчание».

Аналогичные идеи воплотились и в новом Хронографе редакции 1617 г., где перед читателем предстали исторические деятели, обуреваемые борьбой различных чисто земных страстей под влиянием борьбы добра и зла. Различия двух периодов правления Ивана Грозного объясняются превращением его «мудрого ума» в «нрав яр», а добрые зада

² Вот данная им характеристика внешнего и внутреннего облика Ивана Грозного: «Царь Иван образом нелепым, очи имея серы, нос протягновен, покляп; возрастом велик бяше, сухо тело имея, плещи имея высоки, груди широки, мышцы толсты; муж чудного разсуждения, в науке книжняго почитания доволен и многоречив зело, ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятель. На рабы, от бога данная ему, жестосерд велми, на пролитие крови и на убиение дерзостен велми и неумолим; множество народу от мала и до велика при царстве своем погуби, и многая грады своя поплени... и множество жен и дщерей блудом оскверни... Той же царь Иван многая и благая сотвори, воинство велми любляше и требующая им от сокровищ своих неоскудно подаваше. Таков бе царь Иван» (РИБ, т. XIII, с. 707—708).

³ Сказание Авраамия Палицына. М.—Л., 1955, с. 253, 270; Временник Ивана Тимофеева. М.—Л., 1951, с. 11.

ки Бориса Годунова исчезают под влиянием темной зависти. Рядом с этими попытками проникнуть в реальные побудительные мотивы действий исторических лиц — традиционно-аллегорическое и резко враждебное народным массам изображение их как «плотоядных зверей» с «злорычательным зеванием», а борьба с интервентами показана в не менее традиционно-церковном плане борьбы с «латинянами»⁴.

Вместе с тем Хронограф 1617 г. значительно расширил кругозор русской исторической мысли за счет использования богатой материальной польской хроники Мартина Вельского (XVI в.). В Хронограф вошел рассказ об открытии Америки, о «Люторовой ереси», а в последующую, третью, редакцию его были введены составленные на основании переводных «Космографий» сведения о географии других стран, нравах и обычаях их народов. Туда же включены были и любопытные характеристики нравов русского народа. С некоторым допущением этот текст можно считать зародышем специальных этнографических описаний в русских исторических сочинениях. При всей подчеркнуто воинствующей религиозности общего направления Хронографы включали довольно много светского материала и тем самым тоже участвовали в общем процессе «обмирщения» исторического знания в России XVII в.

Около 1630 г. в правительственной или в патриаршей канцелярии был создан «Новый летописец», содержащий официальное толкование событий «Смутного времени». К идее «божественного происхождения» власти московских государей, генеалогия которых возводилась к римскому императору, прибавилась новая — «всенародное избрание» Михаила Романова как проявление «божественной воли». Даже в этом сугубо официально-церковном историческом произведении отчетливо видна мысль о влиянии людей на ход событий и об их ответственности за свои поступки: острые социальные и международные потрясения рубежа двух столетий заставляли официальных идеологов опускаться с заоблачных высот ближе к грешной земле, к реальным делам и поступкам людей, хотя они и подчеркивали при этом всемогущую волю провидения. Так, виновником «смуты» был объявлен Борис Годунов, якобы устранивший последнего наследника царя Ивана Димитрия и отправивший в ссылку его родственников — Романовых. Пресечение династии, идущей со столь давних и славных времен, открыло Годунову дорогу к власти, а чтобы удержаться на престоле, он стал поощрять доносы холопов на бояр, народ вышел из повиновения, начались восстания, за ними пришли на русскую землю интервенты. Лишь восстановление царской власти путем «всенародного» избрания Михаила Романова, принадлежавшего к «царскому корени», вернуло *божью* благословение на Россию. Политический смысл этой концепции четко направлен на укрепление существующего монархического строя и господствующего положения новой династии⁵.

Создание «Нового летописца» было государственным делом и должно соответствующую практику московских правительственных канцелярий XVI в. При его составлении еще более усилилось использование правительственных документов.

В 1658 г. при дворе патриарха Никона «Новый летописец» был дополнен и переработан в сторону усиления показа церковных дел, получив название «Летопись о многих мятежах». Начиная борьбу за превосходство церковной власти над светской, патриарх «запасался» своим летописным сводом, освещающим события последнего столетия

⁴ Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, с. 183, 196, 204.

⁵ Подробнее см.: Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII в. — ИЗ, т. 14.

(особенно роль церкви), в нужном ему духе. Возможно, эта акция Никона была ответом на образование в 1657 г. специального правительственного учреждения — Записного приказа, который должен был, сосредоточив у себя необходимые документы, продолжить Степенную книгу. Факт организации специального государственного учреждения по составлению «новейшей истории» свидетельствовал о всевозрастающем значении, придававшемся созданию исторических произведений. Однако Записной приказ просуществовал недолго, лишь до 1659 г. Причины его закрытия не выяснены.

В 70-х гг. дьяк Федор Грибоедов, видимо, по поручению правительства, написал «Историю, сиречь повесть или сказание вкратце о благочестиво державствующих и свято поживших боговенчаных царей» — от Владимира Святославовича до Алексея Михайловича включительно⁶. Название достаточно выразительно — история страны есть история ее правителей. Взяв за основу Степенную книгу, Ф. Грибоедов «дописал» изложение позднейших событий на основании официальных документов, а также повестей начала XVII в., показал происхождение рода Романовых, их связь с Иваном Грозным. За свой труд Ф. Грибоедов получил награду.

Летописи писались не только в кремлевских теремах. Параллельно возникла Раскольничья летопись, в которой московские духовные и светские правители были изображены резко отрицательно. И в руках противников церковной реформы — старообрядцев — летописание становилось идеологическим оружием. Иной, чем официальные исторические сочинения, вид имели и так называемые Сибирские летописи. В 1636 г. дьяком сибирского архиепископа Саввой Есиповым была составлена «Есиповская летопись» (точное название — «Сибирское царство и княжение и о взятии»). Это скорее литературно-повествовательное сочинение, чем летопись в традиционном понимании. Погодной сетки изложения в сочинении Есипова уже нет. Центральным героем его является Ермак Тимофеевич, которого автор изобразил борцом за распространение христианства в Сибири. В конце 60 — начале 70-х гг. была составлена Строгановская летопись («О взятии Сибирской земли»). Весьма характерен ее сюжет: она прославляет не деятельность царя или церкви, как это бывало традиционно в русском летописании, а деятельность купеческой семьи Строгановых, обосновывая их притязания на владение Пермским краем.

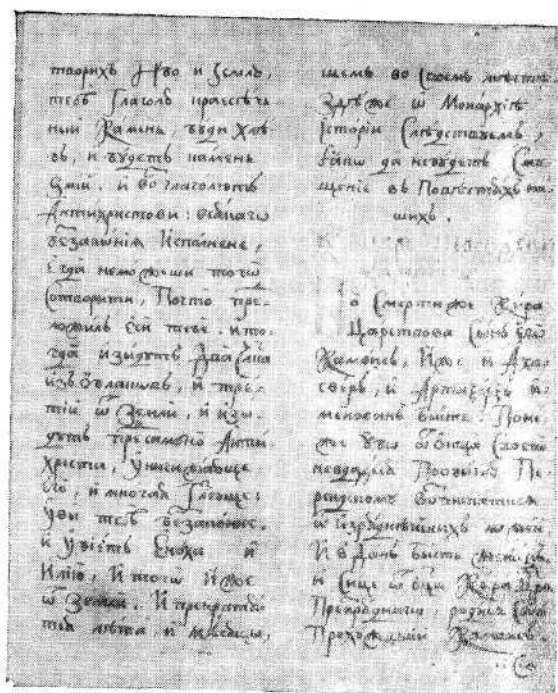
Вообще же XVII век был уже временем заката древней формы исторических произведений — летописей. Правда, в 1686 г. по указу князя В. В. Голицына в Посольском приказе была создана еще одна официальная летопись (в связи с заключением «Вечного мира» с Польшей), которая должна была прославить заслуги князя в успехах московской внешней политики. Еще создавались летописи в Новгороде, Сибири, на Украине, но политические задачи составления исторических произведений и уровень исторических знаний и представлений диктовали неизбежность перехода к другим видам этих произведений.

Новым явлением в исторических знаниях XVII в. было расширение социального слоя создателей и потребителей письменных исторических произведений, обусловленное усилением роли городов и казачества в социально-экономической и политической жизни страны. Среди новых исторических произведений были, например, четыре «Повести о начале Москвы», посвященные причинам выдвижения именно этого города на роль центра России. Ответ на вопрос давался в духе идеи «Москва —

⁶ См.: Грибоедов Ф. История о царях и великих князьях земли Русской. Слб., 1896.

третий Рим» и сопровождался фантастическими подробностями, идущими от народного творчества. Интерес к истории стольного города как такового уже проявился. Эти повести встречаются в рукописных сборниках московских посадских людей, стало быть, соответствуют их интересам и вкусам. По мнению М. Н. Тихомирова, «Повести о начале Москвы» возникли именно в демократической городской среде⁷. С демократическими казачьими кругами связано происхождение поэтических «Повестей об Азовском осадном сидении», посвященных героической обороне Азова в 1637—1642 гг. Новые социальные слои приобщались к созданию исторической литературы прежде всего через произведенные, близкие традиционным жанрам народного творчества — героическим песням, эпическим преданиям и т. и.

ГЛАВА ИЗ РУКОПИСНОЙ КНИГИ
«ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ»,
XVII в.

О значительном распространении интереса к прошлому во второй половине века свидетельствует появление в 1674 г. первого печатного труда по истории, ставшего на долгие годы учебной книгой — «Синописца», составленного и изданного в Киево-Печерском монастыре под руководством архимандрита Иннокентия Гизеля. «Синописис» был своеобразным ответом на воссоединение Украины с Россией, подчеркнуто показывавшим Киев как колыбель российского самодержавия⁸.

В конце столетия царский стольник, служилый дворянин Андрей Лызлов, проявлявший большой интерес к истории и переведший на русский язык часть «Хроники» польского автора М. Стрыйковского, написал «Скифскую историю». Знакомство с широким кругом источников и исторических сочинений, а также с произведениями польской исторической мысли позволило А. Лызлову создать обширный труд, повествующий о борьбе русского народа и его западных соседей против монголо-татар и турок. Труд этот приобрел большую популярность, распространялся в рукописных списках и позднее был напечатан Н. И. Новиковым. Произведение отразило переходный этап в развитии русской исторической мысли, ее отход от традиционных летописных форм, стремление к созданию более широких и тематически определенных картин исторического прошлого⁹.

⁷ Тихомиров М. Н. Древняя Москва. М., 1947, с. 216.

⁸ Синописис или краткое описание о начале славянского народа. Спб., 1819.

⁹ См.: Чистякова Е. В. «Скифская история» А. И. Лызлова и вопросы востоковедения. — В кн.: Очерки по истории русского востоковедения, сб. VI, М., 1963, с. 3—88.

Перемены в состоянии исторической мысли явились непосредственным отражением общих перемен в духовной культуре того времени, ее «обмирщения», усиления в ней демократических элементов, появления зачатков рационализма. Главным был более широкий подход к задачам и содержанию исторических сочинений. С. Л. Пештич писал: «У историков или историков-летописцев XVII в. зачатки научности уживались с религиозным мировоззрением и теологическим представлением об истории. Но даже сам факт сосуществования попытки научного подхода к объяснению истории с религиозным мировоззрением уже явился шагом вперед»¹⁰. Это новое в исторической мысли ярко отразилось в сочинении неизвестного автора 70—80-х гг. — «Историческом учении». Автор «Исторического учения» впервые ясно сформулировал назидательно-поучительное назначение исторических произведений и считал, что историк обязан знать, «что подобает в истории молчанию предати и что пристойно объявити», и что историю нельзя отдавать в руки иноземцев: «Всякий народ про себя и про дела свои и про страну свою лучше умеют списати, нежели чужой»¹¹. Как пишет исследовавший это сочинение С. Л. Пештич, безымянный автор «Исторического учения» пересказывал и цитировал Аристотеля, Платона, Цицерона, Фукидида, Полибия и многих других, делая на них довольно определенные ссылки. Если учесть, что переводы Аристотеля и Фукидида были сделаны еще в середине XVII в. и что в библиотеках того времени имелись сочинения Гомера, Еврипида, Софокла на языке подлинника, то нельзя не признать возможность прямого знакомства автора с ними; «смелая догадка античного автора и русского историка конца XVII в. об активной роли исторических знаний для настоящего и предвидения будущего должна была содействовать дальнейшему развитию исторических представлений и более широкому использованию их в общественной жизни»; «историческая правда для безымянного автора не в беспристрастии, а в таком справедливом изложении, при котором было бы видно отношение историка к событиям»¹².

Перемены в состоянии исторических знаний, начало их выхода на новый путь развития были составной частью того объективно шедшего процесса складывания предпосылок для преобразований во всех областях экономической, политической, культурной жизни страны, которые накапливались на протяжении XVII столетия и стали отчетливо ощущаться в 80—90-е гг.

Недаром составитель широко задуманных планов преобразования России Юрий Крижанич настойчиво добивался разрешения стать государственным историографом и в своей «Политике» приводил множество исторических примеров для обоснования своей программы.

Исторические знания становились на службу готовившимся преобразованиям.

¹⁰ Пештич С. Л. Русская историография XVIII в., ч. I. Л., 1961, с. 49.

¹¹ Пештич С. Л. Указ. соч., с. 49, 51.

¹² Пештич С. Л. Указ. соч., с. 46—47, 49.

В лингво-этнической истории великорусов XVII век занимает особое место: в это время в связи с «усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в **один** всероссийский рынок» начинается процесс формирования русской (великорусской) нации¹, коренным образом изменяющий условия и направления языкового развития. Специфика этих изменений исчерпывающе охарактеризована В. И. Лениным. Разъясняя социально-экономические условия активизации национальных движений, В. И. Ленин писал: «Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем»². Без учета этих факторов невозможно понять процесс постепенного перерастания языка великорусской народности в язык русской нации, происходивший на протяжении XVII в. и завершающийся в следующем столетии.

В языковедческой литературе последних десятилетий неоднократно обсуждался вопрос о лингвистическом содержании понятия «национальный язык»³. Исследования советских лингвистов показали, что понятие это имеет не только историко-этнический (национальный язык — это средство общения нации), но и социально-лингвистический смысл, ибо оно связано с качественно новыми условиями функционирования, следовательно, и развития языка как системы частных функциональных разновидностей, обслуживающих все социальные и территориально-этнографические группы населения, составляющие нацию.

¹ См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 1, с. 154.

² Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 25, с. 258—259.

³ Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962.

В самом деле, «государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка» обуславливает интенсификацию процесса нивелировки диалектов, обслуживающих местные группы населения, входящие в состав нации. В этом процессе нивелировки решающее значение приобретает воздействие центрального диалекта на говоры периферии, а следствием его является прекращение таких диалектных новообразований, которые распространялись бы только в пределах ограниченной территории, и, напротив, наблюдается широкое распространение особенностей центрального диалекта (в русских условиях — говора Москвы) на соседние — вплоть до их полного поглощения.

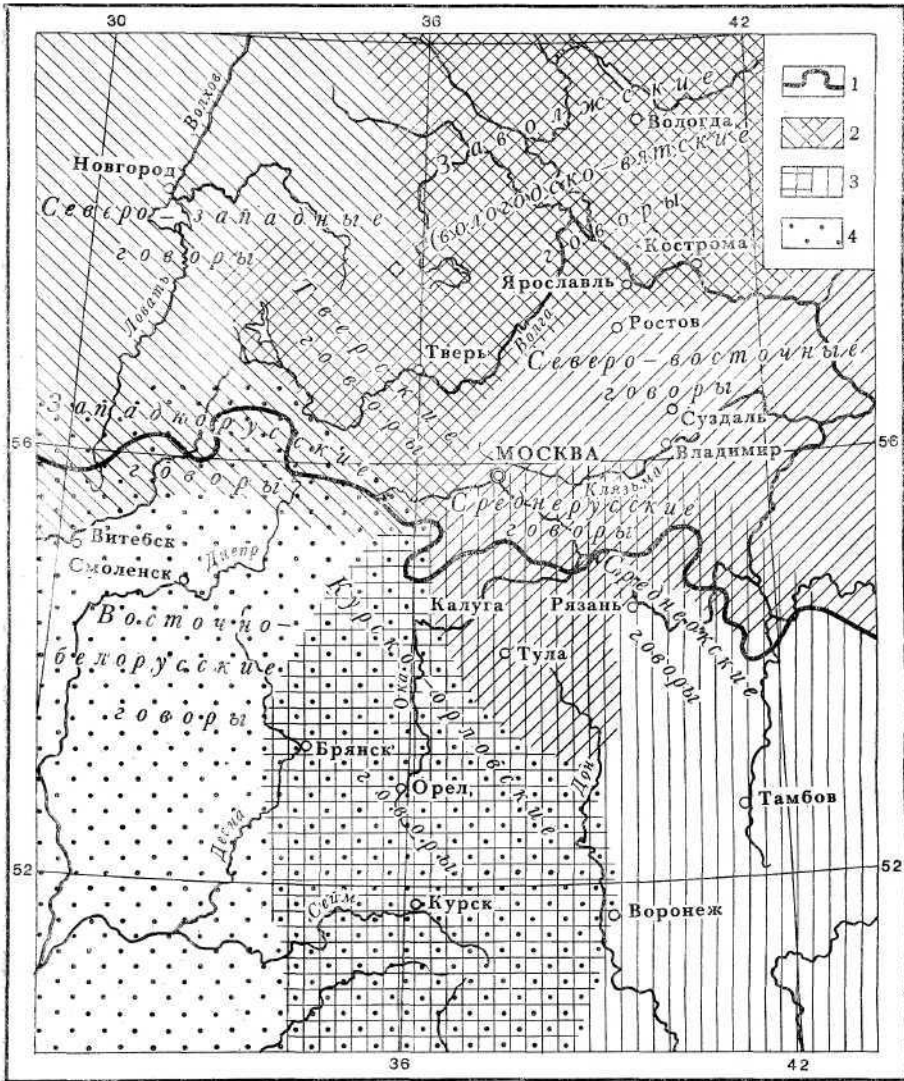
Необходимое в условиях сложения нации единство языка «при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе» ведет к обострению противоречия между книжно-славянским языком, обслуживающим литературу в эпоху средневековья, и живой народной речью, которой позднесредневековый книжно-литературный язык противопоставлен. Разрешается это противоречие путем создания принципиально новой системы литературного языка, ориентированного на разговорную речь народа. Переход к этой новой системе, обеспечивающей структурное «единство языка и беспрепятственное развитие» его как единого и универсального средства общения нации, был подготовлен в результате реализации процессов, активизирующихся во второй половине XVII столетия.

К XVII в. уже вполне оформились основные диалекты великорусского языка⁴, сложившиеся в результате объединения и взаимодействия; северных и центральных восточнославянских говоров, носители которых вошли в состав великорусской народности. Современные данные лингвистической географии, указывающие на территориальное распространение диалектных особенностей, развившихся ко времени сложения языка великорусской народности⁵, позволяют с большой определенностью обрисовать основные группы русских говоров XVII столетия в центральной части России.

Специфические для XVII в. условия диалектного взаимодействия отражаются на лингвистической карте в последовательном распространении языковых особенностей, первоначально характеризовавших северо-восточные говоры (к числу которых принадлежал и говор Москвы), на соседние диалекты. Так, если языковые особенности, развивавшиеся в древнерусский период за пределами северо-восточной диалектной зоны (особенности «общезападного распространения», т. е. свойственные всем восточнославянским говорам, кроме восточных, или северо-западного, т. е. исторически новгородского происхождения), как правило, не проникают на основную территорию бывшей Ростово-Суздальской земли, то языковые новообразования северо-восточной диалектной зоны выходят за ее пределы и постепенно становятся общерусскими не только по своему значению, но и по распространению. Таковы, например, нормы произношения долгих мягких шипящих согласных (типа *я [ш':] ук, [ш'] ука; во[ж':] и, ви [ж':] ать* и т. д.), губно-зубного *в*, оглушающе-

⁴ См.: Иванов В. В. Русский язык.— В кн.: Очерки русской культуры XVI века., ч. 2. М., Изд-во Моск. ун-та, 1977.

⁵ Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии. М., 1970.

ВЕЛИКОРУССКИЕ ДИАЛЕКТЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ РОССИИ,
XVII в.

гося в *ф* (типа *зо[в]у—зо[ф]* и т. д.), возвратной частицы в глагольных формах (типа *купал[са], учила[с]* и т. п.), и многие другие. Под воздействием говоров северо-восточной диалектной зоны, становящейся центральной в континууме великорусских говоров, получают общерусское распространение такие образования, как *свекровь* (на периферии остаются противопоставленные образования с тем же значением: *свекры, свекрова, свекровка, свекруха*), названия ягод с обобщенным суффиксом *-ник-а* (*земляника, черника, брусника* и т. д.), оттесняющие на периферию образования с суффиксом *-ниц-* (*земляница, черница* и др.). Отсюда же, из зоны великорусского диалектного центра, начинают распространяться в XVII в. и формы именительного падежа мн. числа существительных мужского рода на *-а* (типа *домá, городá, погребá*, и т. п.) и ряд других особенностей, спецификой которых является то, что

все они, становясь общерусскими, никогда не встречаются в говорах белорусского и украинского языков.

Характеризуя диалектное членение и направления диалектного взаимодействия на территории европейской части, необходимо вместе с тем учитывать, что именно в XVII в. к Московской Руси окончательно присоединяются поселения по среднему и нижнему Дону, где в среде казачества, очевидно, неоднородного по происхождению, постепенно вырабатываются диалекты южновеликорусского типа, близкие говорам южной окраины⁶. Русский язык проникает к этому времени и на восток, за Урал и в Сибирь; причем в районах северного и среднего Зауралья, а также в Западной Сибири распространяются прежде всего говоры вологодско-вятского типа, а в конце столетия, когда хозяйственная колонизация Сибири начинает приобретать массовый характер, здесь создаются условия для формирования говоров средневеликорусского типа. Впрочем, диалектная карта Сибири конца XVII — начала XVIII в. пока не может быть восстановлена с той степенью полноты, как это уже возможно для Восточной Европы.

В целом, характеризуя диалектное членение великорусского языка начального периода формирования национальных отношений, можно утверждать, что между современным состоянием и состоянием XVII в. «не существовало серьезной разницы как в смысле типологии местных диалектов, так и в смысле распространения этих диалектов, по крайней мере на большей части русской национальной территории, возможно, за исключением восточных и юго-восточных окраин, а также Приуралья и тех участков Сибири, которые к тому времени еще не были полностью освоены русскими»⁷. Этот вывод, опирающийся на результаты историко-диалектологических исследований, характеризует XVII в. как эпоху прекращения процесса диалектообразования в связи с оформлением принципиально новых социальных условий функционирования русского языка.

Одна из характерных особенностей культурной обстановки средневековья — как европейского, так и азиатского — наличие книжно-литературного языка, противопоставленного родному языку народа.

Частные отношения здесь могут быть различными: это может быть «чужой» по происхождению язык, неродственный или неблизкородственный родной речи народа (как латынь у средневековых немцев, поляков, чехов, венгров и других католических народов Европы; как церковнославянский — у румын и молдаван; арабский — у тюркоязычных народов Азии; китайский — у корейцев), а может быть и древний литературный язык предков, заметно отличающийся от живой речи, претерпевшей в процессе длительного развития сильные изменения (как та же латынь — для французов или итальянцев; церковнославянский — для болгар или сербов; грабар — для армян; санскрит — для средневековых индусов). Но во всех случаях реализуется единая закономерность: в качестве книжно-литературного используется непонятный или малопонятный для народа язык, стоящий над повседневной разговорной

⁶ Обобщение материала содержится в исследовании: Хмелевская Т. А. Русские говоры Дона и их место в системе южновеликорусского наречия. Автореф. докт. дис. М., 1970.

⁷ Черныш П. Я. Язык Уложения 1649 года. М., 1953.

речью и являющийся официальным языком церкви. Такая культурно-языковая ситуация обычно характеризуется как состояние двуязычия, или билингвизма.

Причины средневекового двуязычия очевидны: эпоха феодализма с его натуральным хозяйством поддерживает центробежные тенденции не только в политическом и социально-экономическом, но и в языковом и этнографическом развитии населения смежных областей. В этих условиях книжно-литературный язык, являющийся официальным языком церкви (вспомним роль религии в средневековом мировоззрении, на что неоднократно указывал Ф. Энгельс, подчеркивавший, что в эпоху феодализма даже народно-освободительные движения принимали форму религиозных войн), выступал как важнейший и объединяющий фактор, стоящий над областническими тенденциями и диалектно-этнографической замкнутостью.

Условия консолидации великорусской народности во всех отношениях были типичными для европейского средневековья; в частности, и здесь в качестве книжно-литературного функционировал церковнославянский язык, генетически — инославянский, но в структурном отношении воспринимавшийся как архаический язык предков. К XVII в., когда было завершено объединение великорусских земель в единый политический организм, этот язык, противопоставленный областным разновидностям разговорной речи, оказался самым заметным из объединяющих факторов культурного уровня. Этим и объясняется стремление московских книжников поддержать его престиж и даже использовать его в качестве средства укрепления абсолютизма⁸. XVII век унаследовал традицию широкого функционирования церковнославянского как языка не только собственно церковной, но и светской книжности.

Впрочем, не все великорусские тексты следуют церковнославянским традициям: юридические документы и материалы частной переписки XVI—XVII вв. обнаруживают языковую систему, заметно отличную от книжно-литературной. В этой связи некоторыми исследователями была высказана мысль, будто «применительно к XVII столетию можно было бы констатировать лишь культовое, церковное иноязычие у русских, но отнюдь не двуязычие русского народа в зависимости от того, пользовался он устной или письменной формой общения»⁹. Анализ языка оригинальных и переводных произведений светской литературы XVII в., включая бытовые и сатирические повести, заставляет отказаться от столь упрощенного представления о сфере функционирования книжно-славянского (церковнославянского) языка в период позднего средневековья.

С точки зрения структурно-языковой все произведения «беллетристической» литературы XVII столетия представляют одну и ту же языковую систему, продолжавшую сохранять церковнославянские традиции и по всем основным особенностям противопоставленную системе разговорной речи великорусов. Для нее обычны и естественны неупотребительные в живой речи формы имен мужского рода с окончанием *-ови/-еви* в дат. падеже ед. числа (типа *Кучумови, господеви, дневи*) и *-и* в местн. падеже (*на камени, во огни, о плачи* и под.), формы им. падежа мн. числа на *-и* (*ангели, апостоли, вратари, гради, къдри, леди, пси* и пр.), *ие* (*жителие, звѣрие, людие*) и *-ове* (*ледове, слонове, сѣгове*). Нормаль-

⁸ Ср.: Иванов В. В. Указ. соч.

⁹ Котков С. И. К вопросу об истории московского говора и ее источниках.— В кн.: Московская деловая и бытовая письменность XVII века. Вступ. статья. М., 1968, с. 6.

ны здесь не свойственные великорусским говорам и не встречающиеся в деловых текстах формы со свистящими на месте задненебных: *нозѣ, руць, по бозѣ, в страсе, врази, друзи, посланници, угодници; усѣцы, совлецыся, рцы, помози* и т. д. Достаточно последовательно употребление форм двойственного числа, а обращение не менее последовательно выражается звательной формой, утраченной великорусскими говорами: *аспиде, брате, отче, старче, человеколюбце, Диогене, Израилю* и т. д.

Особенно показательны в плане языковой характеристики художественно-литературных произведений XVII в. глагольные формы, т. е. тот фрагмент языковой системы, где противопоставленность церковнославянских норм живой русской речи была особенно резкой. Так, если живая речь задолго до XVII в. утратила древнеславянскую систему прошедших времен, заменив ее универсальным показателем значений прошедшего времени на *-л-*, то литературные тексты на протяжении всего XVII столетия продолжают использовать формы аориста, занимающие в них 75—85% форм прошедшего времени, имперфекта и перфекта со вспомогательным глаголом. Замечательно при этом, что, по наблюдениям О. Л. Рюминой, такое соотношение форм прошедших времен сохраняется даже в переводах с польского, т. е. с текстов, знающих, подобно живой речи самих переводчиков, только прошедшее время на *-l-(l-)*¹⁰. Церковнославянскими по происхождению оказываются и остальные глагольные формы «беллетристических» произведений. Так, во 2-м лице ед. числа преобладает окончание *-ши*; сохраняется особое спряжение нетематических глаголов (*имамаь, вѣмаь, ямаь, дамаь*), причем глагол *быти* с отрицанием в настоящем времени образует парадигму *нѣсмаь, нѣси, нѣсть*; тематические глаголы, как правило, образуют формы настоящего — будущего простого от церковнославянских основ (*убию, пиеть, привязуеши, вижду, хожду, восхоцеть, страждеть, постраждеши* и под.). Сложное будущее почти не использует в качестве вспомогательного глагол *буду*; а повелительное наклонение сохраняет образования типа *оставаи, помажи, влѣзи, рцы, востани, помози* и т. п., в том числе и *вѣждь (и повѣжь), даждь, яждь, виждь*.

Характерны для языка художественно-литературных текстов частные формы, явно противопоставленные нормам живой речи. Это касается как самих причастных образований (ср.: *рекущи, спящии, суца, плѣжущее* и т. п.), так и падежных форм кратких и полных действительных причастий: *одышався, научивый, наемъшии, сотворшееся, рождшая, приступлыи, оставльше, возведся, иземъ, украдый, всемогий, ядый* и т. д.; да и само широкое употребление причастий — типичная особенность церковнославянского языка, резко отличающая его от живой русской речи и ориентированного на нее языка деловой документации. Это легко заметить, сравнив, например, небольшой фрагмент из «Сибирских летописей» (сборника повестей о покорении Ермаком Сибири) и идентичный по содержанию отрывок из официального отчета:

Есиновская летопись (1637 г.)

Пойдоша сии воини и дошедше и на станы ихъ нападоша нощию... Ноши же тоя дожду велику шедшу, погании же готовляхуся... Божию же помощию Рустии креплящися, а погании помалу начата оскудѣвати... Пришедши же ноши, казаки жъ утрудившеся отъ мно-

Отписка курского воеводы (1623 г.)

А головы, гдрь, и ратные люди билися сперва конми и пехотою... И бой, гдрь, с ними был до десятого часу дни... А из белгородских, гдрь, деревень пошли на Бѣлгород к воеводе... поворота пехоту и истомных людей, у которых лошади поуспали, чтобы им

¹⁰ См.: Хабургаев Г. А., Рюмина О. Л. Глагольные формы в языке художественной литературы Московской Руси XVII века (К вопросу о понятии «литературности» в предпетровскую эпоху). — «Филологические науки», 1971, № 4.

гаго пути, доидоша до переколи, ту итить на тѣх татар, скопяся с белаго-
обночевашася. родцы.

Традиция использования церковнославянского языка, поддерживающая противопоставленность книжно-литературного языка живой речи народа, в XVII в. оказывается в противоречии с формирующимся национальным самосознанием, требующим «закрепления в литературе» общего и единого языка нации. Пути преодоления этого противоречия тесно связаны с новыми тенденциями в развитии литературы с ее решительным поворотом к светской тематике: начиная примерно с середины века в кругу литературы, предназначенной для широкого чтения, «душеспасительные» религиозные сочинения все более активно оттесняются на второй план историческими и бытовыми повестями, демократической сатирой, переводными сочинениями светского характера, язык которых часто называют «народно-литературным». Анализ языка таких сочинений и переводов показывает, что «далеко не во всех случаях народно-литературный тип языка оказывается близким к разговорному языку. Чаще он следует образцам киевской эпохи и, следовательно, сохраняет такие уже утраченные в разговорном языке черты, как аорист, имперфект, иногда перфект со связкой, старые формы склонения, двойственное число. Эти черты в какой-то мере сближают народно-литературный тип языка с книжно-славянским, но в то же время народно-литературный тип резко отличается от книжно-славянского отсутствием риторической украшенности, простотой синтаксических конструкций (которая часто сочетается с использованием новых союзов и союзных слов), «конкретно-предметным» и «конкретно-действенным» характером лексики»¹¹. Таким образом, происходит демократизация книжно-литературного языка, пока еще не касающаяся его собственно грамматической основы, но очень заметная в лексике и стилистике.

Тенденция к демократизации, прежде всего затрагивающая язык новых литературных жанров, во второй половине века начинает обнаруживаться и в традиционных жанрах. Особенно показательны сочинения протопопа Аввакума, и прежде всего его знаменитое «Житие», написанное в 70-е гг.: «...элементы просторечия, т. е. русской разговорной речи, представлены в этом произведении очень полно»¹²; например, из описания поселения в Братском остроге: *в тюрьму кинули, соломки дали, что собачка в соломке лежу, коли накормят коли нет, батюшка не дадут дурачки, за волосы дерут, в глаза плюют* и т. д. Однако и Аввакум, провозглашающий намерение писать на «русском природном» языке, еще не решает нарушить книжно-славянскую грамматическую систему, которая в его произведении находится в противоречии с откровенно разговорной лексикой и фразеологией. Отступления от грамматических канонов церковнославянского языка можно заметить лишь на рубеже XVII—XVIII вв., например в известной «Повести о Фроле Скобееве», причудливо сочетающей традиционные книжные формы с собственно русскими, хорошо знакомыми по памятникам деловой письменности этого времени.

Так называемый «деловой», или «приказный», язык Московской Руси формируется по мере централизации государственного аппарата и уже в XVI в. выступает как общегосударственный язык канцелярской

¹¹ Горшков А. И. История русского литературного языка. М., 1969, с. 112—113.

¹² Ефимов А. И. История русского литературного языка. М., 1955, с. 114.

документации. Но если в текстах XVI в. он еще отражает местные традиции тех или иных областей¹³, то документы, написанные в XVII в. в самых различных провинциальных административных центрах, обнаруживают единую систему норм. Выработанные под пером московских дьяков, нормы эти распространяются по всей территории государства вместе с официально утвержденными моделями построения различных типов документов — «образцовыми грамотами» (формулярами), что и придавало им общегосударственное значение, закрѣпляя вместе с тем и авторитет приказного языка Москвы¹⁴.

Поскольку нормы языка приказной документации оформились в сфере делопроизводства, то они по сути своей были орфографическими. И коль скоро они, с одной стороны, ориентированы на традицию, а с другой — на систему московской живой речи, то очень характерной их особенностью была вариантность, нередко принимаемая исследователями за непосредственное отражение разговорной речи писцов. Ярким примером устойчивости и обязательности орфографических норм деловой письменности XVII в. может служить такая особенность, как «правила» употребления букв *e* и *ѣ* при обозначении ударных гласных перед твердым согласным: достаточно последовательное различение этих букв в указанной позиции при их смещении в остальных случаях не связано с территориальной принадлежностью соответствующих текстов (хотя в разных русских говорах гласные переднего ряда неверхнего подъема произносились по-разному) и вместе с тем совпадает с нормами употребления этих букв, известными собственно московским деловым документам уже в первой половине XVI в.

Ориентация орфографических норм деловой письменности XVII в. на образцы, выработанные в московских приказах (центральных государственных канцеляриях), обнаруживается и в том, что в текстах, созданных на периферии, перестают находить отражение специфически местные особенности, если они осознавались как диалектные. Так, замечено, что в северных — новгородских и вологодских — текстах исчезают написания, отражающие цоканье и обычные в местных памятниках более раннего периода¹⁵. В юго-западных великорусских грамотах этого времени не получает отражение произношение [и'], в соответствии с общерусским *ч*, хотя живой речи писцов было свойственно произношение типа [и' [асто], [и'] истый] и т. п.

Московская речь, как известно, характеризовалась «аканьем» — произношением [вада'], [забо'та], [прада'жа], которое было противопоставлено традиционным написаниям *вода*, *продажа* и т. п. Это противоречие живого произношения и орфографической традиции определило возможность вариантных написаний с *o* и *a* при передаче безударных гласных, что в середине XVII в. было официально узаконено соответствующим царским указом (касавшимся правописания имен собственных)¹⁶. Различия в особенностях письма документов, созданных в условиях разных говоров, в основном сводятся к тому, что писцы «акающих» (южных и центральных) областей, стремясь избежать отражения аканья, нередко (и даже чаще!) пишут *o* или *e* на месте *a* или *я*

¹³ См.: Иванов В. В. Указ. соч.

¹⁴ См.: Хабургаев Г. А. Локальная письменность XVI—XVII вв. и историческая диалектология. — В кн.: Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969, с. 116—118.

¹⁵ Ср.: Иванов В. В. Указ. соч.

¹⁶ См.: Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, ч. I. Изд. 4-е. М., 1918, с. 323.

(скажем: *сода'мь, Мока'ръ, пети', реды и т. п.*)¹⁷, в то время как писцы «окающих» (северных) областей таких написаний не допускают, да и *a* на месте *o* пишут в очень редких случаях типа *забота* — в противоречии с нормами местного произношения.

Вариантность орфографических норм деловой письменности обнаруживается также в передаче звуко сочетаний, подвергшихся различного рода ассимилятивным или диссимилятивным изменениям. Так, обычны в деловой письменности написания с буквами глухих согласных перед глухими или звонких согласных перед звонкими: *посатской, восчик и збор, з бою* (наряду с *посадской* или *посадишкой, возчик* или *возчик, сбор, с бою*), так же как и написания типа *што, молошной* (наряду с *что, молочной*) и т. п. А вот оглушение согласных в конце слов обычно не передается — пишут: *городъ (ѣ); головъ (ѣ)* и т. п., а не *горот, голоф*, хотя последний ряд написаний и возможен как индивидуальная особенность отдельного писца.

Наряду с орфографическими нормами деловая письменность к XVII в. выработала и определенные нормы словоизменения и формообразования различных частей речи, которые отчетливо противопоставлены книжно-литературным. В области склонения существительных «деловой» язык практически уже не знает архаических форм в ед. числе, отражая переоформившуюся систему именного склонения с его тремя типами, известными и современному русскому языку. Отклонения от норм здесь крайне редки. Например, в периферийных текстах начала века в мягком варианте мужского и женского рода встречается флексия *-и* (*на кони, на земли* и под.), но не как отражение старины, а как соответствие местной, диалектной особенности, формально не противоречащей письменно-литературной традиции. Очень характерно для «делового» языка окончание *-у* в род. падеже ед. числа неодушевленных существительных мужского рода: фактически оно характеризует все имена данного класса, не имеющие в ед. числе ударения на флексии (*ряду, саду, заводу, перевозу, перелеску* и т. п.), а также вещественно-собирательные — независимо от места ударения (*воску, гороху, свинцу, ячменю* и др.). Вплоть до последних десятилетий XVII в. категория одушевленности в деловых текстах не только во мн. числе, но и в единственном оформляется лишь в кругу наименований лиц мужского пола, хотя отдельные челобитные, написанные на периферии, позволяют предполагать, что в живой речи писцов форма родительного в значении вин. падежа характеризовала также и названия животных. Не знает деловая письменность XVII в. нормальных для книжно-литературного языка звательных форм; чужды ей формы двойств. числа; заднеязычные согласные в конце слов не чередуются со свистящими (*козакѣ — козаки — козакѣхѣ*).

Во множественном числе деловая письменность, в отличие от литературных текстов, знает в именительном-винительном падеже существительных мужского и женского рода только унифицированное окончание *ы/и* (*жѣны/земли, печати; города/кони, звѣри*); и лишь три слова в текстах XVII в. последовательно сохраняют прежнюю флексию *-и* — с переходом в «мягкое» склонение во мн. числе: *холопи, послуи, соседи* (ср.: *холопей, послуей, соседей* и т. д.). Напротив, в дат., твор. и предл. падежах мн. числа все деловые тексты XVII в. знают варьирование «старых» и «новых» флексий, по существу не отдавая предпочтения ни тем, ни другим, так что в одной и той же строке можно встретить:

¹⁷ Ср.: Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. (Фонетика и морфология). М., 1963, с. 57.

по городом(ѣ) — погородам(ѣ), по селом(ѣ) — по селам(ѣ), с козаки и со стрѣльцами, перед(ѣ) дьяки и перед(ѣ) столниками, в лѣсѣх(ѣ), в лѣсах(ѣ). В подобных фактах обнаруживаются истоки норм «делового» языка, использующего рекомендуемые «Грамматикой» М. Смотрицкого «старые» формы параллельно с уже унифицированными формами мн. числа именного склонения, что М. Смотрицкий допускал в тв, падеже, создавая тем самым своего рода письменно-грамматический «прецедент». Некоторые периферийные писцы, пытаясь следовать подобной «колеблющейся» норме, употребляли в «старой» форме и существительные, которые в действительности таких форм никогда не имели: с *те-лѣги* и с *хомуты*; с *пошлины*; с *отписки*; *указал столником(ѣ)* и *воеводом(ѣ)* и под.

Четко противопоставлены книжно-литературным и формы прилагательных: «деловому» языку неизвестны именные прилагательные в косвенных падежах; а во мн. числе эти формы не знают родовых различий в именит. падеже (только *новы, стары* и т. п.). В именит. падеже ед. числа муж. рода полные прилагательные употребляются только с флексией *-ой/-ей* (*новой город(ѣ), великой князь, прежней воевода* и т. д.; в текстах, созданных носителями акающих говоров, встречается *-ай*: *новой, заговорнай*). Здесь также характерно вариантное оформление окончаний, например, в род. падеже ед. числа неженского рода: *нового — старово* (в условиях акающих говоров: *старога, старого, стараво, старова, старава*). Для прилагательных женского рода в род. падеже обычно окончание *-ые/-ие* {*против судные грамоты, из ямские слободы*). Так же оформляются соответствующие окончания неличных местоимений: *того города — тово человекѣ, ис тое грамоты* и т. п. (возможно, впрочем, и *тоѣ, нашеѣ*). Вариантность свойственна и формам личных местоимений: *тобѣ* (на юге — *табѣ*) — *тебѣ у меня (тебя, себя) — у мене (тебе, себе)*.

Для языка деловых документов XVII в. характерно образование будущего сложного с глаголами *учну, стану*; иные вспомогательные глаголы, включая *буду*, неупотребительны. Прошедшее время представлено универсальной формой на *-л-*; но в устойчивых юридических формулах обязательна известная с древнейших текстов форма перфекта: *продал (ѣ) есм(ѣ), выручили есми* (или *поручилися есмы, выбрали есмя*). Чужды «деловому» языку причастные образования (кроме кратких страдательных причастий прошедшего времени), но очень употребительны в нем деепричастия: *бѣгучи, видя, став(ѣ), убоаяся* и т. п.

Даже краткий перечень характерных особенностей языка деловой письменности XVII в. вполне определенно обнаруживает ориентацию на систему живой речи, что и противопоставляет его языку собственно литературных текстов. Вместе с тем, как показывает сопоставительное изучение языка деловых актов и частной переписки, а также русских словарей и разговорников, составленных в XVII в. иностранцами, его нельзя отождествлять с разговорной речью великорусов. Так, некоторые типы образований были свойственны языку канцеляристов и вряд ли характеризовали обиходную речь; таковы, например, отглагольные образования существительных со значением действий (типа *грабление, колонье, резанье, сженье* и т. п. — от глаголов *грабить, колоть, резать, сжечь*), уменьшительно-уничтожительные типа *деревнишко(-а), подьячишко(-а), козачишко(-а)* и т. д. (включая имена собственные типа *Петрушко(ка)* — как тоименование нижестоящего лица в официальных документах). Выше указывалось на невозможность ставить знак равенства между оформлением категории одушевленности в деловой письменности и в живой русской речи XVII в.

Заметны различия в системе сопрягаемых глагольных форм деловой письменности и разговорной речи: они касаются как образования форм будущего сложного, где деловые тексты избегают вспомогательного глагола *буду*, а частные письма не употребляют в качестве вспомогательного глагола *учищу*, так и системы форм прошедшего времени, где «деловой» язык знает «специализированные» формы перфекта, неизвестные живой речи XVII в., а также широко использует соотносительные с книжно-славянским имперфектом формы на *-ыва-л/-ива-л* (*писывал, заставлял* и под.) в утвердительных оборотах речи, в то время как частные письма знают подобные формы почти исключительно в отрицательных конструкциях.

Таким образом, «деловой» язык в XVII в. представляет собой систему, опирающуюся на живую русскую речь, но выработавшую свои нормы, не совпадавшие с системой норм разговорной речи, и соотносительную с системой книжно-литературного языка. Это означает, что перед нами своего рода «параллельный» письменно-литературный язык, обслуживавший определенные сферы культурной деятельности. Следует при этом обратить внимание на то, что в XVII в. «сфера обслуживания» приказного языка уже не ограничивалась только собственно правовыми отношениями: он становится языком хозяйственных, научных, а отчасти и публицистических сочинений. Так, на этом языке пишутся (и на него переводятся) многочисленные лечебники и хозяйственные руководства; в 1627 г. подьячий Разрядного приказа А. И. Мезенцев создает на этом языке знаменитую «Книгу Большому чертежу» — первое систематическое географическое описание Московской Руси; нормы приказного языка отражены в сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича», а на рубеже двух столетий — в «Книге о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова, представляющих собой произведения публицистического характера. Иными словами, к концу столетия нарастают попытки преодоления условностей книжно-славянского языка путем расширения функций языка деловой письменности. И эти попытки, отражающие кризисное положение церковнославянского как универсального языка культуры, нельзя не связать с опытом юго-западной интеллигенции, которая во второй половине века приобретает заметное влияние в культурной жизни Московского государства.

Со второй половины XVI в., в период завершения государственного объединения великорусских земель, обостряется освободительная борьба в Юго-Западной и Западной Руси — на Украине и в Белоруссии, находившихся в составе Польско-Литовского государства. Как и в других европейских странах, в этой борьбе заметная роль принадлежала религиозному движению, знаменем которого был церковнославянский язык — язык греко-славянской, православной церкви, противопоставлявшейся католицизму как религии поработителей и вместе с тем символизовавшей единство народов Юго-Западной Руси с Московской Русью. Центрами охранения культуры церковнославянского языка становятся духовные академии, создававшиеся по образцу западноевропейских иезуитских школ. Именно здесь активизируется грамматическая разработка церковнославянского языка, находившаяся под очевидным влиянием латинских грамматических традиций. Не случайно авторы всех наиболее известных церковнославянских грамматик были выходцами с Украины или Белоруссии; среди них и автор «Грамматики» 1596 г.

Л. Зизаний, и М. Смотрицкий, выпустивший в 1619 г. первое издание своей «Грамматики» в городке Еве близ Вильны. О том, каким влиянием эти работы пользовались в Московской Руси, говорит хотя бы тот факт, что второе издание «Грамматики» М. Смотрицкого (с редакторскими правками и дополнениями, отражающими практику северо-восточных книжников) было осуществлено в самой Москве.

На протяжении XVII в. белорусские и украинские просветители регулярно появляются в Москве, принимают активное участие в политической и культурной жизни, в частности распространяют свою литературную практику на церковнославянском языке. Их влияние усиливается во второй половине столетия — после воссоединения Белоруссии и Украины с Россией. Выходцем из Западной Руси был такой выдающийся писатель того времени, как апологет московского царя Алексея Михайловича и воспитатель его детей Симеон Полоцкий, по чьей инициативе в Москве была открыта в 1687 г. знаменитая Славяно-греко-латинская академия, программа обучения которой была составлена по образцу западно-русских академий. Выходцем из Юго-Западной Руси был и крупнейший филолог и поэт конца XVII — начала XVIII в. Феофан Прокопович. Деятельность этих писателей и просветителей, с одной стороны, поддерживала престиж церковнославянского языка как книжно-литературного, с другой — способствовала разрыванию своеобразных традиций языкового развития, наметившихся в конце XVII столетия.

В силу социальных и географических условий Белоруссия и Украина ранее Московской Руси оказались связанными с традициями западноевропейской культуры, и притом — через посредство Польши, в состав которой долгое время входили эти земли. Наряду с приобщением к высокой филологической культуре средневековой латыни белорусская и украинская интеллигенция неизбежно усваивала и общие особенности культурно-языковой ситуации, сложившейся в Польше к XVII в., когда многие сферы общественной деятельности наряду с латынью обслуживались также и собственно польским языком. В соответствии с этим в Западной и Юго-Западной Руси заметно усиление латинского воздействия на систему церковнославянского языка (особенно в синтаксисе и стилистике), с другой стороны, формируется «параллельная» система письменно-литературного языка, соотносительного с церковнославянским, но ориентированного на живую речь, — система, которую П. Берында и некоторые другие культурные деятели этого времени называют «простой русской мовой» и которая использовалась при создании научных, публицистических и даже поэтических сочинений.

«Проста русска мова», как система светского литературного языка, широко отразила латинское и польское влияние не только в синтаксисе, но еще больше в лексическом составе. Именно из нее стали проникать в русский литературный язык многочисленные латинизмы, связанные с обозначением новых для русского быта понятий, такие, как: *апелляция, гоно́р, декрет, инквизиция, канцелярия, кляуза, мандат, патрон, персoна, полиция, секрет, термин, фундамент, церемония, эффект, конституция, литера, натура, доктор, оратор, помпа, форма, фьгура* и мн. др. — как правило, в польской «обработке», т. е. в том оформлении, которое они приобрели в польском языке, и с теми оттенками значения, которые были им свойственны в нем.

Займствования — один из важнейших источников пополнения словаря в ходе развития языка. В частности, и русский язык в процессе своего развития всегда обогащался не только за счет новообразований, но и за счет заимствований, которые в отдельные исторические периоды оказывались довольно многочисленными. На протяжении всего сред-

невековья наиболее заметными были заимствования из греческого и различных восточных языков (тюркских и иранских). Во второй половине XVII в. особенно значительными оказываются заимствования из польского или через посредство польского, предвещающие широкий поток заимствований петровского времени из западноевропейских языков. Источником этих заимствований была не только «проста русска мова», но и чрезвычайно популярные в это время переводы с польского. Естественно, что прежде всего здесь заметны собственно польские слова, многие из которых сохранились в русском языке: *вензель, особа, опека, пекарь, писарь, мешкать* и др., включая польские образования от немецких корней: *бляха, кухня, рисунок, рисовать* и др., а также польские кальки с немецкого: *духовенство, правомочный, мещанин, обыватель, право* и др.; наконец многочисленные европейские интернационализмы, попадавшие в русский язык опять-таки в польском «обличье»: *аптека, пачпорт, музыка, папа* и др.

Столь заметное иноязычное воздействие на лексику русского языка в начальный период формирования национальных отношений вполне естественно, если вспомнить, что именно в это время использование церковнославянского языка оказывается в противоречии с формирующимся национальным самосознанием, как противоречат новым отношениям и традиционные феодальные устои, и традиционная система общественных и бытовых понятий, нуждавшиеся в обновлении.

В середине XVII в. в Москве были выпущены одно за другим два издания, которые, как в зеркале, отразили описанную выше культурно-языковую ситуацию: «Грамматика» М. Смотрицкого (1648 г.) и «Соборное Уложение» (1649 г.). Подготовленные одними и теми же «справщиками», эти издания отчетливо противопоставлены друг другу в языковом отношении, хотя (и это весьма знаменательно!) первой увидела свет «Грамматика» М. Смотрицкого, основательно переработанная (в сравнении с первым ее изданием) редакторами, осуществлявшими вслед за этим и редакционную подготовку рукописного текста «Уложения», в котором «не чувствуется сколько-нибудь заметного влияния «Грамматики» 1648 г.»¹⁸. Это обстоятельство, по-разному оценивавшееся исследователями¹⁹, хорошо объясняется лингвостилистическими рекомендациями популярной в XVII в. «Риторики», старейший из списков которой относится к 1620 г.²⁰. Представляя собой одно из типичных для позднего средневековья стилистических руководств, составившихся по греко-латинским образцам, «Риторика» содержит интересную главу под названием «О тройных родах глаголения», которая, определяя отношения между письменной и разговорной речью, разъясняет необходимость последовательного разграничения двух типов письменного языка, обслуживающих разные сферы культурной деятельности, ни один из которых полностью не совпадает с обиходной речью²¹. Деятельность «справщиков» московского Печатного двора подтверждает жизненность рекомендаций «Риторики». Более того, издание почти одновременно «Грамматики» М. Смотрицкого и «Соборного Уложения», которое, по

¹⁸ Черных П. Я. Указ. соч., с. 75.

¹⁹ См. там же, с. 78.

²⁰ См.: Бабкин А. С. Русская риторика начала XVII в.—ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951.

²¹ См.: Хабургаев Г. А., Рюмина О. Л. Указ. соч., с. 69—70.

утверждению Г. В. Лудольфа, в языковом отношении было противопоставлено художественно-литературным произведениям и являлось «единственной книгой, напечатанной на простом наречии»²², может рассматриваться как свидетельство того, насколько осозанным было в XVII в. следование разным языковым нормам при создании произведений различного содержания и разного общественного значения.

Своеобразным отражением признанной обществом противопоставленности двух типов письменного языка являются также известные сатирические произведения XVII в. «Калязинская челобитная» и «Повесть о Ерше». Будучи произведениями бесспорно литературными, они в языковом отношении отличаются от синхронных бытовых повестей и новелл, ибо следуют нормам не книжно-славянского, а приказного языка. Объясняется это их пародийной направленностью: ориентацией на нормы «делового» языка авторы добиваются острой социальной направленности в пародировании правовых отношений эпохи, которые только этим языком и обслуживались. Перед нами, таким образом, старейшие в русской литературе образцы пародий, умело использующих ситуацию литературного двуязычия и вместе с тем подчеркивающих, что в общественном сознании и система «делового» языка не только в структурном, но и в функциональном отношении продолжала противопоставляться книжно-литературной системе норм, т. е. не была по своему общественному значению адекватна «простой русской мове». Именно этим можно объяснить тот факт, что «деловой» язык, несмотря на упоминавшиеся выше попытки расширения его функций, не приобрел значения универсального культурного языка. Авторитет церковнославянского как тщательно отработанного языка литературы сохраняется до начала XVIII в., а знание его остается обязательным для культурных деятелей, в частности и как показатель общей образованности.

Наблюдатель культурно-языковой ситуации в Московской Руси конца XVII в. Г. В. Лудольф, издавший в 1696 г. в Оксфорде очерк русской грамматики, составленной им на основании собственных записей, уверяет, что в Московии «не только св. Библия и остальные книги, по которым совершается богослужение, существуют только на славянском (церковнославянском — Г. X.) языке, но невозможно ни писать, ни рассуждать по каким-нибудь вопросам науки и образования, не пользуясь славянским языком. Поэтому чем более ученым кто-нибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях, хотя некоторые и посмеиваются над теми, кто злоупотребляет славянским языком в обычной речи»; «так у них и говорится, что разговаривать надо по-русски, а писать по-славянски»²³. Внешним подтверждением описанной Г. В. Лудольфом ситуации является то, что до петровских реформ в России не было попыток создания грамматических сочинений, посвященных родному языку и предназначенных для «внутреннего» пользования: на русском разговаривали с детства, а читать и писать учились по-церковнославянски, в частности по «Грамматике» М. Смотрицкого, сохранившей свое значение еще в годы учения М. В. Ломоносова. Осознание необходимости преодоления билингвизма, объективно уже в XVII в. становящегося анахронизмом, и перехода на новую, единую систему литературных норм, ориентированных на живую речь народа, относится к следующему, XVIII столетию, на протяжении которого складывается система норм современного русского языка.

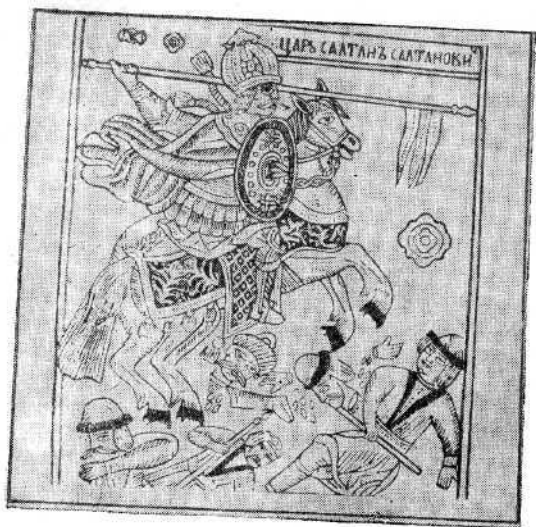
²² Лудольф Г. В. Русская грамматика. Переиздание, перевод, вступ. статья и примечания Б. А. Ларина. Л., 1937, с. 113.

²³ Там же, с. 113—114.

НАРОДНОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Н. Я. КРАВЦОВ

Фольклор XVII в. представлял собой новый этап в истории народного поэтического творчества, связанный с общим процессом развития русской духовной культуры этого времени ¹.

Важные исторические события и социальные процессы, в которые были втянуты широкие народные массы, вызвали рост их социального и национального сознания. Все это определило подъем народного творчества.

Для народного поэтического творчества XVII в. характерно как сохранение традиционности, что особенно проявлялось в обрядовой поэзии (календарной и семейно-бытовой), всегда более устойчивой, так и отражение новых явлений, порожденных «бунташным» веком, полнее и ярче запечатленных в поэзии необрядовой (в стихотворных и прозаических жанрах).

Календарный обрядовый фольклор был широко распространен в народной среде. Это подтверждается настойчивым преследованием светскими и духовными властями. Грамота царя Алексея Михайловича 1649 г. осуждала тех, кто накануне рождества «кликал» Коляду и Овсеня. В грамоте митрополита белгородского и обоянского Мисаила порицались те, кто шел на «бесовские игры». В 1684 г. патриарх Иоаким запрещал «скверная и бесовская действия», пение «бесовских песен», «бесовские игрища и позорища». В грамотах и указах содержатся упоминания и о семейно-бытовых обрядах и песнях (свадебных, похоронных), а также о скоморохах.

Наиболее устойчивыми были обряды и песни зимнего периода: колядование, зажигание огней как символа солнцеворота, гадания об урожае и замужестве, приметы об урожае, ряженье и игры, особенно в период между рождеством и крещением. Указы запрещали «хари» и «личины», т. е. маски, ряженье животными, вождение медведей и хождение с «кобылкой» (куклой лошади). Календарные обряды и поэзия носили магический характер, хотя в них все более проявлялись элементы игры, развлечения.¹

¹ Первый и весьма содержательный обзор фольклора XVII в. был написан А. М. Асташкиным и Б. Н. Путиловым (см.: Русское народное поэтическое творчество, т. 1. М., 1953, с. 348—477 (Народное поэтическое творчество времени крестьянских и городских восстаний XVII в.), а также Криничная Н. А. Народные исторические песни начала XVII века. Л., 1974).

Буйно и весело праздновали масленицу, радостно встречали весну, «кликали» ее, пекли фигурки обрядовых птиц из теста, отмечали как праздник первый выгон скота в поле на пастбу (Юрьев день — 24 апреля); поэтичным был праздник, который получил название «троица», и особенно праздник Ивана Купалы (ночь с 23 на 24 июня). Почти все они сопровождалось гаданиями мужчин о будущем урожае, а девушки — о замужестве. Дожиночными обрядами и песнями кончался земледельческий год.

Семейно-бытовые обряды и поэзия XVII в. включали обряды и словесные тексты, связанные с главными этапами жизни человека: рождением, женитьбой, смертью. Основное место в них занимали свадебные обряды и песни. Они бытовали не только в простонародной среде, но и в среде боярства и купечества. Основные свидетельства о них содержатся в дополнительной главе к Домострою (список XVII в.) и в Служебнике 1646 г. Свадебный обряд, о котором в них говорится, не отличается от крестьянского. Это не значит, как полагали некоторые ученые, что обряд из среды высших классов спустился в народную среду. Нет! Описание в свадебных песнях богатых нарядов действующих лиц свадьбы — рытого бархата, собольих шубок, золотых украшений, как и особая терминология, употребляемая на крестьянских свадьбах для наименования ее участников — князь и княгиня (жених и невеста), бояре (почетные гости), тысяцкий (руководитель свадьбы), — были лишь средством идеализации, подчеркивали праздничность, радость совершаемого обряда; не случайно вся эта поэтизация имела место прежде всего в важном жанре обрядовой поэзии — величальных песнях. То, что это были средства идеализации, отмечено в ряде пословиц: «Сваты с правдою не ездят», «Звалася баба княгинею за пустою братиною».

Обычны были причитания на похоронах. Английский путешественник сообщал в своих записях, что на похоронах у русских причитают или жены, или особо нанятые плакальщицы. Передает он и некоторые фразы из плача жены по мужу, где она спрашивает мужа, зачем же он ее покинул, коль она была ему хорошей женой, любила его, заботилась о доме, родила ему красавцев детей.

В документах XVII в. часто говорится о скоморохах, бывших, с одной стороны, носителями традиционного фольклора, особенно шуточного и сатирического, а с другой — создателями именно такого типа произведений, что и стало причиной гонений на них. Специальным указом 1649 г. скоморохам запрещалось давать представления, а крестьянам: приглашать их на свадьбы. За нарушение приказа скоморохов должно было «бить батоги», а их музыкальные инструменты — гудки, гусли, домры — жечь. Этот указ был подтвержден последующими указами 1652 и 1684 г.

Скоморохи были затейниками: пели, плясали, играли на многих инструментах, водили медведей, представляли забавные сценки, пользуясь при этом «личинами». В 1636 г. Олеарий записал свои наблюдения о скоморохах и зарисовал их представления: это были кукольные представления с Петрушкой, который покупал у цыгана лошадь. Если учесть, что ученые относят к XVII в. комическую сценку, в которой холопы расправляются с боярином, образ которого остро сатиричен, то можно сказать, что в этом столетии уже существовали некоторые формы театрального действия. К ним надо добавить игры и ряженья, исполнявшиеся на святках, на масленицу и в другие праздничные дни. Да и сами обряды были своеобразными формами театрального действия, так как состояли из ряда сцен, в которых словесный текст служил основой для создания или ритуальных, или шуточно-комических эпизодов.

Свадьба представляла собой целую пьесу, имевшую свой традиционный распорядок действий, хорошо известный исполнителям — невесте, жениху, сватам, родителям, подругам невесты и друзьям жениха.

Устное народное творчество XVII в. представлено разнообразными жанрами: былинами, историческими и лирическими песнями, для которых характерна стихотворная форма изложения, и сказками, преданиями, легендами; представляющими прозаическую форму (о последних до нас дошло и больше сведений).

Былины — один из важнейших жанров русского народного устного творчества — в XVII в. бытовали, вероятно, довольно широко, хотя уже тогда основной областью их распространения был Север. Подтверждением популярности былин служат записи, дошедшие до нас от этого времени². Записано семь текстов (другие записи, очевидно, существовали, но не сохранились): пять из них относятся к героическим былинам (сюжеты: Алеша Попович и Тугарин Змеевич, Сухан, киевские богатыри) и два — к новеллистическим (сюжеты: Потык, Ставр). Три текста о киевских богатырях представляют собой варианты одного сюжета. Таким образом, зафиксировано лишь пять сюжетов. Тем не менее записи свидетельствуют о широком интересе к былинам. Две из записей относятся к середине XVII в., прочие — к концу его. Исследователи этих текстов пришли к выводу, что отрывки былин «Алеша Попович и Тугарин Змеевич» и «Ставр Годинович» записаны «с голоса», очень точно и с соблюдением диалектных особенностей — аканья, что говорит о записях в среднерусских областях. Прочие пять текстов представляют собой литературные переработки или пересказы, поэтому в них почти не отразились диалектные особенности, есть отступления от идейного смысла былин и новые черты в характеристике персонажей.

Историки, этнографы и фольклористы неоднократно отмечали, что в русском фольклоре XVI—XVII вв., в том числе и былинах, сказалось характерное для этого периода обострение социальных противоречий. Отсюда отрицательные характеристики князей и бояр, в том числе и былинного князя Владимира. Так, в отрывке былины «Алеша Попович и Тугарин Змеевич» чувствуется насмешливое отношение богатыря к князю, которого он упрекает за то, что при княжеском дворе все угодничают перед Тугарином. Алеша говорит: «Али ты, государь, с княгиней не в любви живешь, что промеж вами болван сидит неотесанной?». Князь заботливо относится к Тугарину, приказывает пить за его здоровье, сам наливает ему вина, и тот выпивает его единым духом. Тогда Алеша наливает чашу своему слуге Торопцу: «Прими чару меду слаткова в полпята ведра: сам пей и подле себя подчивай князей и бояр и свою братью сильных могучих богатырей. Не бут ты обжерчив в Тугарина Змеевича: у нас была у батюшка моего у Федора, попа собориова, корова обжерчива — шотчи на поварню, да барды опилас»³. Князь сердится на Алешу: «Не шути ты шуткою несвойскою на Тугарина Змеевича: Тугарин Змеевич... не любит шутки тяжелыя». Но богатырь не слушает князя.

Если в отрывке об Алеше Поповиче и Тугарине богатырь лишь противопоставлен врагу, то в пересказе былины о Сухане богатырь совершает подвиги: он побивает татар, которых привел царь Азбук Таврульевич «пленив землю Русскую». Но обломался «сыр зелен падубок», которым он справлялся с врагами, поплыл богатырь через

² Былины в записях и пересказах XVII—XVIII вв. Подг. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.—Л., 1960.

³ Былины в записях и пересказах XVII—XVIII вв., с. 139, 140.

«быстрой Непр», чтоб добыть другое оружие, да выстрелили в него татары из «порога» рогатиной и «смертно» ранили. Умер Сухан. Пересказ заканчивается отрицательным параллелизмом:

Не злата труба вострубила,
Восплакала мать Суханова.

Плачет она не о том, что видит его «смертного», а от радости, что достиг он «истинной храбрости», «дорос человечества», «умер на службе государеве»⁴. Былина о Сухане — произведение яркого патриотизма, воспевающее подвиг русского богатыря, защитника родной земли и народа.

На основе былин созданы в XVII в. повести о походе русских богатырей в Царьград потому что царь Константин хотел идти на Киев. Но русские богатыри перебили царьградских и лишь двух взяли в плен: Идола Скоропита и Тугарина Змеевича. В повести действуют многие русские богатыри, в том числе Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович.

Отрывок быliny о Ставре Гоудиновиче начинается с эпизода, когда его жена Василиса Микулишна, переодевшись мужчиной, приезжает в Киев спасать мужа, посаженного князем Владимиром в погреб. Жена князя Владимира, Евпраксия, все-таки узнает в этом воине женщину. Владимир решает испытать незнакомца: заставляет бороться с тремя борцами, но Василиса Микулишна всех поборола. Победила она всех и в стрельбе из лука. Тогда князь Владимир велел привести в «хоромы посольские» Ставра. Но тот не сразу узнал жену, узнал лишь по «колечку позолоченному».

В повестях, созданных на основе былин, сюжеты приобретали приключенческий характер, соответственно сложившимся в литературе XVII в. образцам. Однако в пересказах ясно видны следы былинной поэтики: сюжетная схема, повторение эпизодов, с изменением в каждой новой ступени действия, образность, постоянные эпитеты, поэтическая фразеология. Это имеет место в пересказах героических и новеллистических былин.

Общие особенности пересказов былин состоят в неослабевающем интересе к патриотическим сюжетам, что, по всей вероятности, связано с длительной и упорной борьбой русского народа против интервенции польской шляхты и с последующими войнами. Насмешливое отношение к князю Владимиру Алеши Поповича и Василисы Микулишны, победившей богатырей князя и заставившей его освободить Ставра, отражают, вероятно, некоторое разрушение уважения к царской власти в XVII столетии.

Сохранившиеся записи и пересказы былин свидетельствуют о широкой популярности этого жанра, чем и объясняется использование его в повествовательной литературе. Однако надо отметить важное обстоятельство: точных записей текстов былин, по сути дела, сделано не было, а записей текстов исторических песен в XVII в. немало; это говорит о том, что основным эпическим жанром стали именно такие песни.

Расцвет исторических песен, проявившийся во второй половине XVI в., получил свое продолжение и в следующем столетии. Но песни XVII в. отличаются тем, что значительно шире охватывают события русской истории, откликнувшись и на «смуту», и на смерть сына Ивана Грозного Димитрия, и на появление двух Лжедмитриев, и на поход польской шляхты на Русь, и на борьбу против них Минина и

⁴ Былины в записях и пересказах XVII—XVIII вв., с. 148.

Пожарского, и на походы казаков на Азов, и, наконец, на восстание под предводительством Степана Разина⁵.

Песни этого века создавались разными слоями населения — крестьянами, жителями посадов, «ратными людьми», казаками. Поэтому, порой, оценка одних и тех же событий и лиц в песнях различна.

Борьба за независимость Родины, а с другой стороны, борьба народных масс за «правду», против внутренних угнетателей, определили две основные темы исторических песен XVII в.: патриотическую и социальную. Первая более всего раскрывается в песнях о Михаиле Скопине-Шуйском, вторая — в песнях о Степане Разине.

Песни о Скопине были весьма популярны. Этот талантливый полководец пользовался в народе большой любовью; он сыграл важную роль в освобождении Москвы от польской осады и в разгроме войск Лжедмитрия II и войск польских воевод в 1609—1610 гг. В песнях воспеты его военные походы и победы. Но основной сюжет песен о нем — его неожиданная смерть. Скопин умер внезапно, 23 лет, после пира у князя Воротынского. В песнях показана нелюбовь к нему князей Воротынского и Милославского, они радуются его смерти. Народ, возлагавший надежды на Скопина и считавший его достойным стать русским царем, открыто обвинял бояр в смерти полководца, в отравлении его. Известна была зависть к успехам Скопина со стороны его дяди Дмитрия Шуйского. По песням, Скопин был отравлен женой Дмитрия, дочерью Малюты Скуратова. Возможно, эта сюжетная канва соответствует действительным событиям. Самая ранняя запись песни о Скопине относится к 1619—1620 гг. и сделана для англичанина Ричарда Джемса. Это короткая, но весьма содержательная песня. В ней о смерти Скопина плачут москвичи: «А тепере наши головы загибли». Но Воротынский и Милославский «между собою... слово говорили»;

А говорили слово, усмехнулиея:
Высоко сокол поднялся
И о сыру землю матеру ушибся!⁶

В этой песне еще нет мотива отравления, но отношение князей к смерти Скопина показано ясно. В очень пространной песне в сборнике Кирши Данилова мотив отравления разработан обстоятельно: похвастался Скопин, что очистил от врагов царство Московское:

А и тут боярам за беду стало,
В тот час они дело сделали:
Поддернули зелья лютого,
Подсыпали в стаканы, в меды сладкие,
Подавали куме его крестовья,
Малютиной дочи Скурлатовой.
Она знавши, кума его крестовая,
Подносила стакан меду сладкого
Скопину князю Михайлу Васильевичу⁷.

В некоторых песнях о Скопине видны былинные особенности в поэтике, стихе и напевах. В них он действует как былинный богатырь и вместе с Никитой Романовым освобождает Москву от «Литвы».

Песни о Степане Разине — самый популярный цикл не только из песен XVII в., но и из всех русских исторических песен. Это объясняется тем, что в них затронуты важнейшие вопросы народной жизни, говорится об угнетенном положении крестьян и «голытьбы», об их стремле-

⁵ Исторические песни XVII века. М.— Л., 1966.

⁶ Там же, с. 48.

⁷ Там же, с. 51.

нии сбросить это угнетение. В сюжетах и образах персонажей песен в основном верно отражены ход и характер восстания под предводительством Разина, Но песни — поэтические произведения, и нельзя в них искать абсолютной исторической точности в передаче событий. Самое главное в них — выражение народных настроений и стремлений. Сохранились песни о заключении Разина в тюрьму, о его казни. Но нет песен о походе в Персию. Этот широко освещаемый в романтической литературе сюжет выпал из народных песен. Основное место в сюжетах песен занимают походы Разина и его отношения с казаками⁸.

В песнях изображается два рода походов: походы на «басурманов», против «орды богатой», и походы на Казань, Астрахань и даже Москву, против воевод и бояр. В песнях, относящихся к первым походам, заметно проявление их стихийности, иногда говорится, что цель похода — забрать «казну богатую». Есть и своеобразный мотив веры в царя и неверия в бояр. Когда приходит указ выслать Разина в Москву, он говорит: «Не умыслы царские, а умыслы боярские». Однако у казаков зарождаются сомнения в справедливости царя, они спрашивают атамана:

Почто жалует государь-царь и князей и бояр,
Почто ж нас, казаков, не жалует ничем⁹.

Тогда-то и возникает замысел «идти на святую Русь»:

Мы Казань-то городок возьмем с вечера,
А Москву возьмем ко белой заре¹⁰.

Весьма важна в песнях тема отношения Разина к народу, который представлен в них «голытьбой» и казаками. Разин все более склоняется к гольтыбе, мечтавшей о воле. Это придает песням разинского цикла антикрепостнический характер. В песнях выражены чаяния и ожидания народные, стремление к свободному труду и справедливости. Гольтыба поддерживает Разина. Все это делает значительной социальную сущность этого цикла песен.

Песни о Разине носят героический характер. Гольтыба и казаки совершают военные подвиги: берут города, разбивают царские войска, посланные против них, расправляются с воеводами. В песнях создается образ народа, складывающийся из характеристик и действий тех, кто бежал от бояр и воевод, и тех, кто считал себя «вольными людьми». Образ народа стал складываться в песнях о Ермаке, но оформился в песнях о Разине. Разин отличается от Ермака: он не думает заслужить прощение царя, не думает идти к нему на поклон, он выступает против бояр и царских воевод, он — предводитель народа, восставшего против угнетения, выбранный атаман, уверенный в правоте своего дела. В песнях его образ опозитизирован. Разин наделен необычной силой и смелостью. Он наводит ужас на врагов, он непобедим. Когда стрельцы и пушкари по приказу воеводы хотели стрелять в него, он говорит:

И вы пороху не теряйте и снарядов не ломайте,
Меня пулечка не тронет, меня ядрышко не возьмет¹¹.

⁸ См.: Яковлев М. Я. Народное песнетворчество об атамане Степане Разине. (Из исторических песен XVII века). Л., 1924; Акимова Т. М. Сюжетный состав народных песен о Степане Разине. — В кн.: Вопросы славянской филологии. Саратов, 1963, с. 27—46; Шептаев Л. С. Народные песни и повествования о Степане Разине в их историческом развитии. Автореф. докт. дис. Л., 1969.

⁹ Исторические песни XVII века, с. 155.

¹⁰ Там же, с. 150.

¹¹ Там же, с. 259.

В параллель Разину создан образ его «сынка» — смелого и дерзкого перед воеводами молодца. Попав в руки врагов, он гордо и прямо заявляет о преданности Разину (почему и получил прозвище «сыннок»). Он презирает смерть и верит в победу народа. И Разина, и «сынка» боятся воеводы и бояре, они боятся народной расправы.

Песни о казни Степана Разина передают тяжелое народное горе. Народ потрясен казнью вождя, его горе передано в символических образах: наполни туманы, погорели леса, «помутился славный тихий Дон». Песни о Разине возникли, вероятно, на Волге и Дону, а затем распространились по всей стране.

В науке о фольклоре существует мнение, что исторические песни нередко возникают на основе исторических преданий. Это в известной мере правильно. Одним из доказательств служит то, что нам известны предания гораздо более раннего времени, нежели песни. Предания — это рассказы о далеком прошлом, тогда как исторические песни обычно складываются по горячим следам событий. Впрочем, предания тоже возникают иногда в то время, когда события еще не забылись и народ остро на них реагирует. То, о чем говорится в преданиях, обычно воспринимается рассказчиками и слушателями как действительно происходившее. Но надо подчеркнуть, что предмет преданий — событие особого рода, необыкновенное, хотя повествуется о нем в весьма реалистической форме. В отличие от сказок, предания менее фантастичны, характеризуются одноэпизодностью сюжета. Повествование в предании концентрируется вокруг определенного события или лица. Но если историческая песня — стихотворная форма, то предание — прозаическая. От обычных рассказов о событиях предание отличается тем, что в нем повествователь никогда не выступает в роли участника или очевидца событий, он ссылается на авторитет других: «старики рассказывают», «в народе говорят».

Фольклор XVII в. очень богат преданиями. Сюжеты их часто перекликаются с сюжетами исторических песен. В этом столетии еще живут предания об Иване Грозном и Ермаке (предания вообще весьма устойчивый жанр). Народ любил Грозного, поддерживал его борьбу с боярами. В одном из рассказов царь казнит воеводу за то, что тот взял взятку — гуся, начиненного золотом, в другом говорится, что Грозный — царь из мужиков¹².

Иностранцы путешественники записали несколько рассказов о Грозном, напоминающих анекдоты. Дж. Флетчер, бывший в Москве в конце XVI в., в своей книге «О государстве Российском» сообщает рассказ о хитрости царя: царь велел каждому из воевод собрать по колпаку блох, иначе они будут платить штраф заслушание. А так как воеводы выполнить приказ не могли, то он наложил на них большой штраф. Английский посол С. Коллинз, бывший в Москве в начале XVII в., приводит рассказ о том, как один из послов, когда представлялся царю, не снял шляпу, ссылаясь на обычаи своей страны. Грозный велел прибить ему шляпу гвоздем к голове. В других преданиях рассказывается о том, как царь неузнанным пристал к шайке воров и предложил им ограбить царскую казну, но они отказались, и тогда он наградил их. Бедный крестьянин поднес царю в подарок лапти и репу, и Грозный приказал боярам покупать у этого крестьянина репу; узнав об этом, один из бояр решил получить от царя ценную награду: он поднес царю подарок большой ценности, но царь одарил его репой.

¹² См.: Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970, с. 56, 70.

Предания о Ермаке также складывались в XVI столетии, а широко бытовали в XVII в. и позже. Народ уже не удовлетворялся мечтой о справедливом царе; теперь он мечтал о герое, защищающем народ, возглавляющем борьбу за свободу. «Образ Ермака — самый ранний в русском историческом фольклоре образ народного вожака»¹³. В преданиях Ермак выступает то донским казаком, то разбойником с Камы, то бурлаком. Основной сюжет преданий о нем — поход в Сибирь. Ермак участвует в этом походе предлагает товарищам заслужить прощение царя. Тот же мотив звучит и в исторических песнях.

Предания о Степане Разине, как предполагают ученые, стали складываться еще при его жизни. Большие ватаги «вольных людей» собирались на Дону и Волге — во главе их стал Разин. Вероятно, в их среде и возникли рассказы о нем как о народном вожаке. Основные сюжеты преданий те же, что в исторических песнях. Главный мотив в них: со всех концов русской земли собираются к Разину беглые крестьяне, беднота, а он заботится о них, раздает им то, что отбирает у бояр, воевод и купцов. Часто бывает заметна романтическая окраска описываемых событий (например, в сюжете «Разин и персиянка»). В преданиях о Разине получили развитие фантастические мотивы; народ наделил его чудесными качествами: оковы его не держат, из тюрьмы он бежит на лодке, которую нарисовал на стене и на которую плеснул воды из кружки — заплескались волны и лодка поплыла. Казнь Разина вызвала в народе не только горе, но и утопические надежды, нашедшие воплощение в рассказах о том, что Разин не казнен, а бежал с эшафота; он жив, скрывается в пещере, но придет час и объявится он среди народа и поведет его за собой «на бояр, на дворян».

Не только в подобных сюжетах, но и в рассказах, лишенных фантастики, естественно, нередки отступления от исторической правды. Так, рассказ о том, как Разин сбрасывает с колокольни астраханского архиерея, который предавал его анафеме, исторически недостоверен. Разин не был в Астрахани в 1670 г., когда произошло это событие.

Предания разинского цикла отличаются от предшествующих циклов, с одной стороны, социальной проблематикой большого значения, с другой — прямым прославлением народного протеста и борьбы против классового угнетения. Исторические песни и исторические предания XVII в. свидетельствуют о значительном росте классового сознания народных масс и их исторического опыта.

Прозаический жанр — легенда — свидетельство о других особенностях народного миропонимания. В легенде отражались религиозные и суеверные представления, поддерживаемые в народе традицией и религией. В отличие от преданий, легенды — жанр религиозного характера; в них нередко действуют святые; основой сюжетов часто служат чудеса, творимые ими. Среди легенд значительное место занимают и рассказы о колдунах, о духах — фантастических существах, представляющих низшую категорию дохристианской, языческой мифологии. А. Н. Афанасьев высказал мысль о том, что в легендах отразилось двоеверие, в них соединились христианские и языческие представления¹⁴. Он приводит примеры древних легенд, сохраняющихся в народе: «Собака первоначально была создана голою; но черт, желая ее соблазнить, дал ей шубу, то есть шерсть». Сюжет этой легенды — дохристианский, а черт введен в нее из христианских представлений.

¹³ Соколов А. В. Русские исторические предания, с. 249.

¹⁴ См.: Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. М., 1914, с. 16.

Значительное число легенд близко житиям святых — апокрифам. Это рассказы о святых, их благодеянии к людям, «святой жизни». Источником христианских легенд часто были библейские сюжеты, однако народ по-своему осмысливал их. Так, существовала легенда о сотворении мира, в которой говорилось о том, что дьявол создал тело человека, а бог вдохнул в него душу, поэтому в человеке есть злое, дьявольское начало. В легендах утверждается, что власти не от бога, а от дьявола, почему и враждебны простому народу. Такого рода легенды в религиозной форме выражали народный критицизм по отношению к религиозным сказаниям и догмам, вследствие устойчивости средневековых представлений и одновременно результат развития определенных идейных тенденций. Характерно, что положительным персонажем в легендах обычно выступает мужик, бедняк. Он честен, трудолюбив, человеколюбив. В легендах нередко социальная антитеза: силы природы, и святые помогают бедняку, а не богатому.

Если былины и исторические песни всегда бытовали в довольно узком кругу людей и исполнялись в силу их сложности и художественной специфики особыми мастерами — «сказителями», то сказки всегда были достоянием самых широких слоев населения Руси, более всего создавались и жили в крестьянской среде. Поэтому они выражали крестьянские представления о жизни и идеалы, недаром их главными положительными героями были мужик или крестьянский сын. Но в конце XVII в. сказки становятся популярными и в высших социальных слоях, и в купечестве, и среди ремесленников. Популярность сказок подтверждается, кроме того, многочисленными записями, указами о запрещении рассказывать сказки (указ 1649 г.), свидетельствами иностранных путешественников (Олеарий, С. Маскевич) о любви русских людей к сказкам, наконец, отражением сказочных мотивов и эпизодов в повествовательной литературе того времени («Повесть о купце, купившем мертвое тело», «Повесть о Василии Златовласом», «Повесть о Карпе Сутулове», «Повесть о Шемякином суде», «Повесть о Ерше Ершовиче»). Следует указать и на то, что именно в XVII в. начинает употребляться термин «сказка» вместо обычного ранее «баснь» (от «баять» — сказывать).

Естественно, что в XVII в. бытовали сказки, сложившиеся ранее и жившие в силу фольклорной традиции, из которой, несомненно, отбиралось то, что отвечало современным особенностям русской жизни. Входили в сказки и новые мотивы, эпизоды, персонажи. Прежде всего, в XVII в. (а может быть, и в конце XVI в.), сложились сказки об Иване Грозном и Степане Разине. Впрочем, эти произведения по всем их признакам следует отнести не к историческим сказкам¹⁵, а к историческим преданиям, в некотором отношении связанным со сказками. Новое в сказках проявилось и в отражении характерных социальных явлений и жизненных ситуаций.]

Изучение материалов о сказочном репертуаре XVII в., учет отголосков сказок в поговорках и повествовательной литературе дают основание считать, что в XVII в. были представлены все основные виды русской сказки: волшебные, авантюрные, сказки о животных, бытовые¹⁶.

Сказочный репертуар XVII в.¹⁷ отличался явными сатирическими тенденциями. С едкой иронией, отразившей нарастание народного не-

¹⁵ Жанр сказки не предусматривает такой классификации.

¹⁶ См.: Померанцев А. В. Судьбы русской сказки. М., 1965, с. 28.

¹⁷ Русские сказки в ранних записях и публикациях XVI—XVIII веков. Л., 1971.

довольства социальной несправедливостью, бесправием, лихоимством, изображались в сказках бояре и дворяне, судьи и приказные, попы и купцы. Этот сарказм перешел и в сатирические повести того времени. В сказках часто используется социальная антитеза: бояре и баре противопоставлены крестьянам, власть имущие — бесправным. Из сказок идут образы спесивого боярина, жестокого барина, взяточника-судьи, жадного попа. Повесть о судье Шемяке тесно связана со сказкой о бедном и богатом братьях.

Частый комический, сатирический персонаж сказок — поп; его жадность и неудачные любовные похождения — предмет острого осмеяния. Обычная ситуация: женщина остроумно обманывает попа или монаха, пытавшихся ее соблазнить. Образ попа в сказках весьма близок его образу в пословицах.

Народные сказки полны юмора. Шуточные сказки, в которых осмеиваются человеческие пороки — тупость, глупость, хвастовство и лень, очень популярны. Известны в XVII в. и сказки о неудачниках-дурачках, подобных Емеле, который все делал не так, как надобно, и все не вовремя.

В XVII в. весьма любимы были в народной среде сказки о животных; именно в это время они приобретают ярко выраженный иносказательный характер¹⁸. В образе лисы, например, стали представлять и неправедного судью, и жадного попа. Яркий сатирический и иносказательный характер носит сказка о Ерше Ершовиче. Это едкая сатира на суд, где бедный человек не может найти правду. Ерш — персонаж не только сказочный, но и пословичный: «Не все у нас караси, есть и ерши». Суть сказки о Ерше состоит в том, что благодаря уму и находчивости он побеждает Осетра, Сома и Леща, в образах которых надо видеть бояр и подьячих. Повесть XVII в. о Ерше Ершовиче имеет, очевидно, в основе народную сказку. Но есть и обратное мнение — что сказка идет от повести¹⁹. Если это так, то в данном случае можно отметить процесс влияния письменности на сказки, что вполне возможно с развитием повествовательной литературы. В этом же веке в русский сказочный репертуар вошли и сюжеты переводных повестей о Бове королевиче и Ерусалане Лазаревиче.

Выяснение вопроса о состоянии народной лирики в XVII в. весьма трудно из-за отсутствия достаточных материалов. Фольклористы располагают следующими материалами: записями лирических песен, сделанными для Р. Джемса в 1619—1620 гг.²⁰; текстами песен, обнаруженными в документах XVII в.²¹; сведениями Петра Андреевича Квашнина-Самарина, стольника царицы Прасковьи Федоровны, жены царя Ивана Алексеевича²². В них содержатся лирические песни разной тематики: социального содержания, военные, семейно-бытовые, любовные, т. е. уже в XVII в. в народной лирике представлены основные разновидности лирических жанров. Поэтому нельзя принять высказывавшееся ранее мнение, что «лирическая песня не только не имела веду-

¹⁸ Русское народное поэтическое творчество, т. 1, с. 446—454.

¹⁹ См.: Митрофанова В. В. Народная сказка о Ерше и рукописная повесть о Ерше Ершовиче. — «Русский фольклор», вып. XIII. Л., 1972, с. 166—178.

²⁰ Песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. Спб., 1907. Публ. Н. Попова.

²¹ См.: Соловьев С. М. История России, т. XIV. Приложение 2-е, стб. Приказного стола 1699 г.; Кудрявцев И. М. Две лирические песни, записанные в XVII в. — ТОДРЛ, т. IX, 1953, с. 380—386.

²² См.: Сперанский М. Н. Из материалов для истории устной песни. — «Изв. АН СССР, отд. обществ. наук», 1932, № 2, с. 913—934.

щего значения, которое она приобрела позднее, но и не была еще развита в самостоятельный жанр»²³. Возможно, что она не имела «ведущего значения», но была уже самостоятельным художественным явлением, устойчивым, выработавшим свою поэтику. Это подтверждается при сравнении песен XVII в. с песнями XVIII в.: они мало между собой разнятся по законченности, по логике развития темы, по художественным средствам²⁴.

Лирические песни XVII в. содержат в себе определенные отголоски современных явлений жизни русского общества. Песня «Со напраслины головушки погинули наши» отразила общественные настроения и преследование властями людей недовольных, смутьянов. /Расширение кругозора русских людей, характерное для XVII в., сказалось в песне «Как ходил доброй молодец по чужедальней сторонке». В некоторых песнях встречаются мотивы разбойничьих (как их называл В. Г. Белинский — удалых) песен, а возможно, и казачьих. Такова песня «При высоком хорошем кургане», в которой молодец просит похоронить его на высоком кургане при дорожке под кудрявой березой. В одной из песен разбойник жалуется на свою тяжелую судьбу («ни пить-есть не хочется»); в другой речь идет об атамане, есауле и полюбовнице атамана. К этим песням близки песни о судьбе добрых молодцев, взятых на воинскую службу., (например, «Бережочек зыблетца»), о службе в сторожевых отрядах, стоящих по далеким пограничным рекам. Добры молодцы жалуется на тяжесть «зимовой» службы и просят бога скорее послать «весновую» службу. В песне «Ох, надежа, надежа, мил сердечный друг» девушка просит бога помиловать ее друга «на той ли на службе государевой».

Глубоко эмоциональна и трагична в своей идейной сущности песня о Горе-Злочастии (или просто о Горе), преследующем молодца. Песни, в которых есть образ Горя, нередки в русской лирике. Горе преследует не только молодца, но и девушку, и замужнюю женщину. Фольклористы с полным основанием относят рождение этих песен к XVII в., когда образ Горя вошел и в повесть о Горе-Злочастии. Ученые спорят о том, повесть ли дала начало образу в фольклоре или фольклорный образ вошел в повесть. Так или иначе, истоки этого образа, как справедливо заметил Н. Г. Чернышевский, жили в народных понятиях. В песнях о Горе отразилось тяжелое положение народных масс, что дало основу персонификации образа, родившейся на общефольклорном материале. Песня о Горе — песня о молодце, пропившем золотую казну и проклинаящем «избу кабацкую» и целовальников²⁵.

В целом ряде песен отразились сложные семейные отношения и тяжелая судьба женщины-вдовы. В одной песне говорится о жене, расправившейся с «худым» мужем: она убивает его «середь двора», а смерть его объясняет смертью «от молоньи»²⁶. В повестях XVII в. присутствуют некоторые типичные ситуации семейных песен: женитьба старого на молодой, ревность мужа. Их песенные истоки подтверждаются образностью и фразеологией. К семейным песням этого времени фольклористы относят песню «Дубрава, дубрава зеленая», в которой кукушка жалуется на сокола, что разорил ее гнездо. В песне «А и один

²³ Крестьянская лирика. Библиотека поэта (малая серия), 1935, с. 21—22.

²⁴ Содержательный анализ материалов дан в статье: Позднеев А. В. Лирические песни XVII века. (К вопросу о репертуаре). — «Русский фольклор», вып. I. Л., 1956, с. 78—96.

²⁵ Песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг.

²⁶ См.: Соловьев С. М. История России, т. XIV. Приложение 2-е, стб. Приказного стола 1699 г.

был мил сердешной друг» женщина страдает оттого, что тяжело ей в «чужой» семье, когда муж с ней «не в любви живет». В песне «Кабы знала, млада, кабы ведала» женщина сожалеет, что выдали ее за нелюбимого. Из этих примеров видно, что в XVII в. семейно-бытовые песни уже выработали свою тематику и устойчивую поэтику.

Наибольшее число свидетельств относится к существованию в XVII столетии любовных песен. В них также определились характерные для них ситуации и образы девушки и молодца. Это песни: «Ай, не павушка по двору» — о том, как девушка ожидает милого; «Целуй меня, миленькой», где девушка просит молодца не покинуть ее; «Ой взошла на меня тоска» — о горе девушки, которую выдают за немилого. Встречаются песни об измене милого.

Для лирических песен этого времени свойственны некоторые общие особенности поэтики: символика (сокол — молодец, павушка и лебедь — девушка, рябина и кукушка — замужняя женщина); парные символы (кукушка — сокол); параллелизмы (на цветы мороз — на девушку кручина); заставочная роль картин природы («Долина, долина широкая», «Дубрава, дубрава зеленая», «На тихой на заводи»); постоянные эпитеты (ясный сокол, бела лебедь, чистое поле).

Самый живой и активный жанр устного творчества XVII в. — пословицы. Показательно, что в это время определяется и термин «пословицы». Он входит в оборот наряду с более старым термином «притчи». Широкое бытование пословиц подтверждается прежде всего составлением в XVII в. сборников пословиц²⁷. Первые записи произведений этого жанра относятся к концу столетия. Сборники пословиц составлялись в алфавитном порядке, поэтому, вероятно, они были делом довольно грамотных, «книжных людей». Наши представления о пословицах XVII в. дополняются повествовательной литературой, в которой нередко встречаются народные изречения: на них ссылаются авторы как на авторитетные суждения народа, они используются для оживления и украшения рассказа. Вводятся пословицы и в документальную литературу: народным мнением подтверждается оценка событий и лиц. Есть основание считать, что от XVII в. до нас дошло более 4 тысяч пословиц. Богатство пословичного репертуара подтверждается словами из вступления к одному сборнику: «Аще кто и паче от многотрудных потщится мирская сии вещи, или пословицы, собрати — едва ли возможет»²⁸. В названии другого сборника пословицы названы «всенароднейшими», а это значит, что они широко бытовали в народной среде.

Пословицы — самый устойчивый, самый традиционный жанр. Характерно, что пословицы из сборников XVII в. почти без изменений переходят в последующие столетия, а это дает основание предположить, что в пословичном репертуаре XVII в. было немало пословиц, возникших значительно ранее. Сила традиционности пословиц объясняется тем, что в них в обобщенной форме выражен богатый и ценный жизненный опыт народных масс, которым весьма дорожили: «Старых людей пословицы — не мимо дела». р. XVII в. пословицы окончательно оформились как краткие и яркие выражения значительных мыслей, часто двучленные, так как представляли собой сравнения и антитезы. Использовали они и ритм, и рифму, в которой нередко стояли личные имена: «Был Савва, была и слава». Выработались в пословицах и постоянные схемы строения, особенно повторяющиеся начала: «Кто нового не ви-

²⁷ См.: Симоны П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. I—II. Спб., 1899.

²⁸ Там же, с. 69.

дал, тот и поношенному рад», «Кто помахет, тот и сядет», «Кто старое помянет, тому глаз вон», «Сколько веревку не вить, а концу быть», «Сколько волка не корми, а он к лесу глядит».

Традиционные пословицы в репертуаре XVII в. узнаются по приметам времени — по языку, связи с историческими событиями и лицами, со старым бытом: «Кто не сиживал на коне, тот не леживал и под конем», «За кожей панцыря нет». Такого рода пословицы, теряя связь с конкретно-историческими обстоятельствами, получали расширительный смысл и начинали прилагаться к новым обстоятельствам.

Но в это же время слагались и новые пословицы, связанные с новыми историческими событиями и лицами: «Нов город нижней — сосед Москве ближней», «Пришли казаки с Дону, погнали ляхов с дому», «Лежи на боку, да гляди на Оку» (о сторожевой службе и охране от нападений крымских татар)²⁹.

Борьба с интервентами и за воссоединение исконно русских земель способствовала широкому бытованию военных пословиц, и старых, и новых: «Крепка рать воеводою», «Стояньем города не взять», «Храбр побивает и своих избавляет», «В поле съезжаются — родом не считаются», «При рати железо дороже золота».

В пословицах отражены не только исторические события, но и социально-экономические процессы, например развитие торговли, возросшее значение денег: «Алтынном воюют, алтыном торгуют, а без алтына горюют», «Алтын сам ворота отпирает и путь очищает». В народе ясно понимали торговую механику и видели новое зло в ростовщичестве: «Кто торгует, тот ворует», «Займуя (занимая. — Н. К.) — смеются, а платя долг — плачут».

Пословицы создавались в простонародной среде: крестьянами, мастеровыми, солдатами. Так как основную массу населения страны составляло крестьянство, то естественно, что на большей части пословиц лежит печать его представлений: «Красно гумно стогами, а стол пирогами», «Летний день за зимнюю неделю», «Какова пашня, таково и брашно», «Пашню пашут, так руками не машут», «Все добро за хлебом». В пословицах дается оценка труда и мастерства: «Ремесла за плечами не носят, а с ним лучше», «Молот хоть молод, да бьет старо», «По сусле пива не угадать», «Всякое дело мастера боится», «Лес сечь — не жалеть плечь», «Ленивого знать и по платью».

Сложные взаимоотношения растущих городов и крепостной деревни были почвой для возникновения такого рода пословиц: «Что в деревне родится, то в городе пригодится», «Кто орет, тот поет, а кто служит, тот тужит», «Без денег в город — сам себе ворог», «Был бы хлеб, а у хлеба люди будут». В пословицах видны и гордость крестьян своим трудом, и презрение городских к деревенским: «Ездил к городу, да наплевали в бороду».

Тяжелое положение масс — важнейшая тема пословиц: «Ржи много в поле, да нам нет доли», «Нашто было жениться, когда рожь не родится». Тяжелый гнет и несправие рождали недовольство и протест, заставляли крестьян бежать на Волгу и Дон, толкали к активным действиям: «Кабалка лежит, а Ивашка бежит», «Под лежачий камень вода не течет», «Хотя изба сера, да воля своя», «Еловый пень не отродчивый, а смердей сын не покорчивый»; но порой приходилось и разочаровываться: «Дон, Дон, а дома лучше».

²⁹ См.: Жигулев А. М. Исторические события в русских народных пословицах. — ВИ, 1961, № 5, с. 211—217; Пушкирев Л. Н. Русские народные пословицы в записях XVII в. — ВИ, 1974, № 1, с. 153—161.

Пословицы, выражающие интересы дворянства и духовенства, учили: «Без бога не до порога», «Всяк человек — лож, и мы тож», «Смехи да хи-хи вводят во грехи», «С сильным не борись, с богатым не тяжись», «Покорные головы и меч не сечет», «Бога бойся, а царя почитай» и, наконец, прямо крепостническая поговорка: «Сама себя раба бьет, коль неладно жнет».

Пословицы несли в себе острую социальную оценку помещика, судьи, попа, которые вместе угнетали и обирали народ: «Не будет пахотника, не будет и бархатника», «Белые руки чужие труды любят», «Сыт голоду не разумеет»; немало в них критических и сатирических образцов: «Бить челом Фоме, а было бы в суме», «Не бойся истца, бойся судьи», «Попам да клопам жить добро», «Поп любит блин, а ел бы он один».

Так называемое обычное право, семейная бытовая мораль определили наличие среди пословиц речений общего характера, относящихся к поведению и нраву человека. Высоко ценятся прямота, честность, доброты, правдивость, истинная дружба: «Друг познается при беде», «Старый друг — лучше новых двух». Вместе с тем осуждаются такие человеческие пороки, как жадность, хвастовство, трусость, злость: «В чужих руках ломоть шире», «После рати хоробрых много».

Дают пословицы оценку семейных и личных отношений. Власть старших в семье была сильна, но молодежь выражала свой протест в едкой иронии: «Большой в дому, что хан в Крыму», «В лесу медведь, а в дому мачеха — обое равно», «Кошку бьют, а невестке наветку дают», и в то же время: «Нет такого дружка, как матушка», «Женою доброю муж честен бывает», «К милому семь верст — не околица».

Рост культуры, образованности и просто жизненные наблюдения приводили в XVII в. народные массы к пониманию ценности научных знаний: «Век живи — век учись», «Кто грамоте горазд — не умеет ли пропасть», «Книг читать — зла не плутать», «Книги не лгут, что времена лихи», «Иже и како не солгут никак». В то же время бытовали пословицы, в которых отражалась темнота народных масс: «Аптека улежит на полвека», «Аптекама предаться — деньгами не жаться».

Пословицы занимают важное место в народно-поэтическом творчестве и духовной культуре народа. Их познавательное значение состоит в сохранении фактов истории и быта, обобщении и оценке жизненных явлений. Велико их идейно-воспитательное воздействие: они не только концентрируют в себе опыт многих поколений, но и утверждают высокие идеалы любви к Родине, справедливости, честности, трудолюбия. И все это выражено в высокохудожественной форме краткого, образного, яркого изречения.

Народное поэтическое творчество в России XVII в. жило полной жизнью. Это проявилось в сохранении наиболее ценных достижений фольклора предшествующих веков; в живом отклике на значительные исторические события и социальные процессы времени; в отражении новых особенностей воззрений и настроения народных масс; в дальнейшем развитии основных жанров — исторических и лирических песен, сказок и преданий; в их воздействии на художественную литературу (письменную и печатную), главным образом повествовательную. Фольклор XVII в. имел значительную познавательную, идейно-воспитательную и эстетическую ценность.

О. В. ОРЛОВ

В XVII столетии авторитет религиозных идей и книг был еще весьма значителен, но светская литература находила себе все более многочисленных читателей и становилась заметным явлением культуры. Вместе с тем усилилась и дифференциация литературы. Этот процесс ясно выразился сначала в обособлении публицистической литературы (происшедшей в XVI столетии), а затем в развитии сатирико-бытовых повествовательных произведений, положивших начало собственно художественной литературе.

Герои литературных произведений рассматривались теперь в другом измерении. Нравственная шкала — христианские понятия о добре и зле — теряла прежнюю безусловность и универсальность. Более важным становится тогда социальный, классовый, а также ранее — социальный, классовый. Не добро и зло, а сословная принадлежность, богатство или бедность все чаще выдвигаются на первый план жанре,

Сближение литературы с реальностью выражается в подлинности исторического и бытового фона, имен и фамилий героев. Исторически реальны, например, фамилии Грудцына¹, Ордина (в повести: Нардин). Это придавало произведениям колорит достоверности и делало их более убедительными и впечатляющими для читателя.

Перемены, происшедшие в русской литературе на протяжении XVII столетия, немаловажны. Но они имели преимущественно количественный, а не качественный характер.

В области публицистики это столетие принесло ряд новых явлений, ставших широко распространенными. «Смутное время» вызвало огромный накал политических страстей, обострило классовые и религиозные противоречия. От начальных лет XVII в. вошли к нас такие публицистические жанры, как «подметные письма», летучие листы — «писания».

«Прелестные», или подметные, письма и летучие листы хорошо служили политической агитации. Краткие, выразительные, насыщенные экспрессией призывы к социальной борьбе завершаются в них концов-

¹ См.: Скрипиль М. О. Повесть о Савве Грудцыне.— ТОДРЛ, т. II., 1935, с. 193-194.

жами, убеждающими «сию грамоту не таить, а передать другим», к тому же переписав ее текст «вкратце». Стремясь увеличить действенность своих произведений, писатели оживляли прозаический текст несовершенными еще стихотворными вставками.

Политические идеи и национальное чувство выражаются в публицистической литературе «Смутного времени» через религиозные представления и образы, что естественно для средневекового мировоззрения.

Одно из наиболее значительных произведений этого периода — «Повесть 1606 года»². Речь в ней идет о правлении Годунова, Лжедмитрии I, о Василии Шуйском. Содержание и стиль повести позволяют предположить, что ее автором был монах Троицкого монастыря, сочувствовавший Василию Шуйскому. На его стиль повлияли повести о Мамаевом побоище. Для произведения характерна контрастная и однотонная обрисовка характеров. Отрицательный персонаж, Борис Годунов, изображен страшным злодеем, «змием», уста его — «лукавые». Здесь впервые выдвигается версия об убийстве Годуновым царевича Дмитрия и отравлении царя Федора. Положительный герой повести, Василий Шуйский, напротив, богомолен, добросердечен и лишен каких бы то ни было пороков. В повесть вошел «Извет старца Варлаама», в котором идет речь о встрече Варлаама с Григорием Отрепьевым. Цель этого извета — окончательное разоблачение самозванца. Автор произведения, несомненно сторонник сильной центральной власти, с одобрением оценивает правление «царя и великого князя Ивана Васильевича, всеа Руси самодержца».

Язык «Повести 1606 года» изобилует цветистыми составными эпитетами, рифмованными вставками, например: «Той же Борис подсече, искорени, // даже и до умертвия его сотвори, // разными смертями их умерщвляя // и род царский искореняя». Позднее в текст «Повести» были включены некоторые документы, усилившие впечатление ее достоверности. Самый полный список произведения (а именно он дошел до нас) получил название «Иное сказание»; «Повесть 1606 года» составляет в нем первую, вполне автономную часть.

Образец «подметного письма» представляет собой «Новая повесть о преславном Российском царстве», созданная между 1610 и 1611 гг.³. Главная идея «Новой повести» — необходимость объединения всех слоев населения в борьбе с внешним врагом вокруг патриарха Гермогена. И здесь положительный герой лишен недостатков и возвеличивается с помощью самых торжественных стилистических приемов. Повесть отличается свободой композиции, полярность идейного содержания. Воплощением стойкости и патриотизма предстает в ней город Смоленск во главе с Гермогеном. Смоленянам и Гермогену противопоставляется Москва, которая «врагом и губителям покорилася и предалася», и группа бояр, готовых продать Россию польскому королю. «Новая повесть» насыщена сатирой, ее язык нередко саркастичен. Как и в других произведениях Смутного времени, деловой стиль сочетается здесь с разговорной речью, фольклоризм — с элементами «извития словес» высокого стиля в духе Степенной книги. В произведение включено немало созвучий и рифмованных строк. Все это говорит о том, что автор повести — опытный писатель.

² Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. — РИБ, т. XIII; ИРЛ в 10-ти т. Т. II, кн. 2, с. 34—36; ИРЛ в 3-х т. Т. I, с. 293.

³ См.: Дробленкова Н. Ф. Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность. М. — Л., 1960; Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия. Киев, 1958, с. 21—89; ИРЛ в 10-ти т. Т. II, ч. 2, с. 36—38; ИРЛ в 3-х т. Т. I, с. 268—270.

Когда в апреле 1610 г. в Москве неожиданно умер молодой и талантливый воевода князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, одним из очевидцев его погребения было создано «Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомого Скопина»⁴.

В этой повести средневековая книжная риторика сочетается с обильными фольклорными элементами, сильно влияющими на ее структуру. Широко используется фольклорная гипербола, напоминающая превеличение силы былинных богатырей. Так, одна только мысль Скопина-Шуйского устрашает врагов и обращает их в бегство, они от нее «со страхом емлются». В произведение включены плачи — прием, издавна знакомый древнерусской литературе (например, в «Житии» Стефана Пермского). Наиболее близок к фольклору плач матери полководца: «Чадо мое, .. Михайло Васильич! Для чего ты рано и борзо с честного пира отъехал?.. Любо тебе в пиру место было не по отечеству? Или бо тебе кум и кума подарки дарили непочестные?»

Рассказ о смерти Скопина-Шуйского, вероятно, был присоединен к повести после 1620 г.⁵ Он отличается от стилизованного языка основной части произведения своей риторичностью, книжностью и художественно слабее.

Самое большое произведение, относящееся к XVII столетию, — «Сказание» — было написано келарем Троицкого монастыря Авраамием Палицыным (в миру Аверкием)⁶. Существуют сомнения относительно принадлежности всего произведения только одному автору⁷. «Сказание» имеет 77 глав, и писались они, вероятно, в разные годы. Произведение отличается богатством тематики и разнообразием привлеченного фактического материала; это, очевидно, и обусловило большую популярность «Сказания», дошедшего до нас во многих списках.

В произведении выделяются три основные части. В первой рассказывается о событиях начала века в Москве и во всем Московском государстве. Вторая часть — подробный рассказ об осаде поляками Троице-Сергиева монастыря (здесь часто упоминаются различные видения и чудеса, дается описание батальных сцен). В заключительной, третьей, части произведения Авраамий повествует об избрании царем Михаила Романова и об общерусских событиях этого времени]

Государственные деятели изображаются в «Сказании» противоречивыми, сложными личностями, и в этом новаторская черта произведения. Например, говоря о Борисе Годунове, автор подчеркивает его ум и дипломатическую дальновидность, но вместе с тем показывает его хитрость и жестокость.

Повествование ведется в спокойном тоне, но описания картин народных бедствий отличаются некоторой натуралистичностью. Богатство привлеченного писателем материала и умелая организация сложной многосторонней тематики в «Сказании» свидетельствуют о несомненном литературном таланте Авраамия Палицына.

В XVII в. форма плача не только оказалась хорошим дополнительным средством, усиливающим выразительность больших повествователь-

⁴ См.: Р ж и г а В. Ф. Повесть о преставлении и о погребении князя М. В. Скопина-Шуйского. В сб. статей в честь А. И. Соболевского. — ОРЯС, т. 101, № 3. Л., 1928, с. 87—88; ИРЛ в 10-ти т. Т. II, ч. 2, с. 42—44; ИРЛ в 3-х т. Т. I, с. 271—272.

⁵ См.: Гудзий Н. К. История древней русской литературы. Изд. 7-е. М., 1966, с. 380.

⁶ Сказание Авраамия Палицына. Подготовка текста и комментарии О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. М.—Л., 1955.

⁷ См.: К а ш к а р о в Ю. Д. Кто был автором первых шести глав «Сказания» Авраамия Палицына. — «Филологические науки», 1964, № 4, с. 109—117.

ных произведений, но и вылилась в самостоятельный жанр. В 1612 г. неизвестным автором-провинциалом был написан «Плач о пленении и конечном разорении превысокого и пресветлейшего Московского государства»⁸. Не живя в столице, автор тем не менее был отлично осведомлен обо всех крупных событиях, происходивших в государстве.

«Плач» носит ярко выраженный антибоярский характер и прославляет патриарха Гермогена. Восхваляя «непоколебимого столпа благочестия и предивного рачителя христианской веры», писатель не щадит ни недавно сидевших на русском престоле царей (не называя их по имени), ни бояр (упоминает Михаила Салтыкова и «от рода купецка Федьку Андронова»). По мнению автора, беды, обрушившиеся на Русскую землю, вызваны падением нравов ее жителей.

Стиль «Плача» характеризуется многословием, призванным усилить эмоциональность, и напоминает стиль обобщающих памятников XVI в. По предположению одного из исследователей, «Плач» мог быть написан провинциальным священником и предназначен для осведомления местных жителей о событиях, происходивших в стране⁹. I

Широкая картина русской жизни начала XVII столетия дана также в «Летописной книге», приписываемой И. М. Катыреву-Ростовскому. В конце произведения есть дата — 28 июля 1626 г. Текст этой «книги» дошел до нас в составе «Хронографа» Сергея Кубасова, что позволяет допустить и его авторство¹⁰.

Произведение содержит запоминающиеся портреты крупнейших общественных деятелей времени «Смуты». Но особенно привлекает автора фигура Ивана Грозного. Он сознает талантливость этого государственного деятеля и вместе с тем обличает его как человека «жесточкого велми и на пролитие крови и на убиение дерзостного и неумолимого». Противоречива и внешность царя: некрасивое лицо и мощное телосложение (вспомним аналогичный подход к изображению характеров в «Сказании» А. Палицына). Менее объективен писатель в описании Бориса Годунова, у которого он всячески отыскивает недостатки и даже преступные замыслы.

Второй период «Смуты» описан автором, вероятно, по устным рассказам: Катырев с 1608 г. находился в ссылке в Тобольске.

«Летописная книга» подкупает относительной простотой языка, отсутствием нравоучений и традиционных цитат из священного писания. Произведение отличается большой внутренней цельностью, хотя в нем и заметно влияние Троянской истории Гвидо де Колумна и «Иудейской войны» Иосифа Флавия. Важным новаторским элементом композиции книги являются описания природы.

Таковы наиболее значительные художественно-публицистические произведения начала XVII в. Для них характерно, с одной стороны, стремление к предельной объективности в освещении действительности, а с другой — широкое обращение писателей к фольклорному материалу. О Скопине-Шуйском, например, и его смерти были сложены также народные песни, часто перекликающиеся почти дословно с литературными повестями о нем. По мнению современного исследователя, «вг'ор-

⁸ См.: Назаревский А. А. Указ. со., с. 89—103; Платонов С. Ф. Дренверусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник. Изд. 2-е. Спб. 1909, с. 133.

⁹ См.: Гудзий Н. К. Указ. со., с. 376.

¹⁰ См.: Ставрович А. М. Сергей Кубасов и Строгановская летопись.— В кн.: сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пг., 1922, с. 285—293; Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей... М., 1869.

жение просторечных и фольклорных элементов языка в литературные произведения заметно с первых десятилетий XVII века»¹¹.

Для исторических повестей этого столетия типичен интерес не к событиям отдаленного прошлого, наблюдаемый в литературе более ранних периодов (хотя и там эти события истолковывались аллегорически, как прецеденты для объяснения явлений своего времени), а, как правило, к историческим фактам, происшедшим совсем недавно. Именно таковы известные повести об Азове¹². До нас дошли три сюжета, относящиеся к взятию казаками турецкой крепости Азова и к обороне захваченной крепости от огромной турецкой армии. Эти события происходили в 1637 и 1642 гг.

Повесть о взятии Азова начинается рассказом об основании крепости, ее расположении. Вторая часть повествования сообщает о походе казаков на Азов, его осаде, штурмах и победоносном окончании похода. Анонимный автор обнаруживает неплохое знакомство с историей, а судя по детальному изложению эпизодов осады и взятия крепости, он сам принимал непосредственное участие в боевых действиях. Стиль произведения лаконичен и близок к стилю деловых бумаг, составлявшихся в казачьей войсковой канцелярии, что позволяет предполагать принадлежность автора к числу войсковых дьяков. Само содержание повести близко к «отписке» казаков царю Михаилу Федоровичу о взятии ими Азовской крепости.

Это произведение, с одной стороны, продолжает традицию исторических повестей Древней Руси (обращаясь, однако, к близкому прошлому), а с другой — включает в себя элементы житийного стиля (видение казакам во сне перед окончательным штурмом).

Так называемая «поэтическая повесть» об азовском осадном сидении, известная во многих списках, описывает события 1642 г., но была создана, вероятно, позднее. Предполагается, что автором этого произведения был войсковой дьяк Иванов Порошин, участник казачьего посольства в Москву¹³.

По композиции повесть представляет поденные записи, сделанные во время обороны Азова, занятого казаками, от турецких полчищ. Автор широко использует фольклорные образы и мотивы, близкие к фольклору гиперболы.

Самостоятельная трактовка сюжета о защите казаками Азова дана в сказочной повести об Азове. В ней идет речь о взятии крепости казаками в 1637 г. и об осаде ее турками. Преобладание фольклорных приемов и мотивов определило название повести. Заметно стремление автора занять читателя, увлечь его эффектными эпизодами. В произведении есть приключенческий элемент. Много внимания уделяется эпизодам, часто вымышленным, свидетельствующим о находчивости ка-

¹¹ Русская литература и фольклор (X—XVIII века). Л., 1970, с. 71 (автор главы — Г. П. Макагоненко).

¹² Тексты повестей см.: Орлов А. С. Историческая и поэтическая повести об Азове. М., 1906; Он же. Сказочные повести об Азове — В кн.: История 1735 года. Варшава, 1906; Воинские повести Древней Руси. М.—Л., 1949, с. 78; Русская повесть XVII века. М., 1954; см. также: Андрианова-Перетц В. П. Исторические повести XVII века и устное народное творчество.— ТОДРЛ, т. IX, с. 77—94; Робинсон А. Н. Из наблюдений над стилем поэтической повести об Азове.— ТОДРЛ, т. VII, 1940, с. 98—130; Он же. Повести об азовском взятии и осадном сидении.— В кн.: Воинские повести Древней Руси.

¹³ См.: Робинсон А. Н. Вопросы авторства и датировки поэтической повести об Азове.— В сб.: Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, вып. 5. М., 1948.

заков. По наблюдениям А. Н. Робинсона¹⁴, в повести действуют хотя преимущественно и вымышленные, но конкретно обрисованные герои. Так, реалистически изображается некий есаул Иван Зыбин, по-видимому, созданный фантазией писателя.

Повести азовского цикла свидетельствуют о сближении поэтики этого художественного жанра со структурой деловых документов. Возникает своего рода «приказно-литературный стиль»¹⁵.

В XVII в. известны в небольшом числе и традиционно-исторические повести. Таковы, например, повести о начале Москвы¹⁶, созданные на легендарном материале.

Бытовые повести этого периода всесторонне используют достижения литературы XII—XVI столетий. Давно начавшаяся трансформация житийного жанра, его движение по направлению к повести в XVII в. окончательно завершается. Возникают выдающиеся повести-жития.

«Житие Юлиании Лазаревской»¹⁷ было создано в Муромской земле. Еще Ф. И. Буслаев справедливо указал, что главная мысль повести заключается в утверждении: женщина может быть святой и в семье, а не обязательно в монастыре¹⁸.

Все основные персонажи «Жития» — реальные лица. Автор знакомит читателя с повседневной жизнью богатой семьи. Но требования жанра агиографии заставляют Дружину Осорьина — создателя повести и сына героини — и упомянуть о встрече Юлиании с бесом, и ввести в сюжет святого Николу. Это, однако, не нарушает общего реалистического колорита произведения.

Следуя христианскому идеалу, набожная с детства Юлиания все более стремится к аскетизму. Изображение эволюции героини, развитие в ней идеи религиозного подвижничества является несомненным художественным достижением. Автор стремится показать внутреннюю жизнь Юлиании, подчеркнуть, что внешний жест не всегда выражает подлинную сущность характера и настоящая религиозность обязательно должна обнаруживаться в поступках, видимых всем окружающим. По слабости здоровья Юлиания редко посещает церковь, но это несколько не умаляет ее благочестия. Вместе с тем в повести ощутима традиционная композиционная схема «жития».

Это произведение создано по законам метода, который условно можно назвать бытовым реализмом XVII в. и который в той или иной степени выступает во всех наиболее значительных повестях столетия.

Исключительным по художественному совершенству явлением литературы надо признать «Житие протопopa Аввакума, им самим написанное»¹⁹ — полемически заостренные мемуары одного из самых активных деятелей старообрядчества.

Аввакум Петрович сделался писателем по необходимости: письменное слово стало для него инструментом религиозной пропаганды. Вы-

¹⁴ Воинские повести Древней Руси; Орлов А. С. Сказочные повести об Азове, с. 307.

¹⁵ Каган М. Д. Повесть о двух посольствах.— ТОДРЛ, т. XI, с. 218—250.

¹⁶ Повесть о начале Москвы (Тексты и исслед. М. А. Самариной). М.—Л., 1964; Шамбинаго С. К. Повести о начале Москвы.— ТОДРЛ, т. III с. 59—98.

¹⁷ Тексты см.: Скрипиль М. О. Повесть об Улиании Осорьиной.— ТОДРЛ, т. VI, с. 256—323. О повести см.: Буслаев Ф. И. Идеальные женские характеры Древней Руси.— В кн.: Исторические очерки..., т. II. Спб., 1861, с. 238—268; Ключевский В. О. Добрые люди Древней Руси. М., 1916.

¹⁸ См.: Буслаев Ф. И. Указ. соч.

¹⁹ Житие протопopa Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения. М., 1960; Робинсон А. Н. Жизнеописание Аввакума и Елифаня. Исследования и тексты. М., 1963; Демкова Н. С. Житие протопopa Аввакума. Л., 1974.

дающаяся талантливость не избавила Аввакума-писателя от кричащих противоречий. Они особенно ощутимы в важнейшем его произведении — «Житии», но сказываются также в его многочисленных дошедших до нас посланиях, письмах и прочих произведениях, число которых достигает восьмидесяти. Создавая собственное «Житие», вождь старообрядчества не столько стремился возвеличить себя, сколько на примере многих пережитых им страданий возбудить такой же дух борьбы в других «ревнителях древнего благочестия».

Сочинение Аввакума лишено рассудочности. В его основе лежит возмущенное чувство религиозного фанатика, мировоззрение которого отличается характерным для средневековья традиционализмом. Но в условиях религиозных столкновений XVII в. оно стало выражением протеста масс против усилившегося социального угнетения. За стремлением защитить старые религиозные обряды скрывалась защита национальной культуры. Аввакум начинает «Житие» словами: «...не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык... и не унижаю своего языка русского». Он предпочитает народную речь риторике и философским «виршам». Вместе с тем Аввакум полностью отвергает всякие иноземные заимствования и выступает против науки. Осуждение суровости своих преследователей для автора не проявление подлинного гуманизма, а лишь осуждение действий, идеологически враждебных ему. Сам он готов не менее жестоко расправиться со своими идейными противниками.

В «Житии» мастерски изображены сложные и противоречивые характеры, в особенности личность самого Аввакума — человека страстного, импульсивного, глубоко чувствующего, способного от гневного обличения и жестокости мгновенно перейти к нежности и сочувствию.

Композиция произведения носит свободный характер. Рассказ о трех основных ссылках протопопа — в Сибирь, на Мезень и в Пустозерск — перемежается описаниями неоднократных попыток властей привлечь его на свою сторону. Это свидетельство огромной притягательной силы личности Аввакума. Постепенно у читателя нарастает ощущение безысходности, сознание того, что обратного пути для автора — героя «Жития» нет. Построение сюжета определяется в общих чертах хронологической канвой жизни Аввакума, в пределах которой он строит свое произведение очень прихотливо, оперирует отступлениями, воспоминаниями, описаниями чудесных видений. Богатое воображение писателя, видимо, заставляло его искренно верить в эти чудеса.

Язык «Жития» в основном прост и доступен, рассчитан на широкую аудиторию, не употреблявшую «словес красных». Автор не брезгует бранью, использует множество глаголов, выражающих чувства, движение²⁰. Это придает стилю произведения динамичность, согласующуюся с подвижным, холерическим темпераментом Аввакума. Чувствительность автора, склонного иногда прощать (по крайней мере в «Житии») и врагам своим, сказывается в употреблении уменьшительно-ласкательных суффиксов: курочка, собачка, дурачки, царिशко. Эти суффиксы могут одновременно нести и иронический смысл. Ирония и автоирония широко представлены в произведении.

²⁰ См.: Виноградов В. В. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления. — ТОДРЛ, т. XIV, 1958; Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, с. 303—311.

Писательский облик Аввакума Петровича напоминает облик Ивана Грозного. Несмотря на все различие общественного положения этих людей, их литературные манеры сходны, как похожи были и их темпераменты: в обоих случаях мы имеем дело с неукротимыми натурами. Характерно, что Аввакум симпатизировал Ивану IV.

Талантливая, колоритная личность протопопа Аввакума была порождена эпохой жестоких социальных столкновений, еще носивших религиозную оболочку. Некоторые исследователи русской литературы склонны считать его представителем стиля барокко²¹. Насыщенность «Жития» описаниями видений и чудес, повышенная экспрессивность стиля и склонность автора находить своеобразную радость в перенесении мук — все это действительно внешне сближает писательскую манеру Аввакума со стилем барочных авторов. Однако надо помнить о своеобразии общественного и литературного развития России, не знавшей Возрождения²² и не пережившей соответственно никакой реакции на (несуществовавший) Ренессанс.

Писателей XVII в. гораздо сильнее, чем раньше, привлекает сфера быта, повседневной жизни людей. Обычное, массовое, рядовое становится предметом внимания для художественного изображения. Ранее героями распространенных произведений были святые подвижники, князья, странствующие витязи и полужантастические персонажи (в переводных повестях и апокрифах). Теперь на первый план часто выступает простой человек, лишенный исключительных, идеальных черт, присущих средневековым героям. Для его изображения почти не используется гиперболизация. На смену средневековой идеализации приходит принцип изображения типического, широко представленного в реальной жизни.

Вместе с тем утрачивается контрастность и максимализм, свойственные характерологии древнерусской литературы, где герой бывал либо безусловно хорошим, либо безусловно отрицательным: святым или безбожным язычником, набожным князем или одержимым бесом «Святополком окаянным». Теперь действующее лицо часто не поддается однозначной оценке, его характер и не предполагает ее. Он двойствен: то добр, то зол, то положителен, то порочен. Неясно, неопределенно и отношение к герою авторов произведения: трудно понять, осуждают они его или, наоборот, симпатизируют.

Однако литературное творчество еще сохраняет традиционность, устойчивость художественных приемов, использует общие места, порождает варианты, т. е. поэтика остается средневековой, отставая от развития общественной жизни и недостаточно удовлетворяя ее требования. Индивидуальное новаторство могло проникнуть в такую литературу лишь с большим трудом, при ярком своеобразии личности автора (например, Аввакум) и не отражалось в массовых, популярных произведениях. Традиционность поэтических средств и образов противостояла всякому новаторству, делала невозможным возникновение литературных направлений, сложной и разветвленной литературной жизни, как это имело место на Западе.

Бытовые повести стоят в центре литературной жизни XVII в.

²¹ См., например: Angyal A. Die slavische Barockwelt. Leipzig, 1961; Морозов А. А. Национальное своеобразие и проблема стилей. — «Русская литература», 1967, № 3, с. 121.

²² См.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X — XVII веков. Л., 1973, с. 204.

Замечательная «Повесть о Горе-Злочастии»²³, написанная высокодаренным неизвестным автором, дошла до нас в единственном списке. Для ее содержания характерно сочетание религиозно-поучительных и фольклорно-песенных начал. Небольшое вступление, в котором идет речь о греховности рода человеческого, напоминает духовный стих. Люди «учели жить в суете и в неправде... а прямое смирение отринули.// И за то на них господь бог разгневался.// Положил их в напасти великие». Так с самого начала сюжета повести задается символический смысл. В последующих пяти основных эпизодах произведения рассказывается история некоего «добрého молодца» из богатой купеческой семьи, пострадавшего от мифического Гора-Злочастия, потому что он не захотел придерживаться домостроевской морали своих родителей, а пожелал жить своим умом. В конце повести опять сильно чувствуется интонация духовного стиха.

В образе безымянного «добрého молодца» мы видим талантливое художественное обобщение: герой не случайно лишен имени — этим подчеркивается его типичность. В изображении характера молодца есть элементы психологизма. С одной стороны, мы узнаем о его упорстве: явившемуся ему во сне Горю он поверил только во второй раз, когда оно обратилось архангелом Гавриилом; с другой — о его сомнениях и метаниях, о слабостях: он хвастается перед друзьями. В повести отражена противоречивость купеческого мировосприятия: богатство порождает у его владельца страх, заставляет опасаться даже собственной жены, а вместе с тем порядочен только богатый человек, а каждый бедняк — потенциальный грабитель («нагому-босому шумить разбой»).

Еще интереснее образ Гора-Злочастия. Оно многолико. Его неодолимая сила неотвратима, как судьба (она и есть, собственно, воплощение судьбы). Но могущество Гора проявляется не сразу, а постепенно. Ощущение безысходности положения молодца, его обреченности нарастает, все усиливаясь к концу повести. Генезис образа Гора — в древних языческих представлениях. Однако в повести он несет совершенно новую функцию. Это символ внутреннего разлада личности, противоречий, булеревающих самого доброго молодца. Других способов показать двойственность сознания героя, раскрыть «диалектику души» его автор XVII в., естественно, еще не знал.

Идейный конфликт произведения — новый шаг в раскрытии мировоззрения древнерусского человека. Несмотря на то что автор повести был настроен патриархально, религиозно и хорошо знал церковную литературу, он в силу своей талантливости правильно уловил основной конфликт эпохи — секуляризацию, обмирщение сознания. Монастырская жизнь уже не окружена для него ореолом. Монастырь, «спасенный путь», возникает лишь в самом конце произведения. Это последнее, крайнее средство, к которому прибегает добрый молодец, почти равносильно самоубийству. Это не путь к счастью, к блаженству, а вынужденное самозаточение. Такой взгляд на монастырскую жизнь противоречит церковному учению и типичному мировоззрению средневекового человека.

Отражен в повести и другой, не менее существенный для XVII столетия конфликт — столкновение двух мировоззрений: старшего поколения, привыкшего жить по обычаю, по старине, и нового, молодого поколения, склонного к инициативе и личной активности. Молодец питает уважение к родителям и к их заветам, он нигде прямо не высту-

²³ Тексты см. в кн.: Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий, вып. VII. Изд. 2-е. Спб., 1907.

пает против их взглядов. Однако желание его гордиться собственными успехами, умением жить самостоятельно уже говорит о явном стремлении к независимости. Повесть демонстрирует крушение такой попытки. Но автор — настоящий художник — не может не показать правду жизни.

Вместе с тем повесть еще во многом проникнута религиозными представлениями, однако библейские образы вступительной части ее решительно противоречат языческому образу Горя-Злочастия. Почти без трансформации привнесены в произведение из народных волшебных сказок также мотивы оборотничества: «Молодец пошел в поле серым волком, // А Горе за ним з борзыми вежлецы» и т. д.

В сюжете повести о Горе-Злочастии нетрудно заметить переключку с евангельской притчей о блудном сыне. Злоключения героя этой притчи развиваются так же, как злоключения молодца, но в притче ничего не говорится о мотивах, побудивших младшего сына богача идти в отдаленные края и растратить там все свое добро. Раскаяние, проявленное героем притчи, также совершенно чуждо молодцу из русской повести. Не случайно полное заглавие ее заканчивается словами, что это рассказ о том, «как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин». Герой повести предпочел уход в монастырь родительской опеке.

Повесть весьма близка к народным песням о Горе. Едва ли не впервые мы встречаемся в русской литературе с произведением не прозаическим, а стихотворным: оно сложено почти правильным народным стихом, обычным для былин и других эпических песен. Вместе с тем повесть ощутимо связана с древнерусской книжной традицией. В ее стиле местами чувствуется риторика. От книжной традиции идет и четкое членение произведения на отдельные части (характерное, например, для ораторских «слов» Древней Руси).

Повесть о Савве Грудцыне²⁴ возникла, вероятно, в конце века²⁵. В идейном отношении она близка к «Повести о Горе-Злочастии».

Сюжет повести о Савве также напоминает повествование о добром молодце и Горе-Злочастии. Здесь мы видим такое же столкновение молодости и старшего поколения — столкновение, также закончившееся поражением молодой силы: в конце повести Савва уходит в монастырь. Однако монастырь не выглядит здесь своеобразной тюрьмой (как в повести о Горе-Злочастии), ибо сама тональность повести о Савве Грудцыне иная, в ней ощущается глубокая религиозность, пронизывающая все повествование. Савва очень пассивен. Он выступает как игральщик нечистой силы. Сам стиль и поэтика произведения также сильно отличаются от рассмотренной выше повести. Они позволяют предполагать, что ее создателем был один из монахов Чудова монастыря²⁶.

Рассказывая историю жизни Саввы, автор стремится придать изложению максимальную фактичность и конкретность. Повествование начинается с «лета 7114» (т. е. с 1606 г.), когда проживавший в Великом Устюге Фома Грудцын-Усов бежал от литовского разорения в город Казань. Далее идет речь о сыне Фомы Савве, о демонической любви к нему жены богатого усольского купца Бажена Второго и о том, как Савва продал ради этой любви душу дьяволу. По характеру конфликта

²⁴ Тексты см.: ТОДРЛ, т. V, с. 225—308 (публикация М. О. Скрипиля).

²⁵ См.: Бакланова Н. А. К вопросу о датировке «Повести о Савве Грудцыне». — ТОДРЛ, т. IX, 1958, с. 443—459; Калачева С. В. Еще раз о датировке «Повести о Савве Грудцыне». — ТОДРЛ, т. XI, 1955, с. 391—396.

²⁶ См.: Водовозов Н. В. История древней русской литературы. М., 1966, с. 371; Розов В. А. Повесть о Савве Грудцыне. — «Киевские университетские известия», 1905, № 3, с. 1—7.

эта первая часть повести напоминает роман, что и позволило некоторым исследователям назвать произведение первым русским романом²⁷.

Автор не только упоминает действительные исторические события, но часто употребляет подлинные фамилии и названия, что придает произведению колорит полной достоверности. Назван не только род купцов Грудцыных-Усовых, известный в то время на Каме и на Волге, но и ряд древнерусских городов. Рассказывается, что Савва жил в Москве на улице «Усретенке» в доме сотника Якова Шилова, что его приглашал остановиться у себя царский шурин Семен Стрешнев. Порой писатель даже злоупотребляет стремлением к достоверности повествования, причем нередко это лишь имитация подлинности (ср.: противоположный прием в повести о Горе-Злочастии, где имена отсутствуют и тем самым сюжет приобретает отвлеченный, обобщенный смысл). В боевых эпизодах и рассказах о поединках Саввы с польскими богатырями, которых он побеждает согласно предсказанию беса, заметно влияние народного творчества.

Огромную роль играет в произведении демонология. Она придает изложению мрачный колорит и лишает его лиризма. Возлюбленная Саввы, жена Бажена Второго, выступает как исчадие дьявола, действующее по побуждению беса. В то же время в «Повести о Горе-Злочастии» невеста молодца в сущности противостоит Гору.

Для повести о Савве Грудцыне психологизм не характерен, лишь довольно подробно рассказывается о жизни главного героя. Другие персонажи выглядят как бледные тени. Несколько полнее среди них обрисован Важен, а также его жена и бес. Повесть лишена цельности, единства содержания, столь ощутимых в «Повести о Горе-Злочастии». Тем не менее она также свидетельствует о новаторских тенденциях, проникших в литературу XVII столетия.

Завершает галерею выдающихся бытовых повестей XVII в. повесть о Фроле Скобееве. В одном из списков указана дата написания: «1680 году на свет произведена»²⁸. Автор ее также фактичен в подборе фамилий своих героев (Скобеев, Ловчиков, Нардин), в определении места их действия.

Фрол Скобеев — небогатый дворянин Новгородского уезда. Это герой новой формации. Волевой и целеустремленный авантюрист, он поставил перед собой цель — достигнуть благополучия и приобрести вес в обществе. Ради этого он не брезгает никакими средствами. Религиозные мотивы в повести совершенно отсутствуют. Фрол верит только в самого себя, во всем полагается на свои собственные силы. Его родители в произведении вообще не упоминаются. Этим подчеркивается, что герой — человек, полностью оторванный от прошлого. По ходу повествования Фрол делает своей любовницей Аннушку, дочь знатного боярина стольника Нардина-Нащокина, и, добившись хитростью и вымогательствами согласия боярина на брак с ней, попадает наконец в верхи московского общества.

В повести нет ни одного положительного персонажа. Даже стольник Нардин, вызывающий в какой-то мере сочувствие как лицо страдающее, слишком легко примиряется со своим поражением и обрисован

²⁷ См.: Лихачев Д. С. Предпосылки возникновения жанра романа в русской литературе. — В кн.: История русского романа в 2-х т. Т. 1. М.—Л., 1962; Кожинов В. В. Происхождение романа. М., 1963; Русская повесть XVII века. с. 394.

²⁸ Текст см.: Сиповский В. В. Русские повести XVII—XVIII вв. Спб., 1905, . 59—70. О датировке повести см.; Соколова М. А. К вопросу о времени... возникновения повести о Фроле Скобееве. — «Научн. бюл. Ленингр. ун-та», 1945, № 3, с. 33—34.

иронически. По мнению некоторых литературоведов, автор сатирически изображает и Фрола Скобеева²⁹. С этим трудно согласиться: своеобразие характера героя в том и заключается, что его действиям не дается однозначной оценки. С одной стороны, трезвый материальный расчет, цинизм; но, глядя на это несколько насмешливо, автор в то же время бесспорно любит ловкостью Фрола, его изворотливостью, его, как бы мы сказали теперь, динамизмом. Это немного напоминает народные сказки о хитрой лисе. Каждый персонаж имеет вполне определенный характер. Несколько необычен тип героини Аннушки — девушки совершенно нового склада, безразличной к девичьей чести, ставшей неразборчивой пособницей Фрола, «достойной» спутницей его жизни.

Повесть о Фроле не содержит прямого выражения авторской позиции, оценки поступков действующих лиц.

Среди бытовых повестей XVII столетия это произведение наиболее психологично. Язык героев индивидуализирован. В речи Нардина снисходительность и пренебрежение к Фролу сочетаются с выражением любви к дочери. Решительные восклицания Фрола «Или буду полковник, или покойник!» разительно контрастируют с его притворно смиренными речами в доме Нардина (уже примирившегося с потерей дочери). Стольник Фролу Скобееву сказал: «А ты, плут, што стоиш? садись тут же! тебе ли бы, плуту, владеть дочерью моею!» И Фрол сказал ему: «Государь-батюшко, уже тому как бог судил!»

В целом литературный стиль повести отличается употреблением деловых, канцелярских оборотов и лаконизмом. Его сухость вполне соответствует сухости главных героев. Столь же продумана и сжата композиция повести. Каждый эпизод и каждая деталь нужны здесь для развития действия и характеристики персонажей. Особенно выразительны последние эпизоды этого талантливого произведения.

Итак, в бытовых повестях XVII столетия уже есть психологический анализ. Взгляды персонажей и авторов произведений на традиционные обычаи и нравственные нормы отличаются критицизмом, патриархальные устои подвергаются осмеянию и уничтожению. Вместе с тем литературная поэтика еще не успела заметно разойтись с фольклорной, многие приемы творчества и там и здесь были одинаковы. В результате фольклорный материал легко и органично входит в литературу. Светский характер тематики, наводнившей произведения, переключил внимание их авторов с поэтики церковно-книжных жанров на художественные приемы устного творчества. Последнее было ближе к языческой стихии, чем к ортодоксальной религиозности, и воспринималось соответственно как искусство мирское, светское.

/ Главными действующими лицами повестей XVII в. стали купцы, крестьяне, небогатые дворяне-авантюристы. Однако новые идеалы в литературе выражены смутно и неопределенно. Стремления героев бездуховны, носят утилитарно-потребительский характер.

В XVII столетии возрастает интерес к занимательным переводным повестям приключенческого содержания. /Это было вызвано необычностью их тематики и экзотической окраской произведений./ Действие, как правило, переносилось в отдаленные страны и эпохи, в фантастическую обстановку, что сближало поэтику подобных произведений с поэтикой народной сказки. Такие повести, многие из которых вследствие цепного нанизывания эпизодов имели весьма значительный объем, как правило, проникали с Запада. Их называют переводными рыцар-

²⁹ См., например: Лапидский И. Повесть о Фроле Скобееве. — В кн.: Русская повесть XVII века, с. 472; Водовозов Н. В. Указ. соч., с. 366.

скими романами³⁰, иногда — лубочными повестями, ибо позднее они распространялись в дешевых массовых изданиях низкого качества и служили материалом для лубочных картинок.

Одним из самых любимых на Руси произведений такого рода было «Сказание про храброго рыцаря про Бову Каралевича»³¹. Это приключенческое повествование о многочисленных походах и подвигах короля Видона и Милитрисы — Бовы было переложением итало-французского оригинала. Несмотря на все испытания, герой сохраняет верность влюбившейся в него, когда ему было только семь лет, дочери армянского короля Дружневне. В повести важен новый, привнесенный из рыцарского эпоса мотив — способность героя страстно любить и быть верным своему чувству. Произведению свойственны многочисленные особенности фольклорной поэтики.

Новые подробности, в небольшом количестве введенные в сюжет «Бовы», не лишая рассказ привычности и понятности, усиливают занимательность. Такие произведения давали русскому читателю мнимо достоверные сведения о других странах и эпохах.

Повесть о Еруслане Лазаревиче, или Залазаровиче, по-видимому, пришла в русскую литературу из Индии³². Герой этой повести наделен теми же качествами, что и Бова (вероятно, взаимодействие этих произведений в процессе бытования), он также совершает многочисленные подвиги. Вторая часть представляет собой повествование о настойчивых поисках Ерусланом самой красивой девушки, чтобы взять ее себе в жены.

Большинство приключений героя носит вполне сказочный характер. Так, в Индийском царстве Еруслан расправляется с «чудом о трех головах», жившим в озере и собравшимся съесть царскую дочь. Еруслан беспринципен и предприимчив. В повести есть переходные мотивы, сказочные и былинные ситуации: детство Еруслана, узнавание сына (тоже Еруслана) отцом, поединки, волшебница, магические свойства крови и печени Зеленого царя.

Из Польши проник в русскую литературу восходящий к французскому рыцарскому роману XV столетия сюжет повести о рыцаре Петре Златых ключей³³. В этом произведении подчеркивается постоянство героя в любви, есть в нем сказочные и религиозные мотивы. Из других переводных произведений этого времени отметим большую повесть о цесаре Оттоне, повести о волшебнице Мелюзине, «О Василии Златовласом, Чешския земли», повесть о Брунцвике; две последние, видимо, были переведены с чешского языка.

В значительном количестве списков имела хождение и повесть об Аполлонии Тирском, созданная на основе греческого романа III в., прошедшего ряд обработок в европейских литературах./Рассказ о мор-

³⁰ См.: Кузьмина В. Д. Французский рыцарский роман на Руси...— В кн.: Славянская филология, вып. II. М., 1958.

³¹ Памятники древней письменности, 1879, вып. I, с. 45—79; Ровинский Д. Русские народные картинки. Спб., 1881. Т. I, с. 76—115; т. IV, с. 142—151; т. V, с. 109—112; Кузьмина В. Д. Повесть о Бове-королевиче в русской рукописной традиции...— В кн.: Старинная русская повесть. М.—Л., 1941, с. 83—134; ИРЛ в 10-ти т. Т. II, ч. 2, с. 103—109.

³² Летописи русской литературы и древности, т. II, кн. 4, отд. II. М., 1861, с. 100—128; Миллер В. Экскурсы в области русского народного эпоса. М., 1892, с. 152—171; Потанин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, с. 286—347.

³³ Полное название: «История о храбром и славном рыцаре Петре Златых ключей и о прекрасной кралеве Магилене» (см.: Кузьмина В. Д. Французский рыцарский роман на Руси...).

ских странствованиях Аполлония расцветивается здесь любовной интригой и приключенческими эпизодами. Повесть характеризуется патетически-эмоциональным стилем.

Усилилось также внимание к бытовым новеллам и анекдотам нравоучительного и пикантного характера, содержащимся в переводных сборниках, так называемых фацециях, апофегматах и жартах.

Сборник нравоучительных повестей «Римские деяния» был переведен с польского, но первоначально сложился в Англии, очевидно, еще в XIII столетии. Эта своеобразная антология латинских авторов содержит около сорока произведений, в основном светского содержания. Часть из них была и ранее известна в России (например, рассмотренная нами повесть об Аполлонии Тирском, повесть о Евстафии). В «Римских деяниях» проповедуется аскетическая мораль, осуждается лукавство женщин и обильно привлекается сказочный материал. «Приклады», т. е. нравоучительные сюжеты, сопровождаются в повестях «выкладами» — моралистическими выводами³⁴.

Таким образом, новые явления в литературе возникли частично под европейским влиянием. Это, однако, не означает, что новизна была поверхностной и чужеродной. Она отвечала изменениям социальной структуры русского общества, внутренним потребностям страны. Внешней, заимствованной оказывалась в основном форма произведений.

Публицистическая литература, рассказывавшая об исторических событиях и деятелях, восхвалявшая одних и обличавшая других, была как бы подступом к литературной сатире, в которой боевитость публицистики превратилась в сатирическое обобщение, а персонажи утратили фактографические черты. Бурный XVII век породил интерес читателей к социальным конфликтам, а это, в свою очередь, вело к возникновению многочисленных сатирических произведений.

Сатирические повести часто строились на бытовом материале, который в таких случаях утрачивал характерные детали, обобщался, абстрагировался. Произведение приобретало черты развернутой притчи. Такова природа сатирических жанров, тяготеющих к символизации, выделению основных сторон изображаемого явления.

Примером сатирической повести, созданной на традиционной бытовой основе, служит повесть о Карпе Сутулове³⁵.

В основе ее сюжета — анекдот о ловкой, находчивой жене, обманувшей и посрамившей своих соблазнительей, сохранившей верность мужу (таким образом, повесть ни в чем не противоречит обычным принципам древнерусской морали).

Автор — сам купец — не шадит ни купечество, ни духовенство, включая архиепископа, приводит имена и фамилии, что придает повествованию видимость правдоподобия.

³⁴ Текст см.: Римские деяния. Спб. 1877—1878. Исслед.: ИРЛ в 10-ти т. Т. II, ч. 2, с. 401—406; ИРЛ в 3-х т. Т. I, с. 330—331; Адрианова-Перетц В. П. Указ. соч., с. 171—176; Державина О. А. Перспективы изучения переводной новеллы XVII в. — ТОДРЛ, XVIII, с. 176—187; Она же. Задачи изучения переводной повести и драматургии XVII в. — ТОДРЛ, т. XX, с. 232—255.

³⁵ Полное название произведения — «Повесть о некотором госте богатом и славном о Карпе Сутулове и о премудрой жене его, како не оскверни ложа своего» (см.: Соколов Ю. М. Повесть о Карпе Сутулове. — В сб.: Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества, т. IV, вып. II. М., 1914, с. 1—40).

В этом произведении заметно влияние купеческой психологии. Показательно, например, значение, придаваемое автором денежным оценкам, перечислению сумм, полученных Татьяной от соблазнительей (это есть и в повести о Фроле Скобееве). Но здесь нет конфликта старого и нового. Обыгрывается находчивость женщины, победа слабого над сильными.

Повесть строится на нравоучительно-афористическом обобщении, требующем через многочисленные повторы — стилистические и смысловые — подчеркивания главных мыслей автора. Сюжет имеет ярко новеллистический характер и является переходным, международным в своей основе.

В сатирической литературе XVII в. были распространены различного рода пародии на официальные документы. Так, пародией на судебное разбирательство является повесть о Шемякине суде³⁶.

Из всех персонажей имя дано только судье и, очевидно, навеяно воспоминаниями о северорусском (галицком) князе Дмитрие Шемяке. Юмористический сюжет основан на рассказе о ссоре двух братьев: богатого и бедного. Жадный богач дал для вывоза дров из леса бедному брату лошадь с санями, но пожалел дать упряжь. Бедняк привязал сани к хвосту лошади. Хвост оборвался и богатый брат отказывается взять бесхвостую лошадь, требуя вернуть ему лошадь с хвостом. Чтобы решить спор, братья отправляются в город на суд к Шемяке. По дороге неловкие действия невезучего бедняка оказываются причиной смерти ребенка и старика, отец и сын которых соответственно присоединяются к богатому брату и все вместе требуют от Шемяки справедливого суда. Таким образом, сюжет строится здесь, как и в повести о Карпе Сутолове, по характерному для фольклорной поэтики принципу: количество жалобщиков возрастает и безнадежность положения бедняка становится все более очевидной. Не имея для судьи никакого подарка, бедный брат подбирает по дороге камень и, завернув его «в плат», прячет в шапку. Судья выслушивает пострадавших и после речи каждого обращается за объяснением к ответчику. «Убогий же, не веды, что глаголати», каждый раз показывает Шемяке завернутый в платок камень. Судья думает, что ответчик обещает ему большой посул, и принимает решение в его пользу, а узнав, что это был камень, которым бедняк собирался «ушибти» его в случае осуждения, Шемяка также остается доволен исходом дела. Так комический эффект обуславливается недоразумением, взаимным непониманием персонажей.

Эта повесть прежде всего сатира на суд, на жадность и беспринципность судей, представленных в собирательном образе Шемяки, но вместе с тем — это осмеяние богача — старшего брата, в то время как младший изображается с теплым юмором, с иронией.

Построение сюжета напоминает народный анекдот. Отдельные сюжетные элементы сочетаются здесь, как слова в каламбуре. Идейный смысл повести отражает мечту бедняков (прежде всего крестьян, среди которых, судя по языку, и возникло произведение) о торжестве над угнетателями и власть имущими, но повесть не отражает жизненных обстоятельств, закономерно обуславливающих такое торжество. Победа бедняка — случайная удача — эффектно неожиданна в соответствии

³⁶ Текст см.: Русская повесть XVII в., с. 140—142. Вст. статья и комментарии И. П. Лапицкого; Ровинский Д. Русские народные картинки, т. I, с. 189—192; т. IV, с. 166—176; т. V, с. 148—150. Исслед.: Тихонравов Н. С. Шемякин суд.— Соч., т. 1, с. 308—313; Буслаев Ф. И. Перехожие повести и рассказы.— В кн.: Буслаев Ф. И. Мои досуги, ч. 2. М., 1886, с. 298—313.

с поэтикой анекдота. Крестьянское происхождение повести обнаруживается и в отношении к горожанину, по сюжету — пострадавшему, но также оказавшемуся в противостоящем бедняку лагере.

Талантливо написанная повесть наглядно показывает ограниченные возможности обобщающей поэтики древнерусской литературы и фольклора. Эта поэтика предпочитает занимательность ситуации психологическому анализу, требующему больших усилий при восприятии и хуже сохраняемому традицией. В произведении упомянуты две смерти. Люди гибнут невинно, однако автор не стремится вызвать у читателей никакой жалости к ним. Функция этих эпизодов лишь сюжетно-развлекательная. Вместе с тем это правдивое отражение жестокого быта XVII столетия. Равнодушный тон рассказчика умело мотивирован также пародийным характером повести, сатирически имитирующей стиль «судейного дела».

Выражение «Шемякин суд» стало крылатым. По мнению В. П. Адриановой-Перетц, в основе повести лежит переделка какой-то бытовой сказки XVII в.³⁷

Если пародийные элементы в повести о Шемякине суде не вынесены на первый план, то другая сатирическая повесть прямо носит название: «Список с судного дела слово в слово, как был суд у Леща с Ершом»³⁸. Таким образом, читатель заранее подготовлен к стилизации, заимствованной из сказок комической условностью персонажей — рыб (хотя в русском фольклоре образы рыб редко играют заметную роль). Это произведение известно в четырех редакциях, одна из которых сложена раешным стихом и имеет следы усиленной фольклорной обработки.

В повести рассказывается, как истцы и судьи, крупные рыбы, безуспешно пытаются изгнать из Ростовского озера ловкого Ерша. В разных редакциях образ Ерша получает различную оценку. В большинстве вариантов авторское сочувствие на стороне Ерша, изображаемого бедняком, а не почтенных я богатых, но неуклюжих и тугоумных его противников.

Объектом сатиры в «Сказке о Ерше Ершовиче» является не только суд, принимающий решение в пользу богачей. В ней также высмеиваются различные социальные слои русского общества. Комические черты обнаруживаются и в Ерше, и в неповоротливом Мне (налиме), откупающемся от пристава Окуня с таким объяснением: «Аз не гожуся в понятых быть: брюхо у меня велико, ходить не могу, а се глаза малы, далеко не вижу, а се губы толсты, перед добрыми людьми говорить не умею». Так несколькими словами, произнесенными самим персонажем, набрасывается его гротескный, сатирический портрет — портрет неповоротливого и трусоватого богатея. Условная обобщенность в изложении сюжета сочетается с конкретными деталями, придающими повествованию правдоподобие — прием, знакомый нам по ранее рассмотренным повестям.

Интересно обыгрывание возникающих в тексте двух значений слова «ерш» — как имени собственного и нарицательного (при обычном употреблении этого слова как названия породы рыбы). Под собственным

³⁷ Русская демократическая сатира XVII в. М.—Л., 1954, с. 226.

³⁸ Текст см.: Русская демократическая сатира XVII в.; Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937, с. 147—150; исслед.: Лапидский И. П. Повесть о суде Шемяки и судебная практика...—ТОДРЛ, т. VI, с. 60—99; Романова Л. Т. О редакциях древнерусской «Повести о Ерше Ершовиче» и о времени ее возникновения.— В кн.: Славянский филологический сборник. Уфа, 1962.

именем Ерш фигурирует в качестве индивидуального персонажа, за которым все время как бы просвечивает другое — массовое, нарицательное значение слова «ерш». И значения мгновенно могут меняться местами в процессе повествования. Так, истцы жалуются: «Тот Ерш (герой повести.— О. О.)... лишил нас Ростовского озера, наших старых житов; расплодился тот ерш по рекам и по озерам; он собой мал, а щетина у него, аки лютые рохатины». В этой характеристике героя его черты художественного персонажа переплетаются с родовым значением слова «ерш» — рыба.

Многие сатирико-бытовые повести напоминают народные анекдоты. Это небольшие повести-пародии, такие, как «Калязинская челобитная»³⁹ — пародийная жалоба монахов Калязинского монастыря, в которой они просят архиепископа укротить суровость своего архимандрита Гавриила. В ней высмеиваются развратная и разгульная жизнь монахов, риторизм и формализм церковного начальства. Автор осуждает монастырскую жизнь в целом, сочувствует проявлению земных радостей.

Ханжество церковников и противоречивость библейских книг высмеиваются также в небольшой аллегорической повести о Куре и Лисице⁴⁰, исходящей из сказочно-басенной трактовки образов хитрой лисы и добродушного Петуха (Кура).

Пародийный характер носит и «Азбука о голом и небогатом человеке»⁴¹. Распространенная в позднем средневековье на Руси форма азбуки, обычно религиозно-нравоучительного содержания, здесь предназначена для сатиры на падение нравов в городском посаде второй половины XVII в. Герой «Азбуки», выходец из зажиточной среды, в разных вариантах теряет свое богатство: либо по наущению злых людей, либо потому, что не придерживается отеческой морали (ср.: «Повесть о Горе-Злочастии»).

Подобно «Калязинской челобитной», антиклерикальную окраску имеет короткая «Повесть о попе Савве»⁴², рисующая нравы московского белого духовенства. Ее герой размышляет о своей безнравственной жизни, сидя на цепи в патриаршей хлебне. Автор явно одобряет «правосудие» патриарха, Савва же показан в сатирическом и ироническом плане.

Лаконичная «Повесть о Бражнике»⁴³, рассказывающая о приходе пьяницы в рай, противопоставляет любителя хмельных напитков находящимся в раю апостолам и святым, которые вынуждены впустить Бражника в рай, поскольку он гораздо менее грешен, чем они. Ведь и за чаркой вина он всегда прославлял имя господне!

Таким образом, в литературной сатире второй половины XVII в. антицерковные мотивы получают большое распространение.

³⁹ Русская демократическая сатира XVII в., с. 65—69, 205—206, 256—264 (текст и исслед.); исслед.: ИРЛ в 3-х т. Т. I, с. 339—340.

⁴⁰ См.: Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. (текст и исслед.) — Вкн.: Русская демократическая сатира XVII в., с. 73—77; Афанасьев А. Н. Народные русские сказки, т. I, М., 1936, № 15—17; ИРЛ в 10-ти т. Т. II, ч. 2, с. 198—200; ИРЛ в 3-х т. Т. I, с. 308—309.

⁴¹ Русская демократическая сатира XVII в., с. 30—36 и 195—197 (тексты и исслед.); ИРЛ в 10-ти т. Т. II, ч. 2, с. 189—190; ИРЛ в 3-х т. Т. I, с. 227—235, 337—338.

⁴² Русская демократическая сатира XVII в., с. 70—72, 206—207, 264—269; ИРЛ в 10-ти т. Т. II, ч. 2, с. 201—203; ИРЛ в 3-х т. Т. I, с. 342.

⁴³ Русская демократическая сатира в XVII в., с. 107—109, 210, 275; Пыпина А. Н. Для объяснения статьи о ложных книгах.—ЛЗАК, вып. I, М., 1862, с. 39; ИРЛ в 10-ти т. Т. II, ч. 2, с. 20; ИРЛ в 3-х т. Т. I, с. 302.

Государственная монополия на виноторговлю, введенная в это время, высмеивается в пародийном «Празднике кабацких ярыжек» или «Службе кабаку»⁴⁴.

Формально-развлекательное начало сильно и в переводных «смехотворных повестях», получивших в этот период широкое хождение. Таковы «Фацеции» — собрание анекдотов с переходными сюжетами на бытовые темы, где идет речь о хитрых и упрямых женах, об их сообразительности, где высмеиваются пьянство, бесхозяйственность и другие пороки. Подобный же характер носил и сборник «Апофегматы»⁴⁵, состоявший из четырех книг так называемых анекдотов — изречений и рассказов о поступках знаменитых людей прошлого с назидательными выводами.

Из Европы пришел в русскую литературу также сборник «Великое Зерцало»⁴⁶. Его источником была средневековая книга «*Speculum Magnum exemplorum*» («Великое Зерцало примеров»), проникшая в Россию через Польшу. «Великое Зерцало» содержит в основном апокрифический и житийный материал, отличающийся занимательностью и сюжетным разнообразием. В сборнике подвергается критике упадок нравов в церковной среде (например, в повести о епископе Удоне). Но авторитет церкви и тем более религиозного учения остается еще незыблемым. На русской почве «Великое Зерцало» обогатилось фольклорным материалом и вошло в лубочную литературу.

Совершенно новым на русской почве феноменом было возникновение стихотворства и драматургии⁴⁷.

Стихотворная речь как развитая и самостоятельная художественная система была в средневековой Руси характерна только для фольклора. Но фольклорная система стихосложения почти не пользовалась рифмой и была неотделима от условий исполнения произведений — пения и произнесения. В XVII столетии в литературе все чаще встречается рифмованная и ритмизованная речь. Отдельные стихотворные строки и единичные созвучия, как правило, навеянные фольклорными традициями, правда включались в произведения уже давно («моление» Даниила Заточника и даже деловые грамоты), однако лишь теперь стихотворная речь осознается как особая система художественного выражения, обладающая специфическими средствами воздействия на читателя.

В России первые осмысленные таким образом стихотворные вставки в прозаические религиозные произведения (так называемые досиллабические, т. е. неравносложные, стихи) появились в конце XVI в. и были написаны книжниками-монахами⁴⁸.

⁴⁴ Русская демократическая сатира XVII в. с. 46—64; 195—205, 245—256; ИРЛ в 10-ти т. Т. II, ч. 2, с. 190—193; ИРЛ в 3-х т. Т. I, с. 343—344.

⁴⁵ См.: Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861, стб. 1387—1390; Державина О. А. Фацеции. М., 1962; Адрианова-Перетц В. П. и Покровская В. Ф. Указ. соч., с. 206—208; ИРЛ в 10-ти т. Т. II, ч. 2, с. 397—401 и 412—414; ИРЛ в 3-х т. Т. I, с. 329—330.

⁴⁶ См.: Владимирова П. В. Из истории русской переводной литературы XVII в. — В кн.: Великое Зерцало. М., 1884; Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965; Гудзий Н. К. К вопросу о переводах из «Великого Зерцала»... — ЦИОНЛ, т. XXIII, ч. 2, отд. IV, с. 19—58; ИРЛ в 10-ти т. Т. II, ч. 2, с. 408—411; ИРЛ в 3-х т. Т. I, с. 331—332.

⁴⁷ См. главу «Театр и драматургия» настоящего издания.

⁴⁸ См.: Позднеев А. В. Рукописные песенники XVII—XVIII веков. — Учен. зап. Моск. гос. заоч. пед. ин-та, т. 1, 1958.

Литературное стихотворство XVII столетия резко отличается от фольклорного⁴⁹. Однако книжное стихотворство было в России явлением заносным, воспроизводившим особенности польского силлабического стихосложения, которые оказались чуждыми природе русского языка⁵⁰. И уже в начале XVIII в. силлабическая система полностью исчерпала свои возможности в русской литературе. /

Тем не менее был дан важный импульс: в литературе появился интерес к стихотворной речи, и подавляющее большинство произведений первой половины XVIII столетия будут стихотворными.

Однако ни в какое сравнение с достижениями русской прозы этого времени силлабическая, или виршевая, поэзия XVII в. по своей художественной значимости не идет. Но, контролируемая государством, она выражала официозную идеологию.

Несомненно, крупнейшим представителем русской книжной поэзии XVII столетия был Симеон Полоцкий⁵¹. Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович (Симеон Полоцкий) родился в Белоруссии в 1629 г., получил отличное образование в Виленской и Киево-Могилянской коллегиях, в 1661 г. переехал в Москву, где писал проповеди, нося монашеский сан, участвовал в церковных спорах, был учителем царских детей и писал чрезвычайно много стихотворных произведений. В 70-е гг. Полоцким были созданы для придворного коломенского театра две пьесы: «Комедия притчи о блудном сыне» и «Трагедия о Навходоносоре царе». Это было время увлечения царя театральными постановками. Как церковный деятель Симеон Полоцкий произнес немало проповедей, объединенных им в конце 70-х гг. в два больших сборника. Ему принадлежит также обработка ряда житий.

В идеологической борьбе Симеон умел соблюдать осторожность, избегать крайностей. В одном из стихотворений он писал: «Елма словопрение начинает быти, // Ты же хоцещи правый победить быти. // Победи прежде тебе, потщися молчати, // Тако скоро можещи победу прияти, // Ибо ты мудра, кротка станут нарицати». По мысли Полоцкого, вера зиждется на знании: «Невежда пути — вождь да не бывает. // Книг неискусный да не поучает!»

⁴⁹ О возникновении в России книжного стихотворства см.: Тимофеев Л. И. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973; Он же. Перспективы исследования истории древнерусского стихотворства. — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964; Он же. Книжная поэзия Древней Руси. — В кн.: История русской поэзии в 2-х т. Т. 1. Л., 1968.

⁵⁰ Силлабической называется система стихосложения, в которой конструктивным метрическим принципом является число слогов в строке (стихе). В таком стихе большую роль играет конечная рифма, стоящая под единственным строго обязательным ударением. В развитой силлабике появляется еще цезура — пауза, делящая длинные (11—13-сложные) стихи на две примерно равные части. При этом в конце первого полустихия также возникает обязательное ударение.

Силлабический стих характерен для языков с фиксированным ударением (например, в польском — на предпоследнем слове).

О западном происхождении силлабики в русской литературе впервые см.: Соболевский А. И. Из истории русской литературы. XVII века. — «Библиограф», 1891, № 3.

⁵¹ См.: Полоцкий С. Избр. соч. М.—Л., 1953; Вирши. Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков. Л., 1935; исслед.: Татарский И. Симеон Полоцкий. М., 1886; Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. Спб., 1889; Серман И. З. «Псалтирь рифмотворная» Симеона Полоцкого. — ТОДРЛ, т. XVIII, 1962; Еремин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого. — В кн.: Еремин И. П. Литература Древней Руси. М.—Л., 1966; ИРЛ в 3-х т. Т. 1, с. 357.

В 1679 г. Симеон печатает «Букварь», затем «Рифмотворнук» псалтирь», написанную им еще в 1678 г. в течение двух месяцев. Большинство произведений Полоцкого, умершего в 1680 г., однако, остались ненапечатанными. Это огромный сборник стихотворений «Рифмологион» объединивший панегирические произведения, и «Вертоград многоцветный» — книга нравоучительного характера, в которую вошло более 1200 стихотворений общим объемом в тридцать тысяч стихов.

Поэзия С. Полоцкого изображает яркие и необычные ситуации, использует эффектные метафоры; она аллегорична и, как правило, заключает в себе прямолинейное поучение. Так, в небольшом стихотворении поэт излагает правила поведения девушки:

Срам честный лице девы украшает,
Егда та ничесо же не лепо дерзает.
Знамя же срама того знается оттуду,
Аще очес не мешет сюду и онуду,
Но смиренно я держит низу низпущенны,
Постоянно аки бы к земли пристроенны.
Паки аще язык си держит за зубами,
А не расширяет ся тшетными словами.
Мало бо подобает девам глаголати,
Много же к чистым словом уши етриклоняти.

Сатирические стихотворения Полоцкого с их ярко выраженной назидательностью почти лишены комического начала и иронии. Немало его произведений — своеобразные притчи в стихах. Их жанровое разнообразие велико и определяется традициями польского барокко. Сам автор перечислил жанры, вошедшие в «Вертоград»: подобия, образы, присловья, толкования, епитафии, образов подписания, повести увещания, обличения. Помимо весьма длинных стихотворений Симеон писал и произведения, состоящие всего из двух рифмованных строк. По словам современного исследователя, «умеренное просветительство Симеона Полоцкого имело для своего времени большое положительное значение. Изображая в своих стихотворениях образ идеального русского монарха, Полоцкий объективно критиковал существовавший тогда общественный порядок.

Сравнивая то, что должно было быть, по мнению поэта, с тем, что было тогда в русской действительности, читатель Полоцкого приходил к неутешительным выводам»⁵².

Просветительные тенденции особенно сильны в «Вертограде многоцветном». Писатель выступает здесь против религиозного фанатизма, боярской спеси, невежества, мошенничества. Поэт знакомит читателя с началами гуманитарных и естественных наук.

В «Рифмологионе», сравнивая царя и его семью с небесными светилами, Полоцкий уделил также большое внимание пышному графическому оформлению сборника. Внешняя зрительная сторона книги всегда представлялась писателю очень важной.

Силлабический стих Симеона Полоцкого строго систематизированный. Писатель пользовался в основном 11- и 13-сложным стихом со свободной цезурой. Этот стих должен был вызывать у читателя ощущение упорядоченности и гармонии, противостоя менее организованным досиллабическим стихам, ранее встречающимся в русской литературе. После Полоцкого досиллабические неравносложные стихи уже воспринимались как устаревшие, звучали скорее как проза, нежели как поэзия.

⁵² Водовозов Н. В. История древней русской литературы. М., 1966, с. 341.

Учениками [Полоцкого были Карион Истомина и Сильвестр Медведев⁵³, правда, значительно уступавшие ему в даровании. В изысканном, часто вычурном и усложненном стиле С. Полоцкого заметны черты барочной поэзии.

Проблема барокко в русской литературе вызывает споры. Среди исследователей наметились три основные точки зрения: 1) барокко было в России явлением самобытным (А. Морозов⁵⁴), 2) русское барокко возникло под воздействием европейского, но выражалось слабо и заметной роли не играло (Д. С. Лихачев⁵⁵) и 3) барокко в России вообще не было (П. Н. Берков⁵⁶). Большинство европейских ученых, занимавшихся подробным анализом этого стиля⁵⁷, определяют барокко по формальным признакам: прихотливость и фантастичность образов, тяготение к экзотике, утрированное выражение чувств. Вместе с тем отмечалось пессимистическое содержание литературных произведений европейского барокко.

В России внешние черты стиля барокко обнаруживают обычно в драматургии, в творчестве С. Полоцкого, отчасти — Аввакума⁵⁸. Но у этих писателей иное, небарочное содержание творчества; пессимизм и упадничество им не свойственны. Была высказана и примирительная мысль о двух барокко (своем и чужом) в русской литературе XVII в.⁵⁹. Однако вопрос о русском барокко в литературе остается открытым.

Своеобразие литературы XVII в. выражается в многосторонних, но неуверенных поисках новых путей. Русская культура еще только начала освобождаться от средневековых традиций, исторически неотделимых в сознании народа от национальной самобытности. В России, не знавшей Возрождения, авторитет прошлого был гораздо выше, чем в Европе. Именно поэтому личность делала только первые попытки самопроявления. Проблема отцов и детей была поставлена, но решалась компромиссно. Характерное для средневековой литературы символически-абстрактное отражение действительности, осмысляющейся через призму религиозности, сменяется более реалистическим видением мира и его закономерностей. Литература сближается с реальностью. Возникают новые области литературы — стихотворство и драматургия.

⁵³ Вирши. Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков.

⁵⁴ См.: Морозов А. Проблема барокко в русской литературе XVII—начала XVIII в. — «Русская литература», 1962, № 3; Он же. Национальное своеобразие и проблема стилей... — «Русская литература», 1967, № 3; Он же. Проблемы европейского барокко. — «Вопросы литературы», 1969, № 2.

⁵⁵ См.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков, гл. 5. Л., 1973; Он же. Барокко и его русский вариант XVII века. «Русская литература», 1969, № 2.

⁵⁶ Сборник ответов на вопросы по литературоведению. — IV Международный съезд славистов. М., 1958, с. 83—84.

⁵⁷ Литература о барокко в Европе весьма обширна. См., например: Angyal A. Die slowische Barockwelt. Leipzig, 1961; Tapié E. Baroque et classicisme. Paris

⁵⁸ См. упомянутую статью в журн. «Русская литература», 1967, № 3.

⁵⁹ См.: Mathauserova Světa. Baroko v ruské literaturě XVII století. — В кн.: Československé přednásky pro VI mezinárodní sjezd slavistu. Praha, 1968.

ТЕАТР И ДРАМАТУРГИЯ

О. А. ДЕРЖАВИНА

До XVII в. на Руси не было театра. На протяжении веков его в какой-то степени заменяла обрядовая сторона быта — проведение свадеб, народных праздников, «игрищ», включавших в себя элементы театрализованного действия. Проводы масленицы «колядование» с участием ряженых представляли собой яркое праздничное зрелище, в которое вовлекались все присутствующие. В ядре спектакля

Скоморошество известно на Руси с давних времен. Изображения плясунов и музыкантов украшают стены лестницы в Скоморошском соборе.

Музыкальных инструментах, кукольные, медвежьи поводыри.

но в ремесленных мастерских, где селилась беднота. Существовали и бродячие скоморохи, зарабатывавшие на хлеб только своим искусством. Они объединялись в «ватаги», бродившие из города в город, где селилась беднота. Существовали и бродячие скоморохи, зарабатывавшие на хлеб только своим искусством. Они объединялись в «ватаги», бродившие из города в город.

К XVII в. характер игрищ и роль в них ряженых становятся иными. Они теряют свой магический смысл и перерастают в образные театрализованные представления. Такие драматизированные игры предшествовали становлению спектаклей народного театра. Меняется и роль, которую играли скоморохи во всех обрядовых народных игрищах. Теперь обрядовая сторона уже не требовала обязательного исполнения ее скоморохами, она стала проще, ее могли исполнять и рядовые участники игрищ. Бывшие скоморохи становятся кукольниками, медвежьими поводырями, струнниками, домрачеями, сопельниками, гусельниками, домерщиками и т. д.¹

¹ См.: Белкин А. А. Русские скоморохи. М., 1975.

Медвежья потехи и театр Петрушки оказались наиболее драматизированными формами в искусстве бродячих скоморохов XVII в. Медвежья потеха строилась на внешнем сходстве медведя с человеком, умении зверя ходить на задних лапах, подражать человеческим движениям. Медвежий поводырь извлекал эффект именно из неуклюжести всех действий медведя, который по желанию поводыря и в соответствии с произносимым им текстом пародировал помещика и помещицу, попа и монаха, чиновника и нерадивого крестьянина².

КУКОЛЬНИК и ГУСЛЯРЫ.
Из книги А. Олеария.

Актеры-кукловоды, один-два человека, разыгрывали небольшие сценки комедийного и сатирического характера, в которых любимым народным персонажем становится Петрушка³. О том, что представлял собой подобный кукольный «театр», писал в 30-е гг. XVII в. А. Олеарий: «...комедианты показывают их (сценки.-О. Д.) в кукольных представлениях за деньги... Для этого они обвязывают вокруг своего тела простыню, поднимают свободную ее сторону вверх и устраивают над головой своей таким образом нечто вроде сцены, с которою они и ходят по улицам и показывают на ней из кукол разные представления»⁴.

Скоморошный репертуар в значительной степени имел антибоярскую направленность, и разыгрывание скоморохами сцены «Как холопы у бояр жир вытряхивали» было не единственным в таком роде. Насмешкам подвергали они и русское духовенство. Искусство скоморохов с его свободомыслием и утверждением радостей земной жизни находило живой отклик у простых людей города и села. Их веселые представления собирали толпы народа⁵.

Однако церковь видела в народных играх, «колядованиях», участии ряженных в народных праздниках проявление языческих верований, противопоставлявшихся церковным обрядам. В начале века патриарх Иов запретил проведение игрищ и гуляний; в 1627 г. было запрещено проведение в Москве Ваганьковских игр, а патриарх Филарет под страхом наказания запретил «колядовать» на Рождество⁶.

В первой половине XVII в. нижегородские попы писали в своей челобитной патриарху Иоасафу, что в Вознесение Христово люди ходят к Печерскому монастырю (под Нижним Новгородом), а с ними «...медведчики с медведи и плясовыми псицами, а скоморохи и игрецы с личинами... и злые... прелести бесовские деюще, пьянствующе и в бубны и в сурны ревуше и в личинах ходяще...»⁷.

² Подробнее о содержании сценок кукольного театра и медвежьей потехи см.: Фаминцын А. Скоморохи на Руси. СПб., 1889.

³ Подробнее о театре Петрушки см.: Алферов А. Петрушка и его предки.— В кн.: Десять чтений по литературе. М., 1895; Еремин И. Русский народный кукольный театр.— В кн.: Цехновицер О., Еремин И. Театр Петрушки. М.—Л., 1927.

⁴ Олеарий А. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию... в 1633, 1636 и 1639 гг. М., 1870, с. 178.

⁵ См.: Белкин А. А. Указ. соч.; Дмитриев Ю. А. Позднее скоморошество.— В кн.: Новые черты в русской литературе и искусстве. XVII—начало XVIII вв. М., 1976, с. 164.

⁶ АИ, т. III, № 2, с. 95—96.

⁷ Там же.

Горожане, иногда при поддержке светских властей, защищали свое право на традиционные игрища и гуляния. Но усиление классовой борьбы посадского населения в 40-е гг. XVII в. заставило правительство в лице царя Алексея Михайловича выступить на стороне церкви. Так, в 1648 г. последовал царский указ, гласивший: «А где осявятся домры и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякие гудебные бесовские сосуды, и тебе б то все велеть, выимать, и изломав те бесовские игры велеть сжечь, а которые люди от того от всего богомерзкого дела не отстанут. и учнуть впредь такова богомерзкого дела держаться, по государеву указу тем людям чинить наказание: где такое безчиние обявится, или кто на кого такое безчиние скажет, тех людей бить в батоги»⁸. Несомненно, этот указ был направлен прежде всего против скоморохов. Однако уничтожить столь популярный вид народного творчества не удавалось. Так, в 1653 г. архиепископ Тобольский сообщал, что в Тобольске «...умножилось скоморошество и всяких игр и кулачного бою и на качелях качаются и иных всяких неподобных дел умножилось»⁹.

А в 1657 г. в Устюжский уезд был послан пристав с тем, чтобы там «отнюдь скоморохов и медвежьих поводников не было и в гусли бы и в домры и сурны и в волынки и во всякие бесовские игры не играли»¹⁰.

Но если народный театр в лице скоморохов, имевший самостоятельный репертуар, находился в гонении, то скоморохи и шуты-музыканты, танцоры и акробаты оставались при домах русских вельмож среди боярской и дворянской челяди. Они развлекали хозяев и гостей песнями, плясками, игрой на музыкальных инструментах.

Развивая свое творчество, скоморохи создали самостоятельный репертуар и определенную театральную форму, понятные зрителю из народа. Они обращались к знакомым фольклорным героям и сюжетам, использовали традиционные формы юмора, сатиры, пародии и гротеска¹¹. А исчезновение в документах упоминаний о скоморохах со второй половины XVII в. было вызвано не только гонениями на них правительством и церковных властей, но и самими условиями развития их искусства.

Скоморошество оказало ощутимое влияние на музыку, танец, на истоки отдельных жанров литературы и другие виды искусства. «Творчество скоморохов было промежуточным звеном, мостом между фольклором и профессиональным искусством»¹².

Не следует забывать и того, что скоморохи, спасаясь от преследований светских и церковных властей, уходили на север и в Сибирь и передавали там свое искусство и репертуар (песни, сказки, старины) местному крестьянскому населению. В XIX в. именно там многие из этих произведений были собраны и записаны собирателями фольклора.

Тяга народа к зрелищам заставляла и само духовенство использовать красочность церковных обрядов и праздников для привлечения внимания прихожан. С этой целью оно использовало элементы литургической драмы в так называемом «Пешном действе» и в «Хождении на осляти». Первое разыгрывалось в храмах перед праздником Рождества и являлось инсценировкой библейского рассказа о трех отроках, брошенных по приказу Навуходоносора в пылающую печь и чудесно спасших-

⁸ АИ, т. IV, № 35, с. 126.

⁹ Цит. по: Белкин А. А. Указ, соч., с. 90.

¹⁰ Белкин А. А. Указ, соч., с. 76.

¹¹ См.: Белкин А. А. Указ, соч., с. 117, 141; Всеволодский-Гернгросс В. И. Русский театр от истоков до середины XVIII в. М., 1957, с. 16.

¹² Белкин А. А. Указ, соч., с. 164.

ся. Обряд этот существовал в России давно, примерно с XV в. В представлении участвовали три «отрока», одетых в белые стихари и поющих библейские стихи, и «халдеи» — палачи, которые хватали юношей и толкали их в специально приготовленное помещение, изображавшее печь, а потом выводили их оттуда. Они были одеты в короткополое платье, сшитое из красного сукна, по ходу действия разжигали огонь, металы из железных трубок легко воспламеняющуюся «плавучую траву»¹³, падали ниц при появлении ангела. Фигура ангела, вырезанная из кожи и разрисованная с обеих сторон, спускалась сверху. Свое «халдейское» платье исполнители не снимали во все продолжение Святок, бегая в качестве ряженных по улицам и «плавучею травую» подпаливая встречным борода. В Крещенье они должны были искупаться в проруби, чтобы смыть с себя грех бесовской потехи.

«Хождение на осляти» проводилось в Москве за неделю до Пасхи и воспроизводило в лицах евангельский рассказ о входе Христа в Иерусалим. Вначале в торжественном шествии участвовал патриарх, ехавший верхом на лошади («осляти»), которую вел под уздцы сам царь.

Однако церковные мистерии в России не были распространены так, как в западноевропейских странах. Этому способствовало то обстоятельство, что богослужение в России совершалось на понятном народу церковнославянском языке, а не на латинском, как в католических странах, и не требовало поэтому специальных наглядных иллюстраций¹⁴.

В XVII столетии не только сохранились и развивались народные формы тетрализованых представлений, но появились и новые виды театральныз зрелищ: придворный и школьный театры со своим репертуаром и исполнителями.

Возникновение придворного театра было связано с тем, что с середины столетия в кругах придворной знати появляется интерес к западноевропейской культуре, к светским ее направлениям и в частности к театру.

Интерес к театральным представлениям возник у Алексея Михайловича и отдельных представителей русского общества XVII в. отчасти под влиянием выходцев с Украины, окончивших Киево-Могилянскую академию, где театральные представления были широко распространены, и приглашенных в Россию (наиболее ярким представителем которых был Симеон Полоцкий), отчасти в результате рассказов русских людей, побывавших за границей.

Так, в «Статейных списках» — отчете о поездке во Флоренцию 1659 г. русский посол описывает свое впечатление от виденного им спектакля: «Да спускался с неба ж на облаке сед человек, в корете, да противу его в другой корете прекрасная девица, а аргамачки (кони. — О. Д.) под коретами как быть живы, — ногами подрягивают...». Батальная сцена совершенно покорила членов посольства: «А в иной перемене объявилось человек с 50 в латах, и почали саблями и шпагами рубиться и из пищалей стреляти, и человека с три как будто и убили!..»¹⁵. Любопытнее всего в этих рассказах то, что непривычный к театру зритель совершенно не замечал театральной условности и был всецело охвачен чувством иллюзии действительности. Несомненно, такое восприятие спектакля было характерно и для зрителей первого русского театра.

¹³ «Плавуная трава» — «плавун, плаун» — мох (см.: Даль Вл. Толковый словарь, т. III. М., 1955, с. 118).

¹⁴ См.: Веселовский А. Старинный театр в Европе. Исторические очерки. М., 1870, с. 303, 326.

¹⁵ Статейный список дворянина и боровского наместника Василия Лихачева во Флоренцию в 7167 (1659) годе. — ДРВ, ч. IV, изд. 2. М., 1788, с. 350—351.

Задолго до первой в России театральной постановки (1672 г.) царь Алексей Михайлович делал попытки завести придворный театр. В черновой «росписи» 1660 г. с собственноручными поправками и вставками царя, адресованной английскому купцу Гебдону, рядом с другими поручениями предлагалось «призвать... в Московское государство из немецких земель... мастеров комедию делать». Упоминание о «мастерах комедию делать» было вписано рукой самого царя¹⁶.

Подобные поручения давались и другим иностранцам, но эти попытки не увенчались успехом. В 1672 г. царь дал распоряжение найти подходящих людей в московской Немецкой слободе, и подготовка первого спектакля была поручена жившему там Иогану Готфриду Грегори — пастору лютеранской кирхи и руководителю школы, которая существовала при ней. Это обращение к иноземцам в деле основания придворного театра можно объяснить, с одной стороны, тем, что в России не было опыта в постановке подобных представлений, не было своей актерской школы, а с другой — тем, что традиции народных театральных представлений, выражавших интересы и эстетические взгляды трудовых слоев населения, не могли удовлетворить представителей господствующего класса.

И. Г. Грегори, немец по происхождению, был достаточно знаком с западным, в частности с немецким и голландским театром. Возможно, что он и сам принимал ранее участие в театральных постановках Дрезденской Collegium Carolinum¹⁷. Несмотря на это, Грегори, по словам его помощника, преподавателя школы Л. Рингубера, взялся за порученное ему дело не очень охотно — «волей-неволей»¹⁸. Грегори вместе с ним приступил к выполнению царского указа от 4 июня 1672 г., который предписал: «...иноземцу магистру Ягану Готфриду (Грегори. — О. Д.) учинити комедию, а на комедии действовать из Библии «Книгу Есфирь»¹⁹. Таким образом, вопроса о сюжете не возникло: он был предопределен царским указом. Избранный сюжет был очень популярен в литературе и искусстве Древней Руси. История Эсфири, ставшей женой могущественного царя Артаксеркса и спасшей свой народ от уничтожения, подготовляемого царедворцем Аманом, была изображена на фресках потолков в царских палатах, стен храмов, ее рисовали на крышках сундуков, предназначенных для личного пользования²⁰. Современникам она напоминала о недавних событиях: женитьбе овдовевшего царя Алексея Михайловича на воспитаннице А. С. Матвеева — молодой красавице Наталии Кирилловне Нарышкиной²¹.

¹⁶ См.: Гурлянд И. Иван Гебдон — комиссариус и резидент. (Материалы к истории администрации Московского государства второй половины XVII в.). Ярославль, 1903, с. 46—49; Шляпки И. А. История русского театра при царе Алексее Михайловиче. — ЖМНП, 1903, ч. 346, март, отд. «Критика и библиография», с. 210—211.

¹⁷ См.: Мазон А. «Артаксерксово действо» и репертуар пастора Грегори. — ТОДРЛ, т. XIV. М. — Л., 1958, с. 357.

¹⁸ Relation du voyage en Russie, fait en 1684 par Laurent Rinhuber. Publiée pour la première fois d'après les manuscrits originaux, qui se conservent à la Bibliothèque ducal publique Gotha. Berlin, 1883, S. 29.

¹⁹ Богоявленский С. К. Московский театр при царях Алексее и Петре.. М., 1914, с. 8.

²⁰ См.: Овчинникова Е. С. Сюжет «Книги Есфирь» в произведениях русской живописи XVII в. — В кн.: Русское государство в XVII в. М., 1961, с. 371.

²¹ Текст пьесы, написанной на этот сюжет, дошел до нас в трех списках XVII в.: 1) ГБЛ, ркп. Вологодского собр. (ф. 354), № 208; 2) Франция, Лионская публичная б-ка, ркп. № 1346 (старый шифр №.1220); 3) отрывок — ФРГ, Веймар, Тюрингенская национальная б-ка, ркп. Hs. Fol. 246 E. Указанные тексты легли в основу публикации пьесы в серии «Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.)» (т. 1. М., 1972).

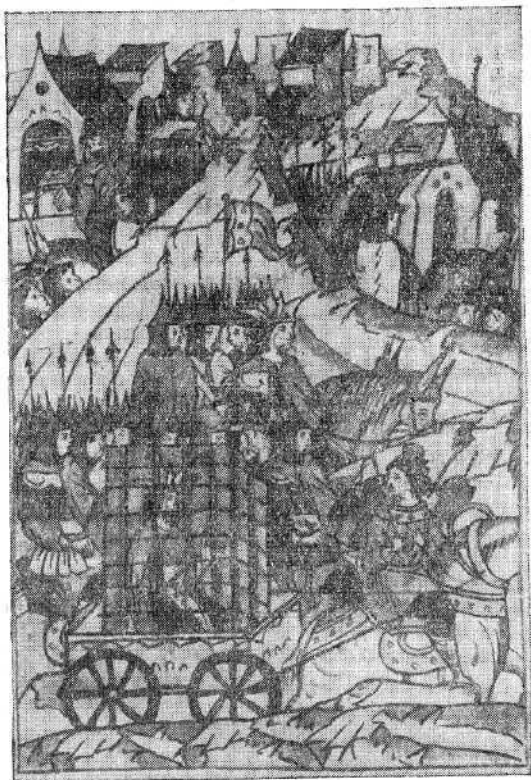
К «Книге Есфирь» неоднократно обращались и западные драматурги XVI и XVII вв. Для Грегори и его помощника было бы проще всего взять готовую немецкую пьесу и, слегка обработав ее, перевести на русский язык с помощью переводчика Посольского приказа, но в указе царя говорилось, что играть историю Эсфири нужно было именно по Библии, поэтому авторы, по возможности придерживаясь библейского текста, написали новую оригинальную пьесу, которая более соответствовала требованиям московского двора.

Пьеса «Артаксерксово действо» была поставлена 17 октября 1672 г. Царю так понравилось представление, что он смотрел его в продолжение десяти часов, не вставая с места. Впоследствии пьесу несколько раз повторяли. Одновременно готовилась новая пьеса на библейский сюжет — «Иудифь», показанная царю между 2 и 9 февраля 1673 г. и затем тоже повторенная²².

В ноябре 1673 г. были поставлены еще две пьесы: о Товии, также на библейский сюжет, и о Егории Храбром. Тексты обеих пьес до нас не дошли, но, как видно из сказанного, руководители театра придерживались тематики, хорошо знакомой царю и его приближенным из книг «священного писания» и житийной литературы. Религиозные сюжеты оправдывали в глазах русского общества новую «потеху» царя.

Из Библии же был взят сюжет и «Малой прохладной (т. е. развлекательной.— О. Д.) комедии об Иосифе»²³ — инсценировки рассказа об Иосифе, одиннадцатом сыне библейского патриарха Иакова, проданном в рабство старшими братьями, ставшем слугой царедворца фараона Потифара, а затем — правителем Египта.

Первой пьесой на историческую тему было поставленное следом за комедией об Иосифе «Темир-Аксаково действо» (иначе «Баязет и Тамерлан»). В Западной Европе пьесы о Тамерлане были большей частью перделками трагедии Марло «Тамерлан Великий». Их авторы сосре-

ПЛЕНЕННЫЙ БАЯЗЕТ В ЖЕЛЕЗНОЙ КЛЕТКЕ.

Миниатюра «Древнего летописца».

²² Пьеса издана в серии «Ранняя русская драматургия...» (т. 1, с. 351, 458).

²³ Понятие «комедия» в ту эпоху имело совершенно иной СМЫСЛ и обозначало театральное представление вообще, иначе называвшееся «потехой», «действом» или «игрищем». Поэтому все пьесы, ставившиеся на сцене придворного театра царя Алексея Михайловича, назывались «действиями» или «комедиями», даже если «комического» в современном понимании этого слова в них ничего и не было.

точили внимание лишь на одном, главном событии из жизни Тамерлана — его победе над пашой Баязетом. То же событие составляет содержание и русской пьесы, но ее источником была не трагедия Марло, а книга французского писателя дю Бека «История Тамерлана»²⁴.

Руководители молодого русского театра обратились к этому сюжету не только потому, что пьеса была популярна в европейских странах. Имя Тамерлана было хорошо известно русским читателям из широко распространенной, включенной во многие сборники и летописи «Повести о Темир-Аксаке», где рассказывалось о чудесном спасении Москвы от нашествия Тамерлана благодаря заступничеству Богоматери.

Военная тема должна была остро восприниматься зрителями еще и потому, что именно в это время Русь вела с Турцией войну за Азов и борьба проходила под лозунгом защиты христианской религии от басурман. Появление в начале пьесы Марса — бога войны — и упоминание Плутона говорят о знакомстве русского зрителя XVII в. с античной мифологией.

- В конце масленицы 1675 г. в театре шла «Жалобная комедия об Адаме и Еве» как бы в напоминание о посте и покаянии²⁵; в январе 1676 г. актеры разучивали пьесу о Давиде и Голиафе — также инсценировку библейского рассказа и пьесу о Бахусе и Венусе, очевидно, на антично-мифологический сюжет. Тексты этих двух пьес не сохранились. Не сохранился и текст балета «Орфей», поставленного при дворе²⁶. В основу балета были положены текст и музыка немецкого балета «Орфей и Эвридика», поставленного в Дрездене в 1638 г. Как и в легенде, в балете под музыку Орфея танцуют деревья и скалы, а в заключение поется приветственная песня зрителям — принцу и его супруге. В московском балете приветственная песнь пелась царю и исполнял ее не хор, а сам Орфей²⁷.

Авторов перечисленных пьес можно назвать лишь с большей или меньшей степенью предположительности. Так, помощник Грегори Иоганн Пельцер, по-видимому, принимал участие в сочинении пьес о Юдифи и Товии. Другой помощник Грегори, Юрий Гибнер, вероятно, был автором «Темир-Аксакова действия». Балет «Орфей» ставил немецкий инженер Николай Лим. В создании пьес о Давиде и Голиафе и о Бахусе и Венусе можно предполагать участие воспитанника Киево-Могилянской коллегии Стефана Чижинского²⁸.

С русским придворным театром 1670-х гг., несомненно, находятся в связи две пьесы, написанные в те же годы Симеоном Полоцким: «Комедия притчи о блудном сыне» и «О Навходоносоре царе, о теле злате и о трех отроцах, в печи не сожженных»²⁹. Сведений об их постановках не сохранилось, но тексты пьес дошли в списке с поправками самого автора. Из обращения Полоцкого к царю в предисловии к пьесе о Навходоносоре ясно, что пьеса должна была идти в присутствии Алек-

²⁴ De Ves Jean. Histoire du Grand l'Empereur Tamerlanes. Paris, 1594. Комментарий к пьесе см. в серии «Ранняя русская драматургия ...» (т. 2. М., 1972, с. 293—296).

²⁵ Пьесы опубликованы в серии «Ранняя русская драматургия...» (т. 2).

²⁶ По предположению П. О. Морозова балет был поставлен в 1673 г. (см.: Морозов П. О. История русского театра до половины XVIII столетия. Спб., 1889, с. 189).

²⁷ Подробнее о балете «Орфей» см. в серии «Ранняя русская драматургия...». (т. 2, с. 32 и 311—312).

²⁸ См.: Богоявленский С. К. Указ. соч.

²⁹ См.: Еремин И. П. Симеон Полоцкий — поэт и драматург. — В кн.: Полоцкий Симеон. Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарий И. П. Еремина. М.—Л., 1953.

сея Михайловича. Сюжет первой пьесы восходит к евангельской притче о блудном сыне; вторая пьеса разрабатывала библейскую притчу о трех еврейских отроках, изображенную в «Пещном действе». «Комедия притчи о блудном сыне» пользовалась большой популярностью, что в значительной степени объяснялось свободой ее аллегоризма. После каждой части пьесы игрались интермедии, на существование которых указывают ремарки. Но комедийные ситуации присутствовали и в самом тексте, особенно там, где изображались кутежи блудного сына. Эти сцены отсутствуют в Евангелии и полностью принадлежат творчеству Симеона Полоцкого³⁰.

Придворный театр не имел постоянного помещения. Спектакли шли то в селе Преображенском, в специально построенном здании, то в Москве, в помещении над Аптекарскими палатами, а иногда, видимо, и в доме боярина Матвеева. Декорации и костюмы перевозились с места на место по мере надобности, что, конечно, при тогдашних способах передвижения далеко не обеспечивало их сохранности: их то и дело приходилось чинить и подновлять. Сохранились приказы А. С. Матвеева о таких передвижениях театра. Например, 22 января 1673 г. было предписано срочно «...з двора боярина Ильи Даниловича Милославского исполат ковры и сукна и всякое ношеное платье, что взято из села Преображенского, перевезти в село Преображенское... чтоб комедийному действу генваря к 23 числу все было готово...». Едва успели вернуть из Москвы в Преображенское все «потешное» оборудование, как в тот же день последовал приказ перевезти его опять в Москву. На следующий день, 23 января, это и было сделано, хотя из-за несоответствия размеров помещений ценные декорации («рамы перспективного письма») «во двери не прошли» и были сломаны³¹.

Такая спешка объяснялась тем, что театр должен был немедленно удовлетворять желание царя и всегда быть готовым встретить его спектаклем, опережая переезды царской семьи из города в село и обратно³².

Как выглядел зрительный зал, данных почти нет; лишь из записок одного современника известно, что зал был убран разноцветными сукнами; царь смотрел пьесу сидя перед сценой в кресле, вельможи — стоя на сцене, а царица с детьми — из особого отгороженного решеткой помещения типа ложи. Занавеса, по-видимому, не было.

Если первые постановки осуществлялись силами молодежи из Немецкой слободы — учениками пастора Грегори, то к последующим были привлечены и русские «отроки». В июне 1673 г. 26 жителей Новомещанской слободы были определены к комедиальному делу³³. Занятия с ними проводились сначала в помещении школы в Немецкой слободе, которое специально отапливалось на казенный счет в течение всей зимы. Затем репетиции были перенесены в Мещанскую слободу, где для этого был приспособлен один из дворов, и в Посольский двор, находившийся на Покровке. Число русских «комедиантов» увеличивается. Так, в ноябре 1674 г. в представлении участвовало 48 мещанских детей и 36 иноземцев, а в 1675 г. первые уже составляют преобладающее большинство

³⁰ См.: Елеонская А. С. Комическое в школьных пьесах конца XVII — начала XVIII в. — В кн.: Новые черты в русской литературе и искусстве. XVII — начало XVIII вв., с. 75.

³¹ См.: Богоявленский С. К. Указ. соч., с. 30—31.

³² См.: Робинсон А. Н. Историческое место и значение первого русского театра. — В серии: Ранняя русская драматургия..., т. 1, с. 61.

³³ ЧОИДР, 1914, кн. II, с. 26.

во³⁴. Далеко не все имена русских актеров дошли до нас. Исследователи, согласно сохранившимся документам, упоминают подьячих Михаила Белянинова, Кузьму Журавлева, Алексея Зверева, Исаию Ляпина, Ивана Владиславлева, «отроков» Василия Мешалкина, Луку Степанова, танцора Тимофея Блисова, Василия Смольного и двух братьев Ивановых — Родиона и Николая. Кроме того, сохранился список 36 русских актеров, исполнявших роли в пьесе «Иудифь»³⁵. Нет сведений о том, как справлялись упомянутые в списке «робята» с порученными им ролями. Отмечено только, кто из них выучил и кто еще не выучил роли: рядом с каждым именем стоит буква «в» или «н», а против имени Абрашки Семенова, который должен был исполнять роль «поручика» Сисеры, написано полностью — «не выучил — лежит». Васька Андреев, которому была поручена роль воина Сусакима, некоторое время числился «в нетях», но потом, видимо, явился и приступил к исполнению своих обязанностей: слово «в нетях» зачеркнуто.

Как справедливо полагает В. Всеволодский-Гернгросс, обучение комедиантов заключалось в простом разучивании ролей и репетициях³⁶. Руководил ими сначала Грегори вместе с Рингубером, а после смерти первого, по-видимому, Ст. Чижинский³⁷. И если исполнители и руководители самых первых спектаклей (состоявшие из иноземцев) были приглашены на прием к царю, сын доктора Блюментроста как лучший исполнитель (видимо, роли Эсфири) заслужил похвалу Алексея Михайловича, а И. Грегори получил 40 соболей³⁸, то положение русских «комедиантов» было иным. Обучение их было принудительным и даже сопровождалось для них временным лишением свободы, жалованье выдавалось нерегулярно. Так, набранные для спектакля «Давид и Голиаф» юные актеры жаловались царю: «...мы, холопы твои, учимся в Новомещанской слободе денно и ночью за караулом... Жалованья поденного корму нам, холопам твоим не дают, и помираем голодною смертью»³⁹.

Правительство в то же время не скупилось на огромные расходы для оформления театральных представлений и не жалело средств на декорации, костюмы актеров. Закупались дорогие заграничные ткани: гамбургское сукно, турецкий волнистый атлас, шемаханский шелк и т. п., десятки аршин лент, кружев; портные шили костюмы, различные мастера готовили оружие: протазаны, мечи, копья, сабли, жестяные латы и всевозможный реквизит. Так, для роли Голиафа была сделана большая голова из клееного полотна, для рая — несколько деревьев с восковыми яблоками; для одной из пьес лепилась из теста оленья голова. О том, как ее надо делать, русские мастера консультировались с иноземцем Петром Сиверсом: «...они ездили да с ними два человека столяров с посольского двора в Немецкую слободу к иноземцу Петру Сиверсу трижды, а с собою возили аленью голову и иные потешные дела для указания, как делать»⁴⁰.

Спектакли отличались большой пышностью, сопровождалась пением, музыкой, иногда танцами. Из документов известно, что во время спек-

³⁴ Там же, с. 28, 36, 45—46, 51; см. также: Цветаев Д. Первые немецкие школы в Москве и основание придворного театра. Варшава, 1889, с. 21.

³⁵ ЦГАДА, ф. 139, — «Комедиальные дела», № 32. Список найден старшим научным сотрудником архива И. А. Балакаевой.

³⁶ См.: Всеволодский-Гернгросс В. Указ. соч.

³⁷ ЧОИДР, 1914, кн. II, с. 24—26, 50—51, 71..

³⁸ См.: Цветаев Д. Указ. соч., с. 15.

³⁹ Богоявленский С. К. Указ. соч., с. 69.

⁴⁰ Там же, с. 53.

таклей звучал орган, взятый у одного из иностранцев, живших в Немецкой слободе, раздавались звуки труб (например, в первой сцене «Темир-Аксакова действия»), играли и на других инструментах.

Кулисы и декорации изготовляли русские плотники и мастера под руководством живописца Петра Инглиса. Сцена оформлялась в каждой пьесе особо: писались «рамы перспективного письма», т. е. боковые кулисы и задник. В ряде пьес сцена разделялась занавесом на «большую» и «малую», по ходу действия этот занавес открывался или закрывался. Так, в пьесе об Иосифе сцены в доме Иакова и в доме Потифара шли при закрытом заднем занавесе, а сцена продажи героя в рабство, наоборот, при открытом, так как должна была изображать степь и безводный колодец, куда сперва братья опускают Иосифа. В сценах пира (у Потифара, в ставке Олоферна) должен был появляться стол, уставленный яствами и напитками.

В пьесе об Адаме и Еве сцена, как это часто практиковалось при постановке мистерии, должна была иметь верхнюю площадку, изображавшую «небо», откуда к Адаму и Еве сходили ангелы и где происходили последние явления пьесы — «божественный суд» над грешными людьми.

К сожалению, не сохранились сведения о том, как осуществлялась перемена места действия в таких сложных пьесах, как «Иудифь» и «Темир-Аксакова действия». Здесь, вероятно, тоже большую роль играл задний занавес; кроме того, возможно, отдельные части сцены изображали разные места действия (например, дворец Баязета и ставку Тамерлана) и действие переносилось из одной половины сцены в другую.

По-видимому, придворный театр вместе с актерами обслуживало не менее 200 человек.

Так как подготовка каждой пьесы требовала еще новых и новых людей, то театр, предназначенный для узкого круга зрителей, в который входили только царь, его семья и придворные, вовлекал в работу и участие в новом театральном искусстве и определенную часть населения Москвы, главным образом Мещанской слободы.

Репертуар придворного театра в XVII в. вливался в общий поток западноевропейской драматургии своего времени, сближаясь, с одной стороны, с пьесами так называемых «английских комедиантов», а с другой — с иезуитской школьной драмой. В то же время русские обработки популярных на Западе сюжетов отличались достаточной самостоятельностью и при всей условности театральных постановок многому учили зрителя. Он видел на сцене живых людей с их переживаниями, героев, воплощавших в себе лучшие человеческие черты. Красавица Эсфирь, готовая пожертвовать собой для спасения своего народа, ее воспитатель — благородный Мардохей, отважная Юдифь, мужественный и целомудренный Иосиф заставляли собравшихся в театре с волнением следить за их судьбой, будили интерес к человеку, его чувствам и переживаниям, говорили о чувстве долга, о благородстве, о человечности. Любовь впервые показана была не как нечто греховное, а как большое и сложное чувство. Впервые перед московским царем и его вельможами появляется царь (Артахсеркс), испытавший «сердечную болезнь». Этот скорбящий от любви монарх в своих репликах невольно начинает рвать узы церемониала, сковывавшие спектакль. Он говорит Эсфири слова, которые звучат для московских придворных как ошеломляющая новость:

«Возстанн, богиня, и руку сию лобызати,
пред нею же иное все вострепешет,
тебе уже довольно».

ЭСФИРЬ ПЕРЕД АРТАКСЕРКСОМ.
Фрагмент фрески церкви Иоанна Предтечи
в Толчкове.
Ярославль, 1695 г.

двумя владыками (Баязет—Тамерлан), или между членами семьи (Иосиф и его братья), но непременно вновь восстанавливаемую, — отсюда обязательные благополучные концовки пьес. Тема благоденствия, нарушение и восстановление мировой гармонии является важнейшей темой первых пьес русского театра. В основе гармонии мирового порядка, по мысли автора, лежит забота царя о подданных. В пьесе проводится идея, что не только подданные должны верно служить царю, но и царь обязан заботиться о подданных. Эта идея появляется в связи с развитием русского самодержавного абсолютизма, который в пьесах идеализируется.

Рисуя в пьесах представителей самодержавной власти — Артаксеркса, Навуходносора, Тамерлана, авторы всюду подчеркивают их богатство и могущество. Персонажи пьес — цари и их приближенные — появляются обычно в богатой одежде, в золоте и шелку. Большая часть их времени проходит в пирах и различных «прохладах». Упоминание о «прохлаждении» героев переходит из пьесы в пьесу, обрастая различными подробностями. Нескончаемая вереница «прохлад», пиров и веселий тянется через все пьесы⁴².

Идеализированные представления московского двора о гармонично устроенном мире получили отражение в первых пьесах придворного театра царя Алексея Михайловича. Однако в придворных представлениях

Не сдерживая своих чувств, забыв на время о «величестве», Артаксеркс расточает свои признания Эсфири: «О, любезная моя!», «О, утеха моя и краснейшая всех жен!», «Светило мое незахожденно!», «Сердца моего услаждение!». Это чувство оказывалось способным внезапно охватить всю душу человека и, что представляется особенно важным, душу неприступного в своем величии царя⁴¹.

В то же время придворные пьесы русского театра 1670-х гг. представляют собой группу памятников, в которых получили отражение некоторые идеи придворной среды этого времени. Пьесы начинаются и кончаются монологами о благоденствии и радости. Они утверждают устройство мира в целом, гармонию мира, на некоторое время нарушаемую назревающим конфликтом или между царем и его приближенными (Артаксеркс—Астинь, Артаксеркс—Аман) или между

⁴¹ См.: Робинсона Н. Указ. соч., с. 86.

⁴² См.: Демин А. С. Общие черты драматургии 1670-х годов. — В серии: «Ранняя русская драматургия...», т. 1.

о мире была и «темная» сторона. Гармонично устроенный мир, где царь заботится о подданных, в тех же пьесах оказывается окруженным грозной и страшной стихией. Даже цари не могут быть спокойны на высоте своего престола, хотя бы потому, что их окружают измена и покушения на их жизнь (заговор евнухов против Артаксеркса в пьесе «Артаксерксово действо»).

Переход от счастья к несчастью в пьесах очень резок. Для этого иногда достаточно изменения в отношении той или иной царской особы к одному из своих подданных (например, падение Амана в пьесе «Артаксерксово действо»). Неустойчивость счастья, быстрая переменчивость жизни — такова «минорная» сторона взглядов московского двора 1670-х гг., отразившаяся во всех дошедших до нас пьесах того времени. Эта черта сближает пьесы придворного театра царя Алексея Михайловича

ЭСФИРЬ ОБЛИЧАЕТ АМАНА.
Фрагмент фрески церкви Иоанна Предтечи
в Толчкове.
Ярославль, 1695 г.

с приемами, свойственными западноевропейской литературе и театру барокко.

Счастье или несчастье отдельного человека в значительной степени зависит от царской милости. Тема милости и формулы ее выражения принадлежат самой феодальной действительности того времени. Поэтому в прологах пьес актеры просят царя, их главного зрителя, простить им недостатки «милостию совершенно вменивши». О царской милости умоляют представителей власти и действующие лица пьесы (Эсфирь, Мардохей, Аман в пьесе «Артаксерксово действо»; то же и в других пьесах). Даже любовь рассматривается в пьесах театра как особая царская милость: «Имей мя токмо рабою», — говорит Эсфирь избранному ее своей супругой царю.

Однако несмотря на однородное идейное звучание и библейскую сюжеттику, пьесы придворного театра царя Алексея Михайловича далеко не однородны по своему характеру, содержанию и художественным приемам.

Анализируя пьесы, написанные на библейские сюжеты, легко заметить, что в четырех из них использованы главы из Библии, рассказывающие якобы об исторических событиях: эпизоды из царствования Артаксеркса и Навуходоносора, осада Олоферном города Вифули («Иудифь»), борьба юноши Давида с Голиафом. Все это в понимании и авторов пьес, и зрителей являлось историческими сюжетами. На историческую тему была написана и пьеса о Баязете и Тамерлане.

Пьесы «Иудифь» и «Темир-Аксаково действо» близки между собой рядом деталей. В обеих на сцене происходят сражения, введены мас-

совые сцены, где войны радуются походу и предстоящей богатой добыче и поют веселые песни; на глазах зрителей льется кровь: в пьесе «Иудифь» героиня отрубает голову Олоферну, в пьесе о Баязете и Тамерлане солдаты отрубают голову пойманному ими лазутчику. Рядом с этими трагическими сценами мы видим и комические: в пьесе «Иудифь» комическими персонажами являются воин Сусаком и служанка Юдифи Абра. Шуточная казнь Сусака лисьим хвостом, поставленная перед сценой, где Юдифь отрубает голову врагу-полководцу, как бы пародирует этот акт, являющийся по сути дела кульминацией пьесы.

В пьесу о Баязете и Тамерлане введен шут Пикельгеринг, который крадет у солдат вино и закуску («жаренки»). Сцена кончается общей потасовкой. Трагическое и комическое в обеих пьесах стоят рядом, вместе с царями и полководцами действуют «шутовские персоны». Все это — типичные черты пьес репертуара «английских комедиантов». В пьесах придворного театра заметно стремление изображать события на сцене как можно более яркими и резкими красками, чтобы поразить воображение зрителей.

По сравнению с «Иудифью» действие в пьесе о Баязете и Тамерлане развивается без задержки, спектакль в целом значительно динамичнее. Комические сцены здесь менее разработаны и сводятся в основном к потасовкам. В данном случае можно согласиться с П. О. Морозовым, который предполагает, что в немецких пьесах роль шута Пикельгеринга не писалась и актеру, ее исполнявшему, предоставлялся полный простор для импровизации; но русские «неискусные отрочата» — молодые актеры, конечно, еще не могли справиться с такой задачей, почему комические сцены и свелись только к драке ⁴³.

Несколько иначе построена первая пьеса придворного театра «Артаксерксово действо». Из прочего репертуара того времени с ней рядом, скорее всего, можно поставить пьесу Полоцкого «О Навходоносоре царе...», хотя первая состоит из семи актов, а вторая только из одного. Они сближаются тем, что в обеих действуют царь, сенаторы, их ближайшее окружение и дается как бы урок царям. В той и другой пьесах царю придется признать свою ошибку: Артаксеркс убеждается, что напрасно доверял Аману; Навходоносор понимает, что несправедливо осудил юношей.

В пьесах есть и другие общие черты: и в той и в другой царь говорит о своем величии и могуществе, а сенаторы славят его; ставится вопрос об отношениях царя и подданных и о непостоянстве **царского** благополучия.

Но есть между этими пьесами и существенная разница: поскольку Полоцкий использует лишь один библейский эпизод, его пьеса компактнее, в ней соблюдено правило трех единств — места, времени и действия, сближающее ее с трагедиями классицизма. В «Артаксерковом действе» этого нет: пьеса Грегори много сложнее, он использует не один библейский эпизод, а всю «Книгу Есфири», состоящую из двух самостоятельных частей.

По сложности композиции «Артаксерксово действо» ближе к пьесе «Иудифь», где также в основу положен не один эпизод, а целая библейская «книга». Для той или другой пьес характерны некоторая растянутость, наличие «повествовательности», объясняющиеся тем, что обе они являются инсценировками, а не произведениями, написанными специально для сцены. Так, в пьесе «Иудифь» главная героиня появляется только

⁴³ См.: Морозов П. О. Указ. соч., с. 221—223.

в шестнадцатой сцене, где она с Аброй обсуждает тяжелое положение, в котором оказались граждане осажденного города, лишённые воды.

Сопоставляя пьесы и библейские тексты, легко убедиться, что библейский рассказ в них значительно дополнен и украшен; появляется ряд новых действующих лиц, ведущих между собой бесконечные разговоры и произносящих длинные монологи, выражающие идеологию, взгляды и настроения русской придворной среды. Таков, например, монолог Мардохея в пьесе «Артаксерксово действие», где он рассуждает о неверности человеческого счастья и опасностях, окружающих даже всесильных владык.

Обе пьесы очень далеки от господствовавших на Западе в XVII в. правил классицизма: здесь нет ни традиционных пяти актов, ни соблюдения правил трех единств, ни строгого деления действующих лиц на положительных и отрицательных. В «Артаксерксовом действии», хотя и менее ясно, также ощущается влияние традиций театра «английских комедиантов»: на сцене казнят Амана, а по пути к месту казни «секулятор» (палач), он же — шут Мопс, насмехается над бывшим всесильным вельможей; но комических сцен, подобных тем, которые введены в пьесы «Иудифь» и «Темир-Аксаково действие», здесь еще нет. Комический элемент вынесен в сопровождавшие пьесу интермедии, текст которых до нас не дошел. Действия в них Мопса и его жены Геленки, видимо, пародировали разлад между Артаксерксом и его первой женой, гордой царицей Астиной.

Характеры действующих лиц в пьесах не развиваются по ходу действия — они даны раз и навсегда, и в каждом из них подчеркнута какая-то одна ведущая черта: гордость Астины, скромность и набожность Эсфири, заносчивость и самоуверенность Олоферна, осторожность и благоразумие его помощника Ахиора, патриотизм Юдифи и т. п. Действующие лица обычно противопоставляются друг другу: Астия и Эсфирь, Аман и Мардохей в «Артаксерксовом действии»; Олоферн и Ахиор, Юдифь и ее служанка Абра в пьесе «Иудифь». В пьесе «Темир-Аксаково действие» противопоставлены друг другу благородный Тамерлан, который выступает в защиту своего союзника — греческого царя Палеолога, и гордый, жестокий и кичливый Баязет. Если Тамерлан, суровый завоеватель, в пьесе выглядит рыцарем, почти благочестивым «христианином», добрым правителем и заботливым полководцем, то Баязет изображен как тиран и мучитель, не жалеющий в своей злобе даже грудных младенцев, проклинающий не только своих врагов, но и богов, которые не хотят прийти ему на помощь. Это противопоставление и наказание в конце пьесы отрицательного героя помогало зрителям лучше воспринять основную идею: «гордым бог противится, а смиренным дает благодать», возносящегося смиряет, а в руки «смиренного» дает победу.

Иной характер носят пьесы «Малая прохладная комедия об Иосифе» и «Комедия притчи о блудном сыне» Полоцкого. Хотя сюжеты опять взяты «из священного писания» — Библии и Евангелия, в центре внимания авторов не цари, полководцы и придворные, а обычные люди, их быт. Правда, здесь тоже есть трагические эпизоды (например, продажа Иосифа в рабство братьями), но нет кровавых сцен. Авторы интересуются простыми человеческими чувствами: любовь отца к сыну, ненависть старших братьев к младшему, любовь замужней женщины к юноше. То, что Иосиф становится правителем Египта, не главное в пьесе. Хотя конец пьесы об Иосифе утерян, из Библии мы знаем, что история героя кончается его примирением с братьями и приездом к нему в Египет престарелого отца. Так, видимо, кончалась и пьеса. В комедии о блуд-

ном сыне Полоцкий вводит ряд живых бытовых сцен, которые не встречаются в других пьесах придворного театра.

Наряду с этими новыми чертами в репертуаре театра 70-х гг. XVII в. наблюдается и элемент традиционности. В «Жалобной комедии об Адаме и Еве» придворный театр Алексея Михайловича обращается к мистерии. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть состав действующих лиц в пьесе. Это Бог-отец и Бог-сын, ангелы, Демон-искуситель и, наконец, преступившие заповедь божию грешные люди, над которыми совершается высший божественный суд.

Если в перечисленных ранее пьесах действие происходит во дворце, на площади города, в ставке Олоферна или Тамерлана или в степи, где братья продают Иосифа, т. е. на земле, среди людей, то здесь автор переносит нас в «рай», а потом — на небо, где восседает на троне «высший судия». Особенность этой пьесы также — введение в число действующих лиц аллегорических фигур — олицетворений (Правды, Милосердия, Мира) — черта, заимствованная автором из пьес школьного театра, где такие олицетворения были обычным приемом, без которого не обходилось почти ни одна постановка.

Также особняком стоит и пьеса «О Бахусе и Венусе», построенная на античном сюжете. Хотя текст до нас не дошел, материалы, собранные С. К. Богоявленским о подготовке этой пьесы, свидетельствуют о том, что готовилось веселое представление, должное «потешать и смешить зрителей»⁴⁴. И действующие лица, и реквизит, и костюмы — все с достаточной ясностью говорит о комическом характере пьесы. Поставлена она, по-видимому, не была: помешала смерть царя Алексея Михайловича, после которой придворный театр прекратил свое существование.

Таким образом, ставившиеся на сцене придворного театра пьесы были достаточно разнообразны, однако заключали в себе лишь элементы более поздних драматургических жанров — трагедии, драмы и комедии, которые сложились в России в более или менее четкой форме только в XVIII в.⁴⁵

Школьная драма возникла на Руси в XVII в. под влиянием, в частности, Киево-Могилянской коллегии (позднее — академии), которая, борясь с католическим влиянием, идущим из Польши, стремилась использовать в этой борьбе приемы и средства, применяемые иезуитами. В Москве эту традицию продолжала Славяно-греко-латинская академия. Здесь культивировалась драма, пьесы писались местными преподавателями и ставились на сценах силами учащихся. Спектакли приурочивались к торжественным окончаниям учебного года, к праздникам, памятным датам, приемам «высоких» гостей. Термин «школьная драма» определял и морально-воспитательные функции этого вида искусства, адресованного главным образом учащимся⁴⁶.

Между придворным и школьным театром конца XVII — начала XVIII в. есть общие черты (в частности, обращение к библейской тематике), однако школьный театр все же отличается от придворного своими специфическими особенностями.

Для пьес придворного театра использовался библейский («исторический») сюжет, они писались обычно в прозе, и действовали в них только люди.

⁴⁴ См.: Богоявленский С. К. Указ. соч., с. XIII—XV.

⁴⁵ См.: Державина О. А. Жанровая природа первых русских пьес. — В кн.: Новые черты в русской литературе и искусстве. XVII — начало XVIII вв., с. 62—72.

⁴⁶ См.: Архимович Л. Б. Старинный музыкальный театр Украины. — В кн.: Новые черты в русской литературе и искусстве. XVII — начало XVIII вв., с. 154.

Школьная драма использовала главным образом евангельские сюжеты (Рождество, Успение) или житийные предания, писалась в стихах, строилась на обширных монологах. В число действующих лиц, как правило, вводился ряд аллегорических персонажей—олицетворений. Пьесы отличались растянутостью, объяснявшейся тем, что авторами их были обычно представители духовенства, преподаватели пиитики в духовных школах. Они не обладали еще достаточно высокими художественными достоинствами ни в постановке, ни в исполнении, ни в содержании и выполняли, скорее, роль наглядного назидания. Но спектакли Славяно-греко-латинской академии положили только начало школьному театру в России, развитие и расцвет которого относится к XVIII в. Школьный и придворный театры XVII в. стали новой областью духовной жизни русского общества, затронувшей, правда, лишь незначительный круг людей. Появление театра ознаменовало собой возросший интерес к светской культуре, возникший в борьбе со старыми религиозными представлениями.

Несмотря на определенную ограниченность, русская драматургия XVII в. является важным этапом в развитии русского театра. Представленная, с одной стороны, пьесами придворного, с другой — школьного театра, она отличается и разнообразием, и достаточной оригинальностью. Как придворные, так и школьные постановки сделали свое дело: они познакомили русских людей с новой для них стороной культурной жизни, пробудили интерес к ней и этим подготовили дальнейшее развитие (уже на новых основах) театрального дела первой четверти XVIII в.

ШКОЛА И ПРОСВЕЩЕНИЕ

©

А. И. РОГОВ

Общие успехи развития культуры в России в XVII в., появление существенно новых элементов в ней в полной мере могут быть отнесены к школе и просвещению. Уже в XVI в. заметны достижения в этой области. Их результатом был довольно значительный уровень грамотности, достигнутый на Руси к XVII в. Как показал А. И. Соболевский¹ на основе изученных им и, конечно, далеко не исчерпывающих материалов, картина распространения грамотности в различных слоях русского общества выглядела следующим образом: помещики — 65%; купечество — 96%; посадские — около 40%; крестьяне — 15%; стрельцы, пушкарки, казаки — 1%. Эти весьма приблизительные данные дают представление о грамотности лишь в среднем по стране и не отражают ее роста на протяжении века. Между тем анализ ряда документов, произведенный с этой целью Н. В. Устюговым, показывает, что «процент грамотности во второй половине XVII в. значительно вырос, особенно в среде дворянства и посадских людей». Так, если в первой половине XVII в. встречались даже неграмотные воеводы, то во второй половине века это стало невозможным. Показательно, что в Мещанской слободе в Москве в 1677 г. было 36% грамотных, а в 90-е гг. — уже до 52%. В Соликамске в 80—90-е гг. среди посадских людей грамотных было до 49%².

Высок процент грамотности среди купечества, все более расширяющаяся деятельность которого требовала безусловной грамотности. В не меньшей степени это относится к потребностям государственного аппарата. Настоятельно требовали углубления и расширения образования и внешнеполитические задачи государства, вышедшего на европейскую арену международных отношений. Заинтересована была в росте просвещения и образованности, разумеется, контролируемых ею, и церковь, особенно в период борьбы с расколом.

Заметно возрастает в России интерес к педагогике, методике преподавания, вопросам домашнего воспитания. Теперь уже педагогические идеи выделяются из прежнего синкретизма богословско-нравственных сочинений, разрабатываются в специальных трактатах, составляются целые сборники педагогических сочинений. Особую популярность приобре-

¹ См.: Соболевский А. И. Образованность Московской Руси XV—XVII вв. Изд. 2-е. Спб., 1894, с. 8—13.

² См.: Устюгов Н. В. Научное наследие. М., 1974, с. 77—78.

тают трактаты по домашнему воспитанию детей. Они касались гораздо более широкого круга читателей, чем методические пособия, предназначенные для школьных учителей. Впрочем, в ряде случаев сочинения по домашнему воспитанию сочетались с изложением правил поведения в школе.

Одним из наиболее значительных трактатов XVII в. по педагогике является «Гражданство обычаев детских»³. Это в значительной степени переводной памятник. В основе его лежит сочинение Эразма Роттердамского «De civilitate morum puerilium» (1526 г.),⁴ точнее, его переработка в катехизической форме, изданная в Базеле в 1538 г. Рейнгартом Лорихом Гадамарским⁵. Для русской культуры XVII в. очень характерно обращение к труду эпохи Возрождения с его просветительскими идеями. Судя по всему, перевод, переработанный и приспособленный к русским условиям, был составлен Епифанием Славинецким. Во всяком случае «Гражданство» значится в каталоге сочинений Епифания Славинецкого, составленном его учеником Евфимием.

165 вопросов и ответов, из которых состоит трактат, представляют собой собрание правил поведения детей и охватывают все внешние проявления их жизни: выражение лица, телодвижения, прическу, поведение за столом, при встречах с людьми и беседе с ними, детские игры. «Гражданство» содержит и правила поведения в школе, но они очень краткие. Не оставлено без внимания и эстетическое воспитание ребенка. Рекомендуются прививать ему любовь к музыке: «... любити мусикию, сладкопение и игрианием на органах всяких остроу ума обучати». Одеваться детям рекомендуется скромно и аккуратно. В области нравственного воспитания, в отношениях с людьми трактат рекомендует руководствоваться заботой о людях и уважением к ним («добросклонность и человекопочитательство»), терпимым отношением к их недостаткам. Целый ряд советов касается важнейших правил гигиены. Большое внимание уделено играм. При этом осуждаются азартные игры и рекомендуются подвижные. Автор трактата считает обязательным «обучение также в труды», т. е. трудовое воспитание подростков. Все правила изложены очень конкретно с множеством примеров и аналогий из жизни животного мира, жизни ремесленников, иногда излагаемых с юмором, всегда психологически обоснованных.

«Гражданство» оказало несомненное влияние на развитие русской педагогики XVII в. Так, многие его положения были усвоены Карионом Истоминым, известным поэтом и педагогом второй половины XVII в. Их легко можно заметить в его так называемом «Домострое» 1696 г., во всяком случае в дошедшей до нас стихотворной главе из него⁶.

Специально домашнему воспитанию было посвящено другое сочинение, оформленное как «Предисловие» к сборнику педагогического и нравоучительного содержания, предназначавшемуся князю Петру Михайло-

³ Текст опубликован в кн.: Буш В. В. Памятники старинного русского воспитания. Пг., 1918, с. 33—57.

⁴ Алексеев М. П. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. — В кн.: Славянская филология, т. I. М., 1958, с. 275—336.

⁵ См.: Кононович С. С. Епифаний Славинецкий и «Гражданство обычаев детских». — «Советская педагогика», 1970, № 10, с. 107—113. Точку зрения Е. Н. Медынского о том, что «Гражданство» является переводом сочинения Яна Амоса Коменского «Praecepta morum» (Амстердам, 1653), следует считать устаревшей, так как этот труд является переработкой сочинений Эразма Роттердамского, текстуально гораздо более далекой по сравнению с «Гражданством» (см.: Медынский Е. Н. Ценный памятник русской педагогики XVII века. («Гражданство обычаев детских»). — «Советская педагогика», 1946, № 6, с. 71—81).

⁶ Ср.: Браиловский С. Н. Один из пестрых XVII столетия. Спб., 1902, с. 267—268.

вичу Черкасскому, «в чину ученичества возлежащему»⁷. В отношении трудового воспитания («трудолюбия налог») и основ нравственного воспитания это сочинение перекликается с «Гражданством обычаев детских», но в нем много и самостоятельных положений и идей. Автор «Предисловия» придерживался точки зрения на ребенка как «скрижали ненаписанной», т. е. положения знаменитого Джона Локка о «гладкой доске». Воспитателям благодаря этому открываются большие возможности. Но не меньшая у них ответственность, так как ошибки трудно исправить и написанное на скрижали «неудобно сотретися может»⁸.

В «Предисловии» как один из основных методов педагогики вообще и домашнего воспитания в особенности в самом традиционном смысле слова провозглашается телесное наказание — «розга», «сокрушение ребер», «жезл». Необходимость их применения связывается с требованием иметь не чрезмерную, но умеренную любовь к детям, дабы не развратить их. Симеон Полоцкий тоже воспевал «буйство розги», исходя из того, что «вредоносна есть любви и родителем ко чадам, аще излишествует»⁹. Розга прославлялась во всех букварях; единственное исключение составлял Букварь Қариона Истомина 1694 г., в котором похвала розге отсутствовала. Вторым важнейшим принципом домашнего воспитания было ограждение ребенка от дурного общества — «злаго возбраняти общества». Третий принцип призывал «злаго по себе образа не являти чадам», т. е. требовал от родителей самим показывать добрый пример¹⁰.

Нетрудно заметить, что идеи домашней педагогики были связаны с нравственным воспитанием, которому в древнерусской педагогике вообще уделялось особое внимание. О нем много говорилось в «Гражданстве обычаев детских», в букварях, им пронизаны едва ли не все сочинения Симеона Полоцкого, содержащие педагогические мотивы («Книга вопросом и ответом, иже во юности сущим, зело потребни суть» — около 1667 г., «Обед душевный» — 1682 г. и «Вечеря душевная», изданная в 1683 г.). Специально нравственному воспитанию посвящен трактат — антология неизвестного автора, озаглавленный «Созренье си есть преднаказанье христианского учения ради малых детей»¹¹. В этом сочинении дается свод выписок из различных авторов, главным образом из священного писания, о нравственном поведении детей. Они подобраны так, чтобы возбудить в детях стремление к заботе о старых, о праведном суде, о нищелюбии, о трудолюбии. Не выходя в основном за рамки традиционных христианских норм нравственности, они не могли не ориентировать воспитателей и на общечеловеческие нравственные ценности, связанные с терпимым и гуманным отношением к людям, насколько это, разумеется, было возможно в условиях классового общества.

В древнерусской педагогической мысли XVII в. ощущается забота о разумной постепенности в воспитании и образовании детей Первые

⁷ Лавровский Н. Памятники старинного русского воспитания.— **ЧОИДР**, 1861, кн. III, отд. III, с. 32—71. Как доказал И. Н. Михайловский, этот сборник был составлен переводчиком Посольского приказа Николаем Спафарием (см.: Михайловский И. Н. О некоторых анонимных произведениях русской литературы конца XVII и начала XVIII столетия.— В кн.: Сборник Историко-филологического общества при институте князя Безбородко; т. III, Нежин, 1900, с. 12—38).

⁸ Лавровский Н. Указ. соч., с. 40—43. Заметим, что теория Локка вообще получила определенное распространение в России. Придерживался ее и Симеон Полоцкий, утверждавший, что зло и добро «нисходят ... не по естеству, а от учения» (см.: Демков М. И. История русской педагогики, ч. I. Ревель, 1896, с. 266).

⁹ Лавровский Н. Указ. соч., с. 47, 57; Демков М. И. Указ. соч., с. 265, 269.

¹⁰ См.: Лавровский Н. Указ. соч., с. 57.

¹¹ См.: Чебан С. Из истории учебно-педагогической литературы Московской Руси XVII в.— **ЖМНП**, 1915, октябрь, с. 146—152.

7 лет согласно «Предисловию» к сборнику Черкасского должно целиком отвести нравственному воспитанию ребенка, и только вторые семь лет «учат коему-либо художеству». Но и это образование, начиная с обучения грамоте, следует строить постепенно и «неспешно», как гласит «Наказание учителям, как обучать детей грамоте», известное в наиболее раннем списке 1645 г.¹² Дальнейшее образование, видимо, представлялось целесообразным строить по концентрическому принципу. За него во всяком случае ратовал Симеон Полоцкий, настаивавший, что обучение «прежде по малу и потом во многое множество расширяется». В расчете на этот метод писал свои учебники и Карион Истомин.¹³

I Специальные советы, связанные с самим процессом преподавания в школе, методические советы учителям рассеяны во многих сочинениях и учебниках. В наиболее обобщающей форме они содержатся в педагогическом трактате «Школьное благочиние». Главное в общении учителя с учеником согласно этому трактату — это равное, одинаковое отношение его ко всем ученикам, успевающим и неуспевающим — «борзоучащимся и грубоучащимся»¹⁴. Но это не означает, что в классе не должно быть средств поощрения старательных школьников. Их учитель сажал на первые места «учений ради вящих», но отнюдь не по знатности. «Школьное благочиние» вообще предусматривает всесловный принцип организации школы, приема в нее учеников «даже и до последних земледельцев». Учителю давались советы, как лучше соотнести повторение старого материала и подачу нового и целый ряд Других советов по организации уроков, которые явно перекликаются с уставами школ при украинских и белорусских братствах, особенно с уставом Луцкой школы. Использование в Москве опыта этих школ, организованных на достаточно высоком уровне и учитывавших достижения западноевропейской педагогики, имело, несомненно, положительное значение. Освоению этого опыта содействовали многочисленные выходцы из Украины и Белоруссии, среди которых было немало учителей.

Трактат соединял в себе советы учителям с наставлениями ученикам. Самым детальным, обстоятельным образом в нем указывалось, как ученики должны обращаться с книгами, держать себя в классе, убирать его. Особое внимание было уделено задачам старосты, который был во многом помощником учителя и не только следил за порядком в классе, но и прослушивал уроки у учеников, имел право наказывать их.

«Школьное благочиние» имело в виду начальную школу, в которой преподавали те же, что и в предыдущие столетия, мастера грамоты. Это видно из того, какую систему оплаты оно предусматривало для учителей (как и прежде для мастеров грамоты, в виде даров родителей учеников). Трактат даже содержит образцы просьб учителей к родителям, достаточно унижительных, вроде: «Пожалуй мне, работничку твоему, на школьное строение»¹⁵.

К сожалению, пока мы располагаем очень немногими данными о конкретных школах такого начального обучения. Они, как правило, были обнаружены случайно, попутно и потому, конечно, ни в коей мере не дают сколько-нибудь полной картины состояния начальной школы в России XVII в. И все же эти данные показывают, что такие школы

¹² См.: Лавровский Н. Указ. соч., с. 39; Демков М. И. Указ. соч., с. 216.

¹³ См.: Смирнов Н. К вопросу о педагогике в Московской Руси в XVII ст.— «Русский филологический вестник», 1898, № 1—2, с. 27; Браиловский С. Н. Указ. соч., с. 301.

¹⁴ Обзор его содержания см.: Мордовцев В. Д. О русских школьных книгах XVII в.— ЧОИДР, 1861, кн. IV, отд. 1, с. 4—12, 89—91.

¹⁵ Мордовцев В. Д. Указ. соч., с. 25.

имелись в самых различных городах страны. Грамоте в школе обучали детей, как свидетельствуют писцовые книги, и в московской Мещанской слободе в 1676 г., и в Боровске «подле торговой площади» в 1685 г. В XVII в. существовала, судя по записям на одном из букварей, школа грамотности и в Шуге¹⁶.

В начальных школах обучение велось теми же приемами буквослагательного метода, как и в XVI в. Основными учебными пособиями были все те же псалтырь и часовник. В XVI в. была выработана в главных чертах и форма и состав букваря. Однако если в XVI в. вышло в свет одно (может быть, два) издание букваря, и то не в Москве, а во Львове, то в XVII столетии уже вышло шесть его изданий. В 1634 г. выпустил свой букварь Василий Бурцев, положив за основу виленское издание 1621 г., но снабдив его новым предисловием, рассчитанным на русского читателя. Использование виленского издания Бурцевым представляется вполне закономерным в свете теснейших связей России с Украиной и Белоруссией в области культуры и просвещения.

Букварь Бурцева имел значительный успех и в 1637 г., когда вышел вторым изданием с новым предисловием и нравоучительными стихами. В 1664 г. был издан «Букварь языка словенска», в 1679 г. — букварь Симеона Полоцкого, сопроводившего его «Предисловием к юношам учиться хотящим». В нем он развивал свои педагогические идеи и давал наставления, сходные с теми, которые выразил в упоминавшейся выше «Книге вопросом и ответом» и своих многочисленных стихотворных сочинениях¹⁷.

Новым видом букваря был дважды издававшийся в 1694 г. лицевой Букварь Кариона Истомина. Сопровождавшие его высокохудожественные гравюры работы Леонтия Бунина придавали учебнику особую наглядность и доступность, развивая и художественный вкус учеников. Истомин видел назначение своего букваря в том, чтобы он помог читать книги, при этом не только «божественные», но и «гражданских обычаев и дел правных». Букварь предназначался его автором «отроком и отроковицам, мужем и женам», т. е. предусматривал обучение грамоте девочек и даже женщин¹⁸.

Все буквари, изданные в XVII в., как и букварь XVI в., по содержанию были значительно шире своего названия. Кроме азбуки и уроков грамотности они содержали статьи по вероучению, краткие словари, статьи педагогического содержания, образцовые письменники.

Сродни букварям, но все же особыми видами учебника для начального обучения были азбуки-прописи, которые использовались после усвоения учеником простой азбуки¹⁹. В них содержались материалы для упражнения в скорописи и для чтения — обычно различные изречения, иногда по алфавиту. В конце века прописи иногда дополняются сведениями из арифметики (правила и задачи), которые по древнерусским нормам выводили процесс обучения за рамки начальной школы, ибо арифметика входила уже в число семи свободных мудростей. Как спра-

¹⁶ См.: Демков М. И. Указ. соч., с. 213; Борисов В. Грамотность шуян в XVII и XVIII столетии. — «Владимирские губернские ведомости», 1854, № 40.

¹⁷ О взглядах Симеона Полоцкого на задачи просвещения см. подробнее: Калинин А. Д. Вопросы просвещения и образования в творчестве Симеона Полоцкого. На материале сборника «Рифмологион». — Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та, т. 246, вып. 14. М., 1969, с. 47—53.

¹⁸ Подробнее о нем см.: Браиловский С. Н. Указ. соч., с. 284—293; Габрин И. М. Лицевой букварь Кариона Истомина. — В сб.: Древности. Труды имп. Московского Археологического общества, т. XXV. М., 1916, с. 249—330.

¹⁹ Подробнее о них см.: Буш В. Старинные азбуки — прописи. — ИОРЯС, т. XXIII, кн. 1. Пг., 1919, с. 195—224.

ведливо писал по этому поводу М. Владимирский-Буданов, «элементарное образование способно выделить из себя множество переходных оттенков к среднему. Преимущественно же его расширение возможно в той сфере знаний, которая главным образом ведет к существенной цели элементарного образования — развитию логической силы мышления, именно в изучении отечественного языка и математики»²⁰.

Особенно явно подобного рода расширение образования нашло свое отражение в азбуковниках, получивших широкое распространение в XVII в. В них в отличие от азбук-прописей с их математическим уклоном преобладал уклон грамматический и даже шире — лингвистический. Азбуковники получили свое название потому, что их первоначальное ядро состояло из словарей непонятных иностранных слов, расположенных в порядке алфавита, азбуки²¹. Затем они были дополнены сведениями по фонетике, истории, письменности (как это было и в букварях), подробными сведениями о правописании и ударении, о падежах, местоимениях и склонениях. Практически в сокращенном виде в азбуковниках излагалась вся грамматика. Не случайно существовавшие отдельно сокращенные грамматики восходили, а иногда почти целиком воспроизводили грамматические статьи азбуковников. Такой была, например, «Малая грамматика» Кариона Истомина, составленная им для царевича Алексея Петровича²².

Азбуковники, число статей в которых достигало 665, заключали в себе помимо грамматики множество и других сведений и в целом носили энциклопедический характер²³. Они знакомили с философскими понятиями, такими, как существо, естество, качество; сообщали краткие сведения об античных философах, иногда, впрочем, причисляя к ним поэтов и ораторов, тем более что данные о греческих и римских писателях и об античной мифологии составляли непременную часть азбуковников. В них сообщались краткие сведения библиографического характера о различных литературных произведениях, главным образом византийских.

Географические материалы в азбуковниках не были особенно распространенными и первоначально стремились главным образом пояснить соответствующие названия в библии. Однако эти материалы базировались на широком круге источников, таких, как хождения, хронографы, переводная с польского «Хроника Света» Мартина Вельского и, конечно, космографии. Постепенно географические сведения азбуковников расширяются, в них все больше появляется сведений о странах Западной Европы.

Сравнительно краткими были и сведения по истории, построенные на основе хронографов. Они затрагивали исключительно отечественную историю, причем только ее древнейший период. Правда, составители азбуковников, как и русские летописцы, не отделяли историю Руси от истории других славян, включая в состав своих энциклопедических справочников-учебников данные о болгарях, о славянском языке и даже о древнеславянской мифологии.

Содержали азбуковники и сведения по биологии, главным образом зоологии, но эти данные больше касались символического значения об-

²⁰ Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России с XVII века до учреждения министерств. — ЖМНП, 1873, октябрь, с. 189—190.

²¹ См.: Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русских азбуковниках XVII в. Л., 1968.

²² См.: Браиловский С. Н. Указ. соч., с. 301.

²³ См.: Баталин Н. Древнерусские азбуковники. — В сб.: Филологические записки. Воронеж, 1873, с. 1—68.

разов животных и гораздо менее — естественно научной стороны вопроса. Поэтому-то составители азбуковников и черпали их из соответствующих византийских источников, таких, как «Александрия», «Шестоднев» Василия Великого, «Толковая паляя», «Физиолог» и т. д.

Как можно видеть, за исключением грамматики, азбуковники не содержали сколько-нибудь систематических сведений по той или иной отрасли знаний. Это были, скорее, справочники-пособия, дававшие общие сведения и предварительное знакомство с предметом для дальнейшего расширения сведений о нем в соответствии с методом концентрического обучения. Даже грамматика, изложенная в азбуковнике относительно полно, не могла заменить учебника, достаточного для обучения этому предмету в средней школе. Такой учебник был напечатан в Москве в 1648 г. Это была «Грамматика» Мелетия Смотрицкого, вышедшая первым изданием в Евю (близ Вильны) в 1619 г. «Грамматике» была придана привычная для учебников того времени катехизическая форма вопросов и ответов. Учебник состоял из четырех частей: орфография, этимология, синтаксис, просодия (т. е. ударения и произношение). В московском издании по сравнению с литовским было добавлено сочинение популярного и авторитетного на Руси Максима Грека о пользе грамматики. Московские издатели, стремясь сделать более доступными сведения по грамматике, добавили также примеры грамматического разбора предложений. Все формы грамматики, связанные с украинским языком, были приближены к формам русского языка.

Были у «Грамматики» Смотрицкого и свои изъяны, впрочем, их вполне можно отнести к обычным недостаткам грамматики того времени. Они заключались в том, что формы славянской речи были подогнаны к схеме и нормам греческой грамматики. Именно с этим обстоятельством связаны такие излишние, искусственные и крайне затруднявшие усвоение учебника его разделы, как правила просодии и метрики, в которых, например, говорилось о долготе звука по положению, что совершенно несвойственно русскому языку. Правда, нельзя не отметить, что у Смотрицкого таких явлений гораздо меньше, чем у его предшественников. Так, именно он установил в полном соответствии с нормами славянских языков систему падежей, двух спряжений, внес новую категорию — дееспричастие²⁴.

От XVII в. до нас дошло несколько рукописных учебников арифметики. Для первой половины века характерны учебники, содержащие правила без каких-либо мотивировок и обоснований. К концу столетия сведения по арифметике стали дополняться данными по астрономии и астрологии и материалами по товароведению. Последнее обстоятельство явно свидетельствует об использовании этих учебных пособий в купеческой среде. Были и переводные учебники арифметики. Один из них датируется 1664 г. и имеет заглавие «Книга, глаголемая математика, новопреложенная с эллинского, латинского и польского языка на словенский».

В какой мере названные выше учебники употреблялись в школах и как они там использовались, какова была методика обучения по ним, нам неизвестно, как неизвестны и те конкретные школы, в которых

²⁴ Подробнее о «Грамматике» Смотрицкого и об особенностях ее московского издания см.: Кузнецов П. С. У истоков русской грамматической мысли. М., 1958, с. 27—36.

курс преподаваемых знаний поднимался над начальным. Однако существование учебников и в то же время отсутствие свидетельств о таких школах в источниках, скорее, говорит об их обычности и в какой-то мере распространенности. Вполне возможно, что названные выше боровская школа или московская школа в Мещанской слободе могут служить примерами именно таких учебных заведений.

Несравнимо большими сведениями мы располагаем о разного рода учебных заведениях типа средних школ, особенно таких, где изучались иностранные языки, не говоря уже о первом русском высшем учебном заведении, создание которого увенчало деятельность этих школ и успехи просвещения в России. Создание таких школ было событием. Они требовали особых средств, и их возникновение обычно было сопряжено с приездом иностранцев, что не могло не быть зафиксировано как в документальных материалах, так и (хотя и в меньшей мере) в нарративных источниках.

Одной из первых по времени возникновения школ (открыта в 1621 г.), где изучались иностранные языки, была лютеранская школа в Немецкой слободе в Москве. В ней изучались латинский и немецкий языки. Среди учеников помимо детей иностранцев было немало и русских. Обучение было всесловным и смешанным. Школа продолжала существовать в течение всего XVII столетия. В нее посылали учеников различные ведомства. Так, например, в 1678 г. туда были направлены два мальчика для обучения «латинскому и цесарскому языку для аптекарского дела». В 1673 г. в школу было отдано 26 мещанских и подьяческих мальчиков «для обучения комедийным наукам»²⁵. Школа в Немецкой слободе занимала несколько особое место. Порядок и программа обучения в ней не согласовывались с потребностями русского общества.

В какой-то мере автономной, частной школой была и та, которая возникла в 40-е гг. на средства боярина Ф. М. Ртищева при созданном им Андреевском монастыре. В этот монастырь были приглашены ученые иноки из украинских монастырей — Киево-Печерского и Межигорского. Эти монахи, как сказано в «Житии» Ртищева, были «изящны... во учении грамматики славенской и греческой, даже до риторики и философии хотящим тому учению внимати»²⁶. Обучали они в Андреевском монастыре и латинскому языку, что видно из документа, свидетельствующего о поездке двух учеников в Киев «доучиваться у старцев, у киевлян, по латыни»²⁷. В 1649 г. в школу прибыл Епифаний Славинецкий, знаменитый педагог и переводчик, занявший весьма заметное место в культурной жизни Москвы. Им был составлен «Лексикон речений языка славенка и греческа со иными языки... в научение и уразумение учащихся»²⁸. В 1650 г. Епифаний переселился в кремлевский Чудов монастырь, при котором также существовала своя школа.

Эта школа была создана на средства патриаршего двора и находилась под его контролем. Попытки создать такую школу относятся к началу 30-х гг. XVII в., когда уже существовал Учительный двор. На этом дворе и возникла в 1632 г. школа старца Иосифа, приехавшего в Москву из Александрии «учити на учителном дворе малых робят греческому

²⁵ Цветаев Д. Первые немецкие школы в Москве. Варшава, 1889, с. 5—6, 20.

²⁶ Житие милостивого мужа, Фелопа, Ртищева, — ЛРВ, изд. 2-е, т. XVIII. М., 1791, с. 401.

²⁷ Сторожев В. Н. К истории русского просвещения XVII в. Киев, 1890, с. 15.

²⁸ Ротари И. Епифаний Славинецкий, литературный деятель XVII в. — «Киевская старина», 1900, декабрь, с. 382.

языку и грамматике»²⁹. В 1645 г. одним из греческих митрополитов был послан в Москву старец Венедикт «учить русских людей философия, греческому языку и русскому». Приехав в Россию, Венедикт заявил, что он намерен превратить школу в некое педагогическое училище, говоря о цели занятий со своими учениками: «Да сотворю их учителями»³⁰. Как протекала преподавательская деятельность Венедикта, неизвестно. Да и пробыл он в России всего несколько лет, перессорившись со всеми из-за своего неуживчивого и высокомерного характера.

В середине XVII в. в Москве существовала еще одна школа. В ней, согласно Олеарию, в 1649 г. преподавался как греческий, так и латинский язык. Старцем греком Арсением, возглавившим школу в 1651 г., была составлена их азбука, в предисловии к которой он говорит о возможных трудностях при изучении этих языков³¹.

Чудовская школа значительно окрепла после перехода в нее Епифания Славинецкого. Она продолжала существовать и в 50-е и 60-е гг. Об этом свидетельствуют записи в расходных книгах Патриаршего казенного двора. Согласно записи 1653 г., «гречанину Арсению для училища детям» была выдана «бумага книжная добрая», а в 1658 г. поденщикам было заплачено за то, что они чистили две палаты в школе и делали места для учеников. В 1663 г. о своем пребывании «in Alexiano Musaeo», т. е. в алексеевской школе (по имени митрополита Алексия, основателя Чудова монастыря), пишет грек Паисий Лигарид³².

Одновременно с патриаршей чудовской школой в Москве начиная с 1664 г. существует и государственная школа, предназначенная для обучения подьячих Приказа тайных дел. Ее организовал в Заиконоспаском монастыре Симеон Полоцкий, только что приехавший в Москву из Полоцка, где он был преподавателем Богоявленской школы. В Москве прославленный оратор и поэт стал обучать своих учеников «по латыням» и «грамматичного ученья». В 1668 г. впервые ученики школы были направлены вместе с А. Л. Ординым-Нащокиным с дипломатической миссией в Курляндию. В 1669 г. Симеона Полоцкого сменяет в школе его ученик и последователь Сильвестр Медведев³³. После некоторого перерыва в 1682 г. он расширяет программу школы, читая не только грамматику (Медведев составил для школы учебник «Грамматически правила») и латинский язык, но и «словесное учение», т. е. риторику. В 1684 и 1685 гг. ученики Медведева даже демонстрировали свое ораторское искусство перед патриархом. В это время школа насчитывала 23 ученика³⁴.

Школы Полоцкого и Медведева имели явный пролатинский характер, были связаны с более светским прозападным направлением в русской культуре, в том числе и просвещении. Это направление в значительной степени зиждилось на деятельности выходцев с Украины и Белоруссии и их московских учеников. Насколько это направление

²⁹ Браиловский С. Н. Указ. соч., с. 18. Подробнее о школе Иосифа см.: Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 3—9.

³⁰ ЦГАДА, Греч. дела, № 15, л. 24.

³¹ См.: Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Спб., 1906, с. 297; Колосов Г. В. Старец Арсений Грек.— ЖМНП, 1881, т. ССХVII, с. 88.

³² См.: Николаевский П. Ф. Московский Печатный двор при патриархе Николе.— «Христианское чтение», 1891, ч. II, с. 173—174; Браиловский С. Н. Указ. соч., с. 23.

³³ См.: Забелин И. Е. Опыт изучения русских древностей и истории. Ч. I. М., 1872, с. 197; Прозоровский А. А. Сильвестр Медведев.— ЧОИДР, 1896, кн. III, с. 196.

³⁴ См.: Забелин И. Е. Материалы для истории, статистики и археологии г. Москвы, т. I. М., 1884, с. 392 и 975.

в области просвещения получило распространение, видно из того, что прихожане московской церкви Иоанна Богослова в Китай-городе в 1666 г. обратились к приехавшим в Москву восточным патриархам с просьбой об учреждении подобной школы. Выработанный в итоге переписки прихожан с патриархами проект предусматривал создание «гимнасиона», в котором бы изучался славянский, греческий и латинский языки и даже «свободные науки». Была ли открыта эта школа-гимназия, неизвестно, но обращает на себя внимание, что настоятелем церкви Иоанна Богослова стал выпускник Киево-Могилянской академии Иван Шмитковский³⁵.

Латинской образованности противостояла в Москве греческая, гораздо более связанная с церковными интересами и видевшая свою опору в образованных греках, приезжавших в Москву. Спор между двумя направлениями особенно обострился в 80-е гг. Он принимал обычно форму богословской дискуссии, но не в последнюю очередь касался и вопроса о путях развития русской образованности и школы, о преобладании в них того или иного языка. При этом сторонники греческой образованности приводили в свою пользу аргументы строго церковного характера, а «латинники» склонны были ссылаться на более широкие, общекультурные доводы.

Позиция грекофилов значительно упрочилась после вступления на московский патриарший престол их убежденного сторонника Иоакима (Савелова). По его инициативе в 1681 г. на Печатном дворе организуется школа «греческого чтения, языка и письма», которую возглавил иеромонах Тимофей, греки Мануил Левендатов и иеромонах Иоаким. Патриарх вполне мог в этой школе «утешиться душой», называя ее «новым и неслыханным делом»³⁶. Школа очень быстро росла: в 1681 г. она насчитывала 30 учеников, в 1684 г. — уже 191, в 1685 г. — 200, а в 1686 г. — 233 ученика³⁷. Возникнув первоначально как школа, которая должна была удовлетворять потребности Печатного двора в переводчиках с греческого языка в соответствии с тем направлением, которое Иоаким хотел придать деятельности Печатного двора, эта школа быстро переросла свое первоначальное предназначение. Она соединяла в себе и начальный класс «словенского языка», и средний класс, где изучались «греческий язык и писание», чем в значительной мере и объясняется поразительная многочисленность ее учеников, бесспорно превосходящая потребности Печатного двора. Это относится и к программе обучения в школе. Судя по тому, что ее ученики на Рождество 1685 г. произносили «приветственные орации» патриарху³⁸, в школе изучалась и риторика, уже никак не связанная с деятельностью Печатного двора.

Таким образом, во второй половине XVII в. в Москве возникает несколько школ, в которых изучались не только иностранные языки, но и предметы, связанные с более широким характером образованности. В связи с этим все более на повестку дня выдвигался вопрос о создании высшего учебного заведения. Значительным этапом в деле его подготовки была «Академическая привилегия» 1682 г.³⁹. Она возникла за

³⁵ См.: Горский А. В. О духовных училищах в Москве в 17 в. — Прибавления к творениям св. отцов, ч. 3. М., 1845, с. 168—170; Харламович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь, т. I. Казань, 1914, с. 284.

³⁶ Поликарпов Ф. Историческое известие о Московской Академии — ДРВ. Изд. 2-е, т. XVI. М., 1791, с. 296—297; Забелин И. Е. Материалы..., с. 392.

³⁷ См.: Забелин И. Е. Материалы..., с. 1114, 398, 400.

³⁸ Забелин И. Е. Материалы..., с. 1042—1043.

³⁹ Текст ее см.: ДРВ. Изд. 2-е, т. VI. М., 1788, с. 390—420.

пять лет до открытия Славяно-греко-латинской академии и не рассматривалась как ее устав. Скорее описательным, чем законодательным, образом «Привилегия» определяла особые права будущей академии (отсюда и название этого документа) и только некоторые стороны ее внутреннего устройства и назначения. Согласно «Привилегии» в академии должны были преподаваться не только церковные, но и гражданские науки, предполагалось изучение славянского, греческого, латинского и польского языков, грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии и богословия. Ответственные государственные посты могли занимать отныне лица, окончившие академию и прослушавшие этот цикл науки. Но доступ в академию открывался всем, «всякого чина и сана и возраста людям». Ученики и учителя академии были неподсудны обычным инстанциям, судить их мог только блюститель вместе с учителями. Обучение в академии предполагалось бесплатным, престарелые учителя обеспечивались пенсиями.

Внутренняя автономия и светская в значительной мере система образования не исключали контроля над академией церкви. Учителя ее должны были строго проверяться с точки зрения чистоты своего православия. При этом лица, перешедшие в православие из других исповеданий, безусловно, не могли быть допущены в учительскую корпорацию. Академия и сама должна была стать учреждением, стоящим на страже чистоты православия. В связи с этим она была наделена цензорскими и чуть ли не полицейскими функциями «по свидетельствованию еретичных книг». На академию возлагалась также обязанность контролировать деятельность всех других школ и даже домашних учителей.

В «Привилегии» нетрудно заметить известную противоречивость. С одной стороны, в ней предусматривалось преподавание латинского и польского языков и ряда светских предметов, что говорит как будто за латинофильскую ее направленность. В то же время отмеченная выше охранительность и явное недоверие к украинцам и белоруссам, многие из которых возвращались из унии в православие, говорит о сильных грекофильских тенденциях. Возможно, «Привилегия» была известным компромиссом между двумя направлениями. Но не исключено и другое объяснение, а именно что автором документа был «один из пестрых», вроде поэта Карiona Истомина, занимавшего промежуточную позицию между двумя ориентировками. Последнее предположение тем более вероятно, что «Привилегии» предшествует стихотворное предисловие с прямым указанием на его авторство.

В реализации планов создания академии также содержалось немало компромиссных промежуточных моментов. Первыми учителями в академии стали греки, но греки, прошедшие вполне латинскую западноевропейскую выучку. Ими были братья Софроний и Иоаникий Лихуды, окончившие Падуанский университет в Италии⁴⁰. К моменту их приглашения в Москву они уже имели большой опыт в области юриспруденции, что было важно для академии, готовившей наряду с другими государственными деятелей. Иоаникий имел опыт и преподавательской деятельности в Македонии, где было много славянского населения.

По приезде в Москву Лихуды не сразу стали преподавать в академии. Пока строилось ее здание, им было предложено своеобразное испытание: вплоть до осени 1687 г. Лихуды ведут преподавательскую деятельность в школе в московском Богоявленском монастыре. Здесь они вначале читают курсы «греческого книжного писания» и риторики, а затем, когда Лихуды хорошо зарекомендовали себя, им было велено-

⁴⁰ О Лихудах см.: Сменцовский М. Братья Лихуды. Спб., 1899.

ИОАНИКИИ ЛИХУД.
Гравюра начала XVII/ в.

«подавать все свободные науки на греческом и латинских языках», т. е. по существу приступить к чтению академического курса. Число их учеников к началу 1687 г. превышало 40⁴¹.

Наконец, в октябре 1687 г. в Заиконоспасском монастыре открылась и сама академия, которая получила название Славяно-греко-латинской. В ее состав вошли ученики Богоявленской и Типографской школ. Их общее число составило 104 человека. На следующий год оно выросло до 163, а в 1689 г. — до 182 человек⁴². Несомненно, среди учеников Лихудов сразу же были и вновь принятые. Это видно из самой структуры академии, в которой имелся низший начальный класс, где изучались вначале «славянское книжное писание», а затем и «греческое книжное писание», в чем, конечно, не было необходимости для учеников Типографской и Богоявленской Школ. За низшим классом шел средний, где преподавались грамматика и латинский язык, и высший класс, где изучались такие науки, как риторика, диалектика, логика, физика. По этим дисциплинам Лихудами были составлены учебники. Опираясь на Аристотеля, Демокрита и другие подобные им авторитеты, Лихуды иногда полемизируют с ними. Использовали они в своих учебниках и труд Кампанеллы «О начале вещей». В учебниках содержится много примеров из литературных произведений, в том числе и написанных самими Лихудами. В некоторых из учебников, например в «Латинской грамматике», можно найти методические указания, предназначенные будущим преподавателям, которыми могли стать ученики академии⁴³.

Социальный состав учеников академии был самый разнообразный. Среди них были представители всех сословий: от сына конюха (Петр Степанов), кабального человека (Михаил Михайлов), торгового человека (Григорий Боков) до сына дьяка Посольского приказа (Петр Понников), родственников патриарха (Савеловы), князей (Одоевские и

⁴¹ См.: Поликарпов Ф. Указ. соч., с. 298.

⁴² См.: Рогов А. И. Новые данные о составе учеников Славяно-греко-латинской академии. — «История СССР», 1959, № 3, с. 140.

⁴³ Обзор учебников см.: Смирнов С. История Славяно-греко-латинской академии. М., 1855, с. 44—63.

Голицыны)⁴⁴. Всесословность академии, провозглашенная «Привилегией», была реализована. В этом отношении академия выделялась среди других школ, связанных с сословным принципом обучения.

Весьма пестрым был и национальный состав учеников. Помимо русских, которые, естественно, составляли большинство, были украинцы и белоруссы, выходцы из Речи Посполитой (в документах они названы поляками и литовцами), татары (конечно, крещеные), молдаване, грузины, греки⁴⁵. Видимо, число учеников-грузин в академии особенно возрастало: Лихуды даже собирались перевести на грузинский язык один из учебников своей грамматики. Такой наплыв грузин-учеников академии в конце XVII в. вполне понятен. В это время, как и в начале XVIII в., многие выдающиеся государственные и культурные деятели Грузии проживали в Москве⁴⁶.

В августе 1694 г. Лихуды вынуждены были покинуть Москву и академию. Перед этим они были втянуты в два судебных дела финансового и имущественного характера и оказались причастными к скандалу, который учинил сын Иоаникия Лихуды — Николай. Это, по сути дела, были только поводы. В действительности же подлинной причиной ухода Лихудов из академии было крайнее недовольство грекофилов тем направлением, которое приняло обучение в академии. Они обратились с жалобой на Лихудов и за поддержкой к восточным иерархам. Один из них, иерусалимский патриарх Досифей, с возмущением писал царю, что Лихуды «забавляются около физики и философии, вместо того, чтобы учить... иные учения». И конечно, Досифей вместе со своими московскими единомышленниками был возмущен «латинским языком и учением» Лихудов⁴⁷.

Лихудов сменили в академии их ученики Николай Семенов и Федор Поликарпов. Они оставались в ней вплоть до конца XVII в., но сама академия продолжала функционировать весь XVIII век, выпустив из своих стен много замечательных деятелей русской культуры и науки (достаточно вспомнить имена М. В. Ломоносова и В. И. Баженова).

Таким образом, просвещение в России в XVII в. выросло как ширирь, так и вглубь. Правда, это было все еще по преимуществу просвещение старого средневекового типа, просвещение духовное. Но число школ непрерывно увеличивалось, значительно возросло число учебников. Довольно широкое печатание букварей в XVII в. не могло не способствовать распространению грамотности в более широких слоях населения. Одно за другим возникали учебные заведения среднего типа, где изучались иностранные языки, создавались специальные педагогические трактаты и, наконец, было создано первое русское высшее учебное заведение.

⁴⁴ См.: Рогова. И. Указ. соч., с. 143.

⁴⁵ Там же, с. 142.

⁴⁶ См.: Смирнов С. Указ. соч., с. 47; см. также: Татишвили В. И. Грузины в Москве. Тбилиси, 1950.

⁴⁷ См.: Туманский Ф. С. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого, т. X. Спб., 1788, с. 111.

Развитие книгопечатания в XVII в. характеризуется несомненными успехами, появлением в нем целого ряда принципиально новых черт и особенностей. Правда, они не столько ярки и очевидны, как в иных явлениях культуры, и не в такой степени поражают эффектными достижениями и новизной. Тому способствовали сложность и громоздкость печатного дела, его непосредственная подконтрольность государственным и, что особенно важно, церковным властям, подвергавшим строжайшей цензуре весь процесс от момента выбора самой книги для издания до ее выхода в свет. В условиях самодержавной, а к концу XVII в. и абсолютистской власти в России, в условиях «бунташных мыслей» и движений, направленных против православной церкви, такой контроль не мог не приобрести суровые сдерживающие развитие книгопечатания формы.

И все же сдвиги несомненны. Прежде всего следует отметить, что книжная продукция заметно возрастает количественно. Если в XVI в., пусть только с его середины, когда и началось книгопечатание в России, было выпущено всего 14 книг, то за XVII в. их вышло 483¹. Ничего неизвестно о тиражах Московского печатного двора в XVI в., но в XVII в. они столь значительны, что в конце века достигают около тыс. экз.², в среднем составляя около 1000—1200 экз. каждого наименования³. Печатный двор выпускает теперь не только книги, но и отдельные листы (краткие азбуки, различные бланки грамот, в том числе жалованных, вотчинных, ставленных священнических грамот).

Типографии в XVII в. существуют не только в Москве, но и в других местах (в последних — весьма кратковременно). Имеются в виду типография Никиты Фофанова в Нижнем Новгороде, выпустившая всего одно издание в 1612 г., и типография в Иверском Валдайском монастыре, функционировавшая с 1658 по 1665 г. Есть основания говорить и о типографии в Казани в самом начале века. В самой же

¹ См.: Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XV вв. Сводный каталог. М., 1958.

² См.: Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII века — В кн. Книга, Исследования и материалы, кн. II. М., 1960, с. 133.

³ См.: Браиловский С. Н. Один из пестрых XVII столетия. Спб., 1902, с. 54.

Москве /в последней четверти XVII в. действуют одновременно две типографии: Московский печатный двор и Верхняя типография.

Печатание книг в течение всего XVII столетия практически остается непрерывным, чего не было в XVI в. Оно продолжается даже и в тяжелейшие годы «Смутного времени» и предшествовавшие ему трудные лета⁴. Андроник Тимофеевич Невежа печатает свои книги в 1600—1602 гг. («Миняя общая» — 1600 г.; «Часовник» — 1601 г.; «Служебник» — 1602 г.; Псалтырь — 1602 г.). Его сын Иван Андроникович с 1604 по 1610 г. выпустил 6 книг. В те же годы печатает две книги («Четвероевангелие» — 1606 г. и «Устав церковный» — 1610 г.) Они-сим Радишевский.

Сдвиги в издательской деятельности характеризуются не только количественной, но и качественной их стороной. С середины XVII в. появляются издания с обозначением авторства современных русских писателей, а не только освященных традицией имен святых отцов. Таковы «Поучение о моровой язве» патриарха Никона (1656 г.), поучения патриарха Иоакима, например «Поучение во время нахождения супостатов» (1678 г.) и «Слово на Никиту пустосвята» в двух редакциях (1682 г.), не говоря уже о сочинениях Симеона Полоцкого.

Наиболее скромными были достижения в разнообразии тематики печатавшихся книг. Подавляющее большинство по-прежнему составляли церковные (всего 476, т.е. 98,55%), из них прежде всего богослужебные книги — 410, т.е. 84,89%. Книг светского содержания всего 7, т.е. 1,45%. Таковы подсчеты, сделанные Н. П. Киселевым⁵. Формально они абсолютно точны, но фактически требуют корректив. Дело в том, что Н. П. Киселев занес все псалтыри, в том числе и учебные псалтыри, в число богослужебных по назначению книг. В действительности же, как хорошо известно, псалтыри очень широко использовались в качестве учебных книг. В XVII в. их было выпущено 42 издания⁶. Еще более формальный подход к проблеме выглядит у Н. П. Киселева, когда он и азбуки зачисляет в число церковных книг, по-видимому, только лишь за то, что тексты для чтения в них заимствовались из богослужебных книг, чаще всего из той же псалтыри. А между тем в XVII в. вышло девять изданий букварей, в том числе и иллюстрированных (Букварь Кариона Истомина 1696 г.).

Печатная книга в XVII в. вообще все больше становится средством просвещения. Выпускаются не только буквари, но и книги для более высоких ступеней образования: «Грамматика» Мелетия Смотрицкого (1648 г.) и «Считание удобное», т.е. таблица умножения (1682 г.).

В XVII в. были напечатаны, хотя и сравнительно немного, другие книги светского содержания. Это переводная книга по военному делу «Учение и хитрость ратного строения» Вальтхаузена (1647 г.), «Соборное Уложение» (1649 г.), дважды «Тестамент (завещание. — А. Р.) Василия царя греческого к сыну своему Льву Философу» (1663 г. и 1680 г.). Вышел и первый поэтический сборник «Псалтырь рифмовторная» Симеона Полоцкого (1680 г.).

⁴ Как с достоинством писал в 1727 г. директор типографии Федор Поликарпов, «и в те лютые времена книжное тиснение не пресекалося» (Покровский А. Печатный Московский Двор в первой половине XVII века. — Древности. Труды имп. Московского Археологического общества, т. XXIII, вып. 2. М., 1914, Приложение I, с. 72).

⁵ Киселев Н. П. Указ. соч., с. 134.

⁶ Здесь мы не принимаем в расчет псалтырей следованных, по громоздкости своих дополнений редко употреблявшихся в качестве учебных книг.

Все сказанное, конечно, не позволяет согласиться с тем печальным выводом, к которому пришел в итоге изучения московской книжной продукции XVII в. ее исследователь Н. П. Киселев. «Ни в малой степени московское книгопечатание не отражало ни бурных политических событий, которыми так насыщены XVI и XVII вв., ни общественной жизни, ни развития культуры и литературы», — писал он⁷. Конечно, в России XVII в. не существовала печатная публицистика в собственном смысле этого слова, столь распространенная как на Западе, так и в соседней Польше. Не было и печатной прессы, несмотря на то, что и за публицистикой и за прессой других стран в России внимательно следили⁸. И все же это не дает основания говорить о полном отрыве русской печатной книги от общественной и политической жизни. Даже в некоторых, казалось бы, чисто богослужебных книгах звучит эта связь с жизнью страны, разумеется, в своеобразной форме. Таковы «Последование молебного пения, внегда царю ити на отмщение супостатов» (1655—1660 гг.) или «Ектенья о победе на агряны» (1687 г.). Еще более с событиями общественной жизни связана обширная антираскольничья литература. Назовем из числа таких книг «Скрижаль» (1655 г.), «Жезл правления» Симеона Полоцкого (1667 г.), «Увет духовный» (1682 г.), и несколько поучений патриарха Иоакима.

Наконец, одна книга, вышедшая в начале века, является прямо публицистическим изданием, посвященным освобождению России от польско-литовской оккупации. Эта книга, не имеющая названия, была выпущена печатником Никитой Фофановым в Нижнем Новгороде в самом начале 1613 г. Его типография была создана в этом городе⁹ (после пожара в московской в 1611 г.) в целях безопасности «от насилия и страха тех сопостат», как об этом говорилось в сочинении XVII в. «Сказание известно о воображении книг печатного дела»¹⁰. Нижегородское издание было очень небольшим по объему — всего 6 листов. В нем, хотя и в форме нравственно-религиозного назидания, рассказывалось о вражеском нашествии «проклятой латыни». Успехи врагов, по мнению автора, были возможны только потому, что пали моральные устои народа, из-за его греховности, проявляющейся между прочим и в том, что люди живут «чужая восхищающе». Теперь, однако, с воцарением Михаила Федоровича, восторжествовало добро. Это видно и из того, что царь «повеле в Нижнем Новгороде строити трудолюбное преславное сие дело, новую штанбу» (т. е. типографию. — *А. Р.*). Книжечка, изданная Фофановым, вероятно, не была задумана как самостоятельное издание, а служила послесловием к какой-то большой книге.

В годы «Смутного времени» в Поволжье, не подвергавшемся разорениям, действовала еще одна типография — казанская. Пока не удалось обнаружить ее изданий, но что по крайней мере одно было выпущено, не может быть сомнений. Исследователи истории русского книгопечатания до сих пор не обращали внимания на упоминание в описи сольвычегодского Благовещенского собора 1579 г., впоследствии неоднократно дополнявшейся, вклада Никиты Ларионовича Петрова

⁷ Киселев Н. П. Указ. соч., с. 128.

⁸ Об этом убедительно свидетельствуют «вести-куранты», составлявшиеся Посольским приказом.

⁹ Подробнее о ней и ее издании см.: Зерлова А. С. Памятник нижегородской печати 1613 года. — Публичная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Сборник 1. М., 1928, с. 57—98.

¹⁰ Напечатано (с переводом на современный русский язык) в кн.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 198—208.

«Тетради печатные: в коже, полдесть: Празднество Пречистые. Богородицы явления иконы в Казани, стихиры и канон, печатано в Казани»¹¹. Подозревать ошибку или путаницу, допущенную лицом, сделавшим эту запись, нет оснований. Московский печатный двор такого издания не выпускал. Во всяком случае оно неизвестно и о нем нет упоминаний в документах Печатного двора. Но в то же время существует документ, опубликованный В. Е. Румянцевым и привлечший в свое время к себе внимание А. С. Зерновой. Имеется в виду расходная книга Печатного приказа 1620 г., в которой читается такая запись: «Того же дня (7 марта) целовальнику Федору Микифорову 5 рублей дано за то, что он свои денги наперед того дал печатного книжного дела наборщику Олексею Невежину для казанские посылки по штанбу со всякими снасти»¹². Таким образом, по крайней мере в 1620 г. в Казани еще оставалось оборудование типографии. Как и нижегородскую типографию, ее решено было слить с Московским печатным двором; она, видимо, имела такие же скромные мощности, как и нижегородская. «Служба Казанской иконе», изданная ею, представляла собой, как значится в описи Сольвычегодского собора, не книгу, а всего лишь тетради, как и единственный дошедший до нас памятник нижегородской печати.

Содержание выпущенного Казанской типографией издания также связано, как и нижегородское, с освободительной борьбой русского народа против интервентов. Дело в том, что именно Казанская икона была как бы тем знаменем, с которым войска Минина и Пожарского шли на освобождение Москвы. Не случайно Пожарский впоследствии построил в память о победе собор в честь Казанской иконы на Красной площади в Москве¹³.

О других полиграфических особенностях казанского издания мы ничего не знаем. Неизвестно, имели ли они какие-либо отличия от московских. Зато по поводу нижегородской типографии в этом плане можно сделать определенное заключение, что она была теснейшим образом связана с московской. До Нижнего Новгорода Фофанов трудился в Москве, где в 1609 г. выпустил «Минею общую». В свою очередь, не позже мая 1614 г. все части нижегородской типографии были перевезены в Москву¹⁴. Это видно из того, что шрифт выпущенной в 1615 г. в Москве Псалтыри полностью совпадает с нижегородским, а заставки нижегородского издания можно видеть в московском «Октоихе» 1618 г.

После переезда Фофанова в Москву типография возобновила свою деятельность, но не в старом здании, пострадавшем от пожара 1611 г., а в Кремле, в деревянных хоробах при Дворцовой набережной палате. В 1620 г. типографское оборудование было размещено на старом месте Печатного двора в Большой Каменной палате, а правильная (корректорская) оставалась в Кремле (на Троицком подворье). После московских пожаров 1626 и 1634 гг. здания Печатного двора были перестроены и расширены, в его пределах были устроены три книгопе-

¹¹ Савваитов П. Строгановские вклады в сольвычегодский Благовещенский собор по надписям на них с приложением Соборной описи 1579 года. — ПДПИ, вып. 61. Спб., 1886, с. 52.

¹² Румянцев В. Е. Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России. М., 1876, с. 56; Зернова А. С. Указ. соч., с. 61.

¹³ См.: Кондратьев И. К. Седая старина Москвы. М., (1893, с. 236.

¹⁴ Попытки возродить деятельность типографии в Москве относятся еще к 1612 г., т. е. ко времени сразу после освобождения Москвы. По приказу «бояр и воевод» тогда уже была составлена смета «на две штампы печатныя» (Покровский А. Печатный Московский Двор..., с. 19).

чатни. Две из них разместились в нижнем этаже передних палат. Второй этаж был занят правильной и Печатным приказом. В 1679 г. правильная была вынесена в отдельное здание — единственную дошедшую до нас постройку из всего комплекса Печатного двора. Тогда же были значительно расширены передние палаты. В них с этого времени было четыре книгопечатни¹⁵.

Таким образом, помещения Московского печатного двора становились все более обширными, что создавало условия для увеличения его продукции. Непрерывно возрастало число печатных станков, а сами они усовершенствовались. Особенно значительные закупки для этого были сделаны за границей в 40-е гг. XVII в. Приобреталась у иноземцев и «книгопереплетная снасть» (1656 г.), а также «угорские» (венгерские) ножи, «резцы стальные немецкие»¹⁶. Была сделана даже попытка построить бумажную мельницу в Бронницком уезде, которая обеспечивала бы нужду Печатного двора в бумаге. Впрочем, мельница эта просуществовала всего с 1655 по 1659 г. и была закрыта из-за неудачно выбранного для нее местоположения. Бумагу иностранного производства по-прежнему продолжали покупать у голландцев и англичан, а также у русских торговых людей¹⁷.

Не только устройство помещений и их оборудование были обширными и все более усовершенствованными, но и сам внешний, выходящий на улицу фасад Двора был торжественным и нарядным, что подчеркивало значимость этого учреждения. Между передними палатами в 1642—1645 гг. были возведены каменные резные ворота с расписными колоннами. В их орнаменте можно было видеть льва и единорога, ставших эмблемой Печатного двора и нередко оттиснутых на переплетах выпускаемых им книг¹⁸. Ворота были увенчаны большой башней и окружающими ее четырьмя малыми. Башни имели шатровые завершения, напоминавшие шатры кремлевских башен, соответствующая достройка которых началась со Спасской башни и продолжалась как раз в эти годы. Знаменательно, что над входными воротами Двора, как и над Спасскими воротами Кремля, был помещен «Спасов образ»¹⁹. Едва ли случайным было такое совпадение в оформлении башен Кремля и Печатного двора. Оно могло напоминать об официальном государственном значении последнего.

Действительно, управление Печатным двором осуществлялось двумя официальными инстанциями: Приказом Большого Дворца и Патриаршим двором. Если выбор той или иной книги, характер ее направления зависел от церковных властей, то назначение на должности справщиков, писцов и чтецов могло произойти только с ведома приказа Большого Дворца. Государство осуществляло свое руководство Печатным двором вначале через думного дьяка Печатного двора и его помощника, другого дьяка, а с 1626 г. через Приказ печатных дел²⁰, раз-

¹⁵ О зданиях Печатного двора и их перестройке см. подробнее: Румянцев В. Е. Древние здания Московского печатного двора. — В сб.: Древности. Труды имп. Московского Археологического общества, т. II. М., 1870, с. 1—38.

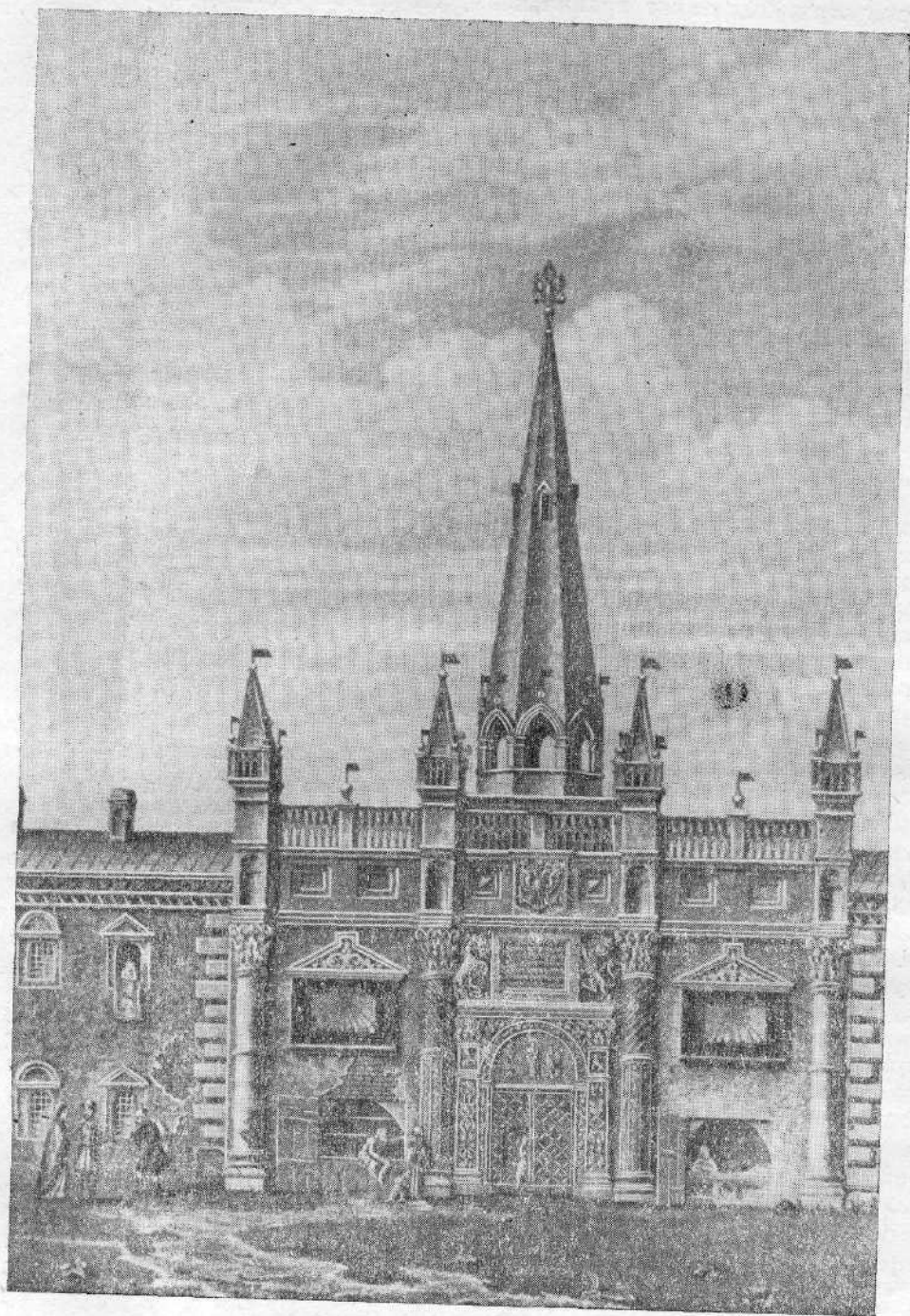
¹⁶ Николаевский П. Ф. Московский Печатный двор при патриархе Никоне. — «Христианское чтение», ч. 2, 1890, сентябрь—октябрь, с. 462; там же, 1890, ч. 1, январь-февраль, с. 129; Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951; Покровский А. Печатный Московский Двор..., с. 47.

¹⁷ См.: Николаевский П. Ф. Указ. соч., — «Христианское чтение», ч. 1, 1890, с. 130—134; Покровский А. Печатный Московский Двор..., с. 53.

¹⁸ См.: Румянцев В. Е. Указ. соч., с. 9—10.

¹⁹ Покровский А. Московский Печатный Двор..., с. 43.

²⁰ См.: Николаевский П. Ф. Указ. соч. — «Христианское чтение», ч. 1, 1890, с. 120—121; Покровский А. Печатный Московский Двор..., с. 31.

ВОРОТА МОСКОВСКОГО ПЕЧАТНОГО ДВОРА,
конец XVII — первая половина XVIII в

мешавшийся непосредственно на самом Печатном дворе, в одной из его передних палат. В состав Печатного приказа входили помимо дьяков несколько подьячих и целовальников.

В разные периоды по-разному имели удельный вес в управлении Печатным двором государственная и церковная власть. В конце 30-х и особенно в 40-е гг., когда Приказ печатных дел возглавлял Алексей Михайлович Львов, роль светского руководства Двором возрастает, а надзор патриарха значительно ослабляется. Такие изменения не могли не отразиться на характере продукции, выпускавшейся Печатным двором. Именно в 40-е гг. выходят «Учение ратного строя» и «Соборное Уложение», т. е. сугубо светские издания. Вырастает роль приказных деятелей на Печатном дворе. Не справщики и печатники начинают проставлять свои имена в послесловиях, а приказные люди, как это делал, например, Василий Федорович Бурцев. Гораздо смелее в эти годы начинают использовать киевские и белорусские издания, не опасаясь возможных в их текстах «плевел латинской ереси». По ним не только выверяются тексты готовящихся московских изданий, но их целиком переиздают в Москве. Правда, выходят они не отдельно, а в составе сборников, наряду с переводными греческими, а иногда и оригинальными русскими сочинениями. Таковы сборники «О чести св. икон и поклонении» (1642), «Кириллова книга» (1644 г.), «Собрание науки об артикулах веры» (1649 г.). В этих сборниках можно найти сочинения Петра Могилы, Стефана Зизания, Клирика Острожского, Захария Копыстенского.

В те же 40-е гг. разворачивается интенсивная работа по исправлению и уточнению текста печатаемых книг. Она не касалась богослужебных текстов или каких-либо вероучительных моментов. Задачей справщиков было следить за чистотой языка, правильной конструкцией речи, точным соблюдением грамматических форм. А это соответственно требовало знакомства с риторикой и в первую очередь с грамматикой. Справщиками были как духовные, так и светские лица; протопоп Михаил Рогов, ключарь Успенского собора Иван Наседка, архимандрит Андронникова монастыря Сильвестр и светские лица Шестой Мартемьянов, Захарий Афанасьев, Захарий Новиков, Сила Григорьев, Григорий Анисимов, Агафон Тимофеев. Среди справщиков были не только москвичи. Так, для работы в качестве справщика из Вологды был вызван названный выше Захарий Афанасьев. Справщики объединялись в своего рода коллегию, в состав которой входило 3—4 справщика, несколько чтецов и писцов²¹.

К середине 40-х гг. эти справщики-миряне почувствовали себя настолько самостоятельно, что позволили себе при подготовке в 1646 г. издания «Житие и чудеса Сергия Радонежского» выбросить целый ряд чудес святого, усомнившись в их истинности. Особенно они возражали против включения в книгу чуда о новоявленном колодце его «вменяху. в случай, а не чюдеса»²². Это вызвало протест келаря Троице-Сергиева монастыря Симона Азарьина, собравшего сведения о «новоявленных чудесах Сергия», и печатников заставили вклеить в отпечатанные экземпляры книги рассказ о чудесном появлении колодца²³. Несмотря на то, что сопротивление печатников было преодолено, этот эпизод свидетель-

²¹ См.: Николаевский П. Ф. Указ. соч.— «Христианское чтение», ч. 1, 1890, с. 151—152; Покровский А. Печатный Московский Двор ..., с. 32.

²² Книга о чудесах пр. Сергия. Творение Симона Азарьина.— ПДПИ, вып. XX, Спб., 1888, с. 6—7.

²³ См.: Киселева Н. П. Указ. соч., с. 143.

ствует о том, что в 40-е гг. XVII в. они могли довольно свободно редактировать книгу по своему усмотрению, не считаясь с мнением церковных властей.

С начала 50-х гг. картина, однако, резко меняется. Как только возникает вопрос о необходимости исправления книг по содержанию, а не только по стилю и языку, духовенство берет эти исправления под свой непосредственный контроль²⁴. Не мог не встревожить духовенство и слушай, связанный со скептическим отношением справщиков к чудесам. Уже с 1651 г. вопрос о выборе книг для печатания и о ее возможных исправлениях все чаще начинает рассматриваться Священным собором.

С 1653 г. Печатный двор вообще переходит из ведомства приказа Большого Дворца в полное и безраздельное распоряжение патриарха. Властный патриарх Никон, вступивший на престол в 1652 г. и пользовавшийся в то время огромным влиянием на царя Алексея Михайловича, сумел добиться этого без особого труда. Полностью распоряжаться деятельностью Печатного двора для Никона было особенно необходимо в связи с начатыми им церковными реформами. Главным средством внедрения их и должны были стать печатные богослужебные книги.

Исправление книг вскоре вызвало большую распрю среди справщиков Печатного двора. Греческие образцы как основа для таких исправлений вызвали у них большие сомнения. С особой решительностью Неприняли принципа реформ Никона Иван Наседка и Сила Григорьев. Вскоре ушли и почти все остальные справщики, и с марта 1654 г. дело исправления книг возглавил вызванный с Соловков Арсений Грек²⁵. Остальные справщики постоянно менялись, и число их, несмотря на огромный объем работы, не превышало 3—4 человек. Это объяснялось отсутствием знающих людей. В свою очередь, следствием такого положения стала недостаточно тщательная подготовка текста изданий, несмотря на то, что библиотека Печатного двора весьма значительно выросла за это время. Множество как печатных, так и рукописных книг стали свозить из различных монастырей и храмов России. Для их учета около 1653 г. по приказу патриарха Никона была составлена опись книг и рукописей, хранившихся в 39 степенных монастырях²⁶. Особенно много пергаментных («харатейных старобытных») книг из Новгорода и Пскова было доставлено на Печатный двор в 1679 г.²⁷

Если в первой половине XVII в. Печатный двор покупал только русские книги²⁸, то во второй половине века приобретает немало иностранных книг. Особое внимание уделялось греческим книгам и рукописям. Именно с целью покупки их ездил дважды на восток в середине XVII в. монах Арсений Суханов. Приобретал книги Печатный двор

²⁴ Первая попытка исправления текста богослужебных книг на Печатном Дворе относится еще к 1616 г. Комиссия в составе архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия (Зобниновского), прославившегося как организатор обороны монастыря в 1609 г., а также монаха Арсения Глухого и священника Ивана Наседки исправила текст Требника, за что ее члены подверглись осуждению Собором 1618 г. После возвращения из плена патриарха Филарета была доказана их правота. Арсений Глухой и Иван Наседка вернулись на Печатный двор. Подробнее об этом см.: Скворцов Д. Преподобный Дионисий Зобниновский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря (ныне лавры). Тверь, 1890.

²⁵ О его деятельности см.: Колосов Г. В. Арсений Грек.—ЖМНП, 1881, сентябрь, с. 77—93.

²⁶ Опубликована В. М. Ундольским. (ЧОИДР, 1848, кн. VI, отд. IV, с. 1—44).

²⁷ См.: Покровский А. А. Древнее Псковско-Новгородское письменное наследие. Обзорение пергаментных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ.—Труды пятнадцатого археологического съезда в Новгороде. 1911 г., т. II. М., 1916, с. 229—236.

²⁸ См.: Покровский А. Печатный Московский Двор., с. 33.

у самых различных лиц и в 70—80-е гг. Нельзя не заметить при этом, что покупка книг производилась не только для исправления богослужебных текстов. Так, в 1679 г. Печатный двор купил чешскую библию. Особенно охотно приобретались польские книги, как религиозного, так и различного нравственно-назидательного характера²⁹.

Конечно, настойчиво проводимая богослужебная реформа вызвала еще большее внимание Печатного двора к изданию богослужебных книг. Именно на их подготовку тратятся наибольшие силы и производятся самые значительные затраты. Но было бы неправильным думать, что инициатор этих реформ патриарх Никон ограничивал свои интересы в области книгопечатания только этими книгами. В созданной им в 1655 г. в Иверском монастыре на Валдае типографии выходят такие книги, как сборник «Рай мысленный» (1659 г.), включающий сочинение самого Никона об основании Иверского монастыря и сказание «О явлении мощей Иакова Боровицкого» (произведение агиографического жанра), автором которого, видимо, был Епифаний Славинецкий³⁰. Остальную часть этого сборника составляло сочинение греческого монаха Стефана Святогорца «О святой Афонской горе, о Иверском монастыре и о Портаитской иконе». Копия с этой иконы и была принесена в Иверский монастырь на Валдае. Неслучайно книга была украшена гербом патриарха Никона.

В 1661 г. в том же монастыре была напечатана книга «Брашно духовное», своеобразный вариант псалтыри. В 1665 г. типография выпустила однолистку — царскую жалованную грамоту монастырю. Детище патриарха Никона, созданное в соответствии с его интересами и вкусами, Иверская типография просуществовала ограниченное время и дала совсем небольшую книжную продукцию. Но ее деятельность в русском книгопечатании XVII в. сыграла свою заметную роль. Дело в том, что Иверская типография была переведена из белорусского Кутейнского монастыря (под Оршей), в котором еще в первой половине века печатал свои книги украинский печатник Спиридон Соболев. Патриарх Никон перевел монахов Кутейнского монастыря и их типографию на Валдай, где типография и продолжала действовать вплоть до 1665 г.³¹ Иверская типография самым непосредственным образом соединяла в своей деятельности как традиции белорусского и украинского книгопечатания, так и принципы московского книгопечатания. Вот почему деятельность типографии на Валдае можно рассматривать как одно из важных проявлений русско-украинско-белорусских связей в области книгопечатания, а отнюдь не только как личную затею патриарха Никона, «никакой реальной потребности» в которой якобы не было³².

Другим примером такого сотрудничества может послужить книгопечатная деятельность в Москве выходца из Белоруссии, человека, связавшего всю свою деятельность с судьбами русской передовой культуры XVII в., — Симеона Полоцкого. Он также, как и Никон, создал самостоятельную по отношению к Печатному двору типографию, носившую название Верхней. Так она была названа потому, что размещалась «на верху» в царском дворце. Царь Федор Алексеевич, ученик Симеона

²⁹ См.: Покровский А. А. Древнее Псковско-Новгородское письменное наследие..., с. 228.

³⁰ См.: Прозоровский А. Сильвестр Медведев. Его жизнь и деятельность. М., 1896, с. 408.

³¹ Огієнко І. Історія українського друкарства, т. I. Львів, 1925, с. 305, 375; Архимандрит Леонид. Типография Оршинского Кутейнского и Иверского Валдайского монастыря с 1630 по 1665 г.— В кн.: Вестник Общества древнерусского искусства при Московском Публичном Музее, отд. IV. М., 1874, с. 92—95.

³² См.: Киселев Н. П. Указ. соч., с. 131.

Полоцкого, любивший и ценивший его, создал новую типографию для печатания прежде всего его сочинений. Типография эта, по сути дела, была никому не подвластна. Правда, Симеон Полоцкий на ее изданиях аккуратно обозначал имя царя и патриарха, как это делали и на Печатном дворе, но это был не более чем дипломатический прием. Патриарх Иоаким прекрасно понимал эту уловку и впоследствии, уже после смерти Симеона и его могущественного покровителя, говорил: «Толико той Симеон освоеловися, дерзне за неким попущением, яко и печатным тиснением некия свои книги издати, оболгав мерность нашу, предписа в них, якобы за нашим благословением тья книги напечатаны. Мы же прежде типикарского издания тех книг ниже прочитахом, ниже яко либо видехом, но, яже еже печатати, отнюдь не только благословение, но и ниже изволение наше бысть»³³.

Точно неизвестно, когда Верхняя типография начала свою работу и когда ее прекратила. Известные нам документы (о выплате жалования ее служащим) показывают только, что в начале февраля 1679 г. она уже существовала, а 17 февраля 1683 г. упоминается в них последний раз. Оборудование для нее было отпущено с Печатного двора, отсюда же в основном были набраны и служащие. На Печатном дворе отливались для нее новые шрифты. Типография была невелика: в ней работало всего два стана³⁴. За четыре года своей работы она выпустила всего 6 книг (некоторые исследователи полагают, что 8). Четыре из них были сочинениями самого Симеона Полоцкого. Это «Букварь языка словенского» (1679 г.); «Псалтырь рифмотворная», т. е. стихотворное переложение псалтыри (1680 г.); «Обед душевный» — сборник проповедей на воскресные дни (1681 г.); «Вечеря душевная» — сборник проповедей на праздники (1683 г.). Две другие книги были переводными, к их созданию также был причастен Симеон Полоцкий. К «Тестamentу Василия царя греческого к сыну его Льву Философу» (1680 г.) предисловие, судя по всему, написано Полоцким, а «История о Варлааме и Иосафе» (1680 г.) была, скорее всего, переведена им с белорусского кутейнского издания 1637 г.³⁵. Изучавший деятельность Верхней типографии А. Покровский на основании того, что среди документов Печатного двора нет упоминания о нижеследующих изданиях, приписал их Верхней типографии: «Считание удобное» (1682 г.) и «Приветство брачное на бракосочетание царя Федора Алексеевича с Марфой Апраксиной» (1682 г.), написанное учеником Симеона Полоцкого Сильвестром Медведевым. А. Покровский сообщает также о жалованных грамотах, напечатанных в Верхней типографии, одну из которых он видел в частном собрании в Ярославле. Что это была за грамота и на каком основании ее можно связать с деятельностью Верхней типографии, остается неясным. Но если типография действительно занималась их производством, то ее деятельность нельзя оценивать как чисто меценатское предприятие, а следует рассматривать как еще одну государственную типографию. Если даже и подвергнуть сомнению достоверность и правильность этого сообщения А. Покровского, как и его догадку о двух книгах, большое культурное значение изданий Верхней типографии остается очевидным.

³³ Слова патриарха Иоакима приводит инок Чудова монастыря Евфимий в своем полемическом сочинении «Остен», написанном около 1690 г. (см.: Остен. Казань, 1865, с. 138).

³⁴ См.: Покровский А. А. Древнее Псковско-Новгородское письменное наследие..., 304—305.

³⁵ См.: Киселев Н. П. Указ. соч., с. 168.

Типография выпускала произведения Полоцкого, творчество которого сыграло очень заметную роль в развитии русской силлабической поэзии. За узкоцерковные рамки выходили и две другие книги, изданные ею: «Тестамент» и «История». Следует сказать и об исключительно высокой художественной стороне ее изданий. Гравюры, украшавшие «Псалтырь рифмовторную», «Историю», «Обед душевный» и «Вечерю душевную», были сделаны А. Трухменским по рисункам Симона Ушакова. Особенно интересны в художественном отношении первые две книги. Вдохновенный псалмопевец Давид представлен художником на фоне сложной архитектурной перспективы, видимо, заимствованной в своей основе с картины Веронезе «Пир у Симона Фарисея» (через гравюру Сандредама)³⁶. В «Истории» замечательна рамка титульного листа, гравированная на меди аллегорическими изображениями «Мира» и «Брани» в духе классической символики эпохи Возрождения (особенно схожими с гравюрой «Иероглифики» Пиерио, изданной в Лионе в 1581 г.) В «Истории» есть также гравюра с изображением беседы старца Варлаама с царевичем Иосафом. Ушаков учел гравюру в аналогичном кутейнском издании, но наполнил ее светом. Сплошную стену он заменил двумя свободными арками, через которые виден богатый архитектурный пейзаж. Варлаам представлен в более традиционном иконном стиле, а Иосафу приданы черты царя Федора Алексеевича³⁷. Таким образом, рождалась ассоциация с наставлениями Симеона Полоцкого юному царю.

Высокий художественный уровень изданий Верхней типографии как бы венчал собой успехи русского полиграфического мастерства в XVII в. Но все же его нельзя назвать характерным для большинства изданий этого времени, которые были выпущены Московским печатным двором и имели гораздо более массовый характер. Они не обладали, как правило, таким богатством и совершенством иллюстраций, но и их оформление, шрифт, заставки, инициалы, лицевые гравюры были разнообразны и совершенствовались в течение века.

Говоря о характере шрифтов московских изданий XVII в., следует особо отметить, что их было несколько вариантов. В течение первой половины столетия особенным, успехом пользовался так называемый «Никитинский» шрифт, отлитый знаменитым Никитой Фофановым еще около 1609 г. Им напечатаны богослужебные книги, такие, как «Минея общая» (1609 г.), «Апостол». Шрифт этот в значительной мере подражает шрифту книг Ивана Федорова. Таким образом, набранные этим шрифтом книги живо напоминали прославленные издания великого первопечатника. Вполне понятно это стремление возродить последние, самые высокие достижения полиграфической культуры в период ее возрождения после разлуки.

Менее классический, не столь подтянутый, с более свободно расположенными, как бы разряженными буквами — так называемый «Осиповский» шрифт (по имени мастера Осипа Кириллова), впервые использованный при издании «Минеи общей» в 1618 г. Напротив, торжественным, приближающимся к литургическому уставу был изготовлен «Большой Евангельский шрифт». Он был отлит мастером Кондратом Ивановым. Средним между «Осиповским» и «Большим Евангельским» шрифтом был «Библейный», специально изготовленный для печатания

³⁶ См.: Сычев Н. Новое произведение Симона Ушакова в Государственном Русском музее. Материалы по русскому искусству, т. I. Л., 1929, с. 99.

³⁷ См.: Сидорова А. Древнерусская книжная гравюра, с. 266—270.

ЕВАНГЕЛИЕ А. М. РАДИШЕВСКОГО,
1606 г. Фронтиспис.

ской школы, как Покровский Чирин. Впрочем, сам Чирин всегда учитывал специфику книжной гравюры, например в его рисунках к гравюрам Евангелия 1627 г. Не случайно они продолжали интересовать гравёров и в более позднее время, уже в середине XVII в., когда строгановская школа прекратила свое существование. Именно к этим образцам восходят гравюры «Слов Ефрема Сирина» 1647 г. и Евангелия 1653 г.

Для ряда изданий первой половины XVII столетия заметно явное подражание гравюрам даже конца XVI в. Так, гравюра, изображавшая псалмопевца Давида, в издании Псалтыри 1615 г. Никиты Фофанова восходит к такому же изображению в Псалтыри, изданной в 1577 г. в Александровой слободе, а Апостол 1621 г., гравюры к которому делал мастер Кондрат Иванов, весьма сходен по своему оформлению с Апостолом 1597 г. Тем не менее оформление Апостола 1621 г. пришлось по вкусу читателям XVII в. и его многократно повторяли в последующих изданиях Апостола (1631, 1633, 1635, 1644 и 1648 гг.) Подобного рода устойчивость оформления характерна и для некоторых других книг XVII в. (например, Псалтырь 1625 г., гравюры которой воспроизводились вплоть до 1671 г.).

Среди изданий XVII в. выделяется немало книг, в которых гравюры сделаны под воздействием белорусских и особенно украинских образцов. Выше это уже отмечалось по отношению к изданиям Иверской

Библии в 1663 г. Известны еще шрифты «Воскресенский» и «Арсеньевский», но они были лишь вариантами названных выше видов³⁸.

Для гравюр, украшавших издания Печатного двора первой половины XVII в., характерна ориентировка на станковое изобразительное искусство этого времени³⁹. Книги, напечатанные в начале века, имеют дробные, мелочные и цветистые заставки (таковы издания Ивана Невежина). До кружев мельчайшего плетения, уподобляющих и заставки, фигурные гравюры ковровому изделю, доводит гравюры своих книг мастер Онисим Радишевский. Все эти особенности вполне характерны и для имевшей особый успех в это время строгановской школы живописи. Это совпадение, конечно, не случайно. Знаменщиками гравюр на Печатном дворе были также иконописцы. Среди них был и такой

прославленный мастер строганов-

³⁸ О шрифтах Печатного двора подробнее см. Покровский А. Печатный Московский Двор, с. 48—52; Николаевский П. Ф. Указ соч. - «Христианское чтение», 1890, ч. 2, с. 11.

³⁹ О художественном оформлении книг московской печати см.: Сидоров А. А. Указ. соч.; Зернова А. С. Орнаментика книг московской печати XVI—XVII ве-

Валдайской типографии. Такие же гравюры мы находим в книгах, изданных еще в 30-е гг. на Печатном дворе В. Ф. Бурцевым, впервые в России применившим наборный орнамент по образцу Кутейнской типографии Спиридона Соболя. Художник монах Зосима, украшавший Библию 1663 г., построил фронтиспис по принципу украинских изданий. Он обрамил средник листа мелкими сценами, изображавшими события Ветхого и Нового заветов (они сходны с гравюрами киевского Службника 1629 г. и Требника 1627 г.). Внизу листа поместил план города (Москвы), как это можно видеть на фронтисписах киевских изданий Анфологиона 1618 г. и Евангелия учительного 1637 г. Зосима, однако, подчеркнул, что Библия издана в Москве, не только поместив ее план, но и изобразив в центре листа на груди двуглавого орла царя Алексея Михайловича, повергающего змия наподобие Георгия Победоносца. Стихи, обращенные к царю и напечатанные на обороте второго титула, поясняя это изображение, гласили: «Побеждай копием сопротивного ти змия». Более непосредственным подражанием украинским образцам отличается вышедший после Библии через три года Октоих (1666 г.). На его фронтисписе изображен Иоанн Дамаскин, с именем которого связано составление Октоиха. Эта гравюра является почти прямым повторением гравюры львовского Октоиха 1630¹ г.

ЕВАНГЕЛИЕ 1627 г.
Гравюра К. Иванова с рисунка П. Чирина;
Фронтиспис.

Художественная сторона изданий последней четверти XVII в. носит на себе отпечаток начинающего господствовать стиля барокко. Черты барокко особенно отчетливо проявляются в гравюрах Евангелия 1677 г., рисунки для которого сделал знаменитый живописец Оружейной палаты Федор Зубов с другими мастерами, а также в Псалтыри 1678 г. Гравюры этих изданий наделены особенно мелкими формами и объемами, в них много движения.

Совершенно особыми с художественной точки зрения являются книги «Учение и хитрость ратного строя» (1647 г.) и Букварь Кариона Истомина (издан дважды: в 1696 г. и еще раз в конце XVII в. по исправленным доскам)⁴⁰. Они особенно обильно украшены гравюрами с изображением человеческих фигур. В «Учении» их 35, выполненных на меди; они были гравированы мастером Иоганном Теодором де Бри в Голландии и там же оттиснуты. Рисунок титульного листа был исполнен русским мастером Григорием Благушиным⁴¹. Гравюры для лицевого Букваря Истомина делал Леонтий Бунин. И те и другие гравюры непосредствен-

⁴⁰ Подробнее см.: Тарабрина И. М. Лицевой Букварь Кариона Истомина.— В сб.: Древности. Труды ИМП. Московского Археологического общества, т. XXV. М., 1916, с. 249—330.

⁴¹ См.: Ровинский Д. А. Словарь русских гравюров XVI—XIX вв., т. I. Спб., 1895, стб. 159, 183—184.

ЗАГЛАВНЫЙ ЛИСТ КНИГИ
«Учение и хитрость ратного строения», 1647 г.

но иллюстрируют текст. Особенной наглядностью иллюстраций в чисто учебных целях отличается Букварь Истомина. Изображения в нем, за единственным исключением⁴², не находят себе аналогий и образцов и, возможно, являются плодом оригинального творчества Леонтия Бунина.

Таким образом, русское книгопечатание в XVII в. сделало несомненные успехи как по количеству выпущенных книг, так и по их полиграфическому оформлению. Эти книги по своему содержанию все более отражают связь с запросами общественной жизни, тем самым подготавливая почву для значительных сдвигов и реформ, которыми было ознаменовано начало XVIII века.

⁴² Это исключение составляют иллюстрации к букве «Ю», заимствованные из Библии Пискагора 1674 г. (см.: Т а р а б р и н И. М. Указ. соч., с. 271).

Русской архитектуре XVII столетия, включая ее завершающий этап, названный «русским барокко», посвящена значительная литература¹. В ней рассматриваются как отдельные проблемы, так и прославленные памятники, определившие особую привлекательность и жизне-радостность русского зодчества целой эпохи. Последняя охватывает почти полное восьмидесятилетие XVII в., а порой даже и годы новой петровской России начала следующего столетия. Чаще всего русская архитектура XVII в. считается непосредственным продолжением того, чем жила архитектурная мысль предшествующего времени — времени Василия III, Ивана Грозного и Бориса Годунова, когда создавались замечательные по красоте и оригинальности сооружения. Однако с этим мнением нельзя полностью согласиться, поскольку прямых связей между архитектурными произведениями обоих столетий, по существу, установить почти невозможно. Эти связи, скорее, можно найти, сопоставляя внутреннюю сущность архитектуры того и другого столетий, одновременно привлекая определения общего характера, как той, так и другой эпохи. Иными словами, наблюдается переосмысление здания церкви, которое остается ведущим типом архитектурного сооружения на протяжении всего XVII столетия. Это переосмысление началось еще в середине XVI в. Так, летописец, сообщавший о поновлении Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря, писал, что Иван Грозный «...украшение церковное любяше и подаваше злато на украшение церквам божим, яко лепо быти украшение церкви божий и всего частнее и любезнее дом божий нарицашася»². Иными словами, древняя трактовка крестово-купольного храма как символического отражения мироздания была переосмыслена в «дом божий», который, естественно, должен был быть богаче, замысловатее, красивее, чем самое представительное жилище человека, будь то даже царский дворец. Именно поэтому русский храм XVII в. не только своим внешним обликом, но и внутренним нередко сопоставим с хоромами того времени, а богатство внутреннего убранства, композиции, форм и деталей

¹ Последним общим исследованием этого этапа древнерусского зодчества следует считать раздел, посвященный архитектуре XVII в. (каменной и деревянной) в «Истории русского искусства», т. IV. М., 1959, написанный М. Ильиным и П. Максимовым. В том же томе на с. 650—656 дана библиография истории русской архитектуры этого времени.

² ПСРЛ, т. 29, с. 250.

захватывает его, отражаясь в изощренности резьбы иконостаса, живописи икон и разноцветии многофигурных фресок, покрывающих стены. Заказчики и исполнители архитектурных произведений сами наиболее полно и точно определили сущность нового искусства XVII в. — «дивное зорочье». Таков термин, раскрывающий сущность творчества мастеров этого времени и их пристрастие к все усложняющемуся обилию декоративных мотивов, вплоть до заимствования восточных, а позднее и западных форм.

В русской архитектуре XVII в. относительно легко увидеть основные тенденции ее развития. В ней рождаются, усиливаются и начинают преобладать светские мотивы, светские художественные приемы и формы. Церковь делает отчаянные усилия задержать и изжить этот процесс, но тщетно: светское начало, метко названное современниками «обмирщением», берет верх. Недаром Николай Дилецкий в одном из своих сочинений («Грамматике мусикийской») писал: «...не последнее художество ко слаганию, егда песнь мирскую или ини, превращаю на гимны церковные»³. В конце века сама идея сущности храма подверглась еще большому изменению. Если в начале столетия это был «дом божий», то теперь невиданные по красоте и отделке храмы сооружались не столько во славу божества, сколько во славу заказчика. Об этом писал С. Медведев в стихах к гравированному портрету царевны Софьи: «...зданные храмы щедрую руку прославляют», т. е. красивая, нарядная церковь создавалась для удовлетворения честолюбивых чувств заказчика-владельца.

Приведенные суждения отражали не только идейно-художественные представления дворянства во главе с царем и патриархом, но и во многом исходили из торговой и ремесленной городской среды, так как заказчиками храмов, сыгравших значительную роль в развитии архитектуры XVII в., выступали зачастую купцы и посадские люди. Расширение, таким образом, среды, в которой формировалось представление о прекрасном, нашедшем свое выражение в архитектурных формах и приемах, характеризует русское зодчество XVII в. как зодчество, в котором в значительной мере сказались народные идеалы. При этом следует помнить, что вплоть до конца века храм был ведущим сооружением в русской архитектуре. Лишь в конце столетия появляются светские здания, некоторые из которых начинают оспаривать первенство в этой области.

Каменное строительство в Российском государстве возобновилось после тяжелых лет интервенции и хозяйственной разрухи в начале 20-х гг. Среди дошедших до нас московских храмов следует назвать два. Церковь Покрова в Рубцове (1619 — 1626 гг.), построенная в царской усадьбе, своим архитектурным обликом повторяет усадебные церкви Бориса Годунова в Хорошеве и Вязёмах: симметричность общей композиции, где основная часть церкви, перекрытая знакомой пирамидой кокошников, поставлена на высокий подклет и охватывается закрытым аркадным гульбищем, ведущим к двум крохотным приделам-капеллам по бокам; цоколь выложен узорной полосой кирпичной и белокаменной кладки, непосредственно заимствованной из аналогичного мотива собора, Василия Блаженного. В целом все здесь еще удивительно скромно, даже

³ История русского искусства, т. IV, с. 216.

непритязательно, и менее всего говорит о том, что храм возведен в царской усадьбе. При явной зависимости от форм XVI в. в нем все же намечается появление той дробности элементов, которая в скором времени делается ведущим началом в московском зодчестве. Вторая, сильно перестроенная и поврежденная, церковь находится в селе Деулине, недалеко от Загорска. Она была построена около 1620 г., видимо, как память о заключении Деулинского мира в 1618 г. с Польшей. К сожалению, при настоящем ее состоянии ничего нельзя сказать о деталях и убранстве. Важно отметить лишь то, что она шатровая и повторяет идею мемориальных памятников шатрового зодчества XVI в. Следовательно, первые шаги в области каменного зодчества в московской округе в 20-х гг. XVII в. отмечены связью с архитектурой предшествующего времени. Но как бы они сильны не были, все же в облике зданий проступает то новое, что в скором времени выльется в феерию декоративных форм не знающего себе предела изобретательства.

В эти же годы — в 1620—1622 гг. — в Ярославле купцом Надеем Светешниковым была построена церковь Николая Надеина. Первоначально храм был пятиглавый, на высоком подклете, свободно окруженный открытой двухъярусной галереей. Боковые приделы и существующая колокольня появились несколько позднее, когда в Ярославле развернулось широкое строительство каменных храмов. В основном здании храма нетрудно увидеть, как и в московских каменных церквях, торжественную композицию и элементы убранства, восходящие непосредственно к тому же XVI в. Объяснить их появление довольно просто, так как своего рода прототипом им служил не менее торжественный соборный храм Спасского монастыря того же Ярославля начала XVI в. Вместе с тем постройка церкви Николая Надеина заложила основы дальнейшего развития ярославской архитектурной школы, задававшей тон каменному строительству не только в самом городе, втором по величине после Москвы, но и в относительно удаленных от него менее значительных городах: Костроме, Романов-Борисоглебске и даже селах (Левшино, по дороге на Кострому).

Может показаться, что приведенные примеры каменного зодчества 20-х гг. XVII в. следует рассматривать лишь как запоздалые повторения того, что было характерно для предшествующего блестящего периода русской каменной архитектуры. Однако в каждом из названных храмов были заложены те начала, которые уже десятилетием позднее — в 30-х — начале 40-х гг. — привели к образованию своего рода архитектурных «школ», сохранявших свое своеобразие не один десяток лет и в ряде случаев просуществовавших вплоть до начала XVIII в. В справедливости этого мнения легко убедиться не только на примере ярославской архитектуры второй половины XVII в., но и московского зодчества. Так, вслед за Деулинской церковью появляется целая группа шатровых храмов, заканчивающихся таким великолепным произведением, как церковь Рождества в Путинках. В свою очередь, рубцовский храм послужил своего рода примером для создания, пожалуй, наиболее совершенного произведения — церкви Троицы в Никитниках. Иными словами, в течение более чем полувека русская архитектура при общем единстве основных композиционных приемов и декоративных средств обретает редкое многообразие форм и деталей. Для последней особую, можно сказать, ведущую роль сыграл лекальный кирпич, известный под именем «штучного набора». В деревянных формах изготавливались будущие кирпичные формы, наделенные порой острым силуэтом, замысловатостью общего построения, начиная от самых простых, в виде своего рода «бабок», и кончая сложными, наделенными скульптурно-пластическими

свойствами. Их расположение по стенам в виде поясов и тяг, обрамление окон сложными по контуру наличниками и порталов входов создавало редкую по красочности картину. Отчетливая светотень, нередко дополненная раскраской отдельных деталей, выполненных из лекального кирпича, была способна превратить даже небольшой по размеру храм в своего рода увеличенную точеную «игрушку».

К сожалению, время во многом губительно сказалось на этой важной стороне архитектуры, фантазии ее создателей и замыслах заказчиков, так что мы лишь в самых общих чертах можем судить о первоначальном облике изумительных по красоте зданий XVII в., где народное понимание прекрасного сказалось с особой силой и выразительностью. Аналогичное же следует отметить и в отношении внутреннего убранства, дошедшего до нас лишь в единичных примерах. Если фрески частично сохранились, не раз претерпев позднейшие «поновления», то иконостасы безжалостно уничтожались в угоду сменявшимся стилистическим направлениям последующих веков. Поэтому характеристика внутреннего пространства русского храма XVII столетия в его органическом соединении с обильным декором, особенно иконостасом и сопутствующими предметами мебели как церковного, так и светского обихода, по существу, ограничивается лишь отдельными примерами, дающими нам далеко не полное представление. Именно поэтому приходится сосредоточивать внимание не столько на внутреннем облике рассматриваемых произведений, сколько на их внешнем виде, которому в XVII в. действительно уделялось несравненно большее внимание, чем в предшествующую эпоху. В первую очередь это относится к обострению силуэта, сложной компоновке объемов, создавших живописнейшую группировку масс, и усилению декоративных элементов убранства как в общем замысле сооружения, так и в отдельных его частях.

Естественно, что, во-первых, следует проследить дальнейшие пути развития шатрового типа храма, возрожденного на рубеже XVI—XVII вв. усилиями Бориса Годунова. Так, вслед за Деулиным следует назвать храм в Медведковке (в Москве), построенный, по всей видимости, в конце 20-х гг. в поместье Д. Пожарского. Несмотря на последующие переделки, отчетливо ощущается желание создателей хотя бы приблизительно воспроизвести в установившихся композиционных формах (восьмерик на четверике, завершенный шатром) живописную игру многоглавия собора Василия Блаженного. Если внимательно присмотреться к Медведковской церкви, то невольно возникает вопрос: в чем, собственно, заключена ее нарядность и редкая живописность, тем более что к настоящему времени она не сохранила почти ни одной декоративной детали. Ответом на этот вопрос служит ее редкая многообъемность и обилие декоративных глав, поставленных на сравнительно простоватые барабаны. По каноническим правилам престол алтаря не мог находиться над нижерасположенным соборным помещением, если таковое существовало. Церковь же в Медведковке имеет обширный подклет с «теплой» церковью, где служили зимой. В результате с восточной стороны увенчанные главами апсиды подклета выдвинуты вперед. Над ними громоздятся апсиды с главами верхнего яруса. На углах четверика вновь поставленные главы. В итоге создается необычайно привлекательная картина различных объемов и форм, увенчанных высоко вознесшимся стройным шатром центрального храма. Именно такого рода шатры с «лопатками» на гранях стали характерными для шатрового зодчества первой половины века.

Наиболее эффектным памятником шатровой архитектуры следует признать трапезную церковь Алексеевского монастыря в Угличе, закон-

ЦЕРКОВЬ «ДИВНАЯ» АЛЕКСЕЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ В УГЛИЧЕ,
1628 г.

ченную к 1628 г. Ее основной шатер еще стремительнее подымается над инертным тяжелым массивом трапезной; по его бокам, на малых апсидах стоят меньшие, но столь же «острые» по силуэту шатры. В целом образуется поперечно ориентированная тройная группа шатров, украшенная к тому же в своем основании миниатюрными кокошниками, а по круглящимся стенам апсид — тягами, перехваченными «дыньками». В итоге образуется на редкость декоративная группа, вызвавшая к жизни народное название церкви — «Дивная». Трехшатровый же храм был построен в 1644 г. в Троицком-Голенищеве — селе на речке Сетуне (вошедшем ныне в границы разросшейся Москвы) в патриаршей резиденции, не раз упоминавшейся еще с XV в. как одно из привлекательнейших мест Подмосковья. Здесь, как и в прочих случаях, обращает на себя внимание и постановка здания на высоком берегу речки и тщательно проработанный силуэт, и умелая компоновка многообъемных масс здания. Становится очевидным, что последнее качество было привнесено не из церковного, а из гражданского зодчества, где терема даже относительно скромных жилищ отличались живописностью сопоставленных друг с другом различных по размеру и высоте объемов клеток, перекрытых каждая отдельной, часто замысловатой крышей. Если центральный четверик храма Троице-Голенищева торжественно величав, напоминая своего рода основную часть собора (увенчан крупными кокошниками), то боковые приделы имеют на четвериках фронтоны. Наличие последней детали имеет прочное отношение к древнейшим памятникам Москвы и Владимира, где Успенские соборы помимо закомар дополнительно были перекрыты фронтонами. Эта форма не раз будет затем применена как в шатровом зодчестве (Вешняки), так и в прославленной митрополии Ростова Великого.

Наряду с названными относительно большими шатровыми храмами 20—40-х гг. появляются иные, где шатры превращаются в глухие надстроенные «главы», никак не связанные с внутренним пространством зданий. Это были относительно небольшие приходские церкви

с поперечно ориентированным с юга на север объемом, что объяснялось желанием дать возможность молящимся свободно лицезреть церковные церемонии, напоминающие театрализованное действие. Декоративные шатры прочно располагались на сомкнутом своде, который дал возможность обойтись без внутренних столбов и сделал внутреннее пространство храма с прилегающей к ней обычно одноэтажной трапезной свободным и незатесненным. Такие шатры на небольших, но вытянутых восьмериках ставились в ряд то по двое, то по трое. Эти «двойни» и «тройки» были непосредственно заимствованы из многшатровых верхов въездных башен городов или звонниц, отражая тем самым нараставшее влияние гражданского и военного зодчества на архитектуру храма. Предположение о происхождении храмов с двумя и тремя шатрами от завершенных въездных ворот подтверждается наличием трех шатров на крыльце храма Воскресения «на Дебре» в Костроме, построенного в 1650—1651 гг. Воздействие светского зодчества на церковное прослеживается с первой четверти XVII в., а тяготение к детализации и скульптурности убранства стало особенно заметно сказываться с 40-х гг. (так, в Вязьме в эти годы был построен на редкость декоративный трехшатровый храм Иоанна Предтечи, приделы которого были, по всей видимости, также увенчаны шатрами).

Наибольшим совершенством отличается московская церковь Рождества в Путинках, строившаяся на протяжении нескольких лет и законченная в 1652 г. Она начала строиться на средства и по заказу горожан ее прихода, однако, решив поразить всех невиданным богатством наружной и, надо думать, внутренней отделки, они не рассчитали свои денежные средства и вынуждены были дважды обращаться к царю за помощью. В итоге строительство обошлось в 500 руб., что по тем временам было огромной суммой. В композиции церкви и ее обильном декоре с большой полнотой сказалось все то новое, что к этому времени вошло в каменную архитектуру Московской Руси. Поперечно ориентированный объем, увенчанный тремя, как свечи, стройными шатрами, занял доминирующее место, хотя и был отодвинут вглубь от улицы. К нему примыкает с северо-запада четверик придела Неопалимой Купины, которому было уделено особенно большое внимание по убранству его внешних стен. Обилие всевозможных деталей, не говоря о роли мелко профилированных карнизов, усложнение декоративных форм вплоть до постановки на купольном барабане не обычной луковичной главы, а небольшого шатра сделали эту часть здания церкви одной из самых привлекательных в архитектуре Москвы середины XVII столетия. Между приделом и основным храмом была встроена колокольня — самая высокая часть среди составляющих храм отдельных объемов. Крыльцо и трапезная были построены несколько позднее. Колокольня как бы «собирает» все шатры вокруг себя, образуя на редкость живописную группу. Декоративные детали поражают своей изобретательностью, остротой силуэтов, усиленных взлетающими ввысь шатрами. В декорировке восьмериков шатров были применены так называемые остроугольные «стрелы», заимствованные из убранства собора Василия Блаженного. Храм в Путинках — редчайшее произведение русской архитектурной мысли, продолжившей те умозрительные представления о «райской» архитектуре, которые вошли в творчество русских зодчих со времени постройки собора Василия Блаженного.

Путинковская церковь была последней из шатровых храмов в Москве. В 1652 г. на патриарший престол вступил Никон, запретивший строить шатровые церкви как не выражавшие церковные представления об архитектуре храма. Это запрещение было высказано впервые

ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА В ПУТИНКАХ,
1652 г. Москва.

в храмозданной грамоте, выданной владельцам, хотевшим у недавно построенной шатровой церкви в Вешняках возвести небольшие шатровые же приделы. В связи с распоряжением нового патриарха их пришлось завершить обычными главами. Запрещение постройки шатров, просуществовавших в русском зодчестве немногим более столетия, лишней раз свидетельствует об их светском, а не церковном происхождении. Но, несмотря на патриаршее запрещение, каменные шатровые храмы, не говоря о деревянных, продолжали строиться вдали от Москвы: в Ярославле, Костроме и других местах. В Москве же зодчие, полюбившие красоту и затейливость шатров, перенесли их на колокольни, сменившие звонницы. Среди колоколен XVII в. известны такие подлинно высокие по своим художественным качествам произведения искусства, как колокольня церкви Николы в Хамовниках (1676 г.).

Помимо храмов, увенчанных одним шатром или несколькими декоративными одновременно, внимание зодчих привлек тип небольшого кубического храма, расчлененного по стенам лопатками или пучкам»

ЦЕРКОВЬ ТРОИЦЫ В НИКИТНИКАХ,
1635—1653 гг. Москва.

тонких колонн, увенчанного пирамидой кокошников и завершенного чаще всего тесно и гармонично поставленным пятиглавием. Как и шатровые храмы, он первоначально ставился на подклет, что «возносило» его объем, делало его более видным и декоративным благодаря общей ступенчато-пирамидальной форме. Естественно, что та же любовь к многообъемности и обострению общей композиции привела к появлению одноэтажной трапезной, подчеркивающей высоту основного объема и одновременно служившей для светских нужд прихожан. Рядом, на западном, а вначале на северо-западном углу, появлялась колокольня. С востока помещались небольшие, обычно одноглавые объемы приделов. Все вместе взятое образовывало так называемую хоромную композицию, столь обычную в жилой архитектуре.

Уникальным примером такого храма для Москвы стала церковь Троицы в Никитниках (середина 30-х—конец 50-х гг.) Она была сооружена на средства богатейшей семьи купцов Никитниковых, не раз ссужавшей царское правительство крупными суммами денег. В архитектурно-декоративном убранстве этого храма сосредоточилось все то,

что в последующее время нашло широкое распространение среди приходских каменных храмов столицы, в изобилии сооружавшихся с середины XVII столетия⁴. Высокое архитектурное совершенство общей композиции, богатейшее убранство с вводом зеленых «муравленных» изразцов, применение резьбы на наличниках главного южного фасада храма сделали его уникальным. Орнаментом — насечкой по железу были покрыты даже оковки дверей. Здесь все — искусство. Художественная ценность здания увеличивается еще сильнее благодаря сохранившимся фрескам и внутреннему убранству с иконами, написанными царскими мастерами-изографами во главе с Симоном Ушаковым.

Входящий внутрь храма человек скорее всего растеряется при желании определить принцип его пространственно-планового построения. Там и тут возникают перед ним проемы проходов, обрамленные богатейшей белокаменной резьбой, некогда раскрашенной. За ними виднеются то большие, то незначительные по величине помещения. Однако основной храм угадывается благодаря ведущей в него более широкой арке прохода. Уже начиная с крыльца с его крытыми лестницами, площадкой-рундуком, крытой, как обычно, многогранным шатром, нас встречают росписи-фрески. При входе это преимущественно орнаментально-растительные мотивы, внутри же — в приделах и самом храме — тематические композиции. Белокаменной резьбе и фрескам вторит многоярусный иконостас с превосходными иконами, выполненными царскими мастерами. Новостью для этого времени следует считать достаточно отчетливо выраженное архитектурное построение иконостаса с колонками, арочками и т. д. Все они покрыты сравнительно плоской орнаментальной резьбой, предвещающей грядущую декоративность резьбы иконостасов второй половины XVII в. Здесь же орнаментальные мотивы отличаются известной нежностью, как бы вторя декоративным элементам, богато представленным в иконах. Иными словами, в церкви Троицы «в Никитниках» мы имеем редкое по цельности художественного замысла произведение, в котором с особой полнотой сказался принцип «дивного зорочья», набравший год от года силу и размах. Вместе с тем, несмотря на все ее отличие от церкви Рождества в Путинках, в обоих памятниках отчетливо ощущается стилистическое единство, общность декоративных форм и деталей, что станет характерной чертой русской архитектуры XVII в.

Никитниковский храм при всей своей художественной уникальности сделался своего рода эталоном, на который равнялись зодчие каменных храмов, строившихся с 40-х гг. XVII в., заказчиками которых помимо частных лиц все чаще выступают церковные приходы.

Следует отметить, что, возможно, именно в эти годы впервые появилась композиция, ставшая вскоре столь распространенной в русской архитектуре: вместо шатрового крыльца — небольшая нарядная шатровая колокольня; за ней следовал низкий объем одноэтажной трапезной, за которой виднелся основной храм, увенчанный пирамидой колошников и пятиглавием с шарообразно-луковичными главами. Именно на таких главах начинают появляться ажурные прорезные золоченые кресты, часто превращающиеся в сказочные «деревья», что усиливает и без того декоративную силу памятника. Каждое окно получало свой собственный по рисунку наличник. Между апсидами ставятся своеобразные «колонки», состоящие из увеличившихся в объеме деталей «штучного набора». Не меньшее внимание уделяется широким многообломным карнизам, завершавшим основной объем. С востока «лепились»

⁴ См: Овчинникова Е. С. Церковь Троицы в Никитниках. М., 1970.

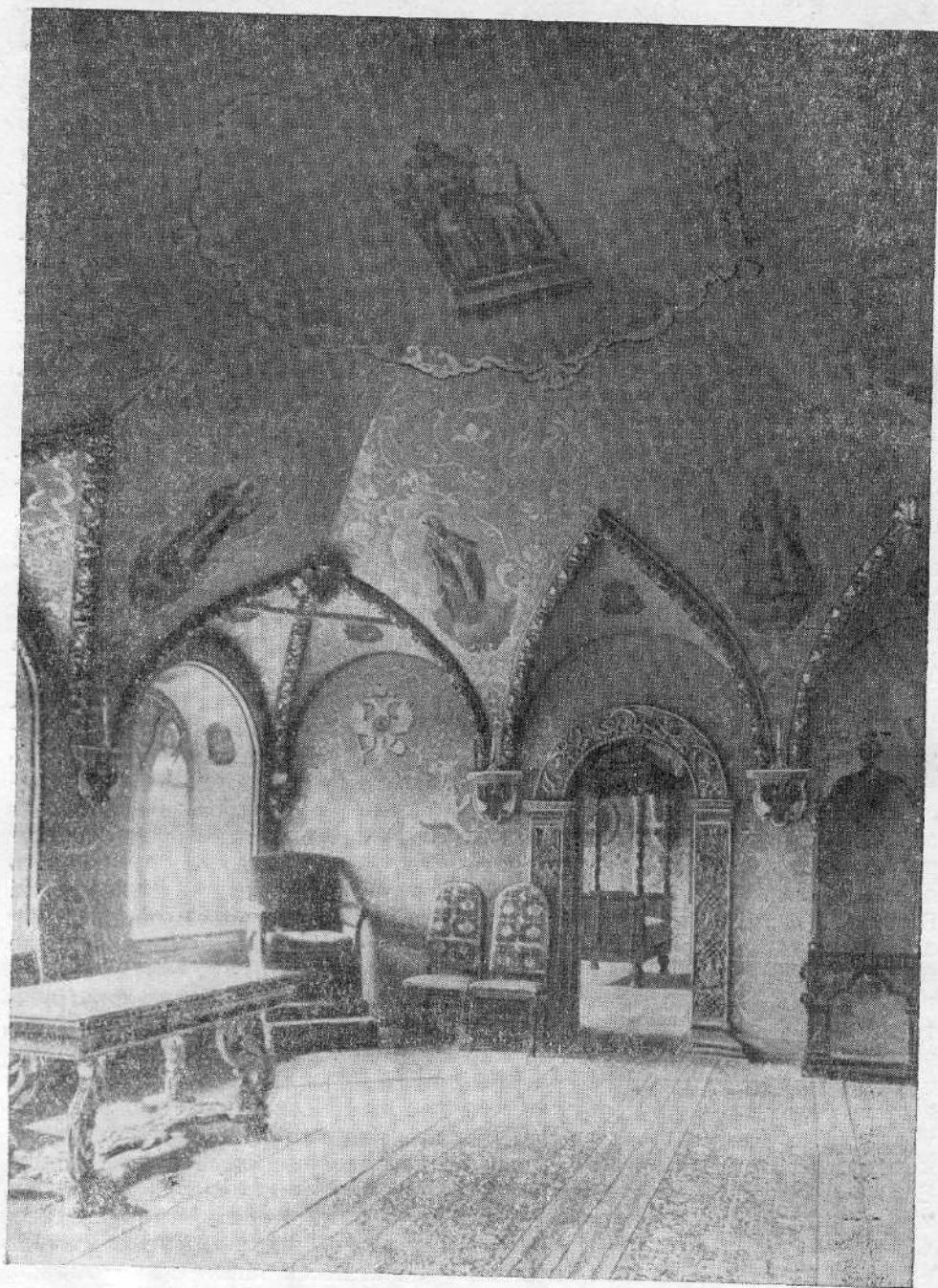
небольшие приделы, также разубранные декоративными деталями, меньший масштаб которых подчеркивал ведущую роль основной части здания.

В 1656 г. на набережной Москвы-реки строится церковь Николы на Берсеневке, на участке владельца, заведовавшего царскими садами. Рядом возводятся его теперь сильно перестроенные палаты, дающие все же возможность реконструировать этот выдающийся комплекс, сооруженный, безусловно, выдающимся зодчим, сконцентрировавшим свое внимание на проработанности стройного силуэта здания с крыльцом на северной стороне храма с «пузатыми» колоннами, с подчеркнuto осевым построением северного главного фасада. Изобретательно выполнены переплетающиеся жгуты, охватывающие главы, и архивольты кокошников, превращающихся в самостоятельные декоративно-полноценные детали здания. В этом памятнике при общей асимметрии его сочетания с палатами владельца в композиции убранства намечаются некоторые элементы упорядоченности, которые вскоре займут свое достаточно определенное место в декоративных формах, украшающих тот или иной объем здания.

К 1642—1648 гг. относится строительство храмов Троицкого монастыря в Муроме и церкви Вознесения (1648 г.) в Великом Устюге. Стилистически они входят в рассматриваемый ряд московских памятников. Декоративность их настолько усилилась, что в великоустюжской церкви даже оконные решетки были сделаны фигурными с вводом в их рисунок государственного герба. Все это позволяет говорить о блестящем развитии «московской школы» архитектурного мастерства.

К 1637 г. относится строительство царского Теремного дворца в Московском Кремле, выполненное артелью мастеров во главе с Баженом Огурцовым. Богатейшую резьбу наличников вела другая артель, украшавшая в эти годы церковь Троицы в Никитниках. Теремной дворец по замыслу должен был стать не столько жилым, сколько представительным государственным зданием, олицетворяющим величие царской власти. Однако поскольку в строительстве подобных зданий опыта по существу не было, то зодчие выстроили большое многоярусное ступенчато-пирамидальное сооружение. Его масштаб и многоярусность должны были свидетельствовать о его государственном назначении. В плане дворец походит на обычный относительно большой дом, жилые покои которого выходили в обширные сени, как бы связывавшие все части в единую композицию. Лишь верхний ярус — «чердак» — представлял собой вытянутый большой зал. Жилые же помещения почти ничем не отличались от обычных. Входное — красное — крыльцо, необычайно эффектное своими площадками и маршами лестниц, развернутых порой под прямым углом к предыдущим, играло в свое время весьма большую роль в архитектуре дворца⁵. Новостью было внешнее убранство дворца — его резные, в начале, видимо, расписные наличники, к которым затем были добавлены многоцветные изразцовые пояса. Единство общих форм и белокаменной «рези» вносило в архитектуру новые принципы архитектурного построения, которые скажутся позднее, в конце XVII в., когда дворцовые и жилые здания будут строиться единым блоком. Высокая крыша, расписанная цветными ромбами «в шахматы», играла немаловажную роль в облике здания. Внутренние дворцовые помещения были в большинстве украшены мелкоорнаментальными росписями, находившими себе отзвук в коврах, в резной мебели, в резных белокаменных жгутах на ребрах сводов. Иными слова-

⁵ Сейчас оно находится внутри более позднего обширного дворцового помещения.

ПРЕСТОЛЬНАЯ ПАЛАТА
ТЕРЕМНОГО ДВОРЦА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ,
XVII в.

ми, как снаружи, так и внутри господствовал принцип повышенной орнаментальности, с блеском сказавшийся во входной «золотой» решетке, закрывавшей вход во дворец. Здесь кузнецы проявили свой недюжинный талант, выковав одно из замечательнейших произведений древнерусских «малых» архитектурных форм.

Аналогичные тенденции сказались и в развитии других видов архитектуры, в частности в крепостной. В 1626 г. Важен Огурцов и англичанин Х. Галловей надстроили верх Спасской башни, ставшей главной въездной башней Московского Кремля. Сквозные готизирующие арки-вымперги и грубоватые фигурки зверей (ранее и человеческие, позднее снятые) явно относятся к творчеству зарубежного мастера. Вместе с тем сам принцип усиленной декоративности всего верха башни совпадает с аналогичными тенденциями в русском искусстве XVII в. В 80-х гг. эта декоративность была повторена в завершении Троицкой башни Кремля.

Примерно те же принципы убранства были осуществлены в башнях Троице-Сергиева монастыря, заново отстроенных в 1630—1640-х гг. Несмотря на оборонительный характер, их внешние стены были покрыты вертикальными, как бы свешивающимися вниз тягами с перехватами и карнизами, порой похожими на каменную бахрому, сделавшую их весьма нарядными. Все это не только свидетельствует о единстве художественно-архитектурных приемов, но и позволяет говорить о существовавших стилистических принципах гораздо полнее и отчетливее, чем по отношению к прежним эпохам русской художественной культуры. XVII столетие можно с полным правом назвать временем, когда орнамент был ведущим и определяющим элементом в формировании всех видов искусства.

Начало 50-х гг. XVII в. ознаменовалось обострением борьбы нового и старого в русском искусстве. Церковь, стремившаяся поставить под свой контроль различные ее области, обрела в 1652 г. такую колоритную и сильную в своих убеждениях личность, как патриарх Никон. Глава русской церкви был убежденным защитником высказанного им утверждения о необходимости преобладания власти церковной над царской, в том, что «священство царства преболе есть». Естественно, что такие взгляды должны были в первую очередь отразиться на архитектуре, подчинявшей себе и живопись, и декоративно-прикладное искусство. Несмотря на свое кратковременное пребывание на патриаршем престоле, Никон не только дал соответствующие указания по поводу общего характера архитектуры храмов, но и способствовал созданию трех выдающихся комплексов — монастырей Иверского, Крестного на Белом море и Ново-Иерусалимского, во многом определивших некоторые важные направления в русском каменном зодчестве третьей четверти XVII в. До сих пор не обнаружен первоначальный документ, в котором излагалась бы архитектурная «программа» властолюбивого патриарха. Однако когда в год вступления Никона на престол бояре Одоевские, владевшие подмосковным селом Вешняковым (под Кусковым), обратились к церковным властям за храмозданной грамотой на пристройку двух приделов к шатровому храму, построенному в 40-е гг., в ней было указано, что «островерхих», т. е. шатровых, храмов «отнодь не строить». Появились положения из церковного устава о невозможности возведения шатровых храмов и необходимости возводить церкви

по прежним формам — одноглавые, трехглавые и пятиглавые. Эти указания, строго соблюдавшиеся в Москве и ее округе, были менее действительны в более отдаленных городах, где нет-нет и сооружались как каменные, так и, в особенности, деревянные шатровые храмы.

Свои «теоретические» положения патриарх Никон не только укрепил сооружением вышеназванных монастырей с большими и оригинальными по форме храмами, но и изложил свои взгляды в ряде грамот, посланных в значительном количестве в Валдайский Иверский монастырь и послуживших руководящими для его строительства документами⁶. В них патриарх непосредственно указывал на образцы, которые, по его мнению, были идеальными: здания Соловецкого и Новгородского монастырей, поражавших своими размерами и, добавим, суровой впечатляемостью. В зодчем Аверкии Мокееве из Калязинского монастыря патриарх думал найти верного помощника в выполнении своих грандиозных замыслов. Однако как бы четко ни была сформулирована Никоном его «архитектурная программа», времена были уже не те, чтобы вернуться к лаконичным и суровым образам прежних произведений, и в патриарших постройках возобладала величая торжественность, увеличенный масштаб и те декоративные приемы, которые пустили глубокие корни в первую половину столетия. Правда, эта декоративность стала более упорядоченной, более монументальной и вместе с тем более разнообразной как в общей композиции храма, так и в упрощавших ее деталях.

Эти тенденции получили отражение и в первенце патриаршего строительства — соборе Валдайского Иверского монастыря (1656—1658 гг.). По своей основной форме он явно тяготеет к XVI в., но окружающая его со всех сторон галерея с двойными окнами, с висящими в их проемах гирьками, «башнями» ризницы, библиотеки и входным крыльцом говорит о воздействии декоративных парадных приемов XVII в. Иными словами, последние формы и детали приносят в собор новые качества и приемы, которые в скором времени получат распространение, особенно в Верхнем Поволжье (Ярославль, Кострома и т. д.). Нельзя не отметить известную свободу внутреннего пространства собора и некогда существовавший резной иконостас с обильной позолотой, в котором, возможно впервые, сказались формы стиля «московского», или «русского барокко», получившие всеобщее признание в последней четверти XVII столетия.

Валдайский монастырь не был еще закончен, когда в том же 1658 г. Никон предпринял строительство под Москвой Новоиерусалимского монастыря, сложный по форме собор которого должен был воспроизвести христианскую святыню в Иерусалиме. Здесь отвергнутая было декоративность была применена в потрясающем изобилии. Так, порталы, наличники, настенные пояса и иконостасы были выполнены из многоцветных поливных изразцов, как и шатер, грандиозный по размеру, покрытый, видимо, первоначально поливной цветной черепицей. По богатству убранства этому произведению не было равного в русской архитектуре.

Однако отстранение Никона от патриаршества остановило выполнение грандиозного замысла⁷. Мастера-белорусы — резчики, ценинщики⁸ и другие специалисты — были отозваны в Москву в приказ Каменных

⁶ РИБ, т. V.

⁷ Он был закончен в 80-е гг. XVII в., но шатер скоро рухнул, и восстановление его было осуществлено лишь в середине XVIII в. в стиле барокко по проекту К. Растрелли. В 1941 г. собор был взорван фашистами.

⁸ Ценинщики — мастера, изготавливающие изразцы.

ЦЕРКОВЬ ИЛЬИ ПРОРОКА,
1647—1650 гг. Ярославль.

дел — учреждение, ведавшее государственными постройками. Здесь они применили свои таланты и способности в ряде превосходных произведений. Это обстоятельство позволило распространиться западноевропейским барочным приемам, известным под названием «белорусской рези» — задолго до того, как «русское барокко» сделалось основным направлением в русской архитектуре конца XVII в.

Может показаться, что Валдайский собор — сравнительно одинокий памятник патриаршего строительства. Однако он оказал несомненное влияние на широкое строительство больших, вместительных, торжественно-величавых храмов Ярославля второй половины века, возникших после грандиозного пожара, испепелившего город в середине столетия. Так, в упомянутой выше церкви Николая Надеина, построенной в 1620 г., формы XVI в. уже сочетались с новыми приемами «дивного узорочья». Тенденция к увеличению размеров и декоративной пышности в архитектуре пришла по душе богатым купеческим семьям второго по величине города после Москвы. С 50-х вплоть до 80-х гг. в Ярославле развертывается небывалое по размаху, красоте и оригинальности каменное строительство. Оно складывается в определенную «ярославскую школу», образующую вместе с другими «школами» ту единую по своему духу и содержанию архитектуру, которая известна под названием «русский стиль XVII века».

Первенцем ярославского зодчества второй половины века стала церковь Ильи Пророка, расположенная ныне в середине большой полукруглой площади (планировка XVIII в.). Стоявшая некогда на стыке улицы и переулка церковь была построена за удивительно короткий

срок — с 1647 по 1650 г. — купцами Скрипиньши, хоромы которых непосредственно примыкали к большому комплексу, основу которого составлял очень строгий по внешнему облику храм, построенный опять-таки в духе соборов XVI в. Правда, есть сведения, что, когда в конце XVII в. завершалась его внутренняя отделка и фресковая роспись, эта часть здания была расписана снаружи большими красными и синими цветами, что не только не противоречило его архитектуре, но усиливало его декоративность. Так как улица, на которой стояла церковь, проходила вдоль западного фасада, то, естественно, ему было уделено основное внимание. На юго-западном углу поднялся шатровый придел, напоминающий церковь Зосимы и Савватия Троице-Сергиева монастыря. На противоположном углу поднялась нарядная шатровая же колокольня, соединенная с названным приделом крытой аркадой одноэтажной папертью-гульбищем. Несмотря на асимметрию композиции, этот архитектурный прием на долгие годы прижился в Ярославле, достигнув своего совершенства в храме Иоанна Златоуста в Коровниках. Галереи-гульбища были продолжены с юга и севера вплоть до небольших приделов, завершенных ярусами кокошников. Различные формы покрытий, разновеликие объемы частей, составляющих храм Ильи, как и разнообразнейшая внешняя декорация, создают в итоге чарующий живописный вид на этот храм-город. Здесь как бы в малом отражалось то, что было так свойственно русским городам XVII в. с их разнообразными высокими кровлями, шатрами и иными архитектурными формами. Внешнему облику храма Ильи Пророка вторит и внутреннее убранство. Даже лавки из кирпича на гульбищах наделены запоминающимся декоративным силуэтом. Само же построение храма с его гульбищами, приделами и т. п. близко напоминает то, что нам знакомо по церкви Троицы в Никитниках в Москве.

Церковь Ильи Пророка стала своего рода эталоном, сказавшись во внешней композиции многих храмов Ярославля, до сих пор украшающих город и составляющих его гордость. Среди них нельзя не упомянуть шатровую церковь Рождества Христова 1644 г., на редкость декоративную благодаря «слухам» в форме кокошников на ее шатре и «Корсунскому кресту», венчающему одну из глав, где декоративности барабана вторит просечной подзор. Ярославские храмы богаты подобными подзорами, как и венчающими золочеными крестами, превратившимися в раззолоченные «райские деревья», где форма креста потонула в изобретательнейшем просечном орнаменте.

В Коровнической слободе на средства прихожан и купцов Неждановских в 1649—1654 гг. был построен наиболее совершенный по композиции большой храм Иоанна Златоуста с окружающими его галереями-гульбищами, парными приделами по бокам и высокими крытыми на два ската крыльцами. Совершенство его общей композиции безупречно. Рядом позднее была построена другая, несравненно более скромная пятиглавая церковь, а по центру между ними поставлена не менее изумительная колокольня, завершающая и «собирающая» вокруг себя весь ставший симметричным ансамбль с входными воротами, украшенными ярусной башенкой из восьмериков. В них можно видеть начало излюбленного архитектурного приема позднейшего «русского барокко».

Центральный храм в Коровниках позднее, в том же веке, достраивался. Прежде открытые арки гульбищ были заложены, в их проемах устроены парадные наличники. Однако наиболее примечательным стал изразцовый наличник центрального окна алтаря, выходящего на Волгу. Его изящный криволинейный силуэт охватывает поле вокруг окон цве-

ХРАМ ИОАННА ЗЛАТОУСТА В КОРОВНИКАХ,
1649—1654 гг. Ярославль.

точным, сравнительно некрупным орнаментом, образующим своего рода ковер.

...которой может быть объяснен именно обилием и неподражаемым по совершенству подбором разнообразных изразцовых деталей — наличников, поясов и тому подобных деталей. Лишь монографическое исследование способно дать должную оценку этому удивительному памятнику. Именно в это время цвет, цветовые детали были призваны играть ведущую роль в русской архитектуре не только одного Ярославля. Особенно богат изразцами и вместе с тем необычайно нежен их рисунком и цветом (преимущественно голубой на красном фо-

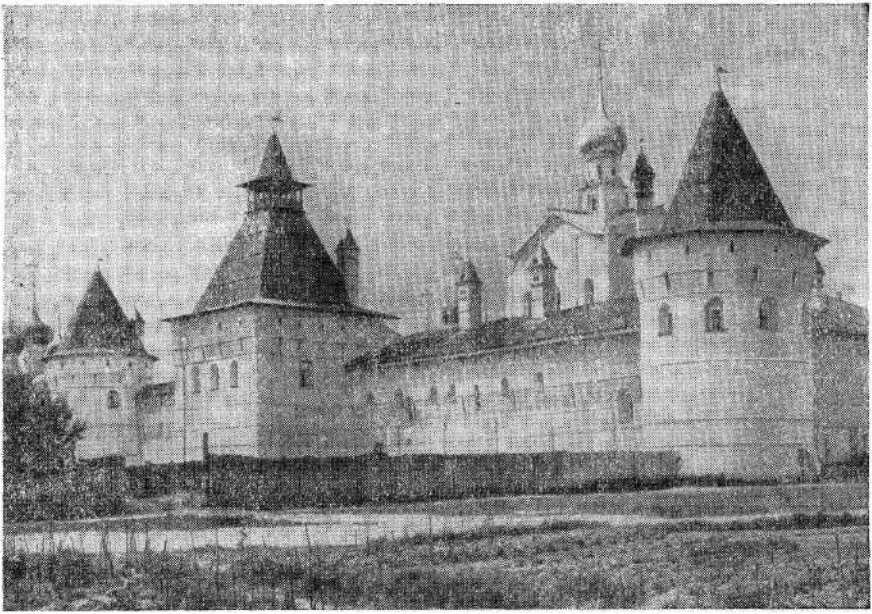
Говоря о ярославском зодчестве, нельзя не упомянуть его распространение вверх и вниз по Волге. Таков сельский храм, вернее собор, в селе Левашове на пути в Кострому, храм Воскресения «на Дебре» в Костроме и особенно Воскресенский собор в Тутаеве (бывшем Романове-Ворисоглебске, 1652—1670 гг.), поражающий своей многоярусной композицией. Рядом стоящая колокольня-ворота с ярусным завершением в виде друг на друга поставленных восьмериков, как и внутреннее торжественно-соборное пространство храма, и не менее декоративно-монументальный иконостас и фрески делают этот храм одним из наиболее приметных в «ярославской школе» зодчества. Именно в этом памятнике в наибольшей степени, наряду с храмом Ильи пророка в Ярославле, ощущается синтетический принцип русского искусства XVII в. Вместе с тем, рассматривая эти ярославские храмы в их совокупности, мы имеем возможность сказать, что несмотря на все то новое, что было внесено в архитектуру мастерами XVII в., все же «подспудно» в «ярославской школе» звучит нота, восходящая к монументализму XVI столетия.

Почти рядом с Ярославлем расположен Ростов Великий. Здесь с 1664 г. начал строительство собственной резиденции, а также достройку ряда монастырей как в городе, так и в его округе ростовский митрополит Иона Сысоевич.

Когда мы сравниваем между собой сооружения, построенные по приказу ростовского митрополита, то легко обнаруживаем черты, роднящие их между собой: торжественные вьезды с парными башнями по бокам, многопролетные звонницы, вновь заменившие колокольни, и даже элементы убранства, как, например, колончатые фризы, заимствованные из ростовского собора XVI в. Все это заставляет предполагать не столько авторство одного строителя, сколько единое архитектурное руководство умелого и талантливого зодчего. В связи с реставрацией ростовской митрополии в наше время были обнаружены ранее неизвестные документы, в одном из которых вслед за именем умершего в 1690 г. Ионы назван крестьянин (видимо, мастер) Петр Досаев. Это позволило сделать предположение, что именно он является автором ростовских памятников, наделенных собственным оригинальным обликом, отличающимся от того, что процветало в эти годы в соседнем Ярославле. Ростовская митрополия (или, как часто ее называют, Ростовский кремль) в отличие от многих русских монастырей XVII в., представляла собой не военную крепость, а воплощала «вертоград божий» (рай) на земле. Естественно, что этот «вертоград» должен был быть как внешне, так и внутренне максимально прекрасным по своему облику. Именно этим смыслом была наделена ростовская митрополия, как местопребывание высокого по сану митрополита.

Зодчий Ионы Сысоевича создал действительно архитектурную сказку, сказочный «град Китеж», художественное воздействие которого усиливалось благодаря озеру Неро. В его водах отражались бесчисленные купола резиденции митрополита. Многочисленные башни с оригинальными «кубовидными» куполами и вышками на них органически сочетались с парными башнями двух парадных вьездов-входов, над которыми были поставлены высокие четверики пятиглавых церквей; в них угадываются формы, близкие высоким деревянным клетским церквам. Живописнейшему силуэту многочисленных отдельных составных частей ансамбля вторит не менее совершенное архитектурное убранство, то выполненное из фигурного лекального кирпича, то усложненное изразцами, вставленными в квадратные глубокие ширинки.

РОСТОВСКИЙ КРЕМЛЬ,
вторая половина XVII в. Вид с юго-востока.

Если внешнее «кольцо» стен и башен ростовской митрополии узорно, декоративно и богато разнообразием форм, то расположенным внутри его церкви Спаса «на сених» и большим парадным палатам — Белой и Красной свойственны неторопливая торжественность, величавость. Последние были предназначены не только для жизненного обихода митрополита, но и для царских приемов. Уже в трапезной Валдайского монастыря по приказу патриарха Никона была сооружена огромная трапезная палата, внутреннее пространство которой буквально захватывало дух благодаря «летающим» кривым поверхностям ее сводов. Ростовские платы также поражают своим небывалым в русском каменном зодчестве размахом, торжественностью и ярко ощущаемым чувством большого внутреннего пространства. В их облике есть нечто такое, что невольно роднит эту архитектуру с прославленным звоном ростовских колоколов — мерным, далеко плывущим над озером и его окрестностями.

Не менее впечатляюще внутреннее пространство церкви Спаса «на сених» с позолоченной колоннадой на солее перед фресковым иконостасом, выполненным прямо на стене. Оригинален и внутренний облик надвратных храмов. Все это обилие разновеликих зданий соединено между собой и со стенами арками-переходами (прием, очень распространенный в это время), так что вся ростовская митрополия в целом, вместе с ее стенами, башнями, церквями и собором, может рассматриваться как некий огромный дворец-хорома, в принципе близкий к тому, что в 70—80-е гг. осуществлялось в подмосковном Коломенском, но не в камне, а в дереве. Уже это одно дает нам возможность говорить о родственности каменной и деревянной архитектур XVII столетия, несмотря на то, что дерево как материал вносило в облик светских и церковных зданий свои собственные отличительные черты.

Размах строительства митрополита Ионы Сысоевича был на редкость велик. Об этом свидетельствуют и документы, из которых известно, что по его приказу была построена, к сожалению, не сохранив-

дый раз мы найдем нечто новое. В особенности это касается соотношения отдельных объемов храмов и их декора. То это один «чистый» объем церкви, то усложненный двумя или одним приделом, что все еще будет свидетельствовать о полюбившейся декоративной асимметрии. То трапезная растянется мощным объемом, напоминая уже гражданскую постройку, то сравнительно невысокая колокольня вдруг вытянется вверх словно пламенеющая своими декоративными деталями «свеча».

Путь развития архитектуры храмов подобного рода можно проследить на примере трех церквей: Николы в Пыжах (1657—1670 гг. ныне на Б. Ордынке), построенной стрельцами полка Пыжова на свои средства; Григория Неокессарийского на Б. Полянке (1657—1669 гг.), сооруженной зодчими И. Кузнечиком и К. Губой, и наконец, Николы «в Хамовниках» (1676—1682 гг.).

Первый храм — Николы в Пыжах — отличается удивительно гармонично собранным пятиглавием с несколько шарообразными, чуть вытянутыми вверх куполами. Это типично московские купола, широко применявшиеся вплоть до появления храма «московского барокко» с его ребристыми главами. К сожалению, трапезная была в XIX в. перестроена, так что судить о западном фасаде затруднительно, хотя убранство невысокой в то время колокольни, портал и боковые памятники свидетельствуют о все увеличивавшемся внимании к декоративности, сочности трактовки деталей. Зато сохранившийся восточный фасад, выходящий на М. Ордынку, наделенный крепко встроеными в основной массив двумя приделами, должен быть отнесен к творчеству незаурядного зодчего. Он меняет форму декора чуть ли не каждого наличника, сочетает крупные и относительно мелкие детали. Иными словами, творит широко и свободно. Общая побелка стен и декора определила скульптурность декоративных деталей в виде ширинок, дынок и других элементов.

В церкви Григория Неокессарийского как будто бы все напоминает предшествующий храм (нет лишь боковых приделов). Однако с 60-х гг. XVII в. зодчие обращаются в наружной архитектуре к цвету. И вот стены храма штукатурятся, но красятся в красный цвет с разделкой под кирпич. Во фриз вставляется крупный изразцовый пояс («павлинье око»), выполненный белорусским мастером Степаном Ивановым Полубесом, украсившим ранее изразцами Новоиерусалимский собор. Сохранился документ, предписывавший зодчим расписать со стороны улицы вход — шатровую колокольню — «розными красками», а гурты на ребрах шатра «перевить» же краской, т. е. сделать их похожими на бегущую вверх, к главке, спираль. В окнах появляются узорные решетки. В целом декоративность облика здания возрастает при сохранении прежнего убранства, порой усложняемого растительными мотивами.

К сожалению, ничего нельзя сказать о внутреннем облике этих храмов, поскольку иконостасы отсутствуют. Мы знаем лишь, что свободные, незатесненные, без столбов помещения были хорошо освещены через увеличившиеся в размере окна; стены побелены, что выделяло красочность икон, резьбу и роспись иконостаса. В громадных залах трапезных сохранялись столбы (один или два), отличавшиеся монументальной формой, необходимой для пологих сводов с распалубками над окнами. Сам же храм перекрывался четырехклинчатым сомкнутым сводом, сохранявшим иногда световую главу — световой «фонарь», далекий от символического значения прежнего купола.

Требования церкви об упорядоченности расстановки икон у иконостаса, ее же предписания о необходимости строить лишь пятиглавые, трехглавые или одноглавые храмы и несомненное воздействие монумент-

дый раз мы найдем нечто новое. В особенности это касается соотношения отдельных объемов храмов и их декора. То это один «чистый» объем церкви, то усложненный двумя или одним приделом, что все еще будет свидетельствовать о полюбившейся декоративной асимметрии. То трапезная растянется мощным объемом, напоминая уже гражданскую постройку, то сравнительно невысокая колокольня вдруг вытянется вверх словно пламенеющая своими декоративными деталями «свеча».

Путь развития архитектуры храмов подобного рода можно проследить на примере трех церквей: Николы в Пыжах (1657—1670 гг. ныне на Б. Ордынке), построенной стрельцами полка Пыжова на свои средства; Григория Неокесарийского на Б. Полянке (1657—1669 гг.), сооруженной зодчими И. Кузнецником и К. Губой, и наконец, Николы «в Хамовниках» (1676—1682 гг.).

Первый храм — Николы в Пыжах — отличается удивительно гармонично собранным пятиглавием с несколько шарообразными, чуть вытянутыми вверх куполами. Это типично московские купола, широко применявшиеся вплоть до появления храма «московского барокко» с его ребристыми главами. К сожалению, трапезная была в XIX в. перестроена, так что судить о западном фасаде затруднительно, хотя убранство невысокой в то время колокольни, портал и боковые памятники свидетельствуют о все увеличивавшемся внимании к декоративности, сочности трактовки деталей. Зато сохранившийся восточный фасад, выходящий на М. Ордынку, наделенный крепко встроенными в основной массив двумя приделами, должен быть отнесен к творчеству незаурядного зодчего. Он меняет форму декора чуть ли не каждого наличника, сочетает крупные и относительно мелкие детали. Иными словами, творит широко и свободно. Общая побелка стен и декора определила скульптурность декоративных деталей в виде ширинок, дынек и других элементов.

В церкви Григория Неокесарийского как будто бы все напоминает предшествующий храм (нет лишь боковых приделов). Однако с 60-х гг. XVII в. зодчие обращаются в наружной архитектуре к цвету. И вот стены храма штукатурятся, но красятся в красный цвет с разделкой под кирпич. Во фризе вставляется крупный изразцовый пояс («павлинье око»), выполненный белорусским мастером Степаном Ивановым Полубесом, украсившим ранее изразцами Новоиерусалимский собор. Сохранился документ, предписывавший зодчим расписать со стороны улицы вход — шатровую колокольню — «розными красками», а гурты на бегущую вверх, к главке, спираль. В окнах появляются узорные решетки. В целом декоративность облика здания возрастает при сохранении прежнего убранства, порой усложняемого растительными мотивами.

К сожалению, ничего нельзя сказать о внутреннем облике этих храмов, поскольку иконостасы отсутствуют. Мы знаем лишь, что свободные, незатесненные, без столбов помещения были хорошо освещены через увеличившиеся в размере окна; стены побелены, что выделяло красочность икон, резьбу и роспись иконостаса. В громадных залах трапезных сохранялись столбы (один или два), отличавшиеся монументальной формой, необходимой для пологих сводов с распалубками над окнами. Сам же храм перекрывался четырехклинчатым сомкнутым сводом, сохранявшим иногда световую главу — световой «фонарь», далекий от символического значения прежнего купола.

Требования церкви об упорядоченности расстановки икон у иконостаса, ее же предписания о необходимости строить лишь пятиглавые, трехглавые или одноглавые храмы и несомненное воздействие монумент-

тального ярославского зодчества видоизменили и постройку приходских храмов в Москве.

Примером может служить церковь Николы в Хамовниках. Белый цвет стен оттеняет красно-зеленую окраску наличников и карнизов. Легко заметить более строгое построение фасадов с выделением центральной оси. По-прежнему храм завершается пирамидой кокошников, но и они стали строже по форме, утерев «скульптурность» наличников храмов в Пыжах и на Б. Полянке. Венчающее пятиглавие несколько мало по сравнению с относительно монументальным объемом, поддержанным сильно увеличившейся трапезной. К основным декоративным элементам наряду с яркой, радующей глаз цветовой гаммой относится стройная и высокая шатровая колокольня, в изобилии убранная различными декоративными деталями. Сюда же следует отнести сохранившийся лишь на центральной главе золоченый прорезной крест, настолько богатый и сложный своим плетеным рисунком, что его легко сопоставить с золотым кружевом, которое в это время в изобилии украшало парадные одежды знати.

Одновременно с развивавшимся в Москве строительством каменных храмов стали появляться и каменные жилые здания. Среди них палаты царского дьяка В. Берсенева (1652 г.) с примыкающей к ним нарядной домовою церковью. Изучение сохранившегося, но перестроенного в начале XVIII в. здания свидетельствует, что это сооружение отличалось известной сложностью композиции, родственной деревянным теремам. Вместе с тем наличники и прочие декоративные детали, обычные в архитектурной практике того времени, свидетельствуют о том, что повышенное декоративное убранство начинает захватывать и эту область каменного зодчества.

Определенный интерес представляют каменные царицыны палаты 1652—1654 гг. и царский дворец, возведенные в Саввино-Сторожевском монастыре, по-видимому, зодчим И. Шарутиным, строившим в эти же годы и крепостной «пояс» монастыря — его башни и стены. Царицыны палаты в своей планировке отразили влияние деревянных зданий, в частности композиции, основанной на сочетании двух клеток по бокам парадных сеней (на самом деле в царицыных палатах помещений значительно больше) с неизменным крыльцом-входом, превратившимся здесь в своего рода «веранду», протянувшуюся вдоль стен всего здания. Кувшинообразные колонки крыльца и портал покрывает начавшая входить в моду тонкая затейливая резьба по белому камню.

В композиции дворца зодчий задался целью соорудить единый блок вытянутого в длину здания с рядом помещений-палат, в планировке которых протупает желание создать анфиладу (внутренние дверные проемы даже украшены порталами). Этот пример говорит о новых исканиях в архитектуре, хотя внешний фасад слишком дробен по своим элементам, декорирующим стены. Он свидетельствует о том, что зодчий скорее стремился сопоставить отдельные части здания друг с другом, нежели создать единый целый блок.

Строительство каменных жилых и церковных зданий в тесно застроенных городах (какой была Москва), а также в монастырях накладывало на зодчих известные ограничения как в масштабах зданий, так и в их композиционном построении. Естественно, что в сельской местности или в усадьбах-вотчинах этих ограничений не существовало и зодчие свободнее могли строить более сложные по композиции здания. Об этом в первую очередь свидетельствуют храмы, возведенные по царскому указу или боярами на пути к Троице-Сергиеву монастырю, ставшему местом массового паломничества. Таков храм в селе Алексеевском

(1680 г., ныне на территории Москвы) и в селе Тайнинском (1675—1677 гг.).

В церкви села Алексеевского обращает на себя внимание высокий четверик основной части здания, увенчанный пирамидой великолепных кокошников и хорошо «собранным» в тесную группу пятиглавием. Памятник кажется еще выше благодаря вытянутым вверх окнам с наличниками, выполненными в виде своего рода цепей из штучного набора лекального кирпича. Здесь явно ощущается стремление к известной собранности, симметрии и мерности построения объема (в последнем подспудно сказывается влияние высоких четвериков деревянных клетских храмов). Трапезная весьма оригинальна: если снаружи это двухэтажное здание, то внутри ее просторный пространственный объем опоясан по стенам галереей, некогда связанной с находившимся рядом «путевым» дворцом.

В храме села Тайнинского значительно большее внимание уделено западному фасаду трапезной, также двухъярусной внутри. Ее верхние и нижние порталы объединены крытыми лестницами-всходами с «ползучими» арками, повторяющими наклон лестничных парапетов. Центр перекрыт полой каменной «бочкой» на железном каркасе, что не только центрирует все построение фасада, но вводит в него элемент пространственности. Это следует рассматривать как нечто новое в развитии русского зодчества, уделявшего, как правило, большое внимание массиву формы, а не пространственному построению внешних и внутренних частей здания.

Уже на приведенных примерах видно, с какой изобретательностью русские зодчие варьировали привычные композиционные формы и элементы декоративного убранства. О высоком мастерстве их в области архитектурного декора свидетельствуют и въездные ворота, и вход переславского Горицкого монастыря, словно затканые каменным ковровым орнаментом, кажущимся необычайно разнообразным по своим декоративным элементам (70—80-е гг. XVII в.). На самом же деле этих элементов всего 7, но благодаря умелым сопоставлениям и расположению под различными углами они производят впечатление необычайно богатой орнаментальной насыщенности общего убранства ворот. Такова же и въездная башня суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря (после 1660 г.).

Редкую одаренность проявил крепостной зодчий Павел Потехин. Среди ряда выстроенных им церквей для бояр Одоевских и Черкасских особенно выделяются две — в селе Маркове под Бронницами (1672—1680 гг.) и в селе Останкино (1687—1688 гг.). Потехин в своем творчестве явно тяготел к сложному архитектурному декоративизму, покрывая стены либо разраставшимися оригинальными по виду наличниками (например, алтарные наличники в Останкинской церкви в виде лучей, обрамляющих подобие короны), либо пучками колонок с перехватами поясками, ширинками и т. п. деталями. Особое пристрастие он питал к большим и малым сочным по форме кокошникам, образовавшим своего рода фриз, то затейливые пирамиды, венчавшие храм: одноглавый — в Маркове, пятиглавый — в Останкино. Расположение кокошников в виде фриза широко применялось на рубеже XVII—XVIII вв. в Суздале. Не меньшее внимание уделял зодчий общему силуэту здания. Он ставил его на высокий подклет, «опоясывая» широким арочным гультышем-галереей, на котором располагал то четыре, то два самостоятельных придела. Высокие шатровые крыльца с подводящими к ним раскидистыми лестницами-входами дополняли и без того сложную композицию храма, продуманную во всех частях, гармонично соединенных

ЦЕРКОВЬ ТРОИЦЫ В ОСТАНКИНО,
1687—1688 гг. Москва.

друг с другом, что при вариациях ритма и форм объемов всегда создавало новое законченное художественное целое. Потехин с полным правом может считаться самым талантливым московским зодчим второй половины XVII в. (до появления зданий в стиле «русское барокко»). В его творчестве с наибольшей полнотой сказалось то внимание, которое все больше и больше уделялось внешнему виду здания. Можно не сомневаться, что и во внутреннем убранстве храмов к этому времени возросла декоративность иконостасов, основанная на применении ордерных форм в виде ажурных, плетеных (обычно из виноградной лозы) колонок, карнизов и иных деталей (к сожалению, последующие «поновления» этих иконостасов привели к полному уничтожению их первоначального облика).

Строительство в Новгороде и Пскове не внесло заметного вклада в развитие архитектуры храмов этого столетия. Самостоятельной страницей гражданского каменного зодчества XVII в. следует считать дома, построенные в Пскове неизвестными зодчими. Если в начале века строятся своего рода дома-крепости (палаты Поганкиных), то в конце того же столетия декоративное начало берет верх (старые палаты Меншиковых)¹⁰.

¹⁰ Палаты Меншиковых не сохранились; известны они по реконструкции Ю. Спегальского, долго работавшего в Пскове (см.: Спегальский Ю. Псков. М.—Л., 1963, с. 211, 215 и 245).

В светских каменных палатах в Пскове в первую очередь видна забота о расположении отдельных помещений. Вовне угадать это расположение почти невозможно, что позволяет считать эти здания как целые расчлененные объемы. Неровность их стен еще больше вносит чувство единства этих не столько построенных, сколько «вылепленных» блоков. Верхние бревенчатые этажи с подзорами, решетчатыми «дымницами» и другими «ухищрениями» строителей вводили элемент декоративизма, в эти поражающие нас своей массивностью здания, но и собственно каменным нижним этажам уделялось, когда это было возможно, не меньшее внимание. Арки крылец, их массивные столбы и, наконец, оригинальные наличники говорят о том, что их авторы считались с особенностями климата — почти ежедневной облачностью, а потому часто в архитектурном орнаменте прибегали к контррельефу в виде всевозможных «строчек» и «бегунцов».

В 1660 г., за один год, опальный патриарх Никон выстроил на Кий-острове в Белом море у устья Онеги Крестный монастырь. Спешность постройки, отсутствие кирпича и квалифицированных резчиков по камню придали трехглавому собору (видимо, даже не имевшему венчающих кокошников), как и остальным постройкам монастыря, необычайно суровый и лаконичный вид. Свообразие архитектуры этого комплекса зданий по существу не укладывается в пределы стилистических приемов XVII в.

Во второй половине столетия в Каргополе на Онеге (бывшем в это время крупным торговым центром) строится ряд храмов, близких по своему архитектурному облику собору Крестного монастыря. Еще ранее, в 1653 г., здесь был сооружен храм Благовещения¹¹. Выстроенный из местного белого камня, храм получил необычайно утонченное по исполнению убранство в виде тяг-«цепей», свешивающихся вдоль подчеркнутой глади стен, и относительно легких килевидных наличников, выполненных из того же белого камня, из штучного набора мелких декоративных форм середины века. И. Э. Грабарь считал храм выдающимся произведением XVII в., наделенным «ошеломляющей нарядностью»¹².

К «северной архитектуре» следует отнести «Новый город» Кирилло-Белозерского монастыря, начатого постройкой еще в 1633 г. и законченного в 1679 г. Его грандиозные угловые башни со скупым, но в то же время изысканным по рисунку декоративным убранством производят неотразимое впечатление своей мощью и редкой монументальностью. В архитектуре новых крепостных стен северного монастыря играет роль и «внутреннее видение», т. е. трехэтажные открытые внутри монастыря галереи. Их ритм, особая пространственность и меняющийся рисунок проемов по ярусам создают удивительно сильное впечатление.

Несмотря на ярко выраженный крепостной характер «Нового города», часть его нижних «печур» (арочных проемов, в которых помещались пушки для стрельбы через бойницы) была заложена. Они были украшены с внутренней стороны наличниками и превращены в хозяйственно-бытовые помещения монастырского обихода. Это предвещало преобразование каменных крепостей в новые здания, в данном случае в промышленные или торговые. Таковы были Гостиные дворы в Москве и Архангельске (последний был построен в 1668—1684 гг. зодчим Д. Старцевым). Здесь «печуры» превратились в лавки. Оставалось сделать лишь один шаг, чтобы окружить подобные торговые центры

¹¹ Некоторые авторы датируют его концом XVII в.

¹² См.: Грабарь И. Э. История русского искусства, т. I. Б. м., б. г., с. 14.

крытыми аркадными галереями и устроить входы в лавки с наружной стороны, что и было осуществлено уже в начале XVIII в.

В средней полосе России на протяжении XVII в. также были построены крепостные стены и башни ряда монастырей: среди них выделяется редким по красоте декоративным убранством с применением большого количества изразцов Иосифо-Волоколамский монастырь, построенный в 1670—1688 гг. зодчим И. Трофимовым.

Деревянное зодчество XVII в., в особенности гражданское, исследовано недостаточно. Жилые деревянные здания даже при хороших климатических условиях сохраняются не более 70—80 лет. Тем не менее рисунки — наброски иностранных путешественников, все возраставшее желание точно изобразить на иконах тот или иной монастырь с его деревянными постройками, «изобразительные» планы усадеб в городе и деревне и другие подобные материалы дают возможность хотя бы в общих чертах представить себе деревянную архитектуру XVII столетия. Помимо этого описания жилых зданий, преимущественно более или менее богатых слоев населения, дворянства и боярства, встречающиеся в былинах, дополняют наши еще весьма скудные знания о жилой архитектуре этого времени¹³.

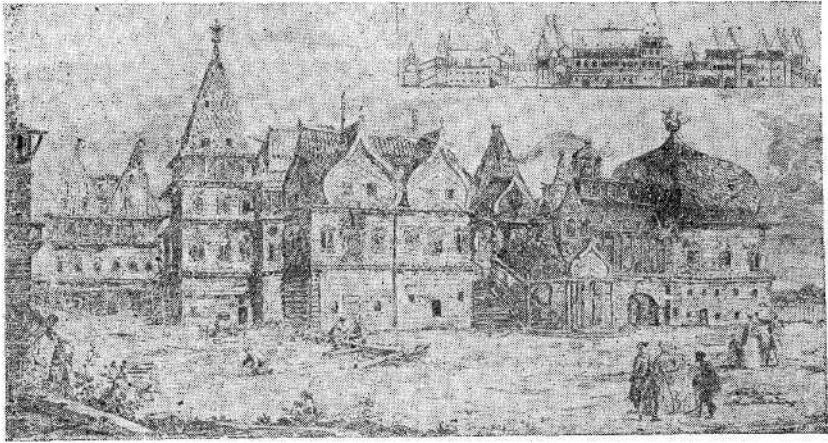
Не только сравнительно большие города, но и деревенские дворянские усадьбы, села и деревни, как правило, представляли собой весьма живописную картину, легко угадываемую в рисунках чертежей-планов, в путевых набросках, даже в плоскостной живописи икон. Естественно, что как бы ни была живописна группировка так или иначе расположенных или соединенных клетей, красоту их внешнему облику придавали крупные декоративные детали, резьба. Так, крыши украсили прорезные ажурные дымницы; большое внимание уделялось декоративному оформлению ворот и крылец (ведь по ним судили о дородности и состоятельности хозяина), резьбе на косяках входных парадных дверей, балясника перил лестниц и ограждений площадок-рундуков крылец.

Присматриваясь к принципу размещения декоративного убранства и его соотношению с объемами украшенных им клетей, можно лишь раз сказать, что он подчеркивал масштаб и общую соразмерность архитектурных форм клетей, восьмериков, башен-повалуш с их разнообразными кровлями. Вместе с тем убранство противостало им как относительно самостоятельная область деятельности зодчих-плотников или стремилось ввести их в свою орбиту. Так, концы тесин кровель обрабатывались городчатым или копьевидным орнаментом; их тень на горизонтальных бревнах (венцах) здания образовывала темный («негативный») узор, дополнительно украшавший здание.

Искусством зодчих-плотников в течение XVI—XVII вв. был создан царский дворец в Коломенском. Каждую отдельную его часть отмечала то шатровая, то «кубоватая» (над столовой палатой), то иная затейливая кровля, крытая узорным по рисункам гонтом — деревянной черепицей. Применение стекла позволило украсить здание большими наличниками причудливой формы, обрамлявшими «красные» окна. В целом,

¹³ О планировке русского жилища XVII в. см.: Очерки русской культуры XVII века, ч. 1, гл. «Жилище». М., Изд-во Моск. ун-та, 1979, а также: Шамбинаго С. Древнерусское жилище по былинам.— В кн.: Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900.

ДВОРЕЦ В КОЛОМЕНСКОМ,
1667—1681. Гравюра Г. Гильфендинга, XVIII в.

как снаружи, так и внутри, Коломенский дворец давал повод говорить о нем как о своеобразной феерической сказке и называть его «осьмым чудом света»¹⁴. Расположение главных парадных клетей одна вслед за другой, с фасадом, обращенным к церкви Вознесения и пойме Москвы-реки, создало возможность осуществить здесь известную анфиладность помещений. Подходя к главной палате с царским тронem в ней, посетитель поднимался на несколько ступеней вверх. Это «восхождение» имело определенную идейную основу, примененную затем в дворцовых зданиях последующего времени.

Знаменательно, что к парадным помещениям дворца примыкали жилые и другие разнообразные клетки хозяйственного назначения. Можно, следовательно, сказать, что этот комплекс, получивший окончательное оформление в 1667—1681 гг. под руководством С. Петрова и А. Михайлова, в принципе не отличался от дворца рачительного хозяина.

Деревянные церкви XVII в., сохранившиеся на севере России несравненно лучше, чем в ее центральной полосе, не раз привлекали многочисленных ученых своей необычной формой, красотой и выразительностью, лаконичной композицией. Однако многие статьи и специальные книги почти не дают ответ на вопрос о художественной природе этого большого и многостороннего явления. Более того, одно время господствовал взгляд на деревянное церковное зодчество как на зодчество, стилистически отличное от современного ему каменного. Лишь сравнительно недавно (в 1969—1970 гг.) П. Н. Максимов в специальном докладе, посвященном этой животрепещущей проблеме, показал на ряде примеров, что деревянная русская архитектура XVII в. в своем развитии шла примерно тем же путем, что и каменное зодчество¹⁵. Если в начале столетия деревянные храмы Севера, как правило, весьма высокие, просты и выразительны благодаря своим «чистым» объемам, то к концу века они становятся настолько декоративными, что в отдельных случаях даже превосходят то, что осуществлялось в камне. Для примера можно сравнить шатровые гиганты сел Выи Панилова с шатровыми каменными храмами рубежа XVI в.— они примерно равнозначны по сво-

¹⁴ Полоцкий Симоен. Приветство государю и великому князю Алексею Михайловичу... В кн.: Избр. соч. М.—Л., 1953, с. 104.

¹⁵ Доклад не опубликован.

им художественным свойствам и поставленным зодчими задачам. Если же обратиться к концу XVII—началу XVIII в., то сразу же обнаружится нарастание декоративного элемента, который настолько подчиняет себе объемное построение, что в нем становится трудно разобраться. Достаточно сопоставить церковь «русского» или, иначе, «московского барокко» в Филях с Преображенским храмом погоста в Кижях, чтобы понять художественные изменения, происшедшие в деревянной русской архитектуре за XVII столетие.

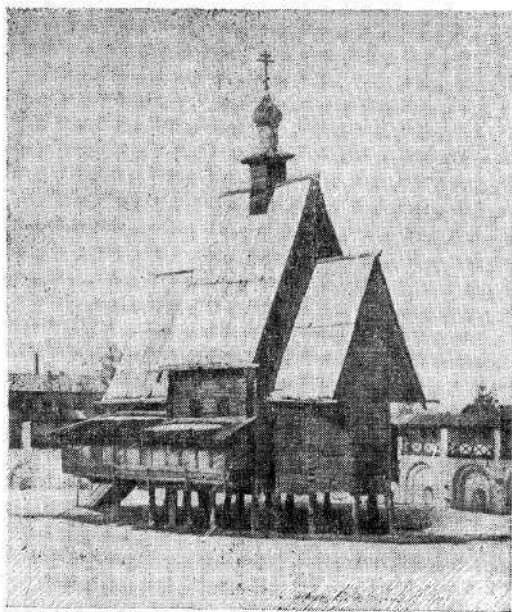
Прежде чем рассмотреть наиболее выдающиеся произведения деревянной храмовой архитектуры, остановимся на двух закономерностях, как правило, наличествующих почти во всех таких сооружениях. Деревянный храм, какой бы формы он ни был в завершающей своей части, всегда имеет тенденцию к расширению своих последних венцов («повал»). В результате этого приема даже простой клетский храм (близкий жилой клети) приобретает известную обостренность силуэта. Завершающая последние венцы своего рода полка — «полица», зрительно как бы отделяющая венчающее перекрытие в виде шатра, «бочки», кубовидного завершения и т. д., усиливает этот прием. А падавшая тень от узорных концов тесин покрытия полицы зрительно дробила однообразную протяженность венечных бревен. Вся эта система носит отпечаток завершающих же частей — многообломных карнизов каменных храмов. Вместе с тем этот прием выделяет деревянный храм среди окружающих его жилых и хозяйственных построек, делает его более приметным в ландшафте; нередко храм ставили на известном расстоянии от села или погоста.

Второй особенностью деревянного зодчества следует считать сравнительно низкий внутренний «потолок», выполненный то наподобие солнечного диска с расходящимися лучами («небо»), то узорными рисунком набора «дорожками», зажатый между несущими перекрытие балками. Таким образом, внутренний незатесненный объем храма был обособлен от венчающей части, что заставило говорить о декоративности подобного приема во всех его разновидностях. Если помещение храма и примыкающих к нему приделов было свободным, что в известной мере сближало его с внутренним пространством клетского храма, то в трапезные XVII в. были внесены декоративные элементы в виде мощных столбов с резьбой, воспроизводившей дыньки с жгутами-перехватами. Ветвеобразные криволинейные подкосы придавали этим столбам облик фантастических деревьев («русских атлантов»), принимавших на себя тяжесть прогонных балок потолка. Следовательно, при всей своей декоративности эти столбы были наделены и определенным функциональным смыслом, всегда присущим русскому складу художественного мышления.

«Опушенные» лавки вдоль стен (с красивым вытесанным рисунком силуэта вниз к полу «подзора»), богато покрытые резьбой свечные ящики с неизменными сложными розетками-солнцами или перекидные скамьи с красивым ажурным рисунком спинок, точеные токарные подсвечники, резные порталы — все это составляло архитектуру «малых форм». Резьба не только вносила определенное своеобразие в облик полугражданских, полусветских трапезных (здесь проводилось собрание-прихода, общинные «братчины» — обеды и т. п.), но и противостояла преимущественно живописному убранству самого храма (иконостас, отдельные иконы, роспись «неба» и тябл иконостаса, его прорезные золоченые колонки и венчающие их раскрепованные, т. е. выступающие над колонками горизонтально протяженные антаблемента-пояса стиля «русского барокко», заменившие расписные тябла во второй половине

XVII в.). Деревянный храм, даже относительно небольшой по своему размеру, был подчинен определенной продуманной декоративной системе, заметно изменявшейся в течение XVII столетия в сторону усиления декоративного начала как вовне, так и внутри сооружения.

Эта тенденция проявила себя начиная с так называемых клетских храмов. Если церковь села Благовещенского под Загорском напоминает простую избу, к которой прирублена трапезная и более маленькая гранная пристройка алтаря, не говоря о шатровой колокольне, то в церкви села Спас-Вежи на Волге (1628 г.) те же формы получили необычайно обостренный силуэт¹⁶. Высокие крутые крыши взметнулись на высоту, превышающую собственно

ЦЕРКОВЬ с. СПАС-ВЕЖИ,
1628 г. (Находится на территории
Костромского музея-заповедника).

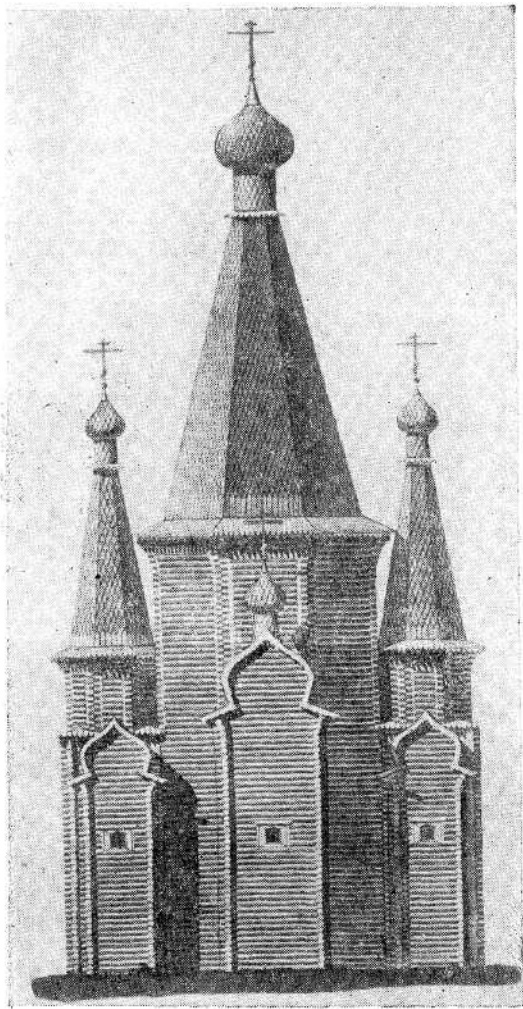
храм, стоящий на сваях, так как весной в паводок Волга затопляла село. Такие крыши, получившие название клинчатых, особенно выразительны, будучи повторены трижды — на трапезной, собственно храме и алтаре. Крытое одноэтажное гульбище, «опоясывающее» с трех сторон храм, вводит в облик здания элемент ступенчатости, подчеркивающей устремленность ввысь этого действительно дивного храма, невольно сопоставляемого в художественном отношении с «Дивной» шатровой трапезной Алексеевского монастыря в Угличе.

Аналогичную трансформацию претерпели шатровые деревянные храмы. Если церкви Панилова и Выи — это громадные массивные башни, поднимающиеся вверх полновесными восьмериками непосредственно от земли и завершенные аналогичными по строению шатрами, то с XVII в. силуэты храмов обостряются, тянутся еще больше вверх, что достигается постановкой восьмерика на четверик, высокими «прирубками» алтаря и притвора с бочкообразными кровлями. Таковы храмы сел Белой Слуды (1692 г.), Пиялы (1651 г.; на прирубках последней стоят небольшие шатрики) и знаменитой Варзуги (1674 г.).

В 1673 г. в селе Сельцо на реке Ельце Архангельской области появляется шатровый храм с двумя шатровыми приделами по бокам, напоминающими памятники Ярославского каменного зодчества этого времени.

К концу столетия в шатровых деревянных храмах отчетливо наблюдается тенденция усложнения композиций далеко выступающими притворами, перекрытыми крутыми и далеко видными «бочками», поставленными даже и над алтарями. Сверху их поднимаются остроконечные шатры. Постройка в Обонежье деревянных крепостей (Повенец) с

¹⁶ В настоящее время церковь из Спас-Вежи находится в Ипатьевском монастыре в Костроме на территории Костромского музея-заповедника.

ЦЕРКОВЬ УСПЕНИЯ В с. ВАРЗУГА,
1674 г. Мурманская область.

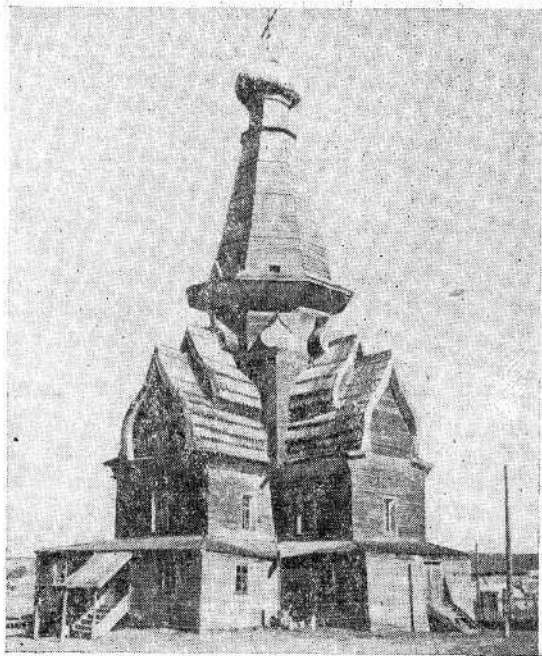
еобразный гимн луковичной главе, ставшей символом русской национальной архитектурной формы. Трудно поверить, что вся эта пирамида объемов и глав внутри отсечена «небом», делящим внутреннее пространство соизмеримо с фигурой человека, в то время как гигантская внешняя форма царит над ширью Онежского озера и его невысокими покатыми берегами. Храм в Кижах — подлинное чудо плотничьего искусства. Он не только сопоставим с дворцом в Коломенском, но, пожалуй, превосходит последний своей несравненной выдумкой, светотеневой игрой крупных и мелких деталей отделки. Вместе с тем, несмотря на отличие от почти одновременных каменных памятников «русского барокко», храм все же может быть сопоставлен с ними. Материал — дерево — внес здесь свои коррективы, но и в общем силуэте и в пристрастии к приукрашенности здания чувствуется та же основа, что была заложена в произведениях московских каменных дел мастеров

башнями, повторяющими формы каменных, естественно, отразилась на архитектуре шатровых деревянных храмов округи. Так, в середине или вверху, под завершающими восьмериками венцами, появились повалы, украшенные декоративными фронтонами, воспроизводившими машикули «навесного боя» каменных башен.

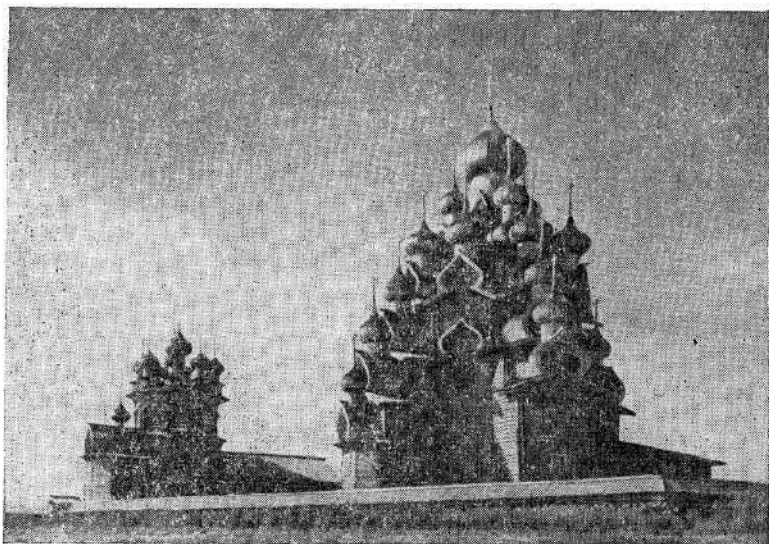
Одновременно с шатровыми храмами создаются иные по завершению памятники. Такова церковь села Шуерецкого 1666 г. с «кубоватой» кровлей, заставляющей вспомнить и Коломенский дворец, и башни ростовской митрополии. Не менее интересна церковь Ширкова погоста (1697 г.) под Великими Луками, ярусы клинчатых кровель которой неудержимо растут вверх к мощной главе.

Все усиливающийся декоративизм в сопоставлении объемов, в увеличении числа глав, в мощи отдельных частей и деталей находит свое завершение в знаменитом 22-главом Преображенском храме села Кижей (1714 г.). Его композиция настолько сложна, что даже опытному человеку трудно разобраться в прирубах, восьмериках и огромном числе чешуйчатых, крытых городчатым лемехом глав. Это как бы сво-

Жилые здания последнего двадцатилетия XVII в. должны вполне закономерно привлечь наше внимание. Любопытно, что некоторые из них, построенные еще недавно — в середине столетия, достраиваются или перестраиваются сообразно новым вкусам. Таковы палаты Голицына в Охотном ряду (не сохранились). Их композиция и покрытие отдельных частей самостоятельными крышами следовали еще распространенному «теремному» принципу. Существенным новшеством было внешнее убранство, в котором были применены пучки «готизирующих» колонок и новые наличники окон второго этажа. Они состояли из двух колонок по бокам оконного проема, более или менее пышного внешнего же «подоконника» с кронштейнами и другими декоративными «ухищрениями». Особое внимание уделялось завершению наличника преимущественно в виде крутого, «разорванного» сверху фронтона с затейливыми вставками.

ЦЕРКОВЬ ВОСКРЕСЕНИЯ В с. СЕЛЬЦО.
1673 г. Архангельская область.

ЦЕРКОВЬ ПРЕОБРАЖЕНИЯ В КИЖАХ,
1714 г.

В Охотном ряду были возведены палаты боярина Троекурова. Если в их плане заметна устойчивая тенденция сохранить привычное расположение палат-комнат, идущее от деревянных жилых зданий, то во внешнем виде сооружения появилось действительно нечто новое. Увеличенный в высоту верхний этаж с красивыми резными в белом камне наличниками, где сочетается как высокий, так и низкий рельеф отдельных его элементов, объединяет прежнюю теремную композицию в единый блок. Терем превратился в дом-дворец, а его ярусы — в этажи, подчеркнутые теми же колонками и карнизами, сопоставляемыми с масштабom фигуры человека.

Открытие в последние годы в Москве, на стыке улиц Кропоткина и Метростроевской, жилых зданий «русского барокко» показывает, что дом-блок как единое целое здание становится ведущим образцом. Эту тенденцию можно проследить в большом по протяженности и количеству зал-комнат царском дворце в Троице-Сергиевом монастыре, специально построенном для частых в те годы царских приездов. Дворец, носивший название «Чертогов», имеет вытянутое вдоль фасада гребенчатое, но не на столбах, а на колоннах, и торжественные лестницы, ведущие на второй, главный, этаж. Большое внимание было уделено внешнему виду здания. На место обычной для этого времени окраски стен по штукатурке «под кирпич» пришло многоцветие. Наличники и пояса-карнизы были выполнены из многоцветных изразцов, а стены снаружи расписаны «розными красками» под граненый руст — такая роспись была образно названа «под шахмат». Зрительное впечатление некой объемной поверхности стен находило себе соответствие в сильно вынесенных вперед наличниках. Хотя «Чертоги» оставались жилым зданием, размер которого был продиктован положением владельца, все же в его архитектурном облике можно усмотреть некое, пусть еще слабо выраженное, общественное начало.

Так, в 90-е гг. на Красной площади в Москве было построено здание аптеки с уникальными по красоте скульптурными, многоцветными изразцовыми наличниками. Большой ордер, охватывавший основные этажи здания, башня из восьмериков в его центре над главным входом, вводящая симметрию в единый блок здания, — все это свидетельствовало о новом понимании архитектуры.

Теми же качествами наделен стоящий напротив Монетный двор. Торжественный ордерный портал, богатая белокаменная резьба с применением растительных мотивов и «фриз» окон верхнего этажа, украшенный изразцами, говорят о широком и мощном распространении новых архитектурных и декоративных форм. Для создания последних были использованы гравированные листы и специальные книги, которые выписывались из-за рубежа, и нет ничего удивительного, что на этом этапе мы обнаруживаем связь русского искусства (архитектуры, живописи и декоративно-прикладного искусства) с искусством Западной Европы, в частности Голландии.

Все развивавшийся общественный характер архитектуры «русского барокко» отразился и на архитектуре малых построек. Примером может служить Крутицкий теремок 1694 г. — въезд в усадьбу крутицкого митрополита. Сам теремок, построенный О. Старцевым, лишь отмечавший своим объемом въезд и вход в усадьбу (он был связан галереей с церковью и жилыми палатами), сплошь облицован изразцами. Неким «чудом» следует считать ажурные колонки наличников, воспроизводящие виноградные лозы с гроздьями ягод. В декоративности Крутицкого теремка следует отметить более последовательное и верное понимание

ордерных форм, которые еще недавно рассматривались лишь как украшение фасадов зданий.

Самым ярким произведением светского зодчества, несомненно, следует считать Сухареву башню (не сохранилась), построенную зодчим М. Чоглоковым в 1692—1695 и 1698—1701 г. как памятник победы молодого Петра над царевной Софьей¹⁷. Сухарева башня общей композицией плана и объема еще тесно связана с привычными для древнерусского зодчества приемами. На высокий аркадный подклет с парным проездом по центру поставлен четкий ярусно-этажный параллелепипед основной части здания. К нему вела одна из самых торжественных лестниц Москвы. Основная часть сооружения в плане представляла собой знакомое размещение палат по сторонам своего рода сеней, расположенных по центру здания с освещавшими их парными лоджиями. Последние тем самым связывали «подклет», с его парным же проездом, с массивом основной части, над которой высилась ярусная восьмигранная башня, завершенная шатром. Все ярусы здания были богато украшены колоннами, стоявшими в простенках и на углах, а также наличниками барочного характера с «разорванными» фронтонами. Красно-белая окраска придавала Сухаревой башне некоторое сходство с западноевропейскими ратушами, однако в целом, как и в особенностях ее композиционных элементов, отчетливо были видны типично русские черты, в которых торжествовало светское, «мирское» начало.

Развитие и формирование стиля «русского барокко», как правило, происходило в Москве и ее округе — в вотчинах знатнейших бояр. Лишь Строгановы пошли на то, чтобы в своих городских владениях — в Сольвычегодске, Нижнем Новгороде, Устюжне Железопольской — возвести новые каменные храмы в новом духе. К сожалению, почти ничего неизвестно о появлении новых зданий в конце XVII в. в других городах России. Лишь в Ярославле, рядом с храмом Иоанна Предтечи в Толчкове, сохранилась многоярусная восьмигранная с самого низа колокольня, весьма похожая на голландские ратушные башни. Что же касается жилых зданий названного стилистического направления, то они появляются на рубеже двух веков и известны в очень ограниченном числе. Примером может служить дом купца Коробова в Калуге, поставленный на относительно высокий подклет. По членению фасада и наличию в центре шатрового крыльца легко угадывается традиционная схема плана (палаты по сторонам сеней). Лишь наличники с разорванными вверху фронтонами и колонками по сторонам окон свидетельствуют о времени сооружения и о том, что развитие и распространение «русского барокко» в противоположность предшествующим этапам развития каменного зодчества возникло не в среде народа и его талантливых мастеров, а было привнесено «сверху», из кругов царского двора и боярства. Дом Коробова наделен еще одной особенностью, ставшей характерной как для столичного, так и для провинциального зодчества того времени. Его единый объем завершен широким карнизом, где ведущую роль играет поребрик, т. е. кирпичи, уложенные углом к плоскости фасада — «пилообразно», создающий несколько дробный, но сильный по своим светотеневым свойствам декоративный прием, особенно развившийся и часто применявшийся именно в эти годы даже в сельских зданиях.

¹⁷ Башня была названа по имени стрелецкого полка, поддержавшего выступление Петра в 1689 г.

Пожалуй, наиболее оригинальные черты «русского барокко» сказались в архитектуре церквей, даже тех, которые строились на средства прихожан и в композиции которых порой сказываются деревянные формы — «четверики». В литературе высказываются различные мнения по поводу происхождения композиции, где главную роль играет четверик, окруженный полукруглыми притворами с алтарем, завершенными убывающими ввысь восьмериками, один из которых был приспособлен под звон, т. е. колокольню, возродив тем самым древний прием храма «иже под колоколы»¹⁸.

Сравнение композиционных приемов храмов «русского барокко» (или, вернее, «нарышкинского стиля») с современными или более ранними по времени деревянными храмами позволяет думать, что общие формы последних могли оказать влияние на творчество «московской школы» зодчества этой поры. В целом же проблема происхождения этого стиля остается нерешенной.

Первые каменные храмы «русского барокко» появились в начале 80-х гг. XVII в. в вотчинах бояр Прозоровских. Основной композиционный прием этого стиля — «восьмерик на четверике» — был осуществлен впервые в 1684—1688 гг. в церкви села Петровского (ныне Петрово-Дальнее). Эта композиция была настолько удачной, что, видоизменяясь, просуществовала до времени позднего классицизма (ампира 40-х гг. XIX в.). Знаменательно, что храм в Петровском был лишен оконных наличников, а колонны стояли лишь между полукружиями притворов. Иконостас внутри был необычайно прост, почти ничем не напоминая позднейшие пышные алтарные иконостасы, возносившиеся под самый купол.

Наряду с новой внешней композицией подобного храма несомненным новшеством и крупным завоеванием было построение внутреннего пространства. Попадая в притворы, человек видел сравнительно низкое, как бы округлое помещение, примыкавшее к высокой арке, ведшей в главную часть храма. При подходе к притягивающей его взор арке перед ним взлетал вверх свободный, незатесненный, ясный в своих границах пространственный объем, коренным образом противостоящий почти бытовому внутренним помещениям храмов предшествующих десятилетий, даже если они были относительно велики. Это пространственное построение было новым словом в русском каменном зодчестве. Оно порвало с предшествующим временем, как бы подготавливая то, что должно было развиться в следующем, XVIII столетии. Если же вспомнить слова С. Медведева о том, кого прославляли подобные храмы, имевшие даже специальные ложи для владельца, расположенные над стоявшим внизу народом (церкви в Филях, Троице-Лыкове), то станет ясно, что эти словно точеные, разукрашенные внутри и снаружи здания почти ничем не были связаны с идейно-образным мышлением предшествующих зодчих, как бы ни были талантливы последние. Чтобы понять все различие между храмами третьей и последней четвертой XVII в., стоит сопоставить храм в Маркове (архитектор П. Потехин) и храм в Уборах (архитектор Я. Бухвостов), построенный в период наивысшего подъема стиля «русского барокко». В первом — сравнительно неболь-

¹⁸ Одно время предполагали, что в формировании подобных храмов определенную роль сыграло украинское зодчество, где встречаются в эти годы храмы, напоминающие московские. Однако большой ордер и наличие своего рода башен вместо одноэтажных московских притворов, а также поездка московского зодчего О. Старцева в Киев с обозом вытесанных в Москве декоративных деталей заставляют критически отнестись к этой гипотезе (см.: Подъяпольский Р. Петровский дворец на Язуе. — В кн.: Архитектурное наследство, т. I. М., 1951, с. 30).

ЦЕРКОВЬ ЗНАМЕНА В ДУБРОВИЦАХ,.....

близ Москвы, 1690—1704 гг.

шие, даже тесные помещения и переходы-гульбища; в другом — светлое, поднимающееся ввысь пространство. Даже арки, ведущие в центральную часть, зрительно подготавливают этот подъем, имея слегка заостренную «готическую форму».

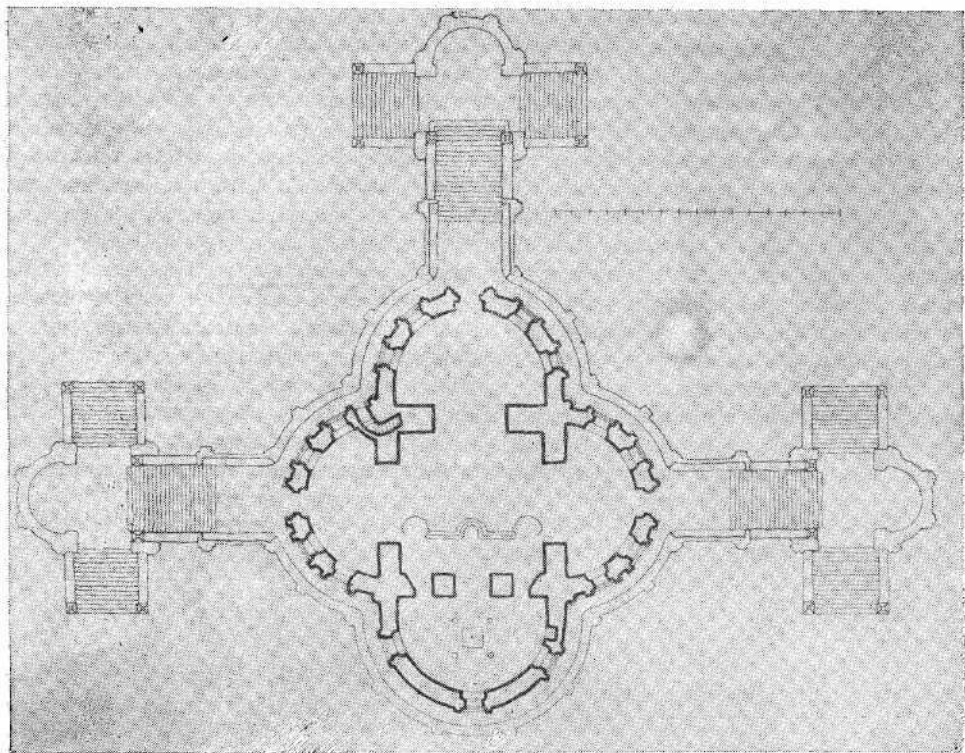
Уже в начале 90-х гг. пышность декоративных растительных и ордерных форм иконостасов достигла такой сложности, великолепия исполнения и фантастических сочетаний декоративных мотивов, что собственно архитектура иконостасов стала превалировать над живописью икон. Ее яркость и известная пестрота не могли тягаться с золоченой ажурной резьбой колонн, пышных картушей из листьев аканта. Это сказочное великолепие к тому же подчеркивалось белеными внутренними стенами. Нет ничего странного, что это богатство форм с сере-

ЦЕРКОВЬ ПОКРОВА В ФИЛЯХ,
1693 г. Москва.

дины 90-х гг. Перебросилось и на наружный белокаменный декор, тем самым продолжая традицию связи внутреннего убранства с внешним, которая, видимо, впервые была применена еще в памятниках Владимира XII в.

[Говоря о новом, что так ярко и сильно проявило себя в «русском барокко», нельзя не отметить деятельное претворение в архитектуре традиционных форм, в частности подклета, то высокого, как у церкви Покрова в Филях, законченной в 1693 г., то относительно низкого, как в уникальном храме Дубровиц, законченном в первые годы XVIII в. • я сплошь покрытом белокаменной резьбой. Сюда же надо отнести боко-

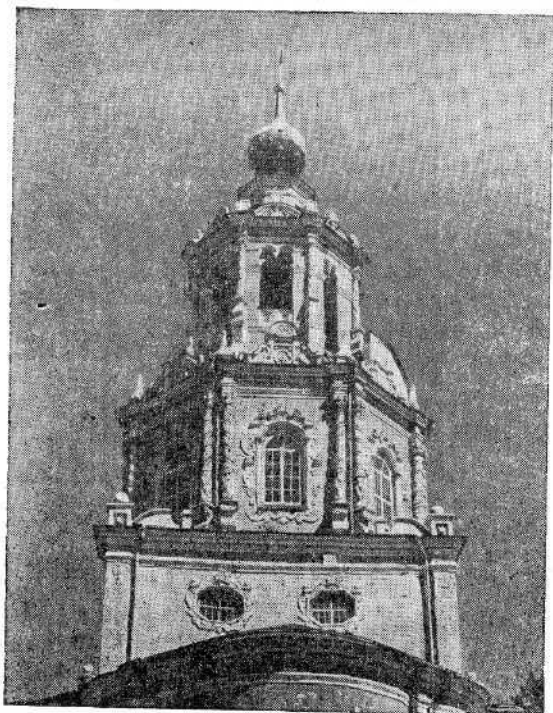

ПЛАН ЦЕРКВИ ПОКРОВА В ФИЛЯХ.

вые притворы, бывшие недавно приделами, остроту ступенчатого силуэта, усиленного надкарнизными гребнями, и многоглавие. Эта живая в своем развитии связь с недавним прошлым при всей оригинальности форм новых произведений сохраняла в них то русское национальное понимание архитектурного мышления, которое сложилось за предшествующие века. Западные барочные архитектурно-декоративные мотивы претерпевали аналогичную трансформацию, свидетельствовавшую о силе и целенаправленности национального художественного творчества.

Казалось бы, принятие ордерных форм, также понятых и переработанных согласно русскому пониманию декорирующих элементов, введет известное единообразие в облик зданий. Однако этого не случилось. Так, классическая для стиля «русского барокко» церковь в Филях яри всей своей декоративности композиции: с раскидистыми лестницами, полукружиями притворов и алтаря, гранеными золочеными главами и т. П. — все же в известной степени графически строга, в то время как храм в Уборах (частично искажен) отличается определенной «скульптурной» мягкостью, как и близкая ему по декору церковь Николая «большой крест» 1688 г.¹⁹ Более того, среди памятников этого времени можно наметить известные «школы», как, например, «строгановская школа», произведения которой отличаются не только весьма широким диапазоном декоративных растительных форм (розетки, гирлянды и т. д.), но и оригинальностью сводчатых завершений. Эти своды, венчающие храмы, своей сложностью создают более динамичное внутрен-

¹⁹ Последняя не сохранилась.

ЦЕРКОВЬ СПАСА В УБОРАХ,
 близ Москвы, 1694—1696. Фрагмент.

нее пространство²⁰. Аналогичное можно сказать о таких небольших храмах-капеллах, как церковь Петра Митрополита в Высоком Петровском монастыре в Москве, (1690 г.), где трехчастные притворы и алтарь слились в форму розетки из круглящихся апсид, чередуя более крупные с меньшими.

Декоративные формы «русского барокко» были применены и в пятиглавых храмах соборного типа. Таков Рязанский собор зодчего Я. Бухвостова (конец 90-х гг. XVII в.), обильно покрытый растительным и цветочным, резаным в белом камне орнаментом. Чудом декоративности следует считать церковь Воскресения «в Кадашах» в Москве, построенную в 1688—1713 гг. Основной декор здесь сосредоточен на ярусных «гребнях» верха, заме-

нивших прежние кокошники. Острый и тонкий шатер как бы предвещает шпили зданий начала следующего века.

В московских монастырях — Симоновом, Новодевичьем, Троице-Сергиевом и Солотчинском под Рязанью — были построены полусветские здания больших трапезных. С восточной стороны к ним пристраивалась церковь, однако основное внимание зодчих было сосредоточено на зданиях самих трапезных палат, выделявшихся своим объемом. Если снаружи это были высокие, но одноэтажные корпуса на более или менее высоком подклете и украшенные пышными наличниками и колоннами, поставленными в каждом простенке или собранными в «пучки» на лугах, то внутри взору открывались в полном смысле этого слова грандиозные протяженные палаты. Некоторые из них достигали невиданных для тех лет размеров как, например, троице-сергиевская трапезная (31 м × 15 м). Высокие коробовые своды придавали значительную пространственность. Трапезная Троице-Сергиева монастыря по сводам была украшена гигантскими барочными картушами и декоративной лепниной.

Одной из особенностей «русского барокко» следует считать ярко* выраженное стремление к созданию единого по стилю и декоративным формам ансамбля, основанного не на принципах живописной «теремной» композиции, а на первых проявлениях относительной «регулярности», предвосхищающих эти свойства в последующей, петровской архитектуре. Эта «регулярность» сказывалась в построении ансамбля по определенным направляющим осям, в единстве приемов убранства и в формах последнего. Таков Новодевичий монастырь в Москве с его ред-

²⁰ Например, церковь Рождества в Нижнем Новгороде, законченная в начале XVIII в. и др.

кой по красоте шестиярусной колокольней, по оси которой стоят древний собор и современная колокольне трапезная, надвратные храмы, стоящие почти напротив друг друга, и «короны» завершения башен дополняют названные свойства этого стилистического направления. Аналогичное решение было планомерно проведено в Донском монастыре в Москве, где «регулярность» композиции подчеркнута центричностью построения общего плана: в квадрат, образованный стенами с башнями, поставлен монументальный собор оригинального облика: его притворы поднялись до карниза общей завершающей храм крыши.

«Русское барокко» конца XVII в. завершает развитие русского каменного зодчества мощным аккордом, свидетельствующим о бурной деятельности зодчих этой поры. Новые приемы и формы, проявившиеся в нем и оказавшие бесспорное воздействие на мышление архитекторов последующего времени, складывались исподволь, впитывая все то новое, что несла жизнь развивавшегося Российского государства. Бурное цветение «русского барокко» не только доказывало жизненность многих приемов зодчества XVII в., но поставило даже вопрос об органическом продолжении национальных форм в архитектуре нового послепетровского времени.

Развитие русской живописи в XVII в. делится на два этапа, граница между которыми проходит почти посередине столетия. Первый этап (1600—1650-е гг.) отличается попытками оживить уже явно угасающий дух прежнего великого искусства как путем сугубо ортодоксального следования древнему художественному канону, так и путем повышенной его эстетизации. В первом случае продолжалась линия развития искусства грозненской эпохи, во втором — линия искусства типа «строгановской школы», поздний вариант которой продолжал существовать вплоть до середины XVII в.

Второй этап (с 60-х гг. и до конца столетия) характеризуется постепенным отходом от традиционного стиля древнерусской живописи в все обостряющимся интересом к искусству, что позднее приобрело наименование «реалистического», а в рассматриваемую эпоху ассоциировалось в области живописи с западноевропейским искусством или, как тогда говорили «фряжским письмом». Времени второй половины XVII в. было суждено оказаться весьма важным этапом на пути создания светского искусства России.

Развитие живописи в Москве в первой половине XVII в. шло весьма замедленными темпами. Такие иконы московских мастеров, как «Достойно есть» — 1602 г. и «Симеон Столпник» — 1605 г. (обе — в ГТГ¹), еще полностью связаны с академически холодным искусством «Годуновской школы», основные стилистические принципы которой долгое время продолжали оставаться ведущими для художественной провинции. Этому же стилю придерживались в первой трети столетия и при выполнении особо ответственных официальных заказов. Примером могут служить многочисленные иконы, написанные в 1626 г. для иконостаса собора Чудова монастыря в Московском Кремле, а также иконостас кремлевской Ризположенской церкви, созданный иконописцем Наза-

¹ См.: Антонова В. И., Мнев Н. Е. Каталог древнерусской живописи. — ГТГ, т. II, М., 1963, № 692 (рис. 96), 693 (рис. 97).

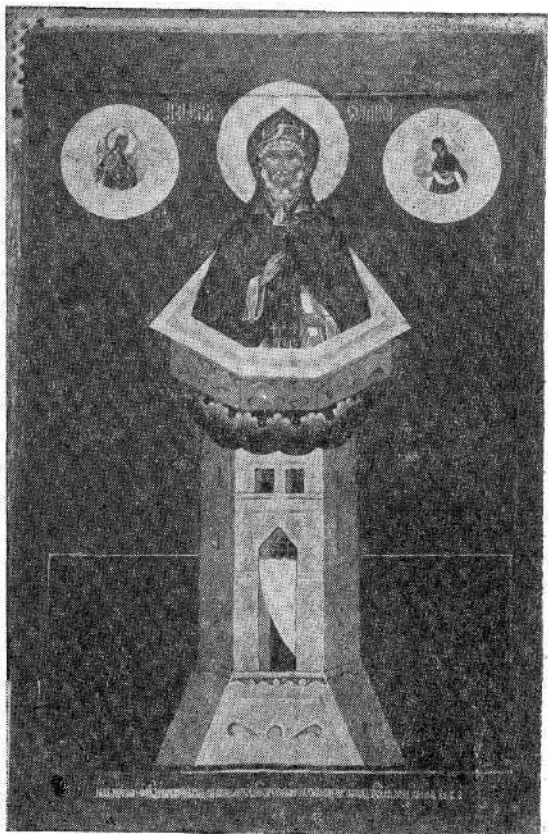

рием Истоминым «с товарищи»². Несмотря на попытку художников несколько «оживить» традиционные изображения отдельных «чиновных» фигур, придав известный психологизм их лицам и усилив элемент общего движения, в них почти не чувствуется живого творческого дыхания.

Гораздо более живой струей в русском искусстве первой трети столетия была живопись мастеров «Строгановской школы» в ее завершающей фазе. Отмеченное печатью большей человечности, зачастую некоторым лиризмом образов, искусство «строгановцев» продолжало в своей основе оставаться также традиционным, с большой осторожностью допускавшим в свой идеальный мир какие-либо элементы окружающего художников живого «тварного» бытия. Тем не менее в некоторых памятниках черты жизненности, интерес к природе, а порой даже известный психологизм образов проступают уже довольно явственно. Так, в

иконе начала XVII в. мастера Перши «Избиение святых отцов в Синае и Раифе» (ГРМ)³ чувствуется стремление передать трагическую атмосферу действия, представленного в духе батального жанра — с многочисленными фигурками бегущих, рубящих, колющих и стреляющих из луков воинов. В некоторых иконах встречаются и попытки изобразить пейзаж: лес с рекой, с опушками, по которым бродят гривастые львы, олени, — как на иконе «Иоанн Предтеча в пустыне», приписываемой Никифору Савину, (первая четверть XVII в.), или густые облака, несущиеся в небесных вихрях — как на иконе 1640-х гг. «Алексий митрополит» (обе — в ГТГ)⁴.

«Строгановские» иконы писались для тонких ценителей живописи и поэтому наряду с обычной религиозно-символической функцией они несли еще и усиленную функцию эстетического порядка. Подобные

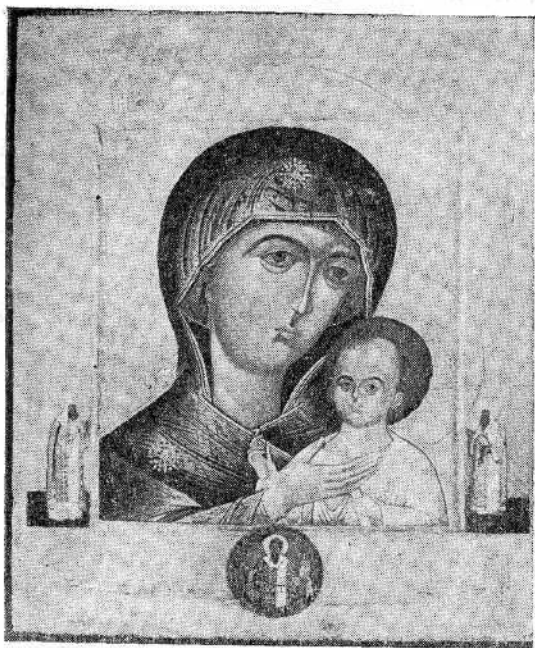

СИМЕОН СТОЛПНИК.
Икона 1605 г. Московская школа.

² См.: Муратов П. Русская живопись до середины XVII в. Эпоха Михаила Федоровича. — В кн.: Грабарь И. История русского искусства, т. IV. Б. м., б. г., с. 392—396 и рис. на с. 393—395, 397—399; История русского искусства, т. XI. М., 1959, с. 356—357.

³ История русского искусства, т. III. М., 1955, рис. на с. 647.

⁴ См.: Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи. ГТГ, т. II, № 798, 856.

НАЗАРИЙ САВИН.
БОГОМАТЕРЬ ПЕТРОВСКАЯ.

Икона, около 1614 г. Строгановская школа.

ственной выразительности, взятые из арсенала «Годуновской школы». Это хорошо прослеживается в творчестве Истомы Гордеева, мастера Первуши, Емельяна Московитина, Семена Бороздина, Назария Савина, Истомы Савина, Стефана Арефьева. Фигуры в их иконах несколько тяжеловесны, красочный слой плотен, краски приглушены, композиции в целом статичны, движения фигур лишены той особой легкости и изящества, столь характерных для окончательно сформировавшегося стиля «строгановской» живописи. Все это хорошо видно в таких произведениях, как «Сотворение мира» (нач. XVII в.), принадлежащее кисти Стефана Арефьева, «Рождество Николы, с житием» (1601 г.) Семена Бороздина; «Богоматерь Боголюбская со святыми» (нач. XVII в.) Истомы Савина; «Богоматерь Петровская» (ок. 1614 г.) и «Царь царем» (1616 г.) Назария Савина (все в ГТГ)⁶. Подобным же двойственным характером стиля отличаются и монументальные росписи этого времени: в сольвычегодском Благовещенском соборе (ок. 1600 г. мастера Федор Савин и Стефан Арефьев) и в храме подмосковной вотчины Годуновых — в Вязёмах (1602 г.)⁷.

⁵ См.: Филимонов Г. Симон Ушаков и современная ему эпоха русской иконописи. — В кн.: Сборник на 1873 г. Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1873, с. 19—20; Лихачев Н. Краткое описание икон собрания П. М. Третьякова. М., 1905, с. XII—XIII.

⁶ См.: Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи. ГТГ, т. II, № 777, 779 (рис. 104), 785 (рис. 109), 790 (рис. 111), 791 (рис. 112).

⁷ См.: Михайловский Б. В., Пуришев Б. И. Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV в. до начала XVIII в. М.—Л., 1941, с. 66, 69—73, 75, 79, 81—84; 176, рис. на с. 82, 221, 222; Шереметев П. Вяземы. М., 1916; Ретковская Л. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. М., 1954, с. 16.

иконы должны были не только «возвышать» душу, но и услаждать глаз. Название «Строгановская школа» — понятие чисто условное, введенное еще в XIX в. первооткрывателями древнерусского искусства И. М. Снегиревым, И. П. Сахаровым и Д. А. Ровинским и сохранившееся ныне лишь по традиции. Однако уже один из наиболее значительных ученых прошлого столетия Г. Д. Филимонов, а вслед за ним Н. П. Лихачев утверждали, что искусство, называемое «строгановской» школой, связано с Москвой⁵. Активная деятельность мастеров этой школы продолжалась вплоть до 30-х гг. XVII в., а основные формально-художественные принципы оказывали влияние на ход развития русской иконописи даже в 50—60-е гг. В начале же века «строгановцы» нередко использовали средства художе-

ПРОКОПИЙ ЧИРИН. ДМИТРИЙ СОЛУНСКИЙ И ДМИТРИЙ ЦАРЕВИЧ.
Икона начала XVII в. Строгановская школа.

Наиболее выдающимися представителями «Строгановской школы» XVII в. были Прокопий Чирин и Никифор Савин. Чирин, новгородец по происхождению, был «государевым» иконописцем, пользовался особой популярностью и писал не только для Строгановых, но и для царского двора и для патриарха Филарета. Умер он уже маститым старцем — около 1650 г. Одна из его ранних подписных работ — икона 1593 г. сольвычегодского собора «Никита воин» (ГТГ). Позднейшим произведениям Чиринна свойственны еще большая мягкость цветового строя и рисунка: фигуры в его иконах все более вытягиваются, жесты их становятся все более пластичными и изящными. Таковы еще три иконы начала века: «Никита воин» - створка складня с фигурами Богоматери, архангела Михаила и апостола Петра; «Избранные свя-

ре-

³ См.: Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи. ГТГ, т. II, с. 329. № 803. (рис. 116) 211 4. 11) 307

АЛЕКСИЙ, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ.
Икона, 30—40-е гг. XVII в. Строгановская школа.

Не меньшей утонченностью стиля отмечено и творчество Никифора Савина, работавшего иногда вместе с Чириным. Фигуры на иконах Савина порой более грациозны, чем у Чирина, их изящество нередко граничит даже с некоторой манерностью. Из лучших работ Савина начала столетия следует назвать такие иконы, как «Беседа трех святителей» (ГТГ), «Печерская Богоматерь с Никитой воином и Анастасией» и «Избранные святые: Борис, Глеб, Владимир и Ольга» (в собрании П. Д. Корина), «Чудо Федора Тирона» — (ГРМ)⁹. Этим произведениям присущ мягкий коричневато-золотистый колорит, чуть более прозрачные и нежные, чем у Чирина, богатые оттенками краски. По-видимому,

⁹ См.: Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи. ГТГ, т. II, № 793 (рис. 113); Антонова В. И. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина, № 72 (рис. 90), № 73 (рис. 91); Сычев Н. Древлехранилище Русского музея императора Александра III. — «Старые годы», 1916, январь — февраль, вклейка между с. 32 и 33.

Савиным же, но в более поздний период его творчества (20—30-е гг.), написаны две почти одинаковые иконы: «Иоанн Предтеча в пустыне» (обе в ГТГ)¹⁰, в которых особенности его стиля достигают наивысшего развития. По отточенности и лаконизму рисунка, уравновешенности композиции, по необычайно тонкому колористическому решению эти две иконы следует отнести к лучшим памятникам древнерусской живописи первой половины столетия.

Произведения мастеров-«строгановцев» второй четверти века уже мало оригинальны. Они лишь используют достижения своих предшественников, все более формализуя и эстетизируя стилистические каноны этой школы. Об этом с достаточной очевидностью свидетельствуют такие поздние иконы из собрания ГТГ, как «Василий Блаженный и Артемий Веркольский», «Алексий митрополит», созданные в 30-40-е гг., или написанная уже в третьей четверти столетия икона «Уар и Артемий Веркольский»¹¹. Фигуры в этих произведениях еще больше вытягиваются, композиции становятся все более дробными и расчлененными, увеличивается роль графического элемента. В то же время выражение лиц становится все более стереотипным, при этом техника письма художников достигает чрезвычайно высокого уровня.

Наряду со «строгановской» художественной традицией во второй четверти столетия продолжала существовать и традиция «годуновская». В этот период происходит постепенное их слияние, в результате которого возникает немало памятников синтезного характера. Черты обоих стилей хорошо усматриваются в таких иконах, как «Князь Георгий» (ок. 1645 г.), «Сретение иконы Владимирской Богоматери» (сер. XVII в.), «Благовещение» Спиридона Тимофеева (ок. 1652 г.) — все в ГТГ; «Сергий Радонежский» (ок. 1648 г.) — в собрании П. Д. Корина¹², где холодноватой представительности образов и некоторой тяжеловесности фигур, сдержанности цветового строя, типичных для памятников придворного искусства конца XVI в., сопутствует чисто «строгановское» увлечение декоративизмом формы с явным предпочтением линейно-графического начала живописному.

Именно как результат этого стилеобразующего процесса следует рассматривать и смешанный «годуновско-строгановский» стиль в области монументальной живописи этого времени в стенных росписях церкви Николая Надеина в Ярославле (1640—1641 гг.), в Успенском соборе (1642—1643 гг.) и Ризположенской церкви (1644 г.) Московского Кремля¹³, в Успенском соборе Княгинина монастыря во Владимире (1647—1648 гг.), в соборе Савво-Сторожевского монастыря под Звенигородом (1650 г.). Здесь же следует упомянуть и росписи, созданные уже в начале второй половины века, — в соборе Макарьева монастыря в Калязине

¹⁰ См. сн. 4, а также: Большакова Л., Каменская Е. Государственная Третьяковская галерея. Древнерусское искусство. Альбом., М., 1968, табл. 95.

¹¹ См.: Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи. ГТГ, т. II, № 845, 954 (рис. 157); Некрасов А. И. Древнерусское изобразительное искусство. М.—Л., 1973, с. 338, рис. 237.

¹² См.: Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи. ГТГ, т. II, № 858 (рис. 129), 757 (рис. 98), 801 (рис. 127); Антонова В. И. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина, № 97 (рис. 113).

¹³ См.: Сулова А. И., Чураков С. С. Ярославль. М., 1960, с. 198—202, рис. 152, 153; Воейкова И. Н., Митрофанов В. П. Ярославль. Л., 1973, с. 52—58, рис. 51, 42; Зюнова О. В. Стенопись Успенского собора Московского Кремля.— В кн.: Древнерусское искусство. XVII в. М., 1964, с. 110—137; Церковь во имя Положения ризы Богоматери во Влахерне.— Труды комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии, т. II. М., 1906.

(1654 г.) и в Архангельском соборе Московского Кремля (1652—1653 гг.)¹⁴. Много общего с этим двойственным стилем имеет и стиль росписи московской церкви Троицы в Никитниках (1652—1653 гг.). Росписи ярославской церкви Николая Надеина, Успенского собора в Кремле и собора Княгинина монастыря во Владимире, весьма сходные по стилю (их расписывали почти одни и те же мастера), имеют еще много точек соприкосновения с росписями XVI в., хотя декоративный элемент в них занимает неизмеримо большее место. Роспись же Кремлевского Архангельского собора несет в себе больше черт «строгановского» стиля; она также гораздо свободнее в иконографическом отношении и в распределении отдельных композиций внутри общей системы. Все эти росписи различаются пестротой цвета и суховатым однообразием композиционных решений, но в целом производят весьма эффектное впечатление как грандиозные декоративные панно или ковры, сплошь покрывающие своды, стены и столбы величественных храмов. Достигнутое здесь известное художественное единство тем более удивительно (и тем более показывает силу всеобъемлющего средневекового художественного канона), что в создании этих росписей принимали участие многие мастера из самых разных городов России: москвичи, ярославцы, костромичи, нижегородцы.

Тот же двойственный художественный стиль определил в первой половине столетия и развитие искусства книжной миниатюры. В самом начале века — в 1603 г. — было создано великолепное «Годуновское» Евангелие (вклад И. И. Годунова в Ипатьевский монастырь в Костроме), украшенное семнадцатью миниатюрами, заставками, изображениями цветов и фигурными инициалами¹⁵. В связи с развитием книгопечатания художники-миниатюристы все чаще начинают использовать и в рукописных орнаментах мотивы и приемы искусства книжной гравюры. Влияние ксилографии (гравюры на дереве) хорошо видно, например, в миниатюрах Евангелия 1652 г., написанного в Нижнем Новгороде (Горьковский областной художественный музей), в Псалтыри 1647 г. из Троице-Сергиевой лавры (ГИМ). Иногда заставки даже печатной книги раскрашивались от руки и дополнялись миниатюрами («Ананьинское» Евангелие, конец XVI — начало XVII в., ГБЛ¹⁶).

В целом стиль книжных миниатюр первой половины XVII столетия; еще в значительной степени связан с искусством предшествующего века: сохраняется любовь к узорочью, орнаментике (преимущественно растительные мотивы), постепенно приобретающим все более роскошный характер (см., например, орнаментальные заставки Евангелия 1627 г., заставки «Сборника о постановлении патриархов» первой половины

¹⁴ История русского искусства, т. IV. М., 1959, с. 350—352, 371—373, рис. на с. 351, 367—368; Воронин Н. Н. Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польский. М., 1958, с. 115—118, рис. 51—52; Михайловский Б. В., Пуришев Б. И. Указ. соч., с. 83, 126, 135, 175, рис. на с. 224; Дмитриев Ю. Н. Стенопись Архангельского собора Московского Кремля (материалы к исследованию). — В кн.: Древнерусское искусство. XVII в., с. 143—168; Сизов Е. С. Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов. — Там же, с. 169—192.

¹⁵ См.: Кожина Ю. А. Одно из художественных течений в русской живописи XVI—XVII вв. — В кн.: Русское искусство XVII в. Л., 1929, с. 63—84, табл. IV.

¹⁶ См.: Свириин А. Н. Искусство книги Древней Руси. XI—XVII вв. М., 1964, с. 128—129, рис. на с. 272, 273.

XVII в. и рукописи Жития Антония Сийского 1648 г.— все в ГИМе)¹⁷. Однако наиболее богато украшенные рукописные книги с орнаментом подобного рода были созданы во второй половине столетия.

XVII век по праву может считаться временем зарождения русской светской живописи. Именно в этот период одновременно с процессом отживания старого средневекового искусства рождаются новые художественные идеалы, складывается новый взгляд на мир, человеческие отношения, на науку, культуру. Одним из немаловажных моментов этого исторического процесса было значительное усиление контактов русской культуры с западноевропейской. На протяжении всей второй половины XVII в. в Москву ввозится значительное количество латинских, голландских и немецких книг, гравюр, реже — произведений живописи. Процесс освоения гуманистической культуры Запада не был процессом лишь пассивного восприятия ее русской культурой, а являлся закономерным результатом собственного развития.

В области живописи это сказалось прежде всего в более широком обращении мастеров-иконописцев к окружающей жизни, к природе, и в первую очередь к человеку. Рост (особенно усилившийся к середине века) реалистического понимания художественного образа и связанное с этим расширение круга художественных проблем находят яркое отражение в программных трактатах этого времени, посвященных более или менее систематическому изложению вопросов теории искусства. Важнейшими из сочинений XVII в. об искусстве живописи являются «Послание Иосифа Владимировича Симону Ушакову» (1656—1658 гг.)¹⁸ и «Слово к люботщательному иконного писания» Симона Ушакова (ок. 1666—1667 гг.)¹⁹. Этой же теме посвящен и ряд менее значительных трактатов: «Слово к люботщателю иконного писания» Карiona Истомина (конец XVII в.)²⁰ и два трактата Симеона Полоцкого — «Записка» (ок. 1666—1667 гг.) и «Беседа о почитании икон святых» (1677 г.)²¹. «Слово» Симона Ушакова и «Записка» Симеона Полоцкого были написаны в связи с подготовкой Большого Московского Собора 1666—1667 гг. (Симеон Полоцкий принимал активное участие в подготовке специальных постановлений Собора об иконописании). «Беседа» же Полоцкого была направлена против просачивавшихся в Россию протестантских иконоборнических идей.

Все литературные памятники подобного рода, возникшие во второй половине века, можно условно разделить на две группы. Первая из них представлена сочинениями, охранительными по своему характеру. Их авторы пытаются на основе традиционно понимаемых ими неизменных церковных догматов поддержать уже колеблющееся здание старого цер-

¹⁷ История русского искусства, т. IV, с. 482, 484, 486, рис. на с. 481, 483, цветн. вклейка между с. 486 и 487.

¹⁸ См.: Овчинникова Е. С. Иосиф Владимиров. Трактат об искусстве (статья и публикация текста).— В кн.: Древнерусское искусство. XVII в. с. 9—61; Салтыков А. А. Эстетические взгляды Иосифа Владимировича (по «Посланию к Симону Ушакову»).— ТОДРЛ, т. XXVIII. М. ~ Л., 1974, с. 271—288.

¹⁹ Опубликовано Филимоновым Г. («Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. Материалы». М., 1874, с. 22—24; Мастера искусства об искусстве, т. IV. М., 1937).

²⁰ Опубликовано Никольским А. («Вестник археологии и истории», вып. 20. Спб., 1911).

²¹ См.: Майков Л. Симеон Полоцкий о русском иконописании. Спб., 1889; «Беседа о почитании икон святых» Симеона Полоцкого.— ГИМ, собр. Синодальное, № 256 (660), л. 80—95 об.

ковного искусства. Вторая группа трактатов отражает новые взгляды на искусство, новое понимание прекрасного вообще. К трактатам первого рода следует отнести «Деяния Большого Московского Собора», «Вопросы и ответы» инок Евфимия и «Духовную грамоту» патриарха Иоакима, ко второй группе — сочинения Иосифа Владимировича, Симона Ушакова, Симеона Полоцкого, а также два специально посвященных иконописному делу в России официальных документа: «Грамоту трех патриархов» (1668 г.) и «Царскую грамоту» (1669 г.)²².

Наибольший интерес для нас представляют сочинения Иосифа Владимировича и Симона Ушакова. Уже Владимирович утверждает, что лучше не иметь никакой иконы, чем молиться перед плохо написанной. Эстетически он уже не различает икону и живописный портрет, в которых для него равноценна в основном лишь степень «живоподобности». Он пишет: «Всякой убо иконе, или персонам рещи человеческого (т. е. портретам.— Ю. М.), против всякого уда (члена тела.— Ю. М.) и гбежа (сустава.— Ю. М.) свойственный вид благоумными живописцы составляется, и тем всякий образ или икона новая светло и румяно, тенно и живоподобно воображается». Лишь правдивое следование натуре есть, по мнению Владимировича, условие духовной подлинности и эстетической ценности создаваемого художником (в том числе и иконописцем) образа: «Яково бо что видит, или в послествовании слышит, тако и во образех, рекше в лицах, начертывает и противу слуху и видения уподобляет». Иконопись для Владимировича и Ушакова уже не является единственно ценным видом живописи. В ряд с искусством иконы они ставят и портретное искусство, так что художественный критерий становится единым и в отношении иконы с ликом «святого» и портрета царя или героя. При этом особо утверждается полезность и желательность знакомства художника с достижениями западноевропейской живописи — с «майстротой иностранных художеств»²³.

В «Слове» Симона Ушакова в качестве основного условия подлинна высокого искусства также выдвигается соответствие правде жизни, естественности, верности природе. Настаивая на необходимости объективного отражения действительности в искусстве (насколько это было возможно в рамках средневекового религиозного сознания), Ушаков уподобляет художественный образ зеркалу, а само искусство рассматривает как сознательный процесс создания образов «всех умных тварей и вещей». Эстетическая же ценность этих образов зависит, по его мнению, от того, насколько они «приносят красоту». О больших сдвигах в средневековом художественном сознании говорит, в частности, и такой чрезвычайно показательный факт, как решение Ушакова выполнить «искусным иконописанием ту азбуку искусства, которая заключает в себе все члены человеческого тела, которые в различных случаях требуются в нашем художестве...»²⁴, т. е. создать анатомический атлас для художников.

Несмотря на все панегирики «живству», «живоподобию» в указанных эстетических трактатах XVII в., было бы излишне прямолинейным

²² «Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее, Материалы»; Патриарх Иоаким. Духовная грамота. — В кн.: Подлинник иконописный. Изд. С. Большакова. М., 1903. Тексты «Грамоты трех патриархов» и «Царской грамоты» см. в кн.: Материалы для истории иконописания в России, сообщенные П. П. Пекарским. Спб., 1865.

²³ Овчинникова Е. С. Иосиф Владимирович. Трактат об искусстве, с. 42—44, 46, 52, 58.

²⁴ «Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. Материалы», с. 2, 23, 24.

связывать высказывания подобного рода с какой-либо активной проповедью реализма или тем более натурализма в искусстве этого времени. Искусство продолжает оставаться еще безусловно религиозным и сугубо церковным — средневековые художественные принципы по существу находятся еще вполне в русле ортодоксальной христианской теологии. Ушаков, хотя и говорит об образе как зеркальном отражении действительности, воспринимает саму эту действительность еще абсолютно ортодоксально — как сотворенную богом и, в свою очередь, являющуюся отражением «божественных сил». Для него бытие, окружающий мир «... тайную и предивную . . . иметь силу. Всякая бо вещь, аще представится зеркалу, а в нем свой образ нарисует данным Божию премудрости устроением. Оле чудесе, кроме чудесе образ пречудный бывает, иже движущуюся человеку, движется... смеющуюся смеется, плачущую плачет... всячески жив является, еще ни телесе ниже души иметь человечески. Не Бог ли убо сам и сущим естеством (т. е. природой. — Ю. М.) учит ны художеству иконописания?»²⁵. Творчество для Ушакова не есть лишь пассивное зеркальное отражение жизни, поскольку для него и само это «зеркало» «устроено Божией премудростью». Поэтому же и телесная красота для Ушакова и Владимирова всегда есть отражение красоты духовной и должна восприниматься, так сказать, «духовными глазами». Другое дело, что нормы телесной красоты при этом меняются, понятие о ней постепенно становится все более поверхностным. Передача внешних проявлений прекрасного, нюансировка физических и психических характеристик образа, перевес душевно-телесного над духовным постепенно становятся обязательными условиями этого «живоподобного искусства».

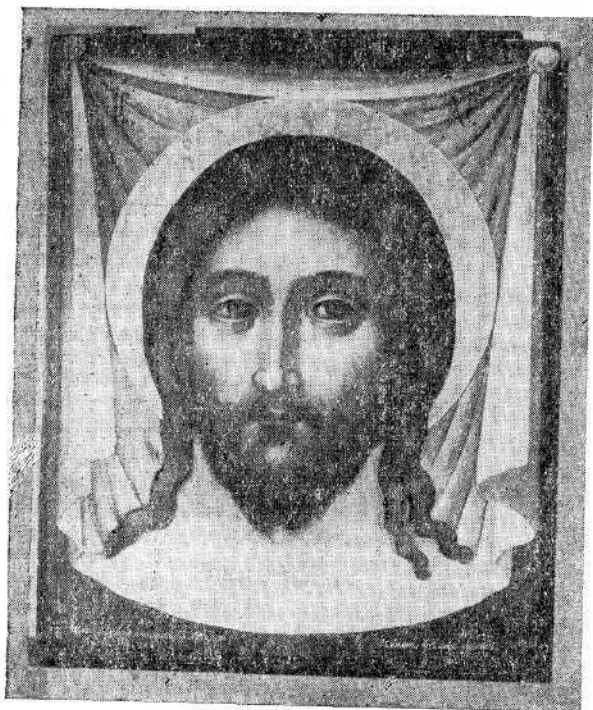
Естественно, при таком подходе к искусству традиционные иконописные приемы все менее могли удовлетворять художников-новаторов и постепенно заменялись более реалистическими приемами. Это вскоре привело к тому, что и в самой иконе исподволь стали утрачиваться необходимые и естественные для всякого культового произведения элементы религиозно-мистического символизма. Икона постепенно стала превращаться лишь в традиционную точку приложения совершенно чуждых природе иконописи творческих принципов, исключавших по сути существование самой иконы. Такое противоречивое положение, разумеется, долго просуществовать не могло. На протяжении всей второй половины XVII в. происходит естественный, хотя и весьма медленный, процесс превращения «иконописца» в «живописца», а искусства иконописи — в искусство живописи.

Наиболее яркое отражение этот процесс получил в творчестве Симона Ушакова (1626—1686 г.), одного из лучших царских иконописцев. С 1648 по 1664 г. он работал знаменщиком в Серебряной палате, а с 1664 г. — «жалованным изографом» в Кремлевской Оружейной палате, выполняя самые разнообразные заказы: писал фрески, иконы, миниатюры, резал гравюры, расписывал знамена²⁶. Из ранних его работ сохранилась икона Богоматери Владимирской (1652 г., ГТГ), представляющая собой копию известной иконы из Успенского собора Московского Кремля. Вместе с еще одним «списком» с прославленной иконы, созданным художником в 1662 г. (хранится ныне в ГРМ), эти две иконы по-

²⁵ Там же, с. 23

²⁶ См.: Филимонов Г. Симон Ушаков и современная ему эпоха русской иконописи, с. 3—104; Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь. М., 1910, с. 321—369; Грабарь И. Симон Ушаков и его школа. — В кн.: История русского искусства. Б. м., б. г., т. IV, с. 427—442; Нечаев В. Симон Ушаков. — Временник Института истории искусства в Ленинграде, т. I. Л., 1927, с. 113—147.

СИМОН УШАКОВ. СПАС НЕРУКОТВОРНЫЙ.
Икона 1657 г.

«Великого Архиеерея», то в образе «Нерукотворного Спаса». Уже в иконе «Великий Архиеерей», написанной в 1656—1657 гг. для церкви Троицы в Никитниках, им последовательно применяется светотеневая лепка лица, соблюдаются его естественные пропорции. ХУДОЖНИК стремится передать и реальную форму глаз — со слезничками и даже с ресницами (вещь, совершенно немислимая в предшествующую эпоху). Особенно прославился Ушаков своими многочисленными «Нерукотворными Спасами» (1658, 1673, 1678 гг., — все в ГТГ; 1670-х гг. — ГИМ; 1674 г.)²⁸. В этих иконах тени приобретают все большую мягкость и как бы ступешанность, иногда они даже имеют цвет (чаще всего красновато-коричневый, иногда малиновый), глазные впадины постепенно утрачивают свои «византийский» характер и уменьшаются, а величина глаз приближается к естественной. Теми же чертами отмечены и другие иконы Ушакова из собрания ГТГ: «Богоматерь Елеуса-Киккская» (1668 г.), «Василий исповедник» (1670 г.), две иконы Сергия Радонежского (1669 и 1670 гг.). При этом Ушаков, естественно, не мог полностью освобо-

казывают, насколько крепко Ушаков был укоренен в «классической» древнерусской иконописной традиции. В ранних работах художника почти ничто еще не свидетельствует о будущем новаторском характере его творчества. Достаточно традиционно написаны им лики святых на во многом еще «строгановской» великолепной иконе «Благовещение с акафистом» (1659 г. — в московской церкви Троицы в Никитниках), созданной им совместно с Яковым Казанцем и Гаврилой Кондратьевым²⁷.

Первые работы Ушакова, выполненные в иной манере — с передачей реальной светотени, с учетом анатомического строения человеческого лица — появляются уже в конце 50-х гг. Среди них наиболее интересны изображения Христа, которые Ушаков особенно любил писать — то в образе

²⁷ См.: Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи. ГТГ, т. II, с. 909; Овчинникова Е. А. Церковь Троицы в Никитниках. М., 1970, с. 134—136; рис. 152, 153, 154.

²⁸ См.: Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи. ГТГ, т. II, № 910 (рис. 144); Овчинникова Е. С. Портрет в русском искусстве XVII в. М., 1955, с. 56, табл. XX (деталь); Сычев В. Икона Симона Ушакова в Новгородском Епархиальном Древлехранилище. — В кн.: Дмитрию Власевичу Алапову от учеников К Двадцатипятилетию его ученой деятельности. Пг., 1915, с. 91—104, табл. XIX.

СИМОН УШАКОВ. ДРЕВО МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА.
ПОХВАЛА БОГОМАТЕРИ ВЛАДИМИРСКОЙ.
Икона 1668 г.

СИМОН УШАКОВ.
АРХАНГЕЛ МИХАИЛ,
ПОПИРАЮЩИЙ ДЬЯВОЛА.
Икона 1676 г.

О дальнейшем развитии

У

даться от вековых традиций русской иконописи. На протяжении 60-х и даже 70-х гг. он нередко создает иконы, более компромиссные по характеру их стиля (возможно, это зависело иногда и от вкусов заказчиков). Так, «Успение» 1663 г. (ГТГ) из иконостаса Успенской церкви Флорищевой пустыни около Мстеры пишется им вполне в «старом стиле», а иконы «Древо Московского государства—Похвала Богоматери Владимирской» (1668 г., ГТГ), «Троица» (1671 г., ГРМ) и «Архангел Михаил, попирающий дьявола» (1676 г., ГТГ)²⁹—в «смешанном стиле»: лики их выполнены в «новой» светотеневой манере, а все «доличное» — в манере «старой»; причем художник явно ориентируется на «строгановское» искусство позднейшей его фазы (особенно хорошо это видно в «Архангеле Михаиле»).

в Троицких иконах, выполненные им, вероятно, совместно с учениками в 1680 г. Лики «святителей» по остроте психологических характеристик и по степени их «живоподобия» представляют собой скорее портретные изображения, чем иконные — как идеальные образы живших тысячелетие назад «учителей церкви». Любопытно, что написаны они в смешанной технике (темперой и маслом), столь характерной для живописи западно-русских и украинских земель.

До нас дошло и несколько гравюр, выполненных Ушаковым, в которых светское начало, безусловно, превалирует над церковным и связь с западноевропейским искусством выражена весьма определенно. Среди этих работ — фронтиспис к Псалтыри в стихах Симеона Полоцкого с изображением царя Давида (1680 г.), иллюстрации к «Повести о Варлааме и Иоасафе» (1680—1681 гг.), фронтиспис к книге «Обед душевный» (1682 г.)³⁰. В этих гравюрах Ушаков широко использует достиже-

перспективы, а некоторые аллегорические фигуры (например, «Мир», «Брань») представлены в чисто «академическом» духе — как фигуры античных богов и героев.

В отличие от наших достаточно полных знаний о Симоне Ушакове

²⁹ См.: Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи ГТГ, т. II, № 914 (рис. 146), 915, 916 (рис. 147), 917, 911, 912 (рис. 149, 142).

³⁰ См.: Сидорова А. Древнерусская книжная гравюра. М. 1951 с. 256, 276.

лишь одна его подписная икона — «Сошествие Св. Духа» (1666 г.) в иконостасе церкви Троицы в Никитниках. Этот памятник показывает, что Владимиров, по-видимому, был гораздо более радикален в своих высказываниях об искусстве иконописи, чем непосредственно в самом своем творчестве. Безусловно, даже эта единственная несомненная его работа говорит о том, что он был незаурядным художником. Но при этом хорошо видно также и то, что привносимые им в искусство новшества имели все же весьма ограниченный характер: общий композиционный ритм иконы, характер архитектурных кулис, типы лиц и техника их исполнения еще абсолютно традиционны. Новаторское начало сказывается лишь в иконографии — в изменении устоявшейся композиционной схемы; художник вводит в центре фигуру Богоматери, до этого обычно не писавшейся в данной композиции. Подобный пример авторской свободы в обращении с традиционной схемой перекликается с такой же свободой и в литературном толковании этого сюжета. В своем «Послании» он с позиции чисто рационалистической, «естественной» логики пытается критиковать прежних иконописцев за их якобы догматическое невежество и незнание церковной «истории», из-за чего, по его мнению, Богоматерь и не была введена ими в композицию «Сошествие Св. Духа». О двойственности эстетической позиции Владимира помимо его «Послания» и иконы «Сошествие Св. Духа» свидетельствует и ряд других памятников, также связываемых с его именем. Это несколько икон из праздничного ряда иконостаса южного придела церкви Троицы в Никитниках (1660-е гг.)³². В иконах праздников широко используются в качестве композиционной основы гравюры из известной голландской Библии Пискагора; в то же время техника письма фигур и барочных архитектурных кулис остается традиционной. В иконе «Спаса», наоборот, традиционны композиция и иконография, а лик написан в «западной» светотеневой манере.

Те же новшества и противоречия, что мы находим в творчестве Владимира и Ушакова, получают дальнейшее развитие и в работах их учеников и последователей, состоявших на службе в иконописной и живописной (последняя возникла на рубеже 70-80-х гг.) мастерских Оружейной палаты. Среди них наиболее известны Георгий Зиновьев, Иван Максимов, Тихон Филатьев³³.

Георгий Зиновьев до его принятия в 1668 г. в Оружейную палату состоял в крепостном звании и был выкуплен у его хозяина Гаврилы Островского по специальному указу царя за умение «писать воображением». Популярность его была настолько велика, что он даже посылался для выполнения ответственных иконописных работ на Украину (в Батурин к гетману Самойловичу — в 1682 г.), в Грузию (к имеретинскому князю Арчилу — в 1686 г.), в 1687 г. ему было порученописание икон для константинопольского патриарха.

У Зиновьева, в свою очередь, имелись ученики: Семен Анфилофьев, грек Бургаров Николай Соломонов, а также Иван и Алексей Зубовы — в дальнейшем прославленные граверы начала XVIII в. Деятельность Зиновьева прекратилась на рубеже XVII—XVIII вв. Известно несколько его икон, хранящихся ныне в ГТГ, среди них «Распятие» (из праздничного чина) 1673 г. и «Царь царем» («Великий Архиерей») 1694 г. На основании сходства стиля и техники письма ему же приписы-

³² См.: Овчинникова Е. С. Церковь Троицы в Никитниках, с. 50, 60, рис. 169, 172, 173.

³³ О существовании отдельной живописной мастерской в Оружейной палате упоминается в хозяйственных документах и расчетах Оружейной палаты с учениками Безмина за 1683 г. (см.: Овчинникова Е. С. Портрет в русском искусстве XVII в., с. 31).

ИВАН МАКСИМОВ. БЛАГОВЕЩЕНИЕ.
Икона 1670 г.

ваются еще несколько икон: четыре иконы со сценами «Страстей» из церкви Григория Неокесарийского на Полянке в Москве (1668 г.) и икона «Митрополит Алексей у Московского Кремля» (1690-е гг.) — все в ГТГ³⁴. По типу ликов, некоторой жесткости письма и сдержанной цветовой гамме все эти иконы скорее близки искусству Владимиров, чем Ушакова.

Пожалуй, наиболее талантливым среди иконописцев — учеников Ушакова был Иван Максимов. С 1666 г. он работал в Пушкарском и Посольском приказах, но с 1678 г. стал «жалованным изографом» Оружейной палаты. Еще во время работы в Посольском приказе он про-

³⁴ История русского искусства, т. IV, с. 389; см. также: Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь, с. 81–85; Антонова В. И., Мнев Н. Е. Каталог древнерусской живописи. ГТГ, т. II, № 881, 882, 883, 884 (рис. 131, 132, 133).

ТИХОН ФИЛАТЬЕВ. ИОАНН ПРЕДТЕЧА В ПУСТЫНЕ.
Икона со сценами жития, 1689 г.

славился как прекрасный миниатюрист. Им были исполнены миниатюры так называемого «Титулярника» (1672 г.), «Книги избрания на царство Михаила Федоровича» (1672 г.) и Толкового Евангелия 1678 г. Сохранилась единственная подписная икона работы Максимова — «Благовещение», созданная им в 1670 г. (ГТГ)³⁵. Сравнительно небольшая по размеру икона отличается особой монументальностью и строгостью композиции, восходящей к классическим образцам древнейшего периода русской иконописи. В то же время композиционная строгость соседствует здесь с необычайной роскошью декоративных элементов. Богатейшая орнаментика стен «нутряной палаты», где происходит действие, золото с чернью на троне Богородицы, алый балдахин над тронем, красные, ли-

³⁵ См.: Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь, с. 166; Мнева Н. Е. Изографы Оружейной палаты и их искусство украшения книги. — В кн.: Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954, с. 224; Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи. ГТГ, т. II, № 889 (рис. 135).

ЛОВЫЕ и зеленые одежды с высветлениями по форме, цветы в руке архангела — все это создает чрезвычайно мощный и выразительный живописный аккорд, которым художник стремился выразить величие и духовную значимость изображенного действия.

Наибольшее влияние творчество Ушакова оказало на Тихона Филатьева (сына иконописца Ивана Филатьева), работавшего в Оружейной палате с 1678 г. Его высоко ценил сам Ушаков, отмечавший, что «иконное художество пишет от отца своего мастерством выше». Из немалого числа подписных икон Тихона Филатьева наиболее интересны находящиеся ныне в ГТГ: «Иоанн Предтеча в пустыне» (со сценами жизни, 1689 г.) из московской церкви Козьмы и Дамиана в Кадашах, «Спас Вседержитель» и «Иоанн Богослов» из созданного художником в 1691 г. иконостаса для церкви Рождества Богородицы в Голутвине, в Москве, а также «Троица ветхозаветная» (1707 г.)³⁶. Для манеры его письма характерно виртуозное владение светотеневой моделировкой, сильная разбеленность ликов и особая насыщенность цветовой палитры, в которой художник отдает предпочтение цветам розовато-малиновому, коричневато-оливковому, зеленому (самых различных оттенков). Лики в иконах Тихона Филатьева всегда как бы несколько припухлые, тени — обычно оливковые или зеленоватые, на щеках и губах — яркая алая «подрумянка». Т. Филатьев уделял особое внимание пейзажу в иконе; его изящные пейзажные фоны уже весьма близко соприкасаются по мотивам и манере письма с западноевропейским пейзажем, в частности голландским (возможно, художнику были известны какие-то полотна голландских мастеров того времени).

Творческие достижения Ушакова получили дальнейшее развитие и в работах семьи иконописцев Улановых: Кирилла, его брата Василия и сына Кирилла — Ивана. Наиболее талантливым из них был Кирилл Уланов — царский иконописец Оружейной палаты с 1688 г. Он прожил долгую жизнь и умер в 1731 г. схимником (с именем Кариона) в Кривоозерском монастыре под Юрьевцем. Такие его иконы, как «Преподобная Феодосия» (1690 г.) и «Богоматерь Грузинская» (1707 г.) — обе в ГТГ — отличаются мягкой «плавью» письма, подчеркнутой объемностью ликов и обильным применением золота.

Несмотря на ясно выраженную в русском искусстве XVII в. тенденцию к новой художественной форме, сам процесс ее развития не был только поступательным и абсолютно прямолинейным. Факты художественной истории недвусмысленно говорят о том, что процесс этот был чрезвычайно сложным и неоднородным. И чем активнее становились апологеты новой «западной» художественной формы, тем непримиримей оказывалась позиция защитников освященного веками древнего художественного канона. Напомним хотя бы, как сербский архидьякон Иоанн Плешкович, увидя у Ушакова образ Марии Магдалины, написанный по западному образцу, плевался и говорил, что «они таких световидных образов не приемлют». Тот же Плешкович весьма язвительно

³⁶ См.: Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь, с. 285—287; История русского искусства, т. IV, с. 392; Антонова В. И., Мневина Н. Е. Каталог древнерусской живописи. ГТГ, т. II, № 927 (рис. 152), 932, 933, 938.

НИКИТА ПАВЛОВЕЦ. БОГОМАТЕРЬ — ВЕРТОГРАД ЗАКЛЮЧЕННЫЙ.
Икона, около 1670 г.

отзывался и о «Распятии», поставленном около 1655 г. у въезда в Ярославль: «Немчина вынесли на гору, на кресте том написанного»³⁷. Еще более ярко и метко охарактеризовал новый художественный стиль протопоп Аввакум: «...пишут Спасов образ Еммануила, лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые ... и весь яко еемчин брюхат и толст учинен, лишь сабли той при бедре не писано. А то все писано по плотскому умыслу, понеже сами еретицы возлюбиха толстоту плотскую и опровергоша долу горняя»³⁸.

Однако заметим, что и подобная язвительная критика новых икон со стороны приверженцев «старого» искусства, и высказывания Влади-

³⁷ Овчинникова Е. С. Иосиф Владимиров. Трактат об искусстве, с. 25, 48.

³⁸ Житие протопopa Аввакума им самим написанное и другие сочинения. М., 1960, с. 135.

мирова и Ушакова по своей внутренней принципиальности и достаточной четкости оценок отражают лишь самые крайние позиции спорящих сторон. Внутри же этих своеобразных полюсов художественного мировоззрения лежало поистине необозримое пространство самой русской художественной жизни, где непримиримость теоретических позиций была смягчена практически: многие художники отдавали в своем творчестве дань как «новому», так и «старому». В самой Оружейной палате наряду со школой Ушакова существовало и другое направление, представители которого, зачастую используя достижения этого выдающегося мастера в области более реалистической трактовки иконописных образов, сохраняли в то же время крепкую связь с традициями иконописи первой половины XVII в. Именно в русле этого направления работал замечательный иконописец Никита Иванов Павловец (умер в 1677 или 1678 г.), создавший такие прекрасные образцы икон «декоративного» стиля, как «Богоматерь Вертоград заключенный» (ок. 1670 г.), «Чудо Георгия о змие и Чудо Дмитрия Солунского» (ок. 1670 г.), «Царь царем» (1676 г.)³⁹. В том же стиле работал и неизвестный мастер одного из шедевров русской иконописи XVII в. — уже упоминавшейся иконы «Уар воин и Артемий Веркольский». Фигуры в этих иконах отличаются подчеркнутой вытянутостью и изяществом пропорций, одежды покрыты витиеватым, с ювелирной тщательностью выписанным орнаментом, красочная гамма нежна и изысканна. Пейзаж, на фоне которого представлены Уар и Артемий, по праву может считаться одним из лучших образцов пейзажных фонов в русских иконах XVII столетия.

К этому же направлению стоит отнести и творчество Федора Зубова, который наряду с традиционными, почти архаичными иконами («Никола», 1676 г.; «Богоматерь Одигитрия», 1676 г.) создавал и иконы в более свободном декоративном стиле — с многофигурными, очень динамичными сценами на фоне многоплановых сложных пейзажей. Таковы, например, клейма с «деяниями», окружающие икону «Спас Нерукотворный» (1679 г.) в иконостасе церкви Спаса «за золотой решеткой» в Московском Кремле⁴⁰.

Следует подчеркнуть, что этот декоративный стиль влиял на общий характер русской живописи второй половины столетия не в меньшей степени, чем «ушаковский» стиль, а на своем завершающем этапе имел уже немало точек соприкосновения с «новым» искусством. Несмотря на все узорочье икон образы их насыщены достаточной жизненностью и психологизмом; гораздо большей живостью отличаются теперь и сами композиции в целом — их динамика доводится порой до предельной степени экспрессии. Подобными чертами отмечены такие, например, иконы, как «Единородный Сыне» (ГТГ)⁴¹ и «Отче наш» (ГРМ)⁴² из церкви Григория Неокесарийского на Полянке в Москве (60—70-е гг.), особенно ярко отражающие двойственность характера русской иконописи на завершающей стадии ее «классического» периода: измельченные «горки», миниатюрное письмо форм, традиционный тип архитектурных кулис соседствует в них со светотеневой моделировкой ликов, с попытками передачи реального движения фигур, с особой усложненностью много-

³⁹ См.: Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь, с. 194—196; Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи. ГТГ, т. II, № 892 (рис. 138), 893, 896 (рис. 137).

⁴⁰ Об этих иконах см.: История русского искусства, т. IV, с. 397 (рис. на с. 396), 400* (рис. на с. 398, 399).

⁴¹ См.: Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи. ГТГ, т. II, № 940 (рис. 155).

⁴² On as c h Konrad. Ikonen. Berlin, 1961, Taf. 122.

становых композиций. Новый, творческий подход к канонически устоявшимся темам сказывается здесь и в усилении роли символично-дидактического аспекта, превращающего эти иконы в своеобразные своды художественно-символических иллюстраций к богословским концепциям средневековья.

Своего апогея декоративный стиль достиг в монументальных храмовых росписях. Стиль же «ушаковский», напротив, прозвучал в них гораздо слабее. Даже сам Ушаков, участвуя в создании стенных росписей, не использовал при этом своих же собственных достижений в области иконописи, по-видимому, связывая «новую» манеру письма лишь с искусством станковым. Наиболее ранней из сохранившихся росписей второй половины XVII в., в которой уже чувствуется влияние новых художественных идеалов, является роспись церкви Троицы в Никитниках в Москве, созданная в основной своей части в 1652—1653 гг. К сожалению, не сохранилось никаких письменных свидетельств о мастерах росписи. Исследователь этих фресок Е. С. Овчинникова выдвинула довольно убедительное предположение о том, что они были созданы теми же художниками, что и иконы этого храма, а их имена известны: это московские иконописцы Яков Казанец, Иосиф Владимиров, Гаврила Кондратьев и совсем молодой тогда Симон Ушаков.

Наряду с еще явственно звучащими в троицкой росписи традициями монументального искусства первой половины XVII в., мы встречаем в ней и немало нового. В первую очередь это выразилось в большой иконографической свободе, в широком использовании мотивов гравюр Библии Пискатора 1650 г., а также гравюр двух книг киевской печати — «Беседы на деяния апостолов» (1624 г.) и «Требник Петра Могилы» (1646 г.)⁴³. Значительной свободой отмечен и сам стиль росписи. В ней много движения — иногда бурного, иногда легкого и грациозного. Роспись Троицкой церкви интересна и своей иконографической схемой. В куполе и барабане помещены традиционные «Вседержитель», ряды ангелов, пророков и святых; на сводах — «Распятие», «Воскресение», «Вознесение», «Сошествие Св. Духа»; стены же украшены более оригинальным образом: здесь представлены многочисленные сцены «страстей» (на южной стене) и сцены с «деяниями» (историей) апостолов; в последних сценах особое внимание уделено изображению совершенных апостолами «чудес» (на северной стене). Мученичеству апостолов и первых христианских святых посвящена роспись южного придела храма, исполненная в более традиционной манере, чем роспись главного храма. Напротив, роспись придела над колокольней знаменует собой новую веху в развитии монументальной живописи. В великолепном экспрессивном цикле изображений на тему Апокалипсиса особенно чувствуется влияние западного искусства (главным образом все тех же гравюр Пискатора).

Роспись Троицкой церкви является ярким примером росписей переходного стиля, показывающим, на какой основе могло возникнуть и быстро развиваться монументальное искусство конца XVII в., столь усложненное в иконографическом отношении и столь стремящееся к предельному декоративизму формы, искусство, что так богато представлено в храмах Ростова, Ярославля, Костромы, Углича. К сожалению, в самой Москве росписи этого стиля почти не сохранились. Известна лишь роспись Преображенского собора Новоспасского монастыря, созданная артелью «костромских городских иконописцев» во главе с Федором Зубовым в 1688 г. В этой стенописи, несмотря на ее сравнительно позднюю

⁴³ См.: Овчинникова Е. С. Церковь Троицы в Никитниках, с. 128, 132—133.

ПРИГВОЖДЕНИЕ К КРЕСТУ.
*Фрагмент росписи церкви Троицы в Никитниках,
1652—1653 гг. Москва.*

дату, традиционных черт даже больше, чем в росписи церкви Троицы в Никитниках⁴⁴. Столь же противоречив и стиль росписи Успенского собора Троице-Сергиева монастыря, выполненной в 1684 (?) г. ярославскими и местными монастырскими художниками⁴⁵. Двойственность по-

⁴⁴ См.: Мнева Н. Фрески Новоспасского монастыря в Москве.— «Искусство», 1940, № 1, с. 166—168.

⁴⁵ См.: Белоброва О. А. К истории стеной живописи Успенского собора Троице-Сергиева монастыря.— В кн.: Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. Загорск, 1960, с. 65—84.

добного «пограничного» стиля (между традиционным, сознательно архаизируемым и сугубо декоративным) находит свое объяснение не только в борьбе художественных идеалов в эту эпоху, но и в самой художественной практике. Частая смена состава артелей мастеров и переезды артелей из города в город способствовали постоянному активному обмену художественным опытом, усиливали взаимовлияние художников друг на друга. Немалую роль играли вкусы и личные пристрастия ведущего мастера артели и заказчика. Творческое содружество самых различных мастеров было весьма распространенным явлением. Так, тот же Дмитрий Григорьев, возглавлявший артель, расписавшую Успенский собор Троице-Сергиева монастыря, работал ранее с переяславскими и костромскими художниками Гурием Никитиным, Силой Савиным (он же Савельев) и другими в Москве (роспись 1668 г. в церкви Григория Неокесарийского), в Переяславле-Залесском (роспись 1668 г. Троицкого собора Данилова монастыря), в Ростове⁴⁶.

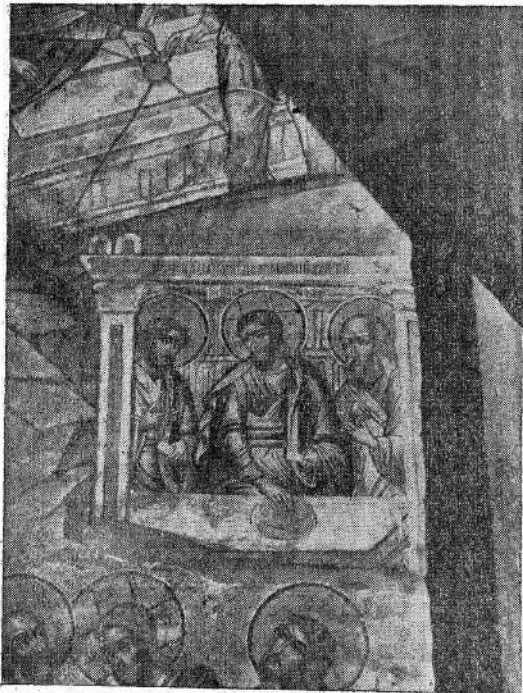
Несмотря на существование уже в третьей четверти столетия художественной среды, явно не равнодушной к западным новшествам, влияние ее на искусство все еще было весьма ограниченным. Новые эстетические идеалы определенно сказывались поначалу лишь в станковом искусстве. В отличие от станковой живописи проникновение реалистических тенденций в живопись монументальную происходит лишь в конце XVII в.

Завершающий многовековое развитие древнерусского монументального искусства так называемый декоративно-повествовательный стиль второй половины XVII в. развивался и окончательно сформировался в более традиционно мыслящих художественных кругах Ярославля и близлежащих от него городов — Ростове, Романове-Борисоглебске, Костроме. Искусство, создаваемое на его основе, достаточно «декоративно» не только в цвете и линии, но и в смысловом отношении: для него типичны необычайная многословность, в нем больше повествовательности, чем образности. И все же это одна из прекраснейших последних страниц в истории древнерусского искусства.

Время расцвета монументальной живописи в Ростове приходится на 60-80-е гг. XVII столетия и связано с деятельностью ростовского митрополита Ионы Сысоевича, бывшего в 1664 г. местоблюстителем патриаршего престола в Москве. В Ростове им была построена великолепная митрополичья резиденция наподобие крепости-кремля с одиннадцатью башнями, высокими стенами и укрепленными воротами. Здесь в разные годы были выстроены и украшены живописью три церкви: Воскресенская (1670 г.), Спаса «на Сенях» (1675 г.) и Иоанна Богослова (1683 г.). В создании росписей этих храмов принимали участие мастера из самых разных городов: Федор и Иван Карповы — из Ярославля, Гурий Никитин и Сила Савин — из Костромы, Дмитрий Григорьев (Плеханов) — из Переяславля-Залесского, Дмитрий Степанов — из Вологды, священник Тимофей — из самого Ростова и др. Эти художники (вместе с Севастьяном Дмитриевым и Иосифом Владимировым) несколько ранее расписали и ростовский Успенский собор (росписи 1659, 1669 и 1671 гг.)⁴⁷.

⁴⁶ История русского искусства, т. IV, с. 402, 404; см. также: Пуришев И. Переяславль-Залесский. М., 1970, с. 23, 25, рис. 12—14.

⁴⁷ См.: Шамурин Ю. Ростов Великий. Троице-Сергиева Лавра. М., 1913; Эдинг Б. Ростов Великий, Углич. М., 1913; Иванов В. Н. Ростов Великий. Углич. М., 1964, с. 50; Брюсова В. Изучение и реставрация фресок Ростовского кремля. — Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области. I. Древний Ростов. Ярославль, 1958, с. 95—110.

«И ПОЗНА СИЕ ИМЯ
В ПРЕЛОМЛЕНИИ ХЛЕБА...»
Деталь фрески
заалтарного цикла росписи
церкви Николы Мокрого, 1673 г.
Ярославль.

В храмах Ростовского кремля росписи хорошо сохранились и дают прекрасное представление о своеобразных чертах декоративного стиля. Особенностью архитектуры этих храмов являются высокие каменные алтарные преграды и соеи с позолоченными колоннами, поддерживающими двойные арки с «гирьками». Как и все своды и стены, эти оригинальные преграды и арки также украшены росписью, что еще больше усиливает общий декоративный эффект внутреннего пространства храмов.

Фрески Воскресенской церкви динамичны; фрески церкви Спаса спокойнее, их ритм величав. Росписям храма Иоанна Богослова свойственна некоторая архаичность композиций, но зато они более лиричны. В них значительное внимание уделено «житийным циклам» (сцены из жизни апостола Петра, история ростовского святого Авраамия), на-

конец, они очень нежны и тонки по цвету. В целом в ростовских росписях меньше смелых композиционных решений и иконографических новшеств, чем в стенописи московских храмов, но в то же время они более гармоничны по цвету, им присуще большее колористическое единство.

Самый ранний пример ярославских росписей декоративно-повествовательного стиля — роспись церкви Николы Мокрого, созданная в 1673 г., возможно Гурием Никитиным⁴⁸. Система этой росписи еще достаточно обычна; стены покрыты живописью в пять ярусов. В трех верхних ярусах подробно иллюстрированы житие и чудеса Николы. Ниже расположен ряд с изображениями Вселенских соборов, еще ниже — ряд чисто орнаментальный. В цветовом отношении это одна из наиболее красивых ярославских росписей: золотисто-желтая охра мягкого приглушенного тона соседствует в ней с красновато-коричневым, голубым, зеленым, розовато-сиреневым и белым цветами. Рисунок подчеркнuto изы-

⁴⁸ См.: Покровский Н. Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства. — Труды VI археологического съезда в Одессе (1884), т. ГП. Одесса, 1887; с. 285—381; Первухин Н. Стенописные композиции в церковных галереях города Ярославля и Борисоглебского собора. Тверь, 1905; Успенский А. Русский жанр XVII в. — «Золотое руно», 1906, № 7—9, с. 89—98; Шамурин Ю. Ярославль. Романов-Борисоглебск. Углич. М., 1912; Сачавец-Федорович Е. Ярославские стенописи и библия Пискарева. — В кн.: Русское искусство XVII в., с. 85—108; Михайловский Б. В. Пуришев Б. И. Указ. соч., с. 97 (150); Суслев А. И., Чураков С. С. Ярославль, с. 189—277; Воейкова И. Н. Митрофанов В. П. Ярославль. Л., 1973.

щен и графически отточен. В этой росписи отдельные композиции в известной степени еще сохраняют свои границы и отделены друг от друга как бы «пограничными» цезурами (обычно для этого используются изображения зданий, детали пейзажа и т. п.). Но вскоре подобные композиционные границы начинают звучать все менее и менее определенно.

Уже в росписи церкви Ильи Пророка (1680—1681 гг.) композиции начинают как бы «перетекать» одна в другую, границы отдельных сцен лишь изредка отмечаются какой-нибудь колонной, деревом, склоном холма, но чаще исчезают вовсе — одна и та же фигура или группа фигур повторяются подряд по нескольку раз на различных этапах движения. Этим приемом достигается динамика художественного образного «повествования».

Роспись церкви Ильи Пророка была исполнена артелью из пятнадцати костромских и ярославских мастеров, во главе которой стояли Гурий Никитин и Сила Савин⁴⁹. В 1690-е гг. и в начале XVIII в. ярославские художники дополнили роспись этого храма, покрыв живописью стены паперти и приделов. Как и в большинстве других храмов Ярославля, паперть здесь украшена композициями на темы из Ветхого Завета («Сотворение мира», «История Адама и Евы», «Всемирный потоп», «Вавилонское столпотворение» и др.) и из Апокалипсиса. В главном объеме храма фрески располагаются в пять ярусов. Верхний (так же как и роспись сводов) посвящен евангельским событиям, ярус под ним занят изображениями из цикла «Призвание апостолов», ниже — ярус с «Деяниями апостолов Петра и Павла» и, наконец, еще ниже — ряд с «Житием Елисея, ученика Ильи Пророка». Роспись смотрится как сплошной орнаментальный декоративный ковер, покрывающий своим золотисто-голубым узором все стены храма. Противопоставление динамичности частного статичности общего — одна из важнейших формально-художественных особенностей всей монументальной живописи рассматриваемого периода. В этом памятнике уже проявляется несколько поверхностное отношение к цвету: синий, голубой, желтый, пурпурный цвета резки по тону и сводятся все к меньшему числу оттенков. Одновременно художники стремятся распределить как можно равномернее все цвета по плоскости стены; их больше интересует цветовое равновесие росписи, чем ее цветовая выразительность и композиционная акцентировка. Эти формальные черты нашли свое дальнейшее развитие и в росписях других ярославских церквей: Рождества Христова (созданной в 1683 г., по-видимому, ярославскими художниками Дмитрием Семеновым и Федором Игнатьевым), Спаса «на Городу» (1693 г.), Богоявления (1693 г.) и церкви Иоанна Предтечи в Толчкове (1694—1695 и 1700 гг.)⁵⁰. Здесь также нашло самое широкое отражение увлечение сложными символично-аллегорическими темами наряду с темами житийно-повествовательными. «Житийные» композиции приобретают порой характер жанровых картин, насыщенных чисто фольклорными элементами.

В последней четверти XVII — начале XVIII в. создается ряд росписей и в других городах России: Костроме — в Троицком соборе Ипатьевского монастыря (1685 г.), Суздале — в Преображенском соборе Спасо-Евфимиевского монастыря (1689 г.), Вологде — в Софийском соборе

⁴⁹ См.: Вахромеев И. Церковь во имя пророка Ильи в Ярославле. Ярославль, 1906; Первухин Н. Церковь Ильи пророка в Ярославле. М., 1915; Некрасова М. Новое в синтезе живописи и архитектуры XVII в. (росписи церкви Ильи Пророка в Ярославле). — В кн.: Древнерусское искусство. XVII в.

⁵⁰ См.: Воейкова И. Н., Митрофанова В. П. Указ. соч., с. 81—84, рис. 61—64, 73—75, 80—87, 95.

(1686—1688 г.), Новгороде — в Знаменском соборе (1702 г.)⁵¹. Все они также отличаются подчеркнутым декоративизмом, усложненностью иконографии, интересом к библейским, житийным и апокрифическим сказаниям. Однако в целом их стиль остается более архаичным, чем стиль стенописей Ярославля или даже Москвы.

Наряду с монументальным искусством в провинциальных художественных кругах в конце XVII в. продолжает развиваться и искусство иконописи. Особенно интересные иконы создаются в городах Среднего и Верхнего Поволжья и в северных культурных центрах России — в Вологде, Великом Устюге. Немало икон создается и в продолжавших существовать здесь в это время монастырских иконописных мастерских. Прекрасные иконы вышли из-под кисти ярославских мастеров: например (житийная икона «Сергий Радонежский» с изображением Куликовской битвы, ряд икон выдающегося художника Семена Спиридонова (Холмогорца) — «Илья Пророк в пустыне» (1678 г.), «Никола Зарайский» (1686 г.), «Иоанн Предтеча», из церкви Иоанна Златоуста «в Коронниках» (конец XVII в.)⁵².

Немало интересных подписных икон сохранилось в Вологде, где работали такие мастера, как Ермолай и Яков Сергеевы, Петр Савин, Семен Карпов, Григорий Агеев, Федор Григорьев, Тимофей Петров. Последними тремя художниками в 1687 г. была, например, написана очень выразительная по рисунку икона «Архангел Михаил» (Вологодский музей)⁵³.

Характерная для искусства последней трети столетия тенденция к декоративному стилю необычайно сильно сказалась и на художественном оформлении рукописной книги, наиболее драгоценные образцы которой были созданы в 70—80-е гг. Среди них следует назвать «Титулярники» с «портретами» известных государственных деятелей XVI—XVII вв.⁵⁴, «Книгу об избрании на превысочайший престол великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича» и рукопись, особенно интересную многочисленными миниатюрами на бытовые темы, — «Лекарство душевное»⁵⁵. Активным обращением миниатюристов к жанровым темам отмечены еще две великолепные рукописи: Толковое Евангелие 1678 г., включающее 1200 миниатюр, исполненных семью художниками (Ф. Зубовым, И. Максимовым, С. Рожковым, П. Никитиным,

⁵¹ См.: Масленицын С. Кострома. Л., 1968, с. 85—96, рис. 55—60; Воронин Н. Н. Указ. соч., с. 258—263, рис. 118; Лукомский Г. Вологда в ее старине. СПб., 1914; Евдокимов И. Вологодские стенные росписи. Вологда, 1922; Каргер М. К. Новгород. Л., 1970, с. 156.

⁵² См.: Воейкова И. Н., Митрофанов В. П., Указ. соч., с. 132—136 (рис. 101), с. 140—141 (рис. 106—111); Филатов В. В. Изображение «Сказания о Мамаевом побоище» на иконе XVII в. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, с. 397—408; Масленицын С. Русский живописец XVII в. Семен Спиридонов. — «Искусство», 1959, № 6, с. 67—70.

⁵³ Живопись вологодских земель XIV—XVIII вв. (Каталог выставки). М., 1976.

⁵⁴ См.: Овчинникова Е. С. Портрет в русском искусстве XVII в., с. 65—76; Косцова А. К вопросу о датировке эрмитажного и б. эрмитажного «Титулярника». — Сообщения Государственного Эрмитажа, вып. 10. Л., 1956, с. 12—14.

⁵⁵ Книга об избрании на царство Михаила Федоровича. Издана комиссией печатания государственных грамот и договоров, состояшею при Московском Главном архиве Министерства иностранных дел в 1856 г.; Свирин А. Н. Искусство книги Древней Руси, XI—XVII вв., с. 143, 137—139, рис. на с. 284; Успенский А. И. Русский жанр XVII в. — «Золотое руно», 1906, № 7—9, с. 89—98.

Ф. Юрьевым, М. Потаповым, М. Ивановым), и созданное в 1693 г. Сийское Евангелие, содержащее около 4000 миниатюр⁵⁶.

Во второй половине XVII в. в России появляются первые живописные картины как чисто сюжетные композиции (их называли тогда «живописными листами»). На относительную популярность при дворе подобных произведений указывал исследователь XIX в. И. Е. Забелин, отмечавший в своем описании царских комнат, что в тех случаях, когда их стены «не были украшены живописью, ее заменяли картины . . . фряжские листы, эстампы в рамках без стекол и за стеклами . . . Были также картины, писанные на бумаге соковыми красками (растительные краски типа акварели.— Ю. М.) и золотом»⁵⁷. Среди эстампов встречались и западноевропейские гравюры, и русские (резанные на дереве и на меди). К числу последних относятся, например, листы, связываемые с именем Ушакова — «Семь смертных грехов» (1665 г.) и «Отечество» (1666 г.)⁵⁸.

Сюжеты «живописных листов» были весьма разнообразны: в них нашли свое отражение и древние космологические представления, и факты средневековой истории, и батальная тематика. Так, известно, что в 1679 г. Карп Золотарев написал для семилетнего царевича Петра золотом и красками «Двенадцать месяцев и беги небесные», а в 1694 г. царевичу Алексею писали на четырех листах «Четыре стихии да двенадцать месяцев». Среди картин, украшавших хоромы известного боярина; Артамона Матвеева, имелся «сорок один лист, писаны живописным письмом на разных красках и на золоте» и «чертежи» (например, «чертеж Архангельского города и иных поморских городов и мест, писаной и подписан русским письмом»). Несколько позже (в 1694 г.) Иван Салтанов с помощниками написал для царя Петра двадцать три картины — «бой полевые . . . применяясь к немецким картинам», а в 1697 г. еще восемь картин «морского ходу воинских людей, применяясь к заморским немецким картинам или фряжским листам»⁵⁹.

Как на один из наиболее ранних примеров чисто русских произведений подобного рода можно указать на «живописный лист», хранящийся ныне в собрании рисунков отдела рукописей ГПБ — «Чертеж изображения в лицах отпуск стрельцов в судах водяным путем на Разина»⁶⁰. Картина написана «соковыми» красками на бумаге, величина ее 80 см в высоту и 425 см в ширину. Большие размеры «листов» следует объяснять тем, что «живописные листы» мыслились в первую очередь как своеобразные «переносные» фрески, которые можно было перемещать со стены на стену. Реалистическая тенденция автора «Похода стрельцов» беспорна. Это видно и в желании художника передать количество и состав войска, характер судов, вооружения и одежды стрельцов. Художник неравнодушен и к типу; он даже пытается передать физиогномические особенности лиц воинов, их возраст, детали, говорящие об их общест-

⁵⁶ См.: Успенский А. К истории русского бытового жанра.— «Старые годы», 1907, июнь, с. 207; Он же. Русский жанр XVII в., с. 89; Мневва Н. Изюграфы Оружейной палаты и их искусство украшения книги, с. 226 и сл.; Свирин А. Н. Искусство книги Древней Руси. XI—XVII вв., с. 144—146, рис. на с. 286, 287, 288.

⁵⁷ Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, ч. I. М., 1918, с. 223.

⁵⁸ История русского искусства, т. IV, с. 496, 498, рис. на с. 499.

⁵⁹ Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, ч. I, с. 226—227, 232.

⁶⁰ См.: Фомичева З. И. Редкое произведение русского искусства XVII в.— В кн.: Древнерусское искусство. XVII в., с. 316—326.

КНЯЗЬ СКОПИН-ШУЙСКИЙ.
Парсуна, вторая четверть XVII в.

венном и служебном положении. Так же добросовестно стремится он изобразить и окружающую природу — зелено-голубые речные волны, желтоватые песчаные берега, вдоль которых скользят суда — досчатые струги.

В духе того же светского батального жанра выдержаны и два парных изображения на конях царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, написанные в 70-е гг. (холст, темпера — ГИМ). Однако золотые условные фоны, «поземы» с «травмами», условно-геральдический характер постановки фигур, кресты в их руках еще во многом связывают эти произведения с искусством иконописи. Но не только подобного рода «сюжетная» живопись определяла лицо рождающегося светского искусства России. В это время рядом

с привычными иконами появляются первые портреты «с живства» (т. е. с натуры) или, как их чаще называли, «парсуны». Хотя изображения исторических лиц и прежде встречались в древнерусском искусстве, степень идеализации была столь велика, что почти полностью заслоняла их реальный облик. Таков, например, чрезвычайно экспрессивный по рисунку «портрет» царя Ивана Грозного, созданный неизвестным художником в первой половине XVII в. (хранится в Датском национальном музее в Копенгагене).

Возникновение портрета (в прямом смысле этого слова) следует отнести приблизительно ко второй четверти XVII в. Именно этим временем можно датировать два наиболее ранних памятника русского портретного искусства — парсуны с изображениями царя Федора Ивановича (ГИМ) и воеводы Михаила Васильевича Скопина-Шуйского (ГТГ)⁶¹. Оба портрета написаны еще полностью в иконописных традициях, на липовых досках и, по-видимому, с самого начала предназначались для помещения их над гробницами в Архангельском соборе в Кремле. Крупные головы, обычный для иконы трехчетвертной поворот, широко раскрытые глаза, переданные стилизованным иконным рисунком, — все говорит об использовании художественных принципов древнерусского искусства. О нарождающихся элементах новой живописи можно судить лишь по явному стремлению художников как можно точнее отобразить реальные черты облика своих современников. Сама же мадера письма, понимание моделировки — плавным «вохрением» (карнацией) по темному «санкирю» (подкладочному цвету, основе), четкие белильные блики — «отмет-

⁶¹См.: Новицкий А. Парсунное письмо в Московской Руси. — «Старые годы», 1909, июль — сентябрь, с. 396—397, 398—399; Овчинникова Е. С. Портрет в русском искусстве XVII в., с. 77—79, табл. VI, VII; с. 62—63, рис. на с. 63; с. 58—62, рис. на с. 59 и табл. I.

ки» на местах высветлений; схематизированная анатомия вступают в явное противоречие с новым по своему характеру творческим заданием. И когда художники от письма взволнованной их натуры (лица) переходят к изображению «должного», в данном случае одежды, их творческая интуиция сразу изменяет им. Художественное зрение коснеет, и они вновь переходят к привычному штампу, заменяя естественное расположение складок ткани схемой из условных узоров и украшая одежду столь же условным изображением драгоценных камней.

ИВАН БЕЗМИН, ЕРОФЕЙ ЕЛИН,
ЛУКА СМОЛЬЯНИНОВ.
ПОРТРЕТ ЦАРЯ ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА,
1686 г. Деталь.

Подобным же двойственным характером отмечены портреты, имеющиеся в ряде лицевых рукописей, известных под названием «Титулярников». Их сохранилось несколько экземпляров; все они были созданы мастерами Оружейной палаты (И. Максимов, Д. Львов и др.)⁶². Представленные в них изображения русских царей условны и «писаны по воображению» (за исключением сравнительно реалистических образов царей Михаила, Алексея и совсем юного Петра).

Печатью больших внутренних противоречий отмечен портрет царя Федора Алексеевича (ГИМ) — один из наиболее значительных памятников парсунного искусства XVII в. В нем, как в зеркале, отразились все «шатания» эстетических идеалов того времени. Уже в самой истории его создания эта неопределенность художественных вкусов выступает с достаточной очевидностью. Задуманная как надгробный портрет, парсуна Федора Алексеевича была поначалу заказана (в 1685 г.) двум художникам иконописной мастерской Оружейной палаты — Ивану Максиму и Симону Ушакову. Но нарождавшиеся новые эстетические нормы брали свое, и заказ вскоре был передан в «живописную» мастерскую той же палаты, где он и был выполнен в 1686 г., по-видимому, двумя другими художниками — Ерофеем Елиным и Лукой Смольяниновым. При этом, возможно, подготовительный рисунок — «образец» — был создан руководителем мастерской Иваном Безминым.

Большая (высотой ок. 2,5 м) парсуна написана темперой на доске и кажется обычной иконой, как будто созданной для какого-нибудь полнофигурного «чина», — с гладкой, покрытой золотистой пленкой олифы живописью, с типично иконной постановкой фигуры. Недаром при реставрации под живописью пейзажного фона был найден слой оранжево-красного полимента. На него поначалу предполагалось наложить слой золота, фигура царя должна была выступать на драгоценном, столь ха-

⁶² См.: Овчинникова Е. С. Портрет в русском искусстве XVII в., рис. на с. 67, 73, табл. IV, V; Свирин А. Н. Искусство книги Древней Руси. XI—XVII вв., рис. на с. 278; История русского искусства, т. IV, рис. на с. 469.

ПОРТРЕТ СТОЛЬНИКА Г. П. ГОДУНОВА,
около 1686 г.

характером для иконы условном золотом фоне. Впечатление иконописности усиливается и благодаря написанному вокруг головы царя золотому нимбу — обычному атрибуту святости, только в виде редкого исключения допускавшемуся как символ славы при изображении византийских императоров, а позже — русских царей. Очень светлая разбеленная охра лица, общий холодноватый тон которой становится еще холоднее от соседства с золотом нимба, легкие прозрачные тени от неясного для зрителя источника света, как бы «вывернутая» плоскость земли — «позема», создающая ощущение своеобразной «подвешенности» фигуры в пространстве, — все это рождает впечатление нереальности, почти призрачности. Но что нового несет в себе это произведение? Прежде всего это присутствующие в нем черты психологизма, более «земной», более непосредственный (в сравнении с иконописью) характер одухотворенности образа. Прозрачность лица здесь не рецидив обычной бесплотности иконного образа, а следствие сознательного стремления художника к передаче трепетной красоты человеческой плоти, облагороженной внутренней духовностью. На смену стереотипному выражению отрешенности, замкнутости, столь характерному для изображения святых в поздних иконах, на смену «лику» приходит «лицо», уже достаточно индивидуализированное. Именно таким предстает перед нами на этой парсуне лицо юного царя, еще почти мальчика, с задумчивыми глазами, с едва заметной, таящейся где-то глубоко внутри робкой улыбкой.

Хотя живописная манера в основном и остается еще традиционно иконописной, частично и она претерпевает некоторые изменения: несколько «костяная» поверхность лица в значительной мере смягчается коричневатыми дымчатыми тенями, в светлых местах полностью исчезают условные штрихи пробелов — «оживок». Стремление к прекрасному, взятому непосредственно из окружающего мира, сказывается и в фоне портрета, перестающего быть изображением некоего абстрактного пространства вне времени и протяженности. Юный царь стоит на зеленом лугу, поросшем травами и уходящем к вполне реальному горизонту, над которым поднимается бледно-голубое чистое небо.

Большую роль в освобождении русских художников-портретистов от устаревших условных иконописных приемов сыграло знакомство их

С памятниками западноевропейской живописи и творческое сотрудничество с приехавшими в Москву художниками-иностранцами. То, что в столице, вероятно, уже в третьей четверти столетия имелись произведения европейских мастеров, не подлежит сомнению. Известно также, что при дворе имелись и портреты западноевропейских монархов, полученные, по-видимому, в качестве подарков от иностранных послов. Так, в документах Оружейной палаты сохранилось свидетельство о том, что в 1682 г. ученики Салтанова «починивали» «персону» французского короля⁶³.

С 1660-х гг. в Москве работали и иностранные художники, в обязанности которых входило не только написание собственных оригинальных картин, но и обучение русских учеников. Например, один из ведущих мастеров Оружейной палаты Иван Безмин учился у поляка Стефана Лопуцкого и голландца Даниила Вухтерса⁶⁴. Последний, по-видимому, пользовался особой популярностью среди москвичей — поклонников нового искусства: с его именем связывают портрет патриарха Никона с клиром (Гос. краеведческий музей г. Истры), созданный около 1666 г. Общение с художниками-иностранцами, несмотря на весьма невысокий профессиональный уровень работ, оказало заметное воздействие на формирование нового художественного мировоззрения среди русских художников. Благодаря знакомству с западноевропейской художественной традицией ускорился процесс творческого становления таких отечественных живописцев, как И. Безмин и его ученики Лука Смольянинов, Ерофей Елин, Михаил Чоглаков, Артемий Сазонов, Евстигней Богданов и др.

Среди чисто русских памятников, созданных уже почти в полном разрыве с прежними эстетическими нормами, в первую очередь следует назвать портрет стольника Г. П. Годунова (ГИМ), написанный в том же 1686 г., что и упоминавшийся портрет царя Федора Алексеевича, и, по-видимому, в той же самой «живописной» мастерской И. Безмина⁶⁵. Это произведение отличалось от портрета царя значительно

ПОРТРЕТ СТОЛЬНИКА В. Ф. ЛЮТКИНА,
1698 г.

⁶³ См.: Овчинникова Е. С. Портрет в русском искусстве XVII в., с. 34.

⁶⁴ См.: Успенский А. Иван Артемьевич Безмин и его произведения. — «Старые годы», 1908, апрель, с. 198—206.

⁶⁵ См.: Успенский А. Иван Артемьевич Безмин и его произведения, с. 198—206.

большей степени реализма и было гораздо выше по своему художественному качеству.

В период 80—90-х гг. XVII в. русскими художниками создаются наиболее значительные произведения парсунной живописи, в том числе портрет стольника Василия Федоровича Люткина (1697 г.—ГИМ), портрет в рост дяди Петра I Л. К. Нарышкина и поясной портрет матери Петра Н. К. Нарышкиной (оба—в ГИМе). В последних двух парсунах уже присутствуют основные черты, характерные в целом для всей последующей школы русского портрета: пристальное внимание к внутреннему миру человека, поэтизация образа, его мягкая, лирическая, почти интимная подача, стремление к тонкой гамме немногих, со вкусом подобранных цветов. Это один из первых русских портретов, где русские мастера, наконец, порывают с условным пониманием теней (лишь как средства для лепки объема), доставшимся в наследство от прежней иконописной техники. Тени здесь получают реальный цвет, становятся рефлексными (особенно это хорошо видно в живописи лица Нарышкиной).

Помимо рассмотренных можно упомянуть также ряд портретов. 1660—1670-х гг. царя Алексея Михайловича (один из лучших принадлежит ГИМу), портреты 1680-х гг.: царевны Софьи (музей «Новодевичий монастырь»), купца Г. М. Фетиева (Вологодский музей), портрет воеводы И. Е. Власова, написанный Г. Н. Одольским в 1694—1695 гг. (Горьковский художественный музей), и относящийся также к 90-м гг. портрет князя И. Б. Репнина (ГРМ)⁶⁶.

Подводя итоги развития портретного искусства в России XVII в., можно сказать, что развитие это шло поразительно быстрыми темпами. За ~~какую-нибудь~~ четверть столетия было пройдено громадное расстояние — от полуиконописных изображений типа парсуны князя Федора Алексеевича до вполне реалистических портретов стольника Годунова или Нарышкина. Изменилась не только техника, процесс живописи, но и самый подход к натуре, укрепилось понятие авторства. Характерное свидетельство нового подхода художника к работе сохранилось в Двинской летописи, где рассказывается о написании в 1698 г. портрета архангельского архиепископа Афанасия: архиепископ «призвал живописца-персонника Степана Дементьева сына Нарыкова и заставил свою архиерейскую персону написать, которую он на картине, **смотрючи на него** (подчеркнуто мной. — Ю. М.), архиерея, обрисовал и все подобие сущее лица его и провохрил фабрами (красками — Ю. М.), какими надлежит, слово в слово, и оставил у него, архиерея, во внутренней келье сушить; а в иной день, приехав, оное его архиерейское персонное лицо, поправивши на готово, взял с собою; протчее дома дописывал»⁶⁷.

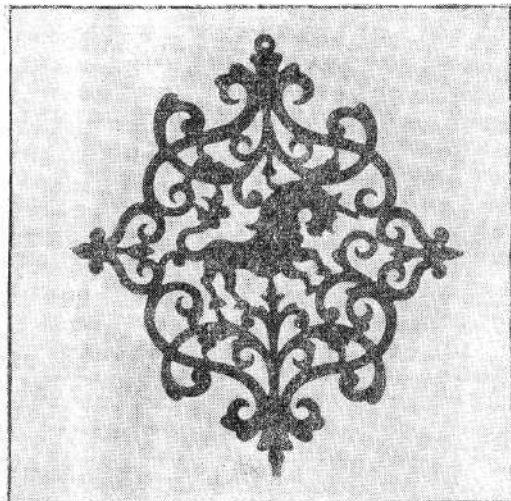
Период ученичества русских светских живописцев продолжался в бурную эпоху петровских преобразований. Первоочередной интерес к человеку, к образам своих современников, вдумчивое восприятие и отражение натуры и явились залогом их будущего успеха в создании национального русского реалистического искусства.

⁶⁶ См.: Овчинникова Е. С. Портрет в русском искусстве XVII в., табл. XXIX, XXX, VIII, IX, XXXIII, рис. на с. 111, табл. XXVII, XXVIII; Малков Ю. Г. Искусство парсуны.— «Художник», 1970, № 12, рис. на с. 36.

⁶⁷ Титов Л. Л. Летопись Двинская. М., 1889, с. 105.

ДЕКОРАТИВНО- ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

И. А. БОБРОВНИЦКАЯ
М. В. МАРТЫНОВА

Декоративно-прикладное искусство входит неотъемлемой частью в древнерусскую художественную культуру. В сфере творческой деятельности людей XVII в. оно занимало особенно значительное место. Высокие художественные и технические достижения искусства предшествующих столетий, преемственность традиций, обилие и разнообразие используемых материалов способствовали его яркому расцвету. Значительную роль в этом сыграло и расширение круга заказчиков, который наряду с традиционным — церковью и царским двором — включает служилое дворянство и богатое посадское население.

Памятники XVII в. превосходят произведения предшествующих столетий в количественном отношении и значительно обогащают наши представления о роли художественно оформленных изделий в повседневном быту. Порой трудно провести четкую грань между чисто утилитарными и художественными предметами, так как даже мастера, занятые изготовлением скромных бытовых вещей, стремились сочетать практическую целесообразность формы с ее эстетическим осмыслением.

Производство самых различных художественных изделий было сосредоточено в Москве с ее многочисленными ремесленными слободами. Центром прикладного искусства и своеобразной школой для мастеров многих специальностей были в XVII в. кремлевские мастерские. Обилие сохранившихся документальных материалов дает возможность широко представить их деятельность¹.

Крупнейшей среди мастерских была Оружейная палата, где производилось строевое и парадное оружие, работали мастера-иконописцы и живописцы. Золотая и Серебряная палаты снабжали двор изделиями из драгоценных металлов. В мастерских Конюшенного приказа исполнялись разнообразные предметы парадного конского убранства и экипажи. Шитьем одежд для царской семьи занимались Государева и Царицына мастерские палаты. В царицыных светлицах создавались великолепные произведения лицевого и декоративного шитья. Резчики по

¹ См.: Малицкий Г. Л. К истории Оружейной палаты Московского Кремля.— В кн.: Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954, с. 509—599; Троицкий В. И. Организация золотого и серебряного дела в Москве в XVII в.—ИЗ, т. 12, 1941; Арсеньев Ю. К. К истории Оружейного приказа в XVII веке. Спб., 1904.

дереву, токари и столяры были объединены в «Мастерской резных и столярных дел», которая занималась изготовлением роскошных иконостасов, царских «мест», клиросов, а также разнообразных предметов домашнего обихода².

Со всей России привлекались в Москву ремесленники на постоянное жительство или для осуществления крупных заказов. Здесь работали мастера из среднерусских и поволжских городов, из северных центров. Во второй половине века активно расширяются культурные связи с Украиной и Белоруссией, откуда также прибывают ремесленники различных специальностей. Приезжие мастера оказывали определенное воздействие на столичное искусство и, в свою очередь, обогащались в Москве новым творческим опытом. Вместе с русскими в Москве трудилось много иностранцев. Тесный творческий контакт, существовавший между мастерами, способствовал знакомству русских с принципами западноевропейского и восточного искусства. В свою очередь, иностранцы испытывали сильное воздействие русской художественной культуры.

В этом столетии продолжают развиваться старые русские центры, такие, как Новгород, Псков, Владимир, Тверь, Ростов, имеющие прочные художественные традиции. Наряду с ними выдвигается много новых. Значительный вклад вносят в художественное наследие XVII в. города Поволжья, где в широких масштабах велось церковное строительство, создавались прекрасные произведения живописи. Здесь на высоком уровне стояло серебряное и кузнечное дело, резьба по дереву, изготовление изразцов, набойка тканей. Переживает яркий расцвет Сольвычегодск, откуда выходят интересные образцы художественного шитья и самобытные произведения с расписной эмалью. Крупным центром ремесленного производства русского Севера был также Архангельск. В его окрестностях широко развивалась резьба по дереву и кости. Великий Устюг прославился литейными и железо-просечным» работами. Здесь же было налажено производство оригинальных эмалевых изделий.

Создание разнообразных предметов прикладного искусства не ограничивалось городами. Значительными художественными центрами оставались многие монастыри, имевшие штаты ремесленников различных специальностей. В Кирилло-Белозерском, Соловецком, Нижегородском Печерском, Спасо-Прилуцком и других монастырях существовало серебряное производство³. В Валдайском Иверском монастыре патриарх Никон организовал мастерские по изготовлению декоративной керамики, литейных изделий. Здесь же работали прекрасные резчики по дереву, которые затем были переведены в Ново-Иерусалимский монастырь и позднее принимали участие в украшении Коломенского дворца. Троице-Сергиев, Спасо-Прилуцкий, Кирилло-Белозерский и другие монастыри наряду с Москвой, Калугой, Тверью, Вологдой славились производством деревянной посуды, которая иногда там же украшалась нарядной росписью⁴.

Для XVII в. характерны активный рост общественного разделения труда и отсюда высокая степень специализации, которая наблюдается

² В архивных документах есть упоминания об Алмазной палате, а также о Золотой палате, организованной при патриаршем дворе в 50—60-е гг. XVII в. патриархом Никоном. Однако сведения об этих двух мастерских слишком скудны, поэтому их деятельность не может быть полностью раскрыта.

³ См.: Постникова М. М. и Мишуков, Ф. Я. Изделия из драгоценных металлов.— В кн.: Русское декоративное искусство, т. I. М., 1962, с. 365.

⁴ См.: Чекалов А. К. Мебель и предметы обихода из дерева.— В кн.: Русское декоративное искусство, т. I, с. 23.

во всех ремеслах, и в частности в художественных. Среди ювелиров,, например, были чеканщики, сканщики, резных, черневых и алмазных, дел мастера, бесемщики, золотильщики. Посадские ремесленники специализировались также по типам изделий. Источники упоминают крестешников, пуговичников, пряжников, сержников, мастеров судового и перстневого дела, мастеров, делавших цепочки в «чистом серебре», и т. д. Такая же дифференциация существовала и в других видах ремесла. Были мастера, совмещавшие целый ряд специальностей, однако чаще в создании художественных изделий и особенно заказных значительных произведений принимал участие целый творческий коллектив. Поэтому обычным является упоминание в документах мастера «с товарищи».

XVII в. по сравнению с предшествующим временем сохранил для нас больше сведений о непосредственных творцах тех или иных памятников, хотя клейма и имена мастеров на произведениях прикладного искусства и в этом столетии достаточно редки. Однако благодаря обработке большого количества архивных материалов историкам XIX в. и советским исследователям удалось собрать интересные сведения о мастерах XVII столетия. Составлены словари ювелиров, работавших в кремлевских мастерских, оружейников, посадских серебряников разных городов. Известны имена резчиков по дереву, создателей прекрасных иконостасов, мастеров колокольного и пушечного дела, паникадилыщиков и т. д. И все же основная масса художественных изделий, хранящихся во многих музеях нашей страны, создана руками талантливых безвестных мастеров. Большая их часть связана с парадным церковным и придворным бытом. Это произведения ювелирного искусства, монументального литья, деревянной монументальной резьбы, золотного шитья, лучше сохранившиеся в силу особо бережного к ним отношения и специфики материала. Рассмотрение в основном этих памятников дает возможность представить общую художественную направленность всего декоративно-прикладного искусства XVII в.⁵

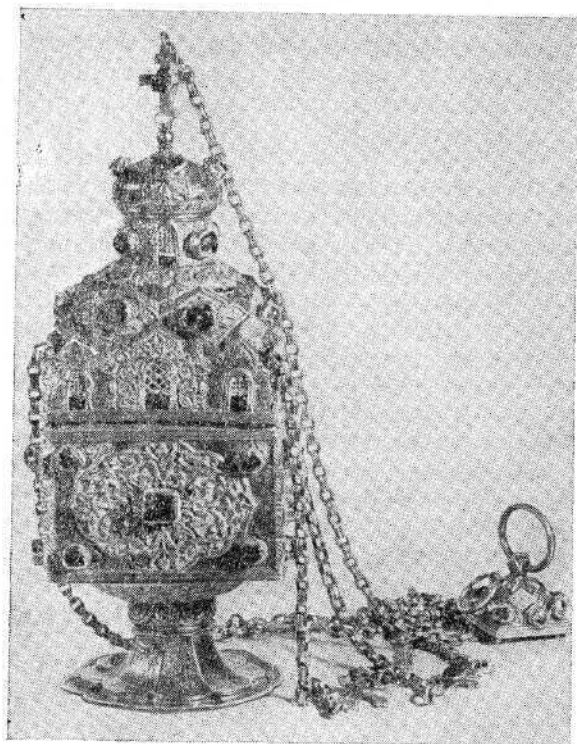
ЗОЛОТОЕ И СЕРЕБРЯНОЕ ДЕЛО

Ювелирное дело занимает одно из центральных мест в прикладном искусстве XVII в.⁶ Большое количество прекрасных изделий из драгоценных металлов было создано на протяжении этого столетия в кремлевских мастерских для оформления пышного придворного быта, для подарков и церковных вкладов. Работая в особых условиях, кремлевские ювелиры имели в своем распоряжении разнообразные материалы — золото, серебро, камни, жемчуг, эмалевые сплавы, что способствовало развитию сложных и разнообразных ювелирных техник, некоторые из которых почти не встречаются в других художественных центрах.

В начале столетия страна пережила тяжелую польско-шведскую интервенцию, во время которой кремлевские хранилища подверглись страшному опустошению. Щедрой рукой раздавал Лжедмитрий накопленные веками богатства, вызывавшие восторженное изумление иностранцев, видевших царскую сокровищницу при Иване Грозном и Борисе Годунове. Быстро таяла казна и при Василии Шуйском, по приказу которого переделывались в монеты изделия, взятые из царских храни-

⁵ Малочисленность и однотипность сохранившихся от XVII в. изделий из керамики,, кости и стекла затрудняют их художественную характеристику, поэтому в настоящей статье они не рассматриваются.

⁶ Библиографию см.: Гольдберг Т., Мишуков Ф., Платонова Н., Постникова-Лосева М. Русское золотое и серебряное дело XV—XX вв. М., 1967.

КАДИЛО,
1616 г.

ных изделий используются изящные арабесковые черневые узоры, симметрично-раздвоенный чеканный орнамент из выходящих стеблей с трилистниками. В четкий ритм рельефных трав часто включаются крупные самоцветы, среди которых мастера, как и XVI в., отдают предпочтение ярко-голубому сапфиру.

Близость к традициям предшествующего времени носит порой характер сознательной ориентации на шедевры XVI столетия. Так, кадило, исполненное мастерами Данилой Осиповым и Третьяком Пестриковым для вклада в Троице-Сергиев монастырь, повторяет по форме кадило 1598 г., сделанное по заказу царицы Ирины Федоровны. Черневые изображения и орнамент на потире 1637 г., вложенном патриархом Иосифом в Соловецкий монастырь, близки декору потиров 1597 и 1598 гг., созданных в Кремлевских мастерских для Бориса и Ирины Годуновых.

В своеобразный эталон для подражания превратились великолепные памятники времени Ивана Грозного — блюдо царицы Марии Темрюковны, а также роскошный оклад евангелия 1571 г. из Благовещенского собора Московского Кремля. Его повторением является оклад евангелия 1631 г., сделанный по заказу царя Михаила Федоровича мастером Гаврилой Овдокимовым, деятельность которого можно проследить на протяжении 40 лет. При всей близости к окладу 1574 г. в произведении Г. Овдокимова заметно нарастание новых эстетических

лиш, церквей и монастырей. К середине 1611 г. истощение казны достигло таких пределов, что интервентам были выданы некоторые царские регалии. Об этом свидетельствует дошедшая до нас «ропись, что ценил Николай царские венцы»⁷.

Однако, несмотря на крайнее расстройство всей хозяйственной жизни страны, после изгнания поляков и воцарения Михаила Романова сравнительно быстро восстанавливается деятельность кремлевских мастерских. Уже в 1613 г. возрождается Серебряный приказ, из которого в 1624 г. выделяется самостоятельный приказ Золотого дела.

Кремлевские ювелиры в начале века работают в традициях предшествующего столетия. В декоре золотых и серебря-

⁷ Постникова-Лосева М. М. Прикладное искусство XVII—XVIII вв. — В кн.: История русского искусства, т. IV. М., 1959, с. 528; РИБ, т. II, № 95—97; стб. 265—273.

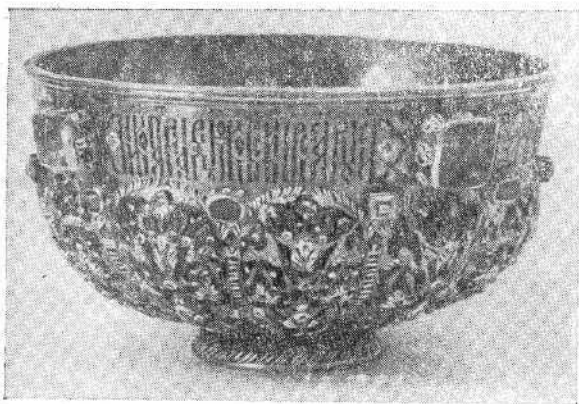

ОКЛАД ЕВАНГЕЛИЯ,
1631 г.

тенденций, выразившихся прежде всего в большей цветовой насыщенности декора. Изменилась гамма драгоценных камней: они стали ярче и разнообразнее. Обогатился колорит эмали, причем она покрывает не только орнамент, но и архитектуру в медальонах с изображением евангелистов.

Эмаль с ее великолепной палитрой ярких сверкающих красок как нельзя более отвечала характерному для XVII в. стремлению к пышной декоративности и сочной полихромии⁸.

⁸ Библиографию см.: Писарская Л. В., Платонова Н. Г., Ульянова Б. Л., Русские эмали XI—XIX вв. М., 1974.

ЧАША ПАТРИАРХА НИКОНА,

1653 г.

На протяжении всего столетия продолжают широко применять эмаль в сочетании со сканным узором. Эту технику обычно используют для украшения серебряных предметов — окладов, икон, крестов, панагий, чаш, а также мелких изделий, которые создавались не только кремлевскими мастерами, но и посадскими ремесленниками Серебряного ряда.

В XVII в. наряду

с эмалью по скани появляется ряд других разно-

видностей этого искусства — эмаль по чеканке и резьбе, декоративная

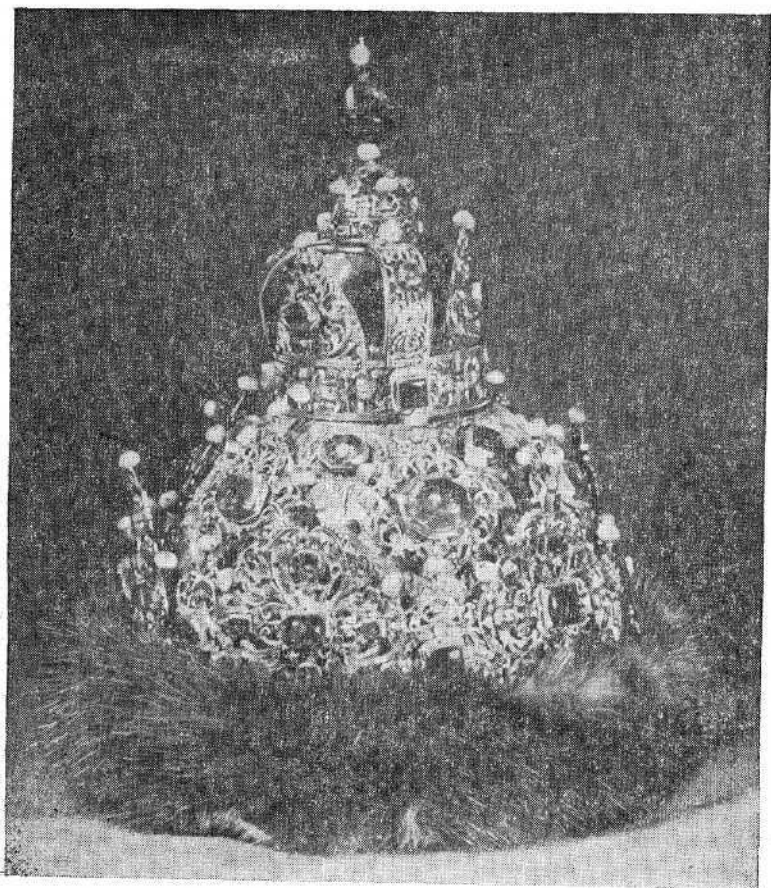
роспись эмалевыми красками. Эти технические приемы встречаются уже на памятниках первой половины века: на кубке царя Михаила Федоровича, братине Евдокии Лукьяновны, на золотом окладе иконы «Богоматерь—Умиление» из складня И. К. Грязева: по раме оклада вьется травный узор, как бы сотканный из прозрачных эмалевых капель, положенных на слегка рельефный фон. Аналогичный орнамент в сочетании с розетками из ярких драгоценных камней украшает луки седла, исполненного в 1637 г. для выводного коня царя Михаила Федоровича мастерами Золотой и Серебряной палат во главе с Иваном Поповым.

По характеру орнаментации к этой же группе памятников примыкает золотая чаша, подаренная патриархом Никоном царю Алексею Михайловичу в 1653 г. Это один из шедевров эмалерного искусства XVII в. Чаша расчеканена округлыми выпуклыми долями, в каждую из которых вписан пышный растительный мотив, повторенный в различных цветовых вариантах. Широко используя прозрачную эмаль, ювелир накладывает ее на разнообразно обработанную поверхность. С глухой эмалью мастер работает иначе. Она положена густым слоем и эмалевые листочки приобретают осязаемую рельефность. Расцветочная сочными сверкающими узорами поверхность эффектно контрастирует с гладью полированного золота на внутренней стороне чаши.

В начале века цветовая гамма эмали отличается еще известной сдержанностью, и звучная красочность достигается в основном за счет использования ярких драгоценных камней. Велика роль самоцветов в декоративном оформлении венца царя Михаила Федоровича. Новая династия Романовых большое значение придавала созданию предметов придворного церемониала, среди которых главное место занимали регалии. Известно, что в 1624 г. группа немецких и голландских мастеров была награждена кубками и тканями за «корунное дело»⁹. В 1627 г. под наблюдением дьяка Телепнева теми же ювелирами был создан венец, дошедший до наших дней, а в 1633 г. документы вновь сообщают, что царь присутствует на торжественных приемах в шапке «нового дела»¹⁰.

⁹ Забелин И. Дополнения к дворцовым разрядам, ч. I. М., 1882; стб. 365—369.

¹⁰ Строев П. Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича всея Руси самодержцев. М., 1844, с. 14; и др.

ВЕНЕЦ ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА,
1527 г.

В художественной отделке венца царя Михаила Федоровича ярко выражены эстетические вкусы XVII в. В его декоре сливаются в едином звучании блеск золота, мерцание жемчуга, сияние многокрасочных камней и эмалей. Это произведение дает интересный пример того, как своеобразно трансформируется искусство иностранных ювелиров на русской почве, под влиянием местных художественных вкусов, сказавшихся не только в общем облике венца, украшенного рядами ажурных, покрытых эмалью пластин-кокошников, но и в характере орнамента, в свободной красочной живописности декоративного решения.

На протяжении XVII в. совершенствуются многие приемы эмальерного мастерства. Большим достижением ювелиров было освоение ими сложной техники наложения эмали на высокорельефные чеканные изображения. Эмаль по рельефу широко применялась при украшении митр, крестов, роскошных окладов и евангелий. Во второй половине века красочная палитра эмали становится значительно богаче и разнообразнее, отличается необычной яркостью и пестротой. Благодаря особой насыщенности и звонкости тонов в цветовой гамме доминируют прозрачные эмали — синие, красные, зеленые, золотисто-коричневые, соперничающие своим интенсивным блеском со сверканием драгоценных камней. Многие произведения этого времени поражают своей ликующей праздничностью, присущей также предметам церковного назначения. И если звучная

ПОТИР,
1664 г.

полихромия декоративного убранства культовых построек XVII в. способствовала усилению в них светского начала, то аналогичный процесс наблюдается и в прикладном искусстве. Характерно для этого времени; оформление литургического прибора, вложенного боярыней А. И. Морозовой в Чудов монастырь в 1664 г. Особенно великолепен потир, вся поверхность которого покрыта пестрыми эмалевыми травами и цветами с сердцевинками из самоцветов. Красочностью отличаются и одежды святых Деисусного чина, украшающих чашу потира. На предметах литургического прибора широко используется роспись по эмали, получившая большое распространение в XVII столетии. Исполненная эмалевыми красками, разведенными на эфирных маслах или скипидаре, она значительно обогатила изобразительные возможности эмальерной техники.

Один из самых ранних памятников с росписной эмалью — митра 1634 г., вложенная царем Михаилом Федоровичем в Успенский собор города Рос-

това. С середины века роспись по эмали начинает играть все большую роль. В оформлении произведений ювелирного искусства сказываются определенные реалистические тенденции. Подобно иконописцам, эмальеры увлекаются изображением архитектуры, пейзажа, новую трактовку приобретают на церковных предметах традиционные иконографические сюжеты. Религиозные сцены переносятся в реальную конкретную обстановку, наполняются повествовательными подробностями, бытовыми деталями. С этой точки зрения наибольший интерес представляют оклады евангелий второй половины века. Евангелисты изображены в нарядных интерьерах с тщательно исполненной обстановкой, на заднем плане часто разворачивается сложный архитектурный пейзаж. С большой любовью пишет эмальер изящные узоры на колоннах, плитках пола, одеждах святых.

Реалистические устремления мастеров ощущаются и в характере растительного орнамента второй половины XVII в. Он постепенно теряет условный отвлеченный характер и приближается к формам живой природы. Симметричные травы XVI в. вытесняют свободный построенный узор из пышных крупных цветов, почти в каждом из которых можно узнать его реальный прототип. В орнамент часто включены цветы и травы, характерные для русских рукописных и печатных книг XVII в. По-

Стойно встречается изображение тюльпана, в чем можно усмотреть известное влияние «цветочного» стиля, получившего распространение в западноевропейском серебряном деле в 50—70-е гг. Тесное общение России с Западом, заметно усилившееся в этом столетии, приводило не к механическому перенесению на русскую почву форм западноевропейского искусства, а лишь к усвоению того, что отвечало требованиям собственного развития. «Цветочный» стиль был легко воспринят русскими серебряниками именно потому, что совпал с устремлениями русских эстетических вкусов.

Цветочный орнамент используют эмальеры и чеканщики. Широко применяется он в изделиях, украшенных чернью и резьбой. Эти две техники в работах серебряников второй половины XVII в. выступают в интересном сочетании друг с другом. Резной золоченый узор из стеблей с крупными листьями и пышными цветами свободно и естественно стелется по поверхности стаканов, тарелок, стоп, покрытых мелкими черневыми травами. В орнамент включаются изображения животных и птиц, клюющих плоды.

В декоре серебряных изделий широко используются связки плодов и цветов, подвешенные на лентах, пышные картуши, характерные для искусства барокко. Большую роль играют мотивы восточной орнаментики: опахала, цветы и плоды граната, розы, гвоздики на тонких вьющихся стеблях. Они были хорошо знакомы русским мастерам по привозным турецким и иранским ювелирным изделиям и, по-видимому, в еще большей степени по восточным тканям. Так, на тарелке В. В. Голицына, украшенной резными опахалами и плодами граната по мелкотравчатому черневому фону, восточные мотивы сочетаются с чисто восточной разработкой орнамента: мелкий узор внутри крупных орнаментальных форм. Подобный пример чрезвычайно характерен для турецких тканей. Привнесенные орнаментальные формы очень своеобразно и по-своему претворялись русскими ювелирами, как, например, на ставце царевны Софьи, исполненном в 1685 г. мастерами Михаилом Михайловым и Андреем Павловым, на братине царя Алексея Михайловича.

Наряду с орнаментальными композициями все большую роль в русском серебряном деле второй половины века начинают играть сюжетные изображения, причем их круг значительно расширяется. Появляются

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВ. СТАКАН,
конец XVII в.

СЕРЕБРЯНАЯ РАКА ЦАРЕВИЧА ДИМИТРИЯ.
1630 г. Деталь.

тельностью сюжетов, реализмом в их трактовке. Внимание мастеров-ювелиров, как и живописцев, привлекала Библия Пискатора, изданная в Амстердаме в 1650 г. Знакомством с нею в значительной мере можно объяснить появление на серебряных изделиях новых персонажей и сюжетных композиций. Порой в сценах на серебряных сосудах встречаются отдельные фигуры, списанные с гравюрных листов библии (например, на тарелке М. В. Волконского, украшенной гравированными эпизодами из истории царя Давида).

Воспроизведение целых многофигурных композиций из библии было под силу лишь мастерам, имевшим высокую профессиональную подготовку художника-графика. К ним относился Василий Андреев¹¹. Выходец с Украины, ученик выдающегося гравера Афанасия Трухменского, он принадлежал к тем немногим мастерам XVII в., кто оставлял подпись на своей работе. С его именем связан вполне определенный круг памятников серебряного дела. В. Андреев начинал как гравер на меди и лишь будучи зрелым мастером стал резать на серебряных сосудах. Известно семь его работ с гравированными изображениями, в том числе две стопы и две кружки. Исполненные на них библейские сцены представляют собой творчески переработанные композиции с гравюр Библии Пискатора. Они исполнены уверенно, легко, с той свободой, которая обнаруживает великолепное владение рисунком. В. Андреев работает в чисто гравюрной манере, которая приходит на смену линейной резьбе более раннего периода. Мастера-серебряники, подобно живописцам, начинают стре-

сцены из библейской истории, притчи, сивиллы, всевозможные аллегории. Часто можно встретить изображение царств из Книги пророка Даниила в виде фантастических животных, например на серебряной чаре 1636 г. из Государственного Исторического музея. На сосудах помещаются архитектурные пейзажи, дамы и кавалеры в европейских костюмах и т. д.

Начавшееся в XVII в. формирование новой светской русской культуры вызвало широкий интерес к иноземному искусству, культуре и творческое усвоение определенных их элементов. Не случайно поэтому, что на серебряное дело второй половины столетия значительное влияние оказали западноевропейская книжная графика и гравюра, покорявшие новизной и занима-

¹¹ См.: Орешников А. Фряжских резных дел мастер, серебряник и медальер конца XVII века.— В кн.: Сборник Оружейной палаты. М., 1925, с. 5—10; Родинский Д. Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв., т. I. Спб., 1885, стб. 16—18.

миться к светотеневой трактовке форм, к передаче пространства, движения.

В работах чеканщиков также сказывается тяга к пластической моделировке объема, и изображения святых на окладах евангелий, на крышках рак приобретают порой горельефный характер, почти приближаясь к круглой скульптуре. Очень хороша фигура царевича Димитрия на крышке раки 1630 г., исполненной мастером Гаврилой Овдокимовым «с товарищи» для Архангельского собора Московского Кремля. Детское лицо царевича, мягко смоделированное, со слегка выпяченной нижней губой, широко открытыми глазами, носит вполне портретный характер, как и изображение Александра Свирского на крышке раки 1643 г., созданной, как предполагает М. М. Постникова-Лосева, теми же мастерами¹².

В XVII в. наряду с объемными чеканными окладами, закрывающими почти всю живопись, появляются иконы, выполненные целиком из серебра. Примером может служить икона «Анна Кашинская» 1676 г., принадлежавшая Б. М. Хитрову. Интересное сочетание чеканных изображений с литыми объемными деталями можно видеть на иконе «Благовещение» из Соловецкого монастыря. Мастер прибегает здесь к сложному пространственному построению архитектурных кулис. Прекрасно исполнена Богоматерь и особенно фигура архангела, данная в движении, в свободном ракурсе. Одежды, лежащие естественными мягкими складками, облегают человеческое тело, выявляя его объем и пластику.

Посуда XVII в., выполненная из драгоценных металлов, представлена в музеях значительным разнообразием типов. Очень нарядны братины: при относительной простоте и однотипности формы они чрезвычайно разнообразно орнаментированы. Так, чеканные стебли с трилистниками украшают братину, пожалованную дьяку Данилову за «царскую службу». Плавное спиралевидное движение орнамента подчинено строгому ритму и прекрасно согласовано с округлой формой сосуда. Ромбовидные клейма с вписанными в них растительными мотивами использованы в декоре братины дьяка Посольского приказа И. Грамотина. Своеобраз-

БРАТИНА ДЬЯКА П. А. ТРЕТЬЯКОВА,
начало XVII в.

¹² См.: Мнева Н. Е., Померанцев Н. Н., Постникова-Лосева М. М. Резьба и Скульптура XVII века.— В кн.: История русского искусства, т. IV, с. 336.

КОВШ ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА,
1618 г.

но художественное оформление братины, принадлежавшей думному дьяку Петру Третьякову. Ее тулово поддерживают шесть человеческих фигур с поднятыми руками. Украшающие братину шитки с надписью «Братина Петра Алексеевича Третьякова» обрамляют лев и единорог, две птицы, две рыбы и фигуры двух юношей в иноземном платье. В характере декорировки сосуда чувствуется определенное влияние произведений западноевропейского искусства. Необычны для русских изделий фигуры у основания, а также букет из серебряных цветов, подобный тем букетам, которые увенчивают крышки немецких кубков XVII в. Однако эти декоративные элементы органично увязаны с чисто русской формой сосуда.

К братине близок еще один тип посуды — ендова, которая, по-видимому, долгое время бытовала на Руси. Единственный сохранившийся образец XVII в. — это серебряная ендова В. И. Стрешнева, исполненная в 1644 г. Она имеет вид крупного шарообразного сосуда с носиком, эффектно декорированного гладкими и прочеканенными рельефными травами долями.

В прекрасных образцах дошла от XVII столетия другая форма традиционной древнерусской посуды — золотые и серебряные ковши. К концу века они почти утрачивают практическое значение и начинают использоваться в качестве официальной награды кабацким и таможенным головам «за прибор», атаманам казачьих войск за «верную службу»¹³. Их оформление подчиняется определенному стандарту.

Однако ковши, исполненные кремлевскими мастерами в первой половине века, представляют собой прекрасные произведения ювелирного искусства. Три золотых ковша царя Михаила Федоровича пленяют строгим благородством формы и изысканным великолепием отделки. В тонком изяществе черногого узора, в самом сочетании материалов — золота, жемчуга, округлых неграненых, самоцветов — еще ощущаются традиции XVI в. Не случайно эти ковши наряду с регалиями и другими

¹³ См.: Постникова-Лосева М. М. Русские серебряные и золотые ковши. М., 1953.

предметами придворного церемониала хранились в особой Большой казне и использовались лишь во время торжественных приемов в Грановитой палате.

Нарядны и разнообразны чарки, сделанные не только из драгоценных металлов, но и из агата, горного хрусталя, сердолика, оникса, белого коралла.

Во второй половине века наряду с ковшами, блюдами, высокими раструбообразными стаканами, ставками мастера создают кубки, воронки и другие сосуды, в формах которых ощущается влияние западноевропейской утвари. Однако до конца столетия русская посуда сохраняет свойственную ей строгость, простоту и мягкую округлость форм.

Несмотря на ведущую роль столичных мастеров в создании драгоценных изделий, их творчеством не исчерпывается история ювелирного искусства XVII в. Значительный интерес представляет серебряное дело местных художественных центров. Если в Москве посадские мастера испытывали определенное влияние придворных вкусов, то в творчестве серебряников других русских городов ярче проступают связь с более широким демократическим кругом заказчиков. В работах этих мастеров особенно ощущается живая непосредственная близость к народному творчеству.

В XVII в. сохраняет значение крупного центра серебряного дела Новгород, где мастера-серебряники занимали видное место среди посадских ремесленников других специальностей. Сохранилось большое количество новгородских ковшей, корчиков, чарок, миниатюрных по размеру и очень своеобразных по форме и декорировке. Интересны работы новгородских резчиков, среди которых особенно выделяются произведения мастера Григория Иванова. С 1664 по 1673 г. для новгородского митрополита, а позднее патриарха Питирима он исполнил четыре стакана, украшенные резным орнаментом из плетений, лент, сердцевидных и волотообразных завитков, среди которых размещены изображения животных, птиц, рыб, сцены охоты, композиции на темы библейской истории, выполненные с той наивной непосредственностью, которая придает им особое очарование. Помещение на стакане, принадлежавшем духовному

ГРИГОРИЙ ИВАНОВ. СТАКАН,
70-е гг. XVII в.

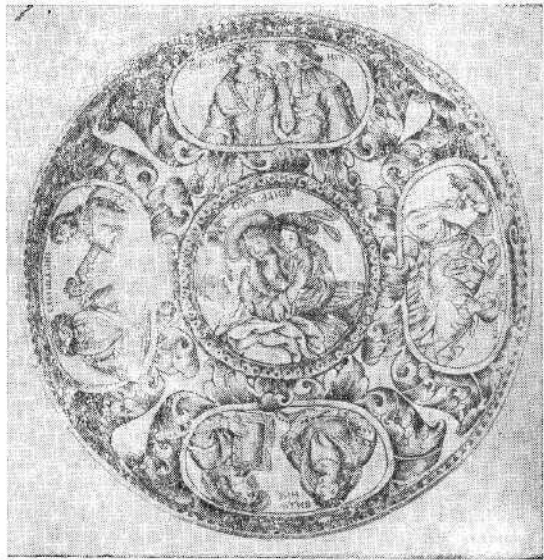

ПОТИР,
1697 г. Ярославль.

лицу, изображения нагого тела, сам подбор таких сюжетов, как «Сусанна и старцы», «Самсон и Далила», «Жена Потифара и Иосиф Прекрасный», имеющих не только определенный аллегорический смысл, но носящих, скорее, развлекательный характер, трактовка этих сцен мастером свидетельствуют о мощном процессе «обмирщения» культуры, который становится особенно ощутимым во второй половине века.

Прекрасные памятники с резьбой были созданы на протяжении XVI—XVII столетия в Пскове. Несмотря на близость к новгородскому искусству, серебряное дело этого центра обладает чертами самобытности. Псковские мастера используют чисто линейную резьбу, не прибегая

к светотеневой моделировке. Их работы отличает грамотный свободный рисунок, мастерство композиционного построения. Следуя общей линии развития искусства этого времени, псковские серебряники вносят новые черты в традиционные религиозные сюжеты. Так, в композиции «Снятие со креста», сценах «страстей» на дисках, потирах они часто изображают людей, одетых в русское платье.

ЧАША,
конец XVII в. Сольвычегодск.

В XVII столетии переживают экономический расцвет города Поволжья. Расположенные на оживленной водной магистрали, они превратились в крупные торговые и ремесленные центры. Разбогатевшие купцы стали строителями храмов, заказчиками всевозможных предметов прикладного искусства. Значительное развитие получило здесь серебряное дело. В Ярославле, например, серебряники занимали шестое место в ряду посадских ремесленников. По переписной книге 1669 г. в городе насчитывалось 47 серебряников, 4 крестежника и 1 сережник; в Нижнем Новгороде в 1665 г. серебряников было 26¹⁴.

Наиболее распространенным приемом украшения изделий из серебра в городах Поволжья была рельефная чеканка, в орнаменте которой обнаруживается много общих черт с работами резчиков по дереву. Для произведений ярославских серебряников характерен густой рельефный узор из пышных фантастических цветов, плодов, трав в сочетании с линейной резьбой. В трактовке резных композиций, помещенных на дисках, чашах потиров, ощущается свойственная XVII в. любовь к орнаментальному узорочью, сказавшаяся в сплошном заполнении фона точками, мелкими резными звездами, а также в характере многословных надписей, исполненных нарядными затейливыми буквами.

Нижегородские серебряники часто включают в чеканный орнамент скульптурно трактованные детали. На потире 1685 г. в цветочный узор вкомпонованы изображения четырех стихий — земли, воды, воздуха и огня, символы евангелистов и херувимы. Мастера Нижнего Новгорода были и искусными резчиками, свидетельством чего является изображение «Ангела, возмущающего воду» на оборотной стороне напестольного креста 1636 г., выполненного для Благовещенского монастыря. Стройная, полная грации фигура ангела исполнена с большим мастерством и напоминает рисунок пером.

Значительное производство серебряных изделий имелось также в Костроме, Астрахани, Казани и во многих других городах.

Весьма своеобразным центром прикладного искусства был город Сольвычегодск, где уже в конце XVI в. существовали художественные

¹⁴ См.: Постникова-Лосева М. М. Русское ювелирное искусство, его центры и мастера. М., 1974, с. 69, 82.

• мастерские «именитых людей» Строгановых. Во второй половине XVII столетия здесь создавались оригинальные изделия с расписной эмалью, получившие название эмалей «усольского дела»¹⁵. Это были самые различные предметы — от коробочек, ножей, вилок до окладов евангелий, — украшенные нарядной росписью по белоснежному фону. Мастера с большим техническим совершенством заливали эмалью полусферические поверхности чаш, чарок и покрывали их пестрыми гирляндами из тюльпанов, ирисов, ромашек, подсолнухов. Роспись, выполненная в ярко-желтых, зеленых, синих и розовато-лиловых тонах, дополнялась темной штриховкой, которая усиливала декоративную выразительность орнамента. Сольвычегодские мастера воспроизводили на своих изделиях разнообразные сюжетные мотивы, почерпнутые из народного фольклора, из книг и гравюр. Часто встречаются изображения юношей и девушек, лебедя, плывущего среди зеленых зарослей, льва, оленя, аллегорических фигур, олицетворяющих времена года и пять чувств, и т. д. На памятниках «усольского дела» особенно наглядно можно проследить творческую интерпретацию гравюрного, порой явно западного оригинала. Используя его, русский мастер создает нарядную красочную композицию, в которой сами образы приобретают совершенно новый фольклорно-сказочный характер. Произведения мастеров Сольвычегодска оказали влияние на искусство других художественных центров и подготовили почву для расцвета миниатюрной живописи на эмали в XVIII в.

Своеобразной областью ювелирного искусства стало в XVII в. производство парадного оружия¹⁶. Оно было сосредоточено в старейшей мастерской Кремля — Оружейной палате.

Оружие XVII столетия — богато декорированные доспехи, шлемы, сабли, щиты и саады, ружья и пистолеты, украшенные чеканкой, резьбой, эмалью, таушировкой¹⁷, золотой и серебряной наводкой, инкрустацией, — позволяет говорить об особой московской школе оружейного дела.

В XVII в. в кремлевских мастерских существовал огромный штат мастеров, производящих как строевое, так и парадное оружие. Уже на протяжении первой половины века их работало около 130¹⁸.

В изготовлении и отделке художественного оружия принимали участие мастера различных специальностей. Часто привлекались ювелиры из других кремлевских палат, благодаря чему в его орнаментации порой обнаруживается большая стилистическая близость с декором изделий из драгоценных металлов. Так, затыльники многих пистолетов и ружей, шомпольные трубки украшает сканный с эмалью узор, характерный для серебряных изделий московской работы XVII в. Некоторые образцы парадного вооружения целиком отделялись мастерами Золотой и Серебряной палат. Например, роскошный саадок 1627—1628 гг. царя Михаила Федоровича, украшенный растительным эмалевым узором и геральдическими изображениями, был исполнен большой группой мастеров, многие

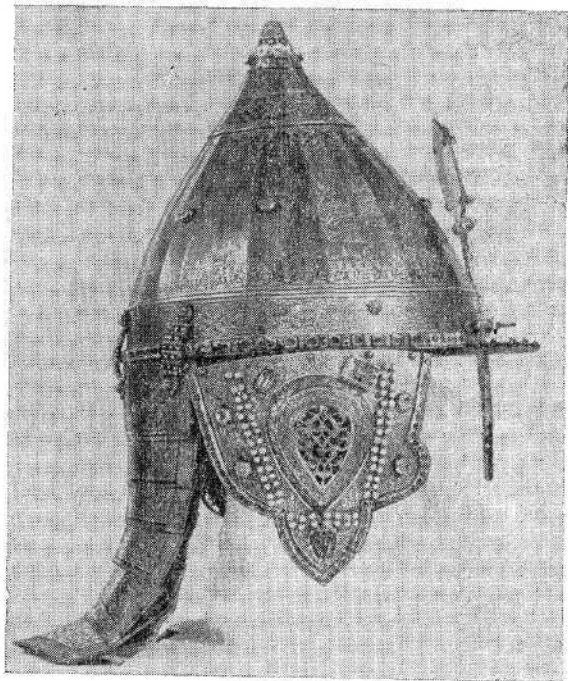
¹⁵ Померанцев Н. Н. Финифть усольского дела. — В кн.: Сборник Оружейной палаты. М., 1925, с. 96—107; Суслов М. И. Эмаль. — В кн.: Русское декоративное искусство, т. I, с. 392—396.

¹⁶ См. библиографию: Денисова М. М. Художественные доспехи и оружие. — В кн.: Русское декоративное искусство, т. I.

¹⁷ Таушировка — прием инкрустирования основного металла более драгоценным.

¹⁸ См.: Ларченко М. Н. Новые данные о мастерах-оружейниках Оружейной палаты первой половины XVII века. — В кн.: **Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля, вып. II. М., 1976, с. 25.**

из которых принимали участие в работе над царским венцом. Возможно, те же ювелиры отделывали парадные сабли «большого наряда» первой половины XVII в. Мастера золотого и серебряного дела часто выполняли оправы к ножам, посольским топорам, саадам, саблям и сабельным поясам. В 1623 г. Мастер Серебряной палаты Кирилл Пестриков делал «золотые чеканные с камнем ножны к государеву ножу». В 1663—1664 гг. мастер той же палаты Иван Тарасов исполнял «к посольскому выезду к панцирям мишени». В 1680 г. серебряники А. Павлов, М. Михайлов и И. Яковлев «наводили чернь» на две сабельные оправы¹⁹.

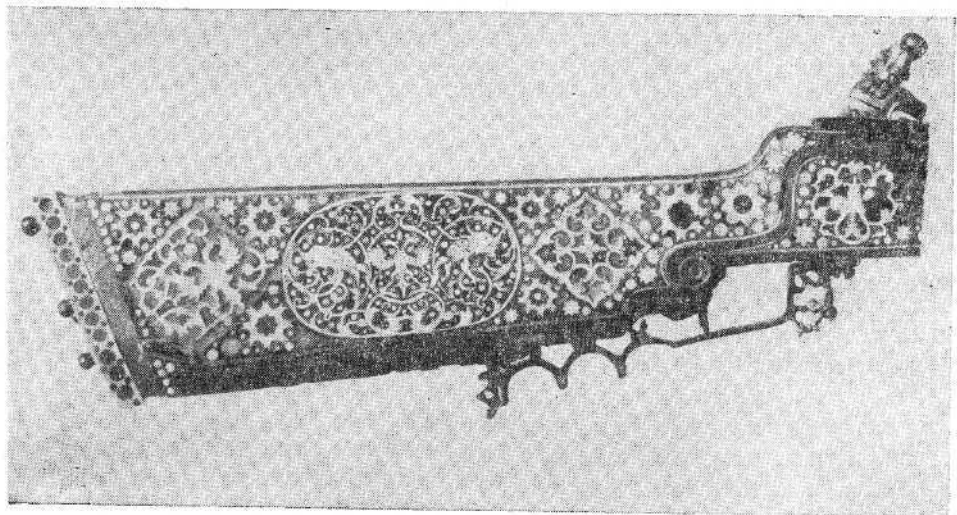
НИКИТА ДАВИДОВ.
ШЛЕМ ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА,
1621 г.

В орнаментации оружия особенно ощущается влияние Востока, что можно объяснить широким распространением образцов восточного вооружения на Руси с древнейших времен, а также постоянной закупкой и привозом иранского и турецкого парадного оружия в XVI—XVII вв. Порой в декоративном оформлении памятников русского оружейного дела заметна определенная связь с работами западноевропейских мастеров. Однако эта общность не лишает произведения русских оружейников ярко выраженного национального своеобразия.

В XVII в. отдельные виды холодного оружия приобретают чисто парадный характер. Некоторые из них, как булава и пернач, становятся отличительным знаком военачальника. Исполненные талантливыми кремлевскими мастерами, они представляют собой различные варианты художественной интерпретации форм некогда грозного боевого оружия. Своеобразной суровой красотой отличаются перначи с гладкими или ажурными ошетилившимися перьями. В напряженном ритме их жестких дробных силуэтов есть особая выразительность, соответствующая характеру и назначению этих воинских атрибутов.

Нарядно декоративное убранство булав, не нарушающее строгой лаконичности их формы. Некоторые из них связаны с известными историческими личностями. В собрании Оружейной палаты хранится булава Б. М. Хитрово с крупным упругим яблоком, мягко переходящим в круглую рукоять. Обращает внимание интересная фактурная обработка ее поверхности, выделанной под шероховатую кожу — хоз. На этом фоне

¹⁹ См.: Троицкий В. И. Словарь московских мастеров золотого, серебряного в алмазного дела XVII в. М.—Л., 1930, с. 101, 127, 93.

ДЕТАЛЬ ПИЩАЛИ,
вторая половина XVII в.

красиво смотрятся фигурные золоченые накладки с изящным узором рельефных трав.

К интересным образцам парадного оружия принадлежат посольские топоры рынд. Подобное оружие, издавна привлекавшее глаз красотой форм, выразительностью четкого, ясно очерченного силуэта, вблизи покоряло изысканным благородством художественного оформления.

Парадное оружие играло большую роль в оформлении различных официальных церемоний — царских выездов, встреч иностранных послов, смотров войск. Оно находилось в походной казне во время военных выступлений; согласно сложившейся традиции ритуальное оружие сопровождало царя при ежегодных посещениях монастырей²⁰. В этих случаях наряду с рогатиной, копьями, пищалью использовались саадаки²¹, сделанные из кожи и украшенные золотым шитьем, золотыми и серебряными пластинками с эмалью, чернью и драгоценными камнями, обтянутые бархатом, атласом и т. д. Более скромно были оформлены «ездовые» саадаки, предназначенные для торжественных встреч и проводов иностранных послов. Известно, что в 1671 г. большая группа мастеров Серебряной палаты делала оправы на 50 саадаков к съезду польских послов²².

Парадный характер носят многие шлемы и доспехи XVII в. Особым совершенством и красотой отделки отличается вооружение, исполненное Никитой Давыдовым, проработавшим в Оружейной палате более 50 лет и воспитавшим немало талантливых учеников. Парадный шлем 1621 г. царя Михаила Федоровича — одна из ранних работ мастера. В художественной отделке шлема своеобразно уживаются мотивы русского и восточного орнаментов с арабскими письменами и изображением корон западноевропейского типа, встречающихся на роскошных итальянских

²⁰ Повседневных дворцовых времен государей царей и великих князей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича записок часть первая. М., 1769, с. 167, 180, 210, 260 и др.

²¹ Саадак — прибор для лука и стрел.

²² См.: Троицкий В. И. Указ. соч., с. 10.

янских бархатах и аксамитах. Тончайший золотой узор, покрывающий навершие, венец и на уши, исполнен с великолепным мастерством в технике таушировки. Декоративное убранство шлема дополняют драгоценные камни и рельефное, покрытое эмалью изображение архангела на сердцевидной пластине носовой стрелки.

Нарядно оформлялись наручи, поножи и особенно зеркальные доспехи, состоящие из отполированных до блеска металлических пластин, скрепленных между собой кожаными ремнями. Особо парадные доспехи декорировались желобками, как бы разбегающимися от помещенного в центре нагрудной пластины изображения двуглавого орла. Рельефная обработка поверхности была рассчитана на определенный зрительный эффект, она создавала красивую игру света, которая усиливалась широким применением золочения и серебрения. Желобки также украшались орнаментом, исполненным золотой наводкой или таушировкой, как, например, на зеркалах 1670 г. работы Григория Вяткина.

Огнестрельное оружие, вышедшее из кремлевских мастерских, поражает красотой форм и отделки. Все чисто конструктивные детали ружья были художественно осмыслены и превращены в нарядный декоративный элемент. Курки обычно имели вид голов фантастических чудовищ или драконов, в пасти которых зажимался кремль. Полки для пороха прикрывали фигурные щитки. Поверхность прикладов украшалась инкрустацией из перламутра, слоновой кости, ценных пород дерева. Наряду с геометрическими и растительными узорами встречаются изображения животных и птиц, мифических существ и целые сюжетные композиции.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЧЕРНЫХ И ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ

Черные и цветные металлы — железо и медь, олово и латунь, свинец и чугун — имели в России широкое практическое применение. Выполненные из них предметы, призванные удовлетворять потребности различных сторон общественной жизни, были весьма многочисленны и разнообразны: здесь и вещи церковного обихода (от огромных колоколов и паникадил до крохотных крестиков и образков), пушки и различные предметы вооружения (от кольчуг до наконечников стрел), домашняя утварь, орудия труда и украшения. Создавая эти предметы, русские мастера использовали различные приемы обработки металлов — холодную и горячую ковку, литье, чеканку; расцвечивали их яркой нарядной эмалью, наводили изящные золотые и серебряные узоры, украшали затейливым ажурным орнаментом. «Древней Руси был открыт секрет жизни в искусстве»²³, и к простому металлу древнерусский мастер относился, как к великолепному материалу для художественного творчества, никогда не забывая при этом, что выполненные из него вещи, предназначенные для употребления, должны обладать конкретной функциональностью.

Одним из важнейших видов металлообрабатывающего ремесла оставалось меднолитейное, и прежде всего литье пушек и колоколов. Искусство русских литейщиков, мастеров пушечного и колокольного дела достигло чрезвычайно высокого уровня. Крупнолитые пушки и колокола щедро украшались столь любимыми в древнерусском искусстве выющимися травами и разнообразными изображениями, выделяющимися на поверхности изделий четким красивым рельефом, тесно связанным с формой и ей подчиненным. Размещенные на колоколах и пушках пояски

²³ Никольский В. А. Древнерусское декоративное искусство. Пг., 1923, с. 7.

с надписями, повествующими об истории их создания, помимо своего основного назначения имели и декоративный характер.

Пушки в соответствии с украшающими их изображениями именовались различными прозвищами: пушка «Соловей» с изображением на дульной части птицы с надписью над нею «соловей»; пушка «Волк» фунтового калибра... на дульной части изображена волчья голова с раскрытой пастью...»; «...пищаль медная «Царь Ахиллес». Дульная и средняя части покрыты литыми травами, на дульной части литое изображение царя Ахиллеса»²⁴.

Колокола, как и пушки, украшались изображениями реальных и фантастических зверей в круглых медальонах, расположенных поясами по нижнему и верхнему краям колоколов. Иногда, усиливая их декоративность, медальоны обвивает вьющаяся лоза или условно трактованные растительные побеги. На колоколе, отлитом в 1685 г. мастером Дмитрием Моториным, пышный растительный узор формован «на проем». Широкий ажурный орнаментальный пояс в верхней части колокола, нарушая монотонность его объема и суровую монументальность формы, придает ему необычайную нарядность. Крупные маскароны с открытыми ртами, выполненные на ушах для привеса, подчеркивают оригинальность художественного замысла мастера.

Интересными образцами древнерусского литья являются медные паникадила. Первые определенные данные о русских паникадильных мастерах относятся к 1616 г.: под этим годом упомянуты Григорий Борисов и его сыновья Ивашка и Афонька²⁵. В дальнейшем, к середине века, имена паникадильных дел мастеров довольно часто встречаются среди художников-металлистов.

Паникадила, особой формы подвесные осветительные приборы, состоят из балясовидного, соединенного из нескольких частей ствола — «веретена», завершающегося внизу большим медным шаром; в специальные гнезда, расположенные несколькими ярусами на стволе — «веретене», вставлены ветви — «перья» со свечниками. Раскидистые, плавно изогнувшиеся на концах, украшенные дополнительными завитками и изломами, ветви «перья», постепенно укорачиваясь кверху, создают вокруг центрального стержня легкую, ажурную, пронизанную воздухом пирамидальную композицию, оживленную при зажженных свечах вспыхивающими на металле бликами. Укрепленный в нижней части ствола шар, держащий зрительно всю композицию по вертикали, часто делался прозрачным или с рельефными изображениями и накладками; к нему подвешивали длинные шелковые кисти, оплетенные золотными нитями и унизанные жемчугом, или страусовые яйца, называвшиеся на Руси «строфокамиловыми», оправленные серебром или золотом. На паникадилах второй половины XVII в. в соответствии со вкусами того времени в изобилии имеются цветочные украшения и изображения птичек, литые фигурки ангелов и святых; в ветви «перья» вкомпоновываются различные реалистически трактованные растительные мотивы или даже своего рода маскароны, профильные головы-личины. На медном паникадиле 1639 г. из Рождественского собора Ферапонтова монастыря в изгибе «ветви», составляя с ней одно целое, отлита забавная бородатая голова в высокой остроконечной с отогнутым краем шапке. Эффективно декорированные медные паникадила, предназначавшиеся сначала в основном для церквей, к концу века становятся привычными и в светском быту, в оформлении интерьеров царских и боярских теремов.

²⁴ Рубцов Н. Н. Указ. соч., с. 197, 201, 242.

²⁵ См.: Левинсон Н. Р. Подвесные осветительные приборы XVI—XVII вв. — Труды ГИМ, вып. XIII. М., 1941, с. 90.

Среди церковных памятников меднолитейного дела XVII в. особенно выделяется как оригинальностью замысла, так и уникальностью исполнения знаменитый «решетчатый шатер» для хранения реликвий, выполненный в 1625 г. для Московского Успенского собора котельных дел мастером Дмитрием Сверчковым. Это довольно большое, кубической формы сооружение, покрытое четырехскатной шатровой кровлей с двумя рядами кокошников у основания. Стенки куба — великолепные ажурные решетки, орнамент которых образован изгибами и переплетениями вьющихся стеблей с узорными остроконечными листьями и цветками — «репьями». В верхней части решеток, четко выделяясь на их кружевном орнаменте, проходит сплошной литой поясok с выполненной вязью надписью. Угловые столбики, составленные из ряда чередующихся «ложчатых» балясин и «яблок» с резным узором, придают кубическому основанию необходимую конструктивную и декоративную завершенность. Кокошники шатра заполнены накладными литыми цветами. Даже такие подсобные детали, как петли-навески и затворы дверей, подчиненные общей декоративности замысла, украшены затейливыми травными узорами. Сам шатер был когда-то накрыт чередующимися в шахматном порядке золочеными и посеребренными листами, а его ажурные стенки изнутри были проложены блестящей слюдой. Много творческой фантазии, изобретательности и умения вложил мастер в это единственное в своем роде медное сооружение. Недаром чрезвычайно впечатляющий вид шатра послужил поводом для воспроизведения его в иконописи XVII в.²⁶

Особого разнообразия форм изделий из простых металлов требовал быт, практическая жизнь с ее многочисленными нуждами. Естественно, обиходные вещи, рассчитанные на широкий круг покупателей, были не столь пышны и монументальны, но именно в них, тесно связанных с народным творчеством, воплотилось искусство безвестных мастеров, умевших скромными средствами создавать высокохудожественные изделия.

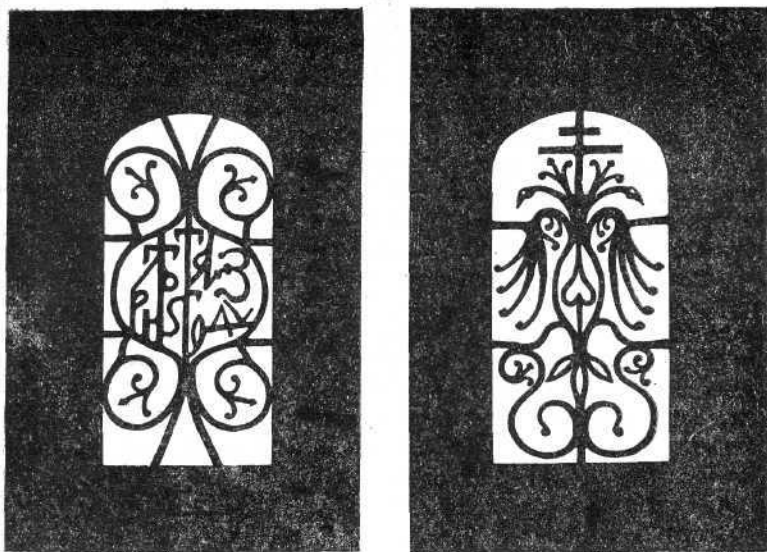
Среди мелкого медного литья интересны подвесные чернильницы в форме плоских округлых флаконов с разнообразными рельефными изображениями на стенках — сиринями и крупными цветами, различными персонажами в западных одеждах, словно взятыми с появившихся тогда гравюр, и традиционными львами, которых знала еще каменная резьба домонгольских времен. Литые медные чернильные приборы в виде прямоугольных коробочек с круглыми отверстиями, черенки ножей и вилок, основания подсвечников украшались разноцветными эмалевыми узорами.

Из меди делали посуду, которая использовалась в обиходе различных слоев населения, включая царский и патриарший дворы. Так, в описи имущества патриарха Никона, составленной в середине XVII в., под рубрикой «суды медные» можно найти перечень вещей, вполне характеризующий объем медно-котельного дела этого времени: братины гладкие и по образцу драгоценных с различными орнаментами, укропники, чарки с «лепестми», сковородки, чаши, ставы, кунганы²⁷.

Кроме медной широкое распространение получила оловянная посуда, украшенная различными резными узорами или надписями, выполненными затейливой вязью. Легкоплавкость олова давала возможность отливать из него ажурные полосы и фигурные бляшки, которыми обивали деревянные и железные предметы — ларцы, шкафы, киоты, фонари,

²⁶ См.: Грабарь И. История русского искусства, т. VI. М., 1914, с. 389.

²⁷ ВМОИДР, кн. XV, 1852, с. 69.

РЕШЕТКА ЦЕРКВИ ВОСКРЕСЕНИЯ,
XVII в. Великий Устюг.

зеркальные рамы. Этот прием, несложный в производстве, обладает большими декоративными возможностями. Узорчатые оловянные накладки, посеребренные или позолоченные, эффектно выделяются на цветном фоне предварительно окрашенных в разные цвета предметов. Еще больший эффект достигается за счет вставок в прорези орнамента кусочков блестящей расписной слюды, придающих вещам драгоценный эмалевый вид.

Одним из наиболее популярных металлов в XVII в. было железо, а кузнечное дело занимало далеко не последнее место в русском прикладном искусстве.

Железкованные изделия имели широчайшее применение. Из волнисто окованных железом прутьев, склепанных в местах соприкосновения изгибов, составлялись оконные решетки. Места скрепления прутьев обычно украшались фигурными бляхами, гладкими или прорезными. Кованые решетки с их подчеркнuto силуэтной графичностью работающих «на просвет» узоров стали активными элементами декоративного убранства памятников русского зодчества (например, решетки в четырех небольших арочных пролетах окон южного придела великоустюжской церкви Вознесения).

На высоких кровлях теремов и башен устанавливались железные кованые флюгера. Свообразием отличалось устройство флюгеров на шатровых покрытиях башен Китай-города в Москве в 80-х гг. Один из них в настоящее время находится в Государственном Историческом музее. На конце его длинного стержня четким силуэтом выделяется фигура длинношей птицы с распростертыми крыльями. Под ней, как беспокойные птенцы в гнезде, — изогнутые в разных направлениях прутья, раскованные на концах птичьими головками с раскрытыми клювами. Когда-то флюгер был покрыт позолотой, придававшей ему нарядный и даже эффектный вид на фоне зеленой черепицы крыши.

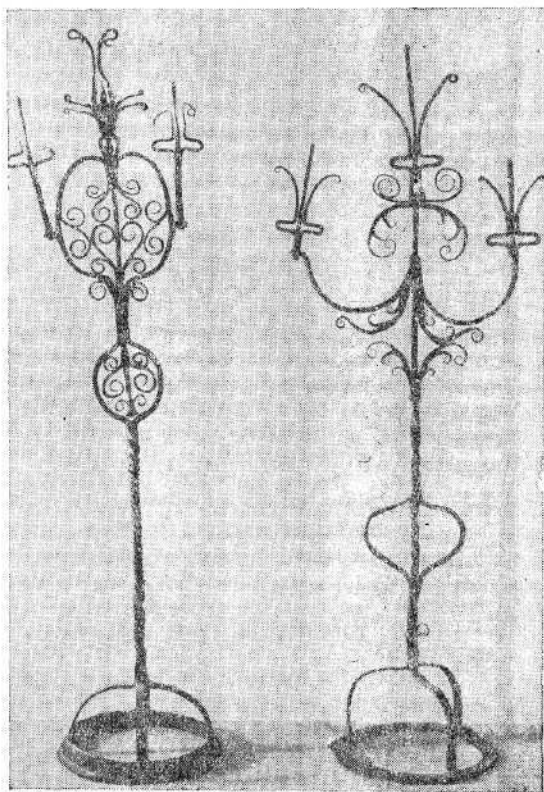
Распространенным предметом домашнего обихода в Древней Руси были светцы — своеобразные приспособления, освещавшие помещения.

Основу светца составляет стержень в метр или чуть более высотой, приваренный к кольцеобразному основанию. К верхней части стержня прикреплены держатели для лучин — гнутые железные прутья с фигурными расщепами на концах. Обычно и держатели, и стержни украшались легкими, симметрично расходящимися завитками, подчеркивающими декоративную выразительность силуэта вещи. В общем же облик светцев нашел великолепное пластическое решение мотив растения или цветка со стройным стеблем — стержнем и разветвляющимися побегами — завитками.

Для подвешивания больших лампад употреблялись кованые кронштейны, а для паникадил — цепи-подвесы. Изогнутые стержни кронштейнов, одним концом крепившиеся в стене, напоминают пышные ветви за счет прикрепленных к ним цветов, завитков-побегов, узорчатых листьев, выполненных из листового железа. Подобной же декоративностью и затейливостью отличаются и паникадильные подвесы. Витой стержень одного из них прикрыт упруго закрученными завитками и тонкими пластинками-листочками, симметрично расположенными по его сторонам.

Спиралевидные завитки кованых прутьев или полос — распространенный орнаментальный мотив, используемый при декорировке железных изделий, мотив, наиболее простой и естественный для этого металла. Спиралевидные завитки, расположенные, например, вдоль рукояти сечки, постепенно увеличиваясь книзу, как бы перетекают в мягкий овал лезвия. Отсюда удивительная плавность и гармоничность перехода тонкой прямой рукояти в овальное лезвие, пластическая уравновешенность всех частей, орнаментальная насыщенность контура.

При обработке железных изделий широко применялась так называемая «просечная техника», при которой специальными пробойниками на металлических листах пробивались сквозные узоры. Были изделия, целиком выполненные из просечного металла, и тогда смотрящиеся «на просвет» узоры делали металл похожим на легкое кружево. Именно так воспринимаются просечные подзоры и гребни, оформляющие верхние части зданий. Расположенные на довольно большой высоте, они привлекают внимание четкостью и выразительностью силуэта, энергичной прорисовкой деталей, их спокойным ритмическим повтором.

СВЕТИЛ
XVI в.

Гораздо чаще из просечного железа выполняли накладки различных форм и размеров. Благодаря плоскостно решенному орнаменту такие наклейки, умело распределенные по поверхности предметов, великолепно подчеркивали их форму и пропорции, узорчатость же накладок делала нарядными даже самые обыденные вещи. Этому способствовало и цветное решение просечного железа: его отделывали при помощи воронения и лужения, покрывали позолотой, раскрашивали в яркие цвета, вставляли в прорези орнамента разноцветную слюду. Наклейками оковывали бытовые изделия, и в первую очередь шкатулки и сундуки. Особенно искусные мастера сундучного дела работали в Великом Устюге. Сундуки делали из тесанных дубовых досок, раскрашивали, укрепляли поперечными связями, полосовым железом скрепляли углы и стыки, а затем украшали просечными наклейками, создававшими богатое орнаментальное убранство с оживленной игрой просветов и прихотливо изогнутых завитков узора, с живописным мерцанием цветных подкладок. Нарядные сундуки устюжских мастеров, имевшие кроме практического и определенное декоративное назначение в жилом интерьере, находили огромный сбыт не только во всех областях России, но и за границей²⁸.

ДЕРЕВО

В лесной стране, какой являлась Россия, значение дерева в практической жизни трудно переоценить. Вещественный быт всех слоев древнерусского общества в огромной степени определялся этим столь распространенным и удобным материалом.

Тонкое «чувство материала», умелое использование его природного строения при артистическом владении инструментом давали возможность простейшие деревянные поделки превращать в великолепные художественно-пластические произведения. Работа начиналась с поиска подходящего для данных целей дерева или куска дерева, и часто в его необычной форме мастер как бы угадывал силуэт будущего изделия.

При производстве деревянных изделий использовались различные виды окраски и отделки их поверхности. Бесцветная отделка, которая чаще всего применялась для посуды, заключалась в пропитке дерева олифой, чем достигалась необычная глубина и золотистость тона древесины. Иногда предмет особым образом обжигали, прикладывая к нему раскаленные металлические пластины. При этом отдельные участки поверхности закрывались мокрой глиной, что давало в результате красивую игру оттенков от темного в обожженных местах до светлого в защищенных слое глины. Для придания дереву темного тона изделия помещали в дубильные растворы, настоенные на коре дуба или ольхи. Деревянные предметы украшали сюжетной или орнаментальной росписью, выполнявшейся по левкасу темперными красками²⁹. Но главным приемом декорирования изделий была резьба, претерпевшая на протяжении XVII в. ряд изменений как технического, так и орнаментального характера.

Среди сохранившихся от XVII в. произведений деревообрабатывающего ремесла можно выделить, хотя и условно, предметы объемные — мебель, разнообразную утварь, круглую скульптуру — и памятники монументальной резьбы. В первом случае главное — сама форма, поэтому мастеру приходилось сталкиваться с разрешением скульптурно-объем-

²⁸ См.: Горпенко А. Е. Русское просечное железо XVII—XVIII вв.—Сб. трудов НИИХП, вып. 3. М., 1966, с. 124.

²⁹ См.: Каменская М. Н. Роспись по дереву.— В кн.: Русское декоративное искусство, т. I.

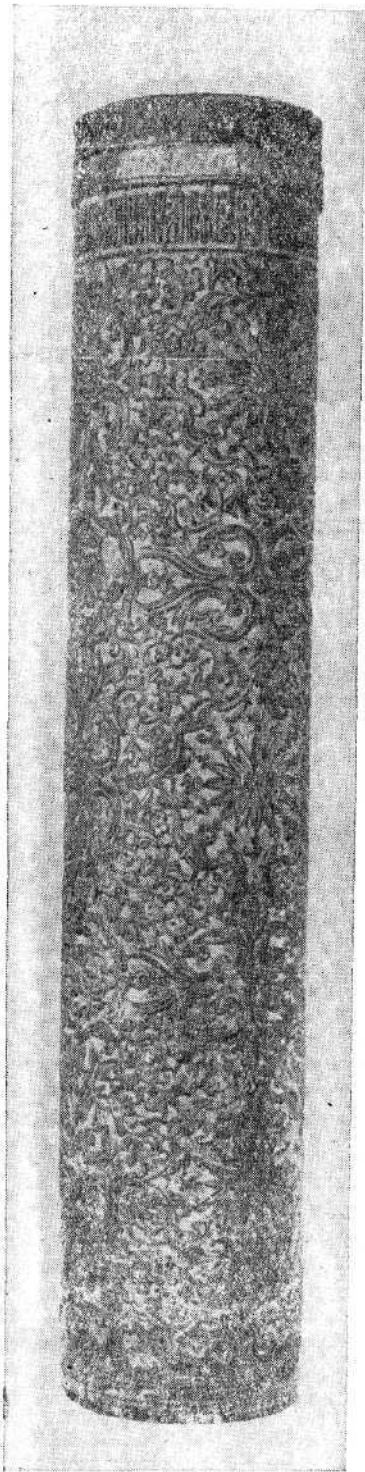
ных и конструктивных задач; во втором — орнаментальная насыщенность **формы, отсюда** задача художника средствами орнамента добиться максимального декоративного эффекта.

Деревянная мебель обычно изготовлялась теми же плотниками, которые строили и дома. Отсюда тесная связь мебели с архитектурой, со всем нарядом дома. Это выражалось не только в общности материала и техники исполнения, но и в размерах, форме и пропорциях, в декоре. Древнерусская мебель, крупная, монолитная, внешне несколько тяжеловатая, но удивительно устойчивая, с орнаментом, не нарушающим ровной глади ее стенок, по своей образности сближается с монументальной цельностью архитектурного объема. Имея ясно выраженную конструкцию из скрепленных под прямым углом брусев и досок, она строится, как архитектурное сооружение, а ее отдельные детали, например точеные ножки-дыньки у столов и стульев, словно воспроизводящие в миниатюре облик фигурных столбов порталов и крылец, решаются в форме архитектурных членений. А если в столах нижняя часть подстоля, опиравшегося на ножки-столбики, делалась в виде двойных полукруглых арок с висячей гирькой в центре, то сходство с архитектурой, с решением порталов и наличников еще более усиливалось. Мотив двухлопастной арочки, так часто использовавшийся при декорировке наружных частей зданий XVII в., повторен и в широком подзоре деревянной лавки из музея в Коломенском. По краю арочного подзора, как узорчатая кайма, — резной орнамент из треугольных и округлых выемок с глубоко высверленными ямками. Пробразом резных подзоров — «опушек», являвшихся основным элементом «узорочья» в мебели XVII в., бесспорно, были украшавшие крыши архитектурные подзоры.

Резной орнамент на мебели, по существу, также архитектурен. Крупномасштабный, четко читаемый, слитый с формой и своими ритмическими акцентами подчеркивающий ее конструкцию, «он играет ту же декоративно-архитектурную роль, что и кирпичные узоры, которые не только украшали, но и выявляли, строили само «пластическое тело» стены в древнерусских зданиях»³⁰. В резьбе преобладает геометрический орнамент, выполненный в трехгранно-выемчатой технике. Этот вид резьбы, древнейший и простой по исполнению, был наиболее распространенным и излюбленным не только на мебели, но и на других деревянных русских изделиях XVII в. Трехгранно-выемчатой техникой богато разработаны простейшие геометрические фигуры — квадраты, треугольники, круги. Суть ее в том, что из поверхностного слоя доски прямым резцом вынимаются в известном ритмическом порядке и сочетании маленькие трехгранные пирамидки, сообщающие дробную перемежающуюся углубленность доске. Глубина вырезок, в общем, незначительна, но различна в зависимости от строения узора. Господствующим мотивом этой резьбы является круг, богато расчлененный на секторы и сегменты, покрытые разнообразными узорами-порезками.

Великолепным образцом русской мебели XVII в. как в орнаментальном, так и в конструктивном плане является стол из коллекции Государственного Исторического музея. Тяжелый деревянный стол за счет широкого массивного подстоля имеет почти кубическую форму. Волнистый, как скатерть, край подстоля решен в форме килевидной арочки. Такая же килевидная форма с направленным вверх выступом повторяется в неглубокой нише, расположенной в середине подстоля. Созданное этим повтором движение вверх по вертикали как бы противодействует давящей вниз массе подстоля, а фигурный край зрительно еще

³⁰ Чекалов А. К. Указ. соч., с. 41.

«СВЕЧА ТОЩАЯ»,
1664 г. (резное дерево);
Вологда.

более его облегчает. Устойчивые ножки стола похожи на квадратные столбы с фигурно профилированным основанием. Резной декор на ножках и подстолье в виде длинных двоянных полос из трехгранно-выемчатых порезок, объединенных в квадратики, с одной стороны, прекрасно выявляет и подчеркивает конструкцию вещи, ее вертикальные и горизонтальные членения, с другой — наделяет простую монументально-строгую форму богатой узорчатостью.

В резном наряде мебели XVII в. наряду с геометрическим несколько реже встречается и растительный орнамент. Вьющиеся травяные узоры с их округляющимися линиями, с динамичными насыщенными композициями, где-то противоречившие строгим статичным монументальным формам русской мебели, могли применяться далеко не везде. Они были более уместны на вещах небольших, простых, нерасчлененных по форме. Подобной резьбой, например, часто украшались деревянные, так называемые «тощие» свечи, имеющие форму цилиндра, укрепленного на поддоне³¹. Одна из таких свечей, датированная 1664 г., хранится в Вологодском областном краеведческом музее. Вся поверхность ее, за исключением узкой полосы с надписью в верхней части, сплошь покрыта резным мелкотравчатым узором из закрученных в завитки стеблей, фигурных листьев, четырехлепестковых цветов. По высоте узор расчленен на отдельные фрагменты с крупной многолепестковой розеткой в центре, подчеркивающие стройную вертикальность формы. Благодаря строго организованной композиции ковровый узор, несмотря на свою дробность и обилие измельченных элементов, ясный и четко читаемый. Сама же резьба, плоско-рельефная, мягкая по очертаниям, сохраняя цельность поверхности, подчеркивает монолитность цилиндрического объема формы.

Что касается видов русской деревянной мебели, то они были весьма разнообразны, хотя говорить об этом множестве мы можем в основном по описаниям и документам XVII в., так как до нас дошли лишь единичные образцы.

Основным и универсальным типом мебели являлись пристенные лавки — от

³¹ «Тощие свечи» ставили в церквах перед иконостасами.

самых простых в виде гладкообструганных досок на ножках до богато отделанных затейливой резьбой. В жилом или общественном помещении, в крестьянской избе или царских покоях — везде лавка была необходимой принадлежностью интерьерера. Так, лавки с подзорами, украшенные лужеными железными «репьями», составляли главную обстановку дворца в Коломенском. Среди спальной и предназначенной для сидения мебели наряду с лавками существовали скамьи с невысокими спинками, часто резными или ажурными, стулья и кресла в виде высоких седалищ. Собственно кровати получили распространение к середине века, до этого их заменяли особые, с подголовниками, «спальные» лавки или скамьи.

Столы были разные по размерам, конструкции и назначению: длинные, стоявшие вдоль лавок в жилых комнатах; маленькие, похожие на табуреты, служившие для переписчиков книг; аналои — церковные столы-подставки для книг; столы с выдвигаемыми ящиками в подстолье. Для русских столов характерны прямоугольные формы, но вырабатывались также круглые и восьмигранные — по образцу привозной мебели. Так, в Холмогорах в 1699 г. был сделан для архиерея «стол круглый на одной ноге по иноземски»³². Распространенным видом русской мебели были и различные ящики, ларцы, коробки, сундуки, служившие для хранения «мягкой рухляди», документов и книг.

Посуда расставлялась на полках, часто открытых, имевших характерную форму горок, в шкафах и поставцах. Поставцы — своего рода шкафы «с уступами» — состояли из двух или более частей, причем нижняя выступала вперед в виде ступеньки. Поставцы имели гладкие прямоугольные стенки, прямой верх и низкие ножки. К типу поставцов, например, относится деревянный с росписью шкаф конца XVII в. из Вологодского музея.

Своеобразным видом русской мебели были большие напольные деревянные подсвечники в виде высоких фигурных столбиков на подставке, украшенных точеными деталями или резьбой.

Деревянная утварь производилась в XVII в. в больших количествах. Созданные из недолговечного материала, неразрывно связанные с жизнью и бытом, предметы утвари, естественно, должны были ломаться, изнашиваться, гибнуть, поэтому до нашего времени из всего многообразия деревянных изделий мало что сохранилось — в основном это отдельные образцы посуды, ларцы, пряничные доски. Об утраченных вещах можно судить на основании более поздних образцов, повторявших их форму, орнаменты, манеру исполнения, благодаря характерной для бытового искусства традиционности.

Деревянная посуда была распространеннейшим видом бытовой утвари. Как и другие деревянные поделки, она применялась в обиходе всех слоев населения, включая царский двор. Дорогие деревянные сосуды, выполненные из ценных пород дерева и отделанные драгоценными металлами и камнями, подобно золотой и серебряной посуде, служили традиционными подарками при различных официальных церемониях. Так, путешествовавший по России в середине XVII в. архидиакон Павел Алеппский указывает, что «при посещении Троице-Сергиевой лавры им поднесли разнообразные кубки и блюда из чудесного дерева, резные и позолоченные, с именем монастыря на них написанным»³³.

В течение многих веков вырабатывались не только устойчивые традиции изготовления посуды, но отшлифовывались, приобретая удиви-

³² Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889, с. 111.

³³ Алеппский Павел. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, вып. 4. М., 1899, с. 34.

КОВШ-СКОПКАРЬ,
XVII в.

одновременно с конструктивными задачами вставляли и художественные, ибо, как правило, всякий сосуд был не только практически полезным, но и декоративным, украшавшим стол, полку, поставец. И здесь особую роль играла характерная для древнерусской посуды образность формы, высокохудожественное уподобление ее облику птиц или животных.

Органическим прообразом скопкаря — типичнейшего вида деревянной посуды — была пльвущая птица. Скопкарь — большой сосуд многолюдных празднеств, предназначенный для пива и браги. У него широкие с высокими округлыми стенками тулово; органично подчиненное продольному движению, оно сужается с двух противоположных сторон, плавно переходя в рукояти. Одна рукоять в виде птичьей головы с приподнятым клювом, другая — в виде хвоста. Орнаментальная разработка стенок сосуда резьбой или росписью, ассоциирующаяся с оперением птицы, обогащает выразительность образа. «Скопкарь в праздничной обстановке не подавался, не приносился, как бы «выплывал» на торжественное столование, господствуя и своей динамической формой и своими грандиозными размерами над убранством стола»³⁴.

Своеобразной фигурной деревянной формой является солоница-уточка — сосуд для хранения соли. Как и скопкарь, солоница сделана в виде птицы. Но здесь уподобление реальному образу проявляется еще ярче и полнее. В силу специфики своего назначения солоница должна была плотно закрываться, поэтому ее резали в виде целостной объемной фигурки птицы с выдолбленной внутри полостью, закрываемой спинкой-крышкой. С образом пльвущей птицы сливается еще одна наиболее распространенная бытовая форма — деревянные ковши. Правда, в данном случае сходство очень отдаленное, оно лишь угадывается в округлом силуэте сосуда, плавно переходящем, с одной стороны, в чуть приподнятый заостренный носик, с другой — в рукоять, как правило, скульптурной формы в виде головок различных животных.

Кроме скопкарей, солониц, ковшей существовало множество других видов деревянной посуды, но именно эти три представляются наиболее интересными и заслуживающими внимания по своей особенно выразительной объемно-скульптурной форме.

«Народная обиходная пластинка, образно говоря, составляла мощную корневую систему, над которой вознеслись прославленные изваяния и храмы»³⁵; она стала тем видом художественного творчества, где

³⁴ Воронов В. С. О крестьянском искусстве. М., 1972, с. 305.

³⁵ Чекалов А. К. Указ. соч., с. 8.

оттачивалось мастерство древнерусских ваятелей, создателей статуарной деревянной скульптуры.

Говоря о древнерусской скульптуре, надо помнить, что она развивалась в особых условиях: православная церковь выступала против объемных человеческих изображений в храмах, видя в этом отголоски язычества. Но приспособляясь к народным взглядам, власти вынуждены были допустить статуи в церквях, а скульптура продолжала существовать и развиваться, особенно успешно в отдаленных северных районах.

Русская пластика XVII в.³⁶, существуя в условиях характерного для средневековья церковного мировоззрения, оставалась по преимуществу культовой, изображая, как правило, различных святых. Однако нарастающие в искусстве реалистические тенденции не могли не затронуть и ее, усилив стремление к большей объемности и индивидуализации изображений.

Принцип построения древнерусской деревянной скульптуры довольно прост: уплощенный брусообразный рельеф туловища, постепенно переходящий в округло изваянную голову. Столпообразная форма статуй, лишенная мелочной детализации, сдержанно моделированная, крайне лаконична по силуэту, монументальна и статична. И такими весьма доступными средствами мастерам удавалось достичь предельной эмоциональной напряженности и тонкой одухотворенности образов. «Бревно, то есть сырая стихийная и материальная масса, преодолено образом, извлеченным из него же: идеей несгибаемого торжественного столпа как символа духовного порядка»³⁷. Скульптурные деревянные фигуры почти все раскрашены. Цвет плотный, звучный, покрывая крупные нерасчлененные поверхности, создает сильный живописный эффект, усиливающий их выразительность. Более того, правдоподобная раскраска объемных форм делает их ощутимо реальными, что производит удивительно сильное впечатление.

В древнерусских скульптурах, несмотря на их объемность очевидна склонность к рельефу, им присуща своеобразная «фасадность», они словно приставлены к стене. Так было и на самом деле. Рельефные фигуры существовали в особой архитектурной среде — подобно иконам, на фоне стены в специальных камерах-нишах. Среди сохранившихся образцов XVII в. наиболее часты два типа — отдельно стоящие во фронтальном положении статуи и конные статуи. Первые обычно изображают популярнейших русских святых Николу Можайского и Параскеву Пятницу. Прекрасно выполнена фигура Параскевы Пятницы из Брянского Петропавловского монастыря, в сосредоточенно задумчивом облике которой, одновременно мягком и строгом, словно воссоздан образ русской женщины с ее характерными чертами. Конные статуи святых воинов Георгия, Дмитрия Солунского и других, в отличие от внешне застывших скульптурных изображений Никол и Параскев, более динамичны. Изваянные в сложном пространственно-развернутом движении, они представляли большие возможности для развития пластического творчества русских скульпторов.

Особой областью деревообрабатывающего ремесла на Руси была монументально-декоративная резьба. Даже старинные документы выделяют занятых в этой области мастеров, именуя только их резчиками

³⁶ См.: Леонов А. И., Померанцев Н. Н. Деревянная скульптура.— В кн.: Русское декоративное искусство, т. I; Серебрянников Н. Н. Пермская деревянная скульптура. Пермь, 1967.

³⁷ Чекалов А. К. Указ. соч., с. 168.

ПАРАСКЕВА ПЯТНИЦА,
XVII в.
Брянский Петропавловский монастырь.

дельные места, сени, киоты. Интересные образцы монументально-декоративной резьбы были созданы в городах Поволжья, особенно в Ярославле, ставшем к середине века крупнейшим центром русского искусства. На средства зажиточного ярославского купечества, «лучших» посадских людей в широких масштабах велось сооружение каменных храмов, в декоративном убранстве которых со всей полнотой выразились жизнерадостность и парадная красочность русского искусства этого времени.

Для декоративно-монументальной резьбы на протяжении почти всего XVII в., за исключением его двух последних десятилетий, характерна плоскостно-рельефная трактовка узора, в котором преобладают различные растительные мотивы. В первой половине века растительный орнамент имеет условно-стилизованнные формы и симметрично построенную, четко читаемую композицию, примером чего может служить пятиярусный иконостас ярославской церкви Варвары Великомученицы. Все части его — тябла, поддерживающие ряды чиновных икон и обрамляющие иконы арочки с тоненькими витыми колонками, — даны практически в одной плоскости. Плоскостной форме иконостаса, не имеющего

и называя всех остальных ремесленников по их продукции: столярами, плотниками, санниками, ковшечниками и т. д.³⁸.

Крупная рельефная резьба, имевшая глубокие и древние традиции в русском декоративно-прикладном искусстве, достигает в XVII в. высокого художественного уровня, о чем свидетельствуют дошедшие до нас памятники. Почти все они церковного назначения. К сожалению, образцов светской резьбы практически не сохранилось. О ней мы можем судить как по аналогии с церковной резьбой, так и на основании документальных свидетельств.

Наиболее полное известие сохранилось о внешнем и внутреннем резном декоре деревянного царского дворца в селе Коломенском. Искусная резьба, покрывавшая наличники, порталы и потолки, вместе с цветными изразцовыми печами, яркой росписью, узорчатыми слюдяными оконцами придавала праздничную нарядность деревянным царским хоромам.

Всестороннее представление об искусстве резчиков XVII в. дают сохранившиеся деревянные многоярусные иконостасы, мо-

³⁸ См.: Чекалов А. К. Указ. соч., с. 41.

сильно выступающих архитектурных или декоративных деталей, соответствует высокий рельеф, украшающий его резьбы. Спиралевидно-вьющиеся резные стебли с листьями, расходящимися от пышных крупных цветов со стоящими по сторонам птицами, создают ритмически четкую и стройную орнаментальную композицию, выразительность которой еще более усиливается благодаря цветному фону — красному и синему. С середины столетия в плоскорельефном растительном орнаменте происходят изменения в сторону большей сложности построения и насыщенности декоративными узорами. Резной орнамент этого времени состоит из вьющихся стеблей с пышными узорчатыми листьями и фантастическими цветами то в виде полураспустившихся бутонов, то в виде многолепестковых розеток. В растительно-орнаментальные разводы вплетаются изображения реальных и сказочных птиц, живые, динамичные, подчиненные наполненному движением орнаменту. Подобный резной декор украшает надпрестольную подвесную сень 1657 г. из церкви Ильи Пророка в Ярославле. Сень повторяет архитектурные формы XVII в.: на прямоугольном основании со сторонами в виде двухлопастных арочек утверджен восьмерик увенчанный высоким стройным шатром с луковичной главкой. Затейливая барельефная резьба, закрывающая сень сплошным орнаментальным ковром, придает ей сказочно-нарядный вид.

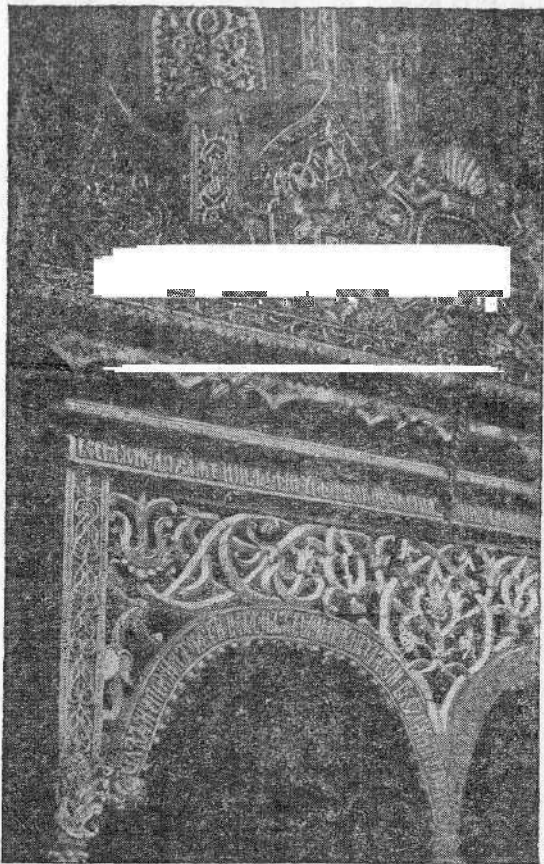
Наряду с плоской резьбой, существовавшей во многих городах до самого конца XVII в., во второй половине века появляется новая, так называемая «флемская» резьба, для которой характерен высокий рельеф, почти горельеф, с включением отдельных объемно-трактованных элементов. В растительный орнамент этой резьбы обильно вводятся реалистически переданные цветы и листья, плоды и ягоды, часто соединенные в пышные букеты или гирлянды. Особенно популярен мотив вьющейся виноградной лозы с тяжелой гроздью винограда. Растительные формы иногда причудливо переплетаются с раковинами, прихотливо очерченными картушами. Вся резьба обычно покрывалась густым слоем позолоты, имевшей разнообразные оттенки красноватых, зеленоватых и желтоватых тонов. Богатство полихромного решения усиливалось за счет яркой раскраски фона, на котором особенно рельефно выступали золотые узоры.

Освоению новых примеров резьбы и новых декоративных форм, по-барочному сочных, подчеркнуто пышных, способствовало как знакомство русских мастеров с современным им западноевропейским искусством, так и творческое сотрудничество с украинскими и белорусскими резчиками. «Флемская резьба» нашла в русском декоративном искусстве того времени благоприятную почву: с одной стороны, ее эффектная декоративность отвечала его общей художественной направленности, с другой — ее появление в какой-то мере нужно поставить в связь с новшествами в русской иконописи того времени — многоплановым построением пространства и объемной трактовкой фигур³⁹.

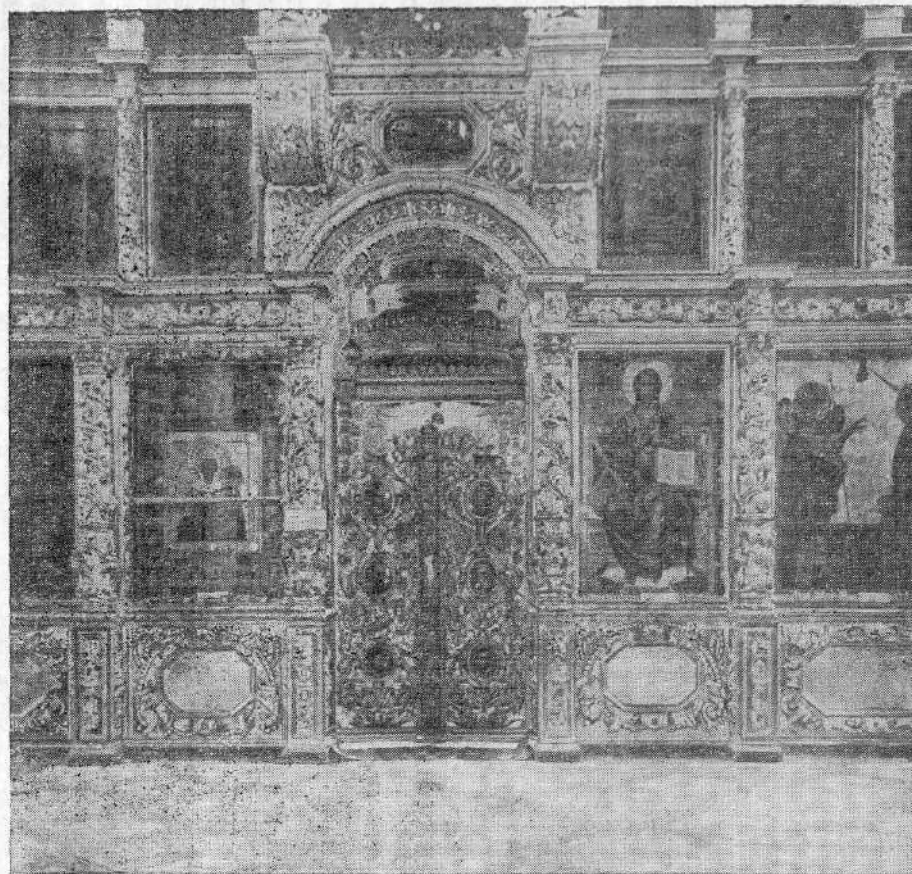
Русские резчики не только быстро овладели новой для них техникой резьбы, но, творчески осмыслив ее барочные мотивы, придали ей своеобразный характер, сохранив уравновешенность композиции и спокойную плавную ритмичность традиционного «узорочья», правда, более монументального и по-своему помпезного.

Основным художественным центром «флемской» резьбы становится Москва; одна из кремлевских мастерских называлась «Палата резных и столярных дел». Прекрасными произведениями кремлевских резчиков

³⁹ См.: Мневая Н. Е. Резьба и скульптура XVII в. — В кн.: История русского искусства, т. IV. М., 1959.

НАДПРЕСТОЛЬНАЯ СЕНЬ
ЦЕРКВИ ИЛЬИ ПРОРОКА,
XVII в. Ярославль, Деталь,

ФРАГМЕНТ ИКОНОСТАСА
СМОЛЕНСКОГО СОБОРА НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ,
XVII в.

конца XVII в. являются многоярусные иконостасы, выполненные для больших соборов ряда московских и провинциальных монастырей. Обильная, сочная резьба, поражающая технической виртуозностью разнообразием орнаментальных мотивов и пластических решений, создавая прихотливую игру светотени, превращает иконостасы в великолепные монументальные композиции, полные динамики и декоративной выразительности, так гармонирующие с каменными храмами «московского барокко».

ЛИЦЕВОЕ И ОРНАМЕНТАЛЬНОЕ ШИТЬЕ, НАБОЙКА

Лицевое и орнаментальное шитье, имеющее многовековые художественные традиции, развивается в общем русле прикладного искусства XVII в.

Лицевое шитье⁴⁰ XVII в. при виртуозном техническом мастерстве исполнения в художественном отношении уступает произведениям более раннего времени. В нем отчетливо продолжают развиваться черты, наметившиеся уже во второй половине XVI в. Вместо мягкого шелка все шире начинают применять золотые и серебряные нити, причем цветные прикрепы, создающие красочные нарядные узоры, сменяются светлыми, невидимыми для глаза. В значительно большем количестве используются жемчуг и камни. Благодаря этому пелены и покровы приобретают сходство с иконами в роскошных золотых и серебряных окладах.

Характерный для конца XVI столетия прием моделировки лица при помощи полосы шелка более темного цвета приобретает в XVII в. чрезмерную нарочитость. Обрамление глазных впадин напоминает «очки», как, например, на покрове с изображением Никона 1633 г. и на плащанице 1647 г., исполненной для вклада царя Алексея Михайловича в Новоспасский монастырь. Последняя по иконографии восходит к знаменитой плащанице Старицких 1561 г., но лишена при этом драматического накала, изысканной красоты линий и живой непосредственности оригинала. По документам известно, что в качестве знаменщиков в шитье выступали такие крупные художники, как Иван Паисейн, Симон Ушаков. Рисунок к плащанице 1647 г. создали шесть иконописцев: Сидор Поспелов, Иван Соловей, Иван Муравей, Иван Борисов, Козьма Чертежник, Кирилл Иванов⁴¹.

Среди произведений лицевого шитья XVII в. выделяется группа памятников, вышедших из мастерских Строгановых⁴². Многие из них точно датированы и связаны с определенными вкладчиками. Круг этих произведений настолько обширен, что позволяет говорить об определенном стиле Строгановского шитья. Его отличает безукоризненное мастерство исполнения, поразительное разнообразие швов, образующих сложные узоры, абсолютная плоскостность изображений, без моделировки и попыток передать пространство, а также использование толстых, шитых «по веревочке» серебряных контуров, отмечающих складки одежды.

Памятники первой половины века сравнительно немногочисленны, многие из них несут на себе черты стиля XVI столетия. К прекрасным про-

⁴⁰ См.: Маясова Н. А. Древнерусское шитье. М., 1971; Свирин А. Н. Древнерусское шитье. М., 1963, с. 114—136; Постникова-Лосева М. М. Прикладное искусство XVI—XVII вв., с. 587—595.

⁴¹ См.: Забелин И. Домашний быт русских цариц. М., 1901, с. 727.

⁴² См.: Георгиевская-Дружинина Е. В. Строгановское шитье.— Русское искусство XVII века. Л., 1929, с. 109—133.

ПЛАЩАНИЦА,
/«7 г.

изведениям начала XVII в. принадлежит знамя Сапеги, на котором вышито «Явление архангела Михаила Иисусу Навину». Оно двухстороннее, **что** требовало от мастерицы особой виртуозности исполнения. Рисунок изображений с тщательно выписанными деталями одежды выдает руку хорошего художника-знаменщика. Фигуры шиты золотом и шелком, первоначальный фон не сохранился⁴³. Абсолютная плоскостность передачи лица, еще значительная роль цвета, а также несколько манерное изящество удлиненных, стройных фигур — черты, характерные для памятников Строгановского шитья первой половины века. Произведения этого периода, к которым относятся также «Владимирская богоматерь» и пелена с изображением Федора Сикеота и Георгия, обычно невелики по размеру, выполнены на ярком фоне. В большинстве случаев это настоящее золотое шитье с использованием красочных прикрепов.

Расцвет Строгановского шитья падает на 50 — 60-е гг. и связан с вкладками Дмитрия Андреевича Строганова, жена которого, Анна Ивановна, сама была искусной мастерицей. Памятники этого времени носят более монументальный характер. Это богатые пелены, большие покровы с изображением неподвижно стоящих фигур святых в рост в золотых одеждах с многочисленными складками.

К данному периоду относятся две пелены с изображением царевича Димитрия. На одной из них представлена сцена «убиения» царевича. Никита Качалов вонзает нож в горло Димитрия и из его уст вылетает душа в виде нагого младенца, принимаемая ангелом. Вся композиция прекрасно построена. Ее сильное диагональное движение уравновешено надписью и изображением двух стилизованных деревьев, символизирую-

⁴³ При реставрации шитье было перенесено на крашенину кирпичного цвета.

щих пейзаж. Пелена шита золотом и серебром по малиновому атласу, цветным шелком имитированы камни на одеждах и короне царевича. Обводка глаз, изображенных тонкой темной полосой, является отличительной чертой Строгановского шитья второй половины века. Другим характерным признаком становится стремление к имитации в шитье богатого металлического оклада. В этом отношении типична «Донская богоматерь» 1661 г. Золотом шиты не только одежды, но и фон. Превосходна техника исполнения сложных швов-узоров, плотных, с невидимыми светлыми прикрепами, благодаря чему шитье напоминает кованный металл.

Искусство русских вышивальщиц ярко проявилось и в орнаментальном шитье, применение которого в XVII столетии было чрезвычайно многообразно. Большинство сохранившихся памятников связано с церковным и придворным бытом. Это роскошные парадные облачения, разнообразные предметы конского убранства — попоны, седла, чепраки. Они создавались в царских и боярских мастерских из дорогих материалов и украшались шитьем. Неиссякаемая творческая фантазия мастеров создавала изумительные по красоте орнаментальные композиции, источником которых служили народные вышивки, привозные ткани, произведения ювелиров, резчиков по дереву. Великолепно интерпретирован мотив венецианского бархата на омофоре⁴⁴ патриарха Адриана (конец XVII в.), украшенном крупными коронами в окружении растительных завитков и стилизованных цветов.

Вышивальщицы искусно воспроизводили в шитье фактуру драгоценных аксамитов, создавали орнамент на «чеканное дело», исполненный металлическими нитями по высокому настилу.

В декоративном шитье XVII в. также наблюдается снижение роли цвета и переход к чисто золотному шитью, дополненному нежным мерцанием переливчатого жемчуга — одного из любимых материалов древнерусского прикладного искусства.

Уже с XVI в. жемчужное шитье приобретает самостоятельное декоративное значение⁴⁵. Особенно большое место оно занимало в украшении мужских и женских одежд, головных уборов, рукавиц, а также обуви, сшитой из цветного сафьяна, бархата, атласа.

Применяли жемчуг в шитье не только представители господствующего класса. Он был широко распространен даже в крестьянской среде, так как в большом количестве добывался в Ильмень-озере и в северных реках. Иностранцы поражались обилию жемчуга, который им приходилось видеть на Руси. В начале века француз Маржерет писал: «Царская казна в великом количестве наполнена всякими драгоценными изделиями, преимущественно из жемчуга, который в России употребляется более, нежели во всей Европе»⁴⁶. Наряду с речным широко использовался привозной кафимский жемчуг, который доставлялся с побережья Черного моря, из Кафы (Феодосии), и самый ценимый на Руси бурмицкий, или гурмыжский жемчуг, добывавшийся в Гурмыжском море (так тогда называли Персидский залив).

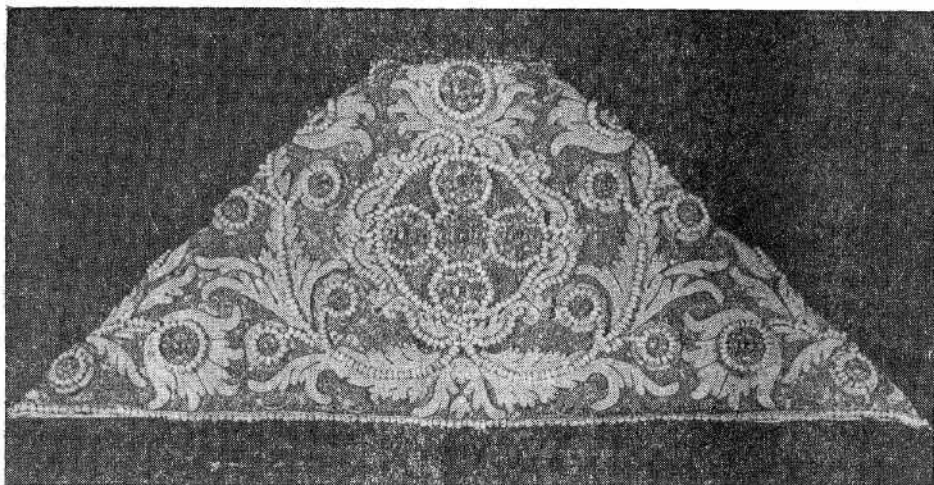
Ярко характеризуют особенности жемчужного шитья XVII в. облачения высшего духовенства, многие из которых создавались в Царицыной мастерской палате. В орнаменте первой половины века преобладают строгие травные узоры в сочетании с золотыми и серебряными

⁴⁴ Омофор — часть облачения высшего духовенства в виде длинного и широкого пласта с изображением креста.

⁴⁵ См.: Доновна К. В. Русское шитье жемчугом XVI—XVII вв. М., 1962; Якунина Л. И. Русское шитье жемчугом. М., 1955.

⁴⁶ Сказания современников о Дмитриии Самозванце. Спб., 1859, с. 273.

ОПЛЕЧЬЕ ФЕЛОНИ,
вторая половина XVII в.

дробницами. Ко второй половине XVII столетия жемчужный узор значительно усложняется, становится более пышным, рельефным, многоплановым, дополняется сверкающими самоцветами.

На прекрасном оплечье фелони из Новоспасского монастыря крупные жемчужины, составляющие основную канву узора, четко выявляют движение орнамента, рельефно выступая среди цветов и листьев, искусно вышитых мельчайшими бусинами. Яркими вспышками загораются драгоценные камни, мерцает зашитый золотыми блестками фон. Все это в сочетании с золотой тканью самой одежды создавало то великолепие и несколько тяжеловесную роскошь парадных облачений, которые отвечали вкусам знати XVII в.

Наряду с вышивкой и ткаными узорами русские мастера с древних времен использовали для украшения тканей орнамент, нанесенный с помощью резных деревянных досок «манер», или «цветок»⁴⁷.

Набивные ткани применялись чрезвычайно широко, они шли на одежду, покрывала, полавочники, скатерти, переплеты книг, знамена, использовались для обивки стен и т. д. Производство набойки существовало во многих русских городах— Москве, Ярославле, Костроме, Архангельске, Вологде, Кинешме, Владимире и др. По-видимому, особенно были распространены набивные ткани среди крестьян и посадского населения.

Сохранившиеся образцы в основном относятся к XVII в., хотя большая устойчивость орнаментальных мотивов и частое использование старых досок затрудняют датировку.

Декор набивных тканей чрезвычайно богат. Это и геометрические узоры, построенные на сочетании простейших элементов— кругов, квадратов, розеток, звезд; всевозможный растительный орнамент, мотивы

⁴⁷ См. библиографию: Алпатова И. А. Набойка.— В кн.: Русское декоративное искусство, т. I.

которого подчерпнуты из мира окружающей природы или созданы богатой фантазией художника. Рисунок некоторых набоек обнаруживает сходство с декором привозных бархатов, атласов, парчи, попавших в Россию из Ирана, Турции, Венеции. Часто встречаются заполненные геометрическим или растительным орнаментом полосы, так называемые «дороги», представляющие собой русскую интерпретацию орнамента полосатых восточных тканей, издавна бытовавших на Руси.

Русские мастера проявляют тонкий вкус в организации узора, его распределении на поверхности ткани. Особая декоративность и сочность орнаментальных форм свойственна растительному узору второй половины XVII в. Прекрасный многоцветный ковер из васильков, подсолнухов, ягод ежевики, соединенных тонкими витыми стеблями с фигурными листьями, украшает подкладку походного шатра царя Алексея Михайловича. Удивительная свобода построения и живописность отличают узор набойки из Государственного Исторического музея, состоящий из стилизованных луковиц, гвоздик, разнообразных по очертаниям цветов и листьев. Орнамент раскрашен от руки. Сложная разделка цветов, широкое использование штриховки создают ощущение известной объемности рисунка и усиливают его декоративное значение.

Происходивший в XVII в. процесс обмирщения русской культуры сказался в декоративно-прикладном искусстве созданием нового художественного стиля, удивительно жизнерадостного, красочного, сказочно нарядного. В любой вещи, сделана она из драгоценного металла или простого куска дерева, для царского ли дворца или крестьянской избы, очевидны стремления к орнаментальности и пышному узорочью. Наметившееся в конце века стремление к объемно-пространственным решениям способствует усилению реалистических тенденций в сюжетных изображениях. Возрастающее в XVII в. светское начало сказывается в том, что декоративное искусство больше входит в быт, украшает его, служит его нуждам. Значительно расширяется круг светских предметов, расширяется, став более демократичным, и круг заказчиков. Потребности и склонности новых заказчиков, их представление о красоте, тесно связанные с воззрениями широких слоев населения, оказывают воздействие на все искусство, включая и придворное, которое при всей социальной обусловленности в XVII в. еще развивается в русле единой художественной культуры. Яркое узорочье всего декоративного искусства этого времени в определенной степени идет от народных вкусов, от исконной любви народа к красочному орнаменту.

XVII в. обогатил прикладное искусство и в техническом отношении, введя новые приемы обработки и декорирования материалов, в первую очередь расписные эмали и горельефную резьбу, в наибольшей степени отвечавшие художественным устремлениям этого времени.

XVII столетием завершился большой этап в развитии древнерусского декоративно-прикладного искусства. Его огромный творческий опыт способствовал в дальнейшем развитию новой светской культуры.

О принципиально новых явлениях в русской музыке XVII в. можно говорить лишь начиная со второй половины столетия. Первая его половина в значительной степени связана еще с предшествующим периодом: с борьбой за единоголосное пение, со спорами сторонников истинно-речия и раздельноречия, т. е. выпевания букв по их древнему звучанию, давно утраченному в живой речи, например «ъ» как «о». Продолжается полемика по поводу хомонии и хабув. Большинство памятников, связанных с этими спорами, относятся к XVII в.¹ Это объясняется не только тем обстоятельством, что от XVII в., особенно от периода после «Смуты», до нас вообще дошло больше источников. Дело в том, что сама численность этих источников отражает напряженность и остроту полемики в XVII в., полученной в наследство от XVI в.

«Смутное время» только могло усилить «нестроения» в церковном пении. Одним из наиболее ярких проявлений его было многогласное исполнение песнопений, т. е. одновременное, лишенное абсолютно всякого смысла воспроизведение различных частей того или иного произведения. Еще патриарх Гермоген в самом начале XVII в. с горечью отмечал «в церковном пении великое неисправление», доходившее до того, что песнопения исполнялись в шесть голосов одновременно. Робкие попытки положить конец многогласию или хотя бы ограничить его делали патриархи Иосаф и Иосиф. Церковный же Собор 1649 г. фактически вынужден был признать невозможность искоренения многогласия, постановив «... како было при прежних святителях и патриархах божественной службе быти по прежнему, а вновь ничего не всчинать»².

Нерадивость и небрежность при сохранении каждого «аза», породившие столь уродливое явление, однако не могли продолжаться, пока существовала певческая культура. Собственно, многогласие грозило и полным обесмысливанием богослужения, против чего не могли не восстать просвещенные церковные деятели. Так в борьбе за единоголосие объединились деятели русского просвещения, церковные и государственные власти. Против многогласия выступил кружок близкого ко двору боярина Федора Михайловича Ртищева, широко известного своей

¹ О существе споров см. главу «Музыка» в «Очерках истории русской культуры XVI века», ч. 2. М., Изд-во МГУ, 1977.

² Музыкальная эстетика России XI—XVIII вв. Составление текстов, переводы и общая вступительная статья А. И. Рогова. М., 1973, с. 16.

просветительной деятельностью. Духовные лица — члены кружка, вводили единогласное пение в своих приходах, защищали его в проповедях. Ртищев же неустанно призывал царя, московского и даже константинопольского патриарха к законодательному утверждению единогласия³. Вышедший из ртищевского кружка патриарх Никон осуществил это в 1652 г. и добился от царя соответствующего указа, а Собор 1666—1667 гг. подтвердил этот указ⁴. И все же сторонники многогласия не сдавались. Чудовищное явление в русской хоровой музыке пришлось выкорчевывать в провинции вплоть до самого конца века, о чем свидетельствует указ патриарха Андриана от 1698 г. в Кострому⁵. Более того, даже в петровское время «Духовный регламент» продолжал призывать к борьбе с «худым, вредным и весьма богопротивным обычаем» многогласия⁶.

Конечно, трудно было бы ожидать каких-то теоретических обоснований многогласия со стороны его приверженцев. Но сохранились сочинения, в которых делается попытка не только заклеить и осудить многогласие,⁷ но и объяснить его происхождение. Такова «Брозда духовная» 1683 г. анонимного автора, который видит причины появления многогласия не просто в лени певцов, но и в их стремлении к излишнему украшателству, растягиванию песнопений, образовавшаяся чрезмерная длительность которых и потребовала наложения их составных частей одна на другую. Такие же попытки не просто осудить, но и объяснить возникновение многогласия, можно найти в трактатах о «неистинноречии» с его «хомонией», столь отделявшей звучание того, что пелось, от того, что произносилось. Для этого некий инок Евфросин делает экскурс в историю XV в. И пусть его объяснение происхождения хомонии наряду с тщеславием и украшателством, а также сознательным ее насаждением еретиками, выглядит сейчас наивно, показателен сам этот экскурс в историю музыки⁷. Интерес к ней характерен для XVII в. Именно в это время создается несколько сочинений по истории русской музыки, преисполненных желанием понять ее истоки, определить степень ее самобытности. Наиболее выдающееся и полное сочинение дошло до нас в виде предисловия к нотному стихирарю 1666 г. из собрания Оболенского⁸. В нем приводится родословная русского певческого искусства, прослеженная автором почти за два века. Трудно переоценить значение услуги, которую оказал исследователям безвестный музыкант, историк и теоретик XVII в. своими сведениями. Интересны и его воззрения на саму природу русской музыки. Он считал ее самобытной, в чем убедился, сопоставляя русское пение с пением других православных народов. По глубокому убеждению автора предисловия, русские ничем не умалены в музыкальных дарованиях по сравнению с другими народами и им нет необходимости прибегать к заимствованию у них музыки, ибо «не единому человеку даровал бог разум и смысл, но и всякому человеку естеству».

Осмысление истории и характерных особенностей русской музыки можно найти и в сочинении музыканта и теоретика середины XVII в. Александра Мезенца «Извещение о согласнейших пометах». Мезенец

³ Житие милостивого мужа Федора Ртищева.— ДРВ, ч. XVIII. Изд. 2-е. М., 1791, с. 402—403.

⁴ Деяние московских соборов 1666 и 1667 годов. М., 1905, с. 46.

⁵ См.: Островский П. Историко-статистическое описание Костромского Ипатьевского монастыря. Кострома, 1870, с. 207.

⁶ См.: Бенешевич В. Н. Сборник памятников по истории церковного права, вып. 2. Пг., 1914, с. 104.

⁷ Музыкальная эстетика..., с. 70, 72.

⁸ Публикацию предисловия см.: Ундольский В. Замечания о церковном пении в России.— ЧОИДР, 1846, кн. III, с. 19—23.

пытливо доискивался «кто которую знаменного пения книгу писал, и яже в ней писанное любомудрствовал, и в коем граде или монастыре, и в которое время, и при каковом любо случаи»⁹. Мезенец защищал и прославлял в своем сочинении знаменное пение, восхваляя его «меру, и силу, и всякую дробь, и тонкость». Показательно, что само это прославление Александр Мезенец предпослал проекту новой, усовершенствованной им системы крюковой записи. Мезенец рассказывает, что еще в 1655 г. по царскому «повелению» была составлена комиссия из четырнадцати «дидактонов» (учителей, знатоков), призванная унифицировать и уточнить употребление распевов и способ их записи. Вне сомнений, деятельность этой комиссии шла в русле общих церковных реформ патриарха Никона. Русско-польская война прервала ее работу; она возобновила свою деятельность в видоизмененном составе лишь в 1666 г. Комиссии вменялось в обязанность разработать вопрос о печатании нотных книг. «Извещение о согласнейших пометах» Мезенца и явилось плодом трудов этой комиссии. Подводя итоги ее работы, Мезенец пришел к выводу, что в виду сложности двуцветной печати надо отказаться от киноварных помет музыканта XVI в. Шайдура, заменив их «признаками». Эти обозначения ставились в два ряда над текстом и различались по трем степеням-согласиям: большому — в два тона, укосенному (замедленному) — в один тон и полутон и малому — в полутон и тон. Признаки гораздо более совершенно фиксировали высоту звука и тем самым точнее было возможно исполнителям передать авторский замысел. Точнее, но по-прежнему неадекватно, ибо оставалась вообще никак не переданной длительность того или иного звука. Это обстоятельство все более настойчиво выдвигало на повестку дня необходимость не исправлений и совершенствований, но радикального пересмотра системы нотописи.

Не только сеймиография (система нотной записи), но и сама музыка к середине XVII в. явно вступают в полосу кризиса. Традиции путевого и демественного распевов¹⁰, столь пышно расцветших в XVI в., начинают пользоваться все меньшим успехом. Да и сам знаменный распев упрощается и обедняется. В XVII в. он лишен цветистости рисунка, сложная ритмика в нем заменяется симметрией, а широкая распевность — лаконичностью¹¹. Мелодический стиль знаменного пения все более замыкается в кругу сурового напевно-декламационного интонирования, строго поступенное движение которого идет в очень небольшом диапазоне¹². Происходит явное сокращение самой мелодии знаменного распева.

В столь очевидно высушившее русло профессионального певческого искусства в середине XVII в. хлынул мощный и свежий поток. Это были прежде всего новые распевы: киевский, сербский, болгарский, гре-

⁹ Азбука знаменного пения (извещение о согласнейших пометах) старца Александра Мезенца (1668 года). Казань, 1888, с. 8.

¹⁰ Путевой распев, как и знаменное пение, базируется на системе восьми гласов (вариантов попевок), но в нем много музыкальных метаморфоз, он звучит несколько тяжело. Демественный распев не зависит от гласов. В нем много эффектов неожиданности, обрывов звучания. Происхождение названий этих распевов до сих пор остается невыясненным.

¹¹ См.: Успенский Н. Д. Древнерусское певческое искусство. М., 1971, с. 316—317. Необходимо заметить, что именно такие обедненные варианты знаменного распева сохранило русское старообрядчество, отделившееся от русской церкви в середине XVII в. Вот почему представляются крайне неправильными попытки по старообрядческому пению реконструировать древнерусскую хоровую музыку более ранних периодов.

¹² См.: Скребков С. Русская хоровая музыка XVII — начала XVIII веков. М., 1969, с. 12.

чекий, иерусалимский, антиохийский и т. д., близкие народной песне, имеющие по сравнению со знаменным распевом гораздо большую определенность эмоциональной окраски, большую жизнерадостность и в то же время задумчивость.

Происхождение распевов, о которых идет речь, до сих пор остается не вполне ясным. Крайне соблазнительными в этом отношении являются названия распевов. Однако поспешные выводы о соответствующем названию месте происхождения распевов, за единственным (весьма мало вероятно — двумя) исключением, оказались несоответствующими действительности. Греческий распев не имеет решительно ничего с греческим православным пением, точно так же, как антиохийский — с сирийским православным пением. Названия распевов условны. Нередко они возникали в связи с приездами в Россию православных иерархов с Востока и в память об этих приездах как событиях в церковной и государственной жизни, и подобно тому как казанский распев получил свое название в связи с присоединением Казанского ханства. Впрочем, греческий распев, возникновение которого некоторые исследователи связывают с деятельностью хоров православных братств Речи Посполитой, возможно, просто означает «православный» для отличия от униатского и католического, поскольку православная вера нередко на Украине и в Белоруссии называлась греческой¹³. В Москве и в России в целом в то время, когда идеи Москвы как духовной наследницы Византии вновь получили большое распространение, апатриарх Никон последовательно подчеркивал поэтому свою приверженность ко всему греческому, греческий распев из-за своего названия стал очень популярен. Распространение его объяснялось, конечно, и его музыкальными достоинствами. Свообразие распева заключалось в том, что, условно сохраняя восьмигласие, он по существу выходил из рамок его строго определенных попевок. Точно так же, сохраняя подчас общую со знаменным распевом линию мелодического рисунка, греческий распев был обогащен новой ладовой системой. Его характеризует оживленный, весьма подвижный темп, примиряет с древнерусской музыкальной традицией общая с ней речитативность¹⁴.

Весьма показательно, что ряд сочинений, написанных греческим распевом, некоторые исследователи склонны рассматривать как варианты киевского распева. Если и можно согласиться с такой точкой зрения, то с оговоркой, что речь может идти только о двух моментах: отдельных совпадений мелодических и рисунков и, что особенно важно, гармоническом изложении темы. Именно это последнее и было тем принципиально новым, что принесли появившиеся в середине XVII в. названные выше распевы, какие бы разнообразные экзотические названия они ни носили. Эта гармоничность придавала новым распевам мягкость звучания, приближала их к народной песенной стихии. Но киевский распев имел и свои неповторимые особенности. Для него характерна ясная поляризация распевности и речитативности. В еще большей мере ему свойственно повторение отдельных фраз или слов (а не слогов, как было в знаменном распеве) текста. Есть основание сближать мелодии киевского распева с украинскими думами¹⁵. Трудно сказать, прямо ли попали мотивы этих произведений в тот киевский

¹³ См.: Скребков С. С. Эволюция стиля в русской хоровой музыке XVII в. — *Musica antiqua Europae orientalis*, t. I. Warszawa, 1966, S. 479; Успенский Н. Д. Указ. соч., с. 313.

¹⁴ См.: Скребков С. С. Эволюция стиля..., с. 478; Преображенский А. В. Культурная музыка в России. Л., 1924, с. 52.

¹⁵ См.: Скребков С. С. Эволюция стиля..., с. 303.

распев, который был известен в России, или это произошло через посредство украинской церковной музыки конца XVI — первой половины XVII в., до сих пор остающейся неисследованной. Не подлежит сомнению только то, что киевский распев был насажден в Москве украинскими «вспевками» (певчими), во множестве появившимися там в середине XVII в. Документы свидетельствуют об их приездах как по царским и партиаршим указам и грамотам, так и по приглашениям знати в 1652, 1656, 1686 гг. Киевские певчие блистали своим искусством в Успенском соборе в Кремле, в Новом Иерусалиме, у Ф. М. Ртищева, П. В. Шереметьева и В. В. Голицына¹⁶.

До сих пор идут споры о происхождении и истоках болгарского распева. Одни ученые (например, С. Скребков, П. Сардаров) отрицают его связь с болгарской музыкальной культурой, другие настаивают на ней (Д. Христов), третьи (П. Динев) полагают, что некогда существовавшая связь стерлась, была поглощена традициями русского пения¹⁷. Пока не будут обнаружены произведения древнеболгарской музыки, родственные болгарскому распеву, или не будут указаны конкретно какие-либо созвучия болгарского распева с болгарским песенным мелосом, эти споры едва ли могут быть разрешены. Но это обстоятельство не мешает оценить место болгарского распева среди тех новых явлений в русской музыке XVII в., которые поистине преобразили ее. Ему свойственна особая распевность и плавность, т. е. как раз то, что иссыхало в старом знаменном распеве и что роднит его с духом славянской народной песни. В том же ключе следует воспринимать и излюбленное в произведении болгарского распева повторение мелодии в нескольких строках подряд.

Распевы с иноземными наименованиями возникли вместе с распевами, которые были названы по наименованиям русских городов и монастырей и приобрели большую популярность, продолжая жить и развиваться вплоть до XIX в. Таковы новгородский, владимирский, троицкий, соловецкий, валаамский, ипатьевский и многие другие распевы. Некоторые распевы получили свое название по именам распевщиков (Никодимов, Герасимовский и т. п.), о которых, к сожалению, никаких сведений до нас не дошло.

Гармоническая основа всех названных выше распевов вскоре стала влиять и на само традиционное знаменное пение, гармонические четырехголосные переложения которого становятся все более типичным явлением для второй половины XVII в. И пусть в этих гармонизациях еще звучат подчас характерные для знаменного пения и чуждые нормам гармонической музыки параллелизмы октав и квинт, в основе своей все это произведения уже нового стиля. Это не традиционный унисон и даже не подголосочное троестрочие, получившее определенное развитие в XVI в., но партесное пение, т. е. музыка на несколько голосов — партий. Эти записи уже ничего общего не имели с нотными знаками знаменного пения — знаменем-крюком. Мастера нового пения начали пользоваться новой нотной системой — пятилинейной, с почти современными нотными знаками, правда, не круглой, а многоугольной формы. Они получили название киевского знамени или киевских нот, что прямо указывает на место их создания.

Гармоническое партесное пение возникло в России как раз в тот период, когда в русскую культуру проникают черты барокко. Они оче-

¹⁶ См.: Преображенский А. В. Указ. соч., с. 43—45.

¹⁷ См.: Крыстев В. Пути развития болгарской музыкальной культуры в период XII—XVIII столетий. *Musica antiqua Europae orientalis*, t. I, Warszawa, s. 51—52; Скребков С. С. Русская хоровая музыка ..., с. 40.

видны в литературе, архитектуре, живописи, бесспорны они и в музыке. Именно в духе барокко выдержаны многочисленные полифонические произведения русских композиторов последней четверти XVII в., таких, как Василий Титов, Николай Калачников, Николай Бавыкин, Степан Беляев, Николай Дилецкий. Концерты и целые службы, написанные ими, поражают своим многоголосием, доходя до 24 и даже 48 голосов. Контрасты то совместного (*tutti*), то сольного звучания, живой диалог голосов, множество маленьких коротких фраз в ритме быстрой декламации сблизяют эти концерты и службы не столько с классической полифонией эпохи Возрождения, сколько с прямо современной им итальянской (особенно венецианской)

ДВОЕЗНАМЕННАЯ АЗБУКА.

Рукопись конца XVII в.

музыкой. Это, впрочем, не означает абсолютного разрыва новой музыки с многовековыми русскими традициями. Их следы усматриваются и в несимметричном ритме, в элементах подголосочности и в постоянном стремлении к связи музыки с текстом.

Возвращаясь к итальянизмам в произведениях русских композиторов последней четверти XVII в., необходимо заметить, что никаких данных, которые бы свидетельствовали о прямых связях русских музыкантов этого времени с итальянской музыкальной культурой, у нас нет. Зато множество фактов свидетельствуют о связях с Польшей, самой испытавшей значительное влияние итальянской музыки. Польские композиторы этого и предшествующего времени хорошо известны в Москве. Так, произведения прославленного польского композитора этой поры Мартина Мильчевского выписывает к себе в Новый Иерусалим патриарх Никон в 1664 г. Появляются сочинения русских композиторов с неожиданными для православных песнопений обозначениями «кравеские», «езувицкая», «на кравес плач» и т. п.¹⁸ Помимо прямых культурных связей Польши и Руси, которые именно во второй половине XVII в. становятся особенно интенсивными, контактам в области музыки способствовали все те же киевские «всепевки», равно как другие деятели музыкальной культуры, приехавшие на Русь с Украины и из Белоруссии и воспитанные у себя на родине в значительной мере на образцах польской музыки. Самым выдающимся из них и вместе с тем одним из самых замечательных деятелей русской и вообще восточнославянской музыки XVII в. был Н. Дилецкий.

¹⁸ См.: Преображенский А. В. Указ. соч., с. 57, 62.

Николай Павлович Дилецкий, украинец по происхождению, получил свое образование «от многих искуснейших художников» в Вильне. Есть основание считать, что его учителями были выдающиеся польские музыканты Мартин Мильчевский, Ян Зюзка и Николай Замаревич. Там же, в Вильне, Дилецкий написал учебное пособие по вокальной музыке «Грамматика мусикийская». В 1677 г. он издал свою книгу на белорусском языке в Смоленске, углубив в ней теоретические и эстетические основы музыки¹⁹. Вскоре, в конце 70-х гг., Дилецкий переехал в Москву, где в 1679 г. создал русский вариант своего труда под названием «Идея грамматики мусикийской». Ее он также неоднократно впоследствии перерабатывал, расширяя, сокращая или заново создавая отдельные части в зависимости от насущных запросов русской музыкальной жизни. Это было связано прежде всего с борьбой, которую ему и его единомышленникам приходилось вести с противниками партесного пения.

В этой борьбе Дилецкий выступает как глава и теоретик нового направления. Прекрасно понимая, что он, как латинский выученик, может встретить к себе недоверие, Дилецкий предваряет свой труд обширнейшим предисловием, написанным дьяком придворного Сретенского собора Иваном Кореневым. Предисловие — настоящая похвала партесному «киевскому» пению²⁰. Это пение Коренев ставит выше как унисонного, так и троестрочного подголосочного пения. Их исправление и усовершенствование, в отличие от Мезенца, Коренев считает делом совершенно безнадежным и ненужным. Коренев отвергает всякое обвинение нового пения в еретичестве, считая, что эти наветы коренятся в «плача достойном» невежестве. Коренев вообще выступает с широких просветительских позиций, что, однако, не мешает ему широко использовать патристическую и церковную литературу точно так же, как это делали Симон Ушаков и особенно Иосиф Владимиров, защищая новое направление в изобразительном искусстве. Сходство между трудами этих теоретиков, Коренева и Дилецкого далеко не ограничиваются этой данью традиции. И те и другие утверждали, что следует создавать произведения сообразно тому, что мастер «видит или впоследствии слышит»²¹; при этом музыканты призывали реализовать это требование в соответствии с распространенной на Западе теорией эффектов, согласно которой цель музыки заключается «в возбуждении движений души». Не случайно сама музыка определялась Дилецким как то, что «пением своим или игранием сердца человеческие возбуждает ко веселию или сокрушению или плачу»²². Призыв к страстности и эмоциональности в музыке связан с ее новыми идеалами, противостоящими торжественному, плавному и речитативному складу древнерусской музыки, для деятелей которой все эти новые черты выглядели не иначе как «разнузданности и безобразия»²³. Новая музыка в их оценке уже не церковна по самому своему духу. «На Москве во многих церквах поют песни, а не божественное пение», — сетовал протопоп Аввакум. «Можно де по тому

¹⁹ Виленское и смоленское издания пока не обнаружены и известны только по упоминаниям о них самого Дилецкого. Правда, виленское издание Дилецкий перевел (несколько видоизменив), создав таким образом особый вариант «Грамматики». Он представлен единственным списком 1723 г., изданным недавно фототипически (см.: Дилецкий Николай. Грамматика музична. Київ, 1970).

²⁰ Труд Дилецкого с предисловием Коренева см.: Смоленский С. В. Мусикийская грамматика Николая Дилецкого. — ПДПИ, вып. 128. Спб., 1910.

²¹ Учинникова Е. С. Иосиф Владимиров. Трактат об искусстве. — В кн.: Древнерусское искусство, XVII век. М., 1964, с. 58.

²² Музыкальная эстетика..., с. 142.

²³ Там же, с. 26.

Музыка зданъ и вѣдъ и протавъ. **С**иди вѣдъ на лѣви и протавъ.
 Бѣнубъ и вѣдъ на лѣви.

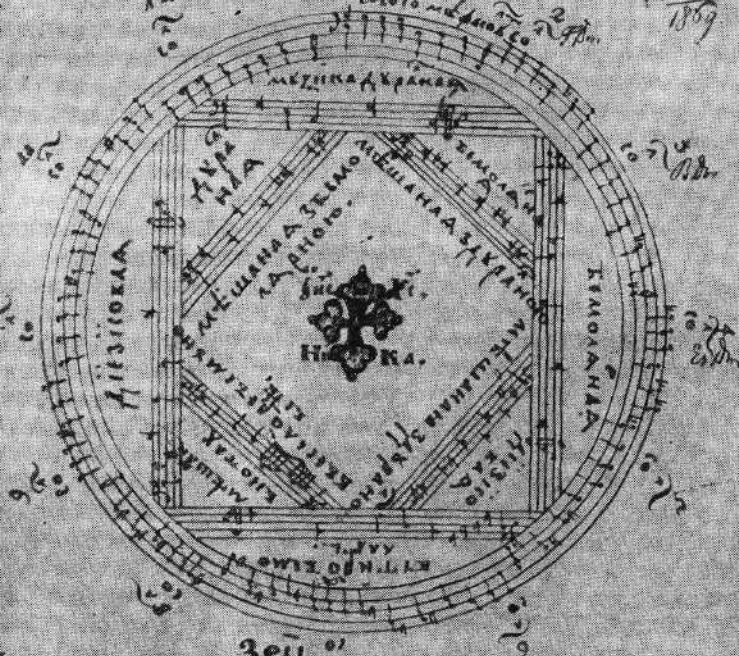
Сигнае зупна те мере метавъ евангъ. **Р**омъ зупна зупна зупна зупна зупна.
 Прѣиди вѣдъ на лѣви и протавъ. **Н**иди вѣдъ на лѣви и протавъ. **Н**иди вѣдъ на лѣви и протавъ.

Дво факта вѣдъ, кѣи вѣдъ на лѣви и протавъ. **З**рѣ вѣдъ на лѣви и протавъ.

Кеи вѣдъ на лѣви и протавъ, тѣи вѣдъ на лѣви и протавъ. **Н**иди вѣдъ на лѣви и протавъ.
Ниди вѣдъ на лѣви и протавъ. **Н**иди вѣдъ на лѣви и протавъ. **Н**иди вѣдъ на лѣви и протавъ.

for the fragments of the Russian text in the manuscript
Сиди вѣдъ на лѣви и протавъ. **Н**иди вѣдъ на лѣви и протавъ. **Н**иди вѣдъ на лѣви и протавъ.
 (Basin) 1859

Зрѣ вѣдъ на лѣви и протавъ. **Н**иди вѣдъ на лѣви и протавъ.
Ниди вѣдъ на лѣви и протавъ. **Н**иди вѣдъ на лѣви и протавъ. **Н**иди вѣдъ на лѣви и протавъ.

«ГРАММАТИКА МУСИКИЙСКАЯ» НИКОЛАЯ ДИЛЕЦКОГО.
 Лист рукописи XVIII в.

пению в гусли играть», — вторил ему простой церковный сторож — рядовой раскольник²⁴.

Светская струя в церковном искусстве XVII в. была метко уловлена его противниками. Сами же сторонники новой музыки, естественно, никогда об этом не говорили, усердно подчеркивая свою неизменную преданность благочестию и церковности, в которой, может быть, они и сами не сомневались. И все же Дилецкий прямо рекомендует и считает нормой в своей «Грамматике», взяв «мирскую песнь», переложить ее в «гимны церковные». Он вообще настаивает на тщательном изучении; композиторами «совершенных» сочинений других мастеров, среди которых в первую очередь указывает на польских композиторов. Непременным условием творчества является и твердое знание правил, неразрывно связанное со свободой выбора и творческой активностью автора²⁵.

Основное внимание в своей «Грамматике» Дилецкий уделяет сочинению концертов — особенно популярной в XVII—XVIII вв. форме церковной музыки. Выросшие из «киноника» или запричастного стиха на литургии, концерты не были уже собственно литургическим пением, во всяком случае никак не были связаны с литургическим действием, заполняя время, когда духовенство причащается в алтаре. По точному выражению смоленского митрополита Симеона, их сочиняли «ради праздности времени», так как «людям стоять без пения скучно»²⁶.

Концерты были сродни и другому жанру — кантам и псалмам, писавшимся первоначально также на тексты духовного содержания. Простота и доступность исполнения, теплота, лиричность, иногда даже интимность настроения, короткие несложные музыкальные фразы с четко выраженным минором и мажором — все это быстро сделало канты и псалмы любимым домашним музицированием. Канты запомнились легко, так как отдельные мелодические попежки и даже целые мелодии повторялись в разных кантах. Особым успехом пользовалась «Псалтырь рифмотворная» (т. е. стихотворная) Симеона Полоцкого, положенная на музыку Василием Титовым в 1680 г. Псалмы Титова очень образны и выразительны, наполнены особой взволнованностью чувства, некоторые из них близки к оборотам народной песни.

Помимо быта была еще одна область, куда проникла светская музыка, — театр. Вторая половина XVII в. в европейском театральном искусстве вообще отмечена все более возрастающей ролью музыки, тяготением к оперным формам, что не могло не сказаться и на московских спектаклях этого времени²⁷. Уже первые русские театральные постановки были теснейшим образом связаны с музыкой. Еще за год до начала деятельности театра его организаторы стали разыскивать музыкантов, которые были бы «к комедиантам годны»²⁸. Трубные фанфары, застольная музыка, финальные хоры и другие музыкальные концовки стали непременной частью представлений придворного театра. Среди спектаклей московского театра был и балет «Орфей», целиком шедший с инструментальным сопровождением (вероятно, с музыкой Генриха Шютца) и прославивший всепобеждающую силу музыки²⁹. Немалое место

²⁴ Преображенский А. В. Указ. соч., с. 46; Ливанова Т. Очерки и материалы по истории русской музыкальной культуры, вып. 1. М., 1933, с. 74.

²⁵ См.: Ливанова Т. Указ. соч., с. 83.

²⁶ Попов Н. П. О поездке в Смоленск к "митрополиту «для великих духовных дел». — ЧОИДР, 1907, кн. II, с. 42.

²⁷ См.: Ливанова Т. Указ. соч., с. 168—169.

²⁸ Богоявленский С. К. Московский театр при царях Алексее и Петре, М., 1914, с. 3.

²⁹ См.: Финдейзен Н. Очерки по истории музыки в России, т. I, вып. 3. Л., 1928, с. 322.

в спектаклях занимала и вокальная музыка, прямо связанная с ходом действия или выражающая отношение к нему героев. Причем если в песне Эсфири в первом спектакле театра «Артаксерово действо» еще заметны следы сходства со знаменным распевом, то в других пьесах вокальные номера стали сближаться с кантатами и псалмами. Особенно это было характерно для школьной драмы. Ярким примером в этом отношении может служить «Рождественская драма» Дмитрия Ростовского.

Инструментальная музыка звучала в XVII в. не только в театре, но и вообще в быту двора и знатных лиц. Известен целый ряд цимбалистов при дворе царя Михаила Федоровича, находившихся в ведении специальной «Потешной палаты». В ее состав входили также музыканты, игравшие на трубах, сурнах и даже на арфе и скрипке. Но особым успехом в Москве пользовались иноземные «органных дел мастера». Их **выписывали** вместе с инструментами из разных стран, в том числе и из Голландии (братья Лун в 1630 г.). Немало было

среди органистов поляков, например, Ф. Завальский и Ю. Проскуровский и особенно прославившийся в 70-е гг. в Москве Симон Гутовский³⁰. Особая любовь к игре на органе, как именно к светской (не церковной, в отличие от католичества) музыке возможно, объяснялась тем, что в Византии, которой в «третьем Риме» вновь стали так усиленно подражать в середине XVII в., органная музыка была очень распространена в придворном быту.

Бояре также имели свои инструменты и музыкантов. У В. В. Голицына были органы, у Н. И. Романова — особая разновидность органа — позитив. Он же содержал трубачей. И. Д. Милославский, как показывает опись его имущества, владел «14-ю немецкими трубами». По-видимому, он имел свой духовой оркестр³¹.

Первые успехи театра и театральной музыки, возрастающая популярность инструментальной и светской вокальной музыки в привилеги-

ГУСЛЯРЫ.
фрагмент фрески собора
Макарьевского монастыря
в г. Калыгине,
1654 г.

³⁰ См.: там же, с. 309—311.

³¹ См.: Ф и н д е й з е н Н. Указ. соч., с. XXVIII, прим. 381.

СКОМОРОХИ В ЛАДОГЕ,
Из книги А. Олеария.

менты в домах, и однажды пять телег, полных ими, были отправлены за Москву-реку и там сожжены³³. Активнейший деятель раскола Иван Неронов не менее рьяно занимался уничтожением скоморошских инструментов и «повелеваше ученикам своим орудия игр бесовских разбивати и сокрушати»³⁴.

Чем же объяснить такую противоречивость, когда одна светская музыка жестоко преследовалась, а другая поощрялась? Все дело было в содержании музыки. Театральные придворные спектакли были поставлены на сюжеты благочестивого характера, весьма далекого от скоморошских выходок. Скоморохи же позволяли себе нередко сатирическое осмеяние бояр и даже церкви. По единодушному мнению исследователей, эти тенденции особенно усиливаются в XVII в.³⁵ Театр был контролируем, тогда как скоморошество не поддавалось какому-либо контролю.

В народном музыкальном творчестве свободной оставалась песня. В «бунташный» XVII век особенно распространенной становится песня вольницы, возникшая среди беглого люда и «вольного казачества». Сродни с ней песни, связанные с народными движениями, особенно с крестьянским восстанием под предводительством Степана Разина, личность которого в них овеяна эпической романтизацией и идеализацией. Подобные песни, неоднократно видоизменяясь и модифицируясь, дожили чуть ли не до наших дней. При их изучении, однако, необходимо принимать во внимание последующие наслоения, а подчас и переосмысление содержания песен. Такова же степень достоверности наших сведений о лирических народных песнях, как и о песнях обрядово-семей-

рованной среде сочетаются в XVII в. с категорическим запрещением этой музыки в народной среде. Прежде всего гонение было направлено на скоморохов. В 1648 г. царским указом скоморошество и игра на музыкальных инструментах были запрещены в государственном порядке. На воевод лично возлагалось наблюдение за неуклонным исполнением указа³². Церковь была в авангарде этой борьбы, видя в скоморохах идолослужителей. В этом отношении между церковными иерархами и раскольничьими учителями не было разницы. Патриарх Никон по свидетельству Олеария в 1654 г. «велел разбить все инструменты кабацких музыкантов, какие остались на улицах, затем запретил русским вообще инструментальную музыку, велел забрать инстру-

³² АИ, т. IV, № 35, с. 124—126.

³³ См.: О л е а р и й А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Спб., 1906, с. 325.

³⁴ Житие Иоанна Неронова.—«Братское слово», 1875, кн. 2, с. 260.

³⁵ См.: Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории сатирической литературы XVII в. М.—Л., 1937; ИРЛ в 10-ти т. Т. 11, ч. 2. М.—Л., 1948, с.187—208.

ного цикла с их выразительной напевностью, за что их принято называть «протяжными» или «проголосными». Наиболее точными, очень близкими к событиям, о которых они воспевают, являются исторические песни о «Смутном времени», записанные для члена английского посольства в Москве в 1619—1620 гг. Ричарда Джемса³⁶. Однако и здесь весьма затруднительно дать их музыкальную характеристику, никак и нигде не записанную. По некоторым косвенным данным, главным образом связанным с развитием фиксированного профессионального хорового пения, можно только догадываться о возрастающей в народной песне народно-хоровой полифонии, все более расцветиваемой множеством контрапунктирующих голосов.

В народной песне, во всех ее жанрах, в профессиональной, в инструментальной музыке виден в XVII в. решительный и определенный перелом. Новые черты гармонии и полифонии наполняют русскую музыкальную культуру, сближая ее с европейской музыкой и вводя ее в русло общеевропейского развития. Появляются и совершенно новые жанры: театральная, в том числе балетная музыка; канты и псалмы как предвестники вокальной камерной музыки. Все это усиливает светскую струю в русской музыкальной культуре, шедшей навстречу XVIII веку.

³⁶ См.: Симоны П. К. Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства, вып. I. Спб., 1907.

Ортодоксальное вероучение церкви, представляющее собой относительно стройную систему религиозных догматов и культа, разработанную и развиваемую богословами, составляет лишь верхний, идеологический слой религии. Под ним лежит толстый пласт массовых, народных религиозных верований и представлений, далеко не всегда согласующихся с официально-церковным вероучением. Эти два уровня религиозного сознания — религиозная идеология и обыденное религиозное сознание — находятся в тесной связи и сложном взаимодействии друг с другом. С одной стороны, для того, чтобы воздействие религиозной идеологии на массы было успешным, церковь должна считаться с настроениями и представлениями рядовых верующих и стремиться к тому, чтобы официальная догматика и культ соответствовали им или по крайней мере не находились в резком противоречии с этими народными верованиями. Поэтому церковь не просто отбрасывает, а ассимилирует эти верования, приспособляя их к официальному христианскому вероучению. С другой стороны, и «массовая», народная религия не может не испытывать влияния официальной церковной идеологии, догматики и культа.

Поэтому характеристика религиозной жизни каждой эпохи должна учитывать оба уровня религиозного сознания и взаимодействие их друг с другом. Эта характеристика предполагает выяснение степени и характера религиозности широких масс, т. е. особенностей обыденного религиозного сознания этого времени, а также рассмотрение взаимодействия народной религии с церковной идеологией: как глубоко и широко проникло в народные массы официальное вероучение, какую трансформацию претерпели при этом основные его элементы, насколько сильным и эффективным был идеологический контроль церкви над религиозной жизнью, а также и над другими сферами культуры.

Как и в предыдущее время, в XVII столетии степень освоения народными массами основ христианской догматики оставалась незначительной. Все иностранные путешественники (особенно протестанты) говорят о почти полном незнании русскими основ вероучения, основных догматов, священного писания, молитв. По свидетельству А. Оллария, «большинство, в особенности простонародье, не много могли бы объяснить о догматах своей веры». Даже среди монахов, отмечает он,

«едва десятый знает «Отче наш». Немногие из них знают что-либо о десяти заповедях божиих, полагая, что подобные вещи следует знать вельможам и высшим духовным лицам, а не им»¹. «Все их христианские упражнения и молитвы, — пишет Я. Рейтенфельс, — заключаются в возможно частом осенении себя крестным знамением и повторении слов «Господи помилуй»². Да и откуда было знать все это рядовым прихожанам, если даже многие священники не понимали догматического смысла совершаемых ими обрядов, ограничиваясь формальным их исполнением, слабо разбирались в догматических тонкостях и потому не могли быть наставниками своей паствы в вопросах вероучения. Вплоть до 50-х гг. церковные власти даже запрещали провозносить проповеди в церквях, справедливо опасаясь ересей, искажения основ вероучения слабо знакомым с ним духовенством, запрещалось рассуждать и вести споры на религиозные темы, особенно с иностранцами. До этого же времени отсутствовали доступные рядовому духовенству пособия, в популярной форме излагавшие основы вероучения. Первое такое пособие — «Малый катехизис» Петра Могилы (или «Собрание краткия науки о артикулах веры») — было издано лишь в 1649 г.

«Обрядоверие», т. е. формальное отношение к религии, сведение ее к совокупности обрядов, — в этом видели основную особенность религиозной жизни русского народа современники-иностранцы и позднейшие клерикальные (и не только клерикальные) историки. Причиной такого «детского», «простодушного» воззрения на благочестие они считали «недостаточное умственное развитие», «невежество» народных масс, понимая под невежеством именно незнание догматов, основ вероучения. Они видели в этом также «необходимое следствие естественного склада ума и свойства русского человека»³.

Дело, конечно, не в каких-то особенностях русского народа и не в невежестве народных масс, а в особом, практическом характере массового религиозного сознания.

Религию рождало не просто незнание подлинных причин тех или иных явлений и стремление объяснить их, а неудовлетворенная практическая потребность воздействовать на господствующие над человеком природные и общественные силы. Человек находил в религии псевдо-заменитель отсутствующих у него реальных средств воздействия на эти силы. Она как бы компенсировала недостаток в трудовой деятельности человека, иллюзорным образом «преодолевая» его бессилие, ограниченность общественно-исторической практики. Поэтому религия не только вера в существование сверхъестественных сил, но и вера в возможность установления двусторонних связей с этими силами с целью получить от них защиту, помощь, с целью добиться благоприятных для себя действий этих сил. Никакая массовая религия невозможна без этих иллюзорно-практических отношений к объекту веры. Крайнюю важность в религии этой «практической стороны» («кроме фантазии») отмечал В. И. Ленин⁴.

Эта мнимая связь со сверхъестественными силами осуществляется в процессе отправления культа, т. е. путем совершения определенных

¹ О л е а р и й А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, с. 295, 332.

² Р е й т е н ф е л ь с Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. — ЧОИДР, 1906, кн. III, отд. II, с. 137; см. также: Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга. — ЧОИДР, 1873, кн. III, отд. IV, с. 95.

³ Р у щ и н с к и й Л. П. Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков. М., 1871, с. 60—61.

⁴ См.: Л е н и н В. И. Поли. собр. соч., т. 29, с. 53.

магических действий и произнесения заклинаний. Поскольку эти действия должны сверхъестественным путем обеспечить достижение желаемого результата, то эта обрядовая сторона религии, будучи непосредственно связанной с практической трудовой деятельностью и призванная «дополнять» ее, в обыденном религиозном сознании выдвигается на первый план. То, что является второстепенным, неважным для ученого богослова, наоборот, представляется самым существенным для рядовых верующих. Как справедливо замечает современный историк религии, «в центре внимания верующего всегда был вопрос не о природе и устройстве сверхъестественного мира, а о действиях, которые необходимо предпринять, с тем чтобы обеспечить благоприятное влияние сверхъестественных сил и отвлечь неблагоприятное»⁵. Отсюда то большое значение, которое придается вопросу о «правильности» или «неправильности» тех или иных обрядов. Отсюда и особый консерватизм, свойственный этому компоненту религии, привязанность к старым обрядам, сила и действенность которых «проверены» не одним поколением.

Таким образом, выдвигание на первый план обрядовой стороны религии и даже сведение ее к совокупности обрядов являются не особенностями русской религиозной жизни, а особенностями массового религиозного сознания вообще. Относительно России речь может идти лишь о сравнительной слабости верхнего, богословского слоя религии.

Это выразилось в том, что подобное отношение к религии распространено было не только в массах, но и в среде церковников (и не только в низшем духовенстве). В полемике, которую вела русская церковь с «латинством», униатством, протестантизмом, дело часто сводилось к спору об обрядах. Разница в обрядах для русских богословов была важнее догматических расхождений. Их прежде всего интересовали такие, например, вопросы: из какого теста делать просфоры — кислого или пресного; как крестить — через обливание или через погружение? Всякая попытка внести даже самые незначительные изменения в обряды рассматривалась руководством церкви как ересь. Когда в 1618 г. справщики троицкий архимандрит Дионисий, Арсений Глухой и Иван Наседка, готовя новое издание Требника, осмелились в чине богоявленского освящения воды выбросить только два слова («и огнем»), в среде церковников это вызвало бурные споры, в которые было втянуто все высшее церковное руководство. Эти споры породили довольно обширную полемическую литературу. Один только Иван Наседка посвятил этому вопросу два больших сочинения: одно в 35 главах, другое — в 40. Состоялся специальный церковный собор, осудивший справщиков как еретиков: они были отлучены от церкви и в цепях заточены в монастыри (кроме Ивана Наседки). В следующем году, после приезда в Москву иерусалимского патриарха Феофана, вставшего на сторону справщиков, и получения грамот от других вселенских патриархов, подтвердивших их правоту, справщики были оправданы. Но лишь в 1625 г. патриарх Филарет велел вычеркнуть спорные слова из требников. Интересно, что во время этих бурных споров вокруг двух слов молитвы не было придано никакого значения тому, что один из

⁵ Семенов Ю. И. Развитие общественно-экономических формаций и объективная логика эволюции религии.— В кн.: Вопросы научного атеизма, вып. 20. М., 1976, с. 52; см. также: Угринович Д. М. Философские проблемы критики религии. М., 1965, с. 36, 146—147 и др.

обвинителей справщиков — троицкий уставщик Филарет путаясь в вопросах догматики, высказывал явно еретические суждения⁶.

Массовая, реально существовавшая религия представляла собой сложный православно-языческий синкретический комплекс практических верований и обрядов, многие из которых имели дохристианское происхождение. Эти архаические верования и обряды сохранялись не только в виде непризнанных и преследовавшихся церковью языческих обычаев, праздников, культов⁷, но и продолжали существовать под внешней оболочкой официально-церковного культа. Это проявлялось, в частности, в иконопочитании.

Иностранцы пишут о чрезвычайной привязанности русских к иконам, доходившей до суеверного с их точки зрения почитания. Их поражало обилие встречавшихся повсюду икон: не только на самом почетном месте в каждом доме, но и над дверями домов, лавок, складов, на воротах, на улицах, дорогах. Без иконы не обходилось совершение ни одного религиозного обряда: церковная служба, крещение, венчание, похороны и т. д.; молиться разрешалось только на икону. С иконой не расставались и тогда, когда отлучались из дома: ее брали с собой в путешествие, в военный поход. В этих случаях она играла роль талисмана, который должен был оградить своего владельца от бед и невзгод. Но вместе с тем иностранцы отмечают и особый характер иконопочитания у русских, считавших иконы живыми существами, наделенными всеми органами чувств. Икона не изображение бога или святого («образ божий», как учила церковь), она сама и есть живой бог. Отсюда чрезвычайно почтительное отношение к иконе: ее богато украшали; не покупали, а «выменивали» на деньги; не вешали на гвоздях, про нее говорили не «сгорела», а «вознеслась». Ветхие, пришедшие в негодность иконы не выбрасывали и не сжигали, а зарывали в землю на кладбище или пускали плыть по течению реки⁸. В 1654 г. патриарх Никон, борясь с новыми веяниями в живописи, приказал собрать иконы «нового» («фряжского») письма, выколол им глаза и велел носить по городу, выкрикивая указ о запрещении писать и держать у себя подобные иконы. Это вызвало взрыв всеобщего возмущения. К тому же в это время распространилась эпидемия чумы, что было воспринято как гнев божий за надругательство патриарха над иконами. Лишь спешный отъезд патриарха вместе с царским семейством из Москвы в Троице-Сергиев монастырь спас его от больших неприятностей, а возможно, и от физической расправы. Когда в следующем году Никон устроил в Успенском соборе очередную расправу с иконами «нового» письма и приказал сжечь их, то сам царь упрасивал патриарха не сжигать их, а закопать⁹.

Отношение к иконе как к живому существу отразилось, в частности, в обычае занавешивать иконы в определенные моменты семейной жизни. Такое отношение к иконам иногда приводило к курьезным случаям, граничившим с богохульством. Так, однажды вологодский архиепископ Симон приказал вынести из алтаря запрестольный образ Бо-

⁶ ААЭ, т. III, № 166; Знаменский П. Учебное руководство по истории русской церкви. Спб., 1904, с. 286—288.

⁷ Подробнее об этом см.: Очерки русской культуры XVI века, ч. 2. М., Изд-во Моск. ун-та, 1977, с. 61—64, 79—80.

⁸ См.: Мейерберг А. Указ. соч., с. 49—51.

⁹ См.: Алеппский Павел. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., вып. 3.—ЧОИДР, 1898, кн. III, отд. III, с. 136—137.

городицы, мотивируя это свое распоряжение тем, что «женскому полу быти в олтаре недостойно»¹⁰.

Отношение к материальному объекту поклонения как к живому богу — это фетишизм (или «идолопоклонство», по церковной терминологии). При этом бог-фетиш часто является именно личным богом-фетишем, принадлежащим определенному лицу, просьбы которого он и должен выполнять, и никто другой не имеет права пользоваться его милостями. То же самое мы видим и в иконопочитании.

Иностранцев очень удивлял обычай, согласно которому каждый помещал в церкви свою собственную икону и во время богослужения чествовал только ее, только ей молился, только ей ставил свечи. Если владелец иконы заставал перед ней кого-нибудь за молитвой, то тот мог услышать и такое: «Заведи себе сам какого-нибудь бога да и молись ему, сколько душе угодно, а чужими не пользуйся!» При этом нарушитель «права собственности» должен был откупиться. Если кто-либо оказывался временно отлученным от церкви, то такому же наказанию подвергалась и его икона: ее выносили из церкви и владелец забирал ее домой¹¹. Этот обычай был отменен лишь собором 1667 г., в постановлении которого отмечалось, что люди «своя си иконы боги именовали, чесо ради явствуется не знати единства божия, паче же многобожие непщевати»¹².

Такой характер иконопочитания приводил к тому, что почтение, оказываемое иконе, дополнялось отношением к ней совершенно другого рода. Участник польской интервенции начала XVII в. поляк С. Маскевич рассказывает: «Когда король подступил к Смоленску, окрестные жители бежали в леса с домашним скотом и образами, на которые полагали всю надежду. Но как наши, отыскивая в лесах съестные припасы, настигали там русских и отняли их скот, то они, разгневавшись на свой образ, повесили их для позора на деревьях вверх ногами, приговаривая: «Мы вам молимся, а вы от литвы нас не оборонили!» И еще один подобный случай приводит тот же С. Маскевич: «У одного крестьянина вор ночью увел вола из хлева; крестьянин сорвал образ со стены и выбросил его в окно прямо в навоз, сказав: «Я тебе молюся, а ты меня от воров не охраняешь!»¹³. Было бы поспешным и неверным видеть в этих случаях проявление скептицизма или даже свободомыслия. Наоборот, здесь полное сходство с классическим фетишизмом, для которого характерны не только «умилование» божества молитвами и принесением жертв, но наказание «нерадивого», «ленивого» бога-фетиша, причинение ему боли с целью заставить исполнить просьбу и даже замена его другим. На эту характерную черту фетишизма обращал внимание К. Маркс. Охарактеризовав фетишизм как «*религию чувственных вожделений*», он далее замечает: «Грубое вожделение фетишиста *разбивает* поэтому свой фетиш, когда тот перестает быть его верноподданнейшим слугой»¹⁴.

Церковь с самого начала вела упорную борьбу с «идолопоклонством», а оно преспокойно продолжало существовать в почти неизменном виде под покровом официального культа. Реально существовавшее иконопочитание было очень далеко от официально-церковного его толкования и явно противоречило христианской догматике. Поэтому

¹⁰ Материалы для истории раскола за первое время его существования, под ред. Н. И. Субботина, т. I. М., 1874, с. 203.

¹¹ См.: Мейерберг А. Указ. соч., с. 50—51.

¹² Деяния московских соборов 1666 и 1667 гг., изд. 3. М., 1895.

¹³ Сказания современников о Димитрии Самозванце, изд. 3, ч. 2. Спб., 1859, с. 27—28.

¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 98.

распространенность иконопочитания (как и веры в магическую силу обрядов) не может свидетельствовать ни о глубине проникновения в народные массы христианского вероучения, ни о приверженности русского народа православию. Явно неортодоксальный характер иконопочитания говорит, скорее, об обратном.

Практический характер народной религиозности не менее ярко выразился в той трансформации, какую претерпевал в народной среде культ святых, являвшийся одним из важных компонентов официальной религии. Сам по себе этот культ был уже уступкой церкви традиционному политезму. Но церковь использовала его в своих идеологических целях. Через него она стремилась внедрить в массы нравственный христианский идеал, важнейшими чертами которого были аскетизм, смирение, непротивление злу и т. д. Но народ видел в святых не подвижников-аскетов, не страдальцев за веру, а своих заступников и помощников в труде и в жизни. Как отметил еще А. П. Шапов, «народ русский, при практическом своем характере, смотрел на святых большею частью с натурально-практической точки зрения. Он представлял, что святые назначены быть ему помощниками в борьбе с стихиями природы, поддерживать его физическое, материальное благосостояние, и ждал от их чудес существенной, материальной, житейской пользы»¹⁵. Отсюда своеобразная «специализация» святых. Крестьянина мало интересовали подробности жизни святого, какие подвиги христианского смирения он совершил, он мог этого просто не знать и часто действительно не знал. Но он хорошо помнил, что, например, Флор и Лавр покровительствуют лошадям, Власий — коровам, Настасий — овцам, Василий — свиньям, Мамонтий — козам, Терентий — курам, а Зосима и Савватий Соловецкие — пчелам. С этой целью составлялись специальные списки святых, в которых указывалось, в каких случаях к какому святому обращаться за помощью («киим святым, каковыя благодати от бога даны»). Из всех святых самым популярным в народной среде (и самым «универсальным») был Николай Мирликийский, или Никола-угодник. Это был «мужицкий» святой, народный заступник и помощник в труде земледельца. О его популярности свидетельствует огромное количество посвященных ему престолов. В народном представлении образ Николы-угодника соперничал нередко с образом Иисуса Христа. У некоторых иностранцев даже складывалось впечатление, что у русских бог не Иисус Христос, а Никола. С. Маскевич отмечает, что «в случае убедительной просьбы русские молят не ради бога и Христа Спасителя, но ради Николы»¹⁶.

Канонизация новых святых продолжалась и в XVII в. И это использовалось церковью в политических и идеологических целях. Но наряду с насаждаемым сверху культом «новых чудотворцев» в народной среде стихийно появлялись свои «народные» святые, не признанные церковью. Особенно это характерно для русского Севера, где контроль церковной власти над религиозной жизнью общин был очень слабым. Часто культ таких святых вырастал из независимого от церкви, языческого в своей основе культового почитания «жальников» — мест захоронения людей, погибших от природной стихии. Так возник культ Иоанна и Логгина Яренгских — из почитания останков двух погибших в море людей, оставшихся никому не известными. Так возник и культ Артемия Веркольского, двенадцатилетнего крестьянского мальчика, убитого грозой во время работы на пашне. Это были, по выражению

¹⁵ Шапов А. П. Соч., т. I. Спб., 1906, с. 77.

¹⁶ Сказания современников о Димитрии Самозванце, ч. 2, с. 28.

исследователя житий этих святых, «обычные люди только с необычной судьбой»¹⁷. Их подвиги не подвиги христианского смирения, не деяния, укрепляющие могущество церкви, а повседневный тяжелый труд морехода или земледельца. Будучи не в силах запретить или искоренить почитание народом «своих» святых, церковь вынуждена была со временем санкционировать эти культы, превращая этих святых, в признанных и чтимых церковью христианских подвижников. Так, только лишь в 1638 г., после более чем столетнего фактического существования, был санкционирован церковью культ Иоанна и Логгина Яренских. Церковь не была абсолютным монополистом даже в своей собственной сфере — в сфере религии. И в XVII в., несмотря на все усилия подчинить контролю церкви массовое религиозное сознание, это последнее сохраняло такие черты, которые не согласовывались с официально-церковным вероучением.

Конечно, идеологическая деятельность церкви не была безрезультатной. Но усиленно внедряемое ею в народные массы христианское вероучение претерпевало при этом существенную трансформацию, которую В. И. Чичеров характеризует следующим образом: «Для бытового православия была характерна потеря любым христианским образом, любой христианской легендой, при проникновении их в среду крестьянства, отвлеченного церковного характера. Легенды и образы христианской церкви низводились на землю, применялись в волнующей теме труда, земной, а не загробной жизни»¹⁸.

Это «приземление» христианских образов и идей, утилитарное отношение к религии проявлялось и в отношении населения к церковному богослужению. О том, что это отношение было крайне формальным и весьма далеким даже от внешней набожности и благочестия, говорит хотя бы обстановка в церкви во время богослужения: «И православные христиане, иже суть мирстии людие, приходящии к святым Божиим церквам, стоят в церкви Божии з бестрашием и со всяким небрежением; и во время святого пения беседы творят неподобныя, смехотворения и шепты, а божественная пения и святых апостол и святых отец предания, яже суть поучения, вотще презирающе. ...Да также по церквам священников купно же и мирских людей дети во время святой службы в олтаре безчинствуют. И во время святого пения ходят по церквам шпыни з бестрашием, человек по десяти и болши, и от них в церквах великая смута и мятеж». Эти нищие «в церкви Божии приходят, аки разбойники, с палки, и под теми палки у них бывают копейца железные, и бывает у них меж себя драка до крови и лая смрадная». «...А инии во время святого пения по церквам ползают, писк творяще», и от этого их «крику и писку православным христианом божественного пения и чтения не слышать»¹⁹.

Формальное отношение к церковной службе проявлялось также в стремлении к ее сокращению и ускорению. Сами церковники сетовали на то, что «пение божие» в церквах совершается «зело поскорю» и «со всяким небрежением», что даже по большим праздникам и воскресеньям «учительныя евангелия и святых апостол и святых отец поучения и жития... оставляемы бывают непрочитаемы». Одним из способов сокращения службы было «многогласие», когда текст службы делился

¹⁷ Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973, с. 259 и др.

¹⁸ Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX вв. (Очерки по истории народных верований). М., 1957, с. 38.

¹⁹ ГПБ, 0, 1, 331, л. 122 и далее; ААЭ, т. IV, № 321; ЧОИДР, 1902, кн. II, отд. V, с. 19—24.

между несколькими священниками и дьяконами и читался одновременно, голосов в пять или шесть, что, конечно, делало содержание службы совершенно непонятным прихожанам. В такой обстановке церковная служба теряла всякий смысл, не выполняла своего назначения служить основным средством внедрения в массы «слова божия».

В XVII в. явно усиливается охлаждение населения к церковной службе. Все чаще церковные власти вынуждены констатировать, что «мирские всяких чинов люди и жены их и дети в воскресенье и в господские дни и великих святых во время святого пения к церквам божиим не ходят», «а инде в те дни по святым божиим церквам и божественныя службы не бывает», что во время великого поста многие «мужи и жены к отцом своим духовным не приходят и божественных пречистых тайн... не причащаются», «а иные многие всяких чинов люди... не постились и у отцов своих духовных на исповеди не бывали многие годы», что во многих церквах даже «на светлой неделе служат в одно светлое воскресение, а в понедельник светлыя недели и во всю неделю и во владычны праздники и в богородичны праздники службы не бывает...»²⁰.

Очень озабочены были церковники и распространением в народе «игр и кошун бесовских», отвлекавших народ от церкви. В церковные праздники, которые должно «духовно праздновати и со страхом и благоговением стояти и духовная словеса божественных писаний со вниманием послушати», прихожане «вместо радости духовныя, возделания творят радости бесовской, многими... еллинскими и бесовскими играми дни сия провожают». В перечне этих «бесовских игр» мы видим не только остатки языческих культов, но и чисто светские забавы и развлечения: представления скоморохов, кулачные бои, качели, шахматы, карты и т. д.²¹.

Конечно, подобное отношение к религии и церкви характерно не только для XVII в., но и для предшествующих столетий. Но в XVII столетии охлаждение населения к церковному культу усилилось настолько, что церковники заговорили об «оскудении веры». И этот процесс был результатом не только традиционного утилитарного отношения к религии («обрядоверия»), но и в значительной мере результатом сдвигов и изменений, совершавшихся в мировоззрении. XVII век ознаменован началом процесса постепенного освобождения общественного сознания из-под влияния религии и церкви, падением роли религии и церкви в духовной жизни общества. Затронувший главным образом посадскую среду и некоторые круги дворянства, этот процесс выразился в росте светских элементов в культуре, в начавшемся ее «обмирщении», а в сфере самой религии — в усилении религиозного индифферентизма, в росте скептицизма по отношению к официально-церковному культу, в критике религиозных догм и культа.

С проявлением такой критики мы встречаемся уже в начале века. Еще при Василии Шуйском был сослан в монастырь князь Иван Хворостинин за то, что «впал в ересь, и в вере пошатался, и православную веру хулил, и постов и христианского обычая не хранил». После возвращения из ссылки он «опять учал жити не по христиански и зникати в ересь», за что был сослан вторично в Кирилло-Белозерский монастырь. О характере его воззрений говорит следующее обвинение, предъявленное ему: «А говорил, что молиться не для чего и воскресения мертвым не будет, и про христианскую веру и про святых угодников».

²⁰ АИ, т. IV, № 35, 151, 203; ААЭ, т. IV, № 326.

²¹ ЧОИДР, 1902, кн. II, отд. V, с. 22—23; АИ, т. IV, № 35.

божиих говорил хульные слова», «и людям своим к церкви ходити не велел». Отрицал он также и посты, причем в демонстративной форме: «Страстную неделю пил всю без просыпу, и против светлаго воскресенья был пьян, и до света за два часа ел местную еству и пил вино преж пасхи»²². Отрицание воскресения из мертвых занимало одно из важных мест в воззрениях Хворостинина. Недаром специально этому вопросу посвящено послание к нему патриарха Филарета, в котором патриарх укоряет его в том, что он «в погибели низринулся с мудрствующими еретическая, иже... глаголют, яко не мощно есть телу сему расщедшуся и истлевшу, воскреснути»²³.

К 1651 г. относится дело Федора Шиловцева, обвинявшегося в непочитании икон и в надругательстве над крестом и иконами. При допросе под пытками он твердо держался своего убеждения, что «иконам поклоняться непристойно, потому что един бог на небеси; а те иконы пишут простые люди»²⁴. В 1666 г. архимандрит Спасского Ярославского монастыря Сергей извещал на костромского посадского человека Федула Иванова в том, «что де он в церковь божию на молитву с православными Христианы не ходит от морового поветрия (т. е. с 1654 г. — *В. Ш.*) и отца духовного не имеет, и про церковны святыя говорит: не то де церкви божии и божественныя святыя таины, животворящая, учит де многих простых людей не приимати святыя таины, но за простый хлеб и вино.., попов де зовет бесчестно»²⁵.

О распространенности подобных взглядов в городской среде сообщает А. Олеарий. Рассказав о господствовавшем среди русских слепом поклонении иконам, он вслед за этим замечает: «Однако некоторые знатные люди и лица, живущие в городах, имеют несколько лучшие — а умнейшие из них и совершенно иные — мысли об иконах». В качестве примера он излагает свою беседу с неким купцом Филиппом, жившим в Нарве. Во время беседы на религиозные темы этот купец сказал, что «он никакого значения не придает иконам», при этом он взял носовой платок и провел им по иконе, говоря: «Так я могу стереть краску и потом сжечь дерево; в этом ли искать мне спасения?» «Постов, которые соблюдаются большинством русских, он не признавал», — замечает далее А. Олеарий. Но в ответ на вопрос, «почему он не постарается научить своих собратий лучшему», он ответил, что «у него нет на это призвания; кроме того, ему бы не поверили, но сочли бы его даже за еретика; если же он все-таки держит иконы, то это делается ради памяти о боге и святых»²⁶.

Как видим, скептицизм собеседника А. Олеария, фактическое отрицание им церковной обрядности не привели его к открытому разрыву с церковью. В этом смысле его можно считать типичной фигурой среди русских вольнодумцев этого времени. Указанные выше случаи открытого, демонстративного выступления против церкви и ее обрядности были редки.

О степени распространения подобных взглядов может свидетельствовать размах антипротестантской полемики, особенно оживившейся в 40-е гг. С самого начала столетия переводятся на русский язык и получают широкое распространение полемические сочинения украинских и белорусских авторов, направленные против протестантизма. Появляются и сочинения русских авторов, носившие в общем компилятивный

²² СГГД, т. 3, № 90; см. также: ААЭ, т. III, № 147, 149.

²³ ГПБ, Погод. 1563, л. 115.

²⁴ ЦГАДА, ф. 163, ед. хр. 2, л. 10 и др.

²⁵ ГИМ, Синод. собр. свитков, ед. хр. 1629.

²⁶ О л е а р и й А. Указ. соч., с. 318—319.

характер и основанные на украинской и белорусской полемической литературе. Из них наиболее значительным по объему и широте охвата вопросов было «Изложение на лютеры» Ивана Наседки. В 1644 г. церковь даже отказалась пойти на открытый диспут с протестантским пастором Матвеем Фильгобером, находившемся в свите датского королевича Вальдемара, жениха царевны Ирины Михайловны. Вопрос о перекрещивании датского королевича послужил русским церковникам поводом для опровержения некоторых пунктов протестантского вероучения. Эти прения, продолжавшиеся более года, вызвали огромный интерес, их материалы переписывались и распространялись сразу же после их появления. Продолжали они распространяться и после разрешения вопроса о браке в царской семье²⁷. В 40-е гг. антипротестантские сочинения начинают издаваться и типографским путем в составе таких сборников, как «Кириллова книга» (1644 г.), «Книга о вере» (1648 г.).

Все эти переводы и компиляции предназначались, конечно, для русского читателя. А раз так, то широкое распространение этой антипротестантской литературы предполагает более или менее значительный интерес среди русских читателей к поднимаемым в ней вопросам, более или менее широкое распространение в русской среде мнений, опровергаемых в этих сочинениях. На это есть и прямые указания. Так, например, И. М. Катырев-Ростовский, объясняя в послании к патриарху Филарету причины, побудившие его написать сочинение «На иконоборцы и на вся злыя ереси», пишет, что «овии от наших единовѣрных и единоезѣмнородных, прилагающеса им, от нашего закона отходяще до люто;рского и до колвинского закона и без всякого страха христови враги в посты мясо ядыше, иконы в храминах наших видя и не поклоняющеса, еще же и ругающеса..»²⁸. Только этим можно объяснить размах антипротестантской полемики. Действительно, для чего нужно было бы опровергать мнения, враждебные православию и сходные с протестантизмом, если бы они не имели сколько-нибудь заметного распространения в русской среде, если бы эти мнения представляли собой лишь потенциальную угрозу, а не непосредственную опасность? Такая «профилактика» могла дать обратные результаты, так как пробудила бы интерес к поднимаемым в полемике вопросам. А поскольку всякая полемика предполагает изложение враждебных мнений, то в данном случае она могла явиться средством ознакомления русских читателей с этими мнениями. Церковники не могли не понимать этого. Недаром же церковь именно поэтому запрещала вступать в спор на религиозные темы с протестантами. И если уж в 40-е гг. она сама отступила от этого правила, то, следовательно, ясно ощущала необходимость борьбы с чуждыми мнениями в русской среде.

Это была борьба не с западноевропейским протестантизмом, а с рационалистической критикой церковного культа и обрядности русскими вольнодумцами, которых русские церковники отождествляли с протестантами, называли русскими «люторами и колвинами» и потому считали возможным использовать в борьбе с ними украинскую и белорусскую антипротестантскую литературу. Выбор сочинений для перевода и распространения, отбор материала для компиляций, их содержание могут дать представление и о характере воззрений, с ко-

²⁷ Подробнее см.: Голубцов А. Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891.

²⁸ С а в в а В. И., П л а т о н о в С. Ф., Д р у ж и н и н В. Г. Вновь открытые полемические сочинения против еретиков.—ЛЗАК, вып. 18. Спб., 1907, с. 119.

торыми церковь вела борьбу. Главные их моменты следующие: отрицание иконопочитания и почитания креста, отрицание необходимости церковных храмов, отрицание покаяния, причащения, постов, поклонения святым и их мощам и т. д.

Распространение этих взглядов не привело к возникновению в XVII в. сколько-нибудь организованного движения на этой основе. Мы не знаем о существовании в этом столетии каких-либо обществ религиозно-рационалистического толка. По всей видимости, их и не было. Характерной чертой религиозного вольномыслия этого времени было отсутствие позитивной религиозной программы, которая и могла бы послужить основой формирования таких обществ. Поэтому критика церковных догм и культа не приводила к видимому разрыву с церковью, а проявлялась в росте религиозного индифферентизма. Одним из проявлений такого вольномыслия была демократическая сатира, в которой не только обличались лицемерие и стяжательство духовенства и остро высмеивались монастырские порядки и нравы, но и пародировалась церковная служба и даже выражалось сомнение в святости библейских персонажей.

Указанием на социальные слои, в которых были распространены эти взгляды, можно считать замечание А. Олеария, что такие мысли имеют «некоторые знатные люди и лица, живущие в городах». Федор Шиловцев, например, принадлежал к верхам московского посада²⁹.

В крестьянстве оппозиция официальной церкви носила совершенно другой характер, принимая иногда форму мистико-эсхатологических еретических и сектантских движений. Одним из них было движение, связанное с именем монаха Капитона. К 30-м гг. относятся первые достоверные сведения о преследовании Капитона и его последователей, причиной которого было «Капитоновое учение и уставство», противоречащее учению церкви. В 60-х гг. это движение охватывало обширный район, по крайней мере от Мурома и Нижнего Новгорода до Вологды. В основе «капитоновщины» лежало мистическое учение о пришествии в мир антихриста и о скором конце света, являвшееся на деле отрицанием существующего общественного строя как «царства антихриста». Это выражалось прежде всего в отрицании церкви, освящавшей этот строй: капитоновцы отрицали все таинства, всякое священнодействие, что делало ненужным и духовенство. «Капитоновщине» свойственны стремление уйти в леса, отгородиться от мира, вернуться к примитивным формам хозяйства, а также проповедь крайнего аскетизма. В ней явно преобладали настроения отчаяния, безысходности, следствием чего была проповедь самоубийств путем самоуморения и самосожжения как единственного способа приобщения к богу и избавления от всех зол «антихристового мира». В дальнейшем «капитоновщина» стала одной из составных частей народного движения за «старую веру», оказав большое влияние на все старообрядчество, особенно на его беспоповщинские толки³⁰.

Известна в XVII в. и мистико-дуалистическая секта «хлыстов» («людей божиих»). Для них характерен решительный разрыв с офи-

²⁹ Об этом говорит круг его знакомств: он был знаком с именитым московским гостем Василием Шориным, с дьяком Посольского приказа Алмазом Ивановым, с дьяком Казенного приказа Захарием Анофриевым, с которым они, доверяя друг другу, «многжда» обменивались мнениями относительно иконопочитания; его «большим другом» был кашашевец Абрам Рагозин (ЦГАДА, ф. 163, ед. хр. 2, л. 1, 4, 5, 8, 9).

³⁰ Подробнее о «капитоновщине» см.: Шулъгин В. С. «Капитоновщина» и ее место в расколе.—«История СССР», 1969, № 4.

циальной церковью, полное отрицание духовенства, храмов, таинств и церковных учреждений. По учению «хлыстов» каждый сектант может стать пророком, говорящим и действующим силой «святого духа». Главное в их учении — мысль о наступлении «царства божия» на земле, причем не как ожидаемого в будущем, а как уже начавшего открываться. «Второе пришествие» не ожидается ими, у них оно уже свершилось. Их общины («корабли») — ячейки «царства божия» на земле. Имея у себя живых Христа (крестьянин Иван Тимофеевич Суслов), богородицу и апостолов, они тем самым провозглашали возврат к раннему христианству. Другая характерная черта их верований — дуализм, противопоставление духа и плоти, духовной «божественной» сущности человека и грешной материальной оболочки, отрицание внешнего материального мира как мира антихриста. Только тот может стать вместилищем «духа святого» и получить пророческий дар, кто добьется умерщвления плоти, умерщвления воли, себялюбия, гордости, отвлечения мыслей от всего внешнего и углубления в самого себя³¹. Несомненно отмеченное многими исследователями сходство хлыстовщины с другими мистико-дуалистическими сектами средневековья, которые Ф. Энгельс считал «примыкающими» к крестьянско-плебейской ереси³².

Падение авторитета церкви, рост антицерковных настроений не могли не вызвать реакции со стороны воинствующих церковников. Называя себя «ревнителями благочестия», они требовали решительной борьбы с равнодушным отношением населения к церковной службе, наведения порядка внутри церкви, ставили вопрос о проведении мероприятий, направленных на усиление идейного воздействия церкви на народные массы. Они избрали путь подачи челобитных на имя царя и патриарха. Программа «ревнителей благочестия», выдвинутая в этих челобитных и в некоторых сочинениях, сводилась к трем основным моментам. Во-первых, они требовали упорядочения церковной службы, унификации и строгой регламентации культа, стремились к тому, чтобы сделать церковную службу основным средством внедрения в массы религиозной идеологии, средством подчинения масс этой идеологии. Практически это выражалось в их борьбе против произвольного сокращения церковной службы, против многогласия и раздельноречного пения, беспорядков внутри церкви во время службы, мешавших восприятию ее содержания. Этим же стремлением продиктовано и введение ими в практику устной проповеди. Во-вторых, они обличали такие пороки, процветавшие в среде белого и черного духовенства, как пьянство, разврат, стяжательство, безграмотность и т. д. В-третьих, «они стремились к оцерковлению, к подчинению церковной идеологии всех сторон жизни. Это выразилось в их борьбе против остатков язычества, всего «мирского», светского в культуре, против новых веяний в быту, в искусстве.

Большие возможности открылись перед ними во второй половине 40-х гг., когда духовником молодого царя Алексея Михайловича стал протопоп Благовещенского собора Стефан Вонифатьев. Вокруг него и сложился кружок единомышленников, известный как московский кружок «ревнителей благочестия». Одним из самых близких сподвиж-

³¹ Подробнее о «хлыстах» см.: Мельников П. И. Тайные секты. — «Русский вестник», 1868, № 5; Добротворский И. Люди божии. Русская секта т. н. духовных христиан. Казань, 1869; Реутский Н. В. Люди божии и скопцы. М., 1872; Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1930; Клибанов А. И. К характеристике новых явлений в русской общественной мысли второй пол. XVII — нач. XVIII вв. — «История СССР», 1963, № 6.

³² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 362.

ников Стефана стал Иван Неронов, поставленный по его протекций протопопом Московского Казанского собора. В этот кружок входил и будущий патриарх Никон, бывший с 1646 г. архимандритом Новоспасского монастыря, а в 1649 г. ставший митрополитом Новгородским. Со столичным кружком тесно были связаны и провинциальные «ревнители благочестия», многие из которых благодаря поддержке Стефана Вонифатьева стали уездными протопопами.

Используя свое влияние на молодого царя, постепенно оттесняя патриарха Иосифа и фактически сосредоточивая церковные дела в своих руках, Стефан и его кружок начали проводить свою программу в жизнь. Им удалось добиться издания от имени царя и патриарха ряда строгих указов и распоряжений, которыми подвергалось гонению и искоренению скоморошество, запрещались под страхом наказания батогами языческие обряды и праздники, а также и светские забавы и развлечения («богомерзкие игры»), повелевалось духовенству соблюдать «церковное благочиние», а всем мирским людям — соблюдать посты, исповедываться и причащаться, запрещалось работать в воскресные и праздничные дни и т. д.³³ Это была попытка силой, с помощью государственной власти заставить народ почитать церковь и ее обряды. Действенность этих указов была невелика, о чем говорит хотя бы то, что они неоднократно повторялись и в последующее время³⁴.

Главное внимание «ревнители благочестия» уделили упорядочению церковной службы. В феврале 1651 г. им удалось провести на церковном соборе постановление о запрещении многогласия и введении единогласного пения. Но оказалось, что ввести единогласие на практике не так-то просто. На третий день после собора в тиунской избе, куда собрались священники, чтобы выслушать это постановление и поставить свою подпись, многие из них отказались прикладывать руки. Дело, возникшее по этому поводу, позволяет вскрыть причины недовольства приходского духовенства введением единогласия. Так, один из священников говорил: «Мне де к выбору, который выбор о единогласии, руки не прикладывать, наперед бы де велели руки прикладывать о единогласии бояром и. околничим, любо ли де им будет единогласие», а другой требовал, «чтоб наперед приложили руки прихожане, а после де того и они руки приложат»³⁵. Таким образом, священники выступали против единогласия не из-за своей лениности, а из-за боязни недовольства прихожан, особенно знатных прихожан, этим нововведением. Священники оказывались как бы между двух огней: если они не выполняют этого распоряжения, то будут наказаны церковными властями; если же они выполняют его, то будут биты недовольными удлинением церковной службы прихожанами³⁶. Не в «лености и нерадении» духовенства, как считали «ревнители благочестия», состояла основная причина «оскудения веры», а в настроениях масс, с которыми оно вынуждено было считаться. В этом они сами вскоре смогли убедиться.

Насильственное внедрение благочестия не только не пользовалось поддержкой народных масс, но и вызвало их недовольство и сопро-

³³ ААЭ, т. IV, № 19, 321, 323, 324; АИ, т. IV, № 35; см. также: Белкина А. А. Русские скоморохи. М., 1975, с. 79—91.

³⁴ См.: например: АИ, т. IV, № 151 (1661 г.); ГПБ, Погод., 1571, л. 52 (1679 г.); ПСЗ, т. II, с. 647 (1684 г.).

³⁵ ЦГАДА, ф. 27, ед. хр. 68, л. 4—7.

³⁶ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения. М., 1960, с. 61.

тивление, принимавшее иногда очень резкие формы и показавшее действительное отношение народа к церкви и церковному культу. В конце мая 1652 г. в Юрьевце и Костроме почти одновременно произошли бунты, направленные против юрьевецкого протопопа Аввакума и костромского протопопа Даниила. В результате оба протопопа вынуждены были бежать в Москву. Аввакум, назначенный протопопом в марте 1652 г., пробыл в Юрьевце всего два месяца и за это время своей деятельностью по внедрению «благочестия» успел возбудить против себя народ и духовенство. Несколько позже в результате столкновения со своей паствой в Москве оказались и другие «ревнители благочестия» — протопопы Даниил Темниковский и Логгин Муромский.

Насильственными мерами усилить влияние религии и поднять авторитет церкви вряд ли было возможно. Необходимо было действовать более тонко — методами идейного воздействия.

В борьбе против религиозного вольномыслия и растущего скептицизма явно ощущались слабость богословского слоя религии, отсутствие системы богословского образования и богословски образованных кадров. Поэтому естественным было обращение к богатому опыту украинской православной церкви, которая, не имея за собой физической силы государства и потому лишенная возможности действовать насильственными методами, должна была вести острую идейную борьбу с униатством и католицизмом и, совершенствуя методы этой борьбы, взять на вооружение оружие своего противника — схоластику. В противовес католическим школам на Украине при православных братствах возникли «братские школы», а в 1632 г. — Киевская духовная коллегия (академия), дававшая обширное филологическое и богословское образование. Из стен этих школ и академии вышли ученые богословы, создавшие богатую полемическую литературу. При «братствах» и в некоторых монастырях существовали типографии, в которых печатались богословские и полемические сочинения, сборники проповедей и поучений. Но на пути использования русской церковью этой литературы и богословских кадров стояла преграда, воздвигнутая ею самой. Долгое время, отстаивая тезис о превосходстве русского православия, русская церковь внушала подозрительное, а иногда и враждебное отношение к другим православным церквям — к украинской и греческой, как якобы зараженные «латинством». В 20-е гг. XVII в. книги «литовской печати», т. е. изданные на Украине и в Белоруссии, подвергались преследованию, было запрещено читать их и держать у себя, так как они содержали в себе «латинские ереси». Православных выходцев из Белоруссии даже перекрещивали. Таким же подозрительным было отношение и к грекам. Но, поставленная перед необходимостью использовать идейный потенциал украинской и греческой церкви, русская церковь должна была изменить к ним свое отношение. В 40-е гг. произведения украинских авторов начинают издаваться в Москве. Украинские и греческие ученые монахи все чаще привлекаются к переводческой и литературной работе, а также для организации школ и преподавания в них.

Признание авторитета украинских и греческих богословов в вопросах вероучения вело к пересмотру традиционного представления о превосходстве русского православия, что не могло пройти безболезненно для самой церкви. Консервативно настроенные круги духовенства увидели в этих мероприятиях, и особенно в допущении схолистического образования, опасность проникновения «латинства». Возникшие в связи с этим разногласия внутри самой церкви особенно обострились.

во время проведения церковно-обрядовой реформы Никона и существенно осложнили и без того сложное положение церкви.

На протяжении всего XVII в. церковь продолжала оставаться крупнейшим феодалом-землевладельцем. Несмотря на постановления соборов 1580 и 1584 гг., ограничивших рост церковного землевладения, приобретение новых земель архиерейскими кафедрами и монастырями продолжалось. Особенно значительно возросло землевладение патриаршей кафедры. Наиболее значительные царские пожалования земельных и промысловых угодий патриаршей кафедре приходится на время Филарета (1619—1633), отца царя Михаила Федоровича, и Никона (1652—1658), «собинного друга» царя Алексея Михайловича³⁷. Продолжался рост и монастырского землевладения. В 1628 г. правительство вынуждено было официально разрешить передачу выслуженных вотчин в монастыри «по душе», оставив, правда, за родственниками завещателя право выкупа³⁸.

К концу XVII в. церковь не только сохранила за собой свои земельные владения, но и значительно их расширила. По данным 60-х гг., основанным, вероятно, на переписных книгах 1646 г., за патриаршей кафедрой числилось 6432 двора, а за всеми монастырями — 87 907 дворов. Крупнейшие из монастырей имели по несколько тысяч дворов, например: Троице-Сергиев монастырь имел 16 383 двора, Кирилло-Белозерский — 3855, Спасский Ярославский — 3819 и т. д. По переписным книгам 1678 г. только в городах и уездах, находившихся в ведении Поместного приказа, за патриархом числилось уже 7128 дворов, за епархиальными архиереями — 11 661 двор, за монастырями и церквами — 97 672 двора, а всего в церковных владениях числился 116 461 двор. К концу столетия в патриарших владениях насчитывалось 9326 дворов³⁹. Кроме эксплуатации населения своих вотчин патриарх и епархиальные архиереи собирали церковную дань и многочисленные пошлыны со всего духовенства, черного и белого. Если до 20-х гг. XVII в. правительство выдавало многим монастырям и некоторым церквам жалованные грамоты, освобождавшие их от церковной дани, то в 20-е гг. эти грамоты, были аннулированы. Все архиереи получили от царя грамоты, которыми им предоставлялось право сбора дани и пошлын со всех монастырей и церквей без исключения⁴⁰.

Все духовенство, а также церковный причт и зависимые от духовенства люди по всем гражданским и уголовным делам, «кроме разбойных и татинных и кровавых дел», были подсудны высшим церковным властям — патриарху и епархиальным архиереям. Правда, наиболее значительные монастыри имели царские жалованные грамоты, освобождавшие их от архиерейского суда и подчинявшие суду самого царя, а фактически — Приказу Большого Дворца, что также было одной из феодальных привилегий. Но в 1625 г. в патриаршей области были унич-

³⁷ См.: Горчаков М. И. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода. Спб., 1871, с. 329—337.

³⁸ Соборное Уложение, гл. XVII, ст. 42.

³⁹ См.: Горчаков М. И. О земельных владениях., приложения, с. 88, 82—93, 158; ЗОРСА, т. II. Спб., 1861, с. 401—422; Нов-осельский А. А. Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей, по переписным книгам 1678 г.—ИА, т. IV. М.—Л., 1949, с. 91—122.

⁴⁰ ААЭ, т. III, № 123; РИБ, т. III, №№ 131, 137.

тожены и эти привилегии монастырей⁴¹. Эти меры, стеснявшие права монастырей в пользу высшей церковной власти, были направлены к ее усилению.

Юрисдикция церкви простиралась и на все население государства, которое по весьма широкому кругу дел изымалось из ведения государственных судебных органов и подчинялось церковному суду. В эти так называемые «духовные дела» включались не только дела о преступлениях против религии и церкви, но и целые сферы гражданского и отчасти уголовного права. Это прежде всего дела о браке и семье, о наследовании⁴².

Одной из важнейших привилегий «князей церкви» было право иметь своих служилых людей — дворян и детей боярских. Через них и осуществлялось все управление епархией, архиерейскими вотчинами и церковный суд. За это они получали денежное жалование и поместья. Поместная система, существовавшая в архиерейских владениях, имела такие же формы, что и на государственных землях. Существовала и система «кормлений», на основе которой строилось все церковное управление. Были у архиереев и свои бояре.

В своих обширных владениях архиерей был светским государем. Его двор и система управления епархией были копией государева двора и государственной системы управления. Патриарх имел свои приказы, устройство, организация и состав служащих лиц которых были тождественны царским приказам. Наиболее важным приказом, бывшим центром всего административного и судебного патриаршего управления, являлся Разряд. Он ведал патриаршими служилыми людьми, назначал их на службу, определял им денежное и поместное содержание, следил за отбыванием военной повинности с патриарших земель. В нем было сосредоточено все епархиальное и общецерковное управление, ему подчинялись местные органы церковного управления, он возглавлял всю систему церковного суда. Во главе его стоял патриарший боярин⁴³. Приказы, аналогичные патриаршим, были и у некоторых епархиальных архиереев⁴⁴.

В административном отношении епархии делились на округа (десятины), управление которыми осуществлялось через десятильников, назначавшихся из архиерейских детей боярских. Они сосредоточивали в своих руках непосредственную административную, судебную и финансовую власть над духовенством своего округа, а также вершили церковный суд над всем его населением. Кроме денежного и поместного жалования они собирали с подвластного духовенства «десятильничий корм».

Таким образом, большие земельные богатства, широкий иммунитет и огромные административные и судебные привилегии делали церковь как бы государством в государстве. И в XVII в. она продолжала оставаться важнейшим пережитком феодальной раздробленности, что не могло не противоречить общему процессу государственной централизации. Этим и определялась политика государства по отношению к церкви, направленная на ограничение феодальных привилегий духовных феодалов, на подчинение ее государству.

⁴¹ ААЭ, т. III, № 164; см., также: Павлова А. С. Курс церковного права. Серг. Пос., 1902, с. 403—406, 410—413.

⁴² Статьи о святительских судах, собранные по повелению патриарха Андриана.— ЧОИДР, 1847, кн.: IV; Павлова А. С. Указ. соч., с. 399—403, 410—413.

⁴³ Каптеров Н. Ф. Светские архиерейские чиновники в древней Руси. М., 1874, с. 191—232.

⁴⁴ ААЭ, т. IV, №№ 275, 303, 315; АЮБ, т. I, №№ 74, 75.

В 1619 г. был создан Сыскной приказ, который производил пересмотр всех жалованных грамот и подтверждение их от имени царя Михаила Федоровича. При этом был значительно ограничен податной иммунитет. По новым грамотам население монастырских вотчин не освобождалось от платежа таких важнейших прямых налогов, как ямские и стрелецкие деньги, или «стрелецкий хлеб», не освобождалось оно и от городского и острожного дела⁴⁵. То же было и с архиерейскими вотчинами⁴⁶. Кроме этих налогов позднее стали собирать «полоняничные деньги», даточных людей или деньги за них, время от времени производились сборы «добровольных» пожертвований на военные нужды.

Одним из способов подчинения церкви государству было установление контроля над архиерейской, и прежде всего над патриаршей, администрацией, внедрение своих людей в эту администрацию. Еще Собор 1551 г. запретил архиереям назначать и смещать важнейших лиц в их администрации (бояр, дворецких, дьяков) без согласия царя, К тому же в бояре могли назначаться только представители определенных родов, а если таковых не было, то царь назначал бояр из своих служилых людей. В XVII в. практически все патриаршие бояре и дьяки назначались из государевых служилых людей. При этом, находясь на службе у патриарха, они продолжали оставаться и государевыми служилыми людьми, продолжали получать и государево жалование. В патриарший Разрядный приказ кроме патриаршего боярина назначался еще царский боярин, ни в чем не зависимый от патриарха. Представляя царскую власть при патриаршем управлении, являясь посредником между светскими и церковными властями в делах, касающихся церкви и государства, он осуществлял контроль над всей патриаршей администрацией и церковным судом⁴⁷.

Особенно решительный шаг в ликвидации феодальных привилегий церкви был сделан государством в 1649 г. и связан с принятием Соборного Уложения. Во-первых, по Соборному Уложению подвергались конфискации городские владения духовных феодалов — торгово-ремесленные слободы и дворы на посадах. Всего у церковных учреждений было конфисковано не менее 3620 дворов. Это было почти полной ликвидацией городских владений церкви⁴⁸. Во-вторых, церковным учреждениям было категорически запрещено приобретение новых земельных владений («ни у кого родовых и выслуженных и купленных вотчин не покупать и в заклад не имати, и за собою не держати, и по душам в вечный поминок не имати некоторыми делы»), нарушение этого запрещения вело к конфискации приобретенной вотчины⁴⁹.

Наконец, Соборное Уложение лишило церковь значительных судебных привилегий. Был создан Монастырский приказ, в ведение которого был передан суд по гражданским делам над всем духовенством и зависимыми от него людьми. Свои иски духовенство и зависимые от него люди должны были предъявлять в соответствующих приказах по подданности ответчика, в этих же приказах оно отвечало на встречные ис-

⁴⁵ См.: Веселовский С. Б. К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот в 1620—1630 гг. в Сыскных приказах.— ЧОИДР, 1907, кн. III, с. 10—13, 25—30.

⁴⁶ РИБ, т. II, №№ 131, 137.

⁴⁷ См.: Каптерев Н. Ф. Светские архиерейские чиновники., с. 55—57, 90—97; Богоявленский С. К. Приказные суды XVII в. М.—Л., 1946, с. 100—113.

⁴⁸ Соборное Уложение, гл. XIX, ст. 1, 5, 7—9; Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. II. М.—Л., 1948, с. 593—607.

⁴⁹ Соборное Уложение, гл. XVII, ст. 42.

ки. А по мелким искам (до 20 руб.) эти люди были подсудны даже воеводскому суду⁵⁰. Монастырский приказ был государственным органом, не зависимым от церковных властей. Если вначале в нем наряду с государевыми окольными и дьяками заседали представители духовенства, то к 1655 г. их там уже не было, суд над духовенством перешел целиком в руки светских лиц, в руки государства⁵¹. Созданный как судебный орган, Монастырский приказ вскоре сосредоточил в своих руках и административные функции. Иногда в нем решались даже вопросы внутрицерковной и монастырской жизни: например, Монастырский приказ осуществлял наблюдение за благочинием в монастырях⁵².

Наступление государства на привилегии крупных духовных феодалов не могло не вызвать их недовольства. И резче всех протест против вмешательства государства в церковные дела выразил патриарх Никон, который после разрыва с царем, не стесняясь в выражениях, назвал Уложение «беззаконной книгой», «проклятым законоположением». Он призывал духовенство не признавать мирской суд, открыто «поплевать и проклясть веления их и законы». Само оставление им патриаршей кафедры он объяснял тем, что «государь восхитил церковь и достояние ее все в свою область беззаконно» и что от этого «всесвятей велицей церкви обид много стало...» Обвиняя царя во вмешательстве в церковные дела и в ограблении церкви, он писал константинопольскому патриарху: «Ныне бывает вся царским хотением: ...егда повелит царь быти собору, тогда бывает; и кого велит избрати и поставити архиереем,— избирают и поставляют; и кого велит судити и обсуждати, и они судят и обсуждают и отлучают. И вся елико суть во епархии патриаршаго имениа, царское величество на своих протори емлет, и где велит, дают бесчинно. Сице и от митрополичих епархий, и от архиепископлих и от епископлих, честных великих монастырей имениа по повелению его емлют, и людей на службу и хлеб и деньги повелением своим велит взять и возмут немилостиво и дани тяжки». Никон отрицает за царем право «церковная правити», считает незаконным светский суд над духовенством: «Егда глава есть церкви царь? Ни, но глава есть Христос... Царь не есть, ни быти может глава церкви... Да где есть закон и воля божия, еже царем или вельможем его судити архиереев и прочий священный чин и достояние их? Да где есть закон таков и заповедь, еже бы царем владети архиереи и прочим священным причтом?»⁵³.

Но Никон не только защищал независимость церкви от государства и выступал против вмешательства светской власти в ее дела. Его претензии шли дальше. Он выдвинул католический по существу тезис — «священство царства преболе есть». Ссылаясь на библейские примеры, он доказывал, что «священство всюду пречестнейше есть царства», что «власть священства толико гражданския лучшей есть, елико земли небо, паче же много вяшше», что «не от царей начальство священства приемлетя, но от священства на царство помазуются». Он так характеризует взаимоотношение духовной и светской власти: «Господь бог всеильный, егда небо и землю сотворил, тогда два светила — солнце и месяц на нем ходяще, на земли светити повеле: солнце нам показа власть архиерейскую, месяц же показа власть царскую, ибо солнце вящи светит

⁵⁰ Там же, гл. XIII, ст. 1—3.

⁵¹ См.: Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. Спб., 1859, с. 90; Богоявленский С. К. Указ. соч., с. 85—87.

⁵² См.: Горчаков М. И. Монастырский приказ (1649—1725). Опыт историко-юридического исследования. Спб., 1868.

⁵³ Каптерев Н.-Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. II. Спб. Пос., 1912, с. 187—198; ЗОРСА, т. II, с. 426—427, 440—456.

во дни, яко архиерей душам, меньшее же светило в нощи, еже есть телу»⁵⁴.

Эти теоретические рассуждения Никона относятся к 1662—1663 гг. Но еще раньше, до разрыва с царем и оставления им патриаршей кафедры (1658 г.), он стремился осуществить эти идеи на практике. Пользуясь большим влиянием на царя, присвоившего ему титул «великого государя», он смело вторгался в государственные дела, активно участвовал в решении вопросов внутренней и внешней политики. Во время частых отлучек царя (война с Польшей и Швецией) Боярская дума и весь государственный аппарат находились в фактическом подчинении у патриарха. В приговорах по различным делам в это время даже появляется формула: «...святейший патриарх указал, а бояре приговорили»⁵⁵.

Стремясь к возвышению церкви, к усилению ее политического и экономического могущества, Никон проводил политику ее централизации, установления в ней единовластия патриарха, подчинения себе всей иерархии. И на этом пути он добился значительных успехов. «Он до сих пор великий тиран по отношению к архиереям, архимандритам и всему священническому чину», — отметил Павел Алеппский⁵⁶. Он назначал и смещал архиереев и настоятелей монастырей, расширял границы патриаршей области за счет других епархий, притеснял монастыри, отбирая у них вотчины⁵⁷.

Все это не могло не вызвать оппозицию Никону со стороны духовных феодалов, «князей церкви», стремившихся к его свержению и децентрализации церкви. Эти противоречия существенно ослабляли позиции церкви в ее соперничестве со светской властью. Ими и воспользовался царь, которому с помощью двух специально призванных в Москву восточных патриархов — Макария Антиохийского и Паисия Александрийского — удалось добиться на Соборе в декабре 1666 г. осуждения Никона, изложения его и ссылки в Ферапонтов монастырь⁵⁸.

Но осуждение Никона не означало полной победы государства над церковью. Оказалось, что в своих взглядах на взаимоотношения духовной власти со светской Никон не был одинок. Таких же взглядов придерживалось большинство высшего русского духовенства, склонявшееся к признанию положения, что «священство выше царства». Государственной власти не удалось избежать обсуждения этого вопроса на соборе. Он был возбужден в январе 1667 г. двумя самыми влиятельными в то время русскими иерархами — местоблюстителем патриаршего престола Крутицким митрополитом Павлом и архиепископом рязанским Илларионом. Они заявляли, что «степень священства выше степени царского». Их оппонентами были восточные патриархи, а также давно уже живший в Москве газский митрополит Паисий Лигарид, который в основном и вел споры с русскими архиереями. Долгие споры не привели к победе ни одной из сторон, и патриархи предложили компромиссную формулировку: «Царь имеет преимущество в делах гражданских, а патриарх

⁵⁴ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон., т. II, с. 182—183; Макарий. История русской церкви, т. XII, с. 418.

⁵⁵ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955, с. 354.

⁵⁶ Алеппский Павел. Указ. соч., с. 47.

⁵⁷ Обличение на Никона патриарха, писанное для царя Алексея Михайловича. — В кн.: Летопись русской литературы и древности, изд. Н. С. Тихонравовым, т. 7, М., 1863, с. 166, 173.

⁵⁸ Подробнее о суде над Никоном см.: Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон., т. II, с. 323—352; Гиббенет Н. А. Историческое исследование дела патриарха Никона, ч. II. СПб., 1884, с. 1042—1092; Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897, с. 438—453.

в церковных, дабы таким образом сохранилась целою и непоколебимого вовек стройность церковного учреждения»⁵⁹.

Высшее русское духовенство и в последующее время продолжало придерживаться никонианских взглядов на взаимоотношение светской и духовной властей и часто открыто заявляло об этом. Так, будущий патриарх, новгородский митрополит Иоаким в 1672 г. говорил в своем поучении пастве, что «духовный начальник много вящий светскаго», что «елико разнствует тело души, или елико отстоит небо от земли, толико и паче много вяще разство и разстояние внешняя власти и церковныя»⁶⁰.

На Соборе 1667 г. церкви удалось отстоять принцип независимости духовной власти от светской и вернуть утерянные привилегии. Это нашло отражение в практических решениях собора, главным из которых было уничтожение Монастырского приказа как учреждения, несовместимого с принципом неподсудности духовенства светским судьям. Но позиция церкви в борьбе за этот принцип была уязвима в том отношении, что в самой церкви суд над духовенством и управление им осуществлялось светскими людьми. Поэтому пришлось перестраивать всю административную и судебную систему, приводя ее в соответствие с этим принципом. В связи с этим из патриаршего Разрядного приказа был выделен Духовный приказ, в котором был сосредоточен суд над духовенством по всем делам и который возглавлялся духовными лицами, назначаемыми патриархом⁶¹. Весьма неохотно архиереи расставались с привычным и удобным для них порядком управления епархией через десятильников. Решение собора о замене десятильников поповскими старостами было проведено в жизнь лишь в Новгородской епархии в 1673 г.⁶². Потребовалось более решительное постановление Собора 1675 г., но и оно не сразу было исполнено, особенно в отдаленных епархиях (например, в Сибирской епархии десятильники были еще в 1697 г.⁶³).

Церковники вовсе не были против всякого вмешательства государства в церковные дела. Они выступали только против такого вмешательства, которое ущемляло их привилегии, хорошо понимая, что в борьбе с противниками церкви им без «царской помощи» не обойтись. Поэтому они не только не возражали против привлечения государственного аппарата власти для борьбы с антицерковными движениями, с вольномыслием, но и считали такое «вмешательство» первейшей обязанностью государства. И собор 1667 г., осудив противников церковной реформы и отлучив их от церкви, предал их «градскому», т. е. светскому суду.

Непосредственным проводником официальной церковной идеологии в народные массы было приходское духовенство. От его состояния и положения зависел успех воздействия этой идеологии, упрочение авторитета официальной церкви, раздираемой в этот период острыми внутренними противоречиями, главными из которых были противоречия между низшим и высшим духовенством. Положение внутри церкви не могло не способствовать падению ее авторитета.

⁵⁹ Эти прения не вошли в состав официальных соборных деяний. Рассказ о них сохранился в сочинении Паисия Лигарида «О соборном суде над патриархом Никоном». См.: Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон., т. II, с. 227—249.

⁶⁰ Там же, с. 251.

⁶¹ Каптерев Н. Ф. Светские архиерейские чиновники..., с. 211—215.

⁶² АИ, т. IV, № 240.

⁶³ ААЭ, т. IV, № 261; ПСЗ, № 1601.

Сельские и городские священники, дьяконы и весь причт находились в таком же податном отношении к патриаршей или архиерейской кафедре, как посадские люди и черносошные крестьяне — к государству. Они были архиерейскими или патриаршими «тяглыми людьми». «Тяглые попы» — так называют их документы. Они обязаны были платить в архиерейскую казну ежегодную дань и многочисленные пошлыны. Дорого обходилось само поставление в священники или в дьяконы. Хотя за поставление в попы официально брали рубль и гривну, сложная система поставления открывала возможности волоките и вымогательствам, благодаря чему эта сумма возрастала в несколько раз. «А становится поповодру рублев по пяти и по шти, опроче своего харчу; и дают посулы архидьяку и дьяком», — жаловался царю Алексею Михайловичу неизвестный священник⁶⁴.

Для поставления в священники или в дьяконы нужно было согласие вотчинника или прихожан. Ставленник выставлял свидетеля, который должен был подтвердить, что ставится он на освободившееся место с согласия прихожан и что до этого он не состоял в посадском тягле, не был в крестьянстве и холопстве. Эти ограничения, несмотря на то, что иногда нарушались, способствовали развитию наследственного принципа при замещении священнических мест, замыканию духовенства в определенную корпорацию со своими корпоративными интересами. На Севере было несколько иначе. Там служба священником была одной из выборных общинных служб, и крестьянин, ставший священником, не выходил из тягла, продолжая оставаться крестьянином — членом тяглой общины. Поэтому на Севере «даже к XVIII в. духовенство не образовало из себя определенного сословия с общностью интересов, солидарностью и с сословным правосознанием»⁶⁵. Священники ставились к определенной церкви на освободившееся место. Но на это место обычно было несколько претендентов, и часто к одной церкви ставилось по несколько попов. Иногда обманным путем ставленники добивались поставления к церкви, где уже был священник, «и о том у них вражда многая бывает». Эта «вражда многая», соперничество из-за мест, конечно, не могли служить укреплению авторитета церкви. Редко у какой церкви не было двух священников, а иногда их было даже «по осми, и по шти, и по четыре»⁶⁶.

Священники часто вынуждены были покидать свои места и, если не находили нового, становились «перехожими попами», служившими по найму у частных лиц. За это с них бралась в архиерейскую казну «крестцовая» пошлына. Служили они и в многочисленных частных часовнях состоятельных людей. Этот обычай отмечен А. Олеарием: «В настоящее время почти каждый пятый дом является часовней, т. к. каждый вельможа строит себе собственную часовню и держит на свой счет особого попа; только сам вельможа и его домашние молятся богу в этой часовне... Некоторые часовни внутри не шире 15 футов»⁶⁷.

При переходе к другой церкви священник должен был получить переходную грамоту и заплатить «перехожую гривну». Особая пошлына собиралась с вдового духовенства за дозволение служить. Из других податей следует отметить «подъезд» (или «заезд»), собиравшийся для покрытия издержек при объезде архиереем епархии, и «московский подъем» — для покрытия издержек при поездке архиерея в Москву. «Подъ-

⁶⁴ ЦГАДА, ф. 27, ед. хр. 558, л. 22.

⁶⁵ Юшков С. В. Очерки из истории приходской жизни на севере России в XV—XVII вв. Спб., 1913, с. 45—46.

⁶⁶ ААЭ, т. IV, № 326; см. также: О л е а р и й А. Указ. соч., с. 329.

⁶⁷ О л е а р и й А. Указ. соч., с. 155—156.

езд» со временем стал постоянной пошлиной и собирался даже тогда, когда архиерей не объезжал епархию. На содержание архиерейской администрации взимались «десятильничий корм» («против церковных дани то же число»), наместничьи и тиунские деньги, разнообразные дьячьи пошлины. Сбор вечных, похоронных и почеревных денег отдавался на откуп «заказчикам» из местного духовенства.

Основным видом сборов с духовенства была ежегодная дань. Размер ее устанавливался для каждого прихода архиереем и зависел от величины прихода и его доходности. С отдельной церкви взималось от нескольких алтын до 6 — 8 руб. В 1653 г. патриарх Никон приказал провести в патриаршей области перепись всех приходов и назначить новую дань. Позже новый оклад был введен и в других епархиях⁶⁸. В результате этой реформы дань ощутимо возросла. Так, если с Устюжского уезда в 20-х гг. собиралось по 71 руб. 20 алтын 5 денги, то к 80-м гг. общая сумма дани выросла до 183 руб. 2 алтын 2 денег; почти такую же сумму составляли другие пошлины и сборы⁶⁹.

Духовенство и прихожан тяготила не только и не столько сама дань, сколько произвол десятильников, собиравших ее. Это послужило позже одной из причин замены десятильников поповскими старостами, назначившимися из среды самого духовенства. Вводя этот порядок на территории своей епархии, новгородский митрополит Иоаким объяснял этот шаг тем, что «они, десятильники, ездачи для сбора церковных дани, попом с причетниками чинили убытки большие — сверх указных... имали свои десятильничьи доходы лишние...»⁷⁰. Замена светских лиц духовными не могла коренным образом изменить положение, не освобождала духовенство и прихожан от произвола и злоупотреблений новых сборщиков дани.

Вполне понятно, что все это касалось не только духовенства, но и прихожан. Поэтому ничуть не удивительна та солидарность, с какой выступают против дани те и другие. Особенно это было характерно для Севера, где дань часто «переводилась в мир», т. е. ответственной за уплату дани становилась община. Эта солидарность ясно выступает и в многочисленных челобитных и в тех случаях, когда дело доходило до открытого неповиновения. «А буде учнут отыматься сильно» — обычное выражение архиерейских наказов сборщикам дани.

Священники, жившие в вотчинах, страдали также от притеснений со стороны вотчинников, смотревших на них как на своих крепостных людей⁷¹. Такое приниженное положение приходского духовенства лишило его в глазах прихожан всякого уважения. Далеко не почтительное отношение мирян к своим «пастырям духовным» обращало на себя внимание иностранцев. Отметив, что головной убор священника (скуфья) является «священным, заповедным предметом», А. Олеарий пишет: «... тем не менее, попов все-таки бьют, т. к. обыкновенно это люди более пропившиеся и негодные, чем все остальные. Чтобы при этом пощадить святую шапочку, ее сначала снимают, потом хорошенько колотят попа и снова аккуратно надевают ему шапку»⁷².

Для многих сельских священников основным источником доходов была земля, которую они обрабатывали сами, а основным занятием —

⁶⁸ АИ, т. IV, №№ 195, 240.

⁶⁹ См.: Устюгов Н. В. и Чаев Н. С. Русская церковь в XVII в.— В кн.: Русское государство в XVII в. М., 1961, с. 297.

⁷⁰ АИ, т. IV, № 240.

⁷¹ ЦГАДА, ф. 27, ед. хр. 558, л. 12—13.

⁷² О л е а р и й А. Указ. соч., с. 329—330.

сельскохозяйственный труд. Поэтому понятны частые жалобы священников на «убытки большие в хлебной недопашке и в сенных недоко-сех», вызывавшиеся частыми поездками к архиерею или к поповскому старосте. Понятна также и та холодность, с которой относились священники к выполнению своих священнических обязанностей, будучи заняты трудом в своем хозяйстве. Несмотря на то, что приходское духовенство по своему положению и условиям жизни было близко к трудящимся классам, оно не сливалось с ними, так как кормилось от доходов со своей паствы, имело свои корпоративные интересы, далеко не всегда совпадавшие с интересами народных масс.

Рост антицерковных настроений, падение влияния церкви на народные массы проявились в XVII в. достаточно ясно. А между тем обстановка небывалого обострения классовой борьбы требовала от церкви максимального усиления идеологического воздействия на массы. Одним из средств усиления контроля церкви над религиозной жизнью, усиления действенности церковной службы в деле внедрения в массы религиозного учения должна была стать унификация и строгая регламентация церковно-обрядовой практики. Необходимость внесения единообразия в церковную жизнь диктовалась также процессом усиления централизации государственной власти. Необходимость реформы вытекала из внешнеполитических планов правительства. Намечавшееся воссоединение Украины с Россией выдвигало вопрос об объединении украинской и русской церковей, между которыми существовали различия в церковно-обрядовом отношении. Правительству нужна была не просто унификация норм церковной жизни, но приведение их в соответствие с нормами греческой и других православных церковей. Только в этом случае можно было рассчитывать и на усиление церковно-политического влияния России на православные народы Балканского полуострова, находившиеся под властью Турции ⁷³.

Реформа проводилась по инициативе правительства и в соответствии с его внутри- и внешнеполитическими целями. Поэтому исправление обрядов и богослужебных книг проводилось по греческим образцам, Эта реформа затрагивала лишь внешнюю, обрядовую сторону религии. Но в условиях господства взгляда на религию как на совокупность обрядов в этом увидели измену «истинной вере», отход от «древлецерковного благочестия», уклонение в «латинство». Ведь церковники сами на протяжении почти полутора столетий внедряли в сознание масс мысль, что только русская церковь является хранительницей «истинного» православия и что греческая церковь «испроказилась» и уклонилась в «латинство».

Первыми на защиту «старой веры» выступили члены кружка «ревнителей благочестия», недовольные, между прочим, и тем, что властный Никон отстранил их от участия в управлении церковью (по выражению Аввакума, «друзей перестал и в крестовую пускать»). Вокруг этого лозунга объединились все недовольные Никоном и его действиями. В первую очередь это была оппозиция низшего духовенства, выдвигавшего свои корпоративные требования, выступавшего за улучшение своего положения. К этому движению примкнула и часть высшего духовенства (некоторые иерархи и монастыри), недовольного централизатор-

⁷³ Подробнее об этом см.: Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI—XVII вв. Серг. Пос., 1914.

скими устремлениями Никона и отстаивавшего свои феодальные привилегии. Осуждение Никона и уступки церкви, сделанные царем, привели к примирению этой части сторонников «старой веры» с официальной церковью и государством. Забота о сохранении целостности церкви и о прочности ее позиций, а также боязнь широкого народного движения привели вообще очень многих противников никоновских реформ к разрыву со «старой верой». Лишь некоторые «ревнители благочестия» продолжали борьбу, возглавив оппозицию низшего духовенства, которому уступки, сделанные царем духовным феодалам, ничего не давали.

Так называемые «первые расколоучители», вышедшие из среды «ревнителей благочестия», заботились прежде всего об укреплении церкви, о поднятии ее авторитета. Они справедливо полагали, что стяжательство духовенства, его интерес к мирским делам и невнимание к делам духовным способствуют падению авторитета церкви в глазах народных масс. Поэтому они и обличали «никониан» за их стремление к материальным богатствам, к мирской славе, за то, что они забыли свое истинное предназначение — быть духовными пастырями «стада Христова». Больше всего, естественно, доставалось высшему духовенству. В этой критике, конечно, не было ничего антицерковного. «Первые расколоучители» вели борьбу внутри церкви и за церковь. Эта борьба была продиктована стремлением вернуть церковь на «путь истинный», восстановить ее авторитет. Именно поэтому они так боялись отлучения от церкви. Этот страх приводил очень многих из них к отречению от «старой веры», к примирению с церковью. В ходе борьбы они были вынуждены делать более или менее решительные шаги, но, как заметил М. Н. Покровский, «они сделали их, упираясь изо всех сил, чтобы не переступить порога церкви, и оказались за этим порогом, только когда их вытолкнули»⁷⁴. Это произошло на церковных соборах 1666-1667 гг.

Разногласия между сторонниками и противниками церковных нововведений не остались только внутрицерковными разногласиями, а вскоре вышли за пределы церкви. Выступления защитников «старой веры» получили поддержку в различных слоях русского общества, что привело к возникновению движения, названного расколом. Борьба за идеализированную национальную старину, вражда ко всяким новшествам во всех областях жизни привлекали под лозунг «старой веры» всех тех, кто был недоволен изменением условий жизни и видел идеал ее устройства в прошлом. К расколу примкнула часть реакционно настроенной боярской знати, недовольной усилением самодержавия и терявшей в связи с этим свои местнические привилегии. Она стремилась использовать раскол для осуществления своих реакционных замыслов (например, разговор князя И. А. Хованского в 1682 г.). Привлек к себе раскол и часть стрелецкого войска, отживавшего свой век и отеснявшегося на второй план военными формированиями нового типа. Выступая за «старую веру», стрельцы отстаивали корпоративные интересы, боролись за сохранение своего привилегированного положения по сравнению с посадскими людьми. Участвуют в расколе и представители купечества, недовольного засильем иностранных купцов на внутреннем рынке и в сфере внешней торговли, а также расширением предпринимательства крупных духовных феодалов, вторгшихся в торги и промыслы (роль купечества в этом движении становится особенно заметной с конца XVII — начала XVIII в.). Распространился раскол также среди посадских людей и особенно среди крестьян, составивших основную мас-

⁷⁴ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры, ч. 2. Пг., 1923, с. 45.

су участников этого движения. Именно широкое участие в расколе эксплуатируемых масс, прежде всего крестьянства, придало этому движению социальный характер. Резкое ухудшение положения народных масс, ставшее результатом окончательного оформления системы крепостного права, неразрывно связывалось в их представлении с изменениями в обрядах, с отступлением от «древлецерковного благочестия». Выступая в защиту «старой веры», народные массы выражали этим свой протест против феодального гнета, прикрываемого и освящаемого официальной церковью.

Социальная неоднородность этого движения была причиной того, что с самого начала раскол не был единым ни в идейном, ни в организационном отношении. Не было полного единства интресов и устремлений и в среде основных участников этого движения. Само крестьянство было неоднородным: между его разными группами и слоями имелись значительные различия. Это привело к тому, что уже в первые десятилетия существования раскола он начинает распадаться на многочисленные толки и согласия, враждующие друг с другом. Важную роль сыграли в этом также экономико-географические различия и местные культурные традиции.

Раскол был одной из форм социального протеста народных масс. Но его нельзя отнести к числу прогрессивных движений, ибо его идеология мешала развитию антикрепостнической борьбы народа, формированию светского, рационалистического, антифеодального мировоззрения. Основной смысл проповедей расколоучителей заключался в призыве к смирению, а не к борьбе, тем самым массы отвлекались от активной классово-борьбы. Провозглашая царящее в мире зло порождением антихриста, старообрядческая идеология тем самым говорила о невозможности победить его своими силами. Именно поэтому, как отметил Г. В. Плеханов, «склонность народной массы к расколу была обратно пропорциональна ее вере в возможность собственными силами победить царящее зло»⁷⁵.

Старообрядчество не только не порвало решительно с церковной идеологией, но даже в более концентрированной форме выразило ее консервативность и реакционность. Отстаивая национальную ограниченность, проповедуя фанатическую ненависть ко всему новому, иноземному, оно смотрело не вперед, а назад.

Не менее враждебную позицию по отношению к новым веяниям в культуре занимала и официальная церковь. Растущее стремление к светскому знанию подрывало многовековое господство религии и церкви в духовной жизни общества. Воинствующая защита православия от «латинства» выливалась в борьбу против всего иноземного, против проникавших в Россию элементов западноевропейской культуры и образованности. Консервативно-охранительные позиции церкви все резче вступали в противоречие с национальными интересами. Церковь становилась одним из важнейших препятствий на пути осуществления готовившихся преобразований, одним из условий успешного проведения которых была ликвидация самостоятельности церкви и полное ее подчинение государству, что и было осуществлено в начале XVIII в.

⁷⁵ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли, т. II. М., 1915, с. 57—58.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ** — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Спб.
АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Спб.
АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России.
БМЭ — Большая медицинская энциклопедия.
ВИ — Вопросы истории (журнал). М.
ВМЖ — Военный медицинский журнал.
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. М.
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л.
ГРМ — Государственный Русский музей. Л.
ГГТ — Государственная Третьяковская галерея. М.
ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Спб.
ДРВ — Древняя Российская Вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений.
ВМОИДР — Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. М.
ГИМ — Государственный исторический музей. М.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. Спб.
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества. (Сборник). Спб.
ИА — Исторический архив (Сборник). М.— Л.
ИЗ — Исторические записки (Сборник). М.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. Спб.
ИРЛ — История русской литературы
ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии. Спб.
МДИБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М.
любителей древней письменности). Спб.
ПРНРЯ — Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия.
ПРП — Памятники русского права.
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.
РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Спб.
СОРЯС — Сборник отделения русского языка и словесности. имп. Академии наук. Спб.
Сб.РИО — Сборник Русского исторического общества. Спб.
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР. М.— Л.
ЦГАДА — Центральный государственный архив Древних актов. М.
ЧИОНЛ — Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца.
ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей Российских при Московском университете (Сборник). М.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абра, *лит.*, ч. 2 — 138, 139
 Аввакум, протопоп, ч. 1 — 69, 336, 337;
 ч. 2 — 7, 17, 63, 83, ПО, 111, 112, 125,
 225, 282, 300, 301, 310
 Август, римский император, ч. 2 — 72
 Авдеев Кирилл, лекарь, ч. 2 — 65
 Авраамий, «св.», ч. 2 — 230
 Агеев Григорий, иконописец, ч. 2 — 232
 Адам, *библ.*, ч. 2 — 34, 132, 135, 140, 231
 Адриан, патриарх, ч. 1 — 222, 226; ч. 2 —
 273, 277
Адрианова-Перетц В. П. ч. 2 — 23, 109,
 118, 120, 286
 Азаров Артемий, лекарь, ч. 2 — 64
 Азарьин Симон, келарь Троице-Сергиева
 монастыря, ч. 2 — 161
 Азбук Таврульевич, *был.*, ч. 2 — 93
Айналов Д. В., ч. 2 — 218
 Акатов Тренка, сабельный мастер, ч. 1 —
 272
 Акема Ф., заводчик, ч. 1 — 108, 118, 120
 Акимов Алексей, пушечный мастер,
 ч. 1 — 267, 278
 Акимова Т. М., ч. 2 — 96
 Александр III, император, ч. 2 — 212
 Александр Македонский, ч. 1 — 248
 Александр Свирский, «св.», ч. 2 — 249
 Александр Ярославич Невский, вел. кн.,
 ч. 2 — 31
Александров В. А., ч. 1 — 66, 67, 128;
 ч. 2 — 25
 Александров Ф., стрелецкий голова,
 ч. 1 — 263
 Алексей Алексеевич, царевич, ч. 2 — 38
 Алексей Михайлович, царь, ч. 1 — 12, 48,
 52, 54, 61, 63, 65, 71, 74, 83, 108, 117,
 123, 131, 133, 138, 141, 151, 153, 155,
 158, 175, 204, 220, 227, 237, 258, 267,
 268, 284, 304, 306, 307, 309—313, 321,
 336; ч. 2 — 8, 24, 29, 48, 63, 65, 74,
 87, 88, 91, 128—131, 133, 134, 136,
 140, 162, 167, 195, 234, 235, 238, 244,
 247, 257, 271, 275, 284, 299, 302, 305,
 306, 308
Алексеев М. П., ч. 2 — 14, 143, 147
 Алексеев Степан, лекарь, ч. 2 — 65
 Алексей, митрополит, ч. 2 — 150, 209, 213
 Алеппский Павел, архидиакон антиохий-
 ского патриарха, ч. 1 — 48, 71, 226,
 229; ч. 2 — 18, 265, 291, 306
 Алеша Попович, *был.*, ч. 2 — 93, 94
 Алмазенов Иван (Иоанн Эльмстон),
 доктор медицины, ч. 2 — 70
Алпатов М. А., ч. 1 — 137, 144
Алпатов И. А., ч. 2 — 274
Алферов А., ч. 2 — 127
Алферова Г. В., ч. 1 — 181
 Альферьев Осип, пушечный мастер, ч. 1 —
 267
 Альбертус Иван, ч. 2 — 52
 Альдрованди У., ч. 2 — 63
 Аман, лит., ч. 2 — 130, 136—139
 Ананьин Тихон, аптекарь, ч. 1 — 260;
 ч. 2 — 69
 Анастасия, «св.», ч. 2 — 212
 Андрей, ложечный мастер, ч. 1 — 88
Андреев А. И., ч. 1 — 138
 Андреев Андрюшка, «конник», ч. 1 —
 290
 Андреев Архип, самопальный мастер,
 мастер, ч. 1 — 266
 Андреев Василий, мастер-гравер, ч. 2 —
 248
 Андреев Василий, пушечный мастер,
 ч. 1 — 266
 Андреев Васья, актер, ч. 2 — 134
 Андреев Тимоха, пушечный мастер,
 ч. 1 — 267
 Андронов Федька, купец, ч. 2 — 108
 Аникеев Федор, пушечный мастер, ч. 1 —
 279
 Анисимов Григорий, справщик, ч. 2 —
 161
 Анна Кашинская, «св.», — ч. 2 — 249
 Анна Константиновна, ч. 1 — 206
 Анница, лит., ч. 2 — 27
 Аннушка, *лит.*, ч. 2 — 115, 116

- Анофриев Захарий, дьяк, ч. 2 — 298
Анпидогов Г. Н., ч. 1 — 53, 54, 206, 207, 209, 210
 Антоний Сийский, «св.», ч. 2 — 215
 Антонов Иван, лекарь, ч. 2 — 65
Антонова В. И., ч. 2 — 208—213, 218, 222—224, 226
 Ануфриев М., пушечный мастер, ч. 1 — 266
 Анфилофьев Семен, живописец, ч. 2 — 221
 Анцын Матиас, каменных дел мастер, ч. 1 — 287
Аполлова Н. Г., ч. 1 — 27
 Аполлоний Тирский, *лит.*, ч. 2 — 117, 118
 Апраксина Марфа, царица, ч. 2 — 164
 Аристарх Самосский, ч. 2 — 60
 Аристов А., лекарский ученик, ч. 1 — 261
 Аристов Н., купец Гостиной сотни, ч. 1 — 109, 121
 Аристотель, древнегреческий философ, ч. 2 — 56, 60, 76, 153
 Арефьев Стефан, иконописец, ч. 2 — 210
 Арсений Глухой, монах, справщик, ч. 2 — 162, 290
 Арсений Грек, монах, справщик, ч. 2 — 150, 162
 Арсеньев Ю. К., ч. 1 — 265—268, 270—272, 274, 280—282; ч. 2 — 239
 Артаксеркс, *библ.*, *лит.*, ч. 2 — 130, 131, 135—139
 Артемий Веркольский, «св.», ч. 2 — 213, 226, 293
 Артемов Севостьян, стрелец, ч. 2 — 66
 Артемьев Семен, пушечный мастер, ч. 1 — 267
Архимович Л. Б., ч. 2 — 140
 Арчил, имеретинский князь, ч. 2 — 221
Астахова А. М., ч. 2 — 91, 93
 Астинь, *библ.*, *лит.*, ч. 2 — 136, 139
 Атласов В., казак-землепроходец, ч. 2 — 63
 Афанасий, архиепископ архангельский и холмогорский, ч. 2 — 56, 238
Афанасьев А. #., ч. 2 — 98, 121
 Афанасьев Захарий, справщик, ч. 1 — 161
 Афанасьев Козьма, ружейный мастер, ч. 1 — 266
 Афанасьев Моска, крестьянин, ч. 2 — 15
 Афанасьев Никита, лекарь, ч. 2 — 65
 Афанасьев Сергей, лекарь, ч. 2 — 64
 Ахиллес, *миф.*, ч. 2 — 258
 Ахиор, *библ.*, *лит.*, ч. 2 — 139
 Аюка, калмыцкий тайша, ч. 1 — 241
Бабкин А. С., ч. 2 — 89
 Бавыкин Николай, композитор, ч. 2 — 281
Багалец Д. И., ч. 1 — 291, 294
 Важен Второй, усольский купец, *лит.*, ч. 2 — 114, 115
 Баженов В. И., архитектор, ч. 2 — 154
Базилевич К. В., ч. 1—8, 118, 138, 155, 156; ч. 2 — 9
 Бакин Г., стрелецкий голова, ч. 1 — 250, 333
Бакланов Н. Б., ч. 1 — 106, **110**, 113—115
Бакланова Н. А., ч. 1—53, 59, 70, **106**, 108, 109, 117, 119—121, 126, 140—143, 227, 270; ч. 2 — 9, 114
Балакаева И. А., ч. 2 — 134
 Балкановский Иван, думный дьяк, ч. 2 — 64
Баллер Э. А., ч. 2—6
 Балтырь Филипп, оружейный мастер, ч. 1—273
Бантыш-Каменский Н. Н., ч. 1 — 270
 Барабанов Герасим, кузнец, ч. 1—77
 Баранов Никифор, пушечный мастер, ч. 1 — 267
Барашкова В. С., ч. 1 — 35
Барсов Е. В., ч. 1 — 270, 272, 274, 278, 282
Барсуков А., ч. 1 — 179, 312
Баталин #., ч. 2 — 147
Бахрушин С. В., ч. 1—8, 67, 70, 97—99, 100, 102, 127, 128, 134, 231, 249, 319, 320
 Бахус, *миф.*, ч. 2 — 132, 140
 Башмаков Д. М., дьяк, ч. 1 — 310
 Башмаков Лукьян, «горододелец», ч. 1 — 290
 Баязет, *лит.*, ч. 2 — 131, 132, 135—139
 Безбородко, князь, ч. 2 — 144
 Безмин Иван, художник, ч. 2 — 56, 221, 235, 237
 Безобразов А. И., ч. 1—46, 50, 51, 70, 225; ч. 2—16, 22, 23
 Бек дю, французский писатель, ч. 2 — 132
 Беклемишев Михаил, стольник, ч. 1 — 256
 Беклемишев Никифор, градостроитель, ч. 1 — 285, 290
 Белинский Алексей, лекарь, ч. 1 — 260
Белинский В. Г., ч. 2 — 101
Белкин А. А., ч. 2 — 23, 126—128, 300
Беликов Д. #., ч. 1 — 46
 Белка Малый, ч. 1 — 88
Белоброва О. А., ч. 2 — 228
Белокуров С. А., ч. 1 — 180
 Белосельский М., князь, ч. 1 — 250
 Белый Томилка, стрелец, ч. 1 — 333
Белый Ю. А., ч. 2 — 52
 Вельский Мартин, польский хронист, ч. 2 — 73, 147
Белявский Н., ч. 1 — 51
 Беляев Степан, композитор, ч. 2 — 281
 Белянинов Михаил, подьячий, ч. 2 — 134
Бенешевич В. #., ч. 2 — 277
Берков П. Н., ч. 2 — 125
 Берсенов В., дьяк, ч. 2 — 190
 Берында Памва, монах, типограф Киево-Печерской лавры, ч. 2 — 58, 88
 Бессонов Ф., объезжий голова, ч. 2 — 22
Бибигов Г. #., ч. 1 — 243
Билибин И. Я., ч. 1 — **200**
 Благушин Григорий, мастер-гравер, ч. 2 — 167
 Блеу Иоганн, географ, ч. 2 — 55, 59, 60
 Блисов Тимофей, танцор, ч. 2 — 134
Бломквист Е. Э., ч. 1 — 190, 192, **193**, 199
 Блюментрост, ч. 2 — 134
 Блюментрост Л., ч. 2 — 66
 Боборыкин Степан, «горододелец», ч. 1, 290

- Бобынин В. В., ч. 2 — 48
 Бова-королевич, *лит.*, ч. 2 — 100, 117
 Богданов Друзина, пушечный мастер, ч. 1 — 266
 Богданов Евстигней, художник, ч. 2 — 237
 Богословский М. М., ч. 1 — 166, 168; ч. 2 — 9
 Богоявленский Н. А., ч. 2 — 66
 Богоявленский С. К., ч. 1 — 254, 275, 300, 312, 317, 321; ч. 2 — 8, 60, 130, 132—134, 140, 284, 304
 Бодянский О., ч. 1 — 240
 Боков Григорий, торговый человек, ч. 2 — 153
 Болотников И. И., предводитель крестьянской войны, ч. 2 — 37, 38
 Большаков С., ч. 2 — 216
 Большакова Л., ч. 2 — 213
 Борин К., дьяк, ч. 1 — 109, 121
 Борис, «св.», ч. 1 — 41, 212
 Борисов А. М., ч. 1 — 33
 Борисов Афонька, мастер, ч. 2 — 258
 Борисов В., ч. 2 — 148
 Борисов Г., ч. 2 — 24
 Борисов Григорий, мастер, ч. 2 — 258
 Борисов И. Т., пушкарский голова, ч. 1 — 256
 Борисов Иван, иконописец, ч. 2 — 271
 Борисов Ивашка, мастер, ч. 2 — 258
 Бородин А. В., ч. 1 — 119
 Бороздин Семен, иконописец, ч. 2 — 210
 Босые, торговые люди, ч. 1 — 67, 127
 Бояринова З. Я., ч. 1 — 27, 32, 34, 47, 174
 Брашовский С. Н., ч. 2 — 143, 145—147, 150, 155
 Бранденбург Н. Е., ч. 1 — 276, 277
 Бри Иоганн Теодор де, мастер-гравер, ч. 2 — 167
 Бромлей Ю. В., ч. 2 — 6
 Брунцвик, *лит.*, ч. 2 — 117
 Брюсова В., ч. 2 — 229
 Буганов В. И., ч. 1 — 300
 Булыгин И. А., ч. 1 — 138
 Бунин Леонтий, гравер, ч. 2 — 146, 167, 169
 Бургаров Николай Соломонов, иконописец, ч. 2 — 221
 Бурх Альберт, голландский посол, ч. 1 — 226
 Бурцев Василий, подьячий, составитель «Букваря», ч. 2 — 146, 161, 167
 Буслев Ф. И., ч. 2 — 110, 119, 122
 Бусыгин Е. П., ч. 1 — 171
 Бутенант А., заводовладелец, ч. 1 — 119
 Бутурлин В. В., стольник, ч. 1 — 340
 Бутурлин Е., воевода, ч. 2 — 67
 Бутурлин И., стряпчий, ч. 1 — 304
 Бутурлин Ф. В., боярин, ч. 1 — 300, 301; ч. 2 — 64
 Бутурлины, ч. 1 — 300
 Бухвостов Яков, зодчий, ч. 2 — 202, 206
 Буш В. В., ч. 2 — 143, 146
 Буцинский П. Н., ч. 1 — 46, 66
 Важинский В. М., ч. 1 — 294
 Вальдемар, датский королевич, ч. 2 — 297
 Вальгузен (Вальтхаузен) И., ч. 1 — 242, 248; ч. 2 — 60, 156
 Варварин Никита, самопальный мастер, ч. 1 — 272
 Варганов А. Д., ч. 1 — 171, 180
 Варлаам, «св.», ч. 2 — 106, 164, 165, 220
 Василий, византийский император, ч. 2 — 156, 164
 Василий, «св.», ч. 2 — 218, 293
 Василий III, великий князь московский, ч. 2 — 170
 Василий Блаженный, «св.», ч. 2 — 213
 Василий Златовласый, *лит.*, ч. 2 — 99, 117
 Василиса Микулишна, *был.*, ч. 2 — 94
 Васильев Андрей, самопальный мастер, ч. 1 — 271
 Васильев Григорий, лекарь, ч. 2 — 65
 Васильев Павлик, каменных дел мастер, ч. 1 — 289
 Васильев Федор, лекарь, ч. 2 — 65
 Васильев Федот, лекарь, ч. 2 — 65
 Васильевский А. П., ч. 1 — НО
 Васька, житель г. Кашина, ч. 1 — 238
 Вахромеев И., ч. 2 — 231
 Введенский А. А., ч. 1 — 55, 58, 140, 141, 150
 Везалий А., ч. 2 — 63, 66
 Векслер А., ч. 1 — 154
 Вельяминов Мирон, градостроитель, ч. 1 — 290
 Венедикт, монах, ч. 2 — 150
 Венедиктов И., лекарь, ч. 1 — 260
 Венус, *миф.*, ч. 2 — 132, 140
 Веронезе П., итальянский художник, ч. 2 — 165
 Верхрадский С. А., ч. 2 — 70
 Веселовский А., ч. 2 — 129
 Веселовский С. Б., ч. 1 — 149—151, 167, 239, 241, 247, 248, 250, 251, 259, 277; ч. 2 — 304
 Видон, *лит.*, ч. — 117
 Вилков О. Н., ч. 1 — 69, 71
 Вinius Андрей, голландский купец, ч. 1 — 50, 107, 119, 120, 258; 337; ч. 2 — 59
 Винклер П., ч. 1 — 145
 Виноградов В. В., ч. 2 — 111
 Витов М. В., ч. 1 — 166, 169
 Витрувий, древнеримский инженер, ч. 1 — 275
 Владимир, князь, *был.*, ч. 2 — 93, 94
 Владимир, «св.», ч. 2 — 212
 Владимир Мономах, великий князь киевский, ч. 2 — 31
 Владимир Святославич, великий князь киевский, ч. 2 — 74
 Владимир Иосиф, иконописец, ч. 2 — 215—217, 220—222, 224, 225, 227, 229, 282
 Владимиров П. В., ч. 2 — 122
 Владимирский-Буданов М. Ф., ч. 1 — 330, 334; ч. 2 — 147
 Владислав, польский королевич, ч. 1 — 146, 147; ч. 2 — 32, 37
 Владиславлев Иван, подьячий, ч. 2 — 134
 Власий, «св.», ч. 2 — 293
 Власов И. Е., воевода, ч. 1 — 62; ч. 2 — 238

- Внуков Поздей, ч. 1 — 73
Водарский Я. Е., ч. 1—28, 175, 309, 310, 312
Водовозов Н. В., ч. 2—114, 116, 124
 Воейков Семен, ч. 1 — 257
Воейкова И. Н., ч. 2 — 213, 230—232
 Воин Тимофей, пушечный мастер, ч. 1 — 267
 Волков Григорий, доктор медицины, ч. 2 — 70
 Волков М. Я., ч. 2 — 19
Волков С. С., ч. 1—307; ч. 2 — 17
 Волконский М. В., ч. 2 — 248
 Волосатова Л., постельница царицы, ч. 1 — 305
 Вонифатьев Стефан, протопоп кремлевского Благовещенского собора, ч. 2 — 299, 300
 Воробин Никита Дмитриевич, воевода, ч. 1 — 333
 Воронин В., гость, ч. 1 — 121
Воронин Н. Я., ч. 1 — 167; ч. 2 — 214, 231
 Воронов В. С., ч. 2 — 266
 Воронцов Б. М., воевода, ч. 1 — 292
 Воротынские, князья, ч. 1 — 310
 Воротынский, князь, ч. 2 — 95
 Воротынский И. А., князь, боярин, ч. 1 — 43
Всеволодский-Генгросс В. И., ч. 2 — 128, 134
 Всполохов Григорий, дьяк, ч. 1 — 307
 Вухтерс Даниил, художник, ч. 2 — 237
 Выдрин А., тотемский земский староста, ч. 1—318
 Высоцкий Н. Ф., ч. 2 — 63
 Вяткин Афонасий, ружейный мастер, ч. 1 — 273
 Вяткин Григорий, ружейный мастер, ч. 1 — 266, 271, 274; ч. 2 — 257
 Вяткин Кондратий, ружейный мастер, ч. 1 — 266
 Гавриил, архангел, *библ.*, ч. 2 — 113
 Гавриил, архимандрит Калязинского монастыря, ч. 2—121
 Гаврилов Моисей, лекарь, ч. 2—64
 Гаврилов Савелий, лекарь, ч. 2 — 64
 Гавринев Иван, думный дьяк, ч. 2 — 64
 Гагарин А., князь, ч. 1 — 300, 301
 Гагарины, князья, ч. 1 — 301
Гаген-Торн Н. И., ч. 1—215
 Гадамарский Рейнгарт Лорих, ч. 2 — 143
 Галасийка Иван, крестьянин, ч. 1 — 88
 Галловой Х., строитель, ч. 2 — 181
Гамбаров А. И., ч. 1 — 110, 111
Гамель И. Х., ч. 1 — 38, 69, 119, 221, 292
 Ганс младший, датский герцог, ч. 1 — 232
 Ганс Шлезвиг-Голштинский, герцог, ч. 1—221
 Гартман Георгий, составитель шкалы калибров, ч. 1 — 275
 Гвидо де Колумн, итальянский писатель, ч. 2 — 108
 Гебдон Иван, русский резидент, ч. 1 — 268, 270; ч. 2 — 130
 Гевелий Ян, астроном, ч. 2 — 55
 Геленка, *лит.*, ч. 2 — 139
 Георгий, «св.», ч. 2 — 167, 213, 267, 272
Георгиевская-Дружинина Е. В., ч. 2—271
 Герберштейн Сигизмунд, австрийский посол, ч. 1 — 132
 Гермоген, патриарх, ч. 2 — 32, 106, 108, 276
 Гибнер Юрий, иноземец, ч. 2 — 132
 Гизель Иннокентий, архимандрит Киево-Печерской лавры, ч. 2 — 75
 Гиппарх, ч. 2 — 60
 Гладышев Евстафий Иванов, плотник, ч. 1 — 79
 Глеб, «св.», ч. 1 — 41, 212
 Гневушев А. М., ч. 1 — 152, 154
 Гнеденко Б. В., ч. 2 — 48, 50, 51
 Гнездов Василий, приказчик, ч. 1 — 49
 Годовиков Данило, подъачий, ч. 2 — 69
 Годунов Борис, царь, ч. 1 — 16, 176, 221, 227, 232, 262, 302; ч. 2 — 13, 30, 34, 36, 68, 72, 73, 106—108, 170, 171, 173, 241, 242
 Годунов Г. П., стольник, ч. 2 — 237, 238
 Годунов И. И., ч. 2 — 214
 Годунов П. И., тобольский воевода, ч. 1—35
 Годунова Ирина, см. Ирина Федоровна, царица.
 Годуновы, ч. 2 — 210
 Годфрид Яган, магистр, ч. 2 — 130
Гоздаво-Голомбиевский А. А., ч. 1 — 290, 294
 Голиаф, *библ.*, ч. 2—132, 134, 137
 Голикова Н. Б., ч. 1 — 305, 334, 340
 Голицын А. А., князь, ч. 2 — 67
 Голицын В. В., князь, ч. 1 — 161, 198, 233, 249, 256, 264, 282, 310; ч. 2 — 8, 17, 28, 44, 56, 74, 247, 280, 285
 Голицына Т. И., княгиня, ч. 2 — 28
 Голицыны, князья, ч. 1 — 80—82, 90, 310; ч. 2 — 28, 154
 Головин Ф. А., боярин, ч. 1 — 310
 Голохастов, воевода, ч. 2 — 23
Голубцов А., ч. 2 — 297
Голубцов И. А., ч. 1 — 132
Гольдберг Т., ч. 1—94, 179; ч. 2 — 241
Гольдберг А. Л., ч. 2 — 41, 42
Гольдсберг П., ч. 1 — 179
 Гомер, древнегреческий поэт, ч. 2 — 76
 Гонсевский, польский военачальник, ч. 1 — 236
 Гончаровы, ч. 1 — 75
 Гордеев Истома, иконописец, ч. 2 — 210
 Гордон Патрик, генерал, ч. 1 — 249, 252
 Горнаткин Третьячко, денежный мастер, ч. 1 — 152
Горпенко А. Е., ч. 2 — 262
Горская Н. А., ч. 1 — 33, 36, 42, 44, 45, 51
Горский А. В., ч. 2 — 12, 151
Горский А. Д., ч. 1—35
Готье Ю. В., ч. 1—26, 33, 49, 51—53, 167, 186, 235, 302
Горчаков М. И., ч. 2 — 302
Горшков А. И., ч. 2 — 83
Грабарь И. Э., ч. 2—193, 209, 217, 259
 Граман Михаил, доктор медицины» ч. 2 — 66, 70

- Грамотин Иван, дьяк, ч. 2 — 249
 Гранковский Ян, гравер, ч. 1 — 161, 162
 Грегори Иоганн Готфрид, пастор, ч. 2 — 130—134, 138
Греков Б. Д., ч. 1 — 17, 43, 53, 70, 167
 Грибоедов С., ч. 1 — 254
 Грибоедов Федор, дьяк, ч. 2 — 74
 Григорьев Алексей, лекарь, ч. 2 — 65
 Григорьев Андрей, лекарь, ч. 2 — 65
 Григорьев Борис, крестьянин, ч. 2 — 25
 Григорьев Дмитрий (Плеханов), иконописец, ч. 2—229
 Григорьев Митройка, пушкарь, ч. 1 — 255
 Григорьев Никифор, крестьянин, ч. 2 — 25
 Григорьев Родион, крестьянин, ч. 2 — 25
 Григорьев Роман, лекарский ученик, ч. 1 — 261
 Григорьев Сидор, лекарь, ч. 2 — 64
 Григорьев Сила, ч. 2 — 161, 162
 Григорьев Федор, иконописец, ч. 2 — 232
 Григорьев Федор, каменных дел мастер, ч. 1 — 266, 289
 Григорьев Федька, «рудомет», ч. 2 — 63
 Григорьев Я., мастер-литейщик, ч. 1 — 266
Грицкевич В. П., ч. 2 — 63
Громов Г. Г., ч. 1—28, 35, 184, 188, 190, 192; ч. 2 — 10
Громыко М. М., ч. 2 — 25
 Грудцын Савва, лит., ч. 2 — 105, 114, 115
 Грудцын-Усов Фома, лит., ч. 2 — 114
 Грудцыны-Усовы, купцы, лит., ч. 2 — 114
 Грязов И. К., ч. 2 — 244
 Губа К., зодчий, ч. 2 — 189
 Губарев Любим, лекарь, ч. 2 — 65
 Губин Влас, лекарь, ч. 1 — 260
Гудзий Н. К., ч. 2—107, 108, 122
Гуревич А. Я., ч. 2 — 15
Гурляной Я., ч. 1 — 140, 270, 313, 314; ч. 2—130
 Гурьевы, купцы, ч. 1 — 70
 Густав Адольф, шведский король, ч. 1 — 146, 243
 Гутовский Симон, органист, ч. 2 — 285
 Гюльденстиерне Аксель, обергофмейстер герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского, ч. 1—221, 227
 Давид, библ., ч. 2 — 132, 134, 137, 165, 166, 220, 248
 Давид Иржи, чешский иезуит, ч. 1 — 125
 Давыдка, садовник, ч. 1 — 49
 Давыдов Любим, ружейный мастер, ч. 1 — 266
 Давыдов Максим, ружейный мастер, ч. 1 — 266
 Давыдов Михаил, ружейный мастер, ч. 1 — 266
 Давыдов Никита, ружейный мастер, ч. 1 — 266, 267, 271; ч. 2 — 256
Далла, библ., ч. 2 — 252
Даль В. И., ч. 2 — 129
 Дам Индрк ван, ч. 1 — 243
 Даниил, библ., ч. 2 — 248
 Даниил, костромской протопоп, ч. 2 — 301
 Даниил, темниковский протопоп, ч. 2—301
 Даниил Заточник, писатель, ч. 2—122
 Данилов, дьяк, ч. 2 — 249
 Данилов Евсей, пушечный мастер, ч. 1 — 267, 280
 Данилов Кирша, ч. 2 — 95
Данилова Л. В., ч. 1—76, 91, 99, 100
 Делагарди, шведский военачальник, ч. 1 — 234, 236
 Дельбрюк Г., ч. 1 — 243
 Дементий, плотник, ч. 1 — 77, 78
 Дементьев А., приказчик с. Павловского, ч. 1 — 29, 43, 49, 50
Дементьев А. Л., ч. 1—83
 Дементьев Яков, лекарь, ч. 2 — 65
 Демидов К., подьячий, ч. 1 — 133
 Демидов Никита, оружейный мастер, ч. 1 — 121, 273
 Демидовы, промышленники, ч. 1 — 20, 112, 114
Демидова Н. Ф., ч. 1 — 300, 317
Демин А. С., ч. 2 — 11, 13, 136
 Демин Яков, самопальный мастер, ч. 1 — 271
Дежков М. И., ч. 2—144—146
Демкова Я. С., ч. 2— ПО
Деммини М. Г., ч. 1 — 161, 162
 Демокрит, древнегреческий философ, ч. 2 — 153
 Денисов Иван, купец, ч. 2 — 49
Денисова М.М., ч. 1—274, 281, 282; ч. 2 — 254
Депман И. Я., ч. 2 — 52, 53
 Деревягин Емельян, лучного дела мастер, ч. 1 — 280
 Деревянин Савва, лучного дела мастер, ч. 1 — 280
Державина О. А., ч. 2 — 31, 33, 34, 107, 118, 122, 140
 Джеймс Ричард, член английского посольства, ч. 2 — 95, 100, 101, 287
 Дилецкий Николай, композитор, ч. 2 — 171, 281, 282, 284
 Димитрий, царевич, ч. 2 — 13, 31, 38, 73, 94, 106, 211, 249, 272
 Динев П., ч. 2 — 280
 Дионисий (Зобниновский), архимандрит Троице-Сергиева монастыря, ч. 2 — 33, 162, 290
Дмитриев Л. А., ч. 2 — 294
 Дмитриев Осип, пушечный мастер, ч. 1 — 280
 Дмитриев Севастьян, иконописец, ч. 2 — 229
Дмитриев С. С., ч. 1 — 8, 9
Дмитриев Ю. А., ч. 2 — 127
Дмитриев Ю. Н., ч. 2 — 214
 Дмитрий Солунский, «св.», ч. 2—211, 226, 267
Добротворский РЛ, ч. 2 — 299
 Добрыня Никитич, бвл., ч. 2 — 94
Довнар-Запольский М. В., ч. 1 — 69, 117, 122, 149, 152; ч. 2 — 9
 Долгорукие, князья, ч. 1 — 37
 Долгорукий М. Ю., князь, воевода, ч. 1 — 250
 Долматов Василий, пушкарский голова, ч. 1 — 280

- Донова К. В., ч. 2 — 273
 Дорошенко Петр, гетман, ч. 1 — 161
 Дорошка, волхв, ч. 1 — 332
 Досаев Петр, зодчий, ч. 2 — 186
 Досифей, иерусалимский патриарх, ч. 2 — 154
 Дробижев В. З., ч. 1 — 130, 132
 Дробленкова Н. Ф., ч. 2 — 32, 106
 Дрогобыцкий Юрий, доктор медицины, ч. 2 — 70
 Дружинин В. Г., ч. 2 — 297
 Дружинин Н. М., ч. 1 — 9, 16
 Дружневна, лит., ч. 2 — 117
 Дубина Яков, пушечный мастер, ч. 1 — 266, 267, 280
 Дубинин Гришка, пушечный мастер, ч. 1 — 267
 Дубинин Степанка, пушечный мастер, ч. 1 — 267
 Дубинин Семенка, пушечный мастер, ч. 1 — 266
 Дубровский Богдан, градостроитель, ч. 1 — 290
 Дубровский С. М., ч. 1 — 8
 Дьяковский В. Г., пушкарский голова, ч. 1 — 256

 Ева, библ., ч. 2 — 132, 135, 140, 231
 Евдокимов И., ч. 2 — 231
 Евдокия Лукьяновна, царица, ч. 1 — 305; ч. 2 — 244
 Евпраксия, был., ч. 2 — 94
 Еврипид, древнегреческий драматург, ч. 2 — 76
 Евстафий, лит., ч. 2 — 118
 Евфимий, монах Чудова монастыря, ч. 2 — 143, 164, 216
 Евфросин, монах, ч. 2 — 277
 Евфросиния Суздальская, «св.», ч. 1 — 180
 Егорий Храбрый, лит., ч. 2 — 131
 Екатерина II, императрица, ч. 2 — 13
 Елеонская А. С., ч. 2 — 133
 Елизарьев Иван, ч. 2 — 52
 Елин Ерофей, художник, ч. 2 — 235, 237
 Елисей, библ., ч. 2 — 231
 Емельянов Савва, каменных дел мастер, ч. 1 — 289
 Емельянов Самсон, ч. 2 — 66
 Емеля, лит., ч. 2 — 100
 Елифанай Премудрый, писатель, ч. 2 — 110
 Епифанов П. П., ч. 1 — 18, 180, 241, 243, 248, 250, 279, 305, 325
 Еремин И. П., ч. 2 — 43, 123, 127, 132
 Ермак Тимофеевич, казачий атаман, ч. 1 — 142; ч. 2 — 74, 82, 96—98
 Ермолай-Еразм, писатель, ч. 2 — 33
 Ермолов А., ч. 2 — 58
 Ерошкин Н. П., ч. 1 — 311, 314
 Еруслан Лазаревич, лит., ч. 2 — 100, 117
 Ерш-Ершович, лит., ч. 2 — 99, 100
 Есипов Г. В., ч. — 271—273, 275, 280—282
 Есипов Савва, архиепископский подьячий, ч. 2 — 74
 Есфирь (Эсфирь), библ., ч. 2 — 130, 131, 134—138, 285
 Ефим, крестьянин, ч. 1 — 88

 Ефименко А., ч. 1 — 166, 168
 Ефимов А. И., ч. 2 — 83

 Ждан, устюжский крестьянин, ч. 1 — 94
 Жданов Шумило, крестьянин, ч. 1 — 94
 Жегалова С. К., ч. 1 — 36
 Железное В., ч. 1 — 114
 Жигулев А. М., ч. 2 — 103
 Жихарев Логин, пушечный мастер, ч. 1 — 267
 Жолкевский, С, польский гетман, ч. 1 — 234
 Журавлев Кузьма, подьячий, ч. 2 — 134

 Забелин И. Е., ч. 1 — 48—51, 60, 64, 65, 86, 103, 109, 122, 160, 184—186, 188, 193, 195, 196, 198, 202, 205—207, 212, 214, 216, 217, 222, 226, 227, 230, 231; ч. 2 — 9, 10, 84, 150, 151, 233, 244, 271
 Завальский Ф., органист, ч. 2 — 285
 Загоровский В. П., ч. 1 — 26, 247, 263, 294, 295
 Загоскин Н. П., ч. 1 — 130, 143
 Замаревич Николай, польский музыкант, ч. 2 — 282
 Замысловский Е., ч. 1 — 261
 Заозерская Е. И., ч. 1 — 35, 55—58, 105, 108, 110, 112, 117—119, 121, 269; ч. 2 — 49
 Заозерский А. И., ч. 1 — 29, 35, 37, 41, 45, 46, 50, 54, 57, 61, 72, 74, 133, 268, 275, 313
 Заруцкий Иван, предводитель казацких отрядов, ч. 1 — 234
 Захарко, «горододелец», ч. 1 — 290
 Захаров Федор, лекарь, ч. 2 — 64
 Зверев Алексей, подьячий, ч. 2 — 134
 Зверев Михайло, самопальный мастер, ч. 1 — 271
 Звонков Михаил, ружейный мастер, ч. 1 — 266
 Звягинцев Е., ч. 2 — 8
 Зеленин Д. К., ч. 1 — 37, 215
 Зернова А. С., ч. 2 — 155, 157, 158, 166
 Зерцалов А. Н., ч. 1 — 26, 133, 155, 160, 235, 259, 261, 267—270
 Зизаний Лаврентий, писатель, ч. 2 — 55, 58, 88
 Зизаний Стефан, писатель, ч. 2 — 161
 Зиновьев Георгий, иконописец, ч. 2 — 221
 Злотников М. Ф., ч. 1 — 330, 331
 Змеев В. А., воевода, ч. 1 — 263
 Знаменский П., ч. 2 — 291
 Золотарев Карп, художник, ч. 2 — 56, 233
 Зонова О. В., ч. 2 — 213
 Зосима, монах, ч. 2 — 167
 Зосима Соловецкий, «св.», ч. 2 — 293
 Зубов Алексей, иконописец, ч. 2 — 221
 Зубов Иван, иконописец, ч. 2 — 221
 Зубов Федор, иконописец, ч. 2 — 167, 226, 227, 232
 Зыбин Иван, есаул, лит., ч. 2 — 110
 Зыков Ф. Т., окольничий, ч. 1 — 331
 Зювка Ян, польский музыкант, ч. 2 — 282
 Иаков, библ., ч. 2 — 131, 135

- Иаков Боровицкий, «св.», ч. 2 — 163
Ивакин И., ч. 1 — 259
 Иван Алексеевич, царевич, ч. 2 — 65, 100
 Иван III Васильевич, великий князь московский, ч. 2 — 34
 Иван IV Васильевич (Грозный), царь, ч. 1—5, 12, 235, 236, 239, 251, 262, 278, 297, 301, 304, 307—309; ч. 2 — 40, 69, 72—74, 94, 97, 99, 106, 108, 112, 170, 171, 234, 241, 242
 Иван Данилович Калита, великий князь московский, ч. 1 — 302
 Иван Купала, ч. 2 — 92
 Иван Михайлович, царевич, ч. 1 — 332
 Иванов А., лекарский ученик, ч. 1 — 261
 Иванов Алмаз, дьяк, ч. 1 — 310; ч. 2 — 298
Иванов В. В., ч. 2 — 78, 81, 84
Иванов В. Н., ч. 2 — 229
 Иванов Григорий, мастер-резчик, ч. 2 — 251
 Иванов Гришка, работный человек, ч. 1 — 62
 Иванов Д., ученик пушечного мастера, ч. 1 — 266
 Иванов Кирилл, иконописец, ч. 2 — 271
 Иванов Кондрат, мастер, ч. 2 — 165, 166
 Иванов Ларка, сторож, ч. 2 — 69
 Иванов М., художник, ч. 2 — 233
 Иванов Матвей, лекарь, ч. 2 — 64
 Иванов Никифор, лекарь, ч. 2 — 65
 Иванов Николай, ч. 2 — 134
Иванов П., ч. 1 — 247
Иванов П. И., ч. 1 — 166, 168
 Иванов Парфен, ружейный мастер ч. 1 — 273
 Иванов Порошин, войсковой дьяк, ч. 2 — 109
 Иванов Родион, ч. 2 — 134
 Иванов Ф., пушечный мастер, ч. 1 — 278
 Иванов Федор, лекарь, ч. 2 — 64
 Иванов Федул, житель Костромы, ч. 2 — 296
 Иванов Фирс, лекарь, ч. 2 — 65
 Иванов Харитон, пушечный мастер, ч. 1 — 278
 Ивановы, пушечные мастера, ч. 1 — 267
 Ивашка, стрелец, ч. 1 — 333
 Ивашко, «потешник», ч. 1 — 261
 Ивашко, токарь, ч. 1 — 88
 Игнатъев Григорий, лекарский ученик, ч. 1 — 261
 Игнатъев Семен, оружейник, ч. 1 — 267
 Игнатъев Федор, художник, ч. 2 — 231
 Идол Скоропид, *был.*, ч. 2 — 94
 Измайлов А., воевода, ч. 1 — 244, 250
 Измайлов В., воевода, ч. 1 — 250
 Измалков В., градостроитель, ч. 1 — 290
 Иисус Навин, *библ.*, ч. 1 — 261; ч. 2 — 272
 Иисус Христос, *библ.*, ч. 2 — 54, 127, 129, 218, 231, 293, 299, 305
Иконников А. В., ч. 1 — 169, 171
 Иконниковы, живописцы, ч. 1 — 75
 Илларион, архиепископ рязанский, ч. 2 — 306
Ильин М. А., ч. 2 — 6, 170
 Илья Муромец, *был.*, ч. 2 — 94
 Илья Пророк, *библ.*, ч. 1—43; ч. 2 — 58, 59, 231, 232
 Инглис Петр, живописец, ч. 2 — 135
Индова Е. И., ч. 1—41, 44; ч. 2 — 38
 Иоаким, иеромонах, ч. 2 — 151
 Иоаким (Савелов), митрополит новгородский, патриарх, ч. 2 — 91, 151, 156, 157, 164, 216, 307, 309
 Иоанн Богослов, евангелист, *библ.*, ч. 2 — 224
 Иоанн Дамаскин, церковный писатель, ч. 2 — 167
 Иоанн Предтеча, *библ.*, ч. 2 — 209, 213, 224, 232
 Иоанн Яренгский, «св.», ч. 2 — 293, 294
 Иов, патриарх, ч. 2 — 13
 Иона Сысоевич, митрополит ростовский, ч. 2 — 186—188, 229
 Иоасаф, царевич, *лит.*, ч. 2 — 164, 165, 220
 Иоасаф, патриарх, ч. 2 — 17, 127, 276
 Иосиф, *библ.*, ч. 2—131, 135, 136, 139, 140, 252
 Иосиф, монах, ч. 2 — 149, 150
 Иосиф, патриарх, ч. 2 — 242, 276, 300
 Ирина Михайловна, царевна, ч. 2 — 297
 Ирина Федоровна (Годунова), царица, ч. 2 — 242
 Исачка, гранатный мастер, ч. 1 — 275
 Истома Крестечник, резник, ч. 1 — 88
 Истомин Карион, монах Чудова монастыря, ч. 2—125, 143—147, 152, 156, 167, 169, 215
 Истомин Назарий, иконописец, ч. 2 — 208
 Иудифь (Юдифь), *библ.*, ч. 2—131, 132, 134, 135, 137—139

Кабанов А. К., ч. 1 — 304
Каган М. Д., ч. 2 — ПО
 Казанцев Яков, иконописец, ч. 2 — 218, 227
 Какаш, иноземец, ч. 1—232
Калачев Н., ч. 1 — 322
Калачева С. В., ч. 2 — 114
 Калачников Николай, композитор, ч. 2 — 281
 Калинин А. Д., ч. 2 — 146
 Калмыковы, купцы, ч. 1 — 59, 126
Каменская Е., ч. 2 — 213
Каменская М. Н., ч. 2 — 262
 Каменский Ян Амос, ч. 2 — 143
Каменцева Е. И., ч. 1 — 43
 Кампанелла, ч. 2 — 153
 Капитон, монах, ч. 2 — 298
Каптерев Н. Ф., ч. 2 — 303—307, 310
Караваева Е. М., ч. 1 — 178, 180
 Карандашов Иван, крестьянин, ч. 1 — 134
 Карандеев А., ч. 1 — 254
Каргер М. К., ч. 2 — 231
 Карл XII, шведский король, ч. 1 — 234
 Карпов Иван, иконописец, ч. 2 — 229
 Карпов Семен, иконописец, ч. 2 — 232
 Карпов Федор, иконописец, ч. 2 — 229
 Катырев-Ростовский И. М., князь, ч. 2 — 34, 72, 108, 297
Кафенгауз Б. Б., ч. 1 — 114
 Качалов Никита, ч. 2 — 272
Кашкаров Ю. Д., ч. 2 — 107
Кашинцев Д., ч. 1 — 110, 119

- Квашнин-Самарин П. А., стольник царицы, ч. 2—100
- Кильбургер Иоганн Филипп, член свиты шведского посольства, ч. 1—56, 60, 61, 64, 83, 117, 123, 130, 131, 133, 136, 140, 141, 153, 154, 161, 204—207
- Кириллов Осип, мастер, ч. 2—165
- Кириллов Степан, доктор медицины, ч. 2—70
- Киреевский Немир Федорович, дворянин, ч. 1—220
- Киселев Н. П.*, ч. 2—155—157, 161, 163, 164
- Киселев П. Д.*, ч. 1—16
- Кисленский Леонтий, иркутский воевода, ч. 2—61
- Киприанов В.*, ч. 2—52
- Кленк Кунраад фон, голландский посол, ч. 1—131, 141, 175
- Клибанов А. И.*, ч. 2—38, 299
- Ключевин А. С.*, ч. 2—61
- Ключевский В. О.*, ч. 1—6, 10, 247, 299, 309, 310, 312, 316; ч. 2—31, 110
- Ковальченко И. Д.*, ч. 1—130, 132
- Кожина Ю. А.*, ч. 2—214
- Кожин В. В.*, ч. 2—115
- Кожениковы, мастера, ч. 1—75, 101
- Козак Иван, доктор медицины, ч. 2—70
- Козинец Мишка, ч. 1—50
- Козлов В. И.*, ч. 1—9
- Козлов Максим, чертежник, ч. 1—290
- Козьма Третий, тосканский герцог, ч. 1—34, 65, 223, 241, 281; ч. 2—20, 289
- Койэт Е., заводчик, ч. 1—108, 109, 119, 120
- Койетт Б., секретарь голландского посольства, ч. 1—131, 141
- Коковнинская Мишка, пушкарь, ч. 1—255
- Кокорев Г., воевода, ч. 1—319
- Колдомский Степан, мастер, ч. 1—88
- Колдычевский Михайло, объезжий голова, ч. 2—21
- Колесников П. А.*, ч. 1—29, 30, 34, 37, 39, 44, 46
- Коллинс Самюэль, англичанин, придворный врач, ч. 1—219, 223, 225, 230; ч. 2—8, 13, 18, 24, 97
- Колодешников Василий, плотник, ч. 1—77
- Колокольниковы, мастера-литейщики, ч. 1—75
- Колонтаев, стольник, ч. 1—37
- Колосов Г. В.*, ч. 2—150, 162
- Колосов Е. Е.*, ч. 1—280
- Колосова Е. В.*, ч. 2—107
- Колтовский Борис, «горододелец», ч. 1—290
- Колтовский Кузьма, строитель, ч. 1—290
- Колупаевы, купцы, ч. 1—30
- Колчин Б. А.*, ч. 1—83, 90, 91
- Кольчева Е. И.*, ч. 1—223
- Кольцов-Мосальский И. М., генерал, ч. 1—263
- Коляда, язык., ч. 2—91
- Комаров Василий, устюжанин, ч. 1—93
- Кондратьев Алексей, лучного дела мастер, ч. 1—280
- Кондратьев Гаврила, иконописец, ч. 2—218, 227
- Кондратьев И. К., ч. 2—158
- Кононович, ч. 2—143
- Константин, византийский император, ч. 2—7, 94
- Копанев А. И.*, ч. 1—53, 69
- Коперник Николай, ч. 2—55, 56, 60
- Копиевский И. Ф., ч. 2—53
- Копылов А. Я.*, ч. 1—27, 138
- Копыстенский Захария, православный епископ на Украине, ч. 2—161
- Корб Иоанн Георг, секретарь австрийского посольства, ч. 2—18, 50, 51
- Коренев Иван, ч. 2—282
- Корневский Н.*, ч. 1—74
- Корец Василий, оружейный мастер, ч. 1—274
- Корецкий В. И.*, ч. 1—25
- Корин П. Д.*, ч. 2—211—213
- Корниловым А.*, ч. 1—108
- Коробов, купец, ч. 2—201
- Коровинский, ярославский купец, ч. 1—134
- Корольков Алексей, каменных дел мастер, ч. 1—289
- Косагов Григорий, генерал, ч. 1—283
- Костомаров Н. И.*, ч. 1—65, 66, 132, 140—142, 220, 224—226, 230
- Косцова А.*, ч. 2—232
- Котков С. И.*, ч. 2—20—22, 27, 81, 85
- Котошихин Григорий, подьячий Посольского приказа, ч. 1—52, 65, 67, 69, 70, 205, 220, 225, 226, 228, 230, 239, 241, 245, 246, 249, 250, 252—256, 258—262, 268—270, 281—284, 302, 307, 309—314, 317, 336—341; ч. 2—23, 87, 305
- Коселев В. И., воевода, ч. 1—296, 319
- Красильниковы, ч. 1—75
- Краснобаев Б. И.*, ч. 2—11
- Крестер Сум, шведский «маршалок», ч. 1—243
- Крестинин В.*, ч. 2—51
- Крижаняч Юрий, писатель, ч. 1—39, 60, 73, 74, 164, 231; ч. 2—15, 17—19, 39—45, 50, 51, 76
- Кришничная Н. А.*, ч. 2—91
- Кровков М., генерал, ч. 1—247, 254, 263
- Кромвель Оливер, ч. 1—243
- Крыстев В.*, ч. 2—280
- Кубасов Сергей, ч. 2—108
- Кудрявцев И. М.*, ч. 2—100
- Кузаков В. К.*, ч. 2—47
- Кузин А. А.*, ч. 1—145.
- Кузнецов П. С.*, ч. 2—148
- Кузнецовы, ремесленники, ч. 1—75
- Кузнецкий И., зодчий, ч. 2—189
- Кузовлев Петр, самопальный мастер, ч. 1—271
- Кузьмин М. К.*, ч. 2—47
- Кузьмина В. Д.*, ч. 2—117
- Кузьмины, пушечные мастера, ч. 1—267
- Кулишер И. М.*, ч. 1—114
- Кункин И. #.*, ч. 1—238, 282
- Куракин Б. И., князь, ч. 1—253
- Куракины, князя, ч. 1—264
- Курбский А. М., князь, ч. 2—35

- Курц Б. Г., ч. 1—56, 83, 117, 123, 130, 131, 133, 136, 140, 141, 153, 154, 161, 204—207
- Кутина Л. Л., ч. 2 — 47
- Куфтин Б. А., ч. —210
- Лавр, «св.», ч. 2 — 293
- Лаеровский Н., ч. 2 — 144, 145
- Лактюшка, ч. 1 — 336
- Ламанский В., ч. 1 — 180
- Ламанова Дашка, «золотная мастерица», ч. 1 — 332
- Лангрини Бойлит, ч. 2 — 60
- Лапицкий И. П., ч. 2—116, 119, 120
- Лаппо-Данилевский А. С., ч. 1 — 179, 330
- Ларин Б. А., ч. 2 — 90
- Ларионов Семен, лекарь, ч. 1 — 260, 261; ч. 2 — 66
- Ларченко М. Н., ч. 2 — 254
- Ласковский Ф., ч. 1—287, 294
- Латышева Г. П., ч. 1 — 198
- Лахтин М. Ю., ч. 2 — 66
- Лебедева Н. И., ч. 1 — 171, 210
- Лев Философ, ч. 2 — 156, 164
- Левендагов Мануил, ч. 2 — 151
- Левочкин И. В., ч. 1 — 166
- Левенсон М. Р., ч. 1—95, 96; ч. 2 — 258
- Левкин Е., голландский купец, ч. 1 — 117
- Левонтьев Исак, подьячий, ч. 1 — 220
- Ленин В. И., ч. 1—6, 7, 8, 9, 15, 18, 19, 20, 21, 106, 120, 122, 242, 263, 273, 297; ч. 2 — 5, 38, 71, 77, 157, 289
- Леонид, архимандрит, ч. 2 — 163
- Леонов А. И., ч. 2 — 267
- Леонтьев А. К., ч. 2 — 19
- Леонтьев Н., житель Кадашевской слободы, ч. 2 — 29
- Леонтьевы, пушечные мастера, ч. 1 — 267
- Лесли Александр, иноземец, ч. 1 — 243, 268
- Лжедмитрий I, ч. 1 — 47, 235, 236; ч. 2 — 13, 18, 36, 68, 94, 106, 241, 273, 292, 293
- Лжедмитрий II, ч. 1—235, 333; ч. 2 — 94, 95
- Ливанова Т., ч. 2 — 284
- Лизек Адольф, секретарь английского посольства, ч. 1 — 48
- Лим Николай, инженер, ч. 2 — 132
- Лихачев А. Т., глава приказа, ч. 1 — 269
- Лихачев Василий, боровский наместник, ч. 2 — 129
- Лихачев Д. С., ч. 2 — 11, 13, 23, 111, 112, 115, 125
- Лихачев Н. П., ч. 2 — 210, 220
- Лихачев Ф. Ф., думный дьяк, ч. 1—310
- Лихуд Иоанникий, преподаватель Славяно-греко-латинской академии, ч. 2 — 152, 153, 154
- Лихуд Николай, ч. 2 — 154
- Лихуд Софроний, преподаватель Славяно-греко-латинской академии, ч. 2 — 152, 153, 154
- Лобачевский Н. И., ч. 2 — 54
- Ловчиков, лит., ч. 2 — 115
- Логгин, муромский протопоп, ч. 2 — 301
- Логгин Яренгский, «св.», ч. 2—293, 294
- Логинов И., стрелец, ч. 1—295
- Локк Джон, ч. 2 — 144
- Ломоносов М. В., ч. 2 — 71, 90, 154
- Лопуцкий Стефан, художник, ч. 2 — 237
- Лопухин А., боярин, ч. 1 — 186; ч. 2 — 21
- Лохавин Роман, лекарь, ч. 2 — 64
- Лохощкий М., мастер, ч. 1 — 287
- Лохтева Г. Н., ч. 1 — 53
- Лудольф Г. В., ч. 2 — 90
- Лукин И. Д., генерал, ч. 1 — 263
- Лукомский Г., ч. 2. — 231
- Лукьянов Никон, токарь, ч. 1 — 78
- Лукьянов П. М., ч. 1 — 59, 60, 61, 62, 63
- Лун, братья, органных дел мастера, ч. 2 — 285
- Лунин Осип, приказчик, ч. 1 — 61
- Лусиков Григорий, ч. 2 — 62
- Лыбин Федор, пушечный мастер, ч. 1 — 267
- Лызлов А. И., служилый дворянин, ч. 2 — 75
- Лыков И., князь, ч. 2 — 16
- Львов Алексей Михайлович, ч. 2—161
- Львов Д., живописец, ч. 2 — 235
- Львов Семен, столяр, ч. 1 — 294
- Любовавский М.К., ч. 1—254, 275; ч. 2—60
- Люберас, мастер, ч. 1 — 268
- Любименко И., ч. 2 — 9
- Любомиров П. Г., ч. 1 — 62, 80, 91, 106, ПО, 119, 121
- Люткин В. Ф., столяр, ч. 2 — 238
- Ляпин Исайя, подьячий, ч. 2 — 134
- Мавродин В. В., ч. 1 — 106, ПО, ИЗ, 114, 115
- Магилена, лит., ч. 2 — 117
- Магницкий Л., ч. 2 — 52
- Мазепа, гетман, ч. 1 — 162
- Мазон А., ч. 2 — 130
- Майков Л. #., ч. 2—123, 215
- Макагоненко Г. П., ч. 2 — 109
- Макарий, патриарх, 1—48, 71, 229; ч. 2 — 18, 265, 291, 306
- Макарий Желтоводский, «св.», ч. 1 — 128
- Макаров И. С., ч. 1—66
- Маклаков Сенька, казак, ч. 1 — 306
- Маковецкий И. В., ч. 1 — 195
- Максим Грек, писатель, ч. 2 — 33, 148
- Максимов Иван, иконописец, ч. 2 — 221, 222, 223, 232, 235
- Максимов П. Н., ч. 2 — 170, 195
- Максимов С. В., ч. 2 — 58
- Максимов Федотка, пушечный мастер, ч. 1 — 267
- Малевинский Арефа, приказной подьячий, ч. 2—27
- Малицкий Г. Л., ч. 2 — 239
- Малков Ю. Г., ч. 2 — 238
- Мальцев А. Н., ч. 1 — 240, 241, 252, 263
- Мамонтий, «св.», ч. 2 — 293
- Маньков А. Г., ч. 1 — 132, 328, 329
- Маракин Ф. И., ч. 1 — 97, 98
- Марголин С. Л., ч. 1 — 253
- Мардохей, библи., лит., ч. 2 — 135 137, 139
- Маржерет Ж., служилый иноземец, ч. 1 — 47, 54, 222, 223; ч. 2 — 18, 273
- Мария Магдалина, библи., ч. 2 — 224
- Мария (Богоматерь), библи., ч. 2 — 132,

- 210, 211, 213, 217, 218, 220, 221, 223, 224, 226, 249, 291
- Мария Темрюковна, царица, ч. 2 — 242
- Маркевич А. И.*, ч. 1 — 300
- Марков Алексей, каменных дел мастер, ч. 1 — 287, 289
- Марков Иван, лекарь, ч. 2 — 65
- Маркс К.*, ч. 1 — 9, 18, 105, 106, 114, 121, 242, 243, 255, 257, 266, 271, 289, 299; ч. 2 — 12, 15, 38, 40, 41, 292, 299
- Марло, ч. 2 — 131, 132
- Марс, *миф.*, ч. 2 — 132
- Марселис П. Г., заводчик, ч. 1 — 108, 119, 120, 268, 276
- Марселис П., «градоделец», ч. 1 — 287
- Марселис П. П., заводчик, ч. 1 — 119
- Марселис Х., заводчик, ч. 1 — 119
- Марсов Иван, ч. 1 — 50
- Мартемьянов Шестей, ч. 2 — 161
- Мартынов М., мастер, ч. 1 — 287
- Мартынов Сергей, пушечный мастер, ч. 1 — 280
- Мартышко, житель, г. Кашина, ч. 1 — 238
- Марцелий Петр, ч. 1 — 51
- Марья Ильинична, царица, ч. 1 — 86
- Маскевич Самуил, ч. 1 — 236; ч. 2 — 292, 293
- Масленицын С., ч. 2 — 231, 232
- Маслова Г. С.*, ч. 1 — 207, 210, 211, 216, 217
- Масловский Д. Ф.*, ч. 1 — 236
- Матвеев А. А., боярин, ч. 1 — 253
- Матвеев Артемон Сергеевич, боярин, ч. 1 — 272, 281, 310; ч. 2 — 8, 44, 51, 64, 130, 133, 233
- Маторины, пушечные мастера, ч. 1 — 267
- Маясова М. А., ч. 2 — 271
- Медведев Д. О.*, ч. 1 — 73
- Медведев Сильвестр, монах, писатель, ч. 1 — 252, 253; ч. 2 — 15, 40, 125, 150, 163, 164, 171, 202
- Медвinsky Е. #.*, ч. 2 — 143
- Мезенец Александр, музыкант и теоретик музыки, ч. 2 — 277, 278, 282
- Мезенцев А. И., подьячий Разрядного приказа, ч. 2 — 87
- Мейер Дм.*, ч. 2 — 13
- Мейерберг А., путешественник, ч. 1 — 141, 169, 174, 184, 192, 203, 211, 230, 263; ч. 2 — 18, 19
- Меллер А., заводчик, ч. 1 — 119, 289, 291, 292
- Мельников П. И.*, ч. 2 — 299
- Мельникова А. С.*, ч. 1 — 147, 150, 151, 153, 154, 158
- Мелюзина, *лит.*, ч. 2 — 117
- Меншиковы, псковские купцы, ч. 2 — 192
- Мерзон А. С.*, ч. 1 — 76, 79, 81, 82, 84, 85, 87, 90, 91, 92, 95, 96, 99, 102, 103, 134, 135
- Мец Н. Д.*, ч. 1 — 150
- Мешалкин Василий, отрок, ч. 2 — 134
- Мешуков Афанасий, лекарь, ч. 2 — 65
- Мешеринов И., воевода, ч. 1 — 271, 272, 281
- Микифоров Яким, пушечный мастер, ч. 1 — 278
- Миклашевский #.*, ч. 1 — 31, 34, 172
- Микифоров Федор, целовальник, ч. 2 —
- 158
- Милитриса, *лит.*, ч. 2 — 117 ;
- Миллер В. Ф.*, ч. 2 — 117, 194 •:
- Милоев Л. В.*, ч. 1 — 42 \
- Милонов Л. П.*, ч. 1 — 171
- Милославский И. Д., боярин, ч. 1 — 108, 268, 312; ч. 2 — 64, 133, 285
- Милославский Ф. Я., боярин, ч. 2 — 69
- Милославские, бояре, ч. 1 — 186; ч. 2 — 95
- Мильчевский Мартин, польский композитор, ч. 2 — 281, 282
- Милюков П. М.*, ч. 1 — 155
- Миненко Н. А.*, ч. 2 — 25
- Минин Иван, лекарь, ч. 2 — 64, 65
- Минин Иван, токарь, ч. 1 — 78
- Минин Кузьма, ч. 1 — 234; ч. 2 — 94, 158
- Миронов Иван, лекарь, ч. 2 — 65
- Миронов Фрол, самопальный мастер, ч. 1 — 271
- Миронов Яков, лекарь, ч. 2 — 65
- Мисаил, митрополит белгородский и обоянский, ч. 2 — 91
- Митрофанов В. П.*, ч. 2 — 212, 230, 231, 232
- Митрофанова В. В.*, ч. 2 — 93, 100
- Михаил, архангел, *библ.*, ч. 2 — 211, 220, 232, 272
- Михаил Федорович, царь, ч. 1 — 21, 51, 147—153, 155, 226, 230, 232, 243, 302, 308, 321, 332, 333; ч. 2 — 36, 56, 73, 107, 109, 157, 209, 223, 232, 234, 235, 242, 244, 245, 246, 250, 254, 256, 257, 285, 302, 304
- Михайлов А., зодчий, ч. 2 — 195
- Михайлов Иван, аптекарь, ч. 2 — 64
- Михайлов Ивашка, сторож, ч. 2 — 69
- Михайлов К., пушечный мастер, ч. 1 — 278
- Михайлов Кондратий, пушечный мастер, ч. 1 — 267
- Михайлов Максим, лекарь, ч. 1 — 260
- Михайлов Михаил, кабальный человек, ч. 2 — 153
- Михайлов Михаил, мастер-ювелир, ч. 2 — 247, 255
- Михайлов Яков*, оружейник, ч. 1 — 267
- Михайловский Б. В.*, ч. 2 — 210, 214, 230
- Михайловский И. М.*, ч. 2 — 144,
- Михалков Д. М., дворянин, ч. 2 — 28
- Мишка, татарчонок, ч. 1 — 266
- Мишуков Ф. Я.*, ч. 1 — 94; ч. 2 — 240, 241
- Мнёва Н. Е.*, ч. 2 — 208—213, 218, 222—224, 226, 227, 233, 249, 269
- Мокеев Аверкий, зодчий, ч. — 182
- Молгар Иван, окулист, ч. 2 — 66
- Молчанов Богдан, пушечный мастер, ч. 1 — 266
- Мопс, *лит.*, ч. 2 — 139
- Мордовцев Д.*, ч. 2 — 145
- Мордухович Л. М.*, ч. 2 — 41
- Мориц Нассауский (принц Оранский), ч. 1 — 242, 243, 248
- Морозов А. А.*, ч. 2 — 112, 125
- Морозов Б. И., боярин, ч. 1 — 12, 15, 29, 37, 40, 42, 43, 45, 49, 50, 52—54, 60, 61, 65, 70—74, 108, 133, 186, 219, 221, 223—225, 229, 340; ч. 2 — 44, 64

- Морозов И. Г., стольник, ч. 1—52
Морозов П. О., ч. 2—132, 138,
 Морозова А. И., боярыня, ч. 2—246
 Морозова Ф. П., боярыня, ч. 1—337
 Мосеев Оска, ч. 1—334
 Москвитин Емельян, живописец, ч. 2—210
 Москвитин Иван, пушечный мастер, ч. 1—267
 Моторян Дмитрий, мастер, ч. 2—258
 Мохисв М. Ф., пушкарский голова, ч. 1—256
Мулюкина А. С., ч. 2—8, 9
 Муравей Иван, иконописец, ч. 2—271
Муравьев А. В., ч. 1—130, 132
Муравьева Л. Л., ч. 1—49, 231
Муратов П., ч. 2—209
Мурзакевич, ч. 1—276
 Мусин-Пушкин И. А., воевода, ч. 1—310
Мышлаевский А. З., ч. 1—248
 Навуходоносор, *библ.*, ч. 2—123, 128, 132, 136, 137, 138
Назаревский А. А., ч. 2—33, 106, 108
Назаров В. Д., ч. 2—38
 Нардин-Нащокин, боярин, *лит.*, ч. 2—105, 115, 116
 Нартов А., ч. 1—162
 Нарыков Степан, живописец, ч. 2—238
 Нарышкин Л. К., боярин, ч. 2—238
 Нарышкина Наталья Кирилловна, царица, ч. 1—332; ч. 2—130, 238
 Нарышкины, ч. 1—253
 Наседка Иван, священник, ч. 2—161, 162, 290, 297
 Наумов Г., пушечный мастер, ч. 1—278
 Неверов Иван, каменных дел мастер, ч. 1—284, 289
 Невежа Андроник Тимофеевич, печатник, ч. 2—156
 Невежа Иван Андронникович, печатник, ч. 2—156, 166
 Невежин Алексей, наборщик, ч. 2—158
Невострев К. И., ч. 2—12
 Неждановские, ярославские купцы, ч. 2—184
Некрасов А. И., ч. 2—213
Некрасова Н., ч. 2—231
 Непейцын, кашинский воевода, ч. 2—63
 Неронов Иван, протопоп московского Казанского собора, ч. 2—286, 300
 Несмеянов Иван, лекарь, ч. 1—260
Нечаев В. В., ч. 2—8, 26, 217
Нечкина М. В., ч. 1—8
 Никита, *лит.*, ч. 2—156
 Никита, воин, *библ.*, ч. 2—211, 212
 Никита Богдан, чертежник, ч. 1—290
 Никитин Гурий, живописец, ч. 2—229, 230, 231
 Никитин Иван, лекарь, ч. 2—65
 Никитин П., художник, ч. 2—232
 Никитин Р., приказчик, ч. 1—127
 Никитины, купцы, ч. 1—67, 127
 Никитниковы, купцы, ч. 2—177
 Никодимов, распевщик, ч. 2—280
 Никола Зарайский, «св.», ч. 2—232
 Николай Мирликийский (Никола угодник), «св.», ч. 1—41; ч. 2—110, 210, 226, 230, 293
 Никола Можайский, «св.», ч. 2—267
Николаева А. Т., ч. 1—137
Николаевский П. Ф., ч. 2—150, 159, 161, 166
 Никольский А. А., ч. 2—215
 Никольский В. А., ч. 2—257
 Никольский Н. М., ч. 1—76, 77, 80, 83, 84, 87, 88, 89, 92; ч. 2—299,
 Никон, патриарх, ч. 1—17, 116, 220, 225, 309; ч. 2—29, 73, 74, 156, 159, 162, 163, 176, 181, 182, 187, 188, 193, 237, 240, 244, 259, 271, 277—279, 281, 286, 291, 300, 302, 305—307, 309, 311
 Новиков Захарий, ч. 2—161
 Новиков Н. И., ч. 2—75
 Новиков Ю. Ф., ч. 1—35
 Новицкий А., ч. 2—234
 Новицкий Г. А., ч. 1—108, 117, 118
Новомбергский Н. Я., ч. 1—306, 333, 336, 341
 Новосельский А. А., ч. 1—17, 26, 35, 46, 50, 51, 70, 235, 295; ч. 2—15, 16, 23, 302
 Носова Г. А., ч. 2—24, 26
 Оболенский, князь, ч. 2—277
 Оболенский Г. В., стольник, ч. 2—19
Образцов, Г. Н., ч. 1—34, 42
 Овдокимов Гаврила, мастер-ювелир, ч. 2—242, 249
 Овсен, *языч.*, ч. 2—91
 Овчинник Минька, житель г. Кашина, ч. 1—238
 Овчинник Исачко, житель г. Кашина, ч. 1—238
 Овчинников Р. В., ч. 1—125
 Овчинникова Е. С., ч. 2—130, 178, 215, 216, 218, 220, 221, 224, 227, 232, 234, 237, 238, 282
Огиненко И., ч. 2—163
Оглоблин Н. Н., ч. 1—124, 132, 281
 Оглодаевы, ярославские купцы, ч. 1—134
Огородников В. И., ч. 1—32
Огризко З. А., ч. 1—30, 33, 36, 44, 54
 Огурцов Важен, зодчий, ч. 2—179, 181
 Одоевский Н. И., князь, ч. 1—43, 134, 310
 Одоевский Я. И., князь, ч. 2—64
 Одоевские, князья, ч. 1—264, 310; ч. 2—153, 181, 191
 Одольский Григорий, художник, ч. 2—238
 Оконнишников Устин Ефремов, оконничник, ч. 1—82
 Олеарий А., путешественник, ч. 1—45, 48, 51, 54, 65, 70, 72, 126, 141, 152, 154, 184, 196, 203, 206—209, 218, 221, 224, 225, 228, 229, 232, 265, 268, 271; ч. 2—9, 16, 18, 21, 50, 51, 57, 92, 99, 127, 150, 286, 288, 289, 296, 298, 308, 309
 Олишев Алексей, ч. 1—40
 Олоферн, *библ.*, ч. 2—135, 137—140
 Ольга, «св.», ч. 2—212
 Андреев Андрюшко, иконник, ч. 1—287
 Онтропов (Антропов) Аввакум, самопальный мастер, ч. 1—272

- Опочинин Е., ч. 1 — 233
 Ордин-Нащокин А. Л., боярин, ч. 1 — 125, 137, 138, 152, 310; ч. 2 — 44—46, 150
 Орешников А., ч. 2 — 248
 Орлов А. С., ч. 2 — 109, ПО
 Орфей, миф., ч. 2 — 132, 284
 Осипов Данила, мастер-ювелир, ч. 2 — 242
 Осипов Ивашка, пушкарь, ч. 1 — 255
 Осипов Киприян, оружейник, ч. 1 — 267
 Осипов Мартемьян, пушечный мастер, ч. 1 — 267, 280
 Осипов Мелентий, оружейник, ч. 1 — 267
 Осипов Наум, лекарь, ч. 2 — 64, 65
 Осипов Яков, самопальный мастер, ч. 1 — 271
 Осорьин Дружина, лит., ч. 2 — ПО
 Осорьина Улиания, лит., ч. 2 — ПО
 Остафьев Гурий, крестьянин, ч. 1 — 134
 Остафьев Никифорко, чертежник, ч. 1 — 290
 Островский Гаврила, ч. 2 — 221
 Островский П., ч. 2 — 277
 Острожский Клирик, писатель, ч. 2 — 161
 Остринин Я., гетман, ч. 1 — 239
 Отрепьев Григорий, см. Лжедмитрий I
 Отгон, лит., ч. 2 — 117
 Павел, апостол, библ., ч. 2 — 231
 Павел, Крутицкий митрополит, ч. 2 — 306
 Павлов Андрей, мастер-ювелир, ч. 2 — 247, 255
 Павлов Никита, пушечный мастер, ч. 1 — 266
 Павлов А. С., ч. 2 — 303
 Павлов П. Я., ч. 1 — 66—68
 Павлов-Сильванский Н. П., ч. 1 — 300
 Павловец Никита Иванов, иконописец, ч. 2 — 226
 Пажитнов К. А., ч. 1 — 121
 Паисейн Иван, мастер, ч. 2 — 271
 Паисий, alexandрийский патриарх, ч. 2 — 306
 Паисий Лигарид, митрополит газский, ч. 2 — 150, 306, 307
 Палеолог, ч. 2 — 139
 Палицын Авраамий (в миру Аверкий), келарь Троице-Сергиева монастыря, ч. 1 — 25; ч. 2 — 33—37, 72, 107, 108
 Палицын А. Ф., воевода, ч. 1 — 319
 Пальмквист, ч. 1 — 57
 Панкратова А. М., ч. 1 — 13, 14
 Панкратова Н. П., ч. 2 — 27
 Панкратьев И., купец, ч. 1 — 133
 Панкратьевы, ч. 1 — 59
 Пантанус Петр, доктор, ч. 2 — 66
 Панченко А. М., ч. 2 — 23, 123
 Параскева Пятница, «св.», ч. 2 — 267
 Парасуков А., ч. 1 — 254
 Патрикеев С, купец, ч. 1 — 268
 Паульсен З., фабрикант-заводчик, ч. 1 — 108, 119
 Пахомов Ивашка, чертежник, ч. 1 — 290
 Пекарский П. П., ч. 2 — 216
 Пельцер Иоганн, ч. 2 — 132
 Первуша, иконописец, ч. 2 — 210
 Первухин Н., ч. 2 — 230
 Пересветов Иван, писатель-публицист XVI в., ч. 2 — 41
 Перетц В. Н., ч. 2 — 58
 Перри Дж., ч. 2 — 50, 51
 Перша, иконописец, ч. 2 — 209
 Перун, язык., ч. 2 — 59
 Пестриков Кирилл, мастер-ювелир, ч. 2 — 255
 Пестриков Третьяк, мастер-ювелир, ч. 2 — 242
 Петелин Илья, плотник, ч. 1 — 77
 Петр, апостол, библ., ч. 2 — 211, 230, 231
 Петр I, император, ч. 1 — 6, 9, 12, 13, 17, 19, 105, 155, 160, 164, 218, 243, 251, 253, 256—258, 267, 269, 270—272, 275, 277, 280, 281, 301, 309, 312, 321, 322, 327, 332; ч. 2 — 7, 8, 19, 29, 40, 41, 53, 54, 56, 65, 70, 130, 154, 201, 233, 235, 238, 284
 Петр Златых ключей, лит., ч. 2 — 117
 Петр Могила, киевский митрополит, ч. 2 — 161, 227, 289
 Петрей Ерлезунда П., ч. 1 — 47, 223, 224, 225
 Петрикеев Д. И., ч. 1 — 29, 46, 60, 61, 73
 Петров Д. И., ч. 1 — 29, 46, 60,
 Петров В. А., ч. 1 — 132, 234
 Петров В. П., ч. 1 — 30
 Петров Н. А., ч. 1 — 288
 Петров Кирилл, лекарь, ч. 1 — 260
 Петров Н. Л., купец, ч. 2 — 157
 Петров Петрушка, пушечный мастер, ч. 1 — 267
 Петров С, зодчий, ч. 2 — 195
 Петров Тимофей, иконописец, ч. 2 — 232
 Петрушка, герой кукольных представлений, ч. 2 — 92, 127
 Пеунова М. Н., ч. 2 — 12, 13, 15, 35, 41
 Пештич С. Л., ч. 2 — 76
 Пьеро, ч. 2 — 165
 Пикельгеринг, шут, ч. 2 — 138
 Писарев Н. И., ч. 2 — 10
 Писарская Л. В., ч. 2 — 243
 Писаревский Г., ч. 1 — 272
 Пискаров, ч. 2 — 169, 221, 227, 230, 248
 Питирим, патриарх, ч. 2 — 251
 Пичета В. И., ч. 1 — 226,
 Платон, древнегреческий философ, ч. 2 — 76
 Платонов С. Ф., ч. 1 — 247; ч. 2 — 108, 297
 Платонова Н. Г., ч. 1 — 94, 241, 244
 Плеханов Г. В., ч. 2 — 38, 42, 312
 Плешкович Иоанн, сербский архидиакон, ч. 2 — 224
 Плотниковы, ремесленники, ч. 1 — 75
 Плутон, миф., ч. 2 — 132
 Поварнин Г., ч. 1 — 100, 101
 Поганкин Сергей, псковский купец и промышленник, ч. 1 — 134
 Поганкины, псковские купцы, ч. 2 — 192
 Подражанский А. С., ч. 2 — 70
 Подуруев Василий, лекарь, ч. 2 — 65
 Подъяпольский Р., ч. 2 — 202
 Пожарский Д. М., князь, ч. 1 — 207, 234, 310; ч. 2 — 95, 158, 173
 Позднеев А. В., ч. 2 — 101, 122

- Покровский А. А., ч. 1—116; ч. 2—156, 158, 159, 161—164, 166
 Покровский М. Н., ч. 1—7, 8, 247; ч. 2—311
 Покровский Н., ч. 2—230
 Полибий, древнегреческий философ, ч. 2—76
 Поликарпов Федор, справщик, ч. 2—151, 153, 154, 156
 Полоцкий Симеон (С. К. Петровский-Ситнианович), писатель, ч. 2—12, 14, 39, 40, 42, 43, 88, 123—125, 129, 132, 133, 138, 139, 140, 144—146, 150, 156, 157, 163—165, 195, 215, 216, 220, 284
 Полубес Степан, зодчий, ч. 2—89
 Полуехт, садовник, ч. 1—49
 Померанцев Н. Н., ч. 2—249, 254, 267
 Померанцева А. Э., ч. 2—99
 Пономарев Н. А., ч. 1—220
 Попов А. Н., ч. 2—73, 108
 Попов Иван, мастер-ювелир, ч. 2—244
 Попов Н., ч. 2—100
 Попов Н. П., ч. 2—284
 Попов П., ч. 2—58
 Портов М. Э., ч. 1—274, 281, 282
 Порывкин Н., московский купец, ч. 1—149
 Посошков И. Т., писатель, ч. 1—155, 252; ч. 2—87
 Поспел, мастер, ч. 1—88
 Поспелов Сидор, иконописец, ч. 2—271
 Постников В. Т., дьяк Посольского приказа, ч. 2—70
 Постников П. В., доктор медицины, ч. 1—261; ч. 2—70, 153
 Постникова-Лосева М. М., ч. 1—94; ч. 2—240, 241, 249, 253
 Потанин Г. П., ч. 2—117
 Потапов Н., иконописец, ч. 2—283
 Потехин П., зодчий, ч. 2—191, 192, 202
 Потин В. М., ч. 1—154
 Потифар, *библ.*, ч. 2—131, 135, 252
 Потык, *был.*, ч. 2—93
 Поярков В. Д., землепроходец, ч. 1—68; ч. 2—62, 63
 Прасковья Федоровна, царица, ч. 2—100
 Преображенский А. А., ч. 1—27, 31, 40, 42, 127, 140, 142, 143; ч. 2—38
 Преображенский А. В., ч. 2—279—281, 284
 Приклонский С. А., ч. 1—166
 Провоторхов Никита, пушечный мастер, ч. 1—266
 Прозоровский А. А., ч. 1—252; ч. 2—150, 163
 Прозоровский С., князь, ч. 1—250
 Прозоровские, князья, ч. 2—202
 Прокопович Феофан, ч. 2—88
 Прокофьев Артемий, лекарь, ч. 2—64
 Прокофьев Клим, лекарь, ч. 1—260
 Прокофьев Максим, ч. 2—64
 Прокорьев Григорий, гранатный мастер, ч. 1—280
 Прокофьев Сергей, лекарь, ч. 2—65
 Прокофьева Л. С., ч. 1—30, 33, 36, 37, 39, 42, 44, 53, 55, 58, 135
 Пронский М., князь, ч. 2—67
 Пронские, князья, ч. 1—310
 Пронштейн А. П., ч. 1—223
 Просвирина С. К., ч. 1—87
 Проскуровский Ю., органист, ч. 2—285
 Проскуракова Т. С., ч. 1—183
 Протасьева Т. Н., ч. 2—12
 Протодяконовы, скупщики, ч. 1—134
 Пруссак А., ч. 1—47, 70
 Птолемей, древнегреческий ученый, ч. 2—56, 60
 Пузиков В. М., ч. 2—39, 40, 43
 Пуришев Б. П., ч. 2—210, 214, 229, 230
 Пустынников Иван, пушечный мастер, ч. 1—276
 Путилов Б. Н., ч. 2—91
 Путимцов Иван, самопальный мастер, ч. 1—272
 Пушкарев Л. П., ч. 1—42; ч. 2—23, 103
 Пушкин М. О., боярин, ч. 1—310
 Пушкин Федька, ч. 1—310
 Пыжов, стрелецкий голова, ч. 2—189
 Пыпин А. Н., ч. 2—58, 121
 Рабинович Г. С., ч. 1—55, 57
 Рабинович М. Г., ч. 1—141, 182, 196, 198, 200, 209; ч. 2—26
 Рабинович М. Д., ч. 1—253
 Рагозин Абрам, житель Кадашевской слободы, ч. 2—298
 Радишевский Онисим, ч. 1—275, 276; ч. 2—156, 166
 Раев Иван, лекарь, ч. 2—65
 Разин С. Т., предводитель крестьянской войны, ч. 1—10, 17, 24, 242, 253, 258; ч. 2—37, 38, 95—99, 233, 286
 Райков Б. Е., ч. 2—60
 Рамм К., ч. 1—188
 Растрелли К., ч. 2—182
 Ратаев Иван, ч. 1—334
 Рахматуллин М. А., ч. 2—38
 Ревякины, купцы, ч. 1—67, 127
 Резников Ф. П., ч. 1—30, 34, 44, 52, 54
 Рейтенфельс Я., путешественник, ч. 1—34, 65, 69, 70, 72, 223, 225, 230, 241, 252, 258, 261, 262, 281; ч. 2—20, 25, 289
 Ремезов Степка, подьячий, ч. 1—317
 Репкин Любимка, кирпичник, ч. 1—333
 Репнин Б. А., князь, ч. 1—241, 277, 294
 Репнин И. Б., князь, ч. 2—238
 Репнин Н. И., генерал, ч. 1—263
 Репнины, князья, ч. 1—310
 Ретковская Л. С., ч. 2—56, 210
 Реутский Н. В., ч. 2—299
 Решиковы, мастера резчики по дереву, ч. 1—75
 Ржига В. Ф., ч. 2—107
 Ринбугер Лаврентий, доктор медицины, ч. 2—66
 Рингубер Л., иноземец, ч. 2—130, 134
 Рихтер В., ч. 2—67, 70
 Робинсон А. Н., ч. 2—7, 40, 43, 109, 136
 Ровинский Д. А., ч. 1—182; ч. 2—117, 119, 167, 210, 248
 Рогов А. И., ч. 2—55, 153, 154, 276
 Рогов Михаил, протопоп, ч. 2—161
 Родес, шведский резидент, ч. 1—155
 Родин Ф. М., ч. 1—141
 Рожков В. Н., ч. 1—110

- Рожков С., художник, ч. 2 — 232
Розен Б. Я., ч. 1—58
Розов В. А., ч. 2 — 114
Романов Б. А., ч. 1 — 167
 Романов Дружина, пушечный мастер, ч. 1—266
 Романов Н. А., боярин, ч. 2 — 8
 Романов Н. И., боярин, дядя царя, ч. 1—17, 270—272, 281, 334; ч. 2 — 95, 285
Романова Л. Т., ч. 2 — 120
 Романовы — царская династия, ч. 1 — 12, 302; ч. 2 — 73, 74, 244
 Ромодановский Г. Г., ч. 1—283, 310
 Ромодановский Ю. И., князь, ч. 1 — 134
 Ростовский Дмитрий, ч. 2 — 285
 Ростовщиков А. В., солевар, ч. 1 — 59
Ротар И., ч. 2 — 149
 Ртищев, боярин, ч. 2 — 68
 Ртищев И. М., офицер, ч. 1 — 247
 Ртищев Ф. М., боярин, ч. 1 — 310; ч. 2 — 44, 149, 276, 277, 280
 Ртищевы, ч. 1 — 61
Рубан В., ч. 1 — 275
Рубцов Н. Н., ч. 1 — 96; ч. 2 — 58
Румянцев В. Е., ч. 2 — 158, 159
Руцинский Л. П., ч. 2 — 289
 Рюйш, голландский доктор, ч. 2 — 70
Рюмина О. Л., ч. 2 — 82, 89
 Рюрик, норманнский князь, ч. 2 — 31, 72
- Савва, *лит.*, ч. 2 — 121
Савва В. И., ч. 2 — 297
Савваитов П., ч. 2 — 158
 Савватий Соловецкий, «св.», ч. 2 — 293
 Савеловы, дворяне, ч. 2 — 153
 Савин Истома, иконописец, ч. 2 — 210
 Савин Назарий, иконописец, ч. 2 — 210
 Савин Никифор, иконописец, ч. 2 — 209, 211—213
 Савин Петр, иконописец, ч. 2 — 232
 Савин Сила, иконописец, ч. 2 — 229, 231
 Савин Федор, иконописец, ч. 2 — 200
 Савинов Иван, оружейник, ч. 1 — 267
Савич А. А., ч. 1 — 58
 Сазонов Артемий, художник, ч. 2 — 237
Сакович С. И., ч. 1 — 122
 Салтанов Иван, живописец, ч. 2 — 233, 237
Салтыков А. А., ч. 2 — 215
 Салтыков Михаил, боярин, ч. 2 — 108
 Самойлов Д. И., пушкарский голова, ч. 1 — 256
 Самойлович И., гетман, ч. 1 — 161, 162; ч. 2 — 221
 Самсон, *библ.*, ч. 2 — 252
 Сандредам, ч. 2 — 165
 Сапега, польский военачальник, ч. 2 — 272
 Сапожник Якуня, мастер, ч. 1—88
 Сардаров П., ч. 2 — 280
Сафронов Ф. Г., ч. 1 — 32, 34, 37, 46, 47
Сахаров А. М., ч. 1 — 16
Сахаров А. #., ч. 2 — 11
Сахаров И. П., ч. 2 — 58, 210
 Сахарников Ивашко, житель г. Кашина, ч. 1 — 238
 Сахарников Степка, житель г. Кашина, ч. 1 — 238
Сачавец-Федорович Е., ч. 2 — 230
- Сведен фон, И., иноземец, ч. 1 — 116, 119, 120
 Свечков Дмитрий, мастер, ч. 2 — 259
 Светешников Надей, ярославский купец, ч. 1—67, ПО, 121, 268; ч. 2 — 172
 Светухин Яков, самопальный мастер, ч. 1 — 272
Свирич А. Н., ч. 2 — 214, 232—234, 271
 Святополк «Окаянный», князь, ч. 2 — 112
Селиванов В., ч. 1 — 40
 Семен, «св.», ч. 1 — 72
 Семенов Абрашка, ч. 2 — 134
 Семенов В. Г., разрядный дьяк, ч. 2 — 16, 17
 Семенов Дмитрий, художник, ч. 2—231
 Семенов Иван, лекарь, ч. 2 — 65
 Семенов Кузьма, лекарский ученик, ч. 1 — 261
 Семенов Николай, ч. 2 — 154
 Семенов Семен, лекарский ученик, ч. 1 — 261
 Семенов Филька, работный человек, ч. 1 — 62
Семенов Ю. И., ч. 2—290
Сербина К. #., ч. 1—36, 127, 170, 176, 188, 192, 194, 197
 Сергеев Ермолай, иконописец, ч. 2 — 232
 Сергеев Петр, оружейник, ч. 1 — 267
 Сергеев С., стрелецкий голова, ч. 1 — 274
 Сергеев Яков, иконописец, ч. 2 — 232
Сергеевский Н. Д., ч. 1 — 335, 337, 338
 Сергей, архимандрит Спасского ярославского монастыря, ч. 2 — 296
 Сергей Радонежский, основатель Троице-Сергиева монастыря, «св.», ч. 2 — 161, 213, 218, 232
Серебрянников Н. #., ч. 2 — 267
Середонин С. М., ч. 1—238
 Сериков Ф., купец, ч. 1 — 121
 Серков Кирилл, каменных дел мастер, ч. 1 — 289
Серман И. З., иноземец, ч. 2 — 133
 Сиверс Петр, иноземец, ч. 2 — 134
 Сигизмунд III, польский король, ч. 1 — 244; ч. 2 — 32
Сидоров А. А., ч. 2 — 159, 165, 166, 220
 Сидоров М., мастер, ч. 1—287
Сизов Е. С., ч. 1 — 35
 Сильвестр, архимандрит Андронникова монастыря, ч. 2 — 161
 Симеон, смоленский митрополит, ч. 2 — 284
 Симеон Столпник, «св.», ч. 2 — 208
 Симон, вологодский архиепископ, ч. 2 — 291
 Симон Фарисей, *библ.*, ч. 2 — 165
Симони П. К., ч. 2 — 102, 287,
Симонов Р. А., ч. 2 — 47
Симоновский В. В., ч. 2 — 115
 Сирин Офрем, церковный писатель, ч. 2 — 166
 Сисера, *библ.*, ч. 2 — 134
Скворцов Д., ч. 2 — 162
 Скобеев Фрол, *лит.*, ч. 2—83, 115, 116, 119
 Скопин-Шуйский М. В., полководец, ч. 1—243, 281; ч. 2 — 95, 107, 108, 234

- Скорина Франциск Георгий, печатник, ч. 2 — 70
- Скребок С. С., ч. 2 — 278—280
- Скрипиль М. О., ч. 2 — 93, 105, ПО, 114
- Скрипины, ярославские купцы, ч. 2 — 184
- Скрынников Р. Г., ч. 1 — 16
- Скрышинская Е. Ч., ч. 1 — 111
- Скуратов Малюта, ч. 2 — 95
- Славинецкий Епифаний, писатель, ч. 2 — 55, 66, 143, 149, 150, 163
- Слободин В. М., ч. 1 — 31
- Словцев, священник, ч. 1 — 46
- Сменцовский М., ч. 2 — 152
- Смирнов Д. Н., ч. 1 — 65, 72, 73, 222
- Смирнов И. И., ч. 1 — 106, ПО, 113—115
- Смирнов #., ч. 2 — 145
- Смирнов П., ч. 1 — 235, 236
- Смирнов П. П., ч. 1 — 16, 18, 149, 175, 179, 268, 329, ч. 2 — 304
- Смирнов С., ч. 2 — 153, 154
- Смоленский С. В., ч. 2 — 282
- Смолянинов Лука, художник, ч. 2 — 235, 237
- Смольный Василий, танцор, ч. 2 — 134
- Смотряцкий Милетий, ч. 2 — 85, 88—90, 148, 156
- Смывалов Михаил, купец, ч. 2 — 56
- Снегирев В., ч. 2 — 26
- Снегирев И. М., ч. 2 — 210
- Соболевский А. И., ч. 2 — 60, 107, 123, 142
- Соболь Спиридон, украинский печатник, ч. 2 — 163, 167
- Соболь С. Л., ч. 2 — 56
- Советов А., ч. 1 — 29
- Соколов С., ч. 1 — 257
- Соколов Ю. М., ч. 2 — 118
- Соколова В. К., ч. 2 — 97, 98
- Соколова М. А., ч. 1 — 316; ч. 2 — 115
- Соколовский М., ч. 1 — 261
- Соколовский П. А., ч. 1 — 166
- Соловей Иван, иконописец, ч. 2 — 271
- Соловьев, полковник, ч. 2 — 64
- Соловьев К. А., ч. 1 — 189
- Соловьев С. М., ч. 1 — 6, 149, 150, 151, 153, 251, 263, 317; ч. 2 — 100, 101
- Софокл, древнегреческий драматург, ч. 2 — 76
- Сафонов Максимка, ч. 1 — 86
- Софья Алексеевна, царица, ч. 1 — 162, 253; ч. 2 — 171, 201, 238, 247
- Софья Михайловна, царица, ч. 2 — 56
- Спаский И. Г., ч. 1 — 146, 148, 150, 152—158, 162—164; ч. 2 — 50, 51
- Спафарий Николай, ч. 2 — 63, 144
- Спегальский Ю. П., ч. 1 — 144; ч. 2 — 192
- Сперанский А. Н., ч. 1 — 284
- Сперанский М. Н., ч. 2 — 100
- Спиридонов Семен (холмогорец), иконописец, ч. 2 — 232
- Срезневский И. И., ч. 1 — 211
- Ставр Годинович, был., ч. 2 — 93, 94
- Ставрович А. М., ч. 2 — 108
- Старцев В. И., ч. 1 — 39, 46, 53
- Старцев Дмитрий, «горододелец», ч. 1 — 287, 289; ч. 2 — 199
- Старцев О., зодчий, ч. 2 — 200, 202
- Старицкие, князья, ч. 2 — 271
- Шташевский Е. Д., ч. 1 — 134, 301
- Стенбук, шведский посол, ч. 1 — 152
- Степанов Дмитрий, иконописец, ч. 2 — 229
- Степанов И. В., ч. 1 — 59, 70, 143
- Степанов Лука, отрок, ч. 2 — 134
- Степанов Петр, ч. 2 — 153
- Стефан Пермский, «св.», ч. 2 — 107
- Стефан Святогорец, греческий монах, ч. 2 — 163
- Стефанов М., замочный мастер, ч. 1 — 272
- Сторожев В. Н., ч. 1 — 26, 33; ч. 2 — 149, 150
- Стоксова Н. Н., ч. 1 — 106, 108—110, 112, 119, 120
- Стрейс Я. Я., ч. 1 — 45, 47, 65, 70, 72, 221, 224
- Стрешнев В. И., ч. 2 — 250
- Стрешнев Семен, лит., ч. 2 — 115
- Строганов Аникей, ч. 1 — 142
- Строганов Григорий, ч. 1 — 58
- Строганов Д. А., ч. 2 — 272
- Строганов М. М., ч. 1 — 150
- Строганова А. И., ч. 2 — 272
- Строгановы, ч. 1 — 14, 55, 58, 59, 128, 140, 142, 177, 195, 217; ч. 2 — 62, 74, 201, 211, 254, 271
- Строев А., «горододелец», ч. 1 — 290
- Строев П., ч. 2 — 244
- Струков Андрей, мастер-оружейник, ч. 1 — 276
- Струмилин С. Г., ч. 1 — 30, 46, 106, 111, 112, 119; ч. 2 — 59
- Стрыйковский М., ч. 2 — 75
- Субботин Н. И., ч. 2 — 292
- Суворов Н. И., ч. 1 — 150
- Сулешов Ю. Я., князь, ч. 1 — 310
- Сумароков, холоп, ч. 1 — 334
- Сурун А. Е., ч. 2 — 49
- Суровцовы, солевары, ч. 1 — 59
- Сусаким, библ., ч. 2 — 134, 138
- Сусанна, библ., ч. 2 — 252
- Суслов А. И., ч. 2 — 213, 230
- Суслов И. Т., крестьянин, ч. 2 — 299
- Суслов М. И., ч. 2 — 254
- Сутулов Карп, лит., ч. 2 — 99, 118
- Сутулова Татьяна, лит., ч. 2 — 119
- Сухан, был., ч. 2 — 93, 94
- Суханов Арсений, монах, ч. 2 — 162
- Суханов И. В., ч. 2 — 6, 25
- Сухотин Л. И., ч. 1 — 148
- Сухотин Федор, «горододелец», ч. 2 — 290
- Сычев Николай, ч. 2 — 165, 212, 218
- Сычгин Василий, дьяк, ч. 1 — 317
- Таборовский Матвей, ч. 2 — 63
- Таборовский И. М., ч. 2 — 63
- Тазихина Л. В., ч. 1 — 210
- Тамерлан, лит., ч. 2 — 131, 132, 135—140
- Таннер Б., ч. 1 — 227, 241, 259, 277; ч. 2 — 18
- Тарабасова Н. А., ч. 1 — 316
- Тарабрин И. М., ч. 2 — 146, 167, 169
- Тарасов Иван, мастер-ювелир, ч. 2 — 255
- Тарасов Ю. М., ч. 1 — 27

- Тарталья Николай, основатель баллистики, ч. 1 — 275
Татарский И., ч. 2 — 123
Татишвили В. И., ч. 2 — 154
Татищев В. Н., ч. 2 — 71
 Татьяна Михайловна, царевна, ч. 2 — 56
 Тауберт И., заводчик, ч. 1 — 108, 118, 119
Тверская Д. И., ч. 1 — 122—124, 134, 136
Тверской Л. М., ч. 1 — 178, 179, 183
 Тектандер, иностранец, ч. 1 — 232
 Телепнев, дьяк, ч. 2 — 244
Тельберг Г. Г., ч. 1 — 333, 336
 Темниковский, ч. 2 — 66
 Терентий, «св.», ч. 2 — 293
 Терентьев Моисей, ч. 2 — 59
 Теряев Григорий, «горододелец», ч. 1 — 290
 Тимофей, иеромонах, ч. 2 — 151
 Тимофей, священник, иконописец, ч. 2 — 229
Тимофеев А. Г., ч. 1 — 335
 Тимофеев Агафон, ч. 2 — 161
 Тимофеев Демид, лекарь, ч. 2 — 65
 Тимофеев Иван, дьяк, ч. 2 — 31, 34—37, 72
Тимофеев Л. И., ч. 2 — 123
 Тимофеев Спиридон, иконописец, ч. 2 — 213
Титаренко А. И., ч. 2 — 12, 15
Титов А. А., ч. 1 — 32; ч. 2 — 265
 Титов Василий, композитор, ч. 2 — 281, 284
Титов Л. Л., ч. 2 — 238
 Титов Васьяка, оружейный мастер, ч. 1 — 266
 Тихов Ивашка, лекарский ученик, ч. 1 — 261
 Тихов Левка, лекарский ученик, ч. 1 — 261
 Тихов Якушка, лекарский ученик, ч. 1 — 261
Тихомиров М. Н., ч. 1 — 8, 18, 37, 49, 69, 76, 139, 180, 186, 187, 225, 250, 305, 316, 325; ч. 2 — 37, 71, 75, 119
Тихонравов Н. С., ч. 2 — 24, 55
Тихонов Ю. А., ч. 1 — 37, 42, 45, 49, 52, 54, 76, 79, 81, 82, 84, 85, 87, 90—92, 95, 96, 99, 102, 103, 134, 135, 137; ч. 2 — 38
 Товий, *биб.*, ч. 2 — 131, 132
Толстое С. П., ч. 1 — 188, 191
 Торопец, *был.*, ч. 2 — 93
 Точков Богдан, чертежник, ч. 1 — 290
 Градескант Старший, английский натуралист, ч. 1 — 38, 221; ч. 2 — 62
 Третьяков П. М., ч. 2 — 210
 Третьяков Петр, думный дьяк, ч. 2 — 250
Трифильев Е. П., ч. 1 — 62
 Троекуровы, бояре, ч. 1 — 264; ч. 2 — 200
Троицкий В. И., ч. 1 — 145; ч. 2 — 239, 255, 257
 Трофимов Василий, наборщик, ч. 1 — 116
 Трофимов И., зодчий, ч. 2 — 194
Трошин А. К., ч. 1 — 64
 Грубецкие, князья, ч. 1 — 264
 Грубецкой А. Н., ч. 1 — 246, 251
- Трухменский А., ч. 2 — 165, 248
 Трясисоломина Гриша, посадский человек, ч. 1 — 334
Туган-Барановский Н., ч. 1 — 121
 Тугарин Змеевич, *был.*, ч. 2 — 93, 94
 Туленщиков Н., лекарь, ч. 1 — 260
Туманский Ф. С., ч. 2 — 154
 Тумашев А., плавильщик, ч. 1 — ПО
 Тумашев Д., заводчик, ч. 1 — ПО, 121
Тхоржевский С. И., ч. 1 — 45
 Тюрен Анри, французский маршал, ч. 1 — 243
- Уар, воин, «св.», ч. 2 — 213, 226
Уринович Д. М., ч. 2 — 290
 Удон, *лит.*, ч. 2 — 122
 Украинцев Е., думный дьяк Посольского приказа, ч. 2 — 17
Уланов В., ч. 2 — 14
 Уланов Василий, иконописец, ч. 2 — 224
 Уланов Иван, иконописец, ч. 2 — 224
 Уланов Кирилл (Карион), иконописец, ч. 2 — 224
 Ульф В., лекарь, ч. 2 — 66
Ульянова Б. Л., ч. 2 — 244
Ундольский В. М., ч. 2 — 162, 277
 Урупков Кондратий, каменных дел мастер, ч. 1 — 289
 Уруской Логгин, ч. 2 — 52
Успенский А. И., ч. 1 — 262, 265, 269, 272, 275, 280; ч. 2 — 217, 222—224, 226, 230, 232, 233, 237
Успенский Н. Д., ч. 2 — 132, 278, 279
Устрялов Н. Г., ч. 1 — 243, 264
Устюгов Н. В., ч. 1 — 27, 31, 43, 52, 55, 58, 59, 90, 91, 94, ПО, 132, 141, 314; ч. 2 — 61, 142, 309
Уткин П. И., ч. 1 — 218
 Ушаков Симон, живописец, ч. 2 — 56, 165, 178, 210, 215—218, 220—222, 224—227, 233, 235, 271, 282
- Фаминцын А.*, ч. 2 — 127
 Федор, *был.*, ч. 2 — 93
 Федор, дьякон, ч. 1 — 116
 Федор Алексеевич, царь, ч. 1 — 131, 141, 175, 261, 264, 301, 322; ч. 2 — 8, 68, 163—165, 235, 237, 238, 244
 Федор Иванович, царь, ч. 1 — 302; ч. 2 — 30, 106, 234
 Федор Сиксот, ч. 2 — 272
 Федор Тирон, ч. 2 — 212
 Федоров А., житель Кадашевской слободы, ч. 2 — 29
 Федоров Андрей, лекарь, ч. 2 — 65, 69
 Федоров Василий, лекарь, ч. 2 — 65
 Федоров Иван, первопечатник, ч. 2 — 165
 Федоров Иван, лекарь, ч. 2 — 65
 Федоров Иван, работный человек, ч. 1 — 62
 Федоров Максим, лучного дела мастер, ч. 1 — 280
 Федоров Микифор, пушечный мастер, ч. 1 — 267
 Федоров Михайла, пушечный мастер, ч. 1 — 267
 Федоров Проня, пушечный мастер, ч. 2 — 278

- Федотовы, купцы, ч. 1 — 127
 Федосеев Семен, пушечный мастер, ч. 1 — 267
 Федосья, «св.», ч. 1 — 41
 Федотьев В., купец, ч. 1 — 154
 Федотов Василий, самопальный мастер, ч. 1 — 271
 Фелтдриль И. фан, ч. 1 — 226
 Фенне Тонни, ч. 1 — 139
 Феодосия, «св.», ч. 2 — 224
 Фитиев Г. М., купец, ч. 2 — 238
 Фефилатьев, стольник, ч. 1 — 316
Фигуратский Н. А., ч. 1 — 64; ч. 2 — 61
 Филарет Никитич, патриарх, ч. 1 — 225, 226, 308, 309; ч. 2 — 7, 27, 162, 211, 290, 291, 296, 297
Филатов В. В., ч. 2 — 232
 Филатьев А. И., купец, ч. 1 — 127
 Филатьев Иван, иконописец, ч. 2 — 224
 Филатьев Тихон, иконописец, ч. 2 — 221, 224
Филимонов Г. Д., ч. 2 — 210, 215, 217
 Филипп, купец, ч. 2 — 296
 Фильгобер Матвей, протестантский пастор, ч. 2 — 297
Финдейзен #., ч. 2 — 284, 285
 Флавий Иосиф, ч. 2 — 108
 Флетчер Дж., ч. 2 — 97
 Флор, «св.», ч. 2 — 293
Флоринский В. И., ч. 2 — 61
Флоря Б. Н., ч. 1 — 37
 Фомин Филька, пушкарь, ч. 1 — 255
Фомичева З. И., ч. 2 — 233
 Фофанов Никита, ч. 2 — 155, 157, 158, 165, 166
 Форстен Г., ч. 1 — 243
 Френч Якоби, аптекарь, ч. 2 — 69
 Фроншпергер Л., ч. 2 — 52, 60
 Фукидид, ч. 2 — 76
- Хабургаев Г. А.*, ч. 2 — 82, 84, 89
 Харитонов А, лекарь, ч. 1 — 260
Харламович К. В., ч. 1 — 160; ч. 2 — 151
 Хворостинин И. А., князь, ч. 2 — 8, 14, 34, 295, 296
 Хитрово Б. М., ч. 2 — 249, 255
Хмельевская Т. А., ч. 2 — 80
 Хмельницкий Богдан, ч. 1 — 155, 156, 160, 239, 240, 241
Хмыров М. Д., ч. 1 — 119, 276; ч. 2 — 68
 Хованский И. А., князь, ч. 1 — 253; ч. 2 — 311
Хорошкевич А. Л., ч. 1 — 139, 140
Хохлова Е. И., ч. 1 — 102
 Христиан IV, датский король, ч. 1 — 152, 153
 Христов Д., ч. 2 — 280
 Хуан Персидский, путешественник, ч. 1 — 70, 257
- Цветав Д. В.*, ч. 2 — 8, 134, 149
Цейтлин М. А., ч. 1 — 108—111, 114, 118
Цехновицер О., ч. 2 — 127
 Цицерон, древнеримский оратор, ч. 2 — 76
Циулин Н. #., ч. 1 — 125
- Чаадаев П., думный дворянин, ч. 1 — 263
Чаев Н. С., ч. 2 — 309
Чебан С., ч. 2 — 144
Чекалов А. К., ч. 2 — 240, 263, 266, 267
Чекан И. В., ч. 1 — 51, 119
 Челищев Иев, монах, ч. 1 — 89
Черепнин Л. В., ч. 1 — 19, 64, 297, 302, 316; ч. 2 — 34, 36, 73
 Черкасский И. Б., князь, ч. 2 — 16, 64
 Черкасский М. А., князь, воевода, ч. 1 — 256, 260, 263
 Черкасский П. М., князь, ч. 2 — 143, 145
 Черкасский Я. К., князь, ч. 1 — 134; ч. 2 — 64
 Черкасские, князья, ч. 2 — 191
Чернов А. В., ч. 1 — 252
Черных П. Я., ч. 2 — 80, 89
Чернышевский Н. Г., ч. 2 — 101
 Чертенюк Козьма, иконописец, ч. 2 — 271
 Чехов (Чохов) Андрей, пушечный мастер, ч. 1 — 266, 276, 278, 279
 Чижинский Стефан, ч. 2 — 132, 134
 Чирин Прокопий, иконописец, ч. 2 — 166, 211, 212
Чистякова Е. В., ч. 1 — 124, 137, 138, 152; ч. 2 — 45, 75
Чичеров В. И., ч. 2 — 294
 Чоглоков Михаил, зодчий, ч. 2 — 201, 237
 Чулков Михаил, ч. 2 — 13
Чураков С. С., ч. 2 — 213, 130
- Шакловитый Ф.**, ч. 1 — 78, 253
 Шайдур, музыкант XVI в., ч. 2 — 278
Шамбинаго С. К., ч. 2 — 110, 194
Шамурин Ю., ч. 2 — 229, 230
Шапиро А. Л., ч. 1 — 26, 40
 Шартлинг Яган Тирик, лекарь, ч. 2 — 66
 Шарутин Иван, зодчий, ч. 2 — 190
 Шарф В., «градodelец», ч. 1 — 287
 Шафиров П. П., ч. 1 — 234
 Шварц Варфоломей, изобретатель пороха, ч. 1 — 275
Швецов К. И., ч. 2 — 52
Швецова Е. Л., ч. 1 — 34, 53
 Шейн М. Б., воевода, ч. 1 — 244, 250, 260
 Шемяка, лит., ч. 2 — 99, 100, 119, 120
Шенников А. А., ч. 1 — 167, 169, 172, 174, 180, 193, 194
 Шепелев А. А., генерал, ч. 1 — 247, 263, 282
Шептаев Л. С., ч. 2 — 23, 96
 Шербачев Ивашка, ч. 1 — 332
 Шереметев В. Б., ч. 1 — 251
Шереметев П., ч. 2 — 210
 Шереметев П. В., воевода, ч. 1 — 256, 263; ч. 2 — 280
Шереметев Ф. И., боярин, ч. 2 — 64
 Шереметевы, ч. 1 — 179
Шерстобоев В. И., ч. 1 — 32, 35, 37, 41, 46, 47, 174
 Шижгутов Семен, приказчик с. Ивановского, ч. 1 — 40, 53
 Шилов Василий, аптекарь, ч. 1 — 260
 Шилов Яков, лит., ч. 2 — 115
 Шилловцев Федор, посадский человек, ч. 2 — 296, 298
Шильниковская В. П., ч. 1 — 178

- Шишкин Сидорка, ложечник, ч. 2 — 88
Шкоринов В. П., ч. 2 — 12
Шлаттер И., ч. 1 — 162
Шлейссингер Г. А., ч. 1 — 123
Шляпки И. А., ч. 2 — 130
Шмелева М. П., ч. 2 — 24
Шмидт С. О., ч. 1 — 300, 301; ч. 2 — 19
 Шмитковский Иван, настоятель церкви
 Иоанна Богослова, ч. — 151
 Шнед Николай, лекарь, ч. 2 — 66
 Шодуар С. де, ч. 1 — 152
 Шорин Василий, купец, ч. 2 — 298
Шрамченко И., ч. 1 — 276
Шубин И. А., ч. 1 — 141—143, 258
 Шуйский Дмитрий, князь, ч. 2 — 95
 Шуйский Василий, царь, ч. 1 — 21, 146,
 235, 302; ч. 2 — 13, 30, 31, 36, 106,
 241, 295
 Шуйские, князья, ч. 2 — 30, 31
 Шульгин Андриюшка, житель г. Кашина,
 ч. 1 — 238
Шульгин В. С., ч. 2 — 298
 Шульгин Фелька, житель г. Кашина,
 ч. 1 — 238
 Шумилов Алексей, крестьянин, ч. 1 — 94
Шунков В. И., ч. 1 — 14, 27, 28, 35, 37,
 46, 47, 53, 174
 Шютц Генрих, композитор, ч. 2 — 284
Щавинский В. А., ч. 1 — 64
Щапов А. П., ч. 2 — 293
Щелкунов М. И., ч. 1 — 115

Эдинг Б., ч. 2 — 229
 Эвридика, миф., ч. 2 — 132
 Эльмстон И. Ф., переводчик Посольского
 приказа, ч. 2 — 70
Энгельс Ф., ч. 1 — 9, 18, 105, 106, 114,
 121, 242, 243, 255, 257, 266, 271, 289,
 299; ч. 2 — 12, 15, 38, 40, 41, 81, 292,
 299
 Эразм Роттердамский, ч. 2 — 143

 Юлиания Лазаревская, «св.», ч. 2 — 110
 Юрлов Николай, офицер, ч. 1 — 247
 Юрский Василий, доктор медицины,
 ч. 2 — 70
 Юрьев Алфер, ростовский кузнец, ч. 1 —
 272
 Юрьев Ларион, самопальный мастер,
 ч. 1 — 272
 Юрьев Ф., художник, ч. 2 — 233
Юшкевич А. П., ч. 2 — 47, 48
Юшков С. В., ч. 2 — 308

 Якимов А., лекарь, ч. 1 — 260
 Якоби Роберт, доктор медицины, ч. 2 —
 69
Якобсон А. Л., ч. 1 — 108, 118
 Яков, пушечный мастер, ч. 1 — 278
Яковлев А. И., ч. 1 — 244, 245, 290—
 292; ч. 2 — 31
Яковлев В. В., ч. 1 — 71
 Яковлев И., мастер-ювелир, ч. 2 — 255
Яковлев М. Я., ч. 2 — 96
 Яковлев Наум, лекарь, ч. 2 — 65
 Яковлев Федот, лекарь, ч. 2 — 65
Якубцинер М. М., ч. 1 — 33
Якунина Л. И., ч. 1 — 209, 217; ч. 2 —
 273
 Якуня, плотник, ч. 1 — 77
 Якушкин И. И., засечный голова, ч. 1 —
 292
 Ялинский С, гравер, ч. 1 — 162
 Ян Казимир, польский король, ч. 1 — 161

Angyal Л., ч. 2 — 112, 125
Bec Jean de, ч. 2 — 132
Holberg L., ч. 1 — 152
Mathauserova Světla, ч. 2 — 125
Onasch Konrad, ч. 2 — 226
Tonnies Fennies, ч. 1 — 139

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Азия, ч. 1—11; ч. 2—80
Азов, г., ч. 1—51, 241, 303, 304; ч. 2—75, 95, 109, 132
Алаторский у., ч. 1—60, 72, 73
Алатырь, г., ч. 1—289
Александрия, г., ч. 2—149
Александрова слобода, ч. 1—243; ч. 2—166
Алексеевское, с, ч. 1—29; ч. 2—190
храм — ч. 2—190, 191
Алексин, г., ч. 1—287
Алексинский у., ч. 1—26, 106
Америка, ч. 1—11; ч. 2—73
Амстердам, г., ч. 1—133; ч. 2—53, 248
Амур, р., ч. 1—9, 11, 32; ч. 2—62, 63
Анадырский лиман, ч. 2—63
Ангара, р., ч. 1—35, 47
Ангелово, с, ч. 2—188
церковь, ч. 2—188
Англия, ч. 1—50, 54, 125, 231, 243; ч. 2—62, 70, 118
Андреевский монастырь, ч. 2—149
Антверпен, г., ч. 1—142
Антониево-Сийский монастырь, ч. 1—34, 42, 58
Арзамасский у., ч. 1—45, 60, 73, 74
Архангельск, г., ч. 1—38, 61, 63, 69, 70, 125, 127, 130, 139, 154, 157, 161, 175, 181, 182, 197, 224, 226, 227, 229, 245, 257, 269, 271, 284, 287, 289, 290; ч. 2—9, 59, 69, 193, 233, 240, 274
Архангельский монастырь, ч. 1—135
Архангельская обл., ч. 2—197
Астрахань, г., ч. 1—50, 51, 59, 70, 125, 130, 131, 141—143, 224, 225, 239, 252, 256—258, 284, 287, 289, 337; ч. 2—62, 67, 96, 98, 253
Астраханская земля, ч. 1—142
Атемар, г., ч. 1—292
Афонская гора, ч. 2—163
Базель, г., ч. 2—142
Байкал, оз., ч. 1—69
Балахна, г., ч. 1—55, 142, 289
Балахнинский у., ч. 1—63
Балканский п-ов, ч. 2—310
Балтика, ч. 1—5
Балтийское море, ч. 1—234, 241; ч. 2—39
Баранча, р., ч. 1—131
Баренцево море, ч. 1—68
Батулин, г., ч. 2—221
Белая, р., ч. 1—293
Белая Слуда, с, ч. 2—197
храм, ч. 2—197
Белая Церковь, г., ч. 2—67
Белгород, г., ч. 1—45, 62, 287, 288, 295, 296; ч. 2—64, 82
Белгородский у., ч. 1—60, 321
Белёв, г., ч. 1—285, 287
Белевский у., ч. 1—26, 35
Белое море, ч. 1—9, 57, 68, 135, 145, 175, 224; ч. 2—181, 193
Белое оз., ч. 1—69, 71
Белоозеро, г., ч. 1—38, 44, 87, 103
Кирилло-Белозерский монастырь, ч. 1—13, 44, 53, 58, 76, 77, 83, 84, 87, 88, 231, 284, 289; ч. 2—193, 240, 295, 302
Ферапонтов монастырь, ч. 1—13; ч. 2—258, 306
Рождественский собор, ч. 2—258
Белозерский край, ч. 1—35
Белозерский у., ч. 1—33, 100
Белоруссия, ч. 1—158, 239, 240; ч. 2—40, 53, 87, 88, 123, 145, 146, 150, 163, 240, 279, 281, 301
Белый Яр, г., ч. 1—26
Берлин, г., ч. 1—130
Биларск, г., ч. 1—293
Благовещенская слобода, ч. 1—231

- Благовещенское, с, ч. 2—197
 церковь, ч. 2—197
- Богородицк, г., ч. 1—267
- Богородское, с, ч. 1—72
- Богоявленский монастырь (Западная Сибирь), ч. 1—42
- Боголюбова, г., ч. 2—214
- Ближний Восток, ч. 1—146
- Болдин монастырь, ч. 1—231
- Волхов, г., ч. 1—247
- Большая Соль, посад, ч. 1—56
- Большие Кемары, д., ч. 1—74
- Борецкая в., ч. 1—78
- Борисоглебский монастырь, ч. 2—188
- Боровск, г., ч. 1—337; ч. 2—146
- Боровский у., ч. 1—50, 124
- Братский острог, ч. 2—83
- Брейтово, с, ч. 1—108
- Бремен, г., ч. 2—70
- Бронницы, с, ч. 2—191
- Бронницкий у., ч. 2—159
- Брянск, г., ч. 1—257, 286, 288
 Петропавловский монастырь, ч. 2—267
- Брянский у., ч. 1—65
- Брянщина, ч. 1—158
- Булатовское, с, ч. 1—142
- Бухара, г., ч. 1—130
- Быстрая Сосна, р., ч. 1—26
- Быхов, г., ч. 1—261
- Вага, р., ч. 1—63, 65, 128**
- Важская земля, ч. 1—63, 128
- Важский у., ч. 1—44, 52
- Вайгач, оз., ч. 1—65
- Валдай, ч. 2—163
 Валдайский Иверский монастырь, ч. 1—77; ч. 2—155, 163, 181, 182, 187, 240
 собор, ч. 2—183
- Варгуза, р., ч. 1—57, 68
- Валуйки, крепость, ч. 1—296
- Варзуга, с, ч. 2—197
 храм Успения, ч. 2—197
- Васильевские Сороки, с, ч. 1—87
- Василсурск, г., ч. 1—130
- Ватма, р., ч. 1—73
- Великие Луки, г., ч. 1—252, 293; ч. 2—198
- Вельский у., ч. 1—63
- Венгрия, ч. 1—158
- Веневский у., ч. 1—26
- Венеция, г., ч. 1—261; ч. 2—70, 275
- Верейский у., ч. 1—26, 120, 124
- Верхний Ломов, г., ч. 1—26, 292, 293
- Верхопущенская волость, ч. 1—79
- Верхотурский у., ч. 1—27, 39, 40, 46, 47
- Верхотурье, ч. 1—84, 127, 131, 142, 284
- Верхоленская волость, ч. 1—34, 53
- Ветлуга, р., ч. 1—90
- Ветлуга, с, ч. 1—87, 90
- Вефулия, г., *библ.*, ч. 2—137
- Вешняки, с, ч. 2—174, 176
 храм, ч. 2—176
- Вешняково, с, ч. 2—181
- Византия, ч. 2—279, 285
- Вильно, г., ч. 1—130, 261; ч. 2—88, 148, 282
- Вялядь, р., ч. 1—142
- Владимир, г., ч. 1—50, 61, 235, 269, 285, 289; ч. 2—49, 61, 174, 204, 213, 214, 240, 274
 Княгинин монастырь, ч. 2—213, 214
 Успенский собор, ч. 2—174, 213
- Владимирский р-н., ч. 1—171
- Владимирский у., ч. 1—45
- Владимирское Ополье, ч. 1—33, 45
- Влахерна, ч. 2—213
 церковь Ризположения Богоматери, ч. 2—213
- Волга, р., ч. 1—62, 69, 70, 71, 129, 130, 131, 138, 141, 142, 150, 291, 292—294; ч. 2—97, 98, 115, 184, 186, 197
- Волго-Окское междуречье, ч. 1—167, 217
- Вологда, г., ч. 1—10, 38, 87, 104, 125, 128, 130, 135, 142, 150, 175, 269, 271, 280, 287; ч. 2—161, 229, 231, 232, 240, 274, 298
 Софийский собор, ч. 2—231
- Вологодская губ., ч. 1—34, 100, 142
- Вологодский у., ч. 1—25, 26, 30, 33, 34, 40, 44, 97
- Волок, ч. 1—89
- Волоколамск, г., ч. 1—103
 Иосифо-Волоколамский монастырь, ч. 1—37, 45, 49, 53, 284, 289; ч. 2—194
- Волоцкий у., ч. 1—32, 45
- Волхов, р., ч. 1—71, 129
- Воробьевское, с, ч. 1—50
- Воронеж, г., ч. 1—10, 125, 130, 172, 223, 239
- Воронеж, р., ч. 1—26, 62, 109; ч. 2—69
- Воронежский у., ч. 1—26
- Воронино, д., ч. 1—29
- Воротынский, г., ч. 1—250
- Воротынский у., ч. 1—26
- Ворскла, р., ч. 1—292
- Воскресенское, с, ч. 1—109
- Восток, ч. 1—232; ч. 2—255, 279, 310
- Выборг, г., ч. 1—125
- Вымская земля, ч. 1—65
- Вычегда, р., ч. 1—129, 142
- Выгодская земля, ч. 1—65
- Вышегородская волость, ч., 1—120
- Вья, с, ч. 2—195, 197
- Вязёмы, с, ч. 2—171, 210
- Вязники, с, ч. 1—34
- Вязьма, г., ч. 1—178, 285, 286, 290; ч. 2—175
 храм Иоанна Предтечи, ч. 2—175
- Вяземский у., ч. 1—35
- Вятка, г., ч. 1—46, 87, 131
- Вятка, р., ч. 1—131
- Вятская земля, ч. 1—72, 130
- Галле, г., ч. 2—70
- Галич, г., ч. 1—56, 87, 91; ч. 2—61
- Галицкий у., ч. 1—76
- Галичское оз., ч. 1—69
- Гамбург, г., ч. 1—130
- Гдов, г., ч. 1—284, 285
- Германия, ч. 1—9, 49, 242
- Гжель, с, ч. 1—109
- Гledenский монастырь, ч. 1—135
- Глухово, с, ч. 1—43
- Голландия, ч. 1—125, 158, 243, 268, 270, 278; ч. 2—70, 167, 200, 285
- Гретово, пустошь, ч. 1—120

- Городня, с, ч. 1—71, 72
 Гороховец, г., ч. 1—230
 Горьковский р-н., ч. 1—171
 Гремячий, г., ч. 1—286
 Грузия, ч. 2—154, 221
 Гурмыжское море (Персидский залив), ч. 2—273
 Гурьев, г., ч. 1—284
- Дальний Восток, ч. 1—69, 284
 Данилов, г., ч. 1—125, 175
 Дания, ч. 1—152, 158
 Данциг, г., ч. 1—161
 Двина, р., ч. 1—139
 Двинский у., ч. 1—52, 63
 Дешилов, г., ч. 1—37, 142, 234, 257, 284
 Дербент, г., ч. 1—130
 Деулино, с, ч. 2—172, 173
 церковь, ч. 2—172
 Дикое поле, ч. 1—11
 Дмитров, г., ч. 1—49, 69, 225, 289
 Дмитровский край, ч. 1—189
 Дмитровский у., ч. 1—32, 35, 45
 Дмитровские Сороки, с, ч. 1—87
 Днепр, р., ч. 1—9, 130, 257, 291, 294;
 ч. 2—94
 Добровский у., ч. 1—247
 Долматов монастырь, ч. 1—110
 Домоделово, с, ч. 1—37
 Дон, р., ч. 1—11, 12, 26, 128, 172, 241,
 291, 294; ч. 2—80, 97, 98, 103
 Донец, р., ч. 1—295
 Дорогобужский у., ч. 1—35
 Дрезден, г., ч. 2—132
 Дубровицы, с, ч. 2—204
 храм Знамения, ч. 2—204
 Духанино, с, ч. 1—108, 120
- Европа, ч. 1—9, 19, 50, 130, 145, 151,
 163, 242, 255, 256, 260, 271, 298; ч. 2—
 7, 80, 122, 125, 129, 273
 Восточная Европа, ч. 1—27, 34, 39,
 42, 167, 207, 215; ч. 2—80
 Западная Европа, ч. 1—23, 106, 111,
 131, 137, 144, 221, 233, 242, 249;
 ч. 2—131, 147, 200
 Центральная Европа, ч. 1—23
- Евю (близ Вильно), ч. 2—88, 148
 Египет, ч. 2—131, 139
 Елец, р., ч. 1—285
 Елец, р., ч. 2—197
 Елецкий у., ч. 1—26
 Енисей, р., ч. 1—66, 67
 Енисейск, г., ч. 1—127, 132, 270, 294,
 310
 Енисейская губ., ч. 1—174
 Енисейский край, ч. 1—66, 67
 Енисейский у., ч. 1—27, 66, 67, 321
 Епифань, г., ч. 1—234
 Ерыкинск, г., ч. 1—293
- Жиганск, г., ч. 1—142
- Забайкалье, ч. 1—40, 284; ч. 2—63
 Заволжье, ч. 1—31
 Загорск, г., ч. 2—172, 197
 Заянск, г., ч. 1—293
 Закамье, ч. 1—72
- Замосковский край, ч. 1—12, 26, 72, 91,
 125, 167, 186
 Заонежье, ч. 1—110, 166, 246
 Запад, ч. 1—23, 144—146, 233, 243, 277,
 299, 301; ч. 2—6, 7, 9, 17, 56, 112, 116,
 135, 139, 157, 216, 247, 282
 Западная Двина, р., ч. 1—129
 Запорожская Сечь, ч. 1—325
 Зауралье, ч. 1—27, 39; ч. 2—80
 Южное Зауралье, ч. 1—27
 Звенигород, г., ч. 1—108; ч. 2—213
 Саввино-Сторожевский монастырь,
 ч. 1—70, 284; ч. 2—190, 213
 Звенигородский у., ч. 1—26, 29, 37, 40,
 42, 49, 50, 71
 Зeya, р., ч. 1—68
 Змиев, г., ч. 1—45
- Ивангород, г., ч. 1—125, 234
 Иваново, г., ч. 1—175
 Ивановская волость, ч. 1—116, 120
 Ивановское, с, ч. 1—40, 53
 Иена, г., ч. 2—70
 Иерусалим, г., ч. 2—129, 182
 Изборск, г., ч. 1—252
 Измайлово, с, ч. 1—29, 37, 48, 50, 74,
 109; ч. 2—59, 62, 69
 Илим, р., ч. 1—32, 35, 47
 Илимский у., ч. 1—66
 Ильмень-озеро, ч. 1—69, 192; ч. 2—273
 Индия, ч. 1—125, 130; ч. 2—117
 Иран, ч. 2—275
 Иркутск, г., ч. 1—284
 Иркутская губ., ч. 1—174
 Иркутский у., ч. 1—37, 66
 Иртыш, р., ч. 1—27, 69, 131
 Испанские Нидерланды, ч. 1—151
 Истра, г., ч. 2—237
 Истье, р., ч. 1—108
 Италия, ч. 1—9; ч. 2—70, 152
 Ишим, р., ч. 1—131
- Казань, г., ч. 1—61, 125, 128, 130, 142,
 143, 239, 287; ч. 2—69, 96, 155—158,
 253
 Казанский у., ч. 1—63, 321
 Казанское ханство, ч. 1—239; ч. 2—279
 Калуга, г., ч. 1—20, 230, 236, 250; ч. 2—
 201, 240
 Калужская земля, ч. 1—130
 Калужский у., ч. 1—26, 35
 Калязин, г., ч. 2—213
 Макарьев монастырь, ч. 2—121, 182,
 213
 Кама, р., ч. 1—130, 131, 141, 142, 294;
 ч. 2—98, 115
 Каменка, р., ч. 1—68
 Карачарово, с, ч. 1—1, 49
 Карачево, г., ч. 1—258
 Караулик, пристань, ч. 1—59
 Карелия, ч. 1—34, 153, 230
 Каргополь на Онеге, г., ч. 2—193
 храм Благовещения, ч. 2—193
 Карпов, г., ч. 1—247, 292
 Касимов, г., ч. 1—223
 Каспийское море, ч. 1—65, 69, 131, 142,
 143, 224, 258
 Касля, р., ч. 1—63
 Кафа (Феодосия), г., ч. 2—273

- Кашин, г., ч. 1—103, 282; ч. 2—63
 Кашинский у., ч. 2—23
 Кашира, г., ч. 1—108, 181, 287
 Каширский у., ч. 1—120
 Кевроль, г., ч. 1—46
 Кемская в., ч. 1—53, 58
 Кереть, р., ч. 1—57
 Кеслав, д., ч. 1—74
 Киев, г., ч. 1—5, 50, 51, 240, 256, 257, 260, 269, 274, 278, 282, 284, 287, 288; ч. 2—75, 94, 149, 202
 Киево-Печерская лавра, ч. 1—158, 202; ч. 2—75, 149
 Софийский собор, ч. 2—126
 Кий-остров, ч. 2—193
 Крестный монастырь, ч. 2—181, 193
 Кижичи, ч. 2—196, 198
 Кижский погост, ч. 1—110
 Преображенский храм, ч. 2—196, 198
 Кинешма, г., ч. 2—274
 Китай, ч. 1—127, 230
 Китеж-град, сказ., ч. 2—186
 Киструс, с., ч. 1—72
 Кица, р., ч. 1—68
 Клязьма, р., ч. 1—7
 Ковда, р., ч. 1—57
 Козлов, г., ч. 1—290, 292, 295
 Козловский у., ч. 1—26, 292
 Койдакурская волость, ч. 1—30
 Николаевская церковь, ч. 1—30
 Коломак, р., ч. 1—293
 Коломна, г., ч. 1—142, 284, 289; ч. 2—61, 69
 Коломенская земля, ч. 1—130
 Коломенское с., ч. 1—50, 133, 155, 160; ч. 2—187, 194, 195, 198, 263, 265, 268
 церковь Вознесения, ч. 2—195
 царский дворец, ч. 2—198, 240, 268
 Кольский п-ов, ч. 1—68, 224
 Кольский острог, ч. 1—153
 Кольвань, г., ч. 1—125
 Колыма, р., ч. 1—65
 Конотоп, г., ч. 1—251, 264
 Коньково, д., ч. 1—50
 Копенгаген, г., ч. 2—234
 Копорье, крепость, ч. 1—64, 125
 Короча, крепость, ч. 1—292
 Корсунь, г., ч. 1—292
 Кострома, г., ч. 1—10, 91, 128, 175, 245, 280, 285, 286, 289, 330; ч. 2—61, 69, 172, 175, 176, 182, 186, 197, 214, 227, 229, 231, 253, 274, 277, 301
 Богоявленский монастырь, ч. 1—33, 40, 45
 храм Воскресения на Дебре, ч. 2—33, 40, 45
 Ипатьевский монастырь, ч. 1—33, 45; ч. 2—197, 214, 231, 277
 Троицкий собор, ч. 2—231
 Кострома, р., ч. 1—56
 Костромской у., ч. 1—34, 97, 124
 Котельники, с., ч. 1—49
 Крапивна, г., ч. 1—236
 Краснокут, г., ч. 1—295
 Краснопольская слобода, ч. 1—39
 Красноярск, г., ч. 1—142
 Кромь, г., ч. 1—287; ч. 2—68
 Крым, ч. 1—11; ч. 2—104
 Крымское ханство, ч. 1—6, 11, 240, 278
 Кукуево, г., ч. 1—158, 159
 Кунгур, г., ч. 1—131
 Кунгурский край, ч. 1—27
 Кунгурский у., ч. 1—31
 Курляндия, ч. 2—150
 Курмышский у., ч. 1—45, 73
 Курск, г., ч. 1—45, 62, 340
 Курский у., ч. 1—26, 60, 333
 монастырь Курской иконы Божьей Матери, ч. 1—26
 Кусково, с., ч. 2—181
 Кутейнский Оршинский монастырь, ч. 2—163
 Ладога, г., ч. 1—286
 крепость, ч. 1—286
 Ладужский канал, ч. 1—13
 Ладужский у., ч. 1—249
 Ладужское оз., ч. 1—69
 Лапландия, ч. 1—143, 152, 153
 Лебедянский у., ч. 1—246
 Левашово, с., ч. 2—186
 храм, ч. 2—186
 Левшино, с., ч. 2—172
 Ледовитый океан, ч. 1—11, 65
 Лена, р., ч. 1—10, 32, 47, 66, 132, 329
 Ленский у., ч. 1—321
 Ливны, г., ч. 1—239, 247
 Ливенский у., ч. 1—26
 Лижемский погост, ч. 1—110
 Лион, г., ч. 2—165
 Лисянка, поместье, ч. 1—161
 Литва, ч. 2—95
 Лифляндия, ч. 1—130
 Ловать, р., ч. 1—129
 Ловецкая слобода, ч. 1—134
 Лондон, г., ч. 1—261
 Луза, р., ч. 1—85, 131
 Лысково, с., ч. 1—46
 Львов, г., ч. 2—146
 Любек, г., ч. 1—125, 278
 Македония, ч. 2—152
 Малая Соль, посад, ч. 1—56
 Малороссия, ч. 1—162
 Малоярославецкий у., ч. 12—108
 Малые Кемары, д., ч. 1—74
 Малый Сергач, с., ч. 1—73
 Мангазей, г., ч. 1—66, 131; ч. 2—63
 Мангазейский у., ч. 1—66, 67
 Мангышлак, п-ов, ч. 1—143
 Марково, с., ч. 2—191, 202
 церковь, ч. 2—191, 202
 Медынь, г., ч. 1—250
 Межигорский монастырь, ч. 2—149
 Мезень, г., ч. 1—46, 129
 Мезень, р., ч. 1—69; ч. 2—111
 Мензелинск, г., ч. 1—26, 293
 Мещевский у., ч. 1—26
 Мещера (край), ч. 1—210, 235
 Михайлов, г., ч. 1—223, 236
 Можайск, г., ч. 1—284, 290; ч. 2—61
 Можайский у., ч. 1—26
 Мокрый починок, ч. 1—73
 Мокша, р., ч. 1—70
 Молдавия, ч. 1—158
 Молога, р., ч. 1—128
 Монголия, ч. 1—230
 Мосальский у., ч. 1—26
 Москва, г., ч. 1—5, 9, 10, 17, 20, 26, 45.

47—52, 61, 65, 66, 69, 76, 81, 86—88, 91, 95, 96, 102—104, 106, 108, 109, 115, 117, 121—125, 128—130, 132, 133, 136, 141, 142, 145—151, 154—161, 165, 167, 169, 176—183, 185, 187, 196, 198, 204—206, 209, 220, 222, 224—227, 232, 234, 236, 238, 240, 241, 243, 247—249, 253, 254, 256—261, 1265—270, 272—275, 277, 280, 282, 284—286, 287, 289—291, 300, 303, 311, 312, 319, 320, 324, 330, 333, 337; ч. 2—8—10, 13, 14, 16, 19, 20, 21, 23, 28, 30—32, 37—39, 42, 49, 52, 56, 61, 67—69, 74, 75, 78, 84, 88, 89, 95—97, 103, 106, 107, 109, ПО, 115, 123, 127, 129, 132, 133, 135, 140, 142, 145, 146, 148—152, 154—156, 158, 161, 167, 172—177, 182—185, 188, 190, 191, 193, 200—202, 206—208, 210, 213, 215, 222, 223, 226, 227, 229, 232, 236, 237, 239, 240, 251, 260, 269, 274, 279, 280—282, 285, 287, 291, 301, 306, 308

Андронников монастырь, ч. 2—161
Бархатный двор, ч. 1—108
Белый город, ч. 1—285, 329; ч. 2—20
Богоявленский монастырь, ч. 2—152
Б. Ордынка, ч. 2—189
Б. Полянка, ч. 2—189, 190, 222, 226
Бронная слобода, ч. 1—280
Воскресения в Кадашах церковь, ч. 2—206
Высокий Петровский монастырь, ч. 2—206
    Петра митрополита, церковь, ч. 2—206
Гранатный пер., ч. 1—269
Григория Неокесарийского церковь, ч. 2—189, 222, 226, 229
Денежный двор, ч. 1—146, 147, 149, 150—152
Донской монастырь, ч. 2—207
Зайконоспасский монастырь, ч. 2—150, 153
Земляной город, ч. 1—285; ч. 2—20, 21
Знаменский монастырь, ч. 2—68
Иоанна Богослова церковь, ч. 2—151
Кадашевская слобода, ч. 1—108, 117, 118, 205; ч. 2—29
Казанский собор, ч. 2—300
Козьмы и Дамиана церковь, ч. 2—224
Каменный мост, ч. 2—65, 69
Кирпичная слобода, ч. 1—289
Китай-город, ч. 1—122, 123, 177, 181, 285, 289, 329; ч. 2—9, 20, 151, 260
Красная площадь, ч. 1—253; ч. 2—158, 200
    Василия Блаженного собор, ч. 2—173, 175
Красный пруд, ч. 1—269
Кремль, ч. 1—5, 94, 123, 146, 147, 160, 177, 182, 185, 234, 265, 266, 171, 172, 177, 285; ч. 2—65, 69, 158, 159, 179, 181, 208, 214, 217, 222, 223, 226, 234, 239, 242, 249, 254, 280
Архангельский собор, ч. 1—64; ч. 2—214, 234, 249

Благовещенский собор, ч. 2—242, 299
Боровицкие ворота, ч. 1—147; ч. 2—69
Грановитая палата, ч. 2—251
Дворцовая площадь, ч. 1—330
Оружейная палата, ч. 1—266, 267, 269, 271—274, 282; ч. 2—167, 217, 221, 223, 224, 226, 235, 237, 239, 248, 254—256
Ивановская площадь, ч. 1—330, 331
Ризположенская церковь, ч. 2—208, 213
Спасская башня, ч. 1—94; ч. 2—159, 181
Спасские ворота, ч. 2—159
Троицкая башня, ч. 2—181
Троицкая площадь, ч. 1—330
Троицкие ворота, ч. 2—69
Успенский собор, ч. 1—64; ч. 2—161, 174, 213—217, 259, 280, 291
Чудов монастырь, ч. 2—65, 114, 149, 150, 164, 200, 208, 246
Крутицкое подворье, ч. 2—55
Медведкова с. храм, ч. 2—173
Мещанская слобода, ч. 2—133, 135, 142, 146, 149
Мясницкие ворота, ч. 2—65, 69
Немецкая слобода, ч. 1—23; ч. 2—8, 21, 69, 130, 133—135, 149
Никитские ворота, ч. 2—68
Новомещанская слобода, ч. 2—134
Никола Большой крест церковь, ч. 2—205
Николы на Берсеневке церковь, ч. 2—179
Николы в Пыжах церковь, ч. 2—189, 190
Николы в Хамовниках церковь, ч. 2—176, 189, 190
Новодевичий монастырь, ч. 2—206, 210, 238
    Смоленский собор, ч. 2—210
Новоспасский монастырь, ч. 2—271, 274, 300
    Преображенский собор, ч. 2—227
Огородная слобода, ч. 1—48
Охотный ряд, ч. 2—199, 200
Печатный двор, ч. 1—115, 116
Плотничья слобода, ч. 1—289
Покровка, ул., ч. 1—275; ч. 2—133
Покровские ворота, ч. 1—81
Пречистинские ворота, ч. 2—21
Пушечный двор, ч. 1—108, 181, 265, 267, 269, 280
Рождества Богородицы в Голутвине церковь, ч. 2—224
Рождества в Путниках церковь, ч. 2—172, 175, 176, 178
Садовая слобода, ч. 1—48
Симонов монастырь, ч. 1—56, 57; ч. 2—206
Смоленская ул., ч. 2—21
Сретенская ул., ч. 2—282
Суконный двор, ч. 1—118
Тверская ул., ч. 1—285
Троицы в Никитниках церковь, ч. 2—172, 177—179, 184, 188, 214, 218, 220, 221, 227

Хамовная слобода, ч. 1—108, **117**, 205
Хамовный двор, ч. 1—117, **118**
Москва, р., ч. 1—**48**, **131**, **182**; ч. 2—21,
179, 195, 285
Московия, ч. 1—**34**, 45, 65, 126, 141, 152,
184, 196, 203, 221, 230, 232, 241, 263,
265, 281; ч. 2—9, 18, 19, 20, 21, 50,
57, 70, 90, 127, 150, 286, 289
Московский у., ч. 1—29, 32, 35, 37, 45
Московское государство, ч. 1—8, 26, 36,
47, 65, 72, 76, 108, 109, 117, 119, 120,
132—134, 137, 140, 150, 165, **172**, 175,
179, 220, 224, 225, 227, 235, 238, 268,
270, 290, 300, 332; ч. 2—9, 14, 31, 33,
63, 87, 107, 108, 130
Московский край, ч. 1—106, 190
Мста, р., ч. 1—129
Мстѣра, с, ч. 2—220
    Флорищева пустынь, ч. 2—220
    церковь Успения, ч. 2—220
Мурашкино, с, ч. 1—20, 73
Муром, г., ч. 1—285; ч. 2—179, 298
    Троицкий монастырь, ч. 2—179
Муромская земля, ч. 2—110
Муромский у., ч. 1—26, 124
Мценск, г., ч. 1—285
Мша-га, р., ч. 1—57

Нарва, г., ч. 1—130, 136; ч. 2—296
Нарва, р., ч. 1—234
Надеинское Усолье, ч. 1—55, 70
Насадка, р., ч. 1—142
Нева, р., ч. 1—234
Неглинная, р., ч. 1—265
Ненокса, р., ч. 1—57, 58
Нерехта, г., ч. 1—55
Неро, оз., ч. 2—186
Нерчинский у., ч. 1—66
Нидерланды, ч. 1—151, 242
Нижегольск, крепость, ч. 1—292
Нижний Ломов, г., ч. 1—26, 292, 293
Нижний Новгород, г., ч. 1—91, 125, 127,
130, 141, 142, 175; ч. 2—59, 67,
103, 127, 155, 157, 158, 201, 214,
253, 298
    Благовещенский монастырь, ч. 2—253
    Печерский монастырь, ч. 2—240
Нижегородская земля, ч. 1—65, 72
Нижегородский у., ч. 1—29, 45, 60, 63,
73
Низовая пристань, ч. 1—143
Николаевский монастырь, ч. 1—42
Никольские Сороки, с, ч. 1—87
Новая земля, ч. 1—65, 131, 142
Новгород, г., ч. 1—5, 10, 20, 98, 123,
124, 130, 132, 146, 152, 159, 160, 169,
175, **178**, 234; ч. 2—74, 162, 192, 231,
240
    Новгородский монастырь, ч. 2—182
Новгородская земля, с. 1—12, 62, 72, 100,
132, 190
    Шелонская пятина, ч. 1—12
Новгородский у., ч. 1—249, 321; ч. 2—
115
Новгородско-Псковская земля, ч. 1—12,
34, 44, 69, 96
Новгород Северский, г., ч. 1—234
Новый Иерусалим, г., ч. 2—280, 281
Ново-Иерусалимский монастырь, ч. 1—

108, 284; ч. 2—181, 182, **185**, **188**, 240
    собор, ч. 2—185, 189
Ново-Шеминск, г., ч. 1—293
Новое Покровское, с, ч. 1—45, 73
Новый Оскол, г.» ч. 1—295

Обонежье, ч. 2—197
Обоянский у., ч. 1—61
Обская губа, ч. 1—131, 143
Обь, р., ч. 1—66, 69
Одоев, г., ч. 1—287
Ока, р., ч. 1—70, 131, 141, 142, 257;
    ч. 2—103
Оксеново, д., ч. 2—25
Оленица, р., ч. 1—68
Олешенский у., ч. 1—61
Олонецк, г., ч. 1—286
Олонецкая губ., ч. 1—166
Олонецкий край, ч. 1—62, 63, 109, 110,
268
Олонецкий, у., ч. 1—246
Ольшанск, крепость, ч. 1—286
Онега, р., ч. 2—193
Онежское оз., ч. 2—198
Опочка, крепость, ч. 1—293
Орел, г., ч. 1—130, 285, 287, 290
Орешек, крепость, ч. 1—234
Орша, г., ч. 2—163
Оскол, г., ч. 1—62
Останкино, с, ч. 2—191
    церковь Троицы, ч. 2—191
Острогоск, г., ч. 1—130
Охотское море, ч. 1—284

Павлово, с, ч. 1—20, 91, 175
Павловское, с, ч. 1—29, 37, 40, 42, 43,
49, 50, 71, 72
Падуя, г., ч. 2—70
Панилово, с, ч. 2—195, 197
    храм, ч. 2—195, 197
Пахра, р., ч. 1—116; ч. 2—195, 197
Пахрино, с, ч. 2—62
Пенза, г., ч. 1—293
Перемышль, г., ч. 1—250
Переяславль Залесский, г., ч. 1—50, 55,
57, 224, 258, 285; ч. 2—229
    Горицкий Успенский монастырь, ч. 2—
191
    Данилов монастырь, ч. 2—229
    Троицкий собор, ч. 2—229
Переяславль Рязанский, ч. 1—292
Переяславский у., ч. 1—26, 35, 50
Переяславское оз., ч. 1—69
Пернов, г., ч. 1—125
Пермская земля, ч. 1—72, 130
Пермский край, ч. 2—74
Персия (Кызылбашская земля), ч. 1—45,
65, 126, 130, 131, 133, 149, 150, **152**,
203, 221, 232, 265; ч. 2—9, 50, 69, 96,
286, 289
Петровское, с. (ныне Петрово-Дальнее),
    ч. 2—202
Песочная, р., ч. 1—291
Печерский монастырь, ч. 2—127
Печора, р., ч. 1—65, 68, 129, 131, 135,
152
Пинега, р., ч. 1—69, 129
Пияля, с, ч. 2—197
    храм, ч. 2—197

- Плещеево оз., ч. 1—258
Поволжье, ч. 1—27, 28, 31, 45, 65, 72, 73, 124, 143, 162, 235, 245, 247, 267, 289
Верхнее Поволжье, ч. 1—76, 122; ч. 2—61, 157, 182, 232, 240, 253, 268
Нижнее Поволжье, ч. 1—27, 70
Среднее Поволжье, ч. 1—122, 167, 169, 171, 173, 292, 321; ч. 2—232
Подмосковье, ч. 1—45; ч. 2—174
Поднепровье, ч. 1—239
Подонье Нижнее, ч. 1—171, 173
Подонье Среднее, ч. 1—171, 173
Покровское, с, ч. 1—29, 50
Полесье, ч. 1—63
Полоцк, г., ч. 2—63, 150
Польско-Литовское государство, ч. 1—171; ч. 2—87
Польша, ч. 1—10, 130, 151, 155, 234, 244; ч. 2—14, 31, 45, 67, 68, 74, 88, 117, 122, 140, 157, 172, 281, 306
Поморье, ч. 1—11, 13, 14, 27, 55, 59, 62, 84, 94, 125, 142, 143, 150
Постникове, с, ч. 2—63
Преображенское, с, ч. 1—50, 268, ч. 2—133
Приамурье, ч. 1—32
Прибалтика, ч. 1—158
Придвинье, ч. 1—30
Прииртышье, ч. 1—27
Прикамье, ч. 1—63, 167, 173
Прикаспий, ч. 1—55, 59
Приуралье, ч. 1—27; ч. 2—80
Пронск, г., ч. 1—284, 287
Протва, р., ч. 1—108
Псков, г., ч. 1—10, 20, 34, 97, 123—125, 130, 137, 139, 158—160, 169, 175, 177, 178, 180, 234, 245, 250, 269, 273, 277—279, 284, 286, 289, 302, 330, 331; ч. 2—37, 45, 162, 192, 193, 240, 252
Большой окольный город, ч. 1—279
Окольный город, ч. 1—177, 286
Средний город, ч. 1—279, 286
Кремль, ч. 1—279
Пушечный двор, ч. 1—279, 286
Пустозерск, г., ч. 1—68, 336; ч. 2—111
Путивль, г., ч. 1—62, 161, 162, 172, 238, 254
Путивльский у., ч. 1—61
Пыскорский монастырь, ч. 1—58, 59
Пьяна, р., ч. 1—71
Пялица, р., ч. 1—68
Пятницкие Сороки, с, ч. 1—87

Раиф, г., *библ.*, ч. 2—209
Ревель, г., ч. 1—136
Речь Посполитая, ч. 1—6, 124, 240; ч. 2—154, 279
Решт, г., ч. 1—130
Ржевский у., ч. 1—26
Рига, г., ч. 1—125, 130, 136, 137
Рим, г., ч. 2—75, 285
Римская империя, ч. 1—248
Рождественский монастырь, ч. 1—340
Розовый о-в (Пудожское устье Двинской дельты), ч. 2—62
Романов, г., ч. 1—37, 74
Романовский у., ч. 1—109
Романов-Борисоглебск (см. Тутаев)
Романовское, с, ч. 1—142
Россия, Российское государство, ч. 1—5—7, 9, 14, 15, 17—23, 25, 26, 28, 30—33, 35, 37, 39—42, 44—47, 49, 51, 53, 54, 59—66, 69—72, 75, 76, 80, 86, 90, 97, 103—106, 108—114, 116—119, 121, 123—128, 130—132, 135—139, 141, 143—146, 148, 151—158, 160—164, 166, 171, 175, 184, 186, 191, 201, 203—206, 209, 217, 219, 221, 224, 225, 227, 229—236, 238—240, 243, 244, 251, 252, 255—257, 261—263, 266—268, 270, 271, 276, 278—282, 284, 286, 287, 291, 296—299, 301, 302, 304, 307—309, 314, 316, 317, 320, 322, 324, 328, 334, 336; ч. 2—5—9, 13—15, 17—19, 21, 25, 29, 31—33, 36—39, 41, 42, 44—46, 48—51, 54, 59—63, 66, 68—76, 78, 82, 87, 90, 93, 97, 101, 104, 106, 112, 118, 122, 123, 125, 129, 130, 140—142, 145, 147, 149, 150, 155, 157, 158, 162, 167, 170, 171, 194, 195, 201, 207, 208, 214—216, 231—234, 238, 240, 244, 247, 257, 262, 265, 273, 275—277, 279, 280, 290, 291, 305, 308, 310, 312
Ростов Великий, г., ч. 1—57, 103, 245, 289, 333; ч. 2—174, 186, 188, 227, 229, 240, 246
Воскресенская церковь, ч. 2—229, 230
Иоанна Богослова церковь, ч. 2—229, 230
Кремль, ч. 2—186
Спаса на Сенях церковь, ч. 2—187, 229, 230
Успенский собор, ч. 2—229, 246
Ростовский у., ч. 1—34, 124
Ростово-Суздальская земля, ч. 2—78
Ростовское оз., ч. 1—69
Рубцово, с, ч. 2—171
церковь Покрова, ч. 2—171
Ругодив, г., ч. 1—125
Рузский у., ч. 1—26, 32, 35, 45, 292
Русь (Московская Русь), ч. 1—78, 90, 130, 165—167, 169, 188, 202, 235, 276, 278, 297, 309, 311, 312, 316, 341; ч. 2—6, 13, 17, 23, 31, 38, 50, 56, 59—61, 80, 82, 83, 87, 88, 90, 94, 96, 99, 108—110, 114, 117, 121, 123, 126, 132, 140, 142, 144, 145, 147, 148, 175, 214, 233, 234, 250, 255, 257, 260, 267, 273, 275, 281, 303
Западная Русь, ч. 2—87, 88
Юго-Западная Русь, ч. 2—87, 88
Рыбинск (Рыбная слобода), ч. 1—175
Рыльск, г., ч. 1—62
Ряжский у., ч. 1—74
Рязань, г., ч. 2—206
Рязанская губ., ч. 2—68
Рязанская земля, ч. 1—65, 72
Рязанская обл., ч. 1—171
Рязанский ф-н, ч. 1—171
Рязанский у., ч. 1—26, 45, 70, 71, 74

Самара, г., ч. 1—130, 131
Санниково, с, ч. 1—84, 88
Сапожок, г., ч. 1—286
Саранск, г., ч. 1—26
Саранский у., ч. 1—60
Свея ом. Швеция

- Свияга, р., ч. 1—61
Свияжск, г., ч. 1—130, 289
Свияжский у., ч. 1—63
Сева, р., ч. 1—288
Север, ч. 1—13, 25, 29, 30, 33, 36—39, 42—44, 48, 52, 53, 58, 66, 74, 76, 130, 135, 166, 189; ч. 2—61, 93, 195, 240, 293, 294, 308
Северная Двина, р., ч. 1—30, 34, 38, 44, 51, 52, 54, 63, 65, 68, 129, 141, 142, 221
Северный Кавказ, ч. 1—9, 241
Северский Донец, р., ч. 1—128, 172
Северо-Восточная Русь, ч. 1—166, 167
Севск, г., ч. 1—161, 247, 255, 278, 287, 288, 295; ч. 2—28
Севский у., ч. 1—321
Сейм, р., ч. 1—26
Селецкая слобода, ч. 1—71
Селигер, оз., ч. 1—69
Сельцо, с, ч. 2—197
храм Воскресения, ч. 2—197
Семеновская слобода, ч. 2—22
Семеновское, с, ч. 2—62
Сергач, с, ч. 1—73
Серебрянка, р., ч. 1—131, 295
Серегов, д., ч. 1—58
Серпейский у., ч. 1—26
Серпухов, г., ч. 1—107, 124, 284, 287
Серпуховской у., ч. 1—106, 130
Сетунь, р., ч. 2—174
Сибирь, ч. 1—10, 11, 13, 14, 18, 22, 27, 28, 31, 34, 35, 37, 39, 40, 42, 43, 46—48, 53, 62, 67, 68, 69, 74, 84, 122, 124—128, 131, 136, 138, 141—143, 155, 162, 169, 173, 174, 183, 235, 239, 245, 250, 258, 267, 269, 271, 284, 289, 296, 310, 320, 321, 329, 333, 336, 338; ч. 2—13, 25, 61—63, 69, 74, 80, 98, 111, 128
Восточная Сибирь, ч. 1—11, 27, 32, 34, 40, 41, 46, 47, 66, 68, 74
Западная Сибирь, ч. 1—11, 27, 28, 31, 32, 34, 40, 66, 68, 69, 74, 130, 131, 142; ч. 2—38, 80
Сибирская земля, ч. 1—11, 66; ч. 2—74
Симбирск, г., ч. 1—36, 50, 61, 130, 289, 292, 293
Синая, г., *библ.*, ч. 2—209
Скопин, г., ч. 1—37, 74, 223
Скопинский у., ч. 1—45
Скнига, р., ч. 1—108
Смоленск, г., ч. 1—5, 125, 130, 234, 243, 244, 250, 260, 267, 269, 274, 278, 282, 284, 289, 293; ч. 2—32, 67, 68, 106, 282, 284, 292
Смоленский у., ч. 1—35, 53, 63, 65, 321
Сокольск, г., ч. 1—247
Соловецкие о-ва, ч. 2—162
Соловецкий монастырь, ч. 1—13, 33, 49, 58, 59, 98, 135, 220, 271, 272, 274; ч. 2—182, 240, 242, 249
Сологменская в., ч. 1—120
Солотчинский монастырь, ч. 2—206
Соль Вычегодская (Сольвычегодск), г., ч. 1—36, 46, 58, 59, 66, 67, 95, 150, 177; ч. 2—253, 254
Благовещенский собор, ч. 2—157, 158, 210
Сольвычегодский у., ч. 1—25, 34, 44, 63, 66; ч. 2—62, 201, 240
Соль Галицкая, г., ч. 1—55, 56, 61
Соль Камская, г., ч. 1—55, 58, 59, 141; ч. 2—61, 142
Соликамский у., ч. 1—27, 58, 59
Сольцы, посад, ч. 1—174
Сосенка, р., ч. 1—295
Средняя Азия, ч. 1—130, 131
Спас-Вежи, с, ч. 2—197
церковь, ч. 2—197
Спасо-Прилуцкий монастырь, ч. 1—30, 33, 37, 39, 42, 44, 53, 58, 135, 274; ч. 2—240
Спасское, с, ч. 1—50
Ставропольская волость, ч. 1—246
Стамбул, г., ч. 1—12
Старая Русса, г., ч. 1—34, 55, 57
Старорусский у., ч. 1—57, 246
Старицкий у., ч. 1—2, 33, 45
Старо-Шеминск, г., ч. 1—293
Старое Село, ч. 1—87
Старый Оскол, г., ч. 1—285
Степановское, с, ч. 1—29, 37
Стокгольм, г., ч. 1—155
Стрелка, д., ч. 1—73
Суздаль, г., ч. 1—61, 103, 171, 178, 180, 285, 290; ч. 2—191, 214, 231
Кремль, ч. 1—285, 290
Спасо-Евфимиевский монастырь, ч. 2—191, 231
Преображенский собор, ч. 2—231
Суздальский у., ч. 1—26, 35
Сумарокова пустошь, ч. 1—120
Сумерская волость, ч. 1—246
Сумская волость, ч. 1—57, 58
Сургутский у., ч. 1—66
Сурск, г., ч. 1—292
Сухона, р., ч. 1—129, 141, 142
Сызрань, г., ч. 1—130, 293
Сысольская земля, ч. 1—65
Таганрог, г., ч. 1—183
Тагил, р., ч. 1—131
Таймыр, п-ов, ч. 1—131
Тайнинское, с, ч. 2—191
храм, ч. 2—191
Талицкий, г., ч. 1—239, 286
Тамбов, г., ч. 1—26, 290, 292
Тамбовский у., ч. 1—26, 34, 53
Тверь, г., ч. 1—37, 104, 230, 280; ч. 2—61, 230, 240
Тверская губ., ч. 2—68
Тверская земля, ч. 1—190
Тверской у., ч. 1—29, 35, 45, 71
Тверца, р., ч. 1—129
Темниковский у., ч. 1—73
Терек, р., ч. 1—50, 64, 268; ч. 2—62
Тетоши, г., ч. 1—130
Тинск, г., ч. 1—293
Тихвин, г., ч. 1—62, 124, 125
Тихвинский посад, ч. 1—36, 127, 170, 188, 192, 194, 197
Тихий океан, ч. 1—5, 11
Тобол, р., ч. 1—27, 69, 131
Тобольск, г., ч. 1—69, 127; ч. 2—39, 108, 128
Тобольский у., ч. 1—27, 46, 47, 321
Томск, г., ч. 1—10, 69, 127

- Томский у., ч. 1—27, 46, 47, 66, 321
Торжок, г., ч. 1—100
Тотемский у., ч. 1—25, 44, 63
Тотьма, г., ч. 1—36, 55, 58, 59, 87
Троице-Гледенский монастырь, ч. 1—33, 36, 44, 53
Троице-Лыково, с, ч. 2—202
храм, ч. 2—202
Троице-Сергиев монастырь, ч. 1—16, 56, 231, 284; ч. 2—33, 68, 72, 106, 107, 161, 162, 170, 181, 184, 190, 200, 206, 214, 228, 229, 240, 242, 265, 291, 302
церковь Зосимы и Савватия, ч. 2—184
Троицкий собор, ч. 2—170
Успенский собор, ч. 2—228, 229
Троицкое-Голенишево, с, ч. 2—174
храм, ч. 2—174
Тулгим, г., ч. 1—93, 108
Тула, г., ч. 1—103, 106, 107, 112, 124, 172, 181, 183, 236, 247, 267, 268, 270, 276, 282, 284, 286, 287, 290, 291
Тульский у., ч. 1—12, 26, 35, 106
Тулица, р., ч. 1—108; Ч. 2—59
Тура, р., ч. 1—131
Туринский у., ч. 1—27, 46
Турция, ч. 1—6, 240, 242, 278, 282, 291, 304; ч. 2—68, 132, 275, 309
Тутаев (бывший Романов-Борисоглебск), г., ч. 2—172, 186, 229
Воскресенский собор, ч. 2—186, 230
Тюмень, г., ч. 1—183
Тюменский у., ч. 1—27, 46
Уборы, с, ч. 2—202, 205
храм Спаса, ч. 2—202, 205
Углич, г., ч. 1—280; ч. 2—13, 174, 188, 197, 227, 229
Алексеевский монастырь, ч. 2—174, 197
Воскресенский монастырь, ч. 2—188
церковь Рождества Иоанна Предтечи, ч. 2—188
Угодка, р., ч. 1—108
Угрешский монастырь, ч. 1—316
Угорская волость, ч. 1—65
Украина, ч. 1—12, 122, 155, 158, 160, 161, 173, 239, 240, 267, 274, 284, 293, 302, 304, 307, 320; ч. 2—45, 53, 61, 67, 74, 75, 87, 88, 129, 140, 145, 146, 150, 221, 240, 248, 279, 281, 301, 310
Левобережная Украина, ч. 1—11, 23, 240
Слободская Украина, ч. 1—62, 293
Умайка, р., ч. 1—73
Умба, р., ч. 1—57
Уна, р., ч. 1—57
Урал, ч. 1—9, 11, 27, 31, 34, 37, 39, 48, 94, ПО, 121, 127, 130, 162; ч. 2—38, 80
Западный Урал, ч. 1—27, 31
Южный Урал, ч. 1—27
Ургенч, г., ч. 1—130
Уренск, крепость, ч. 1—292
Урыва, р., ч. 1—294
Усерд, крепость, ч. 1—293
Усово, с, ч. 1—52
Усолье Камское, ч. 1—142
Усольский у., ч. 1—66, 90
Усть-Кут, г., ч. 1—142
Устюг Великий, г., ч. 1—20, 36, 46, 62»
67, 76—78, 84—88, 90, 91, 93—96, 99, 100—104, 125, 126, 128, 134, 135, 170, 178, 337; ч. 2—63, 114, 179, 232, 240, 262
Вознесения церковь, ч. 2—179, 260
Николы на Приводине храм, ч. 1—79
Спасская церковь, ч. 1—82
Устюжна-Железопольская, г., ч. 1—20, 62, 124, 269; ч. 2—201
Устюжский у., ч. 1—25, 44, 79, 85; ч. 2—128, 309
Устьянская в., ч. 1—44
Фарат, г., ч. 1—130
Фили, с, ч. 2—196, 202, 204, 205
Покрова церковь, ч. 2—202, 204, 205
Финский залив, ч. 1—175, 234
Флоренция, г., ч. 2—129
Фоймогубская волость, ч. 1—110
Франкфурт, г., ч. 2—70
Франция, ч. 1—9, 242, 243; ч. 2—70, 130
Фрязино, с, ч. 1—87
Харьков, г., ч. 1—284, 295
Хвалынское море, см. Каспийское море
Холмогоры, с, ч. 1—87, 93, 95, 128, 135, 175, 181; ч. 2—51, 56, 265
Холмогорская земля, ч. 1—142
Холопий городок, ч. 1—128
Хопер, р., ч. 1—172
Хорошово, с, ч. 2—171
Царицын, г., ч. 1—51, 130
Царьград, г., ч. 2—94
Центр, ч. 1—16, 28—30, 33, 37, 45, 55, 65, 66, 127, 184, 231
Цна, р., ч. 1—257
Чашниково, с, ч. 1—37; ч. 2—69
Чебоксары, г., ч. 1—130
Челновая, р., ч. 1—292
Чердынь, с, ч. 1—142
Черемша, г., ч. 1—293
Черкасво, с, ч. 1—108
Чернавск, г., ч. 1—239
Чернигов, г., ч. 1—234
Черное море, ч. 1—241; ч. 2—273
Чигирин, г., ч. 1—252
Чигиринские горы, ч. 1—252
Чугуев, г., ч. 1—51, 239, 295
Чуднов, г., ч. 1—251, 264
Чусовая, р., ч. 1—131
Швеция, ч. 1—6, 130, 152, 159, 234, 243, 268, 269; ч. 2—45, 306
Шведненская волость, ч. 1—100
Шексна, р., ч. 1—69, 70
Шемаха, г., ч. 1—130
Ширков погост, ч. 2—198
церковь, ч. 2—198
Шоша, р., ч. 1—71
Шпицберген, о-в (о-в Груман), ч. 1—131
Шуереевское, с, ч. 2—198
храм, ч. 2—198
Шунгский погост, ч. 1—110
Шуя, г., ч. 1—10, 175; ч. 2—24, 61, 146
Юг, ч. 1—26, 28, 31, 35
Юрьев-Ливонский, г., ч. 1—124

Юрьев-Польский, г., ч. 2—214
Юрвец, г., ч. 2—224, 301
Кривоезерский монастырь, ч. 2—224
Юрьевский у., ч. 1—26

Яблонов, г., ч. 1—292, 294
Янк, р., ч. 1—70, 130
Яйва р., ч. 1—142
Якутск, г., ч. 1—67, 142, 287; ч. 2—62
Якутский у., ч. 1—66
Ямал, п-ов., ч. 1—131
Яренский у., ч. 1—34
Ярополская волость, ч. 2—25
Ярославль, г., ч. 1—10, 20, 67, 69, 76,
87, 91, 92, 95, 98, 100—104, 108, 124,
125, 128, 130, 146, 175, 177, 178, 203,
245, 284, 286; ч. 2—56, 164, 172, 176,
182—186, 188, 201, 213, 224, 227,
229—232, 253, 268, 269, 274
Богоявления церковь, ч. 2—185, 231
Варвары Великомученицы церковь,
ч. 2—268

Ильи пророка церковь, ч. 1—203;
ч. 2—56, 183, 184, 186, 230, 231, 269
Иоанна Златоуста в Коровниках цер-
ковь, ч. 2—184, 232
Иоанна Предтечи в Толчкове цер-
ковь, ч. 2—185, 201, 231
Коровническая слобода, ч. 2—184
Николы Мокрого церковь, ч. 1—203;
ч. 2—185, 230
Николы Надеина церковь, ч. 2—172,
173, 213, 214
Рождества Христова церковь, ч. 2—
184, 231
Спаса на Городу церковь, ч. 2—231
Спасский монастырь, ч. 1—177; ч. 2—
172, 296, 302
Ярославский край, ч. 1—52, 100
Ярославский у., ч. 1—34, 45, 97, 108, 124
Яуза, р., ч. 1—48, 61, 108, 117, 118, 258,
269; ч. 2—202

СОДЕРЖАНИЕ

- 5 БЫТ И ПРАВЫ ✓
А. К. Леонтьев
- 30 ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ
В. С. Шульгин
- 47 ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ЗНАНИЯ
Р. А. Симонов, В. К. Кузаков, М. К. Кузьмин
- 71 ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ
А. М. Сахаров
- 77 РУССКИЙ ЯЗЫК
Г. А. Хабургаев
- 91 НАРОДНОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ✓
Н. И. Кравцов
- 105 ЛИТЕРАТУРА V
О. В. Орлов
- 126 ТЕАТР И ДРАМАТУРГИЯ
О. А. Державина
- 142 ШКОЛА И ПРОСВЕЩЕНИЕ ✓
А. И. Rogov
- 155 КНИГОПЕЧАТАНИЕ ✓
А. И. Rogov
- 170 АРХИТЕКТУРАХ/
М. А. Ильин
- 208 ЖИВОПИСЬ ✓
Ю. Г. Малков
- 239 ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО
И. А. Бобровницкая, М. В. Мартынова
- 276 МУЗЫКА ✓
А. И. Rogov
- 288 РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ V
В. С. Шульгин
- 313 *Список сокращений*
- 314 *Именной указатель*
- 3 3 2 *Географический указатель*